

рожда, запрещено перепечать.

13го Декабря.
1855г.

НЕ КОПИРОВАТЬ

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ ⁸⁰¹⁻¹⁴ 3307

ЗАКОНОВѢДНІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

Доктора правъ и Ординарнаго Профессора Энциклопедіи Законовѣднiя и Учрежденiй Россiйской Имперiи въ Университетѣ Св. Владимiра

Константина Неволина.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Введеніе въ Энциклопедію Законовѣднiя, общаѧ часть еѧ и первая половина особенной части.

1073
арх 3
КІЕВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

1839.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный
Комитетъ три экземпляра, Кіевъ, 20 Октября, 1859 года.

Цензоръ С. Богородскій.

Издавая на отечественномъ языкѣ сочиненіе, которому, во всемъ его объемѣ, наша литература и, смѣю сказать, даже иностранная, доселѣ не представляютъ подобнаго, я надѣюсь, что оно будетъ принято моими соотечественниками съ вниманіемъ, приличнымъ предмету, въ немъ излагаемому. Носимое мною званіе давало мнѣ, какъ я думаю, право и вмѣстѣ возлагало на меня обязанность предпринять такой трудъ; какъ онъ выполненъ, предоставляется судить ученымъ, знающимъ, на какой ступени развитія находится въ настоящее время наука, для которой онъ предпринятъ. Читателями для своего сочиненія я предполагаю

2014334287

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ВВЕДЕНІЕ 1.

Общая часть Энциклопедіи законовѣдѣнія.

Раздѣлъ I. О законахъ, какъ предметъ законовѣдѣнія . . . 22.

Глава I. О существѣ закона 23.

Отдѣленіе I. О существѣ закона вообще —

I. О существѣ права —

II. О существѣ правъ и обязанностей . . . 40.

III. Понятіе закона 42.

Отдѣленіе II. О существѣ закона внѣшняго . . . 44.

I. О правдѣ во внѣшнемъ обществѣ —

II. О правахъ и обязанностяхъ во внѣшнемъ
обществѣ 46.

III. О законахъ во внѣшнемъ обществѣ . . . 47.

Глава II. О происхожденіи и постепенномъ обра-
зованіи законовъ 51.

Отдѣленіе I. О происхожденіи и образованіи
законодательствъ вообще въ
родѣ человѣческомъ 52.

Отдѣленіе II. О происхожденіи и постепенномъ
образованіи законовъ внутри
одного государства 55.

I. О происхожденіи и постепенномъ образо-
ваніи законовъ со стороны ихъ формы . . 58.

II. О происхожденіи и постепенномъ обра-
зованіи законовъ со стороны ихъ со-
держанія 67.

1. Семейство 68.

2. Родъ 74.

3. Гражданское общество 77.

4. Государство 80.

5. Союзъ народовъ 83.

*людей, имѣющихъ образованіе, какое вообще
можно получить въ нашихъ среднихъ учебныхъ за-
веденіяхъ. Для такихъ читателей, надѣюсь, мое
сочиненіе будетъ во всѣхъ своихъ частяхъ совер-
шенно понятно.*

К. Н.

Октября 12 дня, 1839 г.

Г. Кіевъ.

Глава III. О раздѣленіи законовъ на ихъ главныя роды и виды	85.
I. Законы государственные	87.
II. Законы гражданскіе	90.
III. Законы союза народовъ или право на- родное	92.
Раздѣлъ II. О законоуѣднѣніи въ общемъ его составѣ . .	93.
Глава I. О содержаніи законоуѣднѣнія	96.
Отдѣленіе I. О содержаніи законоуѣднѣнія, раз- сматриваемаго въ самомъ себѣ	97.
I. Общій обзоръ содержанія и наукъ законо- уѣднѣнія	—
II. Содержаніе законоуѣднѣнія въ его идеѣ и действительности	104.
Отдѣленіе II. О содержаніи законоуѣднѣнія, раз- сматриваемаго въ его отноше- ніи къ другимъ родамъ позна- ній, или о вспомогательныхъ на- укахъ законоуѣднѣнія	107.
Глава II. О формѣ законоуѣднѣнія	117.
Отдѣленіе I. О формѣ законоуѣднѣнія, рассматри- ваемаго въ его бытіи	—
Отдѣленіе II. О формѣ законоуѣднѣнія, рассматри- ваемаго въ его происхожденіи	120.

Особенная часть Энциклопедіи Законоуѣднѣнія.

ВВЕДЕНІЕ 149.

Исторія философіи законодательства 163.

Древняя исторія философіи законодательства 167.

 Періодъ I. Отъ Фалеса до Сократа 170.

 Періодъ II. Сократъ и его школа 180.

 Отдѣленіе I. Сократъ и обзоръ школъ отъ
 него происшедшихъ 180.

 Отдѣленіе II. Платонъ и Аристотель 183.

 А. Платонъ 183.

 Б. Аристотель 223.

Отдѣленіе III. Философія стоическая, эпикурей- ская, скептическая	256.
А. Философія стоическая	—
Б. Философія эпикурейская	258.
В. Скептицизмъ	259.
Періодъ III. Греческая философія между Римлянами и Восточными народами	261.
Отдѣленіе I. Греческая философія между Римля- нами	262.
Отдѣленіе II. Греческая философія между Вос- точными народами	268.
Общія замѣчанія о древней философіи законодательства . .	270.
Новая исторія философіи законодательства	279.
Періодъ I. Со времени возстановленія наукъ на западѣ Европы до Бакона и Декарта	283.
Отдѣленіе I. Макиавель, Томасъ Морусъ, Бо- денъ, Ольдендорпъ, Геммингъ, Винклеръ	288.
Отдѣленіе II. Гуго Гроціи	293.
Періодъ II. Отъ Бакона и Декарта до Канта	315.
Отдѣленіе I. Англійская опытная философія, основанная Бакономъ	316.
А. Системы самолюбія	323.
I. Гоббесъ	—
II. Локкъ	338.
Б. Системы доброжелательства	347.
I. Кумберландъ	348.
II. Шеффебуръ	354.
III. Гутчесонъ	355.
IV. Юмъ	360.
V. Адамъ Смитъ	374.
VI. Фергюсонъ	377.
В. Системы сообразности дѣяній съ предметами . .	385.
I. Самуиль Кларкъ	—
II. Уолластонъ	387.
Г. Система безусловнаго одобренія или не-	

одобренія разумомъ дѣлній (Присъ)	394.
Отдѣленіе II. Французско-Нѣмецкая умозритель- ная философія, основанная Де- картомъ	395.
А. Система, ограничивающая предписанія за- кона естественнаго цѣлями настоящей жизни	400.
I. Пюфендорфъ	—
II. Томазій	422.
1. Первоначальный образъ мыслей То- мазія	—
2. Измѣненный образъ мыслей Томазія; послѣдователи Томазія	433.
Б. Система, имѣющая въ виду при определе- ніи существа закона естественнаго сово- купность всехъ дѣйствій челоука и цѣли всей челоуческой жизни	447.
I. Спиноза	—
II. Лейбницъ	463.
III. Вольфъ	467.
Отдѣленіе III. Разрушительная Французская фи- лософія 18-го вѣка	484.
Общая замѣчанія на второй періодъ новой Исторіи фи- лософіи законодательства	508.
Періодъ III. Философія позднѣйшаго времени, начатая Кантомъ	523.
Отдѣленіе I. Субъективный идеализмъ Канта и Фихте	525.
I. Кантъ	—
II. Фихте	558.
Отдѣленіе II. Объективный идеализмъ Шеллинга	597.
Отдѣленіе III. Абсолютный идеализмъ Гегеля	611.
Общая замѣчанія на 3-й періодъ новой Исторіи филосо- фій законодательства	628.
Общий взглядъ на Исторію философіи законодательства	631.

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1.

Понятіе Энциклопедіи Законоуѣднія.

Литтература. Konopak über den Begriff und Zweck einer Encyclopädie im Allgemeinen und der Encyclopädie der Rechtswissenschaften im Besondern. Halle, 1800; 2-te Aufl. Halle, 1806. — Krug über den Zusammenhang der Wissenschaften unter sich und mit den höchsten Zwecken der Vernunft. Jena, 1795. S. 1-30. — Staudlin theologische Encyclopädie § 1. — Ср. также всѣ, какъ бы они ни назывались, общіе Энциклопедическіе лексиконы подъ словомъ: Энциклопедія, а особенно: Deutsche Encyclopädie, oder allgemeines Realwörterbuch aller Künste und Wissenschaften, 8-ter Band, Ei.-Erz. Frankf. am Mayn. 1783. 4.

Энциклопедія Законоуѣднія есть обзоръ Наукъ Законоуѣднія въ общей ихъ связи.

Примѣч. Слово: Энциклопедія; заимствовано отъ древнихъ Грековъ, у которыхъ впрочемъ вмѣсто сложнаго, имъ неизвѣстнаго, слова: *ἐγκυκλιαιδεία*, употреб-
лялись только выраженія: *ἐγκύκλιος παιδεία*, *παιδεία ἐν κύκλῳ* и т. п. — Слово: *ἐγκύκλιος*, происходя отъ *κύκλος*, кругъ, значить: 1) округлый, округленный; 2) возвращающійся въ извѣстномъ кругъ, порядкѣ; 3) общій, обык-

повенный⁽¹⁾. Слово: *παιδεία*, происходя от *παῖς* отрокъ, значить: 1) отроческое воспитаніе, наставленіе; 2) вообще воспитаніе, наставленіе; 3) ученость, познание⁽²⁾. На основаніи 2-го и 3-го изъ сихъ значеній, выраженіе: *ἐγκύκλιος παιδεία* или *παιδεία ἐν κύκλῳ* означало общее, обыкновенное наставленіе, общіе предметы воспитанія, ученія, и было замѣняемо выраженіемъ: *ἐγκύκλια μαθήματα*, или *συνήθη ἀγωγή*⁽³⁾. Въ техническомъ смыслѣ всѣ эти выраженія: *ἐγκύκλιος παιδεία*, *παιδεία ἐν κύκλῳ*, *ἐγκύκλια μαθήματα*, у древнихъ употреблялись для означенія опредѣленнаго круга наукъ и искусствъ, которымъ каждый молодой человѣкъ свободнаго состоянія долженъ былъ обучаться, если онъ хотѣлъ принадлежать къ числу людей благовоспитанныхъ⁽⁴⁾. Въ періодъ Александрійской Словесности сюда были относимы: Грамматика, Діалектика, Реторика, Музыка, Арифметика, Геометрія, и Астрономія⁽⁵⁾. Отъ Грековъ, какъ названіе: *ἐγκύκλιος παιδεία*, такъ и самая вещь перешли къ Римлянамъ, которые на своемъ языкѣ совокупность наукъ и искусствъ сего рода называли *Artes liberales*⁽⁶⁾. Какъ одно цѣлое, означенныя семь предметовъ были изучаемы и въ среднихъ вѣкахъ. Три первые изъ числа ихъ у Схоластиковъ назывались *trivium*, четыре послѣдніе *quadri-*

(1) См. сл. *ἐγκύκλιος* в *Schneider's griech. Lex. herausg. von Passow*. Особенно ср. *Isocr. Nicoel. p. 38. L. ἐν τοῖς ἐγκύκλοις καὶ τοῖς κατ' ἡμέραν γιννομένοις*. — *Demosth. p. 793. ὡς ἔδδ' τῶν ἰσων ἔδδ' τῶν ἐγκυκλίων δικαίων μεταστάων διδόντων οἱ νόμοι*.

(2) См. сл. *παιδεία* в *Schneider's griech. Lex. herausg. von Passow*.

(3) *Strabo I. p. 34, 8. τῆς ἐγκυκλίας καὶ συνήθους ἀγωγῆς τοῦ ἐλευθέρου μεταχρόνα*.

(4) *Athenai deipnosophistarum libri. Ed. Schaefer. Lips. 1796. p. 5*.

(5) *Eichhorn's Litterärsgeschichte, Hälfte I. Götting. 1799. § 102. — Joan. a Wover (van Woveren) de polymathia tractatio 1600 (et 1665) c. 2 et 24*.

(6) *Vitruv. de Architectura I, 1. VI, 6. — Quintilian. Instit. orat. I, 10*.

um. По возстановленіи наукъ на западѣ Европы, подъ именемъ Энциклопедіи первоначально разумѣли изложеніе свѣдѣній, принадлежащихъ къ опредѣленному кругу предметовъ, и притомъ какъ въ систематическомъ видѣ, такъ и въ видѣ несистематическомъ, напр. въ видѣ лексикона; какъ въ видѣ обширномъ, такъ и въ видѣ сокращенномъ⁽¹⁾. Въ семъ смыслѣ Энциклопедія раздѣлялась на всеобщую и частную, смотря потому, обнимала ли она весь кругъ, всѣ предметы человеческого вѣдѣнія, или только нѣкоторую часть ихъ. Къ этому значенію въ послѣдствіи времени присоединилось другое, впрочемъ съ нимъ сродное и непосредственно изъ него вытекающее. Подъ именемъ Энциклопедій стали разумѣть въ особенности систематическое изложеніе состава Наукъ, — какъ одной извѣстной Науки, такъ и опредѣленнаго круга Наукъ, или даже всей ихъ совокупности. Энциклопедія сего рода имѣетъ назначеніемъ раскрыть понятіе своей Науки, отсюда опредѣлить ея объемъ, вывести ея части, означить ея вспомогательныя Науки, указать способы къ лучшему ея изученію. Это есть какъ бы самое существенное, хотя и самое общее, содержаніе извѣстной Науки или опредѣленнаго круга Наукъ. Ясно, что Энциклопедія, въ такомъ значеніи слова, легко можетъ быть соединена съ Энциклопедією въ томъ смыслѣ, какъ ее доселѣ понимали, и притомъ въ различныхъ ея видахъ. Это нерѣдко и дѣлается, и произведеніе такого соединенія называется также Энциклопедією. Понятіе объ Энциклопедіи становится оттого еще болѣе обширнымъ и неопредѣленнымъ. Въ новѣйшія времена думали точнѣе опредѣлить его, взявши за основаніе производство слова Энциклопедія и употребленіе его у древнихъ, и, ссылаясь на первое изъ приведенныхъ нами выше значеній словъ: *ἐγκύκλιος* и *παιδεία*, и будтобы на словоупотребленіе древнихъ, утверждали, что Энциклопедія по самому ея словопроизводству и тому понятію, какое имѣли объ ней древ-

(1) Въ особенности когда говорится объ Энциклопедическомъ изложеніи Науки, то всегда разумѣется сокращенное ея изложеніе.

ніе, должна быть только систематическимъ, сокращеннымъ изложеніемъ главнѣйшихъ положеній Науки, и притомъ даже именно изложеніемъ, предназначеннымъ для тѣхъ, которые только начинаютъ изучать Науку (¹). Но такое ограниченіе совсѣмъ не оправдывается ни истиннымъ словоупотребленіемъ древнихъ, ни вторымъ и третьимъ изъ вышеприведенныхъ нами значеній словъ: *ἐγκύκλιος* и *παιδεία*. — Мы уже съ самаго начала сказали, что мы разумѣемъ подъ Энциклопедіею Законовѣдніе. Въ наукахъ при опредѣленіи словъ, чтобы ни значило известное слово по своему происхожденію, какое бы потому ни получили оно значеніе отъ употребленія, — главный вопросъ всегда состоитъ въ томъ, справедливо ли само въ себя, т. е. необходимо ли по существу своему то понятіе, которое мы соединяемъ съ даннымъ словомъ. Итакъ необходима ли Энциклопедія Законовѣднія въ томъ смыслѣ, какъ мы ее опредѣлили, — вотъ вопросъ, который теперь намъ представляется.

§ 2.

Необходимость Энциклопедии Законовѣднія.

Энциклопедія въ смыслѣ, нами изложенномъ, совершенно необходима какъ вообще, такъ въ особенности для начинающихъ и оканчивающихъ курсъ Наукъ Юридическихъ.

I. Энциклопедія необходима вообще.

1) Для непрерывнаго сохраненія связи между Науками Законовѣднія. Въ онѣ, занимаясь однимъ

(¹) Такъ думаетъ напр. Конопакъ въ своемъ сочиненіи, упомянутомъ въ началѣ параграфа. Держась со всею строгостію словопроизводства, онъ говоритъ даже, что Энциклопедія по своему должна имѣть своимъ предметомъ одну только матеріальную сторону науки и не должна входить въ разсужденія ни о пользѣ ея, ни объ ея Исторіи, ни о методахъ ея, ни о вспомогательныхъ ея Наукахъ.

известнымъ предметомъ, составляютъ одно цѣлое и должны быть изучаемы какъ одно цѣлое. Между тѣмъ, какъ по содержанію онѣ весьма многочисленны, такъ и образъ ихъ изложенія можетъ быть весьма различенъ. Отсюда раждается необходимость изучать ихъ болѣе или менѣе отдѣльно одну отъ другой, и притомъ въ теченіи продолжительнаго времени. Но при такомъ отдѣльномъ и продолжительномъ ихъ изученіи, общая связь между ними остается нераскрытою; ихъ совокупность представляется намъ не стройнымъ цѣлымъ, а собраніемъ разнородныхъ свѣдѣній; онѣ легко могутъ столкнуться между собою враждебнымъ образомъ. Это зло отвращаетъ Энциклопедія, которая обобщаетъ ихъ въ общей ихъ связи.

2) Для того, чтобы дать приличное мѣсто въ цѣлой системѣ предметамъ, общимъ для всѣхъ Наукъ Законовѣднія. Въ наукахъ Законовѣднія есть множество такихъ предметовъ. Будучи общими по своему содержанію, отъ того самаго сии предметы и не могутъ войти ни въ какую особенную науку. Между тѣмъ во всѣхъ наукахъ общее столько же важно, или еще важнѣе, сколько и особенное. По отношенію къ Наукамъ Законовѣднія оно составляетъ для себя приличное мѣсто въ Энциклопедіи, которая излагаетъ ихъ составъ во всей его цѣлости.

II. Энциклопедія необходима въ особенности для начинающихъ и оканчивающихъ курсъ Наукъ Юридическихъ.

1) Для начинающихъ.

а) Энциклопедія, обозрѣвая Науки Юридическія въ общей ихъ связи со стороны содержанія, тѣмъ самымъ даетъ начинающему твердыя точки, для того, чтобы онъ могъ установить свои понятія при изученіи Наукъ Законовѣднія. Безъ ней разнообразіе содержанія совершенно бы подавило его; въ

цѣломъ онъ видѣть бы предъ собою почти одинъ только хаосъ; онъ блуждалъ бы какъ будто въ странѣ неизвѣстной, среди обширнаго океана, не зная, гдѣ онъ находится, что лежитъ у него сзади, что спереди, — что по одну его сторону, что по другую.

б) Энциклопедія, обозрѣвая Науки Юридическія въ общей ихъ связи со стороны формы, указываетъ начинающему правильную методу изученія Законовъ. Безъ такого указанія онъ легко можетъ уклониться отъ прямого пути, можетъ сдѣлаться не твердымъ въ шагахъ своихъ; во всякомъ случаѣ долженъ будетъ идти къ своей цѣли слѣпо, безъ сознанія. — Правда, для тѣхъ, которые обучаются въ заведеніи, гдѣ весь порядокъ ученія опредѣленъ Правительствомъ, потребность Энциклопедіи въ этомъ отношеніи менѣе можетъ быть чувствительна. Но и они должны имѣть отчетливое познаніе о томъ, что съ ними и для нихъ дѣлается. Многое сверхъ того при изложеніи всякой науки, а слѣд. и Науки Юридическихъ, необходимо должно быть предоставляемо собственному занятію воспитанника; при этомъ знаніе правильного способа ученія для него необходимо. Еще болѣе нужно для него такое знаніе, когда онъ выходитъ его изъ учебнаго заведенія, когда онъ совершенно предоставляется себѣ самому, и когда тѣмъ не менѣе онъ все долженъ пополнять и распространять свои познанія.

в) Энциклопедія удовлетворяетъ естественному желанію учащагося — имѣть какое нибудь понятіе о предметахъ будущаго своего ученія, обозрѣть предварительно весь путь свой съ самаго начала до конца.

2) Для оканчивающихъ. Особенно важно и полезно можетъ быть такое Энциклопедическое обозрѣніе по окончаніи курса Наукъ Юридическихъ. Слабые очерки, въ какихъ Энциклопедія изобра-

жаетъ предметы, теперь получили для учащагося всю нужную полноту; изъ легкаго очерка развилась въ его духѣ живая картина. Энциклопедическое обозрѣніе при концѣ его поприща вдругъ охватываетъ въ его памяти все слышанное имъ въ продолженіи нѣсколькихъ годовъ; онъ оканчиваетъ свое ученіе такъ, какъ будто бы оно продолжалось только нѣсколько дней.

§ 3.

Самостоятельность Энциклопедіи Законовѣдѣнія какъ науки.

Энциклопедія Законовѣдѣнія, по нашему объ ней понятію, имѣя свою определенную задачу, принадлежитъ безъ всякаго сомнѣнія къ числу наукъ. Но есть ли это наука самостоятельная, отличная отъ совокупности Наукъ Законовѣдѣнія, или это есть не болѣе, какъ сокращенное изложеніе тѣхъ же самыхъ наукъ? Съ одной стороны она есть наука самостоятельная, направленная къ тому, чтобъ понять образованіе Наукъ Законовѣдѣнія и соединеніе ихъ въ одно цѣлое, — есть теорія ихъ состава, общескъ нимъ введеніе; съ другой стороны, по тому самому она есть вмѣстѣ и связанное, сокращенное ихъ изложеніе, небольшая модель величественнаго зданія.

§ 4.

Предметъ Энциклопедіи Законовѣдѣнія.

Энциклопедія Законовѣдѣнія, сообразно ея назначенію — обозрѣть Науки Законовѣдѣнія въ ихъ взаимной связи, первымъ и главнымъ своимъ предметомъ имѣетъ изложить систематически весь составъ Науки Законовъ. Въ семъ отношеніи она изъ одного общаго начала развиваетъ предъ нами все множество Наукъ Законовѣдѣнія и составныя части каж-

дой изъ нихъ, показывая, изъ какихъ наукъ складывается цѣлая система Законовѣдѣнія и на какія части дѣлится каждая особенная наука, входящая въ кругъ онаго. Но составъ каждой науки опредѣляется ея содержаніемъ и формою и безъ нихъ не можетъ быть вполнѣ понятъ. Посему Энциклопедія Законовѣдѣнія, излагая составъ Наукъ Законовѣдѣнія, въ тоже время, во вторыхъ, представляетъ намъ ихъ содержаніе и разнообразныя формы, — но сколько это нужно для уразумѣнія единства и цѣлости ихъ состава, т. е. въ видѣ обзора.

Связь между науками извѣстнаго рода, следовательно и между Науками Законовѣдѣнія, основывается на единствѣ ихъ предмета, и въ особенности на единствѣ частей или сторонъ, какія представляетъ сей предметъ для изслѣдованія. Чтобъ посему увидѣть въ совокупности наукъ извѣстнаго рода одно систематическое цѣлое, нужно во первыхъ опредѣлить понятіе или существо этого общаго ихъ предмета; во вторыхъ опредѣленное такимъ образомъ понятіе логически раздѣлить на его части и означить разными сторонами, въ немъ представляющіяся для изслѣдованія. (Дѣлаясь предметомъ особаго изслѣдованія, каждый изъ сихъ частей или сторонъ, даетъ чрезъ то бытіе особенной наукъ;) разсматривая одинъ и тотъ же предметъ, съ разныхъ только сторонъ или въ разныхъ его частяхъ, всѣ эти особенныя науки образуютъ потому одно систематическое цѣлое, суть одна наука, являющаяся только во множествѣ частей. Сказанное здѣсь вообще о наукахъ извѣстнаго рода можетъ быть приложено и къ каждой особенной наукъ въ этомъ родѣ. Та особая часть или сторона общаго предмета, которую она дѣлаетъ ближайшимъ предметомъ своего изслѣдованія, сама дѣлится опять на множество частей и представляетъ множество сторонъ для разсмотрѣнія. Каждая особенная наука получается такимъ образомъ множество подраздѣленій и является какъ совокупность многихъ наукъ. При изложеніи связи между науками

извѣстнаго рода, слѣд. и между Науками Законовѣдѣнія можно или ограничиться только опредѣленіемъ основнаго ихъ понятія и самымъ общимъ выводеніемъ ихъ отсюда, не углубляясь во внутренній организмъ той или другой изъ нихъ; или, кромѣ этого самаго общаго ихъ выводенія изъ основнаго ихъ понятія, разсмотрѣть нѣсколько ближе и внутренній составъ каждой изъ нихъ. Последнее для полнаго уразумѣнія связи между ними столько же необходимо, сколько и первое. Но это разложеніе состава каждой особенной науки не должно простирается слишкомъ далеко; иначе найденная связь при многосложности изысканій легко можетъ снова потеряться изъ вида.

Изъ того, что выше сказано объ отношеніи состава науки къ ея содержанію и формѣ, легко понять, что при такомъ изложеніи состава Наукъ Законовѣдѣнія будутъ въ то же время необходимо обозрѣны какъ ихъ содержаніе, такъ и разнообразныя ихъ формы.

§ 5.

Части Энциклопедіи Законовѣдѣнія.

На основаніи сказаннаго о предметѣ Энциклопедіи Законовѣдѣнія, она состоитъ изъ двухъ частей: части общей и части особенной. Въ первой опредѣляется основное понятіе Наукъ Законовѣдѣнія и на семъ основаніи излагается общій ихъ составъ, относительно какъ содержанія, такъ и формы; во второй систематически обозрѣвается составъ выводенныхъ такимъ образомъ особенныхъ Наукъ Законовѣдѣнія, также въ отношеніи къ содержанію и формѣ.

§ 6.

Исторія Энциклопедіи Законоуѣдѣнія.

Litteratur. Wenig Lehrbuch der Encyclopädie und Methodologie der Rechtswissenschaft. Landshut, 1821. § 25—35.

Энциклопедія Законоуѣдѣнія, въ смыслѣ, нами изложенномъ, есть наука довольно еще новая. Основываясь въ своемъ бытіи на потребности при отдѣльномъ, но тѣмъ не менѣе систематическомъ, изученіи множества наукъ извѣстнаго рода имѣть такую науку, которая бы служила общему ихъ связью, она предполагаетъ съ одной стороны существованіе многихъ отдѣльных Наукъ Законоуѣдѣнія, съ другой — стремленіе изучать ихъ въ системѣ. Ни у одного изъ древнихъ народовъ Законоуѣдѣніе не имѣло значительнаго объема; начало систематическому изученію Законовъ положено было только Римлянами. Въ среднихъ вѣкахъ во времена Римскіе, но также Церковные и Лонгобардскіе Лейные Законы (Каноническое и Лейное Право); впрочемъ въ это время не имѣли никакого понятія о системѣ, — преподаваніе было только экзегетическое и состояло въ истолкованіи словъ законныхъ книгъ. Итакъ Энциклопедія не могла существовать ни у древнихъ народовъ, ни въ среднихъ вѣкахъ.

При возстановленіи Наукъ на западѣ Европы, въ 16-мъ столѣтіи начали мало по малу оставлять экзегетическую методу глоссаторовъ и преподавать Законы, особенно Римскіе, въ систематическомъ порядкѣ, т. е. въ порядкѣ, основанномъ на внутренней связи предметовъ, не придерживаясь книгъ Юстиніановыхъ. Систематическая метода, естественно, имѣла своихъ противниковъ, такъ же какъ и

защитниковъ, и не прежде могла сдѣлаться господствующею, какъ послѣ упорной борьбы между тѣми и другими. Такимъ образомъ между учеными родился вопросъ: какая метода лучше? прежняя ли экзегетическая, или новая систематическая? По случаю сего вопроса въ 16-мъ и 17-мъ столѣтіяхъ писано было множество мелкихъ сочиненій методологическаго содержанія. Изъ числа ихъ особенно замѣчательно сочиненіе Лейбница: *Methodus nova discendæ docendæque Jurisprudentiæ*. Francfurt, 1668, in 12. Оно было писано собственно для Германіи и въ послѣдствіи времени имѣло большое вліяніе на преподаваніе въ ней Наукъ Законоуѣдѣнія. Въ Законоуѣдѣніи, такъ же какъ и въ Богословіи, Лейбницъ различалъ два рода наукъ: главныя и вспомогательныя. Къ главнымъ наукамъ онъ относилъ Догматику и Полемику, къ вспомогательнымъ — Исторію и Экзегетику. Характеръ каждой изъ сихъ Наукъ Законоуѣдѣнія былъ обозначенъ имъ съ точностію: определено внутреннее ихъ существо, выведены ихъ части, показано, что въ каждой наукѣ уже сдѣлано трудами ученыхъ, что остается еще сдѣлать. Вскорѣ послѣ изданія Лейбницемъ сего сочиненія частію на основаніи его плана, частію вообще въ слѣдствіе философскаго направленія вѣка, изученіе Законовъ въ Германіи было значительно расширено. Изъ числа положительныхъ Законодательствъ въ кругъ преподаванія введены, кромѣ Римскихъ, Лонгобардскихъ Лейныхъ и Церковныхъ Законовъ, собственно такъ называемые Нѣмецкіе Законы; Исторія Римскихъ и Нѣмецкихъ Законовъ сдѣлалась особеннымъ предметомъ ученія; разныя, по различію источниковъ и предметовъ, части Законоуѣдѣнія, какъ то: Философія Законодательства (или такъ называемое Право Естественное), Законы Государственные (Право Публичное), Законы Гражданскіе (Право Частное), Законы Уголовные, Право Народное, — были отдѣлены одна отъ другой и получили самостоятельное достоинство, какъ особыя науки. При систематическомъ изученіи такого множества наукъ, для сохраненія связи между ними и для отвращенія неу-

добствъ, какія возникаютъ, когда науки одного рода изучаются въ теченіи продолжительнаго времени и притомъ отдѣльно одна отъ другой и у разныхъ лицъ, необходимо требовалась особая наука, которая бы служила общимъ введеніемъ въ Науки Законоуѣднныя. Мы находимъ действительно, что уже въ 1685 г. Мартини читалъ въ Кильскомъ Университетѣ *Collegium isagogicum in universam Jurisprudentiam*, а Поттъ въ концѣ 17-го столѣтія писалъ въ подобномъ родѣ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Praecognita juris universi*. Духъ Вольфовой Философіи, повсюду стремившейся къ определенности, раздѣльности, постепенности и твердости понятій, особенно способствовалъ къ умноженію такихъ сочиненій и уроковъ. Извѣстнѣйшій ученикъ Вольфа Баронъ Иккштаттъ писалъ даже именно сочиненіе, сюда относящееся, подъ заглавіемъ: *Meditationes praeliminaries de Studio juris ordine atque methodo scientifica instituendo*, *Virceb.* 1731, 4. Отъ Философа Томазія мы также имѣемъ сочиненіе въ семь родѣ, подъ заглавіемъ: *Cautelae circa praecognita Jurisprudentiae*. *Halae.* 1710, 4. При основаніи Геттингенскаго Университета въ 1734 предположено было между прочими Науками Законоуѣднныя читать и общее къ нимъ Введеніе; въ первый разъ читалъ его въ семь Университетѣ Шмаусъ въ 1737 году, подъ названіемъ: *Collegium juris praeparatorium*. Пютеръ въ 1757 г. далъ этой наукѣ имя Энциклопедіи, — имя, которое въ то время начало становиться очень обыкновеннымъ для сочиненій, излагавшихъ общія свѣдѣнія изъ области извѣстной Науки или круга Наукъ. Въ половинѣ 18-го столѣтія преподавали ее уже во всѣхъ почти Нѣмецкихъ Университетахъ подобно тому, какъ въ слѣдствіе одинаковыхъ причинъ было введено преподаваніе Энциклопедіи Наукъ Богословскихъ. Но всѣ эти уроки Энциклопедическіе ограничивались только общимъ определеніемъ предмета Законоуѣднныя, указаніемъ частей, изъ какихъ состоитъ Наука Законовъ, и начертаніемъ методы, какой должно слѣдовать при ея изученіи и преподаваніи. Нетѣлбладтъ внесъ въ Энциклопедію историческое обо-

зрѣніе источниковъ Законодательства (вышнюю Исторію Права); Рейтмейеръ (въ 1785 г.) историческое обзорніе и внутренняго содержанія Законовъ (внутреннюю Исторію Права). Въ теченіи времени явилось послѣ того множество Энциклопедій того и другого рода. Ни въ которую изъ нихъ не входило обзорніе содержанія самой важнѣйшей въ Законоуѣднны Науки, т. е. Философіи Законодательства; Шмальцъ пополнилъ сей недостатокъ ⁽¹⁾. Всѣ эти Энциклопедіи, да и другія, будучи произведеніемъ Нѣмецкимъ, ограничивались только обзорніемъ Законовъ, дѣйствующихъ въ Германіи; въ новѣйшія времена стали наконецъ въ самой Германіи обращать вниманіе на Законы другихъ народовъ и даже обозрывать Законодательство во всей цѣлости и непрерывности его всемірно-историческаго развитія. Отъ Нѣмецкихъ ученыхъ понятіе Энциклопедіи Юридической, какъ оно образовалось въ теченіи 18 и 19-го вѣка, заимствовали и другіе народы, стараясь приложить его къ своимъ Законамъ. Впрочемъ Исторія таковыхъ покушеній не представляетъ намъ явленій всеобщепримѣчательныхъ.

Въ нашемъ отечествѣ первое начало преподаванія Энциклопедіи Законоуѣднныя относится къ царствованію Александра I. Въ Уставѣ Высшаго Училища Правовѣднны 1805 г. ⁽²⁾, закрытаго впрочемъ уже

⁽¹⁾ Энциклопедіи, которыя ограничиваются только указаніемъ предметовъ Законоуѣднныя, главныхъ составныхъ частей его, источниковъ, способовъ его изученія и вспомогательныхъ его наукъ, и слѣд. очерчиваютъ область Законоуѣднны преимущественно въ высшемъ образѣ и со стороны его общей формы или общаго состава, называются въ Германіи формальными или внѣшними Энциклопедіями; Энциклопедіи, занимающіяся обзорніемъ самаго содержанія Законовъ, называются матеріальными или внутренними; Энциклопедіи, въ коихъ соединяется то и другое, — смѣшанными. Прислѣ же часть Энциклопедіи, которая разсуждаетъ о способѣ, какому должно слѣдовать въ изученіи Законовъ, носитъ въ особенности названіе Методологіи. Изъ числа Энциклопедій, приведенныхъ ниже въ § 7-мъ, относится къ смѣшаннымъ Энциклопедіямъ: Мюленбруха, Гуго; къ формальнымъ: Тибо, Венка, Фалька; къ матеріальнымъ: Рейтмейера, Гуге-анда и проч.

⁽²⁾ 1805 Авг. 1. (21860).

въ 1809 г., а въ 1816 г. и совершенно упраздненаго ⁽¹⁾, равно какъ и въ Уставъ Главнаго Педагогическаго Института 1816 ⁽²⁾, преобразованнаго потомъ, въ 1819 г., въ С. Петербургскій Университетъ, она поименована между предметами, которые должны быть преподаваемы въ сихъ учебныхъ заведенияхъ. Но, сколько извѣстно, изученіе Энциклопедій у насъ въ то время не могло пустить глубокихъ корней. Въ царствованіе нынѣшняго Государя Императора она введена въ кругъ преподаванія какъ во всехъ Россійскихъ Университетахъ ⁽³⁾, такъ и во вновь учрежденномъ Императорскомъ Училищѣ Правовѣднѣя ⁽⁴⁾. — Что касается изданія въ свѣтъ сочиненій, относящихся къ Энциклопедіи Законовѣднѣя, ея обработываніе въ Россіи доселѣ не было еще довольно плодотворно. Первымъ у насъ по времени сочиненіемъ сего рода подлежало бы назвать Юридическую Грамматику Правикова, 1803 г., еслибъ ея содержаніе не было слишкомъ ограничено. За тѣмъ слѣдуютъ два небольшія сочиненія Сандунова (1820) и Смирнова (1821) о способѣ изученія Россійскихъ Законовъ. Сочиненіе Дегаля: *Пособіа и правила изученія Россійскихъ Законовъ*, 1831 г., представляетъ намъ уже настоящую, хотя краткую, Энциклопедію и Методологію Россійскаго Законовѣднѣя. Наконецъ должны быть упомянуты Энциклопедическія сочиненія Штекгардта, Профессора, вызваннаго изъ Германіи, но писанныя въ Россіи и для Русскихъ.

§ 7.

Литтература Энциклопедіи Законовѣднѣя.

Литтература. Сочиненія, вышедшія съ начала 16-го до половины 18-го вѣка, почти вполнѣ помне-

⁽¹⁾ 1816 Февр. 29. (26170).

⁽²⁾ 1816 Дек. 23. (26575). § 39.

⁽³⁾ 1833 Дек. 25. (6670). Уставъ Университета Св. Владиміра, § 34. — 1835 Июля 26. (8337). Общій Уставъ Россійскихъ Университетовъ. § 12.

⁽⁴⁾ 1835 Мая 29 (8185) § 26. — 1838 Июля 27 § 13.

поны въ Struvii Bibliothecae juris selecta Ed. 8-va, quam curavit Buder, Jenae, 1756, p. 326—331; историческое ихъ обозрѣніе находится у *Брункеля* (*Brunquell isagoge in universam jurisprudentiam, diss. prælim.* § LXXXI—LXXXIV, in opusculis Tom. II p. 964). Сочиненія, писанныя въ Германіи съ половины 18-го вѣка, болѣею частію означены у *Эрша* (въ *Litteratur der Jurisprudenz und Politik*. 2-te Ausg. Leipzig, 1825, S. 6. folg.). Сверхъ того должно упомянуть: *Lipenii Bibliotheca realis juridica*, въ первый разъ 1676, post *Struvii et Jenichenii curas emendata et locupletata*. Leipzig, 1757, 2 тома въ лѣсъ (подъ словомъ *Methodus juris*). *Supplementa et emendationes*, 1-r Band von *Shott*. Leipzig, 1775, fol. (подъ тѣмъ же словомъ). 2-r Band von *Senkenberg*. Leipzig, 1789. fol. (подъ тѣмъ же словомъ). 3-r und 4-r Band von *Madlin*. Breslau, 1817 und 1820 fol. (подъ словами *Encyclopädia* и *methodus*).

Сочиненія, относящіяся къ Энциклопедіи Законовѣднѣя, можно раздѣлить вообще на два разряда.

A. Сочиненія, писанныя съ начала 17-го до 2-й четверти 18-го вѣка, имѣющія своимъ предметомъ указаніе метода, какому должно слѣдовать при изученіи или преподаваніи Законовъ. Число ихъ весьма велико. Изъ замѣчательнѣйшихъ Юристовъ сего времени нѣтъ, можетъ быть, ни одного, который бы не изложилъ, подъ тѣмъ или другимъ заглавіемъ, своихъ мыслей о способѣ изученія Законовъ.

a) Собранія нѣсколькихъ такихъ сочиненій.

Jurisconsultorum veterum et recentium tractatus varii de studio legali recte instituendo. Coloniae. 1580, во второй разъ тамъ же 1585. 8.

Сочиненія, помѣщенные въ этомъ собраніи, нигдѣ не были прежде того печатаны. Слѣдующее напро-

тивъ собраніе содержитъ въ себѣ сочиненія, которыя уже прежде были издаваемы отдѣльно:

Nicolai Reussneri Cynosura juris. Spiraе. 1588. 8.

Польза и особенное достоинство этого собранія побудилъ Будера предпринять новое, подъ заглавіемъ:

De ratione ac methodo studiorum juris illustrium et praestantissimorum Jurisconsultorum selecta opuscula. Jenae. 1724. 8.

б) Сочиненія, кромѣ вошедшихъ въ означенныя собранія, изданныя отдѣльно или при другихъ сочиненіяхъ. Замѣчательны:

Самое древнѣйшее есть *Joannis Baptistae de Gazarupis s. Saccialupi de modo studendi in utroque jure;* вышло въ Парижѣ, въ 1518 г., 8.

Joannis Calvini de studio juris recte instituendo. Francofurti. 1600. 8.

Michaelis Tenberi, Hermannii Vulteii et Aegidii Mommerii tractatus tres de modo discendi, docendi et exercendi jura. Lichae. 1605. 8.

Ottonis Melandri de modo discendi et docendi jura. Lichae. 1605. 8.

Hieronymi Hastaei de jurisprudentiae methodis. Venetiis. 1615. 4.

Christophori Besoldi dissertatio de addiscenda et exercenda jurisprudentia. Tubingae. 1616. 4.

Diodori Tuldeni via consultissima ad jurisprudentiam. Coloniae. 1624. 4. и его же слово *de methodo docendi discendique commodissima*, находящееся между его orationes auspicales. N. XII. p. 55.

Christophori Waltheri methodus studendi jura. Coloniae. 1639. 8.

Claudii de Chaillon de Cabinol Methodus brevis discendi juris. Parisiis. 1644. 8.

Henrici Ernstii methodus juris civilis discendi. Sorae. 1647. 4.

Christiani Henelii Statua Mercurialis, seu via recta ad augusta adyta Sacrae Themidos. Coloniae Marchicae. 1661. 12.

Godofr. Guilielmi Leibnitii Nova methodus jurisprudentiae discendae docendaeque. Francofurti. 1668. 12.

Petri Mülleri Tractatio de studio juris tractando. Duderstadti. 1670. 4.

Joachimi Martini Unversfärth Pädiae jurisprudentiae liber unus. Hallis Saxonum. 1675. 8. Здѣсь въ гл. XXI говорится *de methodo docendi et discendi jurisprudentiam.*

Chr. Thomasii Programma de methodo discendi jurisprudentiam. 1686. — Ejusdem Cautelae circa praecognita jurisprudentiae. Halae. 1710. 4.

Cornelii van Eck Oratio de ratione studii juris recte instituendi. Trajecti ad Rhenum. 1693. 4.

Pott Praecognita juris universi. Edit. II. Jenae. 1699.

Б. Сочиненія энциклопедическія, писанныя со второй четверти 18-го столѣтія до нашихъ временъ, и имѣющія своимъ предметомъ какъ методъ, такъ и самое содержаніе Законовъдѣнія.

а) Въ Германіи.

Германія по отношенію къ законовъдѣнію представляетъ безчисленное множество какъ сочиненій исключительно методологическихъ, такъ и вообще Энциклопедій. Первыя теперь совершенно потемнѣютъ послѣдними. Рѣдкой изъ знаменитыхъ законовъдѣвъ Германіи не написалъ своей Энциклопедіи Законовъдѣнія. Мы означимъ важнѣйшія сочиненія.

J. A. L. B. ab Ickstatt Meditationes praeliminares de studio juris ordine atque methodo scientifica instituendo. Wirceburg. 1731. 4. (In opp. Ingolst. 1747. tom. I. p. 5.)

J. J. Schmauss Entwurf eines Collegii juridici praeparatorii. Göttingen. 1737. 8. Cp. Hugo's. Civil. Magaz. 2-r Bd. 3-s Hft.

D. Nettelbladt Præcognita universæ eruditionis generalia et in specie jurisprudentiæ naturalis tanquam positivæ. Hal. 1748. 8. — *Præcognita jurisprudentiæ positivæ generalia*. Halæ. 1759. 8. Находится и въ ero Nova introd. in jurisprudentiam positivam Germanorum communem. Hal. 1772. 8. — *Ejusdem* Introductio in jurisprudentiam positivam Germanorum communem. Halle. 1761. 8. Ed. 2-da 1780, ed. 3-tia 1790. — *Desselben* Abh. von dem ganzen Umfange der natürlichen und der in Deutschland üblichen positiven gemeinen Rechtsgelehrtheit. Halle. 1772. — *Ej.* Systema elementare doctrinarum propædænticarum jurisprudentiæ positivæ Germanorum communis. Hal. 1781.

H. Ch. de Senkenberg Methodus jurisprudentiæ. Francof. a. M. 1756. 4. — *Desselben* vorläufige Einleitung zu der ganzen in Deutschland üblichen Rechtsgelehrtsamkeit. Nordlingen. 1762, 1764. 8.

J. St. Pütter Entwurf einer juristischen Encyclopädie. Götting. 1757. 8. — *Desselben* neuer Versuch einer jurst. Encyclopädie und Methodologie. Götting. 1767.

A. F. Schott Entwurf einer juristischen Encyclopädie und Methodologie. Leipzig. 1772. 5-te Aufl. 1793. — 6-te Aufl. besorgt von Jac. F. Kees. Leipz. 1794. 8.

J. Fr. Gildemeister juristische Encyclopädie und Methodologie. Duisb. 1783. 8.

J. Fr. Reitemeier Encyclopädie und Geschichte der Rechte in Deutschland. Götting. 1785. 8.

W. G. Tafinger Encyclopädie und Geschichte der Rechte in Deutschland. Erlangen. 1789. 2-te Aufl. Tübing. 1800. — *Desselben* Versuch einer juristischen Methodologie. Tübing. 1794. 8.

Th. Schmalz Encyclopädie des gemeinen Rechts. Königsb. 1790. — 2-te Aufl. 1804. 8. — 3-te Aufl. Berlin. 1827. (lateinisch). — *Desselben* Methodologie des uristischen Studiums. Königsb. 1801. 8.

G. Hugo Lehrbuch der juristischen Encyclopädie.

Berlin. 1792. — 6-te Ausg. Berlin. 1820. 8. — 8-te Ausg. Berlin. 1835. 8.

E. L. A. Eisenhart die Rechtswissenschaft nach ihrem Umfange, ihren einzelnen Theilen und Hülfswissenschaften, nebst einer juristischen Encyclopädie. Helmstädt. 1795. — 2-te Aufl. 1804. 8.

K. Sal. Zachariae Grundlinien einer wissenschaftlichen juristischen Encyclopädie. Leipz. 1795. 8.

Cp. Ch. Dabelow Methodologie und Encyclopädie des gemeinen positiven Rechts der Deutschen. Halle. 1796. 8.

K. Ch. Kohlschütter Propädeutik, Encyclopädie und Methodologie der Rechtswissenschaft. Leipzig. 1797. 8.

G. Hufeland Lehrbuch der Geschichte und Encyclopädie aller in Deutschland geltenden positiven Rechte. 1 Thl. Einleitung und Geschichte des römischen Rechts. Jena. 1795. 8. — *Desselben* Abriss der Wissenschaftskunde und Methodologie der Rechtsgelehrtsamkeit. Jena. 1797. 8. — *Desselben* Institutionen des gesammten positiven Rechts, oder systematische Encyclopädie der sämmtl. allg. Begriffe und unstreitigen Grundsätze aller in Deutschland geltenden Rechte. Jena. 1798. — 2-te Aufl. 1803. 8.

A. F. J. Thibaut juristische Encyclopädie und Methodologie. Altona. 1797. 8.

C. F. Mühlenbruch Lehrbuch der Encyclopädie und Methodologie des positiven in Deutschland geltenden Rechts. Rostock. 1807. 8.

K. A. Gründler Institutionen des Rechts enthaltend die Einleitung, Encyclopädie und Methodologie des Rechts. Erl. 1809. 8.

K. F. L. Wenk Lehrbuch der Encyclopädie und Methodologie der Rechtswissenschaft. Leipz. 1810. 8.

Jgn. Rudhardt Encyclopädie und Methodologie der Rechtswissenschaft. Würzb. 1812.

K. A. Dom. Unterholzner allgemeine Einleitung in das juristische Studium. München-und Burghausen. 1812. 8.

Alb. Hummel Encyclopädie des heutigen positiven Rechts. 1-te Abtheil. Giessen. 1813. 8.

Ed. S. Löbell Lehrbuch der juristischen Encyclopädie und Methodologie. Giessen. 1819. 8.

J. Th. Schnaubert Lehrbuch der Wissenschaftslehre des Rechts. Jena. 1819. 8.

J. Np. Wening Lehrbuch der Encyclopädie und Methodologie der Rechtswissenschaft. Landshut. 1821. 8.

N. Falk juristische Encyclopädie. Kiel. 1821. 8. — 3-te Ausg. Kiel. 1830. 8.

Ch. Gmelin Anleitung, wie man die Rechte zu erlernen habe, oder Lehrbuch der jurist. Methodologie. Tübing. 1821. 8.

G. F. Puchta Grundriss zu Vorlesungen über juristische Encyklop. und Methodologie. Erl. 1822. 8. — *Ez* же Encyklopädie als Einleitung zu Institutionenvorlesungen. Leipz. und Berlin. 1825. 8.

F. H. Abegg Encyclopädie und Methodologie der Rechtswissenschaft im Grundrisse. Königsb. 1823.

Vogel Lehrbuch der Encyclopädie und Methodologie der Rechtswissenschaft. Leipzig. 1829. 8.

Welker die universal-und juristisch-politische Encyclopädie. Stuttgart. 1829.

Löw Einleitung in das Studium der Rechtswissenschaft. Zürich. 1835. 8.

6) Во Франції.

D' Aguesseau Instructions sur les études propres à former un magistrat, писан. въ 1716 г. въ едн. Oeuvres Tom. I. Paris. 1759. 4. p. 257.

Camus Lettres sur la profession d'avocat. 4-me édit. Paris. 1818, faite par Dupin. — Profession d'avocat, par MM. Camus et Dupin. Paris. 1832. 2 vol. in 8.

Dupin Manuel des étudiants en droit et des jeunes avocats. Paris. 1835.

в) Въ Даніи.

Anvisning for en Dansk jurist. Сочин. Ancher. Копенгаг. 1777.

Schlegel juridisk Encyclopädie. Copenhagen. 1825.

г) Въ Соединенныхъ Сѣвероамериканскихъ Штатахъ.

A course of legal study, by David Hoffmann, J. D. Gotting. 2 edit. Baltimore. 1836. 8. (1)

д) Въ Россіи.

Юридическая Грамматика или начальныя правила Россійскаго Правовѣдѣнія, соч. *Правикова*. Москва. 1803. 4. — Изд. 2-е 1805.

Слово о необходимости знать Законы Гражданскіе и о способѣ учиться Россійскому Законовѣдѣнію, *Сандунова*, 1820.

Легчайшій способъ къ познанію Россійскихъ Законовъ, *С. Смирнова*, 1821.

Пособія и правила изученія Россійскихъ Законовъ, соч. *Дегяя*. Москва. 1831. 8.

Stöckhardt allgemeine juristische Fundamentallehre, zugleich als erste Lieferung eines Lehrbuchs der juristischen Einleitungswissenschaften, insbesondere für Russland. St. Petersbourg. 1837. 8. — *Desselben* juristische Propädeutik oder Vorschule der Rechtswissenschaft zum Behuf der academischen Vorlesungen, insbesondere für die kaiserliche Rechtsschule zu St. Petersburg. St. Petersburg. 1838. 8.

(1) См. Mittermaier und Zachariae kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes. Band X. S. 76 und folg.

ОБЩАЯ ЧАСТЬ

ЭНЦИКЛОПЕДИИ ЗАКОНОВЪДѢНІЯ.

§ 8.

Общая часть Энциклопедіи состоитъ изъ двухъ Раздѣловъ: въ 1-мъ опредѣляется общій предметъ Законовъдѣнія — *Законы*, во 2-мъ излагается на основаніи сего общій составъ *Науки Законовъдѣнія*.

РАЗДѢЛЪ I.

О Законахъ, какъ предметъ Законовъдѣнія.

§ 9.

Законъ представляется намъ: 1) въ его внутреннемъ, чистомъ существѣ; 2) это внутреннее существо закона раскрывается постепенно во множествѣ законовъ; 3) такимъ образомъ является наконецъ полная система законодательства со всеми родами и видами законовъ. Итакъ въ изслѣдованіи о законахъ, какъ предметъ заковъдѣнія, подлежатъ нашему разсмотрѣнію: 1) *существо закона*; 2) *происхожденіе и постепенное образованіе законовъ*; 3) *раздѣленіе законовъ на ихъ главные роды и виды*.

ГЛАВА I.

О существѣ закона.

§ 10.

Мы разсматриваемъ: 1) существо закона вообще; 2) существо закона *выпшняго*.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О существѣ Закона вообще.

§ 11.

Законъ по существу своему есть 1) вообще правда; Онъ или выражаетъ ея требованіи или устанавливаетъ мѣры для исполненія сихъ требованій на самомъ дѣлѣ. Но 2) опредѣленнѣйшій образъ бытія правды въ существахъ, къ ней способныхъ, суть права и обязанности; почему права и обязанности составляютъ опредѣленнѣйшее содержаніе закона. Для этого содержанія самый законъ 3) служить формою. Итакъ говоря о существѣ закона, мы должны изложить: 1) существо *правды*, 2) существо *правъ и обязанностей*, 3) понятіе *закона*.

I. О существѣ правды.

§ 12.

Точнымъ и твердымъ образомъ существо правды можетъ быть опредѣлено только въ Философіи, гдѣ

въ непрерывной связи умозаключений развиваются начала всякаго бытія, отъ самаго полнаго до самаго ограниченнаго. Въ настоящемъ случаѣ мы представляемъ только одни выводы философскаго изслѣдованія.

§ 13.

Кореннымъ положеніемъ во всякой истинной Философіи есть положеніе, что бытіе полное и независимое принадлежитъ одному Богу; все другое, что ни существуетъ, истинно существуетъ только потому, что находится въ какой нибудь связи съ Божественнымъ.

Итакъ первый и высшій образъ бытія есть бытіе Божественнаго существа въ самомъ себѣ. Но Божество не остается заключеннымъ въ себѣ самомъ. Оно открываетъ себя въ міръ: съ одной стороны въ міръ физическомъ, съ другой въ міръ нравственномъ; въ міръ физическомъ безъ вѣдома и воли существъ, въ которыхъ оно открываетъ себя, въ міръ нравственномъ — при посредствѣ ихъ воли.

1. Существо воли.

§ 14.

Litteratur. Hegel Grundlinien der Philosophie des Rechts. 1-te Ausg. Berlin. 1821; 2-te Ausg. (какъ 8-й томъ полнаго изданія Гегелевыхъ сочиненій) Berlin. 1833. § 4—7. — Stahl Philosophie des Rechts. Band II. Abth. I. Heidelberg. 1833. S. 20—35, 68—76.

Къ *существо воли* принадлежитъ:

Во 1-хъ, возможность въ каждое мгновеніе отторгнуться отъ всякаго опредѣленнаго состоянія,

положительнаго или отрицательнаго, въ которомъ она находится, и войти чисто въ себя самую. Я могу всегда отказаться отъ одного, другаго, третьяго, словомъ, отъ всякаго предмета, который я уже имѣлъ; я могу всегда перестать дѣлать одно, другое, третье, словомъ, все, что я уже дѣлалъ. Это есть сторона *всеобщности* въ волѣ, сторона совершенной неопредѣленности, гдѣ воля относится единственно къ себѣ самой, гдѣ всякое ограниченіе, всякое содержаніе, какимъ бы то ни было образомъ данное и опредѣленное представляется совершенно уничтоженнымъ.

Но во 2-хъ, къ существо воли принадлежитъ необходимо и пребываніе въ опредѣленномъ состояніи. Самое то состояніе, гдѣ воля, по видимому, ни къ чему себя не опредѣляетъ, не есть дѣйствительно состояніе совершенной неопредѣленности. Оно противостоится такъ называемымъ опредѣленнымъ состояніямъ и эта самая противоположность непосредственно даетъ ему опредѣленный характеръ. — оно есть одно изъ состояній, въ какихъ можетъ быть воля. По чему воля изъ своей неопредѣленности, изъ своего безразличія переходитъ непосредственно къ различію и опредѣленности, и полагаетъ какое нибудь опредѣленное содержаніе. Она въ каждое мгновеніе находится въ какомъ нибудь опредѣленномъ состояніи, хочеть того или другаго, дѣлаетъ что нибудь, дѣлаетъ такъ или иначе. Это есть сторона ея *особенности*.

Итакъ въ 3-хъ, въ волѣ соединяются обѣ предъидущія стороны: она опредѣляетъ сама себя. Въ одно и тоже время она и пребываетъ въ себѣ самой, въ своей тождественности съ собою и всеобщности, и дѣлаетъ себя противоположною себѣ самой, опредѣленною. Находясь въ какомъ нибудь опредѣленномъ состояніи, воля видитъ здѣсь только ограниченіе, отъ ней самой происшедшее, и единственно посредствомъ ея существующее; она не связывается

этимъ ограниченіемъ, она можетъ въ каждую минуту отрывшиться отъ него, и если находится въ немъ, то единственно потому, что сама хочетъ въ немъ находиться. Она сама производитъ свой міръ и властвуетъ надъ нимъ. Чѣмъ она производителнѣе въ этомъ случаѣ, тѣмъ полнѣе она существуетъ. Это есть — *единичность воли*.

2. Ступени развитія воли.

§ 15.

Такова воля въ ея существѣ. Но при этомъ своемъ существѣ она представляется намъ на различныхъ ступеняхъ бытія какъ по формѣ, такъ и по содержанию.

а) Ступени развитія воли со стороны ея формы.

§ 16.

Литтература. Hegel Grundlinien der Philosophie des Rechts, § 115—120. — Michelet System der philosophischen Moral. Berlin. 1828. S. 47—106.

Воля представляется на различныхъ ступеняхъ бытія по своей формѣ. Образъ и мѣра ея хотѣнія различны. Всякое обнаруженіе воли, всякая перемѣна въ предметахъ, произведенная волею, называется дѣяніемъ. Во всякомъ дѣяніи соединяются два условія: познаніе предметовъ и опредѣленіе ихъ силою воли. На различномъ отношеніи сихъ двухъ условій при совершеніи волею дѣянія, основывается и различная мѣра ея участія въ дѣяніи. Прежде всего отношеніе между познаніемъ предметовъ и опредѣленіемъ оныхъ силою воли можетъ быть только непосредственное, такъ что то и другое совершается въ одномъ нераздѣльномъ мгновеніи: дѣя-

нія сего рода мы называемъ только произвольными. Таковы болѣею частію дѣянія, совершаемыя во время сильныхъ сердечныхъ движеній. Два означенныя стороны въ дѣяніи, дѣйствіе, отдѣляются одна отъ другой: воля опредѣляетъ предметъ, въ слѣдствіе составленнаго предварительно объ немъ понятія, она обсуживаетъ сначала и потомъ уже рѣшается; но это обсуживаніе простирается еще на одинъ отдѣльный обстоятельство, изъ коихъ слагается цѣлое происшествіе: дѣянія сего рода могутъ быть названы уже обдуманными. Напр. полумудрый поджигаетъ известную часть дома, совсѣмъ не представляя того, что отсюда произойдетъ пожаръ. Отдѣльные обстоятельства, наконецъ, все сосредоточиваются въ какомъ нибудь общемъ качествѣ, дающемъ общее названіе цѣлому дѣянію, напр. названіе благотворенія, самопожертвованія, убійства, зажигательства. Воля, возвышающаяся надъ всѣмъ особеннымъ и опредѣленнымъ, сознаетъ это общее качество и сама имѣетъ его въ виду: дѣянія, отсюда протекающія, называются намѣренными. Здѣсь воля по формѣ является на высшей ступени своего бытія: здѣсь она, отрываясь отъ предмета, существуетъ уже вся въ самой себѣ, обозрѣваетъ какъ особенныя отдѣльныя стороны предмета, такъ и его общее существо, и только то изъ цѣлаго происшествія признаетъ своимъ произведеніемъ, и вообще своимъ, что было ей известно и чего она сама хотѣла непосредственно.

б) Ступени развитія воли со стороны ея содержанія.

§ 17.

Литтература. Hegel Grundlinien der Philosophie des Rechts, § 9 20 и 121—124. — Michelet System der philosophischen Moral. S. 107—183.

По своему содержанію воля также представляется на различныхъ ступеняхъ бытія. Предметъ ея хо-

твiя вообще есть добро. Виды добра и самоопредѣленiя воли по отношенiю къ нему различны.

Прежде всего хотѣнiе добра въ волѣ существуетъ непосредственно отъ самой природы, и воля хочетъ добра, какъ оно существуетъ для ней отъ самой природы; это суть разнообразныя сердечныя влеченiя (пожеланiя, наклонности). Каждое естественное влеченiе само въ себѣ неопредѣленно, относится ко множеству предметовъ и допускаетъ различные способы удовлетворенiя. Воля выходитъ изъ сей неопредѣленности, увлекаясь въ какую нибудь одну сторону. Хотя состоянiе, отсюда происходящее, есть мое состоянiе, впрочемъ оно ни въ какомъ отношенiи не есть дѣло моей воли.

Но, далѣе, воля, бывъ обращена сама къ себѣ, пребывая сама въ себѣ, возвышается надъ даннымъ отъ природы своимъ содержанiемъ, надъ естественными влеченiями и различными способами ихъ удовлетворенiя. Она не привязана къ тому или другому въ этомъ содержанiи, она можетъ рѣшиться на то или другое, избрать то или другое. Еще болѣе: возвышаясь надъ всеми сердечными влеченiями, взятыми въ ихъ раздѣльности, и поставляя для себя цѣлю удовлетворить всѣмъ сердечнымъ влеченiямъ въ цѣлой ихъ совокупности, воля стремится къ цѣлому благосостоянiю. Здѣсь особенное влеченiе сердца значить не болѣе, какъ сколько значить часть въ цѣломъ, въ системѣ; въ виду имѣется только цѣлое, а все особенное должно служить только орудiемъ для его осуществленiя. Съ сего цѣлю разумъ разбираетъ сердечныя влеченiя, сравниваетъ ихъ другъ съ другомъ, съ средствами и послѣдствiями ихъ удовлетворенiя, съ ихъ цѣлостiю, благосостоянiемъ, приносить одне влеченiе на жертву другому, ограничиваетъ одно влеченiе для другаго въ количествѣ и качествахъ; такимъ, вышшимъ, образомъ очищаетъ данный матерiалъ отъ природной его грубости, на-

лагаетъ на него свою печать, и, сосредоточивая все къ одной общей цѣли, даетъ ему формальную всеобщность. Въ стремленiи къ одной общей цѣли воля получаетъ внутреннюю самостоятельность: влеченiя сердца не увлекаютъ ее слѣпо къ тому или другому; напротивъ она сама назначаетъ для нихъ мѣру и предѣлъ, сообразаясь во всемъ съ цѣлымъ, сама даетъ себѣ направленiе. Тѣмъ не менѣе предметы хотѣнiя воли въ первомъ своемъ началѣ остаются все еще данными извнѣ, отъ природы, хотя они и являются уже въ очищенномъ видѣ. Слѣдствiя этого суть: воля окончательно образомъ не опредѣляетъ здѣсь сама себя, но опредѣляется извнѣ; она имѣетъ для своей дѣятельности только ограниченный кругъ предметовъ и приходится въ необходимости избирать между тѣмъ или другимъ изъ нихъ; добро существуетъ для ней, только какъ для воли особенной, противоположной по своимъ видамъ и цѣлямъ всякой другой волѣ. Все это представляетъ совершенное противорѣчiе истинному существу воли. Къ существу ея принадлежитъ — опредѣлять себя изъ себя самой, быть самостоятельною въ своей дѣятельности, возвышаться надъ всѣмъ особеннымъ.

Итакъ воля наконецъ совершенно отрѣшается отъ естественныхъ влеченiй, и независимо отъ нихъ опредѣляетъ себя въ своемъ хотѣнiи чисто изъ себя самой: она видитъ предъ собою свое чистое существо и стремится дать ему действительное бытiе. Она хочетъ, и хочетъ съ сознаниемъ, чтобъ существовалъ мiръ подъ ея владычествомъ, мiръ, гдѣ бы все было определено духомъ независимо отъ природы, мыслию, а не веществомъ, разумомъ и сознаниемъ, а не дѣятельностию безсознательною и неразумною. Добро, котораго теперь хочетъ воля, есть добро не для той или другой воли, но добро всеобщее, безусловное, добро для воли вообще. Явно, что это есть не что иное, какъ только видъ той творческой дѣятельности, какая, въ высшей

степени, принадлежит Божеству: конечное существо, сознавая свою зависимость отъ Существа Безконечнаго, необходимо признаетъ такое отношеніе своей дѣятельности къ дѣятельности Божества. Посему опредѣлениѣйшій и собственнѣйшій предметъ хотѣнія чистой воли составляетъ: подражать своею дѣятельностію Божеству, образуя все въ своемъ кругѣ по идеѣ Божественнаго и такимъ образомъ во всемъ по возможности изображая Божество. И природа есть изображеніе Божества. Но чѣмъ природа есть безъ собственного хотѣнія и сознанія, тѣмъ воля хочетъ быть съ сознаніемъ и по своему внутреннему побужденію.

§ 18.

Дѣйствіемъ воли Божественное проявляется и раскрывается: 1) *въ существахъ нравственныхъ*, 2) *въ природѣ*.

Въ существахъ нравственныхъ. Каждое нравственное конечное существо имѣетъ различныя способности: кромѣ способностей, относящихся непосредственно къ дѣйствованію, способности познанія и способности чувствованія. Для каждаго ряда сихъ способностей есть свое особенное совершенство, определяемое идеею Божественнаго въ особенномъ ея приложеніи къ каждому ряду. Долгъ нравственнаго существа есть непрерывно развивать въ себѣ и въ другихъ эти способности согласно съ идеею Божественнаго и такимъ образомъ все выше и выше возводить ихъ къ совершенству. Чѣмъ больше и совершеннѣе будетъ такое развитіе, тѣмъ больше, тѣмъ совершеннѣе нравственное существо будетъ проявлять и изображать собою Божественное.

Въ природѣ. Природа сама по себѣ есть уже изображеніе Божества. Но она въ простомъ ея видѣ можетъ не соответствовать цѣлямъ существа нравственнаго; ея простое выраженіе можетъ быть не-

разумительно для духа. Итакъ она должна сдѣлаться живымъ органомъ духа, твердымъ и послушнымъ орудіемъ его вѣлній для достиженія его цѣлей; она должна сдѣлаться выраженіемъ идей Божественныхъ, для него понятнымъ и ощутимымъ, выраженіемъ, которое бы онъ могъ обнять своими силами, выраженіемъ въ томъ видѣ, какой можетъ быть для него особенною потребностію.

3. Кругъ дѣйствія воли.

§ 19.

Конечное нравственное существо мы не иначе можемъ представить себѣ какъ въ *обществѣ* съ другими существами нравственными. Общество есть единственно возможный для него кругъ дѣйствія. Каждое нравственное конечное существо состоитъ въ необходимомъ общеніи со всѣмъ міромъ нравственныхъ существъ.

Основаніе такого общенія есть *общеніе* нравственныхъ конечныхъ существъ съ *Высочайшимъ Нравственнымъ Существомъ*, Богомъ. Конечное существо само по себѣ не имѣетъ никакого достоинства; его достоинство основывается на его единствѣ съ Безконечнымъ, на томъ, что силы его устремились къ Божественному, что въ его дѣятельности выражается Божественное, что Божество, говоря въ собственномъ смыслѣ, живетъ въ немъ и дѣйствуетъ, составляя начало, средину и конецъ его дѣяній.

Изъ общенія съ Богомъ для нравственныхъ конечныхъ существъ протекаетъ *общеніе и между собою*. Находясь въ общеніи съ Богомъ, чрезъ то самое нравственные конечныя существа находятся и въ искреннѣйшемъ общеніи другъ съ другомъ. Какъ они любятъ Божественное во всѣхъ видахъ его существованія, то созерцаютъ взаимно другъ въ другѣ образъ и жизнь Божества, они любятъ

другъ друга такъ же, какъ любить все Божественное. Вся лица нравственнаго міра дѣлаются такимъ образомъ какъ бы одно лице, повторяющееся и существующее во множествѣ лицъ отдѣльных. При существованіи такого общенія между всеми нравственными конечными существами, посредствомъ общей соединенной ихъ дѣятельности, Божественное можетъ проявиться и выразиться гораздо полнѣе, чѣмъ посредствомъ частной ихъ дѣятельности; многія изъ нихъ, можетъ быть, развивая себя отдѣльно, безъ содѣйствія и поощренія со стороны другихъ, не могли бы сдѣлать никакихъ значительныхъ успѣховъ на пути къ своему совершенству, или бы сіи успѣхи были очень медленны и всегда ниже тѣхъ, какіе бы могли быть сдѣланы при совокупной дѣятельности; независимо отъ сего, во взаимныхъ другъ къ другу отношеніяхъ для дѣятельности каждаго лица открывается новое поприще; наконецъ организмъ жизни общественной, самъ въ себя способенъ быть достойнѣйшимъ, сильнѣйшимъ и величественнѣйшимъ проявленіемъ и выраженіемъ Божественнаго.

§ 20.

Все сказанное простирается и на людей, какъ на нравственныхъ существа. Люди находятся также въ общеніи съ Богомъ и со всеми высшимъ, хотя ограниченнымъ, міромъ духовнымъ. Но особенно они имѣютъ своимъ назначеніемъ проявлять и изображать Божественное въ общеніи съ подобными себѣ людьми. Сей послѣдній видъ общенія и проявленія здѣсь Божественнаго заслуживаетъ быть особенно разсмотрѣнъ: а) со стороны его *возможности*, б) со стороны его *необходимости*.

§ 21.

Возможность общенія между людьми и полнѣйшаго въ немъ проявленія Божества основывается

на единствѣ тѣлесной и духовной природы у всехъ людей, представляющемся однакоже въ безконечномъ разнообразіи личныхъ особенностей: безъ единства не можетъ быть общества, безъ разнообразія не можетъ быть цѣлымъ живымъ, гармоническимъ. Единство человѣческаго рода и притомъ прежде всего со стороны тѣлеснаго организма не подлежитъ сомнѣнію⁽¹⁾. Но высшее, истиннѣйшее единство человѣческаго рода заключается въ единствѣ духовной его стороны. Въ семъ отношеніи также несомнѣнно, что духовныя силы какъ въ существѣ своемъ у всехъ людей одинаковы, такъ и въ своемъ развитіи необходимо слѣдуютъ однимъ и тѣмъ же законамъ. Итакъ, въ идѣи челоѣчество есть, безспорно, одно, и все люди составляютъ какъ бы одного челоѣвка. Но столько же очевидно и то, что идея челоѣчества, являясь во времени, представляется въ безконечно-разнообразныхъ видахъ — по различію народовъ, половъ, натуральныхъ особенностей каждаго лица, возрастовъ и пр. Особенно высшія силы духа челоѣческаго въ своихъ разнообразныхъ дѣйствіяхъ и обнаруженіяхъ могутъ быть до безконечности неистощимы. Высшія ступени ихъ развитія ни мало не исключаютъ разностей между ними въ семъ отношеніи; напротивъ еще, чѣмъ выше стоитъ по своему развитію та или другая сила, тѣмъ она дѣятельнѣе, производительнѣе, разнообразнѣе въ своихъ обнаруженіяхъ, отличнѣе отъ другихъ, особеннѣе. Итакъ родъ челоѣчeskій имѣетъ нужныя условія для совершеннѣйшаго развитія въ немъ общенія, для полнѣйшаго откровенія въ немъ Божества. Но при началѣ жизни рода челоѣческаго исторія не представляетъ намъ ясно ни того, ни другаго; въ послѣдствіи времени — только въ видѣ несовершенномъ.

§ 22.

Тѣмъ не менѣе, имѣя нужныя условія для совершен-

⁽¹⁾ *Wagner Naturgeschichte des Menschen. Kempten 1831. 2-ten Th. S. 209 — 254.*

нѣйшаго развитія общенія, для наиболѣе совершеннаго откровенія Божественнаго, человечеству и необходимо вполне развитъ въ себѣ первое, изобразить на себѣ послѣднее, и такимъ образомъ представить изъ себя одно цѣлое, во всѣхъ частяхъ своихъ исполненное Божественной жизни. *Необходимость общенія между людьми, особенно въ отношеніи къ проявленію Божества въ родѣ человеческомъ, можетъ быть показана съ различныхъ сторонъ:* а) оно есть необходимое *условіе* для того, чтобъ Божественное начало жизни могло вполне раскрыться въ человечествѣ въ отдѣльныхъ лицахъ; б) оно есть необходимая *форма* для полнѣйшаго проявленія Божества вообще въ цѣломъ родѣ человеческомъ; в) оно есть наконецъ необходимое *послѣдствіе* совершеннаго раскрытія жизни Божественной между людьми.

а) *Общеніе между людьми есть необходимое условіе для того, чтобъ Божественное начало жизни могло раскрыться въ отдѣльныхъ лицахъ рода человеческого, сколько это возможно на землѣ.* Человѣкъ имѣетъ высокое назначеніе. Все, чему положенъ зародышъ въ немъ, все то должно въ немъ развиться, и притомъ развиться посредствомъ его дѣятельности. Во первыхъ, вся внѣшняя сторона его бытія должна сдѣлаться откровеніемъ Божественнаго. Въ семъ отношеніи тѣлесный его организмъ допускаетъ величайшее развитіе и усовершеннѣе, и власть его надъ вещественнымъ міромъ можетъ расширяться безъ конца. Такое внѣшнее развитіе природы человеческой уже само по себѣ составляетъ задачу обширную; но сія задача становится еще труднѣе отъ того, что совершеннѣйшее развитіе физической стороны человѣка необходимо предполагаетъ такое же развитіе и его духовной стороны. Во вторыхъ, духовная или внутренняя сторона человѣка также должна сдѣлаться вполне образомъ и изображеніемъ существа Божественнаго. Въ семъ отношеніи духъ человеческій во всѣхъ своихъ направленіяхъ стремится къ безконечному,

къ безусловно-совершенному — къ полной истинѣ, къ совершеннѣйшей красотѣ, къ верховному благу. Между тѣмъ взятый отдѣльно отъ своего великаго цѣлаго — человечества, человѣкъ представляется ограниченнымъ со всѣхъ сторонъ. Свой міръ онъ долженъ произвестъ самъ собою. Но уже самое его рожденіе на свѣтъ не есть для него дѣйствіе собственной воли. Его земное бытіе потому ограничивается только небольшимъ числомъ нѣсколькихъ лѣтъ; едва начинается его физическая жизнь, какъ его постигаетъ уже смерть. Его духовная высшая дѣятельность состоитъ подъ вліяніемъ нижней, чувственной его природы: невѣжество, заблужденія, огрубѣніе чувства для истинной красоты, пороки, безнравственность дѣлаются уже потому единственно неизбежными; но сверхъ сего, по необходимому вліянію разума, сердца и воли другъ на друга, эти силы человѣка, бывъ каждая порою извращенными, въ совокупной дѣятельности еще болѣе дѣлаются несовершенными; наконецъ мысль человѣка можетъ случайно согласоваться съ истинною, его чувствованіе быть по случаю прекраснымъ, его дѣйствіе случайно быть сообразнымъ съ требованіями нравственности, — но для полнаго совершенства требуется здѣсь не случайное, а необходимое согласіе, согласіе, основанное на волѣ самаго человѣка, — его дѣйствіе всегда должно быть дѣйствіемъ въ полномъ самосознаніи. Изъ всѣхъ этихъ границъ человѣкъ исторгается посредствомъ общенія съ своимъ цѣлымъ неограниченнымъ — съ своимъ современникомъ, съ своимъ предшественникомъ, съ своимъ потомствомъ и дѣлается самъ неограниченнымъ. Столкновеніе съ другими людьми пробуждаетъ его отъ глубокаго физическаго усыпленія. Въ происходящемъ отсюда треніи способности его мало по малу раскрываются, острѣются. На другихъ онъ видитъ, что такое онъ есть самъ въ собственномъ своемъ существѣ, и такимъ образомъ достигаетъ до самосознанія. То, чего одинъ человѣкъ, одно поколѣніе никогда бы не могли сдѣлать, то, при соединеніи общихъ усилийъ къ одной цѣли, становится теперь весьма лег-

кимъ. Что испыталъ, открылъ, довелъ до совершенства одинъ человекъ, одинъ народъ, одинъ вѣкъ, то становится теперь общимъ достояніемъ; каждый можетъ пользоваться имъ, какъ своимъ собственнымъ, и на семъ основаніи идти далѣе къ своей цѣли. Общее наслѣдіе передается такимъ образомъ изъ рода въ родъ, и притомъ всегда съ новымъ приращеніемъ. Человѣчество все болѣе и болѣе освобождается изъ подъ владычества природы, все болѣе и болѣе возвышается надъ нею и покоряетъ ее своему владычеству, все болѣе и болѣе преуспѣваетъ на пути своего усовершенствованія физическаго, умственнаго, эстетическаго, нравственнаго, политическаго, религіознаго. Когда при общей дѣятельности нѣжніе ступени однажды будутъ пройдены, то послѣ сего другіе люди могутъ пробѣгать ихъ въ нѣсколько мгновеній, между тѣмъ какъ для того, чтобъ въ первый разъ взойти на нихъ, цѣлому роду человѣческому понадобилось употребить тысячи лѣтъ. Даже тѣ совершенства, блага другихъ, которыхъ нѣзвѣстный человекъ, народъ не усвоилъ себѣ въ дѣйствительной жизни, онъ, самъ съ своей стороны исполняя свое особенное назначеніе, можетъ по всей справедливости назвать своимъ, какъ сотрудникъ въ общемъ дѣлѣ человечества. — Такимъ образомъ порядокъ жизни общественной, одинъ разъ возникшій и потомъ непрерывно совершенствующійся, раскрываетъ идею добра во всѣхъ ея направленіяхъ и ея существованіе дѣлаетъ необходимою. Все здѣсь становится произведеніемъ нравственности, все совершается для цѣлей разумныхъ и съ сознаниемъ. Прежде всего рожденіе человека на свѣтъ перестаетъ быть дѣломъ случая и одной природы. Онъ рождается въ недрахъ союза нравственнаго, устроеннаго и освященнаго обществомъ, и раждается отъ людей, въ которыхъ первоначальная, грубая природа уже претворена сообразно цѣлямъ нравственнымъ, онъ получаетъ съ самымъ рожденіемъ тѣло и душу, физически уже столько совершенныя, сколько совершенно состояніе общества. Нечетностію родителей и заботливостію цѣлаго общества, онъ

вскармливается въ самыхъ нѣжныхъ лѣтахъ его жизни и охраняется отъ всѣхъ опасностей. Воспитаніе, раскрывая, образуя все его способности, усволяетъ ему, превращаетъ въ его существо тотъ образъ мыслей, чувствованій, желаній, дѣйствій, который господствуетъ въ обществѣ, и поставивъ его въ самое короткое время на ту ступень, на которой находится уже все общество. Выступая на обширное поприще свѣта, онъ находится тотчасъ въ нравственной атмосферѣ. Онъ можетъ конечно выбирать между добромъ и зломъ. Но если онъ захочетъ быть добрымъ, тогда все питаетъ въ немъ добрыя чувствованія, все способствуетъ ему въ укорененіи добрыхъ его намереній, все помогаетъ ему въ добрыхъ его предпріятіяхъ; если же онъ захочетъ быть злымъ, тогда онъ остается одинъ съ немногими ему подобными, все вооружается противъ него, и онъ, если не можетъ быть истинно добрымъ, долженъ по крайней мѣрѣ казаться таковымъ. Общество раздѣляетъ съ нимъ все свои блага, назначаетъ ему кругъ дѣйствій, гдѣ онъ вполне можетъ раскрыть свои сокровенныя силы, — даетъ ему въ своихъ установленіяхъ средства для того, чтобъ онъ могъ вести жизнь достойную существа нравственнаго, — ограждаетъ его отъ мирной его дѣятельности противъ несчастій физическихъ, противъ случайнаго стеченія обстоятельствъ жизни общественной, противъ внутренняго злодѣяства, противъ внѣшнихъ непріятелей.

б) *Общеніе между людьми есть необходимая форма для совершеннѣйшаго откровенія Божества вообще въ цѣломъ родѣ человѣческомъ.* Когда существуетъ между людьми общеніе, то въ слѣдствіе разныхъ особенностей, общихъ только нѣкоторымъ изъ нихъ, сами собою образуются между ними различныя роды лицъ, соединенныхъ между собою въ одно общество. Каждое такое общество, развивая только свою частную особенность, но общими силами, тѣмъ совершеннѣе развиваетъ ее, тѣмъ величественнѣе, тѣмъ ярче, какъ одно цѣлое, выражаетъ Божественное въ особенномъ къ ней при-

ложений. Составляя въ своей совокупности одно стройное цѣлое, они раскрываютъ такимъ образомъ и проявляютъ Божественное среди людей въ ра-
мѣхъ самомъ огромнѣйшемъ: сколько цѣлое превос-
ходитъ своей части, столько проявление Божес-
твеннаго въ цѣломъ вообще родъ человѣческому
можетъ быть превосходнѣе въ сравненіи съ прояв-
леніемъ оного въ единичномъ человѣкѣ; тамъ онъ
изображается большими словами, здѣсь только ма-
лыми.

в) *Общеніе между людьми есть необходимое послѣдствіе осуществленія высшихъ цѣлей человѣче-
ства.* Между тѣмъ какъ, находясь на нижшей сту-
пени человѣческаго образованія, люди представ-
ляются намъ въ разнообразныхъ несовершенныхъ
видахъ, на высочайшей ступени духовнаго совер-
шенства, каждый изъ нихъ служить вполне изо-
браженіемъ и проявленіемъ Божественнаго. Каж-
дый посему здѣсь составляетъ одно съ другими
каждый есть тоже, что и другіе. Видя въ дру-
гихъ жизнь того же Божественнаго начала, ко-
торое раскрылось въ немъ самомъ, онъ любитъ
ихъ такъ же, какъ любитъ себя самого, и какъ
любитъ все Божественное. Такимъ образомъ во-
здѣсь, имѣя одно существо, проникнуты другъ
другомъ, живутъ другъ въ другъ; между ними
существуетъ глубочайшее общеніе всей жизни. —
Ясно, что такое же отношеніе должно господствовать
между людьми и на нижшихъ ступеняхъ совер-
шенства. То же высочайшее совершенство, которое
на высочайшей ступени своего раскрытія соеди-
няетъ людей какъ нѣчто, уже дѣйствительно су-
ществующее, какъ нѣчто, вполне ими достигну-
тое, то же высочайшее совершенство на нижней
ступени своего раскрытія соединяетъ ихъ какъ
предметъ ихъ вѣры и надежды, какъ нѣчто, уже
не вполне достигнутое.

§ 23.

Итакъ по самой природѣ своей нравственный су-
щества находятся въ необходимомъ общеніи со все-
ми нравственными существами, и люди въ особен-
ности — въ общеніи со всеми людьми. Вѣрность
одного нравственного существа цѣлому обществу
(союзу) нравственныхъ существъ есть *Правда* (Justitia)
въ обширнѣйшемъ смыслѣ. *Праведнымъ* мы назы-
ваемъ не только все то, что не противорѣчитъ свой-
ству этого общенія (съ отрицательной стороны), но
еще болѣе то, что служитъ къ сохраненію и укрѣп-
ленію союза нравственныхъ существъ между собою
(съ положительной стороны); *неправеднымъ* напро-
тивъ называемъ все то, что ослабляетъ и разру-
шаетъ этотъ всеобщій союзъ нравственныхъ су-
ществъ.

Примѣч. 1. Доказательство истины такого поня-
тія о предметѣ, который мы называемъ правдою,
заключается во всемъ предшествовавшемъ изло-
женіи.

Примѣч. 2. Праведное въ означенномъ нами
обширномъ смыслѣ, совпадаетъ вообще съ нрав-
ственно-добрымъ. Вся нравственная обязанности,
вся добродѣтели можно съ такою же полнотою вы-
вести изъ понятія о союзѣ нравственныхъ существъ
и правды, какъ и изъ понятія о нравственно-доб-
ромъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы быть достойнымъ и
полезнымъ и даже безвреднымъ членомъ нравствен-
наго общества, чего бы человѣкъ не долженъ былъ
дѣлать по отношенію къ себѣ самому, другимъ
нравственнымъ существамъ, природѣ? какой бы могъ
онъ не имѣть добродѣтели? Все различіе между по-
нятіемъ правды и понятіемъ нравственно-добраго,
состоитъ въ томъ, что понятіе правды непосред-
ственно заключаетъ въ себѣ отношеніе къ обще-

ству, между тѣмъ какъ понятіе о нравственно-добромъ не имѣетъ прямого отношенія къ обществу ⁽¹⁾.

II. О существѣ правъ и обязанностей.

§ 24.

Ближайшій и непосредственный образъ существованія правды въ обществѣ составляютъ *правы и обязанности*.

При существованіи известнаго союза необходимо образуются между членами оного нѣкоторые отношенія. Во первыхъ, всѣ они, какъ отдѣльныя лица, находятся въ отношеніи другъ къ другу; во вторыхъ, всѣ они, взятые порознь, находятся въ отношеніи къ цѣлому союзу, какъ цѣлому; въ третьихъ, цѣлый союзъ, изъ нихъ составленный, какъ одно цѣлое можетъ находиться въ отношеніи къ другимъ подобнымъ союзамъ.

Правда требуетъ, чтобъ лица, находящіеся въ такихъ отношеніяхъ, во взаимномъ обращеніи другъ къ другому поступали сообразно съ нею, т. е. такъ, какъ требуетъ ея существо въ особенномъ ея приложеніи къ симъ отношеніямъ; другими словами, какъ требуетъ особенное существо и благо каждаго изъ этихъ отношеній, какъ союзовъ нравственныхъ. Что по самому свойству этихъ отношеній, для сохраненія и преуспѣянія ихъ, нужно имѣть одной сторонѣ, того другая, доколь будетъ руководиться правдою, не можетъ не признать за нею, не можетъ не хотѣть ей, не можетъ не дѣлать для ней, равно какъ и сама она не можетъ не хотѣть себя того же, не можетъ не предпринимать для осуществленія своего хотѣнія всего, что согласно съ правдою, и всякой долженъ уважать ея волю.

⁽¹⁾ Cp. Aristotel. Eth. Nicom. V. 1. и Mischelet das System der philosophischen Moral. Berlin. 1828. S. 229—231.

Такимъ образомъ здѣсь воли одного лица, какъ воля согласная съ требованіями правды, есть вмѣстѣ и волею другого лица, которое, принадлежа къ тому же союзу, признаетъ тѣже самыя начала правды; воля одного лица, какъ основанная на правдѣ, здѣсь имѣетъ силу определять дѣятельность другихъ лицъ, дабы они дѣлали что нибудь или воздерживались отъ чего нибудь. Такая сила называется властію. Итакъ здѣсь одному лицу, по отношенію къ другому, принадлежитъ власть, основанная на правдѣ. Власть лица надъ лицомъ, основанную на правдѣ, мы называемъ вообще *правомъ* (jus) ⁽¹⁾, отношеніе лица подвластнаго къ тому, которое имѣетъ власть надъ нимъ, *обязанностію* (officium).

Примѣч. 1. Мы говоримъ: право есть *власть лица*. Вещь не можетъ имѣть ни надъ чѣмъ власти нравственной. Если приписываютъ иногда права вещамъ, напр. разнаго рода заведеніямъ, то приписываютъ не въ собственномъ смыслѣ, означая именемъ вещи только известную совокупность лицъ.

Примѣч. 2. Мы говоримъ: право есть *власть надъ лицомъ*. Во всѣхъ законодательствахъ упоминаются права на вещи. Но такое выраженіе собственно означаетъ только право известнаго лица по отношенію къ вещи противъ каждаго вообще лица. Самая вещь, такъ какъ она не есть какое либо нравственное существо, можетъ находиться только въ физической власти лица.

⁽¹⁾ Право (jus, das Recht, le droit) употребляется въ различныхъ смыслахъ. Оно употребляется 1) въ томъ, который означенъ въ текстѣ. Въ этомъ смыслѣ оно, какъ известное качество лица, подлежащаго (Subjectum), называется правомъ въ смыслѣ подлежательнаго (jus subjectivum, jus sensu subjectivo). 2) Оно употребляется въ смыслѣ закона, законодательства, ученія о законахъ (напр. Римское право) и называется правомъ въ смыслѣ предлежательнаго или предметнаго (jus objectivum, jus sensu objectivo).

§ 25.

Права и обязанности могут возникать: 1) из отношений одного члена общества къ другимъ членамъ; 2) изъ отношений членовъ общества къ своему обществу; 3) изъ отношений самаго общества къ другимъ, какія могут существовать, обществамъ. На этомъ основаніи можно всегда различать три рода правъ и обязанностей въ обществахъ: 1) права и обязанности частныя; 2) права и обязанности общественныя внутреннія; 3) права и обязанности общественныя внѣшнія.

III. Понятіе Закона.

§ 26.

Права и обязанности въ обществахъ определяются и охраняются закономъ.

§ 27.

Законъ (lex) вообще есть правило, по которому что нибудь необходимо происходить. Правило, по которому должна происходить дѣятельность существъ нравственныхъ, если они не хотятъ отказаться отъ своего нравственнаго достоинства, хотя физически и могут не поступать по оному, называется въ частности закономъ нравственнымъ. Правило, по которому должны поступать нравственные существа въ обществахъ, если они не хотятъ отказаться отъ самой жизни общественной, можетъ быть названо точнѣе закономъ общественнымъ.

§ 28.

Законъ общественный, какъ и вообще законъ нравственный, состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ

одна можетъ быть названа частію *опредѣлительною*, другая частію *охранительною*.

Законъ общественный прежде всего *опредѣляетъ* права и обязанности какъ членовъ общества другъ къ другу и цѣлому обществу, такъ и цѣлаго общества къ его членамъ и другимъ нравственнымъ обществамъ. Въ семъ отношеніи онъ или повелѣваетъ что либо дѣлать и называется закономъ повелительнымъ, или запрещаетъ и называется запретительнымъ, или позволяетъ и называется позвонительнымъ. Впрочемъ какого бы рода законъ ни былъ, онъ по существу своему всегда есть изображеніе вѣчныхъ началъ правды.

Опредѣливъ право или обязанность, законъ дѣлаетъ устанавливать *миры* для ихъ *охраненія*, или, что то же, для огражденія себя въ своемъ дѣйствіи со стороны нарушеній. Въ этомъ выражается необходимость закона. Безполезенъ былъ бы самый законъ, еслибы его исполненіе и осуществленіе не было обезпечено. Съ сего цѣлію законъ 1) заботится о томъ, чтобы предупредить нарушеніе правъ, доколѣ оно еще не сдѣлано; 2) пресѣкаетъ нарушеніе правъ, когда оно совершается; 3) уничтожаетъ нарушеніе правъ, уже свершившееся, возстановляя нарушенныя права въ ихъ прежней силѣ и дѣйствіи. Нарушеніе правъ, опредѣленныхъ закономъ, возможно съ двухъ сторонъ: со стороны самихъ существъ нравственныхъ и со стороны природы, когда она устремляетъ свои враждебныя силы противъ существъ нравственныхъ и нравственнаго порядка. Въ томъ и другомъ случаѣ прямое и непосредственное обезпеченіе закона заключается въ самой волѣ нравственныхъ существъ. Надъ ними законъ ихъ вообще властвуетъ не съ меньшею силою, чѣмъ законъ физическій надъ существами физическими. Потому они исполняютъ законъ свой, во первыхъ, для него самаго, независимо отъ какихъ нибудь стороннихъ побужденій. Но къ существу самой правды принадлежитъ, за добро нравственное воздавать тѣмъ, которые его дѣлаютъ, и добро физи-

ческое, за зло нравственное и зло физическое. По чему для воли ни мало не может быть предосудительнымъ, если она ищетъ добра физическаго какъ слѣдствіа добра нравственнаго, бѣжитъ зла физическаго какъ слѣдствіа зла нравственнаго, и дѣлаетъ добро, имѣя въ виду награду, уготованную доблести,—уклоняется отъ зла, страшась наказаній, слѣдующихъ за порокомъ. Для тѣхъ изъ существъ нравственныхъ, въ умъ которыхъ не вошло еще полное сознаніе закона нравственнаго, представленіе награды, сопровождающихъ добро, и наказаній, слѣдующихъ за зломъ, можетъ быть даже почти единственнымъ побужденіемъ къ исполненію законовъ. Итакъ законъ обезпечиваетъ исполненіе своихъ требованій со стороны существъ нравственныхъ, во вторыхъ, обѣщая награды исполнителямъ, грозя наказаніями преступникамъ, и приводя дѣйствительно какъ свои обѣщанія, такъ и угрозы въ исполненіе. Въ третьихъ, наконецъ, весь порядокъ жизни общественной можетъ быть учрежденъ такъ, чтобъ въ немъ одно званіе поддерживалось другимъ, а равно могутъ быть приняты особыя мѣры для предупрежденія преступленій и пресѣченія ихъ въ самомъ началѣ. Такимъ же образомъ на случай столкновенія съ природою, воля имѣетъ въ себѣ довольно силы, чтобъ выдержать борьбу съ нею.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О существѣ закона внѣшняго.

I. О правдѣ во внѣшнемъ обществѣ.

§ 29.

Общеніе между людьми, по самой двойственности ихъ природы, есть двоякаго рода: во первыхъ *внут-*

реннее, по мыслямъ, чувствованіямъ, желаніямъ; но, во вторыхъ, внутреннее общеніе между людьми, не переставая быть внутреннимъ, въ тоже время дѣлается по необходимости и *внѣшнимъ*, такъ какъ и вообще все внутреннее у человека выражается во внѣшнемъ. Изъ внутренняго союза между людьми образуется по сему тотчасъ союзъ внѣшній, *общество внѣшнее*. Начала правды вмѣстѣ съ сномъ дѣлаются также *внѣшними*; они изрѣкаются, признаются въ этомъ внѣшнемъ обществѣ. Начала правды здѣсь 1) имѣютъ внутреннюю обязательную силу для совѣсти человека, владѣютъ надъ нею; но 2) это внутреннее выражается въ то же время и во внѣшности, и внѣшнее имѣетъ только важность и смыслъ, какъ выраженіе внутреннего. Такимъ образомъ 3) обѣ стороны необходимо соединяются между собою и одна не болѣе и не менѣе существуетъ, какъ и другая. Все внутреннее существуетъ внѣшнимъ образомъ, и внѣшнее учрежденіе общества есть только видимое бытіе внутреннего. Посредствомъ такого соединенія внутреннее получаетъ твердость и очевидность, внѣшнее — достоинство и величіе.

§ 30.

Важнѣйшее мѣсто между разными видами внѣшняго общества принадлежитъ въ родѣ человѣческомъ *Государству*. Оно есть общество самостоятельное, гдѣ вся высшій цѣль жизни человѣческой получаютъ для себя средоточіе и по возможности полное удовлетвореніе, и притомъ необходимымъ и прочнымъ образомъ. Вѣрность человека союзу своего Государства можетъ быть названа *правдою по смыслу Государства*. Праведное въ этомъ смыслѣ есть тоже самое, что и вообще праведное, но въ томъ его видѣ, какъ оно признано и существуетъ въ Государствѣ.

II. О правах и обязанностях во взаимоотношениях обществъ.

§ 31.

Такимъ же образомъ нравственная власть одного лица надъ другимъ, названная нами правомъ, можетъ быть, во первыхъ, только внутреннимъ отношениемъ — побужденіемъ совести, дѣйствіемъ души на душу, представленіемъ на представленіе. Но, во вторыхъ, какъ между людьми изъ внутреннего общения само собою образуется внешнее общество, и притомъ въ важнѣйшемъ его видѣ — въ видѣ Государства; такъ и внутренняя власть человека надъ человекомъ въ Государствѣ получаетъ для себя внешнее, твердое бытіе. Итакъ право въ Государствѣ, по истинному своему существу, есть власть человека надъ человекомъ, основывающаяся на правдѣ и потому признанная въ Государствѣ; обязанность — противное этому.

§ 32.

По свойству отношеній, въ какихъ можетъ находиться Государство и лица, къ нему принадлежащія, мы различаемъ въ Государствѣ два главныхъ союза: *внутренній союзъ* и *внешній*; первый есть, далѣе, или *государственный* или *гражданскій*. Внутренній союзъ есть тотъ, который существуетъ внутри Государства. Внутри Государства во первыхъ всѣ лица, принадлежащія къ Государству, какъ отдѣльныя, особенныя лица, находятся въ разнообразныхъ отношеніяхъ другъ къ другу; совокупность всѣхъ отношеній между ними называется союзомъ гражданскимъ. Во вторыхъ, каждое изъ лицъ, принадлежащихъ къ Государству, какъ лице отдѣльное, находится въ различныхъ отношеніяхъ къ цѣлому Государству какъ цѣлому и наоборотъ; совокупность

сихъ отношеній есть союзъ государственный внутренний. Кроме внутреннего союза, Государство, какъ цѣлое, находится въ отношеніяхъ, въ связяхъ съ другими Государствами, какъ цѣлыми; совокупность этихъ отношеній образуетъ союзъ государственный внешний, или союзъ народовъ.

По различію означенныхъ союзовъ права и обязанности въ Государствахъ бываютъ также различны и раздѣляются на права и обязанности *государственный*, *внутренній*, *гражданскій* и *государственный внешний*. Первые права и обязанности (т. е. государственныя внутреннія) происходятъ изъ союза государственнаго внутреннего, вторыя (т. е. гражданскія) — изъ союза гражданского, третьи (т. е. государственный внешний) — изъ союза государственнаго внешнего⁽¹⁾.

III. О законахъ во взаимоотношенияхъ обществъ.

§ 33.

Равнымъ образомъ законъ, которымъ определяются и охраняются права и обязанности лицъ въ обществѣ, есть прежде всего внутренний, т. е. который открывается каждому непосредственно его разумомъ и охраняется въ своемъ дѣйствіи одною совѣстію. Но права и обязанности, признанныя во внешнемъ обществѣ, и именно въ Государствѣ, определяются и охраняются *закономъ* также *внешнимъ*, т. е. признаннымъ въ этомъ внешнемъ обществѣ, выраженнымъ во внешнихъ знакахъ, и огражденнымъ въ своемъ дѣйствіи внешнею силою.

Для руководства людей въ ихъ общественной жизни одного внутреннего закона недостаточно. Если разумъ ихъ недовольно образованъ; то требованіе за-

(1) См. выше § 25.

кона внутреннего и вообще могут быть для нас неясными; въ такомъ случаѣ надобно, чтобы въ этомъ случаѣ кромѣ внутренняго закона опять бы законъ внѣшній выразилъ прямо и вразумительно необходимъ законъ внѣшній, чтобы установить внѣшніе требованія. Но еслибы вообще сін требованія нѣя мѣры, при которыхъ или совѣсть было бы невозможно было ясно, то однакоже по самому существу своему возможно человеку обнаруживать во внѣшности свою ему они весьма общи и могутъ быть выполняемую волю и быть вреднымъ для общества, или различнымъ образомъ; при другихъ временныхъ въ крайнемъ случаѣ послѣдствія злыхъ его дѣяній мѣстныхъ обстоятельствахъ они должны быть, опять вскорѣ уничтожались бы съ возстановленіемъ выполняемы другимъ способомъ. При дѣйствіи нарушенныхъ правъ въ ихъ прежней силѣ и важности. При этомъ эта общность, эта неопредѣленность и неопредѣленность, эта должна уничтожиться; общее должно быть приложено къ особенному. Представимъ, что въ этомъ случаѣ каждый изъ людей слѣдуетъ своему собственному усмотрѣнію. Взгляды ихъ на одинъ и тотъ же предметъ могутъ быть весьма различны, одинъ изъ нихъ поражается тою стороною предмета, другой противоположно; отсюда и сужденіе ихъ объ одномъ и томъ же предметѣ весьма различно. Но въ такомъ случаѣ необходимо должно случиться, что одинъ будетъ почитать согласнымъ съ правдою одно, другой — другое; одинъ будетъ стремиться къ одному цѣлямъ, другой — къ другимъ, одинъ будетъ употреблять одни средства, другой — другія. Сколько бы люди добры и миролюбивы ни были, каждый изъ нихъ захочетъ дѣйствовать по своимъ понятіямъ о праведномъ и неправедномъ. Такимъ образомъ не только не произойдетъ ничего общаго между ними, но очень легко можетъ случиться, что каждый изъ нихъ, почитая себя правымъ и обижаясь дѣйствіями другаго, будетъ вооружаться противъ него и наносить ему обиды. Итакъ кромѣ закона внутреннего нуженъ другой законъ, который бы общія его требованія раскрылъ въ ихъ частностяхъ и приравнительно къ особеннымъ обстоятельствамъ и случаямъ, дабы люди для своихъ дѣйствій имѣли опредѣлительнѣйшія, неподлежащія сомнѣнію или перетолкованію, правила. Впрочемъ не по одному незнанію требованій закона нравственнаго или по особенному объ нихъ понятію люди не исполняютъ своихъ обязанностей и нарушаютъ права другихъ; нерѣдко они дѣлаютъ это по злой волѣ, вникая болѣе оболь-

§ 34.

Подобно нравственному закону вообще, Законъ въ Государствѣ и во всякомъ внѣшнемъ обществѣ состоитъ изъ двухъ частей: *опредѣлительной и охранительной* ⁽¹⁾, которыя впрочемъ здѣсь представляются съ характеромъ внѣшности.

Законъ Государства, во первыхъ, опредѣляетъ, выражая свою волю внѣшними знаками, права и обязанности членовъ Государства другъ къ другу и къ своему Государству и права и обязанности самаго Государства къ своимъ членамъ и къ другимъ Государствамъ. Въ семъ случаѣ онъ изрекаетъ только вѣчныя требованія правды, представляя ихъ въ опредѣлительнѣйшемъ видѣ, сообразно временнымъ и мѣстнымъ обстоятельствамъ, указывая ближайшіе способы ихъ исполненія и дѣлая ихъ для всѣхъ ясными и очевидными.

Законъ Государства, во вторыхъ, устанавливаетъ внѣшнія мѣры для охраненія опредѣленныхъ имъ правъ и обязанностей. Внутренній побужденія сохраняютъ полную свою силу надъ человекомъ и въ Государствѣ. Принадлежа съ самымъ рожденіемъ къ этому нравственному союзу, возрастая въ немъ, получая

(1) См. выше § 28.

воспитаніе въ его духъ, будучи окруженъ имъ, своей жизни со всѣхъ сторонъ, человекъ исполняетъ его законы, какъ законы собственнаго своего существа, не давая въ себѣ и мѣста какому нибудь сомнѣнію о томъ, должны ли быть они исполнены. Общий духъ народа живетъ въ каждомъ изъ лицъ этого народа и непосредственно даетъ направленіе всѣмъ ихъ дѣйствіямъ; всѣ они мыслятъ, чувствуютъ, дѣйствуютъ въ духъ своего народа. Но въ высшемъ обществѣ права получаютъ для себя высшее охраненіе. Внутри Государства по различнымъ союзамъ, въ немъ существующихъ, они охраняются мѣрами или гражданскаго порядка, или общаго государственнаго. Мѣры гражданскаго порядка суть тѣ, которыя для охраненія правъ гражданскихъ предпринимаются хотя Государствомъ, но по требованію, при ближайшемъ участіи и для пользы самого лица обиженнаго. Мѣры общаго государственнаго порядка суть тѣ, которыя для охраненія правъ какъ гражданскихъ, такъ и государственныхъ принимаетъ и приводитъ въ дѣйствіе само непосредственно Государство, по собственному побужденію, сколько для пользы лицъ обиженныхъ, если обижены частныя лица, столько и для пользы собственной — для пользы цѣлаго Государства, какъ цѣлаго. Къ симъ мѣрамъ общаго государственнаго порядка относятся: 1) мѣры предохранительныя, — Государство старается, чтобъ нарушенія правъ совсѣмъ не было, въ случаѣ же покушенія на то пресѣкаетъ его тотчасъ; 2) мѣры послѣдующія за нарушеніемъ правъ со стороны существъ нравственныхъ, т. е. наказанія. Въ соответствии съ наказаніями Государство для поощренія къ гражданскимъ доблестямъ устанавливаетъ различныя награды. Противъ нарушеній назвѣвъ, т. е. со стороны другихъ Государствъ, права охраняются мѣрами общаго государственнаго порядка, и притомъ или мирными способами, или путемъ непріязненныхъ дѣйствій.

ГЛАВА II.

О происхожденіи и постепенномъ образованіи законовъ.

§ 35.

Совокупность законовъ, дѣйствующихъ въ извѣстномъ Государствѣ, называется *Законодательствомъ сего Государства*. Каждое Государство имѣетъ свои особые законы, или даже, по различію обществъ и лицъ, въ немъ находящихся, нѣсколько особыхъ системъ законодательства ⁽¹⁾. При существованіи большаго множества Государствъ на лицъ земли, во 1-хъ въ пространствѣ, во 2-хъ во времени, существуетъ посему и большее множество законодательствъ. Эта множественность законодательствъ есть, во первыхъ, чисто формальная и происходитъ изъ того, что обязательная сила каждаго изъ нихъ основывается на постановленіи особаго Государства; по своему содержанию (по матеріи) законы разныхъ Государствъ могутъ быть при этомъ болѣе или менѣе согласны другъ съ другомъ. Но, во вторыхъ, не смотря на нѣкоторое между ними согласіе, и по содержанію они представляются намъ чрезвычайно различными. — Откуда происходитъ и какъ образуется такое множество: 1) законодательствъ вообще въ родъ *человѣческихъ*; 2) законовъ внутри *опредѣленнаго Государства*?

⁽¹⁾ Законы, дѣйствующіе на всемъ пространствѣ извѣстнаго Государства, называются *общими* его законами; законы, дѣйствующіе только въ извѣстной его части, называются *мѣстными* законами; законы, дѣйствующіе для извѣстнаго класса лицъ, гдѣ бы они въ Государствѣ ни находились, называются законами *личными*.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О происхождении и образовании законодательства вообще въ родѣ человѣческомъ.

§ 36.

Причиною множественности законодательствъ вообще въ родѣ человѣческомъ есть самое существо составныхъ частей, изъ которыхъ слагается каждое законодательство по различію источниковъ нашего познанія о законахъ и по различію оснований обязательной силы законовъ.

§ 37.

Въ семъ отношеніи мы различаемъ во всякомъ законодательствѣ двѣ составныя части: часть, которая можетъ быть познана непосредственно умомъ, и сама по себѣ имѣетъ обязательную силу, независимо отъ общественнаго постановленія, — *законы естественные*; часть, которая познается не иначе, какъ изъ самаго законодательства, дѣйствующаго въ Государствѣ, и только потому имѣетъ обязательную силу, что она установлена Государствомъ, — *законы чисто-положительные*. Первые представляютъ всеобщую и необходимую сторону законодательства, вторые — случайную и ограниченную; первые, взятые въ ихъ совокупности, образуютъ идею законодательства, вторые служатъ ея проявленіемъ. Но какъ Государство на самые законы естественные полагаетъ печать своего утвержденія; то все вообще законодательство, дѣйствующее въ извѣстномъ Государствѣ, называется *положительнымъ законодательствомъ*.

§ 38.

Въ дѣйствительности ни которая изъ поименованныхъ частей не можетъ существовать отдѣльно отъ другой и

безъ другой: первая, какъ всеобщее, безъ второй, какъ особеннаго, есть голое понятіе безъ полноты жизни; вторая, какъ особенное, безъ первой, какъ своего всеобщаго, есть только хаотическое смѣшеніе разныхъ случайностей безъ всякой внутренней связи, безъ твердаго основанія, безъ вѣчнаго и неизмѣняемаго достоинства. Определѣннѣйшій видъ полноты идея законодательствъ въ положительныхъ законахъ: а) отъ особеннаго характера народа, степени его развитія, историческихъ отношеній къ другимъ народамъ, вообще отъ дѣйствія причинъ временныхъ и мѣстныхъ; б) въ Государствѣ общія неизмѣнныя начала правды прилагаются къ тому или другому особенному роду отношеній, встрѣчающихся въ дѣйствительной жизни; в) сверхъ приложенія къ особенному роду предметовъ вѣчныя начала правды въ Государствѣ прилагаются еще къ отдѣльнымъ, единичнымъ случаямъ жизни, чтобъ данный случай получилъ окончательное рѣшеніе. Это есть существенное отношеніе между идеею законодательствъ и положительными законами. Случайное отношеніе между ними, т. е. не основанное на необходимости вещи, можетъ состоять въ противорѣчій ихъ другъ съ другомъ.

§ 39.

Но идея никогда не выражается вполне и вдругъ въ одномъ какомъ либо явленіи. Тоже надобно сказать объ идеѣ законодательствъ. Будучи по существу своему одна и та же, она при своемъ переходѣ въ міръ явленій необходимо подлежитъ всѣмъ условіямъ пространства и времени, и представляется въ такомъ же разнообразіи законодательствъ, какъ разнообразно все, существующее въ пространствѣ и времени. Она раскрывается, во первыхъ, постепенно во времени; отсюда въ различныя времена существуютъ и различныя законодательства. Во вторыхъ, раскрываясь на извѣстной ступени, она допускаетъ въ одно и тоже время существованіе различныхъ видовъ въ

пространствъ, такъ какъ взаимное отношеніе различныхъ ея элементовъ на одной и той же ступени можетъ быть определено различнымъ образомъ; отсюда — въ одно и тоже время на различныхъ пространствахъ существуютъ и различныя законодательства.

§ 40.

Такимъ образомъ дѣйствительно Государства, въ законахъ которыхъ осуществляется общія идея законодательства, 1) разсѣяны по всему пространству земли, 2) слѣдуютъ другъ за другомъ непрерывно и 3) внутри собственнаго своего круга каждое изъ нихъ проходитъ различныя ступени бытія. Каждый народъ при этомъ осуществленіи идеи имѣетъ свое особое назначеніе; раскрывши одну ея сторону, онъ передаетъ свой трудъ другому счастливѣйшему. Цѣлая идея законодательства осуществляется только въ цѣлой ихъ совокупности.

§ 41.

Но какъ непрерывно въ родъ человѣческомъ возникаютъ разнообразныя законодательства, такъ въ свое время сіе разнообразіе опять и исчезаетъ. Это происходитъ 1) внѣшнимъ образомъ — посредствомъ слиянія одного Государства съ другимъ и посредствомъ заимствованій, какія дѣлаетъ одно Государство изъ законовъ другого, особенно когда между народами распространяются взаимныя сношенія; 2) внутреннимъ образомъ — посредствомъ одинаковости въ порядкѣ развитія законодательства. Вся положительныя законодательства, выражая одну общую идею, въ существѣ своемъ тождественны. Въ они развиваются въ одномъ и томъ же порядкѣ, переходя отъ началъ ограниченныхъ къ началамъ болѣе общимъ. Вся они представляютъ поразительное сходство между собою, когда находятся на равныхъ ступеняхъ развитія.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О происхожденіи и постепенномъ образованіи законовъ внутри одного Государства.

§ 42.

Два вообще начала дѣйствуютъ при образованіи законодательства: начало необходимости и начало произвола.

§ 43.

Аннексамыра. Montesquieu de l'esprit des lois, въ 1-й разъ 1748. — *Charles Comte* traité de législation ou exposition des lois générales, suivant lesquels les peuples prospèrent, dépérissent ou restent stationnaires. 4 Tom. 1826—1828. — *Ferguson* essay of civil society. Edinburg. 1766. 4. — *Filangieri* scienza della legislazione, 8 voll. Nap 1780. 8. — *Hugo* Naturrecht. 1-te Ausg. 1798. — *Zacharie* vierzig Bücher vom Staate. Heidelberg. 1820—1852. — *Leo* Studien und Skizzen zu einer Naturlehre des Staates. 1-ste Abtheil. 1855. Halle. 8.

Вся существа въ мірѣ образуютъ непрерывную цѣпь причинъ и дѣйствій и каждое въ немъ явленіе есть необходимое послѣдствіе различныхъ причинъ. По отношенію къ законодательству можно различать нѣсколько видовъ необходимости. Есть 1) необходимость *физическая*. Вещество, надъ образованіемъ котораго трудится законодатель, составляетъ природа — природа человѣка и природа внѣшняя; поприще, гдѣ законодатель находитъ дѣйствующимъ человѣка и самъ дѣйствуетъ, есть также природа. По имѣя дѣло съ природою, действуя въ области природы, люди необходимо должны сообразоваться съ неизмѣнными ея законами. Въ особен-

ности, большое влияние на духъ и постепенное развитие законодательства имѣютъ свойство племенъ къ которому принадлежитъ народъ, и свойство земли, гдѣ онъ живетъ, какъ то: ея величина, фигура, положеніе относительно другихъ странъ, климатъ (1), плодородность и т. д. 2) Необходимость *нравственная*. На сердце человека напечатлѣны заповѣди Божественныя и при всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ стремится поставить себя въ соответствие съ ихъ требованіями. 3) Существуетъ необходимое *отношеніе между всеми направленіями дѣятельности народной*. Каждое изъ нихъ имѣетъ влияние на каждое другое. Такимъ образомъ подъ вліяніемъ особенной религіи, наукъ, искусствъ, занятій и т. д. раскрывается и особенное законодательство. 4) Есть необходимость *историческая*. Жизнь каждаго народа развивается въ необходимомъ порядкѣ; напрасно захотѣлъ бы кто нибудь перешагнуть свое время. Настоящее состояніе народа всегда находится въ тѣснѣйшей связи съ прошедшимъ; напрасно захотѣлъ бы кто нибудь вдругъ отказаться отъ всего своего прошедшаго. Въ частности, дѣйствіе различныхъ историческихъ происшествій, какъ то: общенародныхъ бѣдствій, столкновеній съ другими народами и т. п. на образованіе законовъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. 5) Есть необходимость *всесмірно-историческая*. Каждый народъ участвуетъ своимъ особеннымъ образомъ въ осуществленіи идеи человечества, имѣетъ при этомъ дѣль свою особенную задачу; — онъ долженъ выполнить ее непременно. 6) Наконецъ необходимость *логическая*. Какъ между всеми частями одного и того же узаконенія по самому его существу находится необходимое *соотношеніе*, такъ и между всеми частями законодательства находится подобное *соотвѣтствіе*. Известное образованіе одной части узаконенія влечетъ за собою известное образованіе другой; известное

(1) См. особенно Herder Ideen zur Philosophie der Geschichte. Buch VII, 3—5; VIII, 1, 2.—Stöckhardt de cōli vi in jure conspicua Lipsiae. 1836. 4.

образованіе одной части законодательства требуетъ соотвѣтственного образованія и въ другой.

§ 44.

Этотъ необходимый порядокъ вещей обнаруживаетъ надъ людьми свое дѣйствіе прежде всего безъ ихъ воли и сознанія. Состоя подъ владычествомъ необходимости, они такъ же бессознательно исполняютъ ея велѣнія и свершаютъ свою судьбу, какъ бессознательно существо физическое повинуетъ образовательной силѣ природы; сами собою совершенно гармонически устроятся между ними всѣ отношенія; само собою законодательство получаетъ у нихъ надлежащее развитіе и направленіе.

§ 45.

Но противъ необходимости человекъ имѣетъ также и собственную волю, и отъ него зависитъ признать требованія необходимости, или не признавать ихъ. Онъ можетъ 1) отрѣшиться отъ всякаго закона, возлагаемаго необходимостію, хотя бы иногда и не долженъ былъ этого дѣлать. 2) Къ одной и той же цѣли могутъ вести разные пути, равно, или почти равно, хорошіе; по этому при существованіи требованія, простирающаго изъ необходимаго порядка вещей, воля человека имѣетъ еще въ полной у себя власти дѣлать выборъ между тѣмъ и другимъ способомъ, какимъ можно удовлетворить сему требованію. 3) Независимо отъ того, многіе случаи жизни, особенно если рѣчь идетъ только о количествахъ, будучи сами по себѣ совершенно безразличными, всѣмъ не могутъ быть рѣшены изъ началъ того или другаго вида необходимости; въ сихъ случаяхъ воля дѣлаетъ рѣшеніе единственно изъ себя самой. 4) И вообще люди для того имѣютъ и разумъ, чтобы судить о добрѣ и злѣ. Все, что происходитъ съ человекомъ, дабы сдѣлаться дѣйствительно, а не по име-

ни только его достоинством, должно пройти сквозь его сознание и принять въ немъ форму мышления, что образуется въ немъ безъ его сознана и воли, то соединено бываетъ съ различными недостатками. 5) Для воли есть даже возможность — въ самой необходимости всегда сохранять свое существо, постигая ее и дѣлая изъ вѣтшей, чуждой необходимости, необходимости внутренней, своею собственною. Это есть даже непремѣнный долгъ для воли и въ этомъ состоитъ ея высокое достоинство.

§ 46.

На различіи началъ, дѣйствующихъ при образованіи законодательства, и на взаимномъ ихъ отношеніи другъ къ другу, основывается какъ различіе формъ, въ которыхъ образуется законодательство, и его сдержанія, такъ и порядокъ постепеннаго развитія законовъ со стороны ихъ формъ и содержанія.

Г. О происхожденіи и постепенномъ образованіи законовъ со стороны ихъ формъ.

Литтература. Сочиненія, писанныя: 1) для *Германин*. *Schlosser* Briefe über die Gesetzgebung. 1789. — *Thibaut* über die Nothwendigkeit eines allgemeinen bürgerlichen Rechts für Deutschland. Heidelberg. 1814. — *K. Schmid* Deutschlands Wiedergeburt. Jena. 1814. — *Rehberg* über den Code Napoleon. Hannover. 1814. — *Savigny* vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Berlin. 1814. — *Welker* letzte Gründe von Recht, Staat und Strafe. Giessen. 1815. S. 510—515. — *Klötzer* Versuch eines Beytrags zur Revision der Theorie vom Gewohnheitsrecht. Jena. 1815. — *Hugo* civilistisches Magazin 4-ter Band № 4. — *G. F. Puchta* das Gewohnheitsrecht. 2. Theile. Erlangen. 1828. 1837. — *Köppen* Politik nach platonischen Grundsätzen. Leipzig. 1818. S. 210—264. — *Hegel* Philosophie des Rechts. § 210—212, 215—216. — *Stahl* Philosophie des Rechts. 2-ter Bd. Heidelberg. 1835. S. 136—145; 206—217. 2) Для *Англин*. *Ben-*

tham sur la codification. — *Grofton Uniack* a letter to the lord Chancellor on the necessity and practicability of forming a Code of the laws of England. London. 1825. — *Humphreys* Observations on the state of the English Laws of real Property with the outlines of a Code. London. 1826. II. ed. London. 1827. — *E. B. Sugden* a letter to James Humphreys Esq. on his proposal of Real Property and substitute of new Code. 3. edition. 1827. — *J. J. Park* a Contre Projet to the Humphreysian Code. 1828. — *C. P. Cooper* Lettres sur la cour de la chancellerie et quelques points de la jurisprudence anglaise. Nouv. édit. à Londres 1828. 8. — *C. P. Coopers* brief account of some of the most important proceedings in parliament, relative to defects in the administration of justice in the court of chancery, the house of Lords, and the court of commissioners of bankrupt: together with the opinions of different statesmen and lawyers, as to the remedies to be applied. Lond. 1828. 8. — *Reddie* A letter to the Lord Chancellor on the expediency of the proposal to form a new civil Code for England. Edinburg. 1829. — *J. D. Meyer* De la codification en général et de celle d'Angleterre en particulier, en une série des lettres adressées à M. Cooper. Amsterdam. 1830. 8. (Обзоръ сочиненій, писанныхъ для Англин, находится въ *kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes*, von *Mittermaier* und *Zachariae*. Heidelberg. B. II. 1830. S. 69—77; S. 135—142. B. III. 1831. S. 251—258). 3) Для *Соединенныхъ Штатовъ*. Въ соч. *David Hoffmann*, J. D. Götting. A course of legal study 2 ed. Baltimore. 1836. 8. одна глава имѣетъ своимъ предметомъ codification. (См. также *kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes*, von *Mittermaier* und *Zachariae*. B. III. 1831. S. 444—465).

§ 47.

Формы, въ которыхъ образуется законодательство, суть или обычаи⁽¹⁾, или законы въ тѣсномъ смыслѣ

(1) На обычаи можно смотрѣть во первыхъ какъ на форму, въ которой образуются начала правды, во вторыхъ какъ на источникъ познанія ихъ. Здѣсь обычаи разсматриваются въ первомъ отношеніи.

сего слова. Средину между тѣми и другими занимает *ученіе законодѣльцевъ*. На пути обычая законодательство образуется безъ особеннаго сознанія и воли чловѣка, подъ господствомъ необходимости на пути закона — при посредствѣ сознанія и воли. Ученіе законодѣльцевъ представляетъ въ себѣ соединеніе того и другаго способа образованія законодательства.

§ 48.

Обычаемъ называется образъ дѣйствованія, постоянно наблюдаемый людьми въ извѣстныхъ случаяхъ. Когда такимъ образомъ въ данныхъ случаяхъ постоянно соблюдается одинъ и тотъ же способъ дѣйствованія, то въ людяхъ рождается наконецъ чувство его необходимости. Особенный видъ обычая составляютъ *обычаи присутственныхъ мѣстъ*. Весьма естественно, что одинъ и тотъ же судъ рѣшить для однородныя одинаковымъ образомъ, и что суды нижшіе соотнобразуются въ своихъ рѣшеніяхъ съ судами высшими. Въ первомъ случаѣ для суда рождается необходимость, если онъ нѣсколько разъ извѣстныя дѣла рѣшалъ извѣстнымъ образомъ, рѣшать ихъ такъ же и на будущее время. Во второмъ случаѣ и одно рѣшеніе высшаго мѣста можетъ быть для нижшихъ побужденіемъ слѣдовать оному, какъ скоро они увѣрены, что высшее мѣсто и въ послѣдствіи времени будетъ руководствоваться тѣмъ же правиломъ, которое оно однажды уже выразило въ своихъ дѣйствіяхъ.

Въ противоположность обычаямъ *законъ* есть прямое и непосредственное объявленіе *властію общественной воли* о томъ, какъ должны поступать лица, ей подчиненныя по отношенію къ извѣстному роду дѣяній. Законъ творитъ правило для дѣйствованія вдругъ въ одно нераздѣльное мгновеніе: посредствомъ обычая оно устанавливается только въ теченіи времени. Въ законѣ выражается правило непосредственно, ясными словами, въ обычаяхъ — посредствомъ дѣяній.

Отсюда можно уже видѣть, что законъ и обычай различаются между собою не столько содержаніемъ, сколько формою. Содержаніе въ обоихъ по существу своему одно и то же: оно болѣе или менѣе дано уже самою необходимостію (физическою, нравственною, историческою и т. д.). Нерѣдко законъ признаетъ только то, что уже существуетъ въ обычаяхъ; нерѣдко обычай утверждаетъ только то, что выразилось уже въ законѣ. Что же касается формы, въ законѣ, какъ обдуманномъ произведеніи чловѣка, содержаніе получаетъ форму мышленія: разнообразныя, частныя положенія здѣсь приведены къ одному общему, простому началу; выраженію дана точность и определенность, уничтожено всякое сомнѣніе о томъ, должно ли какое нибудь правило почитаться обязательнымъ, или нѣтъ; наконецъ всякому доставлена возможность узнать дѣйствующія въ своемъ отечествѣ начала законодательства. Совершенно другія качества представляетъ намъ обычай, какъ безсознательное произведеніе чувства.

Впрочемъ если и вообще въ чловѣкѣ сознательная и безсознательная дѣятельность сливаются одна съ другою; то, естественно, между закономъ и обычаемъ даже и по формѣ не можетъ быть рѣзкаго различія. Тѣ единичныя дѣянія, изъ непрерывнаго повторенія коихъ рождается наконецъ въ народѣ чувство внутренней ихъ необходимости, всегда совершаются съ большимъ или меньшимъ сознаніемъ. Наоборотъ, законъ, прививаясь къ тому, что уже образовалось безъ сознанія, и будучи одоленъ своимъ бытіемъ также людямъ, которые по необходимости всегда дѣйствуютъ болѣе или менѣе безсознательно, представляетъ въ себѣ частію произведеніе дѣятельности безсознательной.

§ 49.

Законодѣдцы, возводя въ сознаніе народа постановленія, образовавшіяся путемъ обычая или путемъ

закона, собирая и излагая ихъ въ порядкѣ, болѣе или менѣе правильномъ, объясняя, дополняя ихъ, изъясняя ихъ причины, указывая средства къ ихъ улучшенію, участвуютъ въ образованіи законодательства теоретически и практически: теоретически, издавая сочиненія о предметахъ законодательства и занимаясь изустнымъ наставленіемъ въ законахъ; практически—полагая приговоры въ судахъ, изъ нихъ же составленныхъ. Мнѣнія законовѣдцевъ, выраженные тѣмъ или другимъ способомъ, иногда съ самаго уже начала имѣютъ большой вѣсъ; иногда приобретаютъ его со временемъ. На нихъ начинаютъ ссылаться какъ на законъ. Законодатель можетъ даже прямо и непосредственно принять въ систему своего законодательства изслѣдованія и выводы науки и маложить на нихъ печать закона.

§ 50.

Мѣра участія, какая въ образованіи законодательства принадлежитъ обычаю или законамъ, безсознательной или сознательной дѣятельности, а равно и законовѣдцѣмъ, зависитъ отъ степени умственного и нравственнаго развитія общества.

§ 51.

Сначала законодательство образуется посредствомъ обычаевъ,—путемъ безсознательной дѣятельности. У народовъ въ первомъ возрастѣ ихъ жизни разумъ бываетъ слабъ и весьма бѣденъ понятіями. Что касается въ частности законодательства, онъ бываетъ не въ состояніи находить и изречь какія нибудь общія начала,—начала, имѣющія обязательную силу на все будущія времена, для всего извѣстнаго круга людей, по отношенію къ цѣлому роду дѣлій. Находясь подъ владычествомъ чувства и воображенія, народы въ семъ возрастѣ живутъ почти исключительно въ единичныхъ дѣліяхъ. Какъ на все существа физическія, природа дѣйствуетъ съ полнымъ могуществомъ и на

человѣка, который еще не отторгся отъ нее, еще не возвысился надъ нею размысленіемъ. Простота всехъ отношеній позволяетъ человѣку легко обозрѣвать ихъ и для каждаго случая находить какъ бы по инстинкту правильное рѣшеніе. Всегда и весь живя въ этихъ отношеніяхъ, онъ знаетъ даже непосредственно, какъ онъ долженъ въ нихъ вести себя.

§ 52.

По мѣрѣ успѣховъ образованности разумъ начинаетъ мало по малу воспринимать свои права, и люди болѣе и болѣе привыкаютъ дѣйствовать съ сознаниемъ. Въмѣстѣ съ симъ различные виды дѣятельности народной отдѣляются другъ отъ друга. Особеннымъ родамъ занятій посвящаютъ себя и особые лица. Тоже происходитъ относительно законодательства. Доселѣ оно было въ чувствѣ каждаго; теперь, когда отношенія сдѣлались сложными, когда отъ того самого и оно получило обширный и сложный составъ; уже не всякой можетъ обнимать его, не всякой можетъ обсуживать по нему свои отношенія. Итакъ оно дѣлается предметомъ занятій особеннаго сословія—*сословія законовѣдцевъ.*

§ 53.

Въ то же время вмѣсто обычаевъ являются *законы*, какъ непосредственныя постановленія власти общественной, хотя и обычаи не совсѣмъ теряютъ свою образовательную силу. Власть законодательная дѣйствуетъ на образованіе законодательства: 1) *изданіемъ отдѣльныхъ законовъ*; 2) *составленіемъ Сводовъ и сочиненіемъ Уложений.*

§ 54.

Изданіе отдѣльныхъ законовъ есть первоначальная форма законодательства. Бывъ произведеніемъ нужды

и обстоятельствъ, законы не могутъ быть издаваемы въ определенной системѣ, такъ же какъ и обычаи не образуются систематически. Но тѣмъ не менѣе необходимая разнородность тѣхъ и другихъ должна быть въ послѣдствіи приводима къ единству для удобства исполненія. Она приводится къ единству посредствомъ Сводовъ и Уложений.

§ 55.

Существо Сводовъ и Уложений вообще состоитъ въ томъ, что въ нихъ вмѣсто отдѣльныхъ законовъ и обычаевъ мы получаемъ систему болѣе или менѣе ясную, правильную и единообразную. Но въ Сводѣ законы и обычаи дѣйствующіе излагаются безъ всякихъ поясненій, дополненій и вообще исправленій; въ Уложеніи напротивъ — не иначе, какъ въ видѣ исправленнаго.

§ 56.

Что касается въ частности *Сводовъ*, они являются у каждаго народа тотчасъ за появленіемъ письменности, въ видѣ болѣе или менѣе совершеннаго. Первоначально они содержатъ въ себѣ почти одни только обычаи, такъ какъ законы въ собственномъ смыслѣ еще не существуютъ. Потребность въ сборникахъ сего рода основывается: 1) на общей потребности чело-вѣка — выражать и созерцать свое внутреннее во вѣн-ности; 2) на стремленіи — дать твердое бытіе тому, что доселѣ существовало только въ быломъ, скоро-преходящемъ чувствѣ; 3) на желаніи — сдѣлать это общимъ достояніемъ, доступнымъ для всякаго; 4) на желаніи удобности — тотчасъ въ случаѣ нужды обо-зрѣть состояніе законодательства въ извѣстное вре-мя. Но и по составленіи сборника обычаи не перестаютъ умножаться; къ нимъ сверхъ мнѣній зако-новѣдцевъ присоединяются еще законы, и тѣмъ въ болѣе-мъ количествѣ, чѣмъ быстрее возрастаетъ образованность народа. При непрерывномъ дѣйствіи

той же потребности въ разныхъ ея видахъ, кото-рая дала бытіе первоначальнымъ сборникамъ, осо-бенныя трудности какъ въ порядкѣ суда и управ-ленія, такъ и въ усовершеніи законовъ, происте-кающія изъ многосложности и разнородности ихъ, еще болѣе дѣлаютъ необходимымъ приведеніе ихъ въ составъ ясный, правильный и единообразный⁽¹⁾. По совершеніи этого дѣла, обычаи, законы и мнѣнія законовѣдцевъ снова нарастаютъ и умножаются; но-вый сводъ опять становится необходимымъ, и такъ да-лее въ безконечность. Потребность въ сводахъ такимъ образомъ сохраняется и питается непрерывно. Удовле-створить ей, кажется съ перваго взгляда, могутъ и ча-стные люди, одаренные способностями именпо для того нужными; для дѣятельности власти собственно законодательной въ этомъ случаѣ, по видимому, не представляется никакого предмета. Но Правитель-ство по обилію средствъ, какія находится у него въ распоряженіи, и вообще можетъ гораздо скорѣе, пол-нее и совершеннѣе, нежели частное лице, собрать и привести въ систему дѣйствующіе законы и обычаи. Въ особенности же дѣйствіе Правительства необхо-димо въ томъ случаѣ, когда въ отдѣльности отъ не-го не образовалось еще особаго сословія законовѣ-дцевъ, а между тѣмъ потребность въ сводахъ и сбор-никахъ законовъ существуетъ. Весьма естественно, что при этомъ Правительство не ограничивается од-нимъ только составленіемъ Свода, но, имѣя въ ру-кахъ своихъ власть законодательную, въ тоже время дѣлаетъ разныя поясненія и дополненія къ сводимымъ законамъ. Сводъ Законовъ дѣйствующихъ, болѣе или менѣе исправленный, есть уже новое Уложеніе.

§ 57.

По составнымъ своимъ частямъ *Уложеніе* состоитъ: 1) изъ старыхъ, прежде уже дѣйствовавшихъ зако-новъ и 2) измѣненій, поясненій и дополненій къ онымъ.

⁽¹⁾ Ср. обзорніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ Сиб. 1833. стран. 86 — 104.

Совершенство Уложения суть: 1) по материи—полнота началъ, нужныхъ для ршенія встрѣчающихся случаевъ жизни; 2) по—формѣ опредѣленность выраженія, правильность и единообразіе состава. По объему Уложение можетъ заключать въ себя или все вообще законодательство извѣстнаго народа, или только нѣкоторые роды и виды законовъ. Сочиненіе Уложений вообще не есть дѣло необходимое: изъ двухъ частей, ихъ составляющихъ, одна (старое) не требуетъ новаго изданія, другая (новое) можетъ быть издана во всякое время независимо отъ Уложения. Но когда при быстромъ развитіи жизни народной во всѣхъ ея направленіяхъ, законы, возрастая одна надъ другою, умножаются до чрезвычайности; когда они, не взирая на всю осмотрительность власти законодательной, придуть въ величайшую запутанность; когда въ обществѣ вдругъ пробудятся разнородныя потребности, которымъ должно быть доставлено скорое и ршительное удовлетвореніе: тогда необходимо будетъ прибѣгнуть ко всеобщему пересмотру законовъ, по крайней мѣрѣ той ихъ части, въ которой произошло такое смѣшеніе, такое быстрое движеніе,—тогда надобно прибѣгнуть къ ршительнымъ, всеобщимъ законодательнымъ мѣрамъ—къ сочиненію новыхъ Уложений. Не надобно только при этомъ забывать, что всякое произведеніе человѣческое всегда будетъ болѣе или менѣе несовершенно, и что никакое Уложение не можетъ быть годнымъ для всѣхъ временъ и поколѣній.

§ 58.

Мы описывали естественный порядокъ образованія законодательства. Онъ можетъ частію измѣниться. Не всегда народы образуютъ сами для себя все свое законодательство. Нередко одинъ народъ или произвольно, для того, чтобъ избавить себя отъ труда писать законы, или по принужденію, принимаетъ для себя законы другого народа и руководствуется ими, не перерабатывая ихъ въ новую форму, а

употребляя непосредственно тѣ самые сборники, своды и уложенія, въ которыхъ они изложены народомъ, ихъ составившимъ. Такимъ образомъ народъ можетъ вдругъ получить совершенное законодательство. Разумѣется само собою, что способъ какъ происхожденія принятаго законодательства въ его коренномъ отечествѣ, такъ и принятія его другимъ народомъ, можетъ быть такъ же различенъ, какъ и вообще способъ образованія законодательства. При этомъ или можетъ быть дана полная сила *законодательству пришлому* (*jus cessertum*), или оно должно служить только пополненіемъ отечественныхъ законовъ, когда сіи оказываются недостаточными. Въ последнемъ случаѣ оно называется *законодательствомъ вспомогательнымъ* (*jus subsidia-rium*). Впрочемъ не одни иностранные законы могутъ служить вспомогательными законами; въ вообще источники законодательства, въ которыхъ присутствуютъ мѣста должны, по обычаю или по ясно выраженной волѣ законодателя, искать разршенія встрѣчающихся случаевъ, при недостаточности главнаго источника, могутъ быть отнесены къ этому разряду, напр. правила здраваго смысла, ршенія судебныхъ мѣстъ, сочиненія извѣстѣйшихъ законовѣдцевъ.

II. О происхожденіи и постепенномъ образованіи законовъ со стороны ихъ содержанія.

Литтература. Въ вообще сочиненія, подъ разными названіями, въ которыхъ излагается исторія постепеннаго образованія обществъ въ родѣ человѣческомъ. *Hegel Grundlinien der Philosophie des Rechts.* § 142—360.

§ 59.

Полное содержаніе идеи законодательства, такъ же какъ и формы, въ которыхъ образуются законодательства, раскрывается у народовъ мало по малу. Въ настоящемъ случаѣ можно различать пять ступеней жизни общественной: 1) *Семейство*, 2) *Родъ*, 3) *Гражданское Общество*, 4) *Государство*, 5) *Союзъ народовъ*.

Съ каждою изъ сихъ ступеней идея законодательства уясняется болѣе и болѣе; съ каждою права и обязанности человека получаютъ все болѣе определенности и твердости. Въ первыхъ двухъ видахъ общества законодательство раскрывается преимущественно подъ влияніемъ необходимости, безъ особеннаго сознанія въ человекѣ; въ трехъ послѣднихъ—при свѣтѣ самосознанія и посредствомъ собственной дѣятельности человека.

4. Семейство.

а) Происхождение и образованіе семейства.

§ 60.

Народъ, по крайней мѣрѣ при настоящемъ порядкѣ вещей, не рождается вдругъ какъ бы изъ земли; онъ зарождается въ теченіи времени. Самый первый его зародышъ есть семейство, и именно союзъ супружескій. Имѣя одну чету людей, мы имѣемъ цѣлый родъ человѣческій; имѣя семейство, мы имѣемъ всѣ виды жизни общественной, какіе могутъ существовать въ родѣ человѣческомъ.

а) Союзъ супружескій.

§ 61.

Физическое различіе между людьми по тѣлу и душѣ представляется доведеннымъ до высшей степени въ противоположности половъ. Явственнымъ образомъ открывается сія противоположность, конечно, въ особенныхъ тѣлесныхъ органахъ; но вмѣстѣ съ симъ она проникаетъ людей во все ихъ существо, не только по тѣлу, но и по духу. Во всемъ тѣлѣ мужчины представляется преимущественно отпечатокъ крѣпости: станъ, поддерживаемый большими костями, мускулы твердые, грудь широкая, сильныя легкія, рѣзкія очертанія отдельныхъ частей и крутые переходы отъ одной къ другой и т. д.; въ женщинѣ

напротивъ все служить олицетвореніемъ нежнаго, милаго: малый станъ, тонкія и гибкія кости, мягкіе мускулы, слабая и узкая грудь, круглыя очертанія частей, непримѣтные переливы одной въ другую. По духу, въ умственномъ отношеніи область мысли, понятій, напряженныхъ, отвлеченныхъ работъ, дальновидныхъ соображеній можетъ быть названа достоинствомъ мужчины; жизнь сердца, жизнь чувства, напротивъ, принадлежитъ женскому полу. Согласно съ симъ и дѣятельность мужчины обращена къ жизни общественной, шумной, вѣдшей, — въ кругъ домашній онъ возвращается для кратковременнаго отдохновенія; женщина между тѣмъ создана для тихой, домашней жизни, для малаго, ограниченнаго круга. Вообще говоря, мужескій полъ является началомъ дѣйствующимъ, женскій — страждущимъ; первый изображаетъ собою духовную сторону человечества, второй вещественную (1).

§ 62.

Между тѣмъ именно тамъ, гдѣ физическое различіе между людьми достигаетъ крайней степени развитія, именно тамъ и начинается для рода человеческого возвратъ къ потерянному единству. Какъ одинъ полъ, взятый въ отдельности отъ другого, есть только половина, а не полное цѣлое, то онъ въ отдельности отъ другого представляется несовершеннымъ: во первыхъ, по своимъ качествамъ онъ не обладаетъ всеми человѣческими совершенствами; во вторыхъ, во времени продолжительность бытія его ограничена. Чувствуя свою недостаточность, онъ стремится по тому необходимо къ общенію съ другимъ поломъ, дабы свой недостатокъ восполнить

(1) Разумѣется само собою, что это описаніе, какъ предметъ Физиологій и Психологій, занято изъ сочиненій сего рода. См. напр. *Rudolphi Grundriss der Physiologie*. Berlin. 1-ster Band. 1821. и *Fries Handbuch der psychischen Anthropologie*. B. II. Jena. 1821. S. 189 — 192. *Conversations-Lexicon*, 7-te Aufl. bey Brockhaus, подъ словомъ *Geschlecht* (эта статья составлена на основаніи обонхъ приведенныхъ сочиненій). Ср. также *Aristotel.* *oecoon.* 3.

избыткомъ другого, и въ то же время свой избытокъ передать сему послѣднему. Происходящее отсюда взаимное общеніе двухъ лицъ разнаго пола можетъ быть сначала только нижшимъ, чувственнымъ, ограниченнымъ, преходящимъ. Но какъ противоположность между полами обнимаетъ все существо человека; то кромѣ тѣлеснаго и чувственнаго союза онъ еще болѣе имѣетъ нужду въ уравненіи душевной разности половъ. Посему ранѣе или позже за первымъ необходимо должно раскрыться и послѣднее. Въ свою очередь духовное единство, отсюда происшедшее, совершенно просвѣтляетъ и преображаетъ свою первую основу, и одна душа въ стремленіи къ другой душѣ дотолѣ не успокоивается, доколѣ не соединится съ нею всецѣло. Это есть союзъ супружескій въ его существенныхъ чертахъ ⁽¹⁾.

б) Союзъ дѣтей и родителей.

§ 63.

Не смотря на такое внутреннее единство, во вѣстности оба пола представляются лицами отдельными, ихъ союзъ и самое бытіе ихъ—явленіемъ преходящимъ. Видимымъ и твердымъ образомъ внутреннее ихъ единство осуществляется, ихъ бытіе упрочивается въ дѣтяхъ; въ лицѣ дѣтей единство ихъ самая ихъ жизнь существуютъ какъ предметъ самостоятельный. Родители любятъ по сему дѣтей своихъ какъ свою собственную любовь, свою жизнь. Съ своей стороны дѣти обращены своею любовію къ родителямъ чувствуя, что здѣсь скрывается корень ихъ собственнаго бытія, источникъ ихъ собственной жизни ⁽²⁾.

в) Союзъ братьевъ и сестеръ.

§ 64.

Въ то же время дѣти, въ качествѣ братьевъ и се-

⁽¹⁾ Ср. *Aristot. Eth. Nic. VIII, 12. § 7.*

⁽²⁾ Ср. *Aristot. Eth. Nic. VIII, 12. § 2—3.*

стеръ, обнимаютъ себя самихъ взаимною любовію, какъ отрасли одного и того же дерева, какъ ручьи одного и того же источника ⁽¹⁾.

б) Понятіе семейства.

§ 65.

Совокупность союзовъ супружескаго, союза дѣтей и родителей, братьевъ и сестеръ мы называемъ союзомъ семейственнымъ. Сущность его по этому вообще составляютъ: 1) физическое единство тѣлесной и духовной природы во всѣхъ лицахъ, къ нему принадлежащихъ; 2) пронтекающее отсюда чувство любви натуральной, какую все они питаютъ другъ къ другу. Всѣ члены семейства живутъ въ простомъ, нераздѣльномъ единствѣ другъ съ другомъ; каждый чувствуетъ себя въ другомъ и другого въ себѣ; и это чувство единства не приобретено извнѣ, не порождено какимъ нибудь предшествующимъ размысленіемъ; напротивъ оно существуетъ, какъ нечто данное отъ природы,—оно въ собственномъ смыслѣ слито съ самою природою членовъ семейства, которые дѣйствительно все имѣютъ одно тѣло и одну душу.

в) Права и обязанности въ союзѣ семейственномъ.

а) Личныя отношенія.

§ 66.

Началомъ семейства есть союзъ супружескій. Естественное значеніе каждаго пола, взятаго въ отдельности, будучи основано на самой природѣ вещей, необходимо сохраняется и въ союзѣ супружескомъ. Изъ естественнаго превосходства мужины надъ

⁽¹⁾ Ср. *Aristot. Eth. Nic. VIII, 12. § 3—7.*

женщиною образуется по этому сама собою власть мужа надъ женою.

Давши физическое бытіе своимъ дѣтямъ, родители еще болѣе чувствуютъ въ себѣ призваніе—дать имъ посредствомъ воспитанія и бытіе нравственное, чтобы сдѣлать ихъ совершенными, себѣ подобными людьми. Не имѣя сами въ себѣ самостоятельности, дѣти находятся по тому естественно во власти родителей, и мужчина въ особенности, въ качествѣ мужа властвуя надъ своею женою, еще болѣе властвуетъ надъ дѣтьми, въ качествѣ отца.

Подобныя причины даютъ преимущество братьямъ предъ сестрами и вообще старшимъ предъ младшими.

б) Отношенія по имуществамъ.

§ 67.

Для поддержанія своего вѣшняго бытія, человекъ имѣетъ нужду въ различныхъ вещахъ. По причинѣ единства, въ какомъ всѣ члены семейства находятся другъ съ другомъ, никто изъ нихъ не обладаетъ вещами, къ тому служащими, въ отдаленности; у нихъ есть только одно общее имѣніе. Каждый здѣсь трудится для цѣлаго, для общаго, и каждый пользуется своимъ трудомъ въ совокупности съ другими.

2) Законы въ союзѣ семейственномъ.

а) Порядокъ, которымъ они образуются.

§ 68.

Въ союзѣ семейственномъ нѣтъ собственно такъ называемыхъ законовъ. Повелѣнія власти семейственной относятся обыкновенно только къ частнымъ обязательствамъ жизни; если же иногда предлагаются и общія правила поведенія, то—безъ особеннаго

намѣренія, по случаю. Нарочное ихъ установленіе и объявленіе здѣсь не нужно: частью по тому, что всѣ уже исполняютъ ихъ сами собою, по одному влеченію чувства природнаго; частью по тому, что власть семейственная всегда бываетъ близка къ своимъ подчиненнымъ и тотчасъ въ случаѣ нужды можетъ дать особенное приказаніе. Общія правила поведенія, встречающіяся въ союзѣ семейственномъ, истекаютъ съ одной стороны изъ самаго свойства этого союза, съ другой они раскрываются и образуются путемъ обыкновенія.

б) Мѣры охраненія.

§ 69.

Самъ духъ семейственный есть и первый свой хранитель. Чувство любви, которымъ одушевляются всѣ члены союза семейственного, содержитъ ихъ въ глубокомъ единствѣ съ нимъ, въ ненарушимой къ нему вѣрности. Въ лицѣ начальствующихъ это чувство является подъ видомъ заботливости о благѣ своихъ подчиненныхъ, въ лицѣ сихъ послѣднихъ—подъ видомъ послушанія первымъ. Тѣмъ не менѣе права и обязанности союза семейственного могутъ быть нарушены или по неразумію, или по временной слабости. Для предупрежденія таковыхъ нарушеній власть семейственная дѣйствуетъ противъ неразумія наставленіемъ и вразумленіемъ, противъ слабостей—усиленіемъ добрыхъ чувствованій. Дѣйствительные проступки напротивъ она подвергаетъ наказанію. Но какъ вина въ союзѣ семейственномъ не проистекаетъ еще изъ злости воли, то наказаніе имѣетъ здѣсь видъ только исправленія.

д) Разрушеніе союза семейственного.

§ 70.

Каждый отдѣльный союзъ семейственный носитъ самъ въ себѣ сѣмена разрушенія. Имѣя первоначаль-

чайно своею цѣлю — уравнить физическую разность пола двухъ лицъ, скрепить ихъ между собою въ чувствѣ любви, онъ непрерывно дѣлаетъ ихъ болѣе и болѣе самодовольными; первый жаръ любви съ лѣтами охлаждается самъ собою. Равнымъ образомъ дити, съ физическимъ уже рожденіемъ на свѣтъ, отдѣлившись отъ чрева матери, чѣмъ болѣе растетъ, чѣмъ болѣе посредствомъ воспитанія раскрываетъ въ себѣ зародышъ нравственной жизни, положенный родителями, тѣмъ болѣе дѣлается самостоятельнымъ, самодовольнымъ. Сообразно съ сими перемѣнами, во взаимныхъ отношеніяхъ между братьями и сестрами, и безъ того уже довольно духовныхъ, является еще болѣе независимости. Наконецъ родители умираютъ — это видимое средоточіе, вокругъ коего собирались досель изъ него же вышедшіе лучи свѣта; сами дѣти, получивъ воспитаніе, достигши зрѣлаго возраста, дѣлаются способными основать новыя семейства, и дѣйствительно ихъ основываютъ по той же необходимости, по какой основалось первое семейство. Словомъ, это первоначальное семейство такимъ образомъ разрушается. Но и возникшіи на его мѣстѣ семейства изнемогаютъ предъ тою же судьбою; вмѣсто ихъ образуются другія и такъ въ безконечность. Непосредственный результатъ сего безконечнаго процесса есть союзъ родовый.

2. Родъ.

§ 71.

Litteratur. Ewers das älteste Recht der Russen. Dorpat und Hamburg. 1286 (во многихъ мѣстахъ, такъ какъ и цѣлое сочиненіе было писано между прочимъ съ тою цѣлю, чтобъ объяснить первое начало установленій общественныхъ, см. Vorrede).

а) Происхожденіе союза родового изъ семейства.

Весь рядъ семействъ, происшедшихъ отъ первоначальнаго семейства, образуетъ собою одно цѣлое.

Всѣ лица, къ нимъ принадлежащія, 1) имѣютъ сознаніе своего общаго происхожденія; 2) имѣютъ одни и тѣ же нравы, представленія, чувствованія, желанія. Каждый основатель новаго семейства удерживаетъ, устанавливаетъ у себя тотъ же порядокъ дѣлъ, распространяетъ въ своемъ домѣ тотъ же духъ, въ которомъ онъ жилъ изъ дѣтства. 3) Къ этому присоединяется, какъ вѣтшнее основаніе, общее имѣніе, доставшееся отъ первоначальнаго семейства.

б) Понятіе рода.

§ 72.

Совокупность лицъ и семействъ, происшедшихъ отъ одного общаго лица и семейства, и соединенныхъ между собою сознаніемъ общаго своего происхожденія, единствомъ нравовъ, и, болѣе или мѣнѣе, общимъ имѣніемъ, — называется родомъ.

в) Права и обязанности въ союзѣ родовомъ.

а) Власть родовая.

§ 73.

Надъ соединенными семействами необходимо кто нибудь долженъ начальствовать. Это начальствующее лице есть, можетъ быть, лице наиболѣе близкое по рожденію къ родоначальнику, слѣдовательно старшій въ старшемъ поколѣніи; можетъ быть, начальствуетъ общее собраніе отцовъ семействъ; можетъ быть, начальствуетъ лице, именно для того избранное семействами.

б) Начало собственности.

§ 74.

По разрушеніи союза семейственнаго происходитъ раздѣлъ имущества, ему принадлежавшаго. Но какъ

въ цѣломъ родъ непрерывно сохраняется сознание общаго происхожденія; то это раздѣленіе на первой разъ и не есть рѣшительное. Оно главнымъ образомъ простирается только на вещи, которыми нельзя пользоваться всѣмъ въ совокупности, следовательно на вещи движимыя; оно предпринимается болѣе въ видѣ временной мѣры, нежели въ видѣ мѣры окончательной. Во всякомъ случаѣ съ происхожденіемъ родовъ начинается образованіе собственности.

г) *Законы въ союзѣ родовомъ.*

§ 75.

Общія правила поведенія въ союзѣ родовомъ 1) протекаютъ изъ самаго существа сего союза; 2) раскрываются путемъ обыкновенья и 3) болѣе или менѣе дѣйствіемъ власти родовой. Къ охраненію ихъ служить, кромѣ правовъ и власти родовой, преимущественно родственная месть, по коей само обиженное семейство вмѣстѣ съ своими родными производитъ отмщеніе за обиду, нанесенную кому нибудь изъ его членовъ, и притомъ воздавалъ (въ собственномъ смыслѣ) равное за равное (око за око, зубъ за зубъ, смерть за смерть), самому ли непосредственно лицу, сдѣлавшему обиду, или кому нибудь изъ его родныхъ.

д) *Разрушеніе союза родового.*

§ 76.

Союзъ родовый такъ же разрушается, какъ разрушилось семейство. Чѣмъ далѣе поколѣнія извѣстнаго рода отстоятъ отъ своего родоначальника, тѣмъ болѣе исчезаетъ между ними сознание общаго ихъ происхожденія, единство правовъ, и даже общее имѣніе, — словомъ, все то, что совокупило ихъ въ одинъ родъ. Въ замѣнъ этого образуются между лицами, къ нимъ принадлежащими, другія,

особенныя связи, слѣдствіемъ которыхъ есть союзъ гражданскаго общества.

3. *Гражданское общество.*

а) *Происхожденіе его.*

§ 77.

Выступивъ изъ союза родового, лица, принадлежащія къ нему, съ одной стороны дѣлаются по отношенію другъ къ другу нравственно-самостоятельными, особенными лицами. Каждое имѣетъ свои особенныя потребности, свои способы удовлетворять ихъ. Животныя неразумныя имѣютъ только ограниченный кругъ потребностей. Потребности человека напротивъ уже по самымъ родамъ ихъ бываютъ многочисленны. Но сверхъ того каждая общая потребность у людей опять разлагается на множество другихъ, которыя дробятся снова, и такъ въ безконечность. Каждый человекъ стремится удовлетворить своимъ потребностямъ, и притомъ своимъ особннымъ образомъ. Съ другой стороны люди опять находятся въ разнообразныхъ между собою отношеніяхъ, въ разнообразной зависимости другъ отъ друга: каждый изъ нихъ, будучи въ состояніи производить средства для удовлетворенія только нѣкоторой части своихъ потребностей, во всемъ прочемъ зависитъ совершенно отъ другихъ.

б) *Понятіе гражданскаго общества.*

§ 78.

Совокупность лицъ самостоятельныхъ, соединенныхъ въ одно общество для удовлетворенія ихъ частныхъ потребностей общими силами, или совокупность лицъ, соединенныхъ между собою общими нуждами и общими усиліями для удовлетворенія ихъ, есть гражданское общество. Здѣсь человекъ освобождается отъ естественной зависимости, нахо-

дятся подъ владычествомъ потребностей, которыя больше или меньше составляютъ собственное его произведение, и удовлетворяя имъ собственными средствами — произведениями собственного труда. Но при этомъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ прямо и непосредственно имѣетъ въ виду свое частное благо.

в) *Права и обязанности въ гражданскомъ обществѣ.*

§ 79.

1. Для управленія дѣлами общества, прежде всего здѣсь требуется власть общественная. Она принадлежитъ лицамъ, особенно къ тому способнымъ. Въ случаѣ обширности гражданского союза она можетъ имѣть нужду въ различныхъ орудіяхъ, т. е. въ подчиненныхъ ей властяхъ. Для приведенія въ исполненіе своей воли, ей могутъ понадобиться различныя силы какъ вещественныя, такъ и личныя. Подъ именемъ силъ вещественныхъ мы разумѣемъ вещи движимыя и недвижимыя, особенно деньги; подъ именемъ личныхъ силъ — какъ военныя силы, такъ и силы, которыя предназначаются для исправленія различныхъ нуждъ общественныхъ въ видѣ повинностей.

2. По различію потребностей, занятій и образности членовъ гражданского общества, въ немъ образуются сами собою различныя состоянія:

а) Сословія, имѣющія своею цѣлію удовлетвореніе вещественнымъ потребностямъ общества.

а) Сословіе земледѣльцевъ, добывающее естественныя произведенія въ ихъ первоначальномъ видѣ.

б) Сословіе ремесленниковъ и фабрикантовъ, дающее приличный видъ естественнымъ произведеніямъ сообразно потребностямъ человѣка.

γ) Сословіе торговое, приближающее произведенія къ ихъ потребителямъ.

б) Сословія, имѣющія своею цѣлію удовлетвореніе невещественнымъ потребностямъ общества. Сюда относятся сословія: ученыхъ, священнослужителей, чиновниковъ, воиновъ.

3. Образуется имущество въ разнообразныхъ видахъ. Совокупность средствъ, служащихъ къ удовлетворенію человеческихъ потребностей и принадлежащихъ извѣстному лицу въ исключительное владѣніе, мы называемъ имуществомъ. Это суть: а) вещи — движимыя и недвижимыя, и б) дѣянія другихъ лицъ (обнаруженіе ими своей силы для насъ — цѣлей). Будучи отдельными, самостоятельными лицами, всѣ люди имѣютъ здѣсь свои средства удовлетворенія своихъ потребностей въ отдельномъ у себя владѣніи.

4. Общія законы объ имуществахъ прилагаются къ разнымъ потребностямъ человѣка (къ потребностямъ тѣлеснымъ и духовнымъ — потребностямъ разума, чувства и воли), такъ что удовлетвореніе потребностей получаетъ твердый порядокъ, благоустроенный видъ. При обладаніи каждымъ лицомъ отдельнаго имущества, при отдельномъ удовлетвореніи каждымъ изъ нихъ своихъ потребностей, зависитъ совершенно отъ случая, удовлетворяются ли его потребности, или нѣтъ. Но общество, имѣющее своею цѣлію удовлетвореніе потребностямъ человеческимъ, не можетъ допустить такой случайности. Оно устанавливаетъ по сему определенный порядокъ и способъ ихъ удовлетворенія; соединяя нѣкоторыя части имущества, принадлежащаго различнымъ отдельнымъ лицамъ, въ одну массу и располагая ею, оно учреждаетъ разныя общественныя установленія, служащія къ удовлетворенію различныхъ потребностей человѣка, и такимъ образомъ посредствомъ совокупныхъ усилій достигаетъ того, чего отдельный человѣкъ никогда бы не могъ достигнуть.

5. Въ гражданскомъ обществѣ являются во всей полнотѣ мѣры для охраненія существа этого союза

и правъ, изъ него возникающихъ. Сии мѣры суть:
а) предпринимаемыя гражданскимъ обществомъ не иначе, какъ по требованію самихъ лицъ, считающихъ себя обиженными, и притомъ 1) въ томъ случаѣ, когда на требованіе одной стороны не представляется съ другой стороны никакого спора; 2) въ томъ случаѣ, когда требованіе одной стороны другою оспаривается; б) мѣры, предпринимаемыя властію общественною по собственному побужденію, куда относятся: 1) мѣры, предшествующія нарушенію правъ — мѣры предупрежденія и пресѣченія, и 2) мѣры, послѣдующія за нарушеніемъ правъ, въ особенности со стороны самихъ людей, т. е. за преступленія — наказанія. Цѣль наказанія въ гражданскомъ обществѣ есть доставленіе безопасности самому обществу и отдѣльнымъ его членамъ.

а) *Законы въ гражданскомъ обществѣ.*

§ 80.

Хотя законы въ гражданскомъ обществѣ основываются частью и на обычаяхъ, однакоже преимущественно они образуются посредствомъ именныхъ постановленій власти общественной, какъ по тому, что здѣсь самосознаніе достигаетъ уже значительнаго степеніи развитія, такъ и по той причинѣ, что все вообще отношенія въ гражданскомъ обществѣ развиваются весьма быстро и понятія чрезвычайно скоро измѣняются, такъ что обычаи съ ихъ медленнымъ ходомъ не могутъ идти паравиъ съ успѣхами гражданского общества.

4. Государство.

а) *Происхожденіе Государства изъ гражданского общества и понятіе Государства.*

§ 81.

Гражданское общество переходитъ въ Государство.

Каждый членъ гражданского общества непосредственно имѣетъ у себя въ виду только свои особенныя цѣли. Но особенныя цѣли, какъ цѣли ограничанныя, конечныя, сами въ себя не имѣютъ самостоятельности; истинное основаніе бытія ихъ составляетъ цѣль нравственно — всеобщая, неограниченная, безконечная.

Союзъ лицъ, которыя при своихъ особенныхъ цѣляхъ признаютъ цѣлю своей дѣятельности еще цѣль нравственно — всеобщую — совокупность всехъ высшихъ цѣлей чловѣческаго духа, есть Государство. Съ одной стороны въ Государствѣ все особенныя цѣли получаютъ обширнѣйшее развитіе. Съ другой стороны члены этого союза ставятъ средоточіемъ своей дѣятельности не свое особенное благо, но всеобщее благо, благо цѣлаго; они не предощущаютъ сію цѣль только темнымъ образомъ, а ясно видятъ ее предъ собою, знаютъ ее; ихъ познаніе не есть только мертвое познаніе, а тогда же переходитъ въ самое дѣло.

б) *Права и обязанности въ Государствѣ.*

§ 82.

Единство Государства получаетъ для себя видимое выраженіе и осуществленіе въ Верховной Государственной Власти.

1. Согласно съ самымъ существомъ союза государственнаго устроенъ здѣсь твердый порядокъ, которымъ Верховная Власть образуется и дѣйствуетъ въ законодательствѣ и управленіи.

2. Какъ Власть Верховная, по причинѣ обширнаго круга ея дѣйствій, имѣетъ нужду въ различныхъ органахъ для исполненія своихъ намѣреній — въ различныхъ Установленіяхъ, въ различныхъ властяхъ

подчиненных; то въ Государствѣ существуютъ различныя власти подчиненныя.

3. Какъ Власть Верховная имѣетъ нужду въ различныхъ средствахъ для удовлетворенія своихъ потребностей — въ силахъ вещественныхъ и личныхъ, то въ Государствѣ существуютъ силы того и другаго рода.

4. Какъ въ составъ Государственныхъ Установленій и силъ имѣютъ извѣстную степень участія подданные (посредствомъ выборовъ въ различныя должности, посредствомъ исправленія разныхъ повинностей, посредствомъ платы налоговъ), чѣмъ определяется состояніе силъ послѣднихъ; то въ Государствѣ существуютъ различныя состоянія ⁽¹⁾.

а) Законы.

а) Порядокъ, которымъ образуются законы въ Государствѣ.

§ 85.

Образъ правленія въ Государствахъ никогда не бываетъ произведеніемъ чловѣческаго произвола; онъ развивается по необходимости изъ самаго характера и духа народа. Что касается другихъ частей государственнаго устройства, то хотя онъ въ государствѣ своей имѣютъ то же основаніе, впрочемъ всѣ дальнѣйшія ихъ подробности определяются собственными такъ называемыми законами.

б) Порядокъ, которымъ охраняются законы въ Государствѣ.

§ 84.

Государство сохраняется въ своемъ бытіи 1) внутреннею силою целесообразности его установленій

⁽¹⁾ Ср. выше § 79, подл. № 1 и 2.

Какъ скоро всѣ вообще установленія въ Государствѣ учреждены целесообразно, то каждое изъ нихъ, сохраняя само себя, въ то же время сохраняетъ и другія. 2) Государство сохраняется внѣшними мѣрами общаго государственнаго порядка, куда относятся: а) мѣры, предупреждающія и пресекающія безпорядки, и б) наказанія. Наказывая злодѣяніе, Государство тѣмъ самымъ показываетъ его ничтожество, и, обращая нарушенный законъ противъ самого преступника, возстановляетъ законъ въ прежнюю его силу.

5. Союзъ народовъ.

§ 85.

Государство дѣлается членомъ союза народовъ.

Государство есть индивидуумъ. Какъ индивидуумъ, оно сосредоточивается въ себѣ самомъ, есть единое, которое впрочемъ въ то же время состоитъ въ связи съ другими Государствами, какъ съ подобными ему индивидуальными цѣлями. Во взаимныхъ между собою отношеніяхъ каждое Государство признаетъ каждое другое самостоятельнымъ и независимымъ, что и служитъ основаніемъ ихъ поведенія по отношенію другъ къ другу. Къ этому присоединяются еще обычаи и договоры. Какъ Государства не признаютъ надъ собою никакого высшаго судіи на землѣ, то для рѣшенія взаимныхъ жалобъ между ними, при безуспѣшности мирныхъ сношеній, остается единственнѣйшимъ средствомъ война.

§ 86.

Находясь въ непріязненныхъ между собою отношеніяхъ, Государства разрушаютъ другъ друга. Но изъ понятія ихъ не слѣдуетъ, чтобъ они должны были разрушиться. Итакъ если они разрушаются, б.

то разрушаются единственно по тому, что не вполне соответствуют своему понятию. Постепенное приближение их къ такому состоянию, въ которомъ бы ихъ бытіе вполне соответствовало ихъ понятию, совершается въ Исторіи.

Общая замѣчанія.

§ 87.

Изъ союзовъ, здѣсь разсмотрѣнныхъ, каждый высшій или послѣдующій заключаетъ въ себѣ и всѣ нижшіе или предшествующіе. Такимъ образомъ въ союзъ родовомъ заключается и союзъ семейственный; въ гражданскомъ обществѣ заключаются какъ роды, такъ и семейства, въ государствѣ — гражданское общество вмѣстѣ съ родами и семействами, наконецъ въ союзѣ народовъ — государство со всеми, содержащимися внутри его, союзами. Но можно сказать и на оборотъ: каждое нижшее общество содержитъ въ себѣ и всѣ высшія, по крайней мѣрѣ въ зародышѣ, почему и замѣняетъ ихъ собою, доколѣ они не явятся, раскрывая въ себѣ такія права и обязанности, которыя могутъ принадлежать только высшимъ видамъ жизни общественной. Послѣ сего естественно, что нижшій, ограниченнѣйшій союзъ, дѣлаясь звеномъ высшаго, обширнѣйшаго, претерпѣваетъ отъ того большія или меньшія видоизмѣненія въ первоначальномъ своемъ устройствѣ и только тогда дѣлается соответствующимъ своему понятию.

Хотя нижшіе, ограниченнѣйшіе виды общества по времени являются прежде высшихъ, обширнѣйшихъ; но внутренняя причина ихъ бытія, заставляющая ихъ непрерывно развиваться, заключается въ послѣднихъ, отъ которыхъ только они и могутъ получить свое истинное, совершеннѣйшее образованіе.

Не вездѣ общежитіе между людьми достигаетъ до самой высшей степени. Напротивъ, иногда оно

ограничивается только союзомъ семейственнымъ, иногда союзомъ родовымъ, иногда гражданскимъ обществомъ.

Но если гдѣ народы достигаютъ до высшей степени общежитія, то достигаютъ не иначе, какъ пройдя всѣ нижшія или непосредственно въ собственной жизни, или въ лицѣ другихъ народовъ, которые прошли за нихъ эти ступени и могутъ теперь поставить ихъ прямо на одну изъ высшихъ. Въ цѣломъ родъ человѣческомъ представляется такая же постепенность развитія союзности, кака и въ отдельныхъ народахъ и Государствахъ.

ГЛАВА III.

О раздѣленіи законовъ на ихъ главные роды и виды.

Литература. Въ Энциклопедіи Законоуѣдѣнія въ статьѣ: о раздѣленіи законовъ и законоуѣдѣнія. Особенно же: Обзорніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ. Спб. 1833. стр. 118 — 125.

§ 88.

Государство представляетъ въ себѣ полную систему законодательства. Изложивши, какъ она образуется въ теченіи времени, мы должны теперь означить ея части.

§ 89.

Не упоминая о раздѣленіи законовъ, основывающемся на различіи источниковъ нашего познанія объ нихъ и на различіи историческихъ ступеней, при-

мѣщаемыхъ въ развитіи идеи законодательства⁽¹⁾, такъ какъ это раздѣленіе не относится къ настоящему предмету, — можно сдѣлать въ двоякомъ отношеніи *раздѣленіе законодательства*, дѣйствующаго въ известномъ Государствѣ въ известное время: 1) по различію правъ и обязанностей, определяемыхъ или охраняемыхъ законами; 2) по различію составныхъ частей закона.

§ 90.

Права и обязанности, определяемыя или охраняемыя законами, суть или государственныя внутреннія, или гражданскія, или государственныя внѣшнія (права и обязанности между народами)⁽²⁾. Посему и законы раздѣляются на законы: 1) *государственные* (внутренніе)⁽³⁾, 2) *гражданскіе*⁽⁴⁾, 3) *законы союза народовъ* или *право народное*⁽⁵⁾ (законы государственныя внѣшнія).

§ 91.

Изъ составныхъ частей закона одна определяетъ права и обязанности, другая постановляетъ мѣры для ихъ охраненія⁽⁶⁾. По сему и законы раздѣляются на законы, *опредѣляющіе* права и обязанности, и на законы, ихъ *охраняющіе*.

⁽¹⁾ См. выше § 36 — 40.

⁽²⁾ См. выше § 25 и 32.

⁽³⁾ Jus publicum (Jus commune), das öffentliche Recht, droit public.

⁽⁴⁾ Jus privatum (Jus civile), das Privatrecht (Civil-oder bürgerliches Recht), droit civil, civil law.

⁽⁵⁾ Jus gentium, Völkerrecht, droit des gens, international law.

⁽⁶⁾ См. выше § 28 и 34.

§ 92.

Соединяя оба раздѣленія вмѣстѣ и подчиняя послѣднее первому, мы будемъ имѣть слѣдующее подробнѣйшее раздѣленіе законовъ.

I. Законы Государственные.

§ 93.

По различію составныхъ частей закона, Государственные Законы дѣлятся на два разряда.

1. Законы опредѣлительные.

§ 94.

Законы *перваго разряда* опредѣляютъ существо союза государственнаго и правъ, отъ него происходящихъ.

§ 95.

Мы уже видели⁽¹⁾, что во всякомъ обществѣ должна необходимо существовать известная власть. Въ Государствѣ, какъ обществѣ независимомъ, существуетъ и власть независимая, или верховная. Она 1) образуется въ известномъ порядкѣ и имѣетъ различныя права и преимущества, особенно дѣйствуя въ законодательствѣ и управленіи. 2) Органами ея дѣйствія въ семь случаевъ суть подчиненныя власти, ею устанавливаемыя. 3) Средствами ея дѣйствія суть силы государственныя, именно для сего предназначенныя. 4) Предметъ ея дѣйствія суть ея подданные, которые, получая отъ ней известный степенъ

⁽¹⁾ См. выше § 79 подъ № 1 и 2 и § 82.

участія въ составленіи какъ властей подчиненныхъ, такъ и силъ государственныхъ, съ тѣмъ вмѣстѣ получаютъ особенныя права и обязанности и образуются въ извѣстныя состоянія.

§ 96.

Отсюда протекаютъ четыре вида Законовъ Государственныхъ:

1. *Законы основные* ⁽¹⁾. Они опредѣляютъ порядокъ, которымъ власть верховная образуется, и ея права, особенно по отношенію къ законодательству и управленію.

2. *Учрежденія*. Они опредѣляютъ составъ установлений, или властей подчиненныхъ, образъ и дѣйствія ихъ дѣйствія.

3. *Законы о силахъ государственныхъ*. Они опредѣляютъ: а) порядокъ составленія и употребленія силъ личныхъ. Личныя силы суть: или воинскія, — онѣ управляются *Законами военными* ⁽²⁾; или силы, предназначенныя для исправленія разныхъ нуждъ государственныхъ въ видѣ повинностей, — онѣ управляются *Законами о повинностяхъ*. б) Порядокъ составленія и употребленія силъ вещественныхъ, заключающихся въ имуществахъ различнаго рода. Онъ учреждается *Уставами казеннаго управленія* ⁽³⁾.

4. *Законы о состояніяхъ*. Въ нихъ опредѣляются права и обязанности подданныхъ по степени

⁽¹⁾ Законы основные и учрежденія называются въ совокупности съ законами о состояніи людей въ Государствѣ: *De Imperio, de magistratibus, Staatsrecht; droit politique, droit constitutionnel.*

⁽²⁾ *De re militari (Jus militare); Kriegsrecht.*

⁽³⁾ *De publicis redditibus, de jure fisci; Cameral-oder Finanzrecht.*

ихъ участія въ составѣ установленій и силъ государственныхъ, равно какъ и порядокъ пріобрѣтенія или потери сихъ правъ подданнымъ.

2. Законы охранительные.

§ 97.

Второй разрядъ Законовъ Государственныхъ составляютъ все законы, по которымъ союзъ государственный и гражданскій и права, отъ нихъ возникающія, охраняются въ ихъ дѣйствіи мѣрами общаго государственнаго порядка ⁽¹⁾. Государство, опредѣливъ свои права и права своихъ подданныхъ, не оставляетъ сіи права на произволъ случая, но устанавливаетъ общія мѣры для ихъ охраненія. Это суть или мѣры, принимаемыя прежде, чѣмъ будетъ право нарушено, равно какъ и въ минуту нарушенія права, или мѣры, послѣдующія за нарушеніемъ права со стороны существъ нравственныхъ, т. е. наказанія.

Отсюда два вида Законовъ Государственныхъ охранительныхъ:

1. *Законы благочинія*, называемые иначе *Законами полицейскими* ⁽²⁾. Они опредѣляютъ существо и образъ дѣйствія мѣръ, предпринимаемыхъ непосредственно самимъ Государствомъ для предупрежденія и пресѣченія нарушенія правъ какъ Государства, такъ и его подданныхъ.

2. *Законы Уголовные* ⁽³⁾. Они по различію правъ, нарушенныхъ существами нравственными, и по разли-

⁽¹⁾ См. выше § 79 и № 5 § 84.

⁽²⁾ *Polizeyrecht; Jus politicæ.*

⁽³⁾ *De judiciis publicis, de criminibus (Jus criminale); Peinliches oder Criminalrecht.*

чию образа сего нарушения, определяют за это различные наказания, равно как и образъ дѣйствій сей мѣры.

II. Законы Гражданскіе.

§ 98.

Законы Гражданскіе дѣлятся такъ же, какъ и Государственныя, на два разряда.

1. Законы опредѣлительныя.

§ 99.

Первый разрядъ составляютъ законы, которыми опредѣляется существо союза гражданскаго и правъ отъ него происходящихъ. Лица, изъ которыхъ состоитъ Государство, будучи разсматриваемы, какъ отдѣльные лица, въ ихъ взаимномъ отношеніи другъ къ другу, составляютъ союзъ гражданскій. Онъ есть или союзъ семейственный, въ связи съ которымъ находится и союзъ родовый, или союзъ по имуществамъ. Такимъ образомъ права гражданскія суть или права семейственныя, куда относятся также права родственныя⁽¹⁾, или права въ имуществѣхъ. Права послѣдняго рода могутъ быть разсматриваемы или вообще, или въ особенномъ приложеніи ихъ къ различнымъ предметамъ гражданской жизни, какъ то: къ различнымъ вѣтвямъ промышленности, наукамъ, искусствамъ и т. д.⁽²⁾.

§ 100.

Отсюда происходятъ три вида Гражданскихъ Законовъ:

(¹) См. выше § 61 — 76.

(²) См. выше § 77 — 80.

1. Законы союзовъ семейственныхъ.

2. Общія законы объ имуществѣхъ. Сія два вида означаются обыкновенно общимъ именемъ *Законовъ Гражданскихъ* (¹). Въ нихъ по отношенію къ каждому праву гражданскому опредѣляются: существо и содержаніе права, порядокъ его установленія и порядокъ его уничтоженія.

3. Особенныя законы объ имуществѣхъ, называемые по главной цѣли ихъ *Законами Государственного Благоустройства или Экономіи* (²).

2. Законы охранительныя.

§ 101.

Ко второму разряду гражданскихъ законовъ принадлежатъ законы, по которымъ дѣйствіе правъ гражданскихъ охраняется мѣрами порядка гражданского⁽³⁾; таковы суть:

1. Законы о производствѣ дѣлъ безспорныхъ.

2. Законы о производствѣ дѣлъ спорныхъ или судопроизводствъ.

(¹) Jus privatum, jus civile; Civil-oder bürgerliches Recht; droit civil, civil law.

(²) De urbium cura et de operibus publicis; Polizeyrecht (Jus politie).

(³) De jurisdictione, de judiciis privatis (Jus judicium, Jus camerale, Processus); der bürgerliche oder Civil-Process.

III. Законы союза народовъ, или Право народное.

§ 102.

Право народное ⁽¹⁾ содержитъ въ себѣ такъ же, какъ и Законы Государственные и Гражданскіе, ⁽²⁾ разряда постановлений ^(*).

1. Законы опредѣлительные.

§ 103.

Первый разрядъ опредѣляетъ существо союза народовъ и права, отъ него происхожденія. Сей родъ постановлений называется, хотя несправедливо, *Правомъ народнымъ во время мира*.

2. Законы охранительные.

§ 104.

Ко второму разряду принадлежатъ постановленія по которымъ союзъ народовъ и права, изъ него возникающія, охраняются въ ихъ дѣйствіи мѣрами принудительными, и въ особенности войною. Сей родъ постановлений называется *Правомъ народнымъ во время войны*.

§ 105.

Вообще относительно этого раздѣленія законовъ на ихъ главные роды и виды надобно замѣтить

(1) Jus Feciale (Jus gentium); Völkerrecht; droit des gens.

(2) См. выше § 85.

что пространство и важность сихъ частей въ различныхъ законодательствахъ бываютъ различны. Въ одномъ законодательствѣ известная часть имѣетъ большой объемъ, въ другомъ — самый не значительный; въ одномъ преобладаетъ одна часть, въ другомъ другая. Почему каждое законодательство представляетъ намъ особенныя подробности въ раздѣленіи частей, нами поименованныхъ. Но совершенно обойтись безъ которой нибудь изъ сихъ частей народъ образованный не можетъ.

РАЗДѢЛЪ II.

О законовѣдѣніи въ общемъ его составѣ.

§ 106.

Совокупность свѣдѣній о законахъ называется вообще *Законовѣдѣніемъ* (Jurisprudentia). Прежде всего по отношенію къ нему представляется вопросъ: на чемъ основывается его необходимость?

§ 107.

Для цѣлей двоякаго рода можно желать узнать законы: 1) для цѣлей теоретическихъ, 2) для цѣлей практическихъ.

Теоретическія цѣли. Познаніе истины во всѣхъ ея видахъ составляетъ одну изъ существенныхъ потребностей духа человеческого. Свѣдѣнія всякаго рода служатъ къ удовлетворенію этой потребности; почему всѣ они могутъ заключать въ себѣ большую или меньшую прелесть для духа человеческого. То же надобно сказать и о познаніяхъ, относящихся къ области законовѣдѣнія. Если явленія этического міра могутъ достойнымъ образомъ занимать умы любознательные, то еще болѣе — явленія

міра нравственного. Здѣсь представляется намъ какія ступени проходить въ своемъ раскрытіи идею вѣчной правды Божіей, неизвѣстной въ природѣ; какъ она мало по малу уясняется въ сознании человѣческомъ; какъ она созидаетъ для себя различные общества, дабы найти въ нихъ мѣсто для своего существованія; какъ она во мглѣ страстей является все болѣе и болѣе торжествующею, проникаетъ всѣ отношенія въ родѣ человѣческомъ, искореняетъ вражду между людьми, разрушаетъ преграды, и разъединяющія, уничтожаетъ между ними владычество силы и вводитъ владычество закона; какъ всѣ Государства, всѣ общества человѣческія спѣшатъ къ этой общей, возвышенной цѣли, ревностно подавая другъ другу руку помощи и все болѣе и болѣе сближаются, сдружаются, соединяются между собою въ одно цѣлос. Созерцаніе такого зрѣлища не можетъ ли доставить самое благороднѣйшее упражненіе для духа?

Практическія цѣли. Познаніе законовъ имѣетъ величайшее приложеніе въ жизни. Они суть правла, съ которыми членъ Государства долженъ соотноситься въ различныхъ направленіяхъ своей деятельности. Чѣмъ лучше ему извѣстны сіи правила, тѣмъ правильнѣе можетъ быть самая его деятельность. Итакъ законы могутъ быть изучаемы непосредственно съ тою цѣлію, чтобъ имѣя познаніе оныхъ, тѣмъ лучше можно было дѣйствовать въ обществѣ какъ для себя, такъ и для другихъ, какъ въ жизни частной, такъ и при отправленіи различныхъ должностей общественныхъ. На каждомъ человѣкѣ лежитъ обязанность осуществлять въ своемъ кругу идею правды. Чѣмъ яснѣе онъ понимаетъ эту идею, тѣмъ лучше онъ можетъ выполнить и свою обязанность по отношенію къ ней.

§ 108.

Ни которыя изъ показанныхъ цѣлей не имѣютъ пріимущества предъ другими; достоинство тѣхъ и дру-

гихъ одинаково. Устремлена ли дѣятельность человека къ тому, чтобы обнять своимъ умомъ область истины, или онъ дѣйствуетъ въ этой самой области, — въ обоихъ случаяхъ онъ имѣетъ дѣло съ Божественнымъ. Различіе между однимъ и другимъ видомъ дѣятельности заключается только въ формѣ: въ одномъ случаѣ человекъ собирается въ себя, въ другомъ онъ исходитъ изъ себя и раскрываетъ свою дѣятельность во внѣшности.

§ 109.

Можно даже утверждать, что болѣе или менѣе законы должны быть изучаемы *всѣми*, и притомъ не только для теоретическихъ цѣлей, но и для практическихъ.

Законы должны быть изучаемы *всѣми* для теоретическихъ цѣлей. Въ важности, въ занимательности они не уступятъ ни одному изъ тѣхъ предметовъ, познаніе которыхъ столь справедливо требуется отъ всякаго человека образованнаго. Предосудительно незнаніе законовъ природы; еще предосудительнѣе незнаніе законовъ нравственного міра, а особенно законовъ той его части, къ которой человекъ принадлежитъ непосредственно. Важно познаніе царства природы; еще важнѣе познаніе царства духа, столько важнѣе, сколько духъ выше природы.

Законы должны быть изучаемы *всѣми* для практическихъ цѣлей. Человѣкъ необходимо живетъ въ обществѣ. Живя въ обществѣ, онъ долженъ и соотноситься съ законами общества, если хочетъ наслаждаться ихъ благодѣяніями и не желаетъ быть несправедливымъ. Но не зная ихъ, онъ не можетъ дѣйствовать сообразно съ ними. Если его поступки и будутъ согласны съ ними; то — по одному случаю. Въ дѣлахъ частныхъ, и притомъ лично до него касающихся, онъ, конечно, можетъ требовать совета у людей знающихъ. Но онъ имѣетъ отношенія

къ цѣлому Государству. Принадлежа къ извѣстному состоянию, онъ можетъ избирать и быть избираемъ на различныя общественныя должности; онъ можетъ имѣть участіе въ составленіи различныхъ общественныхъ опредѣленій. Въ томъ и другомъ случаѣ собственное познаніе законовъ для него необходимо, если онъ хочетъ дѣйствовать самостоятельно, а не руководствоваться внушеніями другихъ, нередко ложными и своекорыстными. Въ особенности же если онъ вступитъ въ государственную службу, то безъ познанія законовъ его дѣятельность, напр. въ качествѣ судьи и т. д., лишена будетъ всякаго твердаго основанія и онъ, можетъ быть, при всемъ желаніи добра, будетъ дѣйствовать слѣпо и на удачу; еще скорѣе онъ сдѣлается игрушкою въ рукахъ людей хитрыхъ и неблагонамѣренныхъ (*).

§ 110.

Послѣ сего необходимость законовѣдѣнія не можетъ подлежать сомнѣнію, и мы должны заняться теперь опредѣленіемъ, въ чемъ состоитъ его сущность.

§ 111.

Чтобъ опредѣлить сущность законовѣдѣнія, мы должны рассмотреть: 1) его *содержаніе*, 2) его *форму*.

ГЛАВА I.

О СОДЕРЖАНІИ ЗАКОНОВѢДѢНІЯ.

§ 112.

Что касается содержанія, *Законовѣдѣніе* съ сей стороны можетъ быть разсматриваемо: 1) въ немъ са-

(*) Ср. *William Blackstone commentaries on the laws of England*. Introd. Section I. (первая половина).

момъ; 2) въ отношеніи къ другимъ родамъ познаній, и къ другимъ наукамъ, которыя получаютъ для него значеніе наукъ вспомогательныхъ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О СОДЕРЖАНІИ ЗАКОНОВѢДѢНІЯ, РАЗСМАТРИВАЕМОГО ВЪ САМОМЪ СЕБѢ.

Литтература. См. въ Энциклопедіи *Законовѣдѣнія* подъ этимъ слѣдующимъ, особенно же у Веннинга § 82—91 и § 185—279.

§ 113.

Наука не творитъ своего предмета, а сознаетъ то, что дѣйствительно есть, и въ томъ именно видѣ, какъ оно есть. Посему существо ея относительно содержанія открывается изъ существа самаго ея предмета. Такимъ образомъ существо законовѣдѣнія открывается непосредственно изъ существа законовъ. Въ стороны, съ которыхъ можетъ быть разсматриваемъ законъ, въ части, какія въ немъ представляются для изслѣдованія, составляютъ непосредственно содержаніе законовѣдѣнія и должны быть обняты наукою.

I. Общій обзоръ содержанія и наукъ законовѣдѣнія.

§ 114.

Въ законѣ прежде всего представляются разсмотрѣнію его содержаніе (матерія) и образъ его изложенія (форма). Законовѣдѣніе обнимаетъ то и другое. На этомъ основаніи въ составъ его различаются два рода наукъ: однѣ имѣютъ своимъ предметомъ *содержаніе законовъ*, другія — *образъ ихъ изложенія*.

Законъ познанный и понятый, во вторыхъ, осуществляется и прилагается къ различнымъ дѣламъ жизни. Посему законовѣдніе показываетъ способы къ наилучшему осуществленію и приложенію законовъ и содержитъ въ себѣ различныя науки, сюда относящіяся.

Законовѣдніе, въ третьихъ, сознаетъ само себя какъ науку, непрерывно образующуюся; посему къ двумъ означеннымъ разрядамъ присоединяются науки, имѣющія своимъ предметомъ изложить, какъ были обрѣтены законы ученымъ образомъ.

Наконецъ обзоръ всѣхъ наукъ законовѣдній въ общей ихъ связи представляетъ намъ *Энциклопедію Законовѣдній*.

Разсмотримъ ближе каждый изъ сихъ разрядовъ наукъ законовѣдній.

1. Науки, имѣющія своимъ предметомъ законы, рассматриваемыя въ нихъ самихъ, и при томъ какъ ихъ содержаніе, такъ и образъ ихъ изложеній.

а) Науки, имѣющія своимъ предметомъ содержаніе законовъ.

§ 115.

Относительно содержанія, какъ мы видѣли, въ законодательствѣ представляются различныя части: 1) по различію источниковъ нашего познанія о законахъ; 2) по различію степеней развитія законодательства; 3) по различію правъ и обязанностей опредѣляемыхъ или охраняемыхъ закономъ⁽¹⁾. Соответственно этому мы получаемъ столько же и особенныхъ частей законовѣдній.

(1) См. выше § 36 — 40, § 25 и 32, § 28 и 34.

§ 116.

По различію источниковъ нашего познанія о законахъ, всѣ законы дѣлятся на естественные и положительные. Законовѣдніе обнимаетъ тѣ и другіе и въ семь отношеніи состоитъ изъ двухъ частей: 1) изъ *Философіи законодательства* и 2) изъ *Законовѣдній положительнаго*. Философія законодательства имѣетъ своимъ предметомъ изложеніе законовъ естественныхъ, которые она рассматриваетъ какъ въ нихъ самихъ, такъ и въ ихъ приложеніи къ истиннымъ и временнымъ обстоятельствамъ, показывая, какъ отъ тѣхъ и другихъ они получаютъ опредѣлительный видъ, и какое вообще вліяніе имѣютъ различныя причины на образъ ихъ развитія. Законовѣдніе положительное имѣетъ своимъ предметомъ изложеніе законодательствъ положительныхъ, постановленія которыхъ оно стремится не только понять по истинному ихъ смыслу, но и вывести изъ причинъ, давшихъ имъ бытіе.

§ 117.

Законы представляются намъ на различныхъ ступеняхъ развитія.

Конечно, законы естественные сами въ себѣ остаются всегда одни и тѣ же; но сознаніе ихъ со стороны людей можетъ имѣть различныя ступени, понятіе объ нихъ можетъ быть темнѣе или яснѣе.

Существованіе различныхъ ступеней въ положительныхъ законодательствахъ несомнѣнно: каждое изъ нихъ, взятое въ отдельности, возникаетъ въ извѣстное время и потомъ въ продолженіе своего существованія подвергается различнымъ измѣненіямъ; такимъ же образомъ и всѣ они, взятые въ ихъ совокупности, имѣютъ опредѣленное начало во времени и проходятъ различ-

ные периоды бытія, дѣйствуя совокупно въ одно и то же время, по для разныхъ лицъ и на различныхъ пространствахъ земли, или слѣдуя другъ за другомъ въ известномъ порядкѣ. Въ развитіи каждаго положительнаго законодательства можно всегда различать по времени особенно два отдѣла: законы прошлаго времени и законы настоящаго времени. Это различіе законовъ не есть безусловное, а только относительное. Оно основывается на томъ, что для разсматриванія ихъ можно всегда взять какуюнибудь определенную точку во времени. Законодательство, бывшее и образовавшееся до этого времени, будетъ, по отношенію къ нему, законодательствомъ прошлаго времени; законодательство, которое дѣйствуетъ въ это самое время, и которое слѣдовательно для лицъ, тогда живущихъ, имѣетъ непосредственно — обязательную силу, будетъ законодательствомъ настоящаго времени. При разсмотрѣніи законодательства прошлаго времени должно быть обращено особенное вниманіе, съ одной стороны, на происхожденіе и постепенное образованіе формъ, въ какихъ оно раскрывалось, съ другой стороны — на самое содержаніе, раскрывшееся въ сихъ формахъ.

Такимъ образомъ получаютъ слѣдующія науки законовѣдѣнія: 1) *Исторія философіи законодательства*. Прямымъ своимъ послѣдствіемъ и концемъ она имѣетъ *современный философскій взглядъ на предметы законодательства*. 2) *Исторія законодательства положительнаго*, и при томъ а) *внѣшняя*, имѣющая своимъ предметомъ изложить формы, въ которыхъ раскрывалось положительное законодательство; б) *внутренняя*, которая излагаетъ самое содержаніе, раскрывшееся въ сихъ формахъ. Исторія законодательства положительнаго непосредственно переходитъ въ *Науку законодательства дѣйствующаго*.

§ 118.

По различію правъ и обязанностей, опредѣляемыхъ или ограничиваемыхъ закономъ, мы различаемъ съ одной

стороны законы государственные, законы гражданскіе и законы союза народовъ, съ другой — законы, опредѣляющіе права и обязанности, и законы, ихъ охраняющіе. Такимъ образомъ мы имѣемъ: съ одной стороны *Науку законовъ государственныхъ, Науку законовъ гражданскихъ и Науку законовъ союза народовъ*; съ другой стороны — *Науку законовъ опредѣлительныхъ и Науку законовъ охранительныхъ*.

Не трудно усмотрѣть, что это раздѣленіе наукъ законовѣдѣнія легко можетъ быть соединено съ обоими предыдущими. Мы получимъ такимъ образомъ новое раздѣленіе наукъ законовѣдѣнія.

б) *Науки, имѣющія своимъ предметомъ образъ изложенія законовъ.*

§ 119.

Относительно образа изложенія законы могутъ быть разсматриваемы съ тѣхъ же сторонъ, съ какихъ и всякое словесное произведеніе ума человеческого. Итакъ въ нихъ представляются для разсмотрѣнія: 1) языкъ, которымъ они изложены, и при томъ а) значеніе отдѣльныхъ словъ, составляющее предметъ лексиконныхъ; б) образъ правильнаго употребленія словъ въ рѣчи и письмѣ, чѣмъ занимаются Грамматики. 2) Составъ и порядокъ мыслей, чѣмъ занимается Логика. 3) Смыслъ, заключающійся въ словахъ закона и опредѣляемый по правиламъ Герменевтики. 4) Подлинность извѣстныхъ словъ, выражений и цѣлыхъ мѣстъ въ законѣ, даже подлинность того, что выдается подъ именемъ закона, равно какъ и достоинство разсматриваемаго закона; въ этомъ состоитъ дѣло Критики. Согласно съ симъ можно представить себѣ столько же особенныхъ наукъ законовѣдѣнія, въ которыхъ бы общія правила Лексикографіи, Грамматики, Логики, Герменевтики и Критики, были приложены къ предметамъ законодательства. Въ особенности правила о томъ, какъ находить и излагать смыслъ, заключающійся въ словахъ закона, представляютъ замѣча-

тельное отличіе отъ общихъ правилъ Герменевтики, почему они и заслуживаютъ быть излагаемы въ отдѣльной наукѣ, подъ названіемъ *Юридической Герменевтики*.

2. Науки, имѣющія своимъ предметомъ способъ осуществленія и приложенія законовъ.

§ 120.

Содержаніе законовъ, познанное и понятное, должно быть осуществляемо и прилагается къ различнымъ случаямъ, могущимъ встрѣтиться въ жизни. Есть различные способы для того, чтобы при данныхъ обстоятельствахъ законы могли быть осуществлены наилучшимъ образомъ. Въ семъ отношеніи законодѣніе должно представить намъ общія, хотя извлеченныя изъ опыта, и потому имѣющія силу только для извѣстныхъ государствъ, или даже для одного даннаго государства, правила о томъ, какъ на основаніи законовъ управлять Государствомъ въ его различныхъ отношеніяхъ, и вести различныя дѣла частной жизни, подлежащія дѣйствию закона, — какъ для этого дѣйствовать, говорить и писать въ извѣстныхъ случаяхъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ различныя науки, предметъ которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы указать наилучшіе способы къ осуществленію законовъ. Изъ числа сихъ наукъ *Политика* излагаетъ правила дѣйствованія въ отправленіи дѣлъ общественныхъ и частныхъ, чтобы цѣль, предложенная закономъ, была достигнута, сколько возможно, наилучшимъ образомъ; *Наука о дѣловомъ слоѣ* излагаетъ правила, какъ надобно для этой же цѣли говорить и писать при отправленіи различныхъ дѣлъ общественныхъ и частныхъ.

3. Науки, имѣющія своимъ предметомъ исторію ученаго обработыванія законовъ.

§ 121.

Науки законодѣнія, имѣющія своимъ предметомъ исторію ученаго обработыванія законовъ, об-

разуютъ, взятая въ ихъ совокупности, *Ученую и исторію законодѣнія*. Она излагаетъ ходъ и различныя судьбы законодѣнія въ теченіи времени. Для этой цѣли она: 1) описываетъ жизнь людей, замѣчательныхъ по вліянію ихъ на успѣхи законодѣнія (Биографія), показывая степень и образъ сего вліянія; 2) занимается указаніемъ и характеристикой сочиненій, писанныхъ по разнымъ частямъ законодѣнія (Библиографія), имѣя при томъ въ виду или полное ихъ исчисленіе, хотя, по большому ихъ множеству, это въ настоящее время почти невозможно, или означеніе только важнѣйшихъ; 3) разсматриваетъ существовавшіе способы изученія законовъ; 4) о-предѣляетъ посредствомъ историческаго развитія происшествій состояніе законодѣнія въ извѣстныя времена, показывая, какъ распространено было тогда знаніе законовъ, какія были обрабатываемы науки законодѣнія, какія господствовали въ семъ случаѣ ученія направленія, какое вліяніе имѣла наука законовъ на видъ законодательства и практики и наоборотъ законодательство и практика на видъ законодѣнія; 5) излагаетъ въ исторической связи и послѣдовательности мнѣнія и ученіе законодѣльцевъ въ разсужденіи различныхъ частей и предметовъ законодательства (такъ называемая *Исторія догмъ*).

Легко можно видѣть, что Ученая исторія законодѣнія столько содержитъ въ себѣ частей, сколько есть наукъ законодѣнія; такъ какъ каждая изъ сихъ наукъ имѣетъ свою исторію.

4. Наука, имѣющая своимъ предметомъ обзоръ наукъ законодѣнія въ общей ихъ связи.

§ 122.

Изъ предложеннаго раздѣленія наукъ законодѣнія видно, что число ихъ весьма значительно и что каждая изъ нихъ имѣетъ особенный объемъ и характеръ. *Энциклопедія законодѣнія* обозрѣваетъ ихъ

въ общей ихъ связи и соединяетъ ихъ въ одно нераздѣльное цѣлое (1).

II. Содержаніе законовѣдѣнія въ его идеѣ и въ дѣйствительности.

Литтература. Исторія методовъ Науки законовѣдѣнія въ XVIII вѣкѣ, *Благоушескаго* (въ Журн. Мин. Народ. Просв. 1835. Юн. стран. 375—427). — *Dissertatio de philosophica juris civilis tractandi ratione per comparationem jurium diversarum gentium instituenda, scripsit Znamensky. Petropoli. 1855.*

§ 123.

Законовѣдѣніе, разсматриваемое въ его идеѣ, обнимаетъ собою все означенныя Науки, со всѣми ихъ содержаніемъ, какъ оно выше описано (2). Все онъ суть только части одного цѣлаго, и нельзя опустить ни которой изъ нихъ, не сдѣлавши цѣлой науки неполною и каждой ея части болѣе или меньше неясною.

§ 124.

Точнѣе определяется въ дѣйствительности объемъ законовѣдѣнія цѣлію изученія законовъ.

Мы видѣли уже (3), что законы могутъ быть изучаемы: 1) для теоретическихъ цѣлей, 2) для практическихъ цѣлей.

Кто изучаетъ законы по чистому влеченію любопытствія, не имѣя при томъ въ виду особенной прак-

(1) См. выше § 1—7.

(2) См. выше § 115—122.

(3) См. выше § 107—109.

тической цѣли, тотъ долженъ и будетъ изучать ихъ именно въ той обширности, въ какой обнимаютъ ихъ законовѣдѣніе на основаніи самой своей идеи (1). Конечно въ дѣйствительности это правило имѣетъ исключенія: бываютъ люди, которые такъ питаются однимъ какимъ нибудь предметомъ законодательства, что въ изученіи этого одного предмета поставятъ все свое удовольствіе. Однакоже такое ограниченіе ни мало не оправдывается самымъ существомъ вещи.

Но законовѣдѣніе есть преимущественно наука практическая и изучается болѣе для цѣлей практическихъ. Въ практическомъ отношеніи человекъ имѣетъ опредѣленный кругъ правъ и обязанностей, который, при невозможности знать все, онъ и долженъ стараться узнать предпочтительно. Сей кругъ ограничивается для cadaго преимущественно его отечествомъ и его временемъ. Почему и его законовѣдѣніе должно ограничиться законами отечественными, въ его время дѣйствующими. Можно даже предположить себѣ при изученіи законовъ цѣли практическія совершенно частныя, имѣть въ виду именно какой нибудь опредѣленный родъ службы, и подобно этому ограничиться какою нибудь одною частию законовъ дѣйствующихъ: но кто знаетъ, въ какомъ родѣ службы можетъ поставить его судьба въ теченіи времени? и не составляютъ ли всѣ части дѣйствующаго законодательства одну систему, гдѣ каждое звѣно предполагаетъ всѣ другія и познаніе одного предполагаетъ познаніе всѣхъ прочихъ?

§ 125.

Между тѣмъ, ни изучая законодательство для цѣлей теоретическихъ во всей обширности его развитія, мы не можемъ обойтись безъ особеннаго познанія дѣйствующихъ отечественныхъ законовъ; ни изучая дѣйствующіе отечественные законы для цѣ-

(1) См. выше § 122.

лей практическихъ, мы не можемъ обойтись безъ законовѣднiя въ обширѣйшемъ его видѣ.

Изучая законодательство во всей полнотѣ его развитiя, мы всегда начнемъ съ законовъ отечественныхъ, дѣйствующихъ, — ихъ будемъ изучать предпочтительно предъ другими и въ наибольшей подробности. Мы поражаемся прежде всего ближайшими предметами, ихъ стараемся узнать прежде всего; ихъ можемъ мы узнать и скорѣе, и лучше; узнавши ихъ, тѣмъ съ большею удобностию можемъ мы распространить наше познанiе на предметы болѣе отдаленные. Мы даже не иначе можемъ познать какiе нибудь предметы, какъ начавши съ познанiя самихъ себя и предметовъ, непосредственно насъ окружающихъ; все, что мы ни познаемъ, мы познаемъ только чрезъ отношенiе къ себѣ, чрезъ сравненiе съ собою. Такимъ образомъ и при изученiи законовъ мы должны и всегда будемъ изучать прежде всего и болѣе всего то, что всегда находится у насъ предъ глазами, что представляется намъ съ наибольшею ясностию, къ чему наиболѣе мы чувствуемъ привязанность. Это есть порядокъ жизни, существующiй въ нашемъ отечествѣ, устроенный нашими отечественными законами.

Наоборотъ, изучая дѣйствующiе отечественные законы для практическихъ цѣлей, мы не можемъ обойтись безъ законовѣднiя въ обширѣйшемъ его видѣ. Намъ должны быть извѣстны: 1) Исторiя отечественнаго законодательства, по тѣсной связи, какая находится между прошедшимъ и настоящимъ состоянiемъ законодательства, такъ что законы настоящаго времени не могутъ быть понимаемы и усовершеняемы въ отдѣльности отъ законовъ прошедшаго времени. 2) Законодательства народовъ современныхъ, съ которыми находится наше отечество въ сношенiяхъ и съ законами которыхъ слѣдовательно надобно бываетъ сообразоваться въ сихъ сношенiяхъ. 3) Тѣ законодательства, которые состоятъ въ ближайшей исторической связи съ отечественными

законами и изъ которыхъ слѣдовательно сiи послѣднiя могутъ быть поясняемы. 4) Философiя законодательства, которая излагаетъ высшiя начала всякаго законодательства, познаваемыя изъ ума. 5) Законодательства всѣхъ вообще народовъ и всѣхъ временъ, частiю потому, что иначе не можетъ быть постигнута всеобщая идея всякаго законодательства, частiю потому, что особенныя свойства отечественнаго законодательства могутъ открыться только изъ сравненiя его со всѣми другими законодательствами и сiи послѣднiя могутъ послужить для него обильнѣйшимъ источникомъ усовершенiя. 6) Науки, имѣющiя своимъ предметомъ образъ изложенiя законовъ и способы къ ихъ осуществленiю, такъ какъ безъ первыхъ мы не въ состоянiи понимать содержанiя законовъ, а безъ вторыхъ — прилагать его къ различнымъ случаямъ жизни. 7) Ученая исторiя законовѣднiя, которая показываетъ намъ, что сдѣлано уже для познанiя и уясненiя разныхъ частей законодательства, чѣмъ слѣдовательно и намъ можно воспользоваться, не употребляя для того собственныхъ напрасныхъ усилiй, — какимъ путемъ надобно слѣдовать при изученiи законовъ, отъ какихъ надобно уклоняться. 8) Энциклопедiя законовѣднiя, которая всѣ свѣдѣнiя о законахъ соединить въ одно цѣлое.

ОТДѢЛЕНIЕ III.

О содержанiи Законовѣднiя, разсматриваемаго въ его отношенiи къ другимъ родамъ познанiй, или о вспомогательныхъ наукахъ Законовѣднiя.

Литтература. См. въ вообще Энциклопедiю Законовѣднiя подъ этою спашею. особенно же въ Энциклопедiю Веннга § 280 — 299.

§ 126.

Всѣ предметы нашего познанiя находятся въ связи между собою и имѣютъ извѣстныя точки, гдѣ

они касаются другъ друга. Посему, чтобъ точно опредѣлить предметъ какойнибудь науки, нужно означить эти точки, дабы ограничить его отъ смежныхъ предметовъ и видѣть, что онъ имѣетъ общаго съ ними. Какъ одинъ изъ смежныхъ между собою предметовъ не можетъ быть познанъ безъ другаго и знаніе одного изъ нихъ облегчаетъ и дѣлаетъ для насъ доступнымъ познаніе другаго; то науки, занимающіяся предметами, находящимися въ ближайшей связи съ главнымъ, изучаемымъ нами предметомъ, потому способствующія намъ въ изученіи нашей науки, называются по отношенію къ ней, какъ къ главной наукѣ, *Науками вспомогательными*. Такимъ образомъ понятіе наукъ вспомогательныхъ есть понятіе относительное: для другой науки существуютъ другія вспомогательныя науки, смотря потому, съ какими предметами имѣетъ предметъ соприкосновеніе.

Все здѣсь изложенное надобно сказать также о законовѣдѣніи. Предметъ его также имѣетъ извѣстныя точки соприкосновенія съ предметами другихъ наукъ, которыя для него дѣлаются науками вспомогательными. Число сихъ послѣднихъ въ извѣстномъ смыслѣ неопредѣленно. Чѣмъ болѣе мы расширяемъ кругъ законовѣдѣнія, тѣмъ болѣе должны допустить и вспомогательныхъ его наукъ; чѣмъ менѣе дѣлаемъ первый, тѣмъ менѣе должны принять и послѣднихъ. Не нужно упоминать, что для каждой особенной науки законовѣдѣнія ближайшими вспомогательными науками служатъ самыя же науки законовѣдѣнія, принадлежащія къ одному съ нею отдѣлу ⁽¹⁾, и что для каждаго ихъ отдѣла всякой другой ихъ отдѣлъ представляетъ и непосредственно науки вспомогательныя ⁽²⁾. Нѣтъ почти нужды также замѣчать, что для каждой науки законовѣдѣнія и для каждаго отдѣла сихъ наукъ существуютъ и въ законовѣдѣніи вспомо-

(1) См. выше § 116, 117, 118, 119, 120, — каждый отдѣльно.

(2) См. также § § въ ихъ отношеніи другъ къ другу.

гательныя науки. По онѣ легко могутъ быть опредѣлены на основаніи общихъ началъ о вспомогательныхъ наукахъ законовѣдѣнія, такъ что бесполезно было бы опредѣлять ихъ еще въ частности.

§ 127.

Какъ законы могутъ обнимать собою всѣ направленія человеческой дѣятельности и всѣ предметы, на которые она можетъ быть устремлена; какъ сверхъ того законы могутъ быть разсматриваемы со всѣхъ сторонъ, съ какихъ только можетъ быть разсматриваемъ извѣстный предметъ познанія: то законовѣдѣніе состоитъ въ связи со всеми науками.

Законовѣдѣніе состоитъ прежде всего въ общей связи со всеми науками: при изученіи всякаго предмета всѣ роды познаній имѣютъ по крайней мѣрѣ одну цѣну, что посредствомъ ихъ образуется разумъ человека, т. е. вообще научается правильно и съ быстротою понимать вещи, судить объ нихъ и составлять заключенія.

Но кромѣ этой общей связи законовѣдѣніе находится въ особенной связи съ каждымъ отдѣломъ наукъ. Въ различныхъ отношеніяхъ науки могутъ быть различны. По источникамъ нашего познанія предметъ ихъ онѣ дѣлятся на умственные и опытные; послѣднія иначе называются положительными. По отношенію предметовъ ко времени мы имѣемъ разные отдѣлы Исторіи. По отношенію къ существу изучаемыхъ предметовъ мы различаемъ науки теоретическія и науки практическія. Къ числу первыхъ относятся: Онтологія, Науки Математическія, Физическія, Антропологическія, Богословіе (теоретическое). Къ числу послѣднихъ относятся всѣ вообще науки, которыя имѣютъ своимъ непосредственнымъ предметомъ указать человеку, какъ онъ долженъ дѣйствовать въ различныхъ отношеніяхъ. Что ка-

сается каждого изъ сихъ отдѣловъ наукъ, — законо-
вѣдѣніе посредствомъ той его части, которая по-
знается изъ ума, состоитъ въ связи со всеми ум-
ственными науками, а посредствомъ части положи-
тельной — со всеми науками положительными: раз-
сматривая умомъ все вообще предметы, мы науча-
емся обнимать и въ законодательствѣ ту сторону,
которая постигается умомъ непосредственно; на-
противъ, обращая постоянно вниманіе на порядокъ
вещей, представляемый намъ опытомъ, мы предо-
храняемся отъ пагубной мечтательности, и въ томъ
ходѣ, какимъ шествуютъ положительныя науки къ
познанію своихъ предметовъ, имѣемъ указаніе для
законовѣдѣнія, какъ можетъ и оно идти къ цѣли
ему предназначенной. Посредствомъ своей истори-
ческой части законовѣдѣніе состоитъ въ связи со
всеми науками историческими: рассматривая по-
всюду измѣняющееся и разные виды измѣненій,
мы научаемся такимъ же образомъ слѣдить измѣ-
ненія и въ законодательствѣ. Наконецъ, принадлеж-
ащее вообще къ наукамъ практическимъ, законовѣдѣніе
посредствомъ наукъ, имѣющихъ своимъ предметомъ
содержаніе и образъ изложенія законовъ, состоитъ
въ связи со всеми науками теоретическими, а по-
средствомъ наукъ, имѣющихъ своимъ предметомъ
способы осуществленія законовъ, — со всеми прак-
тическими: различныя науки теоретическія зани-
маются подробнѣйшимъ изложеніемъ свойства тѣхъ
самыхъ предметовъ, которые извѣстною частію вхо-
дятъ въ законодательство, получая на него вліяніе
или подвергаясь его вліянію; напротивъ науки
практическія, опредѣляя способъ, какимъ долженъ
человѣкъ дѣйствовать въ различныхъ отношеніяхъ,
вмѣстѣ съ симъ показываютъ и способы, какъ онъ
долженъ дѣйствовать въ познаніи законовъ и въ ихъ
осуществленіи.

Послѣ сего мы, не придерживаясь впрочемъ впол-
нѣ изложеннаго раздѣленія наукъ, дабы избѣжать
неумѣстныхъ повтореній, постараемся точнѣе и блѣ-

же опредѣлить отношеніе законовѣдѣнія къ тѣмъ,
которымъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ наукъ, куда
принадлежатъ: 1) *Науки Философскія*, 2) *Математи-
ческія и Физическія*, 3) *Антропологическія*, 4) *Исто-
рическія*, 5) *Словесныя*, 6) *Богословскія*.

§ 128.

Науки Философскія. 1) Одна изъ Наукъ законовѣ-
дѣнія, именно Философія законодательства, есть на-
ука собственно философская. Какъ все науки фило-
софскія раскрываются подъ владычествомъ одного
общаго начала, то одной изъ нихъ совершенно не-
возможно понять безъ другихъ. Посему и Философіи за-
конодательства нельзя узнать, не зная всей вообще
Философіи. 2) Имѣя своимъ предметомъ истинное
существо вещей, Философія сообщаетъ намъ вообще
о всехъ предметахъ познанія и о всехъ областяхъ
жизни правильнѣйшія, яснѣйшія и твердѣйшія по-
нятія. 3) Обращая взоры человѣка отъ чувственнаго
къ сверхчувственному, Философія служитъ въ осо-
бенной степени къ возвышенію и обогащенію
духа.

§ 129.

Науки Математическія и Физическія.

Математика, излагая формы физическаго міра въ
ихъ чистомъ, отвлеченномъ видѣ и въ строгомъ по-
рядкѣ, 1) тѣмъ самымъ дѣлаетъ человѣка способ-
нымъ къ чистому умственному созерцанію, къ фило-
софскому размышленію⁽¹⁾; 2) пріучаетъ вообще къ
последовательности, точности, основательности мыш-
ленія. Сверхъ сего 3) разныя свѣдѣнія въ Матема-
тикѣ могутъ быть необходимы непосредственно при

⁽¹⁾ Ср. *Schelling Vorlesungen über die Methode des acad. Stu-
dium. 3-te Aufl. Stuttgart und Tübingen. 1830. S. 93 — 98.*

дѣлопроизводство для рѣшенія встрѣчающихся случаевъ жизни. Совокупность такихъ свѣдѣній образуетъ обобщенную науку, подъ названіемъ: *Mathesis forensis*.

Физическія Науки описываютъ явленія міра физическаго и излагаютъ причины (дѣтелей) сихъ явленій. Какъ жизнь общественная представляетъ множество точекъ соприкосновенія съ силами природы, то для правильнаго сужденія во многихъ случаяхъ требуется познаніе свойства и образа дѣйствія этихъ силъ. Такое приложеніе свѣдѣній изъ *Наукъ Естественныхъ* къ дѣламъ общественной жизни содержатъ въ себѣ между прочимъ слѣдующія науки: 1) *Наука Камеральная*, имѣющая предметомъ своимъ изложеніе законовъ, по которымъ образуется и потребляется народное и государственное имущество, какъ то: *Наука Сельскаго Хозяйства*, *Лѣсоводства*, *Горныхъ Промысловъ*, *Технологія*, *Наука Торговли*, *Политическая Экономія*, *Наука Финансовъ*. 2) *Медицинская Полиція*, имѣющая своимъ предметомъ опредѣленіе мѣръ для сохраненія общественнаго здоровья. 3) *Судебная Медицина*, какъ совокупность такихъ медицинскихъ свѣдѣній, которыя могутъ быть нужны при сужденіи о дѣлахъ какъ гражданскихъ, такъ особенно уголовныхъ.

§ 150.

Науки Антропологическія. Антропологія разсматриваетъ человека со стороны тѣлесной и духовной его природы. Духовная природа человека составляетъ предметъ Психической Антропологіи, или Психологіи. 1) Глубокое познаніе души человеческой и вообще знаніе людей доставляетъ для насъ вѣрнѣйшее средство — объяснять себѣ ихъ поступки и дѣйствовать на нихъ. 2) Особенное приложеніе имѣетъ Психологія при сужденіи о дѣлахъ уголовныхъ. Важнѣйшія главы Уголовнаго Законодательства, напримѣръ, о причинахъ, уменьшающихъ или уничтожающихъ

свободу воли, и слѣд. самую виновность, суть только приложеніе началъ Психологіи къ предметамъ Уголовнаго Законодательства.

§ 151.

Науки Историческія. Къ сему разряду наукъ относятся: 1) *Всеобщая Исторія*, 2) такъ называемыя *Древности*, 3) *Статистика*.

Всеобщая Исторія, по самому своему понятію, охватываетъ собою все обнаруженія человеческой дѣятельности, и притомъ во всехъ ея отношеніяхъ. Всеобщая Исторія въ семъ обширномъ смыслѣ заключаетъ въ себѣ какъ *Древности*, такъ даже и *Статистику*. Впрочемъ обыкновенно она ограничивается изложеніемъ политическихъ происшествій, бросая только бѣглый взглядъ на другія стороны жизни народной. Но и въ этомъ ограниченномъ видѣ она, будучи занимательна для всякаго, будучи для всѣхъ легко понятна, заключаетъ въ себѣ чрезвычайно богатое содержаніе, и непрерывно представляетъ намъ новыя предметы для размышленія и изслѣдованія; показывая связь настоящаго съ прошедшимъ, она такимъ образомъ научаетъ насъ разсматривать жизнь отдельнаго человека всегда въ связи съ его временемъ, и раскрывая предъ нами множество разнообразныхъ, непрерывно измѣняющихся состояній, сообщаетъ намъ многосторонность во взглядахъ, и чрезъ то свободу и безпристрастіе въ сужденіяхъ. 2) Изображая нравы народа, она показываетъ намъ вліяніе ихъ на законодательство, и наоборотъ вліяніе законодательства на нравы народные. 3) Она всегда обращаетъ болѣе или менѣе вниманіе на разнѣ другъ законовъ въ народахъ, особенно законовъ государственныхъ. 4) Описывая происхожденіе, постепенное образованіе и разрушеніе обществъ въ родѣ человеческомъ, вмѣстѣ съ важнѣйшими ихъ установленіями, она съ симъ самымъ почти переходитъ въ исторію законодательствъ и для сей послѣдней

представляет по крайней мѣрѣ твердыя точки опоры, къ которымъ потомъ могутъ прикрѣпиться всѣ другія изслѣдованія, получая для себя определенное мѣсто въ пространствѣ и времени.

Наука Древностей изображаетъ бытъ народовъ въ древнія ихъ времена. Она описываетъ не столько происшествія въ ихъ непрерывной послѣдовательности, сколько самое состояніе общества, бывшее послѣдствіемъ ихъ развитія. Наука Древностей по своему содержанію 1) обнимаетъ собою множество предметовъ, принадлежащихъ собственно къ области законодательства; 2) по крайней мѣрѣ излагаетъ фактическую сторону тѣхъ же самыхъ отношеній, которыя въ исторіи законодательствъ излагаются съ ихъ юридической стороны.

Статистика изображаетъ состояніе силъ народъ въ данное время. О важности ея надобно сказать тоже самое, что сказано о важности Науки Древностей. Сверхъ сего Статистика можетъ быть особенно важна въ практическомъ отношеніи при сужденіи объ усовершенствѣніи законовъ и о разныхъ случаяхъ дѣлопроизводства.

§ 132.

Науки Словесныя. Сюда относятся: *Теорія искусства слова, Языкознаніе, Герменевтика и филологическая Критика.*

Логика излагаетъ всеобщіе законы мышленія. На какіе бы предметы ни была обращена мысль человѣка, эти законы вездѣ имѣютъ приложеніе. Почему и мышленіе о предметахъ законодательства совершается по симъ же законамъ. Итакъ хотимъ ли мы сами размышлять о предметахъ законодательства, или мы хотимъ разбирать мысли другихъ о сихъ предметахъ, въ томъ и другомъ случаѣ для

намъ важно познаніе законовъ мышленія: въ первомъ случаѣ для того, чтобъ наше мышленіе было сколько возможно правильнѣе; во второмъ случаѣ для того, чтобъ видѣть, въ какой степени мышленіе другихъ правильно или неправильно и какъ оно составлено.

Теорія искусства слова. Посредствомъ сего искусства человѣкъ облачаетъ свои мысли въ рѣчь правильную и соответствующую предположенной имъ цѣли. Правила сего искусства имѣютъ непосредственное приложеніе и къ рѣчи дѣловой, и въ этомъ приложеніи образуютъ особенную теорію подъ названіемъ *Теоріи слога дѣловаго.*

Языкознаніе, Герменевтика и филологическая Критика извѣстны подъ общимъ именемъ *Филологіи.* *Языкознаніе* имѣетъ своимъ предметомъ: 1) грамматическій составъ извѣстнаго языка, 2) значеніе отдельныхъ словъ сего языка, излагаемое въ лексиконахъ. — *Герменевтика* преподаетъ правила для истолкованія подлежащихъ намъ словесныхъ памятниковъ. При уразумѣніи смысла памятника можно руководствоваться или правилами грамматическими, или сверхъ того и правилами Логики. Въ первомъ случаѣ истолкованіе называется грамматическимъ, во второмъ — логическимъ. — *Критика* изслѣдуетъ 1) подлинность извѣстнаго слова или реченія въ какомъ нибудь историческомъ памятникѣ и по возможности возстановляетъ подлинное чтеніе; 2) изслѣдуетъ подлинность цѣлаго памятника, или по крайней мѣрѣ значительнѣйшихъ его частей; 3) изслѣдуетъ истину и достовѣрность извѣстій, сообщаемыхъ въ памятникѣ. Въ первомъ случаѣ Критика называется нижнею Критикою; во второмъ, и особенно въ третьемъ, — высшею. — *Филологическія упражненія*, особенно въ древнихъ языкахъ, пріучаютъ разумъ къ точности въ ученыхъ изысканіяхъ и дѣлаютъ его свѣтлымъ и глубокимъ. Для законовѣденія, въ особенности важны науки филологическія потому, что по-

знаніе о законахъ почерпается болѣею частью изъ словесныхъ памятниковъ, а для объясненія такихъ памятниковъ требуются свѣдѣнія филологическія.

§ 133.

Науки Богословскія. 1) Вѣра есть одна изъ существеннѣйшихъ потребностей человека и его высочайшее состояніе. Свѣтомъ своимъ она озаряетъ весь путь его жизни. Истинно-благочестивый взглядъ на весь дѣла человеческія, на все происшествія міра есть взглядъ самый чистѣйшій; истинно-благочестивый образъ дѣйствія есть образъ дѣйствія самый возвышеннѣйшій. Эту свою важность благочестивый образъ возрѣнія на вещи сохраняетъ и по отношенію къ предметамъ законодательства; это свое достоинство благочестивый образъ дѣйствія удерживаетъ для человека и при его дѣйствіяхъ въ государствѣ. Но благочестивый взглядъ на вещи и благочестивый образъ дѣйствія сообщается человеку и укрѣпляется въ немъ ученіемъ вѣры. 2) По своей важности для человека вѣра всегда имѣла и имѣетъ величайшее вліяніе на все отношенія жизни общественной, определяемыя законами. Вполнѣ оцѣнить этого вліянія не возможно, не имѣя глубокаго познанія объ ученіи вѣры и различныхъ ея судьбахъ. 3) Наоборотъ вѣра, дѣлаясь союзомъ лицъ, даетъ бытіе вѣншему обществу вѣрующаго. Оно находится подъ общимъ покровомъ власти государственной и имѣетъ свои законы, признанные властію государственною или даже непосредственно отъ ней полученные, по во всякомъ случаѣ основывающіеся на различныхъ нуждахъ и судьбахъ этого общества и принаровленные къ его потребностямъ и состоянію. Посему не возможно понять вполнѣ сіи законы, не зная тѣхъ отношеній и потребностей, изъ которыхъ они возникли и къ которымъ они принаровлены. Наконецъ 4) способъ обработыванія Наукъ Богословскихъ, по сходству ихъ относительно своего основанія съ законовѣдѣніемъ, которое наравнѣ съ ними признаетъ по-

ложительные источники, откуда оно почерпаетъ свои истины, представляетъ непосредственный примѣръ для подражанія въ обработываніи законовѣдѣнія.

ГЛАВА II.

О формѣ законовѣдѣнія.

§ 134.

Можно говорить о формѣ законовѣдѣнія въ двоякомъ смыслѣ: 1) спрашивается, въ какой внутренней взаимной связи существуютъ истины, относящіяся къ области законовѣдѣнія, и следовательно въ какомъ внутреннемъ порядкѣ могутъ или должны быть онѣ представлены какъ одно цѣлое; 2) какимъ образомъ законовѣдѣніе можетъ быть развито въ духѣ человека, который посвящаетъ себя изученію законовъ. Оба вопроса совпадаютъ между собою въ томъ отношеніи, что въ первомъ случаѣ законовѣдѣніе разсматривается какъ нѣчто уже происшедшее, образованное во всѣхъ его частяхъ, во второмъ же случаѣ оно разсматривается какъ нѣчто, только еще происходящее, образующееся.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О формѣ законовѣдѣнія, разсматриваемаго въ его бытіи.

§ 135.

Всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ извѣстному предмету, образуютъ, взятые въ ихъ совокупности, систе-

му. Это основывается на томъ, что міръ есть произведение разумнаго существа и потому во всѣхъ частяхъ своихъ представляетъ порядокъ, который человеческому разуму дано усматривать и сознать. Такимъ образомъ и свѣдѣнія, относящіяся къ законамъ, образуютъ систему. Системою въ области познания называется совокупность истинъ, относящихся къ одному предмету, выведенныхъ, расположенныхъ и представленныхъ сообразно его идѣ. По сему существо системы составляетъ не одна только логическая правильность и единообразность состава, но еще болѣе расположение всѣхъ предметовъ сообразно внутренней ихъ связи, послѣдовательное выведение ихъ изъ самаго существа вещи и точное ихъ выраженіе сообразно внутреннему ихъ свойству. Наука, какъ система, только воспроизводитъ действительно уже существующее. Она представляетъ намъ во всей полнотѣ и съ совершенною вѣрностію происхождение, постепенное образованіе и действительный видъ своего предмета, употребляя для сего точныя и опредѣленные выраженія и действуя посредствомъ логически-правильныхъ опредѣленій, раздѣленій и доказательствъ. Въ такомъ систематическомъ видѣ должно быть представлено и все содержаніе законовѣдѣнія.

§ 136.

Но хотя законовѣдѣніе образуетъ систему истинъ какъ въ цѣломъ, такъ и во всѣхъ своихъ частяхъ; однакоже, исходя изъ различныхъ точекъ зрѣнія и изъ разныхъ основаній, можно безъ нарушенія правилъ системы представить содержаніе законовѣдѣнія въ различномъ порядкѣ.

Что касается раздѣленія всѣхъ наукъ законовѣдѣнія по различію источниковъ нашего познанія о законахъ, т. е. раздѣленія на Философію законодательства и Законовѣдѣніе положительное, — можно: 1) каждую науку и часть излагать по выш-

нему виду отдѣльно; но при этомъ внутреннее между ними единство должно сохраняться ненарушимо.

2) Можно каждую науку и часть и по вышнему виду излагать совокупно. Главную часть, какъ бы средоточіе изложенія, можетъ составлять при этомъ или Философія законодательства, или Законовѣдѣніе положительное. Въ первомъ случаѣ идея философская будетъ низводима къ законамъ положительнымъ и раскрываема въ ихъ разнообразіи; во второмъ случаѣ положительные законы будутъ возводимы къ идѣе и обобщаемы въ ея единствѣ.

Что касается раздѣленія наукъ законовѣдѣнія въ историческомъ отношеніи, — 1) Философію законодательства можно излагать или въ порядкѣ времени, или сравнительнымъ образомъ, т. е. сличая непрерывно между собою мысли философовъ о томъ или другомъ предметѣ законодательства. 2) Равнымъ образомъ положительные законодательства можно излагать или въ порядкѣ времени, такъ чтобы законодательство одного народа и одного времени было проходимомъ отдѣльно отъ законодательства другого народа и другаго времени, или сравнительнымъ образомъ, такъ чтобы по отношенію къ предметамъ законодательства законы одного народа и времени непрерывно были сличаемы съ законами другихъ народовъ и временъ.

Что касается раздѣленія законовѣдѣнія на Науку законовъ государственныхъ, гражданскихъ и права народнаго, — можно при изложеніи законовъ или начать съ законовъ государственныхъ, отсюда съ одной стороны дойти до законовъ гражданскихъ, съ другой — до права народнаго, или начать съ законовъ гражданскихъ и возвыситься посредствомъ законовъ государственныхъ до права народнаго, или начать съ права народнаго и спуститься посредствомъ законовъ государственныхъ до законовъ гражданскихъ.

Подобныя замѣчанія можно сдѣлать объ отношеніи наукъ законовѣдѣнія, имѣющихъ своимъ предметомъ

образъ изложенія законовъ, способъ ихъ примѣненія и судьбу ученаго ихъ обработыванія, какъ другъ къ другу, такъ и къ наукамъ законовѣденія, имѣющимъ своимъ предметомъ содержаніе законовъ.

Каждый способъ соединенія разнообразнаго содержанія въ одно цѣлое представляетъ свои выгоды и невыгоды: если при извѣстномъ способѣ сего соединенія представляется въ особенномъ свѣтъ одна сторона предмета, за то потемняется другая, — если потемняется одна, за то другая является въ особенномъ свѣтъ. Посему законовѣдніе и не можетъ ограничиться однимъ какимъ нибудь изъ показанныхъ способовъ; напротивъ оно должно быть изображено по всемъ способамъ, дабы его возможные формы также были все изчерпаны, какъ должно быть изчерпано все его содержаніе.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О формѣ законовѣденія, разсматриваемаго въ его происхожденіи.

Литтература. См. все сочиненія, имѣющія своимъ предметомъ способъ изученія законовъ, все Энциклопедіи законовѣденія подъ статьею: *Методологія*, особенно же у *Тибо* § 219—286, у *Мюленбруха* § 256—317, у *Веннинга* § 300—344. Сверхъ того *Согласитель этой Энциклопедіи* рѣчь о соединеніи теоріи съ практикою въ изученіи законовъ и въ др. воспроизводитъ, оппечатавъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. на 1835 г. Дек. стран. 445 и слѣд.

§ 137.

Для рѣшенія вопроса, какимъ образомъ законовѣдніе можетъ быть развито въ духъ человѣчества, или, что тоже, какимъ образомъ можетъ приобрести

но познаніе о законахъ, мы изложимъ: 1) *общию начала*, относящіяся къ изученію законовъ, 2) *способы ихъ изученія вообще*, 3) *способы ихъ изученія въ общественныхъ заведеніяхъ*, 4) *изученіе ихъ по составленіи воспитанникомъ общественнаго заведенія и вообще по приобрѣтеніи имъ первыхъ въ нихъ свѣдѣній*.

I. Общиія начала, относящіяся къ изученію законовъ.

§ 138.

Изученіе законовъ, по истинному его смыслу, имѣетъ своимъ назначеніемъ сдѣлать науку законовъ, какъ она выше описана со стороны ея содержанія и формы (1), присущю нашему духу, такъ чтобы наше познаніе законовъ было полнымъ по его содержанію, стройнымъ по его систематическому виду.

§ 139.

Изъ того, что мы сказали о содержаніи и систематической формѣ законовѣденія, можно видѣть, какъ оно обширно, и какихъ трудовъ, какихъ усилий требуетъ изученіе этого предмета. Мы не думаемъ скрывать *трудностей*, какія необходимо должны представиться на этомъ поприщѣ. Правда, сначала, доколь не раскрылись передъ нами глубины науки, дѣло изученія законовъ можетъ казаться легкимъ. Но чѣмъ болѣе мы будемъ углублять свою науку, тѣмъ болѣе будемъ встрѣчать *трудностей* на пути къ своей цѣли, тѣмъ болѣе будемъ открывать сторонъ темныхъ въ предметахъ нашего познанія, тѣмъ болѣе будетъ представляться намъ сомнѣній въ томъ, что мы, по видимо-

(1) См. выше § 112—136.

му, знали. Когда пройдет кратковременный период спокойной вѣры, въ продолженіи котораго принимаютъ только почти страдательно предлагаемыя общія понятія, тогда трудности познанія чувствуются въ полной силѣ. Въ человѣкѣ можетъ родиться даже отчаяніе при мысли, что предметъ, имъ изучаемый, совершенно превышаетъ его силы, и тѣмъ скорѣе можетъ родиться въ немъ такое отчаяніе, чѣмъ онъ совѣстнѣе, чѣмъ онъ менѣе скрываетъ отъ себя свою слабость, чѣмъ болѣе онъ старается всегда испытывать мнѣнія другихъ, давать себѣ отчетъ въ каждомъ понятіи, въ каждой мысли, и пролагать себѣ путь по мѣстамъ непроходимымъ.

Но это состояніе неизвѣстности, когда внезапно открывается безчисленное множество задачъ, по видимому, неразрѣшимыхъ, когда начинаютъ почти отчаиваться узнать предметъ, не есть участь одного законовѣдца, а участь всякаго, кто искренно желаетъ усвоить себѣ какую бы то ни было науку во всемъ ея объемѣ. Человѣкъ съ отличнымъ умомъ долженъ необходимо пройти черезъ это состояніе. Счастливъ, кто можетъ испытать такое состояніе. Здѣсь пробуждаются въ человѣкѣ все умственные способности отъ усыпленія и онъ получаетъ ту самостоятельность сужденія и дѣйствованія, безъ которой не возможно узнать основательнымъ образомъ ни одной науки. Кто будетъ имѣть на нѣсколько времени терпѣнія, тотъ вскорѣ увидитъ какъ мало, по малу, за этимъ временемъ будетъ возникать болѣе свѣтлый періодъ; понятія постепенно уясняются и приводятся въ порядокъ; съ богатствомъ познаній увеличивается и основательность въ сужденіяхъ; непримѣтно исчезаетъ одна трудность за другою. Пріятность новаго состоянія, когда мы ежедневно дѣлаемъ новые успѣхи, заставляетъ насъ преодолевать все препятствія и такъ сильно привлекаетъ насъ къ наукѣ, что мы, хотя бы имѣли полную свободу, никогда бы не пожелали отстать отъ нея.

Допустимъ даже, что законовѣдніе всегда останется наукою трудною. Но развѣ другія науки, напр. Богословіе, Философія, Математика, такъ легки, какъ представляеть себѣ умъ обыкновенный? По крайней мѣрѣ никто изъ людей, основательно занимающихся этими науками, этого не скажетъ. Но если бы это было такъ, то однако же это обстоятельство никогда не должно отвлекать отъ законовѣднія человѣка съ умомъ и характеромъ. Если какой родъ дѣлъ требуетъ людей честныхъ и даровитыхъ, то особенно служба государственная въ разнообразныхъ ея видахъ. Посему способный человѣкъ не долженъ бѣжать отъ трудовъ необходимыхъ для того, чтобы быть въ состояніи отправлять ее съ успѣхомъ. По крайней мѣрѣ тотъ, кто чувствуетъ въ себѣ склонность и силу къ добру, не откажется поднимать для разумной цѣли какіе бы то ни было труды.

§ 140.

Итакъ прежде всего *любовь къ наукѣ и живое чувство важности изучаемаго предмета* должны оцѣшевлять того, кто приступаетъ къ изученію законовъ.

Глубокое изученіе столь обширной науки, какъ законовѣдніе, требуетъ особенныхъ трудовъ и усиленнаго прилежанія. Но такіе труды и такое прилежаніе возможны только при особенной любви къ этой наукѣ. Любовь къ ней заставитъ переносить самыя тяжелые труды, употреблять самое неослабное прилежаніе, для того, чтобы изучить ее основательнымъ образомъ; кто носитъ въ сердцѣ своемъ любовь къ ней, тотъ не опуститъ безъ вниманія ни одного предмета, къ ней относящагося, тотъ постарается проникнуть во все ея глубины.

Основаніе любви къ познанію законовъ, равно какъ и другихъ сердечныхъ склонностей, можетъ быть

положено въ чловѣкѣ уже отъ самой природы. Но эта любовь можетъ быть также произведеніемъ разсудка и даже необходимо должна сдѣлаться любовью отчетливую; тогда только она будетъ тверда и постоянна. Для сего мы должны понять всю важность науки законовъ, должны узнать всю ея обширность и все ея вліяніе на жизнь и счастье народовъ.

§ 141.

По тому самому изученіе законовъ должно почитать все возможное *распространеніе* какъ по ея цѣли, такъ и по предметамъ: по цѣли, — наука законовъ должна быть изучаема или для ней самой или для того, чтобъ мы въ нашемъ кругѣ могли лучше осуществлять идею чистой правды, а не для какихъ нибудь мелочныхъ расчетовъ корыстолюбивыхъ предметовъ, — наука законовъ должна обнимать законодательство всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ и притомъ со всѣхъ сторонъ, а не ограничивать себя однимъ временемъ, или однимъ народомъ, или одною стороною въ законодательствѣ. Только эта обширность видовъ и взглядовъ можетъ соответствовать истинному существу науки, а мыслямъ нашимъ сообщить полетъ возвышенный и одушевленный.

§ 142.

По изученіе законовъ должно быть особенно направлено къ тому, чтобъ разъяснить для чловѣка идею правды какъ вообще, такъ и въ частности по духу известнаго законодательства, дабы онъ могъ въ каждомъ представляющемся случаѣ и предметѣ сказать, какъ сей случай долженъ быть рѣшенъ по общимъ началамъ правды и по особеннымъ началамъ известнаго законодательства. Конечно, и богатство свѣдѣній въ законахъ важно; но еще важнѣе это чувство законности, которое даетъ намъ возможность самимъ судить о праведномъ и непра-

ведномъ и при всѣхъ случаяхъ указываетъ намъ неограничительно то и другое. Одни свѣдѣнія безъ всякаго чувства составляютъ мертвое богатство. Для развитія и образованія чувства законности требуется *изученіе законодательствъ* не въ общихъ только ихъ чертахъ, но въ *самыхъ подробностяхъ*, особенно изученіе такихъ законодательствъ, которыя при богатствѣ своего содержанія отличаются рѣзкимъ между собою разграниченіемъ всѣхъ предметовъ и строгимъ выводомъ всѣхъ частныхъ изъ общихъ началъ и понятій. Разумѣется само собою, что въ практическомъ отношеніи отечественное законодательство, начала котораго непосредственно должны быть прилагаемы и въ духъ котораго непосредственно и должно дѣйствовать, заслуживаетъ предпочтительно предъ всѣми законодательствами быть подробно изучаемымъ. Требуя такимъ образомъ подробнаго изученія законодательствъ, мы должны къ сказанному еще приплюсовать, что только посредствомъ изученія подробностей самое познаніе наше дѣлается основательнымъ.

§ 143.

По въ какой бы обширности и подробности мы изучали законы, мы всегда должны удерживать въ виду *связь между всеми частями и предметами законовѣднія*, и каждое вновь приобретаемое познаніе помѣщать тамъ въ нашей памяти, гдѣ оно по самому его существу должно занимать свое мѣсто. Такое непрерывное сохраненіе порядка при множествѣ самыхъ разнородныхъ предметовъ, подлежащихъ познанію, совершенно необходимо; только оно можетъ предотвратить запутанность въ понятіяхъ. Такимъ же образомъ, непрерывно дѣлая успѣхи въ различныхъ частяхъ законовѣднія, мы, по необходимости связи между ними, не должны останавливаться совершенно безъ вниманія ни одной изъ нихъ, а мало по малу должны пополнять могущіе случиться недостатки въ нашихъ свѣдѣніяхъ, сколько возможно, по всѣмъ направленіямъ.

II. Способы изученія законовъ вообще.

§ 144.

Есть три способа приобрести познание о законахъ: практика, чтение законовъ и сочиненій объ нихъ и слушаніе изустныхъ наставленій о законахъ.

§ 145.

Практическій способъ изученія законовъ состоитъ въ томъ, когда узнаютъ ихъ посредствомъ собственнаго, личнаго участія въ производствѣ встрѣчающихся дѣлъ, и въ особенности посредствомъ отправленія разныхъ должностей государственныхъ. Достоинство сего способа изученія законовъ основывается на томъ, что общія понятія и правила, осуществляясь на дѣлѣ, являются намъ какъ бы въ живомъ видѣ и получаютъ для насъ очевидность, — что для всѣхъ нашихъ сужденій непосредственно представляется повѣрка въ опытѣ, — что все испытываемое нами глубоко напечатлѣвается въ нашемъ воображеніи и памяти. Но познанія, приобретаемыя изъ практики, не имѣютъ нужной полноты. Они собираются случайно, по мѣрѣ дѣлъ, представляющихъ для рѣшенія. Если по этому не представится намъ случая прилагать какой нибудь законъ къ дѣламъ, то законъ можетъ остаться для насъ навсегда неяснымъ. Впрочемъ и тѣ познанія, какія могутъ быть собраны въ практикѣ посредствомъ наблюденія и рѣшенія частныхъ случаевъ, ограничиваются по большей части только законами дѣйствующими, и преимущественно буквальнымъ ихъ значеніемъ. Познанія, приобретаемыя изъ практики, не имѣютъ, да и не подлежатъ связи, округленности: будучи разсѣяны по безконечному разнообразію представляющихся дѣлъ, практикѣ бываетъ не въ состояніи обобщать ихъ еще въ общей ихъ связи, въ ихъ гла-

вѣчайшихъ основанійхъ; совокупность его познаній есть смѣсь разнородныхъ свѣдѣній, опытовъ, наблюденій, правилъ жизни, смѣсь безъ особеннаго порядка. Наконецъ на пути практическомъ всѣ вообще познанія приобретаются весьма медленно. «Опытъ и жизнь,» какъ говоритъ Шеллингъ ⁽¹⁾, «воспитываютъ человека медленнымъ образомъ, не безъ большой потери времени и силы. Тому, кто посвящаетъ себя наукѣ, даровано счастье — предвосхищать опытъ, и то, что напоследокъ есть, можетъ быть, единственный результатъ самой дѣтельной, самой богатой опытами жизни, узнавать тотчасъ непосредственно и въ самомъ существѣ.»

§ 146.

Независимо отъ практики, познаніе о законахъ можно приобрести посредствомъ чтенія какъ самыхъ законовъ, такъ и сочиненій объ нихъ, учреждая порядкомъ своего ученія по собственному усмотрѣнію.

Изученіе законовъ непосредственно изъ ихъ источниковъ доставляетъ ту чрезвычайно важную выгоду, что здѣсь мы сами все изслѣдуемъ и не будучи предубѣждены другими, можемъ прямымъ смысломъ нашимъ тотчасъ узнавать истину. Возбужденная самостоятельность, сопровождающаяся явными успѣхами, влечетъ насъ неудержимо къ источникамъ, откуда можетъ быть узнано законодательство, и рождаетъ ревностное прилежаніе къ ихъ изученію. Впрочемъ столь же легко можемъ мы при этомъ впасть въ односторонность и составить для себя ложныя понятія, которыя тѣмъ труднѣе бываетъ искоренить, что они произошли отъ насъ самихъ. Здѣсь нѣтъ того облегченія, какое заключается въ наставленіяхъ людей свѣдущихъ; на пути къ цѣли повсюду встрѣчаются здѣсь препятствія, которыя уже устранены

⁽¹⁾ Vorlesungen über die Methode des academischen Studium. 3-te Ausg. Stuttgart und Tübingen. 1830. S. 57 — 58.

другими, но знания и опыта которых мы не имеемъ. Сверхъ того положительные законы не составляютъ единственнаго источника законовѣдѣнія. Поговоря о законахъ естественныхъ, наши свѣдѣнія о предметахъ положительнаго законодательства почерпаются вообще изъ самыхъ разнородныхъ историческихъ памятниковъ. Кто бы въ состояніи былъ прочесть всѣ эти памятники одинъ, безъ посторонняго руководства и помощи, хотя бы онъ имѣлъ самыя блистательныя дарованія?

Изученіе законовъ изъ сочиненій объ нихъ имѣетъ то преимущество, что предметъ, когда онъ непрерывно обрабатывается учеными, какъ бы сначала онъ ни былъ обширенъ и теменъ, все болѣе и болѣе со временемъ уясняется и становится доступнымъ для разумѣнія. Законамъ часто недостаетъ систематическаго порядка, отъ чего ихъ изученіе можетъ затрудниться до чрезвычайности. Хотя книги также не всегда пишутся систематически; но по крайней мѣрѣ изъ числа ихъ всегда можно выбрать отличающіяся своею системою. Между тѣмъ изученіе законовъ изъ книгъ очень легко можетъ отвлечь насъ отъ изученія источниковъ; мы скоро начинаемъ мнѣніе писателя смѣшивать съ постановленіемъ самого закона и перестаемъ обращаться къ сему послѣднему, а отъ того лишаемся всей пользы, какую могло бы намъ доставить собственное разсматриваніе источниковъ законодательства. Нерѣдко надобно бываетъ употребить особенные труды, чтобы понять только книгу саму въ себя, прежде чѣмъ можетъ быть рѣчь о томъ, чтобы понять предметъ, въ ней излагаемый.

§ 147.

Послѣ всего сказаннаго изученіе законовъ посредствомъ слушанія объ нихъ уроковъ у другихъ представляется самымъ простѣйшимъ и легчайшимъ способомъ приобрѣсть познаніе объ нихъ. Наставникъ трудясь въ изслѣдованіи излагаемаго имъ предмета

одинъ за всѣхъ и для всѣхъ своихъ слушателей, сообщая имъ плоды своихъ, можетъ быть, долговременныхъ и тяжелыхъ трудовъ, и такимъ образомъ избавляетъ ихъ отъ необходимости проходить собственнымъ лицомъ весь путь изысканія истины со всѣми его трудностями. Объясненіе темнаго въ случаѣ нужды можетъ быть тотчасъ дано. Весь способъ ученія можетъ быть припаровленъ къ особенымъ свойствамъ учащагося — къ его способностямъ, приговорительнымъ познаніямъ и т. п. Наставникъ, знакомый съ своимъ предметомъ, знаетъ всѣ препятствія, какія могутъ встрѣтиться при его изученіи, равно какъ и лучшія средства побѣдить ихъ. Наконецъ изустное изложеніе, живая рѣчь глубоко върываются въ память. Все это необыкновенно облегчаетъ и сокращаетъ трудъ ученія. Впрочемъ и этотъ путь не совсемъ безопасенъ: чѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на учащихся изложеніе наставника, тѣмъ скорѣе они начинаютъ во всемъ ссылаться на слова учителя и пренебрегать собственнымъ изслѣдованіемъ предметовъ.

§ 148.

Такимъ образомъ каждый изъ трехъ способовъ изученія законовъ имѣетъ свои выгоды и невыгоды, и мы утверждаемся въ той мысли, что совершеннѣйшій способъ изученія законовъ основывается на приличномъ соединеніи *всѣхъ трехъ означенныхъ способовъ*.

Въ самомъ дѣлѣ опытъ никогда почти не представляетъ такъ рѣзко отдѣленными другъ отъ друга описанные нами способы изученія законовъ, какъ мы ихъ отдѣлили. Обыкновенно мы видимъ ихъ болѣе или менѣе въ соединеніи. Совершенное ихъ раздѣленіе даже и невозможно. Тотъ, кто изучаетъ законы посредствомъ практики, необходимо долженъ совѣтоваться съ самыми ихъ источниками, въ которыхъ они предложены; онъ не пренебрегаетъ сочи-

неніями, въ которыхъ надѣется найти разрѣшеніе своихъ сомнѣній, объясненіе темныхъ мѣстъ закона; нерѣдко, по крайней мѣрѣ въ началѣ своей практики, онъ пользуется болѣе или менѣе непрерывнымъ наставленіемъ, указаніемъ и совѣтомъ людей болѣе, чѣмъ онъ, свѣдущихъ. Равнымъ образомъ тотъ, кто хочетъ изучать законы изъ ихъ источниковъ и книгъ, не можетъ до такой степени прекратить всѣ свои связи съ действительнымъ міромъ, чтобъ жизнь и опытъ не доставляли ему совершенно никакого назиданія; въ бесѣдѣ съ людьми знающими онъ уясняетъ свои понятія о различныхъ предметахъ законодательства и узнаетъ о сочиненіяхъ, которыя должны служить для него руководствомъ въ изученіи законовъ. Наконецъ невозможно такъ ограничиться и слушаніемъ уроковъ у другихъ, чтобъ действительный міръ не дѣлалъ на насъ никакого впечатлѣнія и мы не хотѣли смотрѣть ни въ какія книги.

Итакъ въ строгомъ смыслѣ можно говорить только о преимущественномъ употребленіи того или другаго способа изученія законовъ. У народовъ простыхъ, необразованныхъ, доколѣ законодательство не получило большаго объема, практической способъ въ связи съ чтеніемъ законовъ и существующихъ обихъ сочиненій, совершенно достаточенъ къ изученію ихъ, особенно если къ тому присоединится также практическое руководство людей опытныхъ. Но когда законодательство достигнетъ значительной величины, когда всѣ дѣла какъ общественной, такъ и частной жизни, умножатся и примутъ видъ запутанный: тогда необходимо, для скорѣйшаго и легчайшаго изученія законовъ, подобно тому, какъ это дѣлается и въ иныхъ предметахъ, слушать уроки у другихъ, хотя такое наставленіе и руководство можетъ быть нужно только въ началѣ, для перваго общаго ознакомленія съ законами и вообще только доколѣ, пока человекъ не развился и не созрѣлъ въ своихъ умственныхъ способностяхъ такъ, чтобы онъ

могъ изучать каждый предметъ, разумѣется, при существованіи нужныхъ для того пособій, самъ собою независимо отъ посторонняго словеснаго наставленія и руководства. Действительно и тотъ, кто захотѣлъ бы узнавать законы посредствомъ слушанія уроковъ у другихъ, не можетъ навсегда ограничиться и никогда не ограничивается однимъ этимъ способомъ изученія. Слушаніе уроковъ продолжается известное только время и вообще только известное число лѣтъ; послѣ того, когда слушатель сдѣлался способнымъ продолжать свое ученіе безъ этой помощи, онъ оставляетъ своего учителя и самъ собою непрерывно распространяетъ и пополняетъ пріобрѣтенныя свѣдѣнія, занимаясь практикой, читая законы и сочиненія объ нихъ, иногда по временамъ спрашивая наставленія у людей знающихъ. Между тѣмъ, хотя бы законодѣніе у какого нибудь народа имѣло самый обширный объемъ, нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, если человекъ съ твердымъ уже образованіемъ принимается за изученіе законовъ, и не пользуясь словесными наставленіями другихъ, а упражняясь непрерывно въ практикѣ и въ чтеніи, достигаетъ до совершеннѣйшаго познанія. Опытъ действительно представляетъ намъ такихъ людей. Пріобрѣтенное уже ими твердое образованіе какъ въ общихъ предметахъ обученія, такъ, можетъ быть, и въ некоторыхъ особенныхъ наукахъ, дѣлаетъ ихъ способными изучать законы, не имѣя нужды въ слушаніи уроковъ у другихъ.

Но тѣмъ не менѣе у народовъ, имѣющихъ обширное и многосложное законодательство, для пріобрѣтенія первоначальнаго и общаго познанія о законахъ, всегда останется самымъ удобнѣйшимъ тотъ способъ ихъ изученія, когда слушають объ нихъ уроки у другихъ свѣдущихъ людей, знакомясь при томъ постепенно съ практикою, и пріучаясь въ тоже время посредствомъ чтенія памятниковъ законодательства и отдельныхъ сочиненій изучать свой предметъ независимымъ образомъ въ теченіи всей своей жизни.

III. Объ изученіи законовъ въ общественныхъ заведеніяхъ.

§ 149.

Уроки о законахъ, для сообщенія первоначальнаго и общаго познанія объ этомъ предметъ, могутъ быть читаны или для одного лица и вообще для ограниченного числа слушателей и въ тѣсномъ, домашнемъ кругѣ, или для многочисленнаго собранія и въ заведеніяхъ, нарочно для этой цѣли устроенныхъ и къ ней приспособленныхъ. Гдѣ существуютъ такіа заведенія, тамъ большая часть лицъ получаетъ свое образованіе въ нихъ, такъ какъ, вообще говоря, обученіе въ нихъ можетъ быть устроено совершенно и требовать гораздо меньше издержекъ, а слѣд. быть доступнѣе для большаго числа лицъ, чѣмъ домашнее обученіе. По сей причинѣ мы и почитаемъ нужнымъ говорить съ нѣкоторою подробностію объ изученіи законовъ въ общественныхъ заведеніяхъ, тѣмъ болѣе, что правила и замѣчанія, которыя мы представимъ по отношенію къ этому предмету, легко могутъ быть приложены и къ домашнему обученію.

§ 150.

Приступая къ изученію законовъ, надобно уже имѣть известныя *предварительныя познанія*. Въ этомъ отношеніи вообще можно сказать: чѣмъ болѣе кто нибудь имѣетъ свѣдѣній въ разныхъ наукахъ, срочныхъ съ законовѣдѣніемъ, тѣмъ съ большимъ успѣхомъ онъ можетъ изучать законы, зная уже тѣ точки, въ которыхъ они тою или другою стороною своего существа касаются предметовъ постороннихъ. Предметы, входящіе въ кругъ общаго образованія, должны быть уже известны тому, кто приступаетъ къ изученію законовъ, такъ какъ при изученіи послѣднихъ непрерывно предполагается познаніе пер-

выхъ и законовѣдѣніе составляетъ науку многосложную, принадлежащую лѣтамъ зрѣлаго возраста. И такъ приступающій къ изученію законовъ долженъ имѣть уже общія свѣдѣнія въ отечественной Словесности и Словесности знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ, въ Логикѣ, въ Математикѣ и Физикѣ, въ Географіи, Исторіи и Статистикѣ. При изученіи сихъ предметовъ можно или совсѣмъ не имѣть въ виду законовѣдѣнія, или же имѣть его въ виду съ самаго начала. Въ первомъ случаѣ хотя изученіе поименованныхъ предметовъ представляетъ для законовѣдѣнія только общію пользу, за то предупреждается односторонность въ сужденіяхъ и взглядахъ; во второмъ случаѣ хотя легко можно впасть въ односторонность, за то все ученіе съ самаго начала получаетъ опредѣленное направленіе и устремляется прямо къ предполагаемой цѣли.

Впрочемъ пріобрѣтенныя нами приготовительныя свѣдѣнія въ различныхъ предметахъ не освобождаютъ насъ отъ обязанности распространять наше знаніе и усовершенствовать его болѣе и болѣе, сообразно особенной цѣли ученія, т. е. законовѣдѣнію, и сообразно болѣе зрѣлости нашихъ лѣтъ. Кромѣ того мы должны ввести въ кругъ нашего ученія тѣ предметы, которыхъ познаніе до того времени не было пріобрѣтено. Сюда относится особенно Философія.

§ 151.

Что касается изученія самыхъ законовъ, прежде всего представляется здѣсь вопросъ, въ какомъ *порядкѣ* должны быть излагаемы и слушаемы различныя науки законовѣдѣнія. Самое лучшее было бы излагать ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ по внутреннему ихъ содержанію слѣдуютъ другъ за другомъ. Но соблюденіе этого естественнаго порядка не всегда бываетъ возможно и полезно: не всегда возможно, потому что при ограниченномъ числѣ преподавателей и при ограниченности времени пребы-

ванія воспитанника въ общественномъ заведеніи надобно бываеъ здѣсь приходить и слушать въ одно и тоже время нѣсколько наукъ, не говоря о томъ, что установленный для прохожденія ихъ естественный порядокъ, если дѣйствительно установленъ какой порядокъ, не можетъ быть иногда выполненъ по обстоятельствамъ, совершенно случайнымъ, напр. въ случаѣ смерти преподавателя, въ случаѣ оставленія имъ заведенія; не всегда полезно, такъ какъ иногда наука, занимающая первое мѣсто въ системѣ, можетъ быть съ болѣею пользою проходима и скорѣе понята послѣ другихъ наукъ, хотя въ системѣ онѣ занимаютъ послѣднее мѣсто. Сверхъ того мы видѣли (*), что самый систематическій порядокъ можетъ быть различенъ.

Вообще при систематическомъ изложеніи наукъ законовѣдѣнія легчайшія изъ нихъ должны предшествовать труднѣйшимъ, служащія къ поясненію другихъ — тѣмъ, которыя онѣ поясняютъ, содержащія въ себѣ общія свѣдѣнія — тѣмъ, которыя занимаютъ разсмотрѣніемъ подробностей. Но какъ всѣ части законовѣдѣнія предполагаютъ другъ друга, то чѣмъ позже какая нибудь наука законовѣдѣнія преподается, тѣмъ болѣе она выигривается, какъ потому, что слушателямъ въ теченіи времени становится извѣстными уже многія истины, безъ предварительнаго познанія которыхъ наука бываетъ болѣе или менѣе непонятна, такъ и потому особенно, что вслѣдствіе ученія разумъ слушателя все болѣе образуется и дѣлается способнымъ понимать истины законовѣдѣнія.

Что касается въ частности раздѣленія законовъ на государственные, гражданскіе и законы союза народовъ, удобнѣйшимъ представляется начать съ предметовъ наиболѣе близкихъ къ человѣку по его ежедневному опыту, каковы всѣ предметы союза семейственнаго, союза по имуществамъ и вообще со-

(*) См. выше § 136.

юза гражданскаго; послѣ того можно было бы перейти къ законамъ государственнымъ и наконецъ къ законамъ союза народовъ. Но даже и общіе гражданскіе законы остались бы непонятны безъ познанія нѣкоторыхъ частей законовъ государственныхъ, а именно: безъ познанія основныхъ законовъ, учреждений и законовъ о состояніяхъ. Такимъ образомъ можно сказать, что преподаваніе сихъ частей законодательства должно предшествовать всѣмъ другимъ; за тѣмъ должно послѣдовать преподаваніе общихъ гражданскихъ законовъ. Когда такимъ образомъ въ существенныхъ чертахъ будетъ обозначенъ организмъ какъ союза гражданскаго, такъ и государственнаго, то легко можно будетъ изложить во первыхъ остальные законы опредѣлительные, съ одной стороны — союза государственнаго, съ другой — гражданскаго, во вторыхъ законы охранительные, съ одной стороны опять — союза государственнаго, съ другой — союза гражданскаго.

Впрочемъ всѣ неудобства, протекующія отъ не-возможности слѣдовать въ изложеніи наукъ законовѣдѣнія правильному порядку, уничтожаются введеніемъ въ кругъ преподаванія такой науки, которая бы содержала въ себѣ обзоръ всѣхъ частей законовѣдѣнія въ общей ихъ связи, т. е. Энциклопедіи Законовѣдѣнія. Если такая наука существуетъ, если она изучена надлежащимъ образомъ; то послѣ сего можно преподавать другія науки законовѣдѣнія почти въ какомъ угодно порядкѣ, потому что понятія, которыя при изложеніи той или другой особенной науки должны быть извѣстны, будутъ уже сообщены въ Энциклопедіи Законовѣдѣнія.

§ 152.

Порядокъ подробнаго изложенія тѣхъ частей или наукъ законовѣдѣнія, по которымъ не можетъ быть, или по крайней мѣрѣ нѣтъ особенныхъ законныхъ книгъ, какъ то: Сборниковъ, Сводѣвъ и Уложеній, опредѣляется, какъ само собою разумѣется, внутрен-

нимъ отношеніемъ предметовъ другъ къ другу. Но если по какой части и наукъ законовѣднія существуютъ подобныя книги, то предметы, относящіеся къ ней, могутъ быть преподаваемы или по порядку сводовъ, уложеній и вообще законныхъ книгъ, до нихъ касающихся, или по порядку, опредѣленному внутреннимъ, необходимымъ ихъ отношеніемъ другъ къ другу. Первый порядокъ называется *законнымъ* (*ordo legalis*), второй *систематическимъ*. Если законный порядокъ удовлетворяетъ требованіямъ системы, такъ какъ изложеніе въ законной книгѣ можетъ быть совершенно систематическимъ; то въ этомъ случаѣ, какъ разумѣется само собою, не можетъ быть рѣчи о преимуществѣ того или другаго порядка. Но если законная книга не изложена въ систематическомъ видѣ, тогда рождается вопросъ, лучше ли слѣдовать въ изложеніи законовъ порядку этой книги, или внутреннему порядку системы. Въ первомъ случаѣ мы конечно получаемъ возможность ознакомиться во всѣхъ частяхъ съ тѣмъ источникомъ, откуда мы черпаемъ наши свѣдѣнія о законахъ, и откуда, можетъ быть, мы должны будемъ почерпнуть рѣшеніе для дѣлъ, имѣющихъ намъ встрѣтиться; за то познаніе наше о законахъ тѣмъ будетъ несвязнѣе и нестройнѣе, чѣмъ менѣе системы въ законной книгѣ, тѣмъ труднѣе намъ будетъ составить полное и цѣлостное понятіе объ извѣстномъ законодательствѣ или объ извѣстной его части, чѣмъ болѣе разбросаны его постановленія по разнымъ мѣстамъ законной книги, и чѣмъ болѣе неполно въ ней изложеніе. Во второмъ случаѣ наше познаніе будетъ имѣть всю необходимую стройность; за то мы не познаемъ въ надлежащей степени съ источникомъ нашихъ свѣдѣній о законахъ и стремленіе къ системѣ легко можетъ потемнѣть для насъ существенныя особенности изучаемаго нами законодательства.

§ 153.

Такимъ же образомъ при существованіи законныхъ книгъ по какой нибудь части или наукъ за-

коновѣднія, существо ея изложенія можетъ состоять или въ истолковательномъ чтеніи законной книги, изъ котораго бы можно было видѣть, что составляетъ законъ объ извѣстномъ предметѣ, или въ вольномъ, непривязанномъ къ законной книгѣ, а проистекающемъ изъ самаго свойства излагаемыхъ предметовъ, сообщеніи разныхъ истинъ и положеній, относящихся къ преподаваемой наукѣ и части, такъ что если приводятся и истолковываются мѣста изъ законовъ и законныхъ книгъ, то въ видѣ доказательства сообщаемыхъ преподавателемъ какъ бы отъ себя положеній и истинъ. Первый способъ изложенія называется *экзегетическимъ* или *истолковательнымъ*, второй — *систематическимъ*, такъ какъ онъ необходимо требуетъ изложенія предметовъ въ порядокъ болѣе или менѣе систематическомъ. Истолковательный способъ изложенія представляетъ вообще тѣ же выгоды и невыгоды, какія мы замѣтили по отношенію къ законному порядку изложенія предметовъ законовѣднія. Сверхъ того къ невыгодамъ истолковательнаго чтенія законныхъ книгъ надобно отнести то, что оно требуетъ весьма много времени, и потому никакъ не можетъ быть совмѣщено съ короткимъ временемъ, какое назначается на изученіе законовъ въ общественныхъ заведеніяхъ. Такимъ же образомъ систематическій образъ изложенія имѣетъ всѣ выгоды, но и всѣ невыгоды, какія, по нашему мнѣнію, неизбежно соединены съ систематическимъ порядкомъ изложенія законовъ.

§ 154.

Впрочемъ и вообще при изложеніи предметовъ и наукъ законовѣднія преподаватель или имѣетъ для того какое нибудь *руководство*, какую нибудь *учебную книгу*, или онъ не держится никакого руководства. Если руководство сочинено не самимъ преподавателемъ, то часто находится здѣсь совершенно противное тому, что онъ учитъ; по крайней мѣрѣ часто книга представляетъ другой порядокъ, чѣмъ

какому слѣдуетъ преподаватель. То и другое, конечно, составляетъ неудобство, но имѣть и свою выгоду, такъ какъ при этомъ слушателю представляется возможность ознакомиться съ различными взглядами и посредствомъ противоположности ясныхъ выразить собственныя мысли преподавателя. Изложенное неудобство можетъ встрѣтиться и тогда, когда преподаватель руководствуется собственнымъ сочиненіемъ, какъ скоро онъ не останавливается на чемъ нибудь одномъ въ своихъ понятіяхъ и изслѣдованіяхъ. Если преподаватель руководствуется собственнымъ сочиненіемъ, то часто здѣсь находится то же самое, что онъ излагаетъ словесно, развѣ, можетъ быть, только на другомъ языкѣ и въ другихъ выраженіяхъ; или руководство содержитъ въ себѣ разные намеки, которые для начинающаго учить только посредствомъ изустнаго изложенія должны получить объясненіе, иногда также одѣяны таблицы, и напротивъ того иногда многое, назначенное только для чтенія. Когда при изложеніи не употребляется руководство, то напрасно тратится весьма много времени на записываніе преподавателемъ, между тѣмъ какъ, если бы было печатное руководство, можно было бы имѣть то же самое за дешевѣйшую цѣну и въ исправнѣйшемъ видѣ, хотя и необходимость записывать сообщаемое и составлять свои записки по предметамъ, которыя слушаются, возбуждаетъ учащагося къ особенной самодѣятельности.

§ 155.

Независимо отъ того, руководствуется ли преподаватель какою нибудь книгою или нѣтъ, образъ его изложенія можетъ быть двойной: или преподаватель излагаетъ слушателямъ свой предметъ въ рѣчи, которая болѣею частию ни съ которой стороны не прерывается вопросами; или въ выведеніи истинъ и положеній, при помощи преподавателя, принимаютъ особенное участіе его слушатели, такъ что

онъ непрерывно предлагая имъ вопросы и заставляя ихъ давать отвѣты, побуждаетъ ихъ самихъ доходить до истины. Последний образъ изложенія, какъ известно, называется сократическимъ. Вначалѣ, до тѣхъ поръ какъ разумъ не получилъ надлежащаго развитія, этотъ образъ изложенія оказываетъ превосходныя услуги. Но послѣ того онъ становится ненужнымъ, если его удерживаютъ еще тогда, когда учащійся въ состояніи самъ слѣдовать за непрерывнымъ и разнымъ изложеніемъ преподавателя, возбуждаетъ въ себѣ только отвращеніе. Не совсѣмъ удобно употреблять его въ такихъ заведеніяхъ, гдѣ находится большое число слушателей, болѣе или менѣе различныхъ между собою по способностямъ ихъ и по понятіямъ, такъ какъ вслѣдствіе сего различія для всякаго особаго ихъ разряда надлежало бы установить и особый порядокъ вопросовъ и отвѣтовъ. Этотъ способъ несовмѣстенъ и съ краткостію времени, значаемаго для преподаванія различныхъ предметовъ въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Наконецъ въ большей части предметовъ законовѣднія не можетъ имѣть приложенія, такъ какъ при немъ напряженіи ума истины положительныя, къ разряду которыхъ относится самая значительная часть истинъ законовѣднія, не могутъ быть усмотрѣны, или онъ не будетъ къ нимъ нибудь прямо и непосредственно намъ сообщены. Но разумѣется само собою, что въ нужныхъ случаяхъ, если есть возможность къ употребленію этого способа, никогда не должно имъ пренебрегать.

§ 156.

Чтобъ слушаніе уроковъ могло приносить всю желаемую пользу, учащійся долженъ стараться передъ каждымъ урокомъ предварительно ознакомиться, по крайней мѣрѣ вообще, съ тѣмъ, что онъ будетъ слушать. Это облегчаетъ для него уразумѣніе урока и даетъ ему возможность—слѣдовать повсюду за изложеніемъ преподавателя и никогда не опускать ни-

ти изложенія, хотя бы преподаватель и позволилъ себѣ нѣкоторые отступленія; его вниманіе будетъ тѣмъ усиленнѣе, чѣмъ лучше онъ знаетъ темныя неясныя стороны предмета.

§ 157.

Едва ли нужно говорить, что обученіе въ общественномъ заведеніи тогда только можетъ доставить пользу, когда учащійся *постоянно постигаетъ уроки*, не опуская ни одного изъ нихъ, и стараясь въ продолженіи цѣлаго урока *слѣдовать за вѣрнымъ изложеніемъ*, хотя бы для этого къ концу урока надо было особенно напрячь вниманіе. Пропуски въ свѣдѣніяхъ, образующіеся тогда, когда или совсѣмъ не постигаютъ уроковъ, или слушаютъ ихъ безъ вниманія, рѣдко могутъ быть наполнены надлежащимъ образомъ; недостатокъ связнаго познанія долженъ обратить для учащагося всю науку въ совокупность отрывочныхъ мыслей и непонятныхъ акризовъ и родитъ въ немъ отвращеніе къ самому предмету, имъ изучаемому, и онъ никогда не приобрететъ даже самыхъ посредственныхъ свѣдѣній въ науку, которую изучаетъ совершенно нерадиво.

Чтобъ имѣть всегда возможность припомнить то, что сообщалъ въ продолженіи урока преподаватель, необходимо записывать существенное изъ его рѣченій; развѣ, можетъ быть, все то, что онъ говоритъ, падаетъ уже въ избранномъ имъ руководствѣ, или онъ самъ выдаетъ записки. Для облегченія записыванія уроковъ иногда преподаватели сами диктуютъ ихъ своимъ слушателямъ. Свободное изложеніе имѣетъ несомнѣнное преимущество передъ этимъ способомъ. Оно болѣе заключаетъ въ себѣ силы убѣжденія и потому болѣе наставительно, — оно гораздо скорѣе можетъ сообщить жизнь ученію и расположить духъ къ собственнымъ изысканіямъ, чѣмъ мертвая диктовка. Но учащіеся, особенно вначалѣ, не всегда умѣютъ въ изложеніи отличать важное отъ неважнаго, что

записывать только первое, опуская послѣднее, а безъ записыванія, если нѣтъ руководства и преподаватель не выдаетъ своихъ записокъ, имъ нельзя обойтись, такъ какъ по множеству предметовъ, которые они слушаютъ, они не имѣютъ возможности — посвятить тотчасъ послѣ урока еще нѣсколько часовъ на то, чтобъ размыслить о слышанномъ и изложить на письмѣ то, что было самаго важнаго въ урокъ; почему урокъ въ впечатлѣніи, имъ произведенное, вскорѣ послѣ него, какъ онъ выслушавъ, часто опять изглаживается другими уроками и другими впечатлѣніями. Отсюда мы приходимъ къ тому заключенію, что лучший способъ преподаванія, если преподаватель не держится никакого руководства и не выдаетъ своихъ записокъ, есть соединеніе вольнаго изложенія съ диктовкою. Такимъ образомъ избегаются все означенныя невыгоды, а между тѣмъ достигается и польза, какую имѣетъ устное наставленіе предочтительно передъ тѣмъ, которое почерпается изъ книги, — вниманіе слушателя всегда удерживается въ должномъ напряженіи и обращается на главные предметы, и преподаватель, сдѣлавши нѣсколько вопросовъ своимъ слушателямъ, можетъ тотчасъ удовлетвориться, не понять ли онъ ложно и все ли существенно понято надлежащимъ образомъ.

§ 158.

Какъ учащійся всегда долженъ готовиться къ урокамъ, которые онъ будетъ слушать, такъ, и еще въ большей степени, онъ долженъ непременно повторять все слушаемое.

Существо повторенія можетъ состоять только въ томъ, чтобъ выслушанное, для выразумѣнія и удержанія этого въ своей памяти, снова передумать и пересмотрѣть со всѣхъ сторонъ, и прочитавъ мѣста въ законахъ и сочиненій, на которыя сдѣлана ссылка въ урокѣ. При началѣ ученія всего лучше бытъ ограничиваться принятымъ руководствомъ и

изложеніемъ преподавателя, — надобно стараться только выразумѣть совершенно его мысли, дабы имѣть опредѣленные, твердые понятія о предметѣ, съ которыми бы потомъ можно было идти безопасно по лабиринту различныхъ мнѣній и изложеній. Для выразумѣнія и впечатлѣнія въ своей памяти уроковъ весьма полезно дѣлать аналитическій его разборъ, излагать для себя все его содержаніе въ видѣ подробнаго плана или конспекта. Вслѣдъ за симъ надобно мало по малу привыкать вычитывать главнѣйшія мѣста изъ законовъ, приводимыя преподавателемъ въ доказательство своего изложенія, и по нимъ стараться вѣрять самое изложеніе. Желательно, чтобъ такія мѣста были особенно указываемы преподавателемъ, дабы учащійся не имѣлъ нужды прочитывать множество мѣстъ, связь которыхъ съ положеніемъ, подтверждаемымъ, для него не очень видна, и изъ которыхъ онъ едва пойметъ половину; ничто болѣе не отвлекаетъ отъ основательнаго изученія источниковъ, какъ необходимость, въ какую можетъ быть поставленъ учащійся, просматривать множество темныхъ мѣстъ, темныхъ и запутанныхъ. Что касается прочитыванія мѣстъ изъ различныхъ писателей, какія могутъ быть приводимы въ урокахъ, въ началѣ ученія не должно совсѣмъ прочитывать темныхъ мѣстъ, впослѣдствіи времени самыя важнѣйшія, и притомъ такія, которыя могутъ быть поняты отдѣльно отъ цѣлаго сочиненія, въ которыхъ они могутъ находиться. Не говоря о томъ, что для человека, который не знаетъ еще самымъ точнымъ образомъ своей науки, какъ въ полномъ ея составѣ, такъ и во всѣхъ ея частяхъ, мѣсто книги, вырванное изъ его связи, рѣдко можетъ быть понятнымъ. Мы замѣтимъ, что для чтенія и разумѣнія самыхъ обыкновенныхъ юридическихъ сочиненій требуются особенныя познанія, которыхъ начинающій учить законамъ болѣею частью не имѣетъ и которыя онъ не скоро пріобрѣтаетъ.

Повтореніе должно слѣдовать непрерывно за каждымъ урокомъ, и, если возможно, происходить

посредственно, или по крайней мѣрѣ вскоре послѣ урока, доколѣ впечатлѣніе отъ него еще не изгладилося и весь онъ остается въ свѣжей памяти. Сверхъ сего должны быть дѣлаемы общія повторенія по выслушаніи нѣсколькихъ уроковъ, какого нибудь отрывка изъ науки, или цѣлой науки, дабы узнать свой предметъ не только въ отдѣльныхъ его подробностяхъ, но и въ общей его цѣлости.

Заниматься повтореніемъ можетъ каждый учащійся одинъ, отдѣльно отъ другихъ и безъ посторонняго руководства. Но съ болѣею пользою могутъ собираться для этого нѣсколько молодыхъ людей мѣстъ, взаимно помогая другъ другу въ объясненіи темныхъ мѣстъ урока и общими усиліями припоминая сказанное. Чтобъ сдѣлать это занятіе, сколько возможно, болѣе основательнымъ, дать ему всю нужную правильность, облегчить для учащихся усваиваніе того, что они могли бы понять только съ большимъ трудомъ, или чего, при всѣхъ со стороны ихъ усиліяхъ, они бы одни не могли понять, особенно полезно при повтореніи руководство лица знающаго.

§ 159.

Для усвоенія учащимся истинъ, которыя имъ сообщаются, не менѣе повтореній важны такъ называемыя *состязанія*, состоящія въ изустномъ опроверженіи и защищеніи данныхъ положеній самими учащимися, подъ наблюденіемъ и руководствомъ наставника. Истина, которая такимъ образомъ сдѣлается предметомъ состязанія, будетъ осматриваема при томъ случаѣ со всѣхъ сторонъ. Но кромѣ сего такое установленіе способствуетъ къ развитію умственныхъ способностей вообще. Кто не осматривался никогда разсуждать, тотъ здѣсь изъ одного страха стыда или изъ любознательности соберетъ все свои силы, чтобъ защитить свое положеніе и побѣдить своего противника. Одна побѣда рождаетъ желаніе другой;

неудача заставить вдвое сильнее жемать победы. Такимъ образомъ одинъ шагъ влечетъ за собою не примѣтно другой. Напряженія при мысли о цѣли, для которой они совершены, забываются; что сначала дѣлали только по принужденію и съ насиліемъ, себя, то мало по малу обращается въ привычку; чѣмъ болѣе увеличивается сознание собственной силы и успѣховъ въ наукѣ, тѣмъ менѣе нужными становятся другія, вышнія побужденія. Вся важность состоитъ здѣсь въ томъ, чтобы учащійся почувствовалъ, узналъ изъ собственнаго опыта, что значитъ самостоятельность въ умственномъ отношеніи. Только съ этой минуты онъ становится по уму возрастнымъ.

§ 160.

Чтобъ ознакомить учащихся съ порядкомъ дѣла производства въ общественныхъ заведеніяхъ, учреждаются иногда особенные *практическіе уроки*. Съ сею цѣлію берется какое нибудь дѣло, вымышленное или дѣйствительное, и проводится по различнымъ степенямъ управленія и суда, съ наблюденіемъ всѣхъ обрядовъ, установленныхъ закономъ. Учащіеся, подъ руководствомъ преподавателя, составляютъ при этомъ случаѣ различныя бумаги, какъ то: прошенія, доклады, опредѣленія, и ведутъ дѣло посреди различныхъ возможныхъ случайностей съ самаго его начала до конца. Какъ сии упражненія не составляютъ въ собственномъ смыслѣ занятій дѣлами государственной службы, а представляютъ только намѣренное подражаніе жизни въ теченіи дѣлъ для лучшаго ихъ уразумѣнія; то, естественно, они не имѣютъ той назидательности, той образовательной силы, того дѣйствія на душу, какія свойственны занятіямъ дѣйствительнымъ. Между тѣмъ, есть возможность доставить учащимся и дѣйствительныя практическія занятія при самомъ учебномъ заведеніи, въ присутственныхъ его мѣстахъ; это можно при извѣстныхъ условіяхъ открыть вхожденіемъ въ другія присутственныя мѣста, существующія тамъ, гдѣ находится учебное заведеніе.

§ 161.

Чтеніе источниковъ законодательства, хотя бы даже преподаваніе было экзегетическое, а тѣмъ болѣе, если оно есть только систематическое, должно составлять одинъ изъ существенныхъ предметовъ домашняго занятія для учащагося. Учащійся не только долженъ слѣдить изложеніе преподавателя въ источникахъ, но читать ихъ и независимо отъ того. Для сего надобно читать ихъ одинъ за другимъ, не трывками и по мѣстамъ, но сразу и непрерывно; руководствуясь лучшимъ какимъ нибудь комментариемъ, надобно стараться при этомъ понять вполне каждое мѣсто, замѣчать особенно темное, чтобъ при первомъ случаѣ обратиться на то свое вниманіе, дѣлать для себя извлеченія изъ всего, что вычитывается. Въ выборѣ источниковъ, т. е. какіе читать изъ нихъ и въ какомъ порядкѣ, какимъ руководствоваться при чтеніи того или другаго источника комментариемъ, учащійся, особенно въ началѣ его чтенія, долженъ слѣдовать совѣту преподавателей, около не будетъ въ состояніи имѣть въ этомъ отношеніи собственное сужденіе.

§ 162.

Въ началѣ ученія, и вообще доколѣ мы не ознакомимся въ значительной степени съ нашимъ предметомъ, мы должны удерживаться отъ *чтенія книгъ*, чтобъ не смѣшаться въ своихъ понятіяхъ, имѣя передъ собою множество различныхъ мнѣній, которыхъ мы еще не въ состояніи обсуживать. Даже въ продолженіи времени при выборѣ книгъ надобно поступать съ большимъ благоразуміемъ. Литература законодѣнія представляетъ множество негодныхъ сочиненій; сверхъ того не во всякомъ возрастѣ, не на всякой ступени умственнаго образованія можно читать съ пользою всякія сочиненія. Какъ вообще, такъ и въ законодѣніи важно основательное чтеніе хорошихъ книгъ, а не чтеніе множества всякихъ книгъ. Изу-

ченіе одного умнаго творенія приносить болѣе пользы, чѣмъ сколько прочтеніе сотни обыкновенныхъ разсужденій. Указать сочиненія, которыя съ пользою можетъ читать учащійся, есть долгъ преподавателя; хотя учащійся и въ этомъ случаѣ долженъ стараться мало по малу составить собственное мнѣніе; очевидно полезно бываетъ, по выслушаніи уроковъ об известномъ предметѣ, читать важнѣйшія, къ нему относящіяся, отдѣльныя разсужденія, дабы, получивъ изъ уроковъ общее, опредѣленное понятіе предмета, видѣть и всѣ подробности этого предмета. Замѣчательнѣйшія мѣста изъ читаемыхъ книгъ должны быть сохраняемы для будущаго употребленія посредствомъ извѣщеній.

§ 163.

При чтеніи памятниковъ законодательства и книгъ никогда не должно пренебрегать упражненіемъ въ сочиненіяхъ, относящихся къ законовѣдѣнію. Понятіе наши объ изучаемыхъ предметахъ дѣлаются отъ то ясными и отчетливыми и мы привыкаемъ мало по малу правильно и легко излагать наши мысли о предметахъ законодательства и законовѣднія.

§ 164.

Лѣта юности, когда человѣкъ бываетъ бодръ и крепокъ силами и несвязанъ никакими занятіями дѣловыми, составляютъ самое лучшее время для ученія, а пребываніе въ общественномъ заведеніи — наилучшій къ тому способъ. Надобно пользоваться, пользоваться, какъ можно лучше, тѣмъ и другимъ. Трудно бываетъ уже впоследствии времени вою награждать потери въ этомъ случаѣ. Ненадобно спѣшить дѣйствовать въ міръ, хотя у юности и нять всѣ силы, и каждый лишній годъ ученія представляется потеряннымъ для жизни. Но чѣ основательнѣе, полнѣе образованіе человѣка, тѣ плодотворнѣе будетъ его дѣятельность, тѣмъ больше будетъ его вліяніе ко благу ближнихъ и цѣлаго человечества.

IV. Изученіе законовъ по оставленіи воспитанникомъ общественнаго заведенія и вообще по приобрѣтеніи имъ первыхъ свѣдѣній въ законахъ.

§ 165.

Получивъ образованіе въ общественномъ заведеніи, мы не должны навсегда ограничиваться познаніями, здѣсь приобрѣтенными, равно какъ и вообще приобрѣвши какимъ бы то ни было образомъ первые свѣдѣнія, не должны останавливаться на этихъ свѣдѣніяхъ. Въ такое короткое время, при такомъ множествѣ изучаемыхъ предметовъ, въ такомъ поуженіи, когда учащійся едва только успѣваетъ приимать и воспроизводить въ себѣ то, что сказывается ему преподавателемъ, естественно, наука не можетъ быть изучена во всей ея глубинѣ и подробности. Сверхъ того родъ человѣческой идетъ непрерывно впередъ; въ наукахъ непрестанно дѣлаются новыя открытія, усовершенія: посему тотъ, кто бы хотѣлъ удовольствоваться познаніями, приобрѣтенными въ молодости, чрезъ нѣсколько лѣтъ увидѣлъ бы, что онъ уже остался далеко позади своего вѣка; не созидая самъ въ своемъ духѣ науки, онъ не могъ бы ни понять сдѣланныхъ въ ней другими открытій, ни удержаться въ своемъ прежнемъ вѣдѣніи. Ученіе въ общественномъ заведеніи, равно какъ и вообще всякое первоначальное ученіе, для юности должно служить только руководствомъ, какъ самому упражняться въ наукѣ, и узнавши ее отъ другихъ только вообще, теперь поддерживать, расширять, силить свои познанія самостоятельнымъ изслѣдованіемъ, и особенно изслѣдованіемъ подробностей.

§ 166.

Вступая въ свѣтъ, юноша, изучавшій доселѣ все вообще законовѣдѣніе, можетъ дать опредѣленное направленіе своимъ занятіямъ, сообразно особенному

роду службы, который онъ уже избралъ, или по крайней мѣрѣ можетъ избрать, и сообразно особенной своей наклонности, которой онъ можетъ теперь безпрепятственно слѣдовать. Въ познаніи особеннаго предмета своихъ занятій онъ постарается достигнуть возможной степени совершенства. Но это не освобождаетъ его отъ обязанности слѣдить, по крайней мѣрѣ легкимъ образомъ, другія науки, относящіяся къ законовѣдѣнію, чтобъ не забыть того, что онъ уже знаетъ, и узнать то, что можетъ ему сдѣлаться нужнымъ въ неожиданныхъ случаяхъ.

§ 167.

Чтеніе законовъ и книгъ дѣлается теперь самымъ важнѣйшимъ средствомъ для насъ къ распространенію и усовершенію нашихъ познаній. Еще болѣе мы должны пополнять, пояснять и повѣрять свои познанія, наблюдая надъ тѣмъ, что дѣлается въ жизни, бесѣдуя съ мужами, богатыми опытною жизнью, и принимая непосредственное участіе въ дѣлахъ свѣта. Но практическая дѣятельность, не только не должна отвлекать насъ отъ науки, а еще способствуетъ къ приобрѣтенію различныхъ въ познаній и побуждаетъ насъ идти непрерывно впередъ. Къ сожалѣнію, по вступленіи въ свѣтъ, ежедневныя занятія обыкновенно отнимаютъ у людей время нужное для занятія наукою. Не приобрѣтавъ вновь, они все болѣе и болѣе забываютъ старое; запутавшись въ мелочныя, дробныя дѣла жизни, они теряютъ и любовь къ наукѣ, и свѣтлый взглядъ на жизнь, который дало имъ образованіе. Счастливы кто всегда можетъ идти наравнѣ съ современными просвѣщеніемъ и однако же не уносится вихремъ времени, сохраняя всегда свое первоначальное, чистое существо, развиваться изъ себя по закону внутренняго возрастанія, и все принимаемое извнѣ претворять въ себя по своей мысли!

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ

ЭНЦИКЛОПЕДІИ ЗАКОНОВѢДѢНІЯ.

§ 168.

Особенная часть Энциклопедіи Законовѣдѣнія должна систематически обозрѣть составъ различныхъ его наукъ, выведенныхъ въ общей части, какъ относительно ихъ содержанія, такъ и относительно формы⁽¹⁾. Но содержаніе и форма наукъ законовѣдѣнія не есть что нибудь неизмѣнное, всегда и вездѣ одною видѣ существующее, напротивъ въ теченіи временъ и по различію народовъ то и другое непрерывно измѣняется. Посему особенная часть энциклопедіи Законовѣдѣнія обозрѣваетъ содержаніе и формы различныхъ его наукъ въ порядкѣ историческаго развитія происшествій. Такимъ образомъ эта часть есть преимущественно часть историческая. Она представляетъ намъ въ видѣ обзора какъ исторію законовъ, составляющихъ существенное содержаніе законовѣдѣнія, такъ и исторію самаго законовѣдѣнія.

Понятіе объ исторіи законовъ и законовѣдѣнія.

§ 169.

Исторія съ перваго взгляда представляетъ намъ множество разнообразныхъ происшествій, слѣдующихъ случайно и безъ всякаго порядка одно за дру-

⁽¹⁾ См. выше § 5.

гимъ. Изысканіе подлинности и дѣйствительнаго вида случившихся происшествій, взятыхъ въ ихъ отдаленности и случайности, называется *изысканіемъ историческимъ* (Geschichtsforschung) (¹).

Но внимательно разсматривая историческія происшествия, мы тотчасъ находимъ некоторое *единство, порядокъ* между ними. Это единство можетъ быть сначала только *единство субъективное* (подлежащее) — единство въ духѣ автора, сочиняющаго исторію, который, предположивъ при составленіи ея определенную какую нибудь цѣль, все свое изложеніе направляетъ къ этой цѣли, и, раскрывая повсюду причины и слѣдствія происшествій, дѣлаетъ чрезъ то исторію доказательствомъ определенной мысли и средствомъ назиданія. Такая исторія называется *прагматическою*. Полибій напр. сочинялъ исторію, имѣлъ въ виду непосредственно военное искусство и хотѣлъ сдѣлать свое сочиненіе полезнымъ для военныхъ людей; къ этой цѣли онъ направляетъ весь рассказъ происшествій. Тацитъ въ своей Римской Исторіи показываетъ намъ шагъ за шагомъ, какое вліяніе имѣютъ испорченность нравовъ и деспотизмъ на упадокъ государства. Но субъективное единство имѣетъ необходимымъ своимъ основаніемъ и предположеніемъ *единство объективное* (предметное) — единство самыхъ происшествій, самыхъ вещей. Если Тацитъ при начертаніи своей Исторіи предположилъ показать вліяніе испорченности нравовъ и деспотизма на судьбу государства, то здѣсь есть дѣйствительная связь между происшествиями, — связь причинъ и дѣйствій: означенная причина дѣйствительно производитъ означенное дѣйствіе.

Что касается объективнаго единства, прежде всего открывается намъ *единство нижшаго разряда*, причины эмпирическія, законы, принадлежащіе къ низ-

(¹) Schelling Vorlesungen über die Methode des akademischen Studiums. 3. Stuttgart und Tübingen. 1830. S. 216.

шему порядку вещей, — когда мы разсматриваемъ происшествія безъ отношенія къ высшей идее истинѣ, къ высшей цѣли бытія человѣческаго, не обращая вниманія на планъ Божественнаго Провидѣнія, когда мы двигаемся непосредственно внутри круга историческаго, не возводя нашихъ взоровъ за его предѣлы. Такого-то рода законы излагаются у Монтескю въ его сочиненіи *о духѣ законовъ* (¹). Но кромѣ этого нижшаго, ограниченнаго объективнаго единства въ историческихъ происшествияхъ господствуетъ и *высшее единство*: всѣ они имѣютъ некоторую цѣль въ умѣ Божественномъ и происходятъ по неизмѣннымъ законамъ, имѣющимъ свое основаніе въ высшемъ порядкѣ вещей (²).

§ 170.

Отношеніе между необходимымъ и случайнымъ въ историческихъ происшествияхъ можетъ быть определено различно.

Во первыхъ относительно образа существованія необходимыхъ законовъ среди случайности происшествій одна часть мыслителей утверждала, что въ родѣ человѣческомъ происходитъ непрерывно одно и то же, и всѣ времена исторіи по внутреннему ихъ достоинству тождественны. Такъ думали особенно некоторые послѣдователи Шеллинга. Въ каждое мгновеніе, по ихъ мнѣнію, Богъ открываетъ себя во всей полнотѣ, такъ что онъ не болѣе и не менѣ существуетъ въ одно мгновеніе, какъ и въ другое. Другая часть мыслителей принимала круговращеніе въ происшествияхъ, предполагая, что въ теченіи происшествій непрерывно только повторяется одинъ постоянный порядокъ, такъ что когда достигнута будетъ послѣдняя ступень въ семь

(¹) Montesquieu de l'esprit des loix. 1748.

(²) Schelling a. a. O. S. 216 und folg.

ряду, то опять тотчасъ начинается прежнее теченіе вещей. Такъ думали Платонъ и Вико. По мнѣнію Платона государства проходятъ нѣсколько періодовъ въ своей жизни, начиная съ состоянія самаго совершеннѣйшаго и нисходя до самаго несовершеннаго, послѣ чего опять повторяется прежній порядокъ и такъ въ безконечность⁽¹⁾. По мнѣнію Вико народы также проходятъ различные періоды въ своей жизни, начиная съ состоянія самаго несовершеннаго, постепенно восходя къ состоянію совершеннѣйшему и наконецъ низпадая опять въ состояніе несовершенства, послѣ чего снова повторяется прежній порядокъ вещей и такъ въ безконечность⁽²⁾. Третья часть мыслителей допускаетъ развитіе съ определеннымъ началомъ, серединою и концемъ. По ихъ словамъ, каждый народъ имѣетъ определенную цѣль, и какъ скоро цѣль сія будетъ достигнута, то его существованіе должно прекратиться; здѣсь нѣтъ никакого круговращенія. Тоже самое можно приложить и къ судьбамъ рода человѣческаго. Наконецъ четвертая часть мыслителей предполагаетъ непрерывную усовершенность въ состояніяхъ народовъ и человѣческаго рода, неимѣющую никакого для себя предѣла.

Во вторыхъ, пространство, на какомъ можетъ обнаруживаться дѣйствіе общихъ историческихъ законовъ, можетъ быть или ограничено только жизнію отдѣльныхъ народовъ и государствъ, или расширено на судьбы цѣлаго рода человѣческаго. Одни мыслители допускали только первое и занимались отысканіемъ всеобщихъ законовъ, по которымъ совершается жизнь каждаго народа, взятаго въ отдѣльности, принадлежатъ ли сіи законы къ нижшему

(1) Plato de rep. VIII, p. 546 — 548; 549 — 553; 555 — 558; 562 — 569. — De leg. IV, p. 703 — 712. Cp. Aristot. Polit. V. 10. § 3.

(2) Vico Scienza nuova. 1795.

порядку вещей (Фергюсонъ⁽¹⁾, Шарль Комтъ⁽²⁾, или къ высшему (Платонъ, Вико). Другіе допускали и второе, предполагая, что исторія рода человѣческаго въ цѣломъ раскрывается въ извѣстномъ порядкѣ и по извѣстному плану. Такъ разсматривали исторію: Боссюэтъ⁽³⁾, поставившій ея цѣлію въ приготовленіе и распространеніе Царства Христова на землѣ; Гердеръ⁽⁴⁾, видѣвшій въ образованіи связь, соединяющую всѣхъ людей въ одно цѣлое; Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель.

§ 171.

Какой взглядъ изъ этого множества взглядовъ мы считаемъ справедливымъ, какого образа мыслей мы держимся? Для насъ весь родъ человѣческій имѣетъ одну общую цѣль. Въ стремленіи къ этой цѣли онъ непрерывно двигается впередъ, а не стоитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, не повторяетъ въ своей жизни вѣчное одно и то же. Правда, при этомъ шествіи впередъ мы видимъ нѣкоторыя уклоненія отъ прямого пути; достигнувши до извѣстной степени совершенства, человѣческій родъ представляется потомъ опять упадающимъ. Но это представляется только при поверхностномъ взглядѣ. Напротивъ, если мы будемъ смотрѣть на существо вещи, на внутренній духъ, развивающійся посредствомъ сцѣпленія причинъ и дѣйствій; то мы дѣйствительно увидимъ, что человечество идетъ впередъ все далѣе и далѣе; замѣаемыя уклоненія отъ пути, ведущаго къ цѣли, суть только мнимыя, допускаемыя Божественнымъ Провидѣніемъ, съ тою цѣлію, чтобъ тѣмъ вѣрнѣе достигнуть ея косвеннымъ путемъ. При осуществленіи общей цѣли бытія рода человѣческаго, каждый

(1) Ferguson essay of civil society. Edinb. 1766.

(2) Charles Comte traité de législation, ou exposition des loix générales, suivant lesquelles les peuples prospèrent, dépérissent ou restent stationnaires. 4 Tom. 1821 — 1828.

(3) Bossuet discours sur l'histoire universelle. 1681.

(4) Herder Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. 1772.

народъ, каждый въкъ имѣетъ свою особенную задачу, какъ бы особенное начало, которое онъ долженъ развить. Правственная идея должна вполне раскрыться. Одному народу или въку предоставляется раскрыть одну ея сторону, другому — другую, третьему — третью. Начало, развитое однимъ народомъ, передается отъ него другому, который на основаніи сего начала развиваетъ свое особенное начало, и, кончивши свою работу, передаетъ ее третьему, и такъ далѣе. Такимъ образомъ каждое нижнее начало сохраняется въ каждомъ высшемъ, но, естественно, столько, сколько это позволяетъ свойство высшаго начала. При такомъ развитіи общее достоинство человечества непрерывно умножается и передается отъ одного поколѣнія другому. Само собою разумѣется, что въ одно и тоже время могутъ стоять различныя народы на различныхъ ступеняхъ развитія, и въ одно время съ народомъ, стоящимъ на высшей ступени бытія, могутъ существовать народы, стоящіе на нижнихъ ступеняхъ.

§ 172.

Всѣ изложенныя здѣсь мысли объ исторіи, естественно, прилагаются къ исторіи законовъ и законовѣдѣнія. Эта исторія есть по сему исторія всеобщая: никакое законодательство, законовѣдѣніе ни одного народа не можетъ быть исключено изъ этой исторіи. Народы развиваютъ одну и ту же идею правды: одинъ народъ — болѣе, другой менѣе; одинъ народъ — одну ея часть, другой — другую. Такимъ образомъ родъ человеческій все болѣе и болѣе познаетъ общирность и силу цѣлой идеи, все болѣе и болѣе осуществляетъ ее въ своей жизни.

II. Способъ изложенія исторіи законовъ и законовѣдѣнія.

§ 173.

Если историческія происшествія развиваются въ порядкѣ, определенномъ высшею необходимостію; то

сей порядокъ болѣе или менѣе долженъ быть соизнанъ въ самой исторіи. Въ этомъ отношеніи исторія законовъ и законовѣдѣнія можетъ быть изложена двоякимъ образомъ: 1) она можетъ быть *чисто-повѣствовательною*; здѣсь разсказываются происшествія изъ области законодательства и законовѣдѣнія, какъ они слѣдовали одни за другими, безъ яснаго указанія на высшіе ихъ законы, на законы, скрывающіеся въ высшемъ порядкѣ вещей, безъ отношенія какъ всѣхъ частныхъ извѣстнаго законодательства къ его особенному началу, такъ и всѣхъ законодательствъ къ ихъ всеобщему началу, безъ прямого и опредѣленнаго означенія какъ внутренней необходимости развитія происшествій, такъ и степени, занимаемой тѣмъ или другимъ законодательствомъ въ общей совокупности законодательствъ. Такое изложеніе будетъ намъ давать только угадывать, что среди повѣствуемыхъ случайностей господствуетъ высшій, необходимый порядокъ. 2) Исторія законовъ можетъ быть исторіею *философскою*. При изложеніи философскомъ на необходимые, высшіе законы, по которымъ совершается образованіе какого нибудь народа и цѣлаго человечества, вниманіе обращено прямо и непосредственно; они ясно сознаются и ясно представляются для созерцанія (*).

§ 174.

Такимъ же образомъ въ исторіи долженъ быть соизнанъ и порядокъ происшествій, опредѣляемый необходимостію какого бы то ни было рода. Въ этомъ отношеніи мы при нашемъ изложеніи всегда должны помнить, что ни одна сторона жизни народной не существуетъ отдѣльно отъ другой. Всѣ стороны ея жизни: религія, науки, искусства, законы, — находятся въ тѣснѣйшей связи между собою: какъ всѣ

(*) Schelling Vorlesungen über die Methode des academischen Studium. Stuttg. und Tübing. 1830. S. 215 — 216. 220 — 224. Gans das Erbrecht in weltgeschichtlicher Entwicklung. Band I. Berlin. 1824. S. XXXI — XXXII.

онѣ представляютъ собою одно цѣлое — одно общее произведеніе, выраженіе духа народа, такъ каждая изъ нихъ, существуя одна подлѣ другихъ, находится въ разнообразномъ съ ними соприкосновеніи, и подлѣжа ихъ вліянію, въ свою очередь и сама обнаруживаетъ надъ ними свое могущество. Но если всѣ стороны жизни народной находятся въ связи между собою, то особенно связаны другъ съ другомъ Философіи законодательства и законодательства положительныя. Философія обнимаетъ мыслію дѣятельность, истинно существующее, необходимое въ вещахъ, и соединяетъ разнообразное въ одно цѣлое. Тоже самое дѣлаетъ и Философія законодательства по отношенію къ положительному законодательству. Философы, болѣе или менѣе безъ сознанія, болѣе или менѣе съ сознаніемъ, отвлекаютъ всеобщее по ихъ понятіямъ, неизмѣнное отъ законовъ и общественныхъ установленій своего вѣка, своего народа, и разнообразіе, здѣсь представляющееся во множествѣ случайностей, возводитъ къ единству. Въ Философіи законодательства дается намъ, какъ единое, тоже самое, что въ положительномъ законодательствѣ мы находимъ разсѣяннымъ по множеству случайностей, — эти случайности въ ней отсыкаются и представляются только чистое существо, въ нихъ выражающееся (¹).

III. Раздѣленіе исторіи законовъ и законовѣдѣній по времени.

§ 175.

Обыкновенно *всеобщая исторія* раздѣляется на *двѣ части*: на *древнюю и новую исторію*. Къ этимъ двумъ частямъ можно бы присовокупить исторію *будущаго времени*. Такое раздѣленіе основывается на различіи началъ всякой человѣческой дѣятельности

и на различномъ отношеніи сихъ началъ между собою.

Дѣятельность челоѣка движется между двумя началами: между началомъ всеобщаго и началомъ особеннаго. Во 1-хъ, челоѣкъ во всѣхъ направлѣніяхъ своей дѣятельности имѣетъ для себя твердую, всеобщую, необходимую цѣль (само въ себя истинное, прекрасное, благое). Но, во 2-хъ, при осуществленіи сей цѣли челоѣкъ долженъ обладать своимъ особеннымъ самосознаніемъ, дѣйствовать изъ самого себя. Это принадлежитъ къ существу духа челоѣческаго. Во всемъ, что ни происходитъ съ нимъ, онъ хочетъ и долженъ сохранять сознаніе о себѣ: онъ хочетъ знать о предметахъ не по слуху отъ другихъ, даже не по собственному простому, безотчетному чувству, но по ясному прозрѣнію въ истину на основаніи своихъ высочайшихъ, столь же достовѣрныхъ для него началъ, сколь достовѣрно для него собственное его бытіе; онъ хочетъ собственнымъ разумѣніемъ, произволомъ участвовать въ дѣлѣ, и тогда только присвоитъ себѣ свои поступки, когда самъ произвелъ ихъ съ сознаніемъ, самъ желалъ ихъ; онъ хочетъ во всемъ, что онъ ни производитъ, находить для себя удовлетвореніе, видѣть осуществленіе своихъ собственныхъ цѣлей и наслаждаться удовольствіемъ при мысли о своихъ дѣлахъ, — собственнымъ умомъ различать добро и зло, и въ своей совѣсти имѣть для того высшее судилище. Высшій степенъ совершенства челоѣка былъ бы тотъ, когда бы оба начала, какъ всеобщее, такъ и особенное, были въ немъ вполне раскрыты, дѣйствую совокупно, когда бы его мышленіе истиннаго было самомышленіемъ, его чувствованіе прекраснаго — самочувствованіемъ, его дѣйствованіе, устремленное къ добру, — самодѣйствованіемъ, и наоборотъ, когда бы его самомышленіе было мышленіемъ истиннаго, самочувствованіе — чувствованіемъ истинно-прекраснаго, самодѣйствованіе — дѣйствованіемъ, обращеннымъ къ истинному добру.

(¹) Ср. Hegel Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie 1-er Band. Berlin. 1833. S. 68 — 70.

Взаимное отношеніе означенныхъ двухъ началъ въ человѣческой дѣятельности можетъ быть троякое: 1) въ человѣческой дѣятельности можетъ преобладать начало всеобщаго, такъ что произволъ чело- вѣка, его самодѣятельность представляются болѣе или менѣе несуществующими. 2) Въ дѣятельности чело- вѣка можетъ преобладать начало особеннаго, когда всеобщее представляется болѣе или менѣе несуществующимъ для него. 3) Оба начала, т. е. какъ всеобщее, такъ и особенное, могутъ господ- ствовать въ одно и тоже время въ человѣческой дѣ- тельности, находясь въ равновѣсіи между собою.

Характеръ древней исторіи есть преобладаніе все- общаго надъ особеннымъ; характеръ новой исторіи есть преобладаніе особеннаго надъ всеобщимъ; на- конецъ должно быть еще такое время, гдѣ бы оба эти начала были развиты вмѣстѣ въ совершеннѣй- шей степени, при существованіи совершеннѣйшаго между ними равновѣсія.

Вся изложенная здѣсь мысли о раздѣленіи исто- ріи относятся также къ исторіи законовъ и законо- вѣдѣнію. Древняя исторія законовъ и законовѣдѣніе представляетъ намъ преобладаніе всеобщаго надъ особеннымъ, новая исторія — преобладаніе особен- наго надъ всеобщимъ.

Примѣчаніе. Обыкновенно характеръ древней и но- вой исторіи иначе опредѣляется слѣдующимъ обра- зомъ: характеръ древней исторіи есть преобладаніе природы надъ духомъ, или что тоже, необходимости надъ свободою, или наконецъ, что значитъ опять тоже самое, объективнаго надъ субъективнымъ; на- противъ характеръ новой исторіи есть преобладаніе духа надъ природою, свободы надъ необходимостію субъективнаго надъ объективнымъ. Это опредѣленіе совершенно справедливо. Доколѣ начало всеобщаго не создано чело- вѣкомъ, доколѣ оно дѣйствуетъ въ немъ почти также, какъ и законъ природы въ су-

щество въ физическомъ представляется чело- вѣку какъ нечто внѣшнее, даже именно какъ законъ и сила природы.

§ 176.

Исторія съ тѣмъ характеромъ, который мы при- писываемъ древней исторіи, т. е. исторія, въ кото- рой преобладаетъ всеобщее надъ особеннымъ, необ- ходимо должна была развиться прежде, чѣмъ исто- рія съ характеромъ, принадлежащимъ новой исто- ріи, т. е. исторія, гдѣ преобладаетъ особенное надъ всеобщимъ. Эта необходимость основывается на свой- ствѣ духа чело- вѣческаго. Въ началѣ своего бытія духъ чело- вѣческій не дѣйствуетъ изъ себя, не обла- даетъ собою. Для этого онъ долженъ еще только воз- обладать самъ собою: онъ только признаетъ то своимъ, что онъ произвелъ самъ изъ себя. Такимъ образомъ самое первое состояніе рода чело- вѣческаго въ исто- ріи есть то, въ которомъ всеобщее преобладаетъ надъ особеннымъ, и самая первая исторія есть исто- рія съ тѣмъ характеромъ, который мы усвоили древ- ней исторіи.

Обыкновенно *древняя исторія* раздѣляется на *три періода*: 1) періодъ *Восточныхъ народовъ*, 2) періодъ *Греческій*, 3) періодъ *Римскій*. Въ древней исторіи представляются намъ три особенные міра: міръ *Во- сточный*, міръ *Греческій*, міръ *Римскій*.

Это раздѣленіе основывается на различной степе- ни преобладанія всеобщаго надъ особеннымъ у древ- нихъ народовъ.

Въ семъ отношеніи представляется намъ три сту- пени.

Первая ступень: духъ чело- вѣческій подавленъ при- родою; предъ всеобщимъ особенное лице не имѣетъ

права и значенія, — существуетъ какъ бы одно всеобщее. Это есть характеръ Восточнаго міра.

Вторая ступень: духъ начинаетъ уже дѣлать различіе между собою и своимъ всеобщимъ основаніемъ, въ которое онъ весь былъ погруженъ въ странахъ восточныхъ, начинаетъ сознать себя предъ нимъ и въ немъ, тѣмъ не менѣе отъ самой природы находясь въ глубокомъ мирѣ, въ чистѣйшей гармоніи съ нимъ. Это есть характеръ міра Греческаго.

Наконецъ третья ступень: оба начала, находившіяся доселѣ въ естественномъ согласіи, оставляютъ это мирное состояніе, вступаютъ въ борьбу между собою, и начало особеннаго является самостоятельнымъ торжествующимъ надъ всеобщимъ. Это есть характеръ Римскаго міра.

§ 177.

Духу человѣческому надлежало употребить тысячелѣтія, чтобъ изъ внѣшняго міра собраться въ себя и достигнуть до первыхъ начатковъ сознанія своего существа. Полное раскрытіе этого сознанія могло быть также дѣломъ только продолжительнаго времени. Народы новой исторіи доселѣ трудились неутомимо надъ исполненіемъ своей задачи. Но кажется, ихъ труды еще не кончились; по крайнѣйшій мы не можемъ сказать съ совершенною опредѣленностію, какое направленіе приметъ исторія, можетъ быть, черезъ нѣсколько лѣтъ, или десяти лѣтъ.

Два семейства народовъ представляются особенными дѣйствующими въ новой исторіи: *народы Германскіе и народы Славянскіе.*

Субъективный характеръ *Германскихъ* народовъ ясно обозначился въ ихъ исторіи, въ которой весьма резко отличаются слѣдующіе *отдѣлы времени*

1. Человѣкъ является съ вольностію естественною, совершенно для себя неуяснившеюся, совершенно необузданною, съ вольностію, какою свойственна дикимъ животнымъ: время такъ называется *среднихъ вѣковъ.*

2. При внѣшнихъ ограниченіяхъ дѣятельности человека съ различныхъ сторонъ, развивается внутренняя свобода мышленія, сначала въ дѣлахъ вѣры, а потомъ во всѣхъ вообще, и субъективное направленіе сознаетъ себя въ различныхъ философскихъ системахъ: время съ половины 15-го до конца 18-го вѣка.

3. Начала субъективности, такимъ образомъ развившіяся, люди стараются приложить къ самой жизни и по нимъ образовать дѣйствительный міръ: время, начатое въ концѣ 18-го столѣтія Французскою революціею.

Нельзя съ такою же ясностію опредѣлить характеръ и эпохи исторіи *Славянскихъ* народовъ. Они выступили позже на поприще исторіи, и начали позже образоваться, чѣмъ Германскіе народы. Можетъ быть, ихъ назначеніе простирается за предѣлы новой исторіи (1).

У. Порядокъ изложенія исторіи законовъ и законовѣдѣнія.

§ 178.

Какъ законы и науки законовѣдѣнія въ различныхъ отношеніяхъ дѣлятся различно, то при изложеніи ихъ исторіи можно взять за основаніе то или другое изъ сихъ раздѣленій, и этому раздѣленію, какъ главному, подчинить всѣ другія. Мы для

(1) См. выше § 175.

нашего изложенія за главное раздѣленіе принимаемъ раздѣленіе законовъ на законы естественныя и законы положительные и раздѣленіе всего законовѣдѣнія на философію законодательства и законовѣдѣніе положительное. По нашему мнѣнію это необходимо сдѣлать для того, чтобъ оба источника нашихъ познаній о законахъ съ точностію отдѣлать другъ отъ друга, дабы потомъ каждый изъ нихъ можно было слѣдить во всей его чистотѣ.

Мы излагаемъ сначала исторію философіи законодательства, потомъ исторію законодательства и законовѣдѣнія положительнаго. Мы думаемъ, что когда философіею будутъ уяснены различныя задачи законодательства и различные способы ихъ рѣшенія, то самое положительное законодательство, бывшее сознано такимъ образомъ, представится намъ въ яснѣйшемъ видѣ.

При изложеніи исторіи того и другаго предмета мы слѣдуемъ сколько естественному порядку времени, столько же и внутреннему послѣдовательному порядку, въ какомъ различныя начала, какъ въ философіи законодательства, такъ и въ законодательствахъ положительныхъ, раскрывались одно за другимъ.

V. ЛИТТЕРАТУРА ИСТОРИИ ЗАКОНОВЪ И ЗАКОНОВѢДѢНІЯ

§ 179.

Къ числу сочиненій, обнимающихъ всю исторію законовъ, можетъ быть отнесено только сочиненіе: *Welcher die letzten Gründe von Recht, Staat und Strafe philosophisch und rechthistorisch entwickelt.* Giessen. 1813. Сочиненія, относящіяся къ различнымъ частямъ исторіи законовъ и законовѣдѣнія, будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ.

И С Т О Р І Я

ФИЛОСОФІИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

ВВЕДЕНИЕ.

§ 180.

Философія достигаетъ до сознанія вѣчныхъ началъ законодательства только мало по малу. Исторія философіи изображаетъ намъ порядокъ развитія сего сознанія. Философскія системы, какъ вообще, такъ и въ особенности по отношенію къ предметамъ законодательства, 1) слѣдуютъ одна за другою въ необходимомъ порядкѣ; 2) каждая изъ нихъ имѣетъ истинную сторону; 3) это истинное сохраняется неизмѣнно въ теченіи вѣковъ, и при томъ каждая послѣдующая философская система заключаетъ въ себѣ истину — основныя начала всѣхъ предшествовавшихъ.

§ 181.

Сообразно раздѣленію всей вообще исторіи на древнюю и новую, исторія философіи, и въ особенности исторія философіи законодательства раздѣляется также на древнюю и новую. Характеромъ первой, такъ же какъ и всей древней исторіи, есть объективность; характеромъ второй, такъ же какъ и всей новой исторіи, есть субъективность.

§ 182.

Кромѣ сочиненій, относящихся къ исторіи философіи вообще ⁽¹⁾, для исторіи философіи законодательства замѣчательны въ особенности слѣдующія.

⁽¹⁾ Сочиненія, относящіеся къ исторіи философіи вообще, помѣнованы у *Теннманна* не только въ его большомъ твореніи: *Geschichte der Philosophie*. Leipzig, 1798 — 1819. 11 Bände, 8; но и въ его *Grundriss der Geschichte der Philosophie für den akademischen Unterricht*. 1-te Ausg. 1812; 5-te vermehrte und verbesserte Auflage oder 3-te Bearbeitung von *Amadeus Wendt*. Leipzig. 1829. §§ 37 и 38.

Jac. Fr. Ludovici delineatio historiae juris divini naturalis et positivi universalis. Halle, 1701. Ed. II. 1714. 8.

Jo. Franc. Buddei historia juris naturalis въ египетскихъ selectis jur. nat. et g. Hal. 1717. 8.

(*Chr. Thomasi*) *Paulo plenior historia juris naturalis.* Halle, 1719. 4.

Предисловіе Барбейрака къ сдѣланному имъ на Французскій языкъ переводу Пуффердогова *Jus naturæ*. (Bas. 1732. 4.) содержитъ въ себѣ также Исторію Нравоученія и Права естественнаго.

Ad. Fr. Glafey's vollständige Geschichte des Rechts der Vernunft. Verbesserte Aufl. Leipzig, 1739. 4.

Joh. Jak. Schmauss *Historie des Rechts der Natur* im ersten Buche seines neuen Systems des Rechts der Natur. Götting. 1753. 8.

Essay sur l'histoire du droit naturel. Londres, 1757. 8. (par Hubner de Copenhague).

G. Christ. Gebauer nova juris naturalis historia quam auxit et edidit Ericus Christ. Clevesahl. Wetzlar, 1774. 8.

Ge. Henrici *Ideen zu einer wissenschaftlichen Begründung der Rechtslehre.* Hannov. 1809 — 10. 2 Theile. 8. (im 1 Theile die Geschichte.)

Welcker *die letzten Gründe von Recht, Staat und Strafe, philosophisch und rechthistorisch entwickelt.* Giessen, 1813. S. 430 folg.

Caroli Dan. Henrici Rau primæ lineæ historiæ politices s. civilis doctrinæ. Erlangæ. 1816. 8.

Raumer *über die geschichtliche Entwicklung der Begriffe von Recht, Staat und Politik.* 1-te Aufl. Leipzig. 1826; 2-te Aufl. daselbst, 1832. 8.

Stahl *die Philosophie des Rechts.* 1-er Band. Heidelberg. 1830.

Merminier *introduction générale à l'histoire du droit.* Bruxelles. 1830, и *philosophie du droit.* Bruxelles. 1832, во многихъ мѣстахъ.

Weitzel *Geschichte der Staats-Wissenschaft.* Stuttgart und Tübingen. 1832.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

Философіи Законодательства.

§ 183.

Древній міръ, какъ мы сказали прежде⁽¹⁾, составляютъ: міръ Восточный, міръ Греческій, міръ Римскій.

У Восточныхъ народовъ вообще мы не находимъ философіи въ собственномъ смыслѣ. Она въ истинномъ ея смыслѣ обнаруживается стремленіемъ чело-вѣка познать совокупность бытія въ связи и цѣлости съ началомъ ума. Философское размышленіе начинается сомнѣніемъ въ томъ, что доселѣ признавалъ чело-вѣкъ своимъ сердцемъ, и предполагаетъ въ чело-вѣкѣ способность, отдѣляясь отъ предмета, собирать въ себя самого, способность въ непрерывной цѣпи мозаключеній слѣдить одну и ту же мысль, об-разовать и удерживать ясныя, точныя, твердыя по-нятія о вещахъ, словомъ, мыслить отвлеченно. Но этихъ-то качествъ недостаетъ болѣею частію жите-лимъ востока. Надъ чело-вѣкомъ властвуютъ здѣсь неотвратимыя имъ силы природы и уничтожаютъ въ немъ самобытіе. Пораженный величествен-ными предметами міра, въ страхъ предъ ними, въ туманномъ созерцаніи неизмѣримой вселенной, духъ терлеть сознаніе своего достоинства, своего могу-щества. Какъ онъ существуетъ внѣ себя, подъ вла-стію природы, то въ немъ и раскрываются преим-ущественно силы, обращенныя къ природѣ, чувстви-тельность, фантазія. Чувства непрестанно разсѣиваютъ

(1) См. выше § 176.

жителя странъ восточныхъ по встречающимся предметамъ; фантазія, вмѣсто определенныхъ понятій, приносить ему образы, перспутываетъ его мыслы, вымысливаетъ басни. Понятно, что тамъ, гдѣ вообще не представляется нужныхъ условій для философіи, мы не найдемъ и умозрѣній о законахъ. Со знаніе высшей необходимости нравственнаго порядка вещей существуетъ на востокъ въ видѣ чувства религіознаго. Если не смотря на все, нами сказанное, кто нибудь захотѣлъ бы искать у восточныхъ народовъ философіи, и особенно философіи законодательства, то относительно этого покушенія мы замѣтимъ только, что 1) во всякомъ случаѣ философія восточныхъ народовъ не можетъ быть отдѣлена отъ ихъ религій; 2) судя по всемъ извѣстіямъ о восточной философіи, она своихъ умозрѣній не распространяла въ частности на предметы законодательства.

Римляне хотя представляютъ намъ нѣкоторую философію, но не оригинальную. При особенномъ преобладаніи у нихъ разсудка имъ чужда была сила умственнаго созерцанія, по крайней мѣрѣ въ той степени, въ какой требуетъ ее философское размысленіе. Борьба противоположныхъ началъ, которая раздражала всю ихъ жизнь, ихъ заботы, устремленія преимущественно къ дѣламъ гражданскимъ, къ государству, ко всемірному владычеству, поглощала болышую частію ихъ дѣятельность. Для занятій, отъносившихся къ идеальному міру, они послѣ сего уже не имѣли ни особенной склонности, ни способности или досуга.

Напротивъ характеръ *Грековъ* дѣлалъ ихъ особенно способными къ философіи. Фантазія влекла ихъ непрерывно въ міръ идеальный; свѣтлый разсудокъ управлялъ симъ полетомъ.

Такимъ образомъ для исторіи философіи законодательства изъ народовъ древняго міра остаются особенно важными одинъ только Греки. Получивъ свое первое образованіе отъ странъ восточныхъ, они

дали ему новый видъ какъ во всехъ наукахъ и искусствахъ, такъ особенно въ философіи. Любовь къ умозрѣніямъ, однажды въ нихъ пробудившаяся, не только была ими постоянно сохраняема, но и сообщена отъ нихъ въслѣдствіи другимъ народамъ того времени: народамъ Восточнымъ и Римлянамъ. И такъ на Греческую философію по всей справедливости можно смотрѣть какъ на средоточіе философскихъ изслѣдованій въ древности.

§ 184.

Характеръ древней философіи, по нашему объ ней понятію, есть объективность. Философы древности, слѣдя истину совершенно свободно, хотѣли и надѣялись познать ее непосредственно; они не признавали ясно тѣхъ началъ, которыми они руководствовались въ познаніи истины; противоположность между мысленіемъ и бытіемъ не была обнимаема ихъ духомъ во всей ея глубинѣ. Міръ предметный былъ такимъ образомъ для нихъ главное. Посему и въ области законодательства государство, вообще говоря, стояло для нихъ выше отдѣльныхъ лицъ.

§ 185.

Древняя философія, разсматриваемая въ предѣлахъ, нами для ней назначенныхъ ⁽¹⁾, представляетъ три періода.

I. Природа въ ея разнообразныхъ частяхъ и въ ея величественномъ цѣломъ есть первое, что поражаетъ умъ, начинающій размышлять; потому и самая первая философія природы: періодъ отъ Фалеса до Сократа.

II. Сократъ указываетъ людямъ на ихъ собственный, нравственный міръ, какъ на важнѣйшій источникъ

⁽¹⁾ См. выше § 183.

никъ и предметъ познанія, и полагаетъ основаніе философіи правовъ: періодъ философіи Сократическо-

III. Когда среди сихъ изслѣдованій умъ углубился въ себя самого, то въ соединеніи съ восточными преданіями онъ образуетъ въ своей внутренности новый, умственный міръ: періодъ философіи Греческой между восточными народами. При переходѣ въ него оказывается также участіе Римлянъ въ этой философіи.

§ 186.

Для философіи законодательства не въ періодъ имѣютъ одинаковую важность и значеніе. Цвѣтущія времена ея относятся къ самой срединѣ, ко времени Платона и Аристотеля. Переходъ къ послѣднему періоду дѣлаетъ замѣчательнымъ особенно Цицеронъ

§ 187.

Древняя исторія философіи законодательства, кромѣ сочиненій, имѣющихъ своимъ предметомъ всю исторію философіи законодательства и означенныхъ выше ⁽¹⁾, изложена особенно въ слѣдующихъ:

A. *Feder Historia philosophiæ juris apud veteres Lugduni Batavorum*, 1832. 8.

Сочинителя этой Энциклопедіи разсужденіе о философіи законодательства у древнихъ. СПб. 1835. 4

ПЕРІОДЪ I.

Отъ Талеса до Сократа.

§ 188.

Изслѣдованія о законахъ составляли у Грековъ предметъ Политики. Какъ названіе особенной науки

⁽¹⁾ См. выше § 182.

онѣ означало науку о государствѣ, науку о томъ, какъ его устроить и какъ имъ управлять.

Государство у Грековъ составляло не болѣе, какъ родъ съ его округомъ, и однимъ и тѣмъ же словомъ: *поліс* означались у нихъ и государство и городъ. Такія-то небольшія государства обыкновенно вѣютъ у себя въ мысляхъ Греческіе писатели, когда разсуждаютъ о предметахъ политики.

По тѣсной связи, въ какой у Грековъ находились жизнь общественная и частная, Политика содержала въ себѣ также правила для сей послѣдней. Относительно формы различались въ политикѣ двѣ части: одна, подъ именемъ *политеія*, определяла въ государствѣ образъ правленія и вообще устройство всѣхъ частей, куда естественно относились такъ же изысканія о цѣли, сущности, происхожденіи и сохраненіи государства; другая, подъ именемъ *нóμος*, излагала законы, или лучше, правила и начала, которыми должны руководствоваться государственныя власти въ отпращиваніи своихъ должностей, каждая въ своемъ кругѣ, и здѣсь-то встрѣчались сами собою иконы для частной жизни. Нельзя опредѣлить съ точностію, когда и какъ составилось такое понятіе Политикѣ. Во времена Софистовъ ⁽¹⁾, у Платона ⁽²⁾, Аристотеля ⁽³⁾ мы находимъ его какъ общеизвѣстное.

§ 189.

Сображенія о предметахъ политики, безъ сомнѣнія, начали занимать весьма рано умы Греческіе; особенно же изысканія этого рода должны были распространиться тогда, когда борьба партій въ Гре-

⁽¹⁾ Plato Protag. p. 318 и 319.

⁽²⁾ Plato de leg. V, p. 735; VI, p. 751.

⁽³⁾ Aristot. Polit. II, 5. § 2; 9. § 1; IV, 1. §§ 5 и 6.

ческих государствах усилилась и перевероты образъ правленія сдѣлалась часты. Уже у древнихъ поэтовъ, а особенно гномическихъ, мы находимъ, что которыя мысли и разсужденія о предметахъ политики. Известны также политическія изреченія египетскихъ мудрецовъ Греціи. Но это были только мѣткія, а не развѣтлыя. Отдѣльныя, извѣстныя намъ, политическія сочиненія едва восходятъ далѣе 6-го вѣка до Р. Естественнo, что они въ началѣ не были произведеніемъ философскаго размышленія. Даже изъ нихъ, которыя приписываются некоторымъ философамъ періода времени отъ Фалеса до Сократа, надобно преимущественно смотреть какъ на плодъ практической мудрости, которою это время было особенно богато. Уже въ самыхъ первыхъ изъ нихъ различныя предметы политики могли бытъ рассмотрѣны съ различныхъ сторонъ; очень рано также Греки начали думать о наилучшемъ устройствѣ своего общественнаго быта и для того составлять свои законы и предначертанія совершеннѣйшихъ, образцовыхъ государствъ⁽¹⁾: впрочемъ о содержаніи и достоинствѣ политическихъ сочиненій Грековъ до сихъ поръ крата вообще нельзя сдѣлать надлежащаго сужденія, потому, что мы знаемъ объ нихъ или только по отрывковъ, или изъ указаній на нихъ другими писателями⁽²⁾.

§ 190.

Тогда, какъ Греки начали заниматься философскими изслѣдованіями философскія о предметахъ законодательства не были для нихъ особенною потребностью. Сознаніе вѣчныхъ законовъ правды дѣйствовало на нихъ съ полною живостию природнаго чувства.

(1) Аристотель (Polit. II, 4—5.) упоминаетъ о предначертаніяхъ сдѣланныхъ въ этомъ родѣ Пифагоромъ Милетскимъ, современникомъ Фемистокла, и Фалесомъ Халкидонскимъ.

(2) Политическіе писатели Греціи поименованы по алфавиту въ порядку въ Wachsmuth Hellenische Alterthumskunde. Theil. Abth. I. Halle. 1829. S. 438. und folg. (Beyl. 4.)

§ 191.

По самому свойству изысканій, какимъ предавалась философія въ первомъ своемъ періодѣ, предметы законодательства лежали въ ея кругу. Задачею ея было понять происхожденіе міра. Прежде всего Ионійскіе философы⁽¹⁾ хотѣли найти вещество, изъ котораго образовалась вселенная. Пифагоръ⁽²⁾ обратилъ особенное вниманіе на форму вещей, и, сдѣлавъ числа началами ихъ, производилъ все многообразіе изъ того, по какой системѣ тамъ и здѣсь вещество расположено. Элеатики⁽³⁾, Гераклитъ⁽⁴⁾ и Атомисты⁽⁵⁾ искали, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, причину, которая заставляетъ матерію принимать опредѣленную форму. Анаксаторъ⁽⁶⁾ ввелъ въ физическія изслѣдованія понятіе о причинѣ, и когда такимъ образомъ открылось, что матерія сама по себѣ неустроена и безцѣльна, то онъ открылъ ту высокую мысль, что въ мірѣ, какъ въ устроенномъ цѣломъ, владычествуетъ высшій законъ, который устроитъ матерію по своимъ цѣлямъ. Такъ была наконецъ указана истинная причина бытія міра. Но вмѣстѣ съ симъ философія, переставши изучать только философію природы, переступила, при посредствѣ Сократовъ⁽⁷⁾, на другую ступень въ истинѣ Сократа.

(1) Фалесъ, первый Ионійскій философъ, ум. около 550 г. до Р. Х.

(2) Пифагоръ ум. около 500 г. до Р. Х.

(3) Ксенофанъ, первый изъ Элеатиковъ, славился около 525 г. до Р. Х.

(4) Гераклитъ славился около 500 г. до Р. Х.

(5) Левкиппъ, первый изъ Атомистовъ, славился около 500 г. до Р. Х.

(6) Анаксаторъ род. около 500 г. до Р. Х. другъ Перикла.

(7) Сократы появляются передъ началомъ Пелопоннесской войны.

Ясно, что при подобномъ направленіи духа пр-ственный порядокъ вещей не могъ занять значительнаго мѣста въ умозрѣніяхъ. Онъ основывается на свободной волѣ; а эта сила въ вещественной природѣ не извѣстна. Такимъ образомъ въ періодъ времени отъ Талеса до Сократа мы встрѣчаемъ философовъ только нѣкоторыхъ, несвязныхъ мыслей предметахъ законодательства.

Какъ мыслители разсматриваемаго нами періода за исключеніемъ Пифагорейцевъ, вообще сначала имѣли особенныхъ школъ, то и своего ученія о предметахъ законодательства они не преподавали ученикамъ образомъ, а излагали его или изустно по разнымъ случаямъ въ частной бесѣдѣ, или въ сочиненіяхъ. Софисты преподавали политику своимъ слушателямъ вмѣстѣ съ искусствомъ краснорѣчія, притомъ за опредѣленную плату.

§ 192.

Въ изслѣдованіяхъ о законодательствѣ важное место принадлежитъ вопросу о *цѣли бытія человека на землѣ*. Въ семъ отношеніи у Философовъ разсматриваемаго нами періода находимъ понятія еще довольно темныя. Такъ, изъ Іонійцевъ, Анаксимандръ, восходя къ началу, отъ котораго произошли все въ ихъ отдѣльности и разнообразіи, полагалъ, что нѣкогда все онъ совокупно существовали въ безвѣчномъ, но потомъ какимъ-то своеволіемъ и неправою отторглись отъ него, за что въ раздробленномъ ихъ бытіи онъ терпятъ соразмѣрное наказаніе и иначе возвращаются къ жизни всецѣлой и первобытной, какъ изгладивъ вину свою (1). По ученію Пифагорейцевъ душа находится въ тѣлѣ, какъ въ гробѣ, въ наказаніе за ея преступленія (2). Изъ Элеатиковъ Парменидъ, называя самое рожденіе чело-

(1) Simpl. Phys. fol. 6 a.

(2) Philol. ap. Clem. Alex. Strom. III, p. 433.

вѣка пропшествомъ печальнымъ, говорилъ: «Богъ усыпляетъ души то изъ свѣта во мракъ» проводящую жизнь, «то опять обращаетъ ихъ изъ мрака въ свѣту (1).» Такимъ же образомъ по словамъ Гераклита, рожденіе есть уже для человека несчастье, потому что оно есть только рожденіе для смерти (2). Наконецъ Анаксагоръ, въ удаленіи отъ жизни общественной, хотѣлъ исключительно заниматься науками и созерцаніемъ чудеснаго порядка природы, почитая свое занятіе истинною и единственною цѣлію жизни (3).

Пифагорейцы начали изслѣдывать, что есть *правда*. Правда, по ихъ опредѣленію, есть число равно-мерно равное (*ἀριθμὸς ἰσχυρὸς ἴσος*) или воздаяніе равнаго за равное (*ἀντιτετακένος*). Обыкновенно, по при-воду Аристотеля (4), берутъ слова сіи въ томъ смыслѣ, по которому причинившій зло другимъ, самъ подвергается отъ людей тому же злу: напр. убившій человека, и самъ безъ всякихъ уваженій убивается; откинувшій глазъ у другаго, и самъ лишается глаза. Но они въ связи съ представленіями Пифагора о безсмертіи души и Правосудіи Божественномъ могутъ имѣть еще то глубокое значеніе, что правда Божія, поставляя каждому человека въ отношенія, гдѣ ему въ свою очередь по необходимости воздается и добро и зло, имъ содѣянное, каждого такимъ образомъ награждаетъ и наказываетъ по дѣламъ его, если не въ сей жизни, то въ будущей (5).

О *существованіи законовъ* есть мысли у Гераклита. Въ духъ древней Греческой религіи утвер-

(1) Simpl. Phys. fol. 9. a.

(2) Clem. Alex. Strom. III, p. 432, 434.

(3) Diog. Laërt. II, 10; Clem. Alex. Strom. II, p. 416.

(4) Arist. Eth. Nic. V, 5; Eudem. IV, 3; Magn. I, 2; 33.

(5) Cf. Plato de rep. X, p. 615 — 616; Tim. p. 90 — 91.

ждать, что всѣ человѣческіе законы истекають отъ Божества, которое одно державствуетъ, всѣхъ доводитъ и все преобладаетъ⁽¹⁾. По этому, такъ какъ все, что ни происходитъ, происходитъ по наилучшему Божественному закону, и не можетъ происходить иначе, для Гераклита ничто не было столько ненавистно, какъ высокоумная непокорность законамъ, между тѣмъ какъ, по его ученію, быть довольну существующимъ порядкомъ дѣлъ для человѣка есть высочайшее благо, высочайшая мудрость и добродѣтель⁽²⁾.

§ 193.

Въ предложенныхъ мысляхъ заключается почти все богатство изслѣдованій философіи природы, предметахъ законодательства. Со временемъ она приняла даже направленіе вполне разрушительное для общества.

Уже Ксенофанъ, основатель школы Элеатской, отзывался съ неуваженіемъ о богахъ отечественнаго религіи, — религіи, съ которою у Грековъ весьма тѣсно была связана вся жизнь общественная.

Въ ученіи Атомистовъ, именно Демокрита, мы видимъ съ одной стороны безбожіе, а съ другой — явный эгоизмъ. Почитая верховнымъ добромъ человѣка спокойствіе духа (*εὐθυμία, εὐεστία*), невозможное никакимъ сердечнымъ движеніемъ⁽³⁾, Демокритъ не оставилъ безъ порицанія ни одну изъ тѣхъ установленій, которыми занимается мудрость законодательная: ни брака, потому что удовольствія брачной любви сопровождаются сильными

(1) Stob. Sermon. III, 84.

(2) Diog. L. IX, 2; Clem. Alex. Strom. II, p. 417; Stob. Sermon. 83 et 84.

(3) Diog. Laërt. IX, § 45; Stob. Ecl. II, p. 74 — 76; Clem. Alex. Strom. p. 417. a.

вотрясеніемъ души и тѣла; ни союза дѣтей и родичей, потому что воспитаніе дѣтей влечетъ за собою множество непріятностей; ни союза государственнымъ, потому что для мудраго весь міръ есть отецъ и зачатіе дѣлами государственными нарушаетъ душевное спокойствіе. Вообще законы, по мнѣнію Демокрита, никому не запретили бы жить по своей волѣ, еслибъ люди не были склонны обижать другъ друга. Повиноваться законамъ, не дѣлать несправедливости, человѣкъ, по мнѣнію Демокрита, долженъ только для того, чтобъ не быть въ страхѣ, опасаясь наказанія за неисполненіе ихъ, и въ случаѣ наказанія не имѣть прискорбныхъ воспоминаній⁽¹⁾.

Послѣ Демокрита оставался одинъ только шагъ до ерзкихъ мыслей и правилъ Софистовъ.

§ 194.

Ученіе Софистовъ находится въ связи съ ученіемъ Праксагора. Для объясненія бытія міра, онъ предложилъ бытіе ума, дѣйствующаго по намѣренію; но онъ не означилъ съ точностію сущности и образа дѣйствія этого ума. По мнѣнію Софистовъ, отъ ума есть самъ человѣкъ, или, самъ человѣкъ есть міра всѣхъ вещей; предметы не сами въ себѣ хороши или худы, красивы или безобразны, истинны или ложны, а отъ того, что человѣкъ находитъ ихъ такими.

Главнымъ занятіемъ Софистовъ было обученіе искусству краснорѣчія. Но у Грековъ краснорѣчіе было почти только средствомъ дѣйствовать съ умомъ въ собраніяхъ при разсужденіи о дѣлахъ общественныхъ, такъ и частныхъ; по этому

(1) Stob. Sermon. IV, 77, 78, 82; X, 37; XVII, 29; XX, 56; XXXVIII, 47; XL, 7; LXXVI, 13, 15, 16; CCCXXXIX. Clem. Alex. Strom. II, p. 421.

ПЕРІОДЪ II.

СОКРАТЬ И ЕГО ШКОЛА.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

СОКРАТЬ И ОБОЗРѢНІЕ ШКОЛЪ, ОТЪ НЕГО ПРОИСХВѢДШИХЪ

§ 195.

Противъ Софистовъ возсталъ Сократъ ⁽¹⁾.

Разумное начало Анаксагора у Софистовъ есть не болѣе, какъ частный разумъ каждаго человѣка, взятаго въ отдѣльности; для Сократа оно имѣетъ значеніе Ума дѣйствительно всеобщаго. Сей-то всеобщій Умъ причинно того, что истинное, или прекрасное, или доброе есть истинно, прекрасно, добро само въ себѣ, и не зависитъ отъ особенныхъ представлений того или другаго лица. Сознавая вполне, что одно только разумное имѣетъ цѣну, а неразумное само по себѣ никакой ⁽²⁾, Сократъ предчувствовалъ повсюду во вѣтхнней природѣ и въ человѣкѣ невидимое присутствіе Ума, дѣйствующаго по мудрымъ намѣреніямъ ⁽³⁾. Чтобъ опредѣлить по возможности свойства сего Ума, онъ указывалъ на явленія міра и въ особенности на установленія человеческаго общества. Какъ вредныя правила Софистовъ были особенно обращены противъ законовъ и правовѣя, то сюда же наиболѣе обращено было и вниманіе Сократа. Жизнь, управляемая мудростію, есть истинная цѣль человѣка ⁽⁴⁾; все, что дѣлаетъ мудрый, хорошо и не можетъ быть худо, между тѣмъ какъ все, что дѣлаютъ люди безъ мудрости, худо и не можетъ

быть хорошо; такимъ образомъ мудрость и доброта есть одно и то же: вотъ истины, которымъ Сократъ вѣрилъ отъ всего сердца ⁽¹⁾! Онъ вѣрилъ и ритомъ непреодолимой силѣ ума и добра надъ червоткомъ: люди только по неразумію и противъ разума дѣлаютъ злое ⁽²⁾. Въ законахъ онъ видѣлъ источникъ, откуда все могутъ почерпнуть познаніе о добрѣ и злѣ, и утверждалъ, что законное есть справедливое ⁽³⁾, подъ именемъ законовъ онъ разумѣлъ не одни писанные, или человѣческіе, но и неписанные, или Божескіе, которые извѣстны людямъ безъ всякаго дальнѣйшаго обнародованія со стороны правительства и въ себѣ самихъ заключаютъ награду и неизбежное наказаніе ⁽⁴⁾. Но отъ него не осталось нѣтъ никакого философскаго ученія, ни теоретическаго, ни практическаго. Онъ, предполагая бытіе Верховнаго Ума, сдѣлалъ только философамъ задачу: объяснить сущность сего Ума, и показать въ частности присутствіе разумнаго начала во всѣхъ вѣщахъ существъ, чтобъ такимъ образомъ міръ представилъ изъ себя систему Божественныхъ намѣреній.

§ 196.

Сократъ не преподавалъ своего ученія въ какой-нибудь школѣ, но сообщалъ его въ частномъ разговорѣ, по мѣрѣ случаевъ, представлявшихся для разсужденія. Ученики Сократа излагали свою философію болѣею частию въ особенныхъ училищахъ, въ которыхъ слѣдовательно могла быть проходима Политика, какъ одна изъ частей философіи.

Подобно своему учителю, всѣ или почти всѣ ученики Сократа, имѣли у себя въ виду цѣль нравственную и главнымъ образомъ стремились опредѣ-

⁽¹⁾ Сократъ родился въ 470 или 469 г. до Р. Х., умеръ въ 400 г. ⁽²⁾ Xenoph. Memor. I, 2. § 53—55. — ⁽³⁾ Ibid. IV, 3. § 13—14. cf. Plato Phaed. p. 97. ss. — ⁽⁴⁾ Xenoph. Memor. I, 2. § 53—55.

⁽¹⁾ Xenoph. Mem. III, 9. § 4—5. cf. Plato Phaed. p. 68; Arist. Magn. mor. I, 35. — ⁽²⁾ Xenoph. Mem. III, 9. § 4; Plato Gorg. p. 460; Protag. p. 345; Apolog. p. 35. — ⁽³⁾ Xenoph. Mem. IV, 4. § 12, 16, 25. cf. Plato Criton. p. 50 sequ. — ⁽⁴⁾ Xenoph. II. § 19. cf. Plato de rep. VIII, p. 563.

леть, въ чемъ состоитъ верховное благо человѣческаго духа.

Одни слѣдовали притомъ вполне образу мыслей своего учителя, напр. Ксенофонъ, Эсхинъ.

Другіе увлеклись только извѣстною частію учения Сократова, именно: Евклидъ — діалектическою, Антистенъ и Аристиппъ — практическою. Школа Евклидова — Мегарская совсѣмъ не занималась предметами законодательства. Школы: Антистоинова, или Цицическая, и Аристиппова, или Киренская, замѣчательны для насъ только по превратности ихъ мнѣній. Самодовольство, независимость отъ обыкновенныхъ человѣческихъ потребностей, по словамъ Антистоинова, есть верховное благо. Хотя по сему Цицики учили, что добро само въ себѣ прекрасно, а зло также само въ себѣ гнусно; однако въ ихъ умствованіяхъ разнообразныя связи человѣческаго общества, какъ то: бракъ, союзъ родственныя, любовь къ отечеству, законы, приличія общественныя, нимало не были уважаемы (¹). Аристиппъ напротивъ хотѣлъ посвятить жизнь свою единственно изысканію и удовлетворенію потребностей. Удовольствіе отъ чего бы оно ни происходило, чѣмъ бы ни сопровождалось въ послѣдствіи, удовольствіе въ одномъ настоящемъ мгновеніи, — вотъ что въ глазахъ Аристиппа есть истинное благо! Разумѣется само собой, что такое ученіе, отвергая все различіе между добрымъ и худымъ, между честнымъ и безчестнымъ, въ порядкѣ общественномъ не могло допускать ничего священнаго (²). — Въ послѣдствіи времени изъ Антистоиновой школы образовалась Стоическая, изъ Аристипповой — Епикурейская, изъ Евклидовой — собственно такъ называемый Скептицизмъ.

Вполнѣ обняли мысль Сократову Платонъ и его ученикъ Аристотель, приложили ее къ многору-

(¹) Diog. Laërt. VI, § 11, 12, 63, 93, 105. — (²) Ib., II, § 93.

кознымъ предметамъ познанія и показали все богатство, въ ней заключающееся. Умозрѣнія о законахъ явились въ ихъ твореніяхъ также на высокой степени совершенства. Разные вопросы Политики ими оцѣнены по достоинству: показано существо правды, означены цѣль, происхожденіе и существо государства, изслѣдовано достоинство разныхъ образцовъ правленія, рассмотрѣны средства для сохраненія государства, изложены философскія начала для разныхъ родовъ законодательства.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ПЛАТОНЪ И АРИСТОТЕЛЬ.

А. Платонъ.

Аmmepararura. Chrys. Javelli dispositio philosophiae civilis ad mentem Platonis. Venet. 1556. 4. — Joh. Sleidani summa doctrinae Platonis de republica et de legibus. Argentorati. 1548. 8. — Joh. Zentgravi specimen doctrinae juris naturae secundum disciplinam Platoniam. Argentorati. 1679. 4. — Joh. Jac. Leibnitii (praes. Heusde) Diss. Respublica Platonis. Lipsiae. 1776. 4. — Car. Morgenstern de Platonis republica commentationes tres. Hal. 1794. 8. — Joh. Lud. Guil de Geer diatribe in politices Platonica principia. Ultraj. 1810. 8.

§ 197.

Коренное начало Философіи Платона (¹) есть идея. Такъ опредѣляетъ онъ понятіе разумнаго, оставаясь у Сократа еще не опредѣленнымъ. Идея на языкѣ Платоновомъ есть всеобщее въ вещи, то, чѣмъ вещь бываетъ по родовому своему понятію. Это есть существо вещи, то, на чемъ держится ея бытіе, что связываетъ многоразличныя ея стороны въ одно цѣ-

(¹) Платонъ род. въ 430 или 429 г. до Р. Х., ум. въ 348 г.

ное, что среди всѣхъ ея измѣненій само остается неизмѣннымъ и безъ чего она тотчасъ перестаетъ существовать. Но хотя всеобщее уже по самому своему понятію предполагаетъ особенное, единичное, различіе, надъ которыми оно обнаруживаетъ свою всеобщую силу; однако идея у Платона еще мертвая, еще не имѣетъ жизни, потребной для образованія, для произведенія вещей; она существуетъ въ нихъ неподвижно, будучи какъ бы вся погружена въ созерцаніе самой себя. Предпринимая раскрыть ясное свою идею, Платонъ тотчасъ начинаетъ говорить въ мифахъ и символахъ; покушаясь обнять ею разнообразіе вещей, данное въ умъ или опытъ, онъ повторяетъ намъ одно и то же, только въ разныхъ выраженіяхъ.

§ 198.

Изъ предметовъ, существующихъ въ мірѣ, относящихся къ нравственности всего болѣе привлекала на себя вниманіе Платона. Три значительнѣйшія его сочиненія: *Политикъ*, разговоры *О государствѣ* и разговоры *О законахъ* ⁽¹⁾ посвящены собственно

⁽¹⁾ Подлинность *Законовъ* Асть (Platons Leben und Schriften. Leipzig. 1816) подчеркнул въ пѣлѣйшія времена сомнѣнію, основываясь на томъ, что изъ рукъ Платона не могло выйти произведеніе столь несовершенное по художественной отдылкѣ, столь противорѣчащее другому сочиненію несомнительно Платонову, т. е. сочиненію *О государствѣ*. Но уже Аристотель (Arist. Polit. II. 3; 9, § 8) приводитъ *Законы* съ именемъ Платона, разбирая ихъ въ подробности: надобно имѣть доказательства сами рѣшительныя, чтобы отвергнуть это свидѣтельство отличнаго ученика Платона. Не такими доказательства Асть I. Недостатки, находясь въ сочиненіи *О законахъ*, I) объясняются сами собою изъ того, что Платонъ писалъ его уже въ глубокой старости и былъ застигнутъ смертію прежде, нежели успѣлъ совершенно отдалить свой трудъ и мыслямъ, слѣдств. для того набросаннымъ, дать стройную, изящную форму. См. Dierlacker. III, § 37. 2) Несправедливо было бы сказать вообще, будто въ *Законахъ* совсѣмъ не видно искусства, души Платона. а) Цѣлый планъ ихъ, ознѣченный De leg. I, p. 631 — 632 совершенно достоинъ сего философа. При точкѣ зрѣнія, поставленной въ нихъ удерживаемой, они представляютъ намъ полную систему Этики или Политики въ обширномъ смыслѣ. После общаго изслѣд. націй нравственно-политическаго содержанія (I—IV,

предметамъ законодательства. *Политикъ*, излагающій политіе Политики, служить для двухъ послѣднихъ общихъ введеніемъ ⁽¹⁾.

р. 722) здѣсь подробно излагается ученіе о добродѣтеляхъ или собственно такъ называемыя Этика (IV, p. 722 — V, p. 735), какъ *πρῶσιμον*; потомъ слѣдуетъ *политіа* (V, p. 735 — VI, 772); далее *политіа* и *νόμος* въ совокупности (VI, p. 772 — VIII); наконецъ собственно *νόμος*, охватывающіеся требованіемъ — устроить особенное собраніе для охраненія законъ (IX — XII). б) Не говоря о превосходныхъ мысляхъ, повсюду разсыпанныхъ въ *Законахъ*, — какъ часто послѣ тихой старческой бесѣды вспыхаетъ здѣсь еще огонь, свидѣтельствующій о пылкомъ сочинителѣ! Какъ часто поражаетъ здѣсь насъ изящество изложенія предмета, свойственное Платону! См. особенно въ *πρῶσιμα*. II. Внимательно разсматривая такъ называемыя противорѣчія между *Законами* и сочиненіемъ *О государствѣ*, мы должны еще сильнѣе увѣриться въ томъ, что *Законы* действительно принадлежатъ Платону. Сей вопросъ о взаимномъ между собою отношеніи обихъ сочиненій въ своемъ мѣстѣ (см. ниже § 213.) будетъ изслѣдованъ подробно. Впрочемъ и независимо отъ того, мы находимъ все прочее содержаніе *Законовъ* такъ согласнымъ съ мыслями достойнаго Платоновыми, что уже это одно обстоятельство должно уничтожить всѣ дальнѣйшія сомнѣнія относительно подлинности разбираемаго нами сочиненія. См. напр. De leg. I, p. 626. cf. de rep. IV, p. 431 (объ умеренности); De leg. I, p. 631 (о цѣли государства); — De leg. I, p. 634 seqq. (о соединеніи мужества съ умеренностью); — II, p. 659 seqq. IV, p. 719 (о томъ, что должны говорить поэты); — IV, p. 712 — 713; cf. de rep. V, p. 463 (о названіи подданныхъ); — De leg. IV, p. 713 — 714; p. 715; IX, p. 875. (о существѣ закона) IV, p. 714. cf. de rep. V, p. 473 (когда государства могутъ освободиться отъ бѣдъ); — De leg. V, p. 735. seqq. (объ очиненіи государства отъ негодныхъ людей); — p. 741. seqq. (противъ изнѣжнаго богатства и бѣдности); — p. 746 (о важности науки чиселъ); — VI, p. 773 (похвала срединѣ); — ibid. (о соединеніи разнородныхъ характеровъ въ супружествѣ); — IX, p. 864 (понятіе правды); — X, p. 887 — 907. (о бытіи Божіемъ, Провидѣніи, Правосудіи); — XII, p. 962 (о мудрости Правительствъ); — p. 963 (о разныхъ видахъ государствъ по отношенію къ добродѣтели); — p. 964 (названіе стражей для лицъ правительствующихъ); — вообще всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ говорится о воспитаніи дѣтей, образѣ жизни гражданъ, участіи женскаго пола въ занятіяхъ и упражненіяхъ мужчинъ.

⁽²⁾ Особенно въ близкомъ отношеніи *Политикъ* находится къ разговорамъ *О законахъ*. Ср. въ томъ и другомъ сочиненіи мѣста, гдѣ говорится о происхожденіи государствъ (Polit. p. 273 cf. De leg. IV, p. 713), о сущности законъ (Polit. p. 300. cf. De leg. IV, p. 713 — 714; p. 715), о соединеніи мужества съ умеренностью какъ вообще во всѣхъ гражданахъ (Polit. p. 306. seqq. cf. De leg. I, p. 634. seqq.) такъ и особенно въ супругахъ (Polit. p. 310 cf. De leg. VI, p. 773), о рабахъ (Polit. p. 309. cf. De leg. VI, p. 776 seqq.) и пр.

§ 199.

Платонъ первый назначилъ умозрѣніямъ о предметахъ законодательства опредѣленное мѣсто въ цѣлой Философіи. Разложивъ, по единогласному свидѣтельству древнихъ, всю совокупность философскихъ понятій на три части: Діалектику, Физику и Этику, онъ предоставилъ послѣдней изысканіе нравственнаго содержанія. Предметы законодательства могли относиться у него къ одной только Этикѣ. Впрочемъ слово: *Этика*, т. е. наука о правахъ, неизвѣстно въ его сочиненіяхъ; этому слову у него вполне соответствуетъ слово: *Политика*, т. е. наука о государствѣ. Совершенство правовъ и совершенство государства онъ видѣлъ въ тѣсной связи между собою, почему и въ своихъ изслѣдованіяхъ не отдѣлялъ ихъ другъ отъ друга ⁽¹⁾.

Въ смыслѣ, болѣе опредѣленномъ, *Политика* у Платона есть наука, имѣющая предметомъ устройство и управленіе человѣческаго общества сообразно идеѣ добродетели, или идеѣ правды ⁽²⁾. Въ сей науцѣ, какъ уже разумѣется само собою, надлежитъ подвергнуть философскому изслѣдованію все основныя понятія законодательства, все роды и виды законовъ, какъ относительно общественныхъ, такъ и относительно частныхъ дѣлъ въ государствѣ ⁽³⁾; тѣмъ болѣе долженъ былъ сдѣлать это Платонъ, что онъ между наукою управлять государствомъ и наукою управлять домомъ въ существѣ вещи, не находилъ никакого различія, полагая, что большой домъ и небольшое государство относительно управленія ни малѣйше не разнятся другъ отъ друга ⁽⁴⁾.

(1) De rep. II, p. 368; VIII, 544; cf. IV, p. 435. Ср. сказаніе о планѣ сочиненія О законахъ въ примѣч. на стр. 184 и слѣд.
(2) Plato Politic. p. 305—311; cf. Protag. p. 318—322 — (1) Politic. p. 309—311; Protag. p. 319. — (4) Politic. p. 259.

§ 200.

Естественно, прежде всего представляется въ Этикѣ или Политикѣ вопросъ: *какое занимаетъ мѣсто къ сія наука въ цѣлой Философіи, такъ и область законодательства въ цѣлой области существующаго?* Для рѣшенія сего вопроса необходимо бросить взглядъ на все содержаніе Платоновой философіи.

Каждый предметъ, по мнѣнію Платона, соединяетъ въ себѣ два противоположныя начала: во 1-хъ, въ немъ есть нѣчто единое, всегда себѣ равное; во 2-хъ, въ то же время есть и многое, непрерывно измѣняющееся. Всякой предметъ есть такимъ образомъ сопряженіе единства и множества. Но о многомъ, непрерывно измѣняющемся, нельзя сказать, чтобъ оно дѣйствительно существовало въ предметѣ; въ то самое мгновеніе, какъ мы хотимъ сказать о немъ: это есть, его уже нѣтъ, мѣсто его занято другимъ. Истинно существуетъ посему только единое, всегда себѣ равное. Это есть всеобщее въ каждой вещи, ея родъ, ея идея (*εἶδος ἰδέα*), и постигается единственно мыслію, потому что чувства представляютъ только безконечно разнообразное, непрерывно измѣняющееся. Каждое нижшее понятіе, нижшій видъ обнимается, держится, предполагается другимъ высшимъ, это понятіе опять другимъ высшимъ и т. д., пока мы не дойдемъ до самаго высшаго родового понятія.

Общая цѣль всей *Философіи*, по ученію Платона, въ томъ, чтобъ начавъ съ предположенія, съ нижшаго понятія, и дѣйствуя одними понятіями, безъ помощи фигуръ чувственныхъ, напоследокъ взойти къ началу, требующему никакихъ болѣе предположеній, и отсюда потомъ низойти въ непрерывной послѣдовательности, также дѣйствуя одними понятіями, до самыхъ крайнихъ послѣдствій ⁽¹⁾. Безусловное начало

(1) Plato de rep. VI p. 509—511.

всего сущаго имѣетъ у Платона разныя названія какъ то: единое, всегда себѣ равное (*ταύτον*), истинное сущее (*ὄντως ὄν*), идея, умъ, добро, Богъ. Но условное истинно существуетъ только въ той мѣрѣ въ какой оно участвуетъ въ этомъ безусловномъ.

Изъ трехъ частей Философiи Платоновой, *Диалектика* рассматриваетъ безусловное, единое, вообще не обращая вниманiя на то, какъ оно въ частности относится къ тому или другому роду существъ.

Физика рассматриваетъ проявленiе Божественнаго въ мiрѣ. Она излагаетъ какъ исторiю происхожденiя мiра, такъ и истинную сущность мiра и все что есть въ немъ. Начавъ свое изложенiе самымъ первымъ дѣломъ Мiроиздателя, она оканчиваетъ физическимъ происхожденiемъ челоука на свѣтѣ. Единому, по ученiю Платона, повсюду противопологается многое; иначе сiе последнее называется некое злое, веществомъ. Но Божественное начало по словамъ Платона, сильнее вещества. Будучи всеблаженнымъ, Богъ восхотѣлъ, чтобъ и все другое было, сколько возможно, Ему подобно; Онъ восхотѣлъ образовать вещество по Своимъ идеямъ, и не преставно измѣняющееся, неустроенное заключить въ твердую форму. Но въ веществѣ Онъ не могъ изобразить Себя вполне и вдругъ. По этому Онъ разширяетъ власть Свою надъ вещественнымъ только мало по-малу. Впрочемъ дѣла Его по истеченiи определенныхъ перiодовъ опять болѣе или менѣе разрушаются и образованiе вещества должно бывать начаться снова. Итакъ повсюду въ мiрѣ являються два противоположныя начала, соединяемыя въ третiемъ. Прежде всего, въ цѣломъ мiрѣ, какъ одно живомъ существѣ, Божественный Умъ и вещество связываются между собою посредствомъ души. Изъ души и вещества мiра Богъ вѣчный и невидимый создаетъ сначала видимыхъ боговъ, хотя по своей природѣ не безсмертныхъ, однако неразрушимыхъ; это есть сонмъ небесныхъ свѣтилъ. Посредствомъ

ихъ боговъ Онъ производитъ далѣе смертныя живыя существа, и притомъ первоначально всѣхъ въ самомъ совершеннѣйшемъ видѣ: въ видѣ челоука, Вложивъ въ душу людей Самъ отъ Себя только безсмертное — умъ, Верховный Богъ предоставляетъ далѣншее ихъ образованiе подчиненнымъ богамъ, отъ которыхъ они и получаютъ смертное въ своей душѣ: сердце (*θυμός*) и силу пожеланiй (*φύσις*). Посему душу челоука составляютъ также три части; изъ нихъ сердце, какъ невольное стремленiе души осуществить идеи ума, какъ сила возвышенныхъ порывовъ, хотя иногда бурная, занимаетъ средину между безсмертнымъ — умомъ, силою идей, и между совершенно смертнымъ — силою пожеланiй, которая, какъ стремленiе удовлетворить потребностямъ чувственной, физической жизни, въ своихъ дѣйствiяхъ вся обращена къ смертному.

Такъ образованы люди. Описанiе нравственнаго существа людей есть предметъ *Этики*, или, что то же, *политики* (¹). Какъ Божество дѣйствуетъ въ цѣломъ мiрѣ, такъ Божественный умъ, существующiй въ душахъ челоуческихъ, дѣйствуетъ въ нихъ и образуетъ ихъ идеямъ. Зная добро, онъ не можетъ оставаться празднымъ; напротивъ онъ необходимо стремится свое знанiе осуществить на самомъ дѣлѣ господствовать надъ смертными силами въ челоуцѣ, и каждой указываетъ ея собственное дѣло (²). Въ семъ случаѣ, если такъ можно бы выразить мысль Платона, прямая на вѣчный Божественный порядокъ, только отражаютъ Божеству и въ своемъ кругѣ продолжаютъ дѣло мiроздаiя. Божественное или доброе, проявляющееся такимъ образомъ въ челоуцѣ, Платонъ называетъ правдою (*ἡ δικαιοσύνη, τὸ δίκαιον*) (³).

§ 201.

Правда рассматривается у Платона въ трехъ видахъ: I. въ каждой душѣ порознь; II. въ государствѣ; III. въ цѣломъ родѣ челоуцескомъ.

(¹) Tim. p. 27; Protag. p. 321. sq. — (²) Protag. p. 352; Gorg. p. 508; De rep. VI, p. 500. — (³) De rep. IV, 442 — 445.

I. О правдѣ въ отдѣльныхъ душахъ.

§ 202.

Платонъ достигаетъ до понятія *правды*, какъ она является въ отдѣльныхъ душахъ, посредствомъ разсмотрѣнія сущности силъ душевныхъ. Каждое существо, говоритъ онъ, имѣетъ свое особенное дѣло (*ἔργον*), которое или имѣетъ только однимъ образомъ быть исполнено, или по крайней мѣрѣ имѣетъ всѣхъ лучше; вмѣстѣ съ симъ каждое существо имѣетъ и свое особенное совершенство (*ἀρετή*), съ которымъ только и можетъ оно въ точности исполнить свое дѣло. То же разумеется о душахъ и ея силахъ. Особенное назначеніе души есть — господствовать и управлять (¹). На сей конецъ для каждой силы существуетъ особенное совершенство.

Совершенство ума есть *мудрость* (*σοφία*). Чтобы господствовать, управлять, надобно знать ту единственную цель, для которой все должно дѣлаться (²). Но сіе познание должно быть твердо, основательно, восходящее до самыхъ высшихъ началъ вѣдѣній: добродетель, если она основывается не на твердомъ познаніи, а только на правильномъ мнѣніи, если она не можетъ дать сама о себѣ отчета, а находится въ человѣкѣ по нѣкоторому какъ бы влеченію, такая добродетель ненадежна, случайна; правильное мнѣніе, будучи укрѣплено разумными причинами, можетъ быть во всякую минуту вытѣснено заблужденіемъ или невѣдѣніемъ (³). Мудрость содержитъ въ себѣ это твердое познание; она указываетъ человѣку единственную цель его дѣяній, указываетъ и добро, котораго души надлежитъ искать, и зло, котораго должно бѣжать (⁴). По отношенію къ другимъ си-

(¹) De rep. I, p. 352—353; IV, p. 435. — (²) De rep. VII, p. 519. — (³) Menon. p. 97. — (⁴) De rep. IV, p. 442.

мъ души, умъ служить точною для нихъ мѣрою. Совершенство ихъ, какъ силъ могущихъ дѣйствовать сильнѣе и слабѣе, состоитъ въ срединѣ. Мудрость производитъ въ душѣ надлежащее соединеніе обѣихъ крайностей, умѣряя одну другою (¹).

Совершенство сердца есть *мужество* (*ἀνδρεία*). Дѣло сердца — приводить въ исполненіе опредѣленія ума. Для сего требуется, чтобы доброе воспитаніе глубоко вкоренило въ душѣ правильныя представленія о добрѣ и злѣ и сдѣлало ихъ второю въ человѣкѣ природою. Человѣкъ, который пріобрѣтенное такимъ образомъ правильное мнѣніе всегда сохраняетъ и поддерживаетъ въ своей душѣ противъ всѣхъ обольщеній и ужасовъ, называется мужественнымъ (²). Истинно мужественный не побѣждается ни страданіемъ, ни удовольствіемъ (³); истинному мужеству вѣрно противныя и буйство, которое не уважаетъ ничего священнымъ, и презрѣнная робость, которая опасается предъ всякою опасностью (⁴).

Совершенство для силы пожеланій есть *умѣренность* (*σωφροσύνη*). Умѣренность есть общее согласіе всѣхъ душевныхъ силъ между собою въ томъ, что высшія изъ нихъ (умъ и сердце) должны господствовать, а худшая (сила пожеланій) только повиноваться первымъ (⁵).

Если послѣ сего въ душѣ каждая сила дѣйствительно исполнитъ свое дѣло, и только свое дѣло, не вмѣшиваясь въ дѣла другихъ, то именно это совершенство и есть *правда* (⁶), совершенство, добродетель цѣлою души.

Правда соединяетъ въ себѣ мудрость, мужество, умѣренность: сіи три добродетели составляютъ ея

(¹) Phileb. p. 23—30; Politic. p. 306—311. — (²) Dep. re. IV, p. 442. cf. p. 429 sequ. — (³) De leg. I, p. 633. sq. — (⁴) Politic. p. 306—309. — (⁵) De rep. IV, p. 422. cf. p. 430. sequ. Phaedon. p. 68. sequ. — (⁶) De rep. IV, p. 442—443. cf. p. 433. sequ.

содержаніе. Съ своей стороны она даетъ имъ нѣкую форму, такъ что безъ нее не могло бы существовать между ними согласнаго дѣйствованія. Ряду добродѣтелей, свойственныхъ каждой силѣ души въ особенности, мудрость занимаетъ высшее место: всѣ другія существующъ для нее ⁽¹⁾. Какъ въ общѣ добродѣтель и блаженство въ глазахъ Платона неразлучны другъ съ другомъ ⁽²⁾; то по его ученію созерцательная жизнь мудраго, будучи совершеннѣйшимъ состояніемъ духа, есть состояніе самое вѣдѣльное ⁽³⁾.

§ 203.

Легко можно видѣть, что понятіе о правдѣ истѣкаетъ у Платона изъ самыхъ высшихъ началъ Діалектики. Если онъ утверждаетъ, что для каждаго существа есть свое особое дѣло, свое особенное совершенство, — то это значитъ только, что дѣла всего существующаго есть своя идея, въ единствѣ съ которою оно и есть тѣмъ, чѣмъ есть, и отъ которой оно получаетъ все, что имѣетъ добраго. Дѣлать одно, свое дѣло, не мѣшаясь въ дѣла другихъ, — это понятіе правды значитъ то же, что и быть вѣрнымъ своей идеѣ. Умъ, съ его идеєю добра, единственнаго, владычествующій во всемъ сущемъ, есть истина и сила, владычествующая въ душѣ человѣка ⁽⁴⁾.

Равнымъ образомъ мысли Платона о правдѣ находятся въ существенной связи съ его Физикою. И только тройственное число первыхъ трехъ добродѣтелей выводится у него изъ тройственности силъ души, но и вообще добродѣтель, относительно вѣтренней ея сущности, представляется какъ свойство физическое. Она есть такое же качество души, какъ острота зрѣнія составляетъ совершенство глаза, бы-

⁽¹⁾ De leg. III, p. 687 — 689; I, p. 163. — ⁽²⁾ De rep. IX, p. 577 sq. — ⁽³⁾ De rep. VII, p. 519; Sq. cf. p. 517 — 519. — ⁽⁴⁾ Philod. p. 28 — 30.

строта въ бѣгу — совершенство лошади. Укореняясь воспитаніемъ, она дѣлается привычкою, другою природою. Основываясь на общемъ согласномъ дѣйствіи этихъ силъ душевныхъ, она предполагаетъ въ нихъ нѣкое прирочное наклонности къ добру. Такимъ образомъ Платонъ, относительно способности людей быть добродѣтельными, поставяетъ существенное, физическое между ними различіе, и даже нѣкоторыхъ изъ нихъ почитаетъ физически неспособными къ той или другой добродѣтели ⁽¹⁾.

Весьма важно замѣтить эту связь мыслей Платона о правдѣ въ отдѣльныхъ душахъ съ физическими и діалектическими понятіями философа. Тѣ же самыя начала глубоко проникаютъ все его ученіе о правдѣ въ томъ ея видѣ, какъ она существуетъ въ государствахъ.

II. О правдѣ въ Государствѣ.

§ 204.

Чтобъ съ удобностію обозрѣть чрезвычайно богатое содержаніе Платоновыхъ разговоровъ относительно *правды въ государствахъ*, мы отдѣлимъ изслѣдованія, касающіяся *общихъ основаній союза государства*, т. е. изслѣдованія о *необходимости государства*, его *цѣли*, *происхожденіи*, *понятіи*, *назначеніи о существѣ разныхъ образовъ правленія*, отъ *высканій особенныхъ*, относящихся какъ въ частности къ тому или другому образу правленія, такъ вообще и къ той или другой вѣтви законодательства.

1. Общія изслѣдованія о Государствѣ.

a) О *необходимости Государства для осуществленія идеи правды*.

§ 205.

Правда для Платона выше всего на свѣтѣ: безъ нея всѣ блага жизни ничего не стоятъ ⁽²⁾; она есть

⁽¹⁾ De rep. IV, p. 435; Politic. p. 309. — ⁽²⁾ De rep. IX, p. 591.

благо сам² въ себѣ, благо единственное, высочайшее⁽¹⁾. Но чтобъ идея правды могла осуществиться въ душахъ, для сего, по учению Платона, при те- перешнемъ состояніи рода человѣческаго необходимо государство. Эта необходимость открывается: 1) въ томъ, что никто или почти никто изъ людей не рождается съ такою совершенною природою, въ слѣдствіе которой бы человѣкъ самъ собою, безъ указанія закона, сначала позналъ добро, и потому не увлекался силою страстей, безъ внешнихъ побужденій всегда былъ готовъ исполнять требованія добродѣтели. Люди, если не станутъ жить подъ владычествомъ законовъ, нисколько не будутъ отличаться отъ самыхъ лютыхъ звѣрей⁽²⁾. Особенно важно значеніе государства 2) по отношенію къ первымъ начаткамъ всякой добродѣтели. Она зависитъ отъ двухъ условій: отъ добрыхъ свойствъ природныя и отъ добраго воспитанія. Прежде всего надобно имѣть природныя качества, нужныя для добродѣтели; потомъ требуется, чтобъ они были надлежащимъ образомъ возращены, воздѣланы посредствомъ воспитанія. Какъ доброе воспитаніе, такъ и установленія, по дѣйствию которыхъ путемъ естественнаго рожденія добрыхъ природныхъ качества сохраняются, умножаются въ человѣческихъ поколѣніяхъ, могутъ существовать только въ благоустроенномъ государствѣ⁽³⁾. Въ немъ даже и тотъ, у кого высшія силы души не достигли до надлежащаго совершенства, покоряясь власти превосходнѣйшей, самъ поступаетъ подъ владычество того же начала, подъ какою сія власть находится⁽⁴⁾. 3) Какъ въ государствѣ каждый при общемъ содѣйствіи другихъ можетъ раскрыть въ себѣ свои особенныя добродѣтели, такъ лучшимъ образомъ, такъ цѣлое государство въ состояніи изобразить на землѣ идею правды, видъ гораздо болѣе полный, болѣе ясный и совершенный, въ размѣрѣ гораздо болѣе обширномъ.

(1) П. II, p. 366—367; IX, p. 576—592. — (2) De leg. IX, 875. — (3) De rep. VIII, p. 546; IV, p. 423; VI, p. 491—492. (Ср. Шлейерм. Введение къ Platons Staat. S. 67—68). Pol. p. 308—311. — (4) De rep. IX, p. 590.

въ въ какомъ это возможно сдѣлать каждой душѣ разумно⁽¹⁾.

б) О цѣли Государства.

§ 206.

Государство не есть только необходимое условіе для существованія правды между людьми; самою целью его, по учению Платона, есть не другое что, какъ правда⁽²⁾. Въ правдѣ сосредоточиваются все другія добродѣтели: мудрость, мужество, умеренность, и мудрость занимаетъ между ними высшее мѣсто. По- тому Платонъ думаетъ, что государство должно стремиться не къ одной какой либо добродѣтели, а ко всемъ вообще, и преимущественно къ мудрости; а добродѣтелями — благами Божественными, сами собою послѣдуютъ и блага человѣческія: здоровье, богатство, сила, богатство, сопровождаемое благоразуміемъ. Государство въполнѣ добродѣтельное, правое, будетъ такимъ образомъ, по учению Платона, исполнѣнъ блаженнымъ, счастливымъ⁽³⁾.

в) О происхожденіи Государства.

§ 207.

Относительно происхожденія государства возможно два вопроса: во-первыхъ, какая внутренняя причина всегда побуждаетъ людей или соединяться въ государства, или пребывать въ нихъ? Во-вторыхъ: въ какомъ историческомъ порядкѣ, т. е. когда и какъ возникли и постепенно образовались государства?

§ 208.

Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ сочиненіяхъ Платона можно было бы заключить, что внутренняя причина

(1) De rep. II, p. 368; IV, p. 434; Polit. p. 311. — (2) Gorg. p. 464; 515; De leg. IV, p. 707; VI, p. 770—771; XII, p. 962. sequ. — (3) Politic. p. 309—311; de leg. I, p. 631; de rep. IX, p. 576.

на, производящая государства, по мнѣнію его, стоитъ въ физическихъ потребностяхъ людей. Такъ напр. онъ говоритъ: «государство образуется по той причинѣ, что никто изъ насъ не находитъ всего для себя нужнаго въ себѣ одному; каждый, имѣя разныя потребности, нуждается въ помощи другихъ; итакъ люди собираются жить въ одно мѣсто, чтобы получать взаимно другъ отъ друга пособіе.» Изъ числа сихъ потребностей Платонъ приводитъ потомъ одні физическія нижшія, какъ то: пищу, одежду, жилище (1); далѣе онъ упоминаетъ еще о потребности обороны отъ враговъ (2). Но такое объ ученіи Платона заключеніе было бы совершенно несправедливо. Приведенныя слова значатъ только то, что стремленіе удовлетворить физическимъ потребностямъ было для людей первымъ по времени побужденіемъ къ общежитію. Если цѣль государства простирается по ученію Платона, гораздо далѣе удовлетворенія физическихъ потребностей (3); то и причины, производящей государство, онъ долженъ былъ искать глубже. Дѣйствительно, онъ самъ въ одномъ мѣстѣ утверждаетъ, что разные образы правленія, разные виды государствъ (*politeiai*) возникаютъ не изъ камней или деревьевъ, но изъ нравовъ людей, живущихъ въ государствахъ (4). Такимъ образомъ, по мнѣнію Платона, если существуетъ общество, основанное на правдѣ, то единственно потому, что есть души, которыя хотятъ правды; люди хотятъ быть и правды, и блага; и потому они собираются въ государства для того, чтобы найти здѣсь не только нижшее удовлетвореніе, но и высшее самодовольство по отношенію къ вѣчнымъ потребностямъ своего духа; правда, будучи цѣлю государства, существуетъ въ то же время и причина, его производящая (5).

§ 209.

Чтобы опредѣлить время, когда дѣйствительно начались государства, Платонъ обращается къ баснѣ

(1) De rep. II, p. 369. — (2) Ib. p. 373 — 374; De leg. III, p. 680 — 681. — (3) См. выше § 206; особенно ср. De rep. IX, p. 591. — (4) De rep. VIII, p. 544; cf. IV, p. 435. — (5) Cf. De leg. IV, p. 424.

о золотомъ вѣкѣ Сатурна. «Въ сін времена еще не было государствъ; Самъ верховный Богъ вмѣстѣ съ низшими богами былъ пастыремъ людей; люди не имѣли еще ни женъ, ни дѣтей, рождались изъ земли; сама собою земля произращала для нихъ плоды, оставляла имъ покойное ложе; между ними не было ни войны, ни возмущеній; они вели жизнь самую блаженную, посвящали всѣ дни свои мудрости, были добры» (1). Псвѣтствованіе о временахъ Сатурна Платонъ и самъ называетъ баснею; въ устахъ философа она, вѣрно, значить тоже, что и ученіе о небесной жизни душъ, какая предшествуетъ настоящей, земной.

Платонъ указываетъ далѣе на другое состояніе общества, гдѣ люди уже рождаются другъ отъ друга, питаются не одними естественными произведеніями земли, живутъ въ обществахъ, впрочемъ находятся еще подъ непосредственнымъ управленіемъ боговъ, наслаждаясь совершеннѣйшимъ политическимъ устройствомъ (2). Не хотѣлъ ли философъ указать здѣсь на правленіе мужей, подобныхъ богамъ, въ своей мудрости?

Какъ бы то ни было, вѣкъ Сатурновъ для насъ вышелъ среди переворотовъ, какіе постигали весь міръ неоднократно. «Въ нашемъ вѣкѣ,» говоритъ Платонъ «при настоящемъ порядкѣ природы, всѣ вещи въ слѣдствіе непреложнаго Божественнаго вѣданія должны рождаться, возрастать сами чрезъ себя; почему и людямъ нужно уже самимъ о себѣ заботиться и попеченіе» (3). Здѣсь-то скрывается, по мнѣнію Платона, первое основаніе государствъ. Въ постепенномъ ихъ образованіи онъ различаетъ три періода.

Представимъ себѣ, — такъ излагаетъ философъ сін періодъ, — представимъ себѣ одно изъ тѣхъ произше-

(1) Politic. p. 269 — 274; cf. De leg. IV, p. 713; Critic. p. 109. — (2) Critic. p. 109. — (3) Politic. p. 274.

ствій, отъ которыхъ родъ человѣческій не одинъ разъ былъ истребляемъ, такъ что послѣ того оставалось самое небольшое число людей. Представимъ, напри- мѣръ, что всѣ были истреблены потопомъ, кромѣ немногихъ пастуховъ, которые спаслись на вершинахъ горъ. Вмѣстѣ съ симъ исчезли и всѣ полезныя открытія въ искусствахъ; о государствахъ, устройствѣ ихъ, законодательствахъ не осталось и памяти. Пастухи, сохранившіеся отъ общей гибели, и сами, но, не были далеки ни въ добрѣ, ни во злѣ. Имъ не надлежало выдумывать, изобрѣтать вновь. О войнѣ было не слышно между людьми: по своей малочисленности, они питали въ душахъ своихъ любовь и расположеніе другъ къ другу; сверхъ того имъ не надобно было и сражаться за пищу, такъ какъ пастбища находились въ избыткѣ. Не имѣя недостатка въ необходимыхъ вещахъ, они были не слишкомъ бѣдны, но, безъ серебра и золота, и не богаты. Гдѣ нѣтъ ни богатства, ни бѣдности, тамъ процвѣтаетъ добрая нравственность. Будучи простосердечны, они искренно вѣрили тому, что имъ было говорено о добрѣ и злѣ, о богатѣ и людяхъ. Словомъ, они были добродушны, мужественны, умеренны, вообще праведны, какъ люди, жившихъ до потопа нынѣ живущихъ. Итакъ нужды въ законодательствѣ еще не было. Держась своихъ обычаевъ и такъ называемыхъ отеческихъ законовъ, люди состояли подъ управленіемъ родовымъ (*филотей*): они жили отдѣльными селеніями и родами, въ которыхъ начальствовалъ старѣйшій, и власть переходила отъ отца и матери къ дѣтямъ.

Послѣ сего, составляя многочислѣннѣйшія общины, но еще не покидая ската горъ изъ опасенія потопа, люди начали сходиться въ одно мѣсто въ большихъ количествахъ, занимаясь земледѣліемъ, воздѣлывая сначала только мѣста у подошвы горъ, строить ограды для безопасности отъ дикихъ звѣрей и такимъ образомъ создавать для себя общія огромныя обиталища. Какъ сѣнъ большія селенія выросли изъ меньшихъ

первыхъ, то каждое меньшее общество вступало въ общину подъ начальствомъ своего старшины со своими собственными обычаями и законами. По каждому бо- лѣе нравятся свои законы, нежели чужіе. Итакъ теперь-то началось законодательство: люди, соединяясь такимъ образомъ въ одно мѣсто, по необходимости должны были избрать изъ среды своей мудрейшихъ-законодателей, которые бы, разсмотрѣвъ у всѣхъ пришельцевъ законы, наилучшее изъ нихъ предложили на выборъ вождямъ народовъ. Вмѣсто правленія родового явилось теперь Царское, или Аристократическое.

Наконецъ люди спустились съ горъ на равнины и основали здѣсь города: и вотъ третій образъ жизни, среди коего возникаютъ всѣ прочіе виды правленій и государствъ ⁽¹⁾!

Въ такомъ порядкѣ, по мнѣнію Платона, происходятъ и образуются государства! Сначала — жизнь пастушеская, потомъ — земледѣліе, наконецъ — искусства, ремесла, торговля; сначала — правленіе отеческое и родовое, потомъ — болѣе сложныя общины подъ правленіемъ Царскимъ, или Аристократическимъ, наконецъ — всѣ другіе образы правленій.

2) *Понятіе Государства.*

§ 210.

Послѣ всего сказаннаго, государство, по понятію Платона, есть общество людей добродѣтельныхъ, соединенныхъ между собою дружбою и единодушіемъ въ одинъ тѣсный союзъ для жизни добродѣтельной, — общество, которое само въ себѣ имѣетъ все нужное для этой цѣли ⁽²⁾.

⁽¹⁾ De leg. III, p. 676 — 682. — ⁽²⁾ Polit. p. 311.

Какъ единое для Платона есть характеръ всеобщаго совершеннаго, добраго, такъ и въ понятіи государства самое главное для Платона есть понятие единого: государство по самому существу своему есть единое, а не многое; то государство, въ которомъ находится разныя партіи, гдѣ нѣтъ единодушія, любви между гражданами, есть уже, собственно говоря, не одно государство, а послѣ одно имя, состоящее изъ нѣсколькихъ государствъ⁽¹⁾. Посему Платонъ требуетъ, чтобъ законы имѣли въ виду благо не одного человѣка или нѣсколькихъ лицъ, но всего государства; тѣ законы, которые даны не для блага всего государства, онъ почитаетъ не истинными законами; тѣ государства, въ коихъ смотрятъ на выгоду только нѣкоторыхъ лицъ, онъ называетъ только скопищами людей (*συνωρίται*)⁽²⁾. Равнымъ образомъ въ понятіи единого онъ видитъ и мѣру для величины государства: «начальники должны увеличивать государство только дотолѣ, пока оно, возрастая, остается еще единымъ, — не далѣе; они должны всеми силами стараться о томъ, чтобъ государство было достаточнымъ (*ἱκανή*) и единымъ»⁽³⁾.

д) О существѣ разныхъ образовъ правленія.

§ 211.

Какъ Божественный умъ господствуетъ въ цѣломъ мірѣ и въ каждой отдѣльной душѣ, такъ ему же, по ученію Платона, принадлежитъ верховное владычество и въ государствахъ. Но владычество ума въ государствахъ можетъ быть или непосредственное, или посредственное. Первое было бы тогда, когда бы въ государствѣ начальствовали по собственному усмотрѣнію и не стѣнялись законами лица, служащія живымъ и полнымъ органомъ ума, лица совершеннѣйшія по мудрости, знающія вполнѣ на-

у правленія. Второе происходитъ посредствомъ законовъ, которые суть не что иное, какъ изреченіе ума, имѣющія служить общими правилами поведенія для членовъ государства, выраженные устами мудрыхъ и дознанныхъ въ ихъ добротѣ по долговерному опыту. Итакъ люди въ государствѣ могутъ управляться или умомъ непосредственно, или посредствомъ законовъ. Тотъ и другой способъ управленія поводится на одномъ неизмѣнномъ началѣ: на правдѣ. Но умъ можетъ обнимать всѣ подробности частныхъ и общественныхъ нуждъ, можетъ всегда успѣвать приспособляться къ особеннымъ обстоятельствамъ времени и мѣста; напротивъ законъ, самъ по себѣ души общими, не имѣетъ подобной гибкости. Отсюда, по мнѣнію Платона, совершеннѣйшее государство было бы то, въ которомъ владычествуетъ умъ непосредственно. Но какъ при настоящемъ порядкѣ дѣлъ человеческихъ это совершеннѣйшее состояніе невозможно: то Платонъ хотя и отдаетъ ему мысленное преимущество, однако для дѣйствительнаго состоянія да человеческого находить приличнымъ только явленіе подъ законами⁽¹⁾. Сему правленію онъ противопоставляетъ правленіе безъ законовъ и потому отдѣляетъ всѣ дѣйствительныя образы правленій на двѣ главные рода: правленіе подъ законами и правленіе безъ законовъ. Въ первомъ родѣ, смотря по тому, принадлежитъ ли власть одному лицу, или многимъ, или многимъ, онъ различаетъ три вида: правленіе Царское (*βασιλεία*), Аристократію и Демократію; во второмъ также три вида: Тиранию, Олигархію и Охлократію. Изъ сихъ шести видовъ правленія Платонъ считаетъ только три первые вида правильными и съ правдою совмѣстными, а между ними отдѣляетъ преимущество правленію Царскому⁽²⁾. Есть же, по словамъ Платона, правленіе, въ которомъ есть Царская, Аристократія и Демократія соединены въ одно согласное цѣлое. Такое правленіе онъ

⁽¹⁾ De rep. IV, p. 423; cf. Politic. p. 283 — 284. — ⁽²⁾ De leg. IV, p. 715. — ⁽³⁾ De rep. IV, p. 423.

Politic. p. 291 — 297; cf. de leg. I, p. 644, 645; IV, p. 713 — 714; Min. p. 313 — 318. — ⁽²⁾ Politic. p. 302 — 303; de leg. IV, p. 714; cf. p. 709 — 712.

находить въ Спартѣ и государствахъ Крита и носить его также къ числу правильныхъ (1).

§ 212.

Кромѣ предложеннаго встрѣчается у Платона еще другое раздѣленіе государствъ и правленій, равное, равно существенное. По отношенію къ совершенному совершенству каждой души, взятой въ разрознь, Платонъ находитъ возможными только следующие пять состояній: 1) то состояніе, когда душѣ господствуетъ правда всецѣло, со всеми ея добродѣтелями, между которыми мудрость занимаетъ высшее мѣсто; 2) когда въ душѣ властвуетъ мужество и умѣренность, но безъ мудрости; 3) когда господствуетъ одна умѣренность, безъ мудрости и мужества; 4) когда ни одна изъ этихъ добродѣтелей не имѣетъ мѣста, когда соединены между силами душевными совершенно разторжены и каждая изъ нихъ стремится къ своей отдѣльности; 5) наконецъ, когда вся душа поработана владычеству одной какой нибудь страсти (2). То самое различіе Платонъ видитъ въ образахъ правленія и по сему принимаетъ пять видовъ государственнаго устройства. Первый видъ есть тотъ, когда мудрость начальствуетъ въ государствѣ и правда со всеми ея добродѣтелями является вполне осуществленною; второй, Тимократія, — тотъ, когда государствѣ преобладаетъ мужество съ воинскимъ духомъ и честолюбіемъ и умѣренность, но безъ мудрости; третій, Олигархія, — когда остается одна только умѣренность съ любовью къ богатству, безъ мудрости и мужества; четвертый, Демократія, — когда все добродѣтели изглажены и неправда господствуетъ повсюду, но будучи еще раздроблена разными лицами; наконецъ пятый, Тираннія, — когда неправда вся вполне представляется сосредото-

ченно въ одномъ лицѣ — въ Тираннѣ. Первый видъ государства есть самый лучший, совершеннѣйшій; второй и третій имѣютъ только некоторую часть достоинства; четвертый и пятый не имѣютъ совсѣмъ никакого достоинства (1).

Порядокъ ступеней, какія по внутреннему ихъ достоинству занимаютъ означенные образы правленія, выражаетъ, по ученію Платона, вмѣстѣ и порядокъ, въ какомъ измѣняются государства. По указанію исторіи Греческихъ Государствъ Платонъ дѣйствительно старался описать, какъ государство, самымъ лучшимъ образомъ устроенное, мало по-малу становится хуже и хуже, доколе наконецъ мѣсто правды въ немъ не будетъ занято вполне неправдою. Такимъ образомъ онъ начерталъ для насъ какъ бы философію исторіи — исторію вѣчнаго, по его мнѣнію, порядка, въ какомъ разные виды государствъ слѣдуютъ другъ за другомъ, выходя одинъ изъ другаго. Здѣсь, какъ и вездѣ, для Платона оставалось только непонятнымъ, какимъ образомъ изъ совершеннаго можетъ произойти что либо несовершенное. По допустивъ безусловную необходимость этого, онъ уже легко могъ объяснить себѣ, какъ начавшееся портиться потомъ портится еще болѣе и болѣе, доколе не испортится совершенно. Различные виды государственнаго устройства слѣдуютъ, по его мнѣнію, въ непрерывномъ круговращеніи другъ за другомъ, начиная съ совершеннѣйшихъ до самаго лучшаго вида государственнаго устройства образуется Тимократія, отсюда Олигархія, изъ Олигархій — Демократія, наконецъ — Тираннія (2). Последняя при благоприятныхъ обстоятельствахъ превращается въ наилучшій образъ правленія, и вѣчное круговращеніе начинается снова (3).

(1) De leg. IV, p. 712 — 713; cf. p. 692. sqq. — (2) De rep. p. 548 — 549; 553 — 555; 558 — 561; IX, p. 571 — 576.

(1) De rep. VIII, p. 546 — 548; 549 — 553; 555 — 558; 562 — 569. — (2) См. также вѣста. Ср. Aristot. Polit. V, 10; Polyb. hist. VI, 5 — 9. — (3) Arist. Polit. V, 10. § 3. — Ср. Plat. de leg. IV, p. 709 — 712; de rep. V, p. 473; Schleiermacher in Platons Staat. Anmerk. zur S. 407. Z. 20.

Приступая къ подробному изложенію ученія Платона о разныхъ образахъ правленія и вѣтвяхъ законодательства, мы должны предварительно рассмотреть одинъ вопросъ. Ученіе Платона о сихъ предметахъ содержится въ двухъ сочиненіяхъ: *О государствѣ* и *О законахъ*. Но между тѣмъ и другимъ чиненіемъ находится рѣзкая противоположность: въ первомъ государство изображается подъ властію мудрыхъ мужей, управляющихъ независимо отъ законовъ; напротивъ во второмъ существованіе его принадлежитъ суть именно законамъ. Въ первомъ описаніе имуществъ, общеніе женъ и дѣтей, совершенная для обоихъ половъ одинаковость воспитанія, участія въ дѣлахъ государственныхъ, суть главныя установленія; во второмъ они не признаются существующими⁽¹⁾. Какъ согласить такіа противорѣчія?

Для рѣшенія сего вопроса были составлены разные предположенія. Одни⁽²⁾ думали, что Платонъ

(1) Асть (Platon's Leben und Schriften. Leipzig. 1816. S. 386) указываетъ еще на слѣдующія противорѣчія: 1) время брачной жизни ограничивается въ сочиненіи о государствѣ V, p. 40 для мужскаго пола возрастомъ отъ 30 (собственно отъ 20 до 55 лѣтъ, для женскаго отъ 20 до 40; въ законахъ напротивъ IV, p. 721; VI, p. 785 для мужскаго пола возрастомъ отъ 30 до 35, для женскаго отъ 16 до 20. По въ законахъ говорится только о лѣтахъ, когда лица того и другаго пола могутъ должны вступить въ союзъ супружескій. Если въ семь отношеній начальные предѣлы въ обоихъ сочиненіяхъ опредѣлены несколько различно, то подобное разногласіе ни мало не удивительно по отношенію къ такому предмету, который, переходя въ кругъ количественнаго, по самой природѣ своей не позволяетъ сдѣлать болѣе точнаго опредѣленія. 2) Въ законахъ не говорится о вѣнахъ, какъ объ особенномъ состояніи, между тѣмъ какъ въ сочиненіи о государствѣ разсуждаетъ объ нихъ съ такою подробностію. Но всѣ граждане государства, описываемаго въ законахъ, суть не что иное, какъ воины. 3) То и другое сочиненіе говоритъ неодинаковымъ образомъ о Тиранинѣ. Но въ какомъ отношеніи? См. De rep. VI, p. 502; cf. De leg. IV, p. 709—712. — (2) Между прочими и Лерминье въ Philosophie du droit. Bruxelles. 1832. p. 206. Мы не упоминаемъ о томъ предположеніи, будто законы несправедливо приписываются Платону, ибо ихъ подлинность — судя уже по тому, что выше (§ 189. на стр. 184 и 185) было сказано, — не подлежитъ сомнѣнію.

въ теченіи времени перемѣнилъ свои мысли. Другіе⁽¹⁾ утверждали, что между тѣмъ какъ въ первомъ сочиненіи изображается только существо наилучшаго образа правленія (*политεία*), во второмъ со всею подробностію начертываются самые законы (*νόμοι*) государства, состоящаго подъ наилучшимъ образомъ правленія. Иные⁽²⁾ предполагали, что въ первомъ сочиненіи Платонъ представляетъ намъ идеальное государство, или изслѣдываетъ вопросъ, какой образъ правленія есть безусловно лучший, напротивъ во второмъ онъ старается примѣнить сей идеаль къ исторически-даннымъ обстоятельствамъ, и слѣдовательно изображаетъ только то, что можетъ быть осуществлено изъ сего идеала.

Противъ перваго предположенія можно указать множество мѣстъ изъ разговоровъ о законахъ, гдѣ полнѣе одобряются мысли, изложенныя въ сочиненіи о государствѣ⁽³⁾. Нельзя также принять и втораго предположенія, потому что для совершеннѣйшаго государства Платонъ, при личной мудрости правителей, подробные законы совсѣмъ считать ненужными⁽⁴⁾. Итакъ остается принять только третье предположеніе. Основательность его доказывается собственными словами Платона. Платонъ самъ признается, что въ разговорахъ о государствѣ онъ начертывалъ только образецъ (*παράδειγμα*), идеаль государства, не заботясь о томъ, можетъ ли оно точно въ семь видѣ существовать на самомъ дѣлѣ, или нѣтъ⁽⁵⁾. Платонъ самъ также на-

тону, ибо ихъ подлинность — судя уже по тому, что выше (§ 189. на стр. 184 и 185) было сказано, — не подлежитъ сомнѣнію.

(1) Частию Аристотель Aristot. Polit. II, 3 § 2; и Цицеронъ Cic. de leg. I, 5. — (2) Частию уже Аристотель I. с. — (3) См. особенно De leg. V, 739—740; p. 746; VII, p. 804. sqq. p. 814. sqq. IX, p. 875. — (4) De rep. IV, p. 425; p. 427. Но отсюда несправедливо было бы заключать съ Астомъ (а. а. О. S. 384—386.), что мысль о подробнѣйшемъ законодательствѣ вообще не согласна съ духомъ философіи Платоновой; напротивъ законы имѣютъ здѣсь свое необходимое мѣсто, будучи однимъ изъ способовъ управленія людей въ обществѣ (см. выше § 211). — (5) De rep. V, p. 472—473; cf. IV, p. 423.

зываетъ другое свое государство, описываемое в разговорахъ о законахъ, твореніемъ наиболее близкимъ къ безсмертному образцу⁽¹⁾; для построения новаго своего зданія онъ собираетъ въ одно мѣсто все, что ни представлялось наилучшаго въ законахъ Греческихъ, и особенно Спарты и Крита⁽²⁾, и направляется къ дѣйствительности, повсюду стремясь дать ей отъ себя направленіе идеальное.

2. Изображеніе разныхъ видовъ государственнаго устройства въ частности.

а) *Идеаль Государства*—по смыслу разговоровъ о Государствѣ.

§ 214.

По отношенію къ идеальному государству принадлежатъ нашему разсмотрѣнію: 1) *качество* и *количество* людей въ государствѣ; 2) *состояніи* въ немъ вообще; 3) *образъ правленія*; 4) *общія установленія* въ высшихъ состояніяхъ государства; 5) *средства* для того, чтобы сдѣлать и сохранить государство *сообразнымъ идее правды*; 6) *отношеніе* идеальнаго государства къ другимъ государствамъ и народамъ.

а) *Качество и количество людей въ государствѣ*

§ 215.

Прежде всего надобно замѣтить, что Платонъ начертываетъ свой идеаль государства для однихъ только Грековъ. Государство, которое онъ созидаетъ есть государство Греческое⁽³⁾.

Число, самое небольшое по нашимъ понятіямъ, именно тысяча собственно такъ называемыхъ гражд

⁽¹⁾ De leg. V, p. 740. — ⁽²⁾ De leg. III, p. 702; cf. I, p. 636. — ⁽³⁾ De rep. V, p. 470; cf. IV, p. 435—436.

въ глазахъ Платона уже достаточно для того, чтобы составить государство⁽¹⁾. Вообще онъ требуетъ, чтобы государство относительно своего состава и пространства не было ни великимъ, ни малымъ, а всегда имѣло надлежащую величину и сохранялось неизмѣнимымъ⁽²⁾. Дать государству надлежащую величину и сдѣлать его, сколько возможно, болѣе единымъ—это особенно Платонъ имѣетъ въ виду при своихъ постановленіяхъ.

б) *Состояніи въ государствѣ.*

§ 216.

Чтобы государство само въ себѣ было достаточно и единымъ, въ немъ, по требованію Платона: 1-хъ должны быть лица, которыя бы, обладая знаніемъ идеи добра, сообразно съ нею устроили государство⁽³⁾. Во 2-хъ должны быть лица, которыя бы постановляемое первымъ приводили въ исполненіе и какъ людей, находящихся внутри государства, содержали въ покорности, такъ и отражали враговъ, нападающихъ извнѣ⁽⁴⁾. Въ 3-хъ должны быть лица, которыя бы производили вещи, нужная къ удовлетворенію физическихъ потребностей гражданъ⁽⁵⁾.

Платонъ требуетъ при семъ, далѣе, чтобы каждый въ государствѣ занимался какимъ нибудь однимъ дѣломъ. Причина подобнаго требованія заключается не только въ томъ, что каждый, занимаясь однимъ дѣломъ, можетъ лучше его дѣлать, нежели занимаясь многими⁽⁶⁾, но еще болѣе въ томъ, что каждый человекъ по самой своей природѣ бываетъ приспособленъ къ одному извѣстному роду дѣла, смотря

⁽¹⁾ Arist. Polit. II, 3. § 2; cf. Plato Politic. p. 292—293. Въ томъ и другомъ мѣстѣ разумѣются только лица, принадлежащія къ высшимъ сословіямъ, извѣстнымъ въ сочиненіи о государствѣ подъ общимъ именемъ стражей. — ⁽²⁾ De rep. IV, p. 423. — ⁽³⁾ Ib. p. 517. — ⁽⁴⁾ Ib. III, p. 415. — ⁽⁵⁾ Ib. II, p. 369—371. — ⁽⁶⁾ De rep. II, p. 370.

по тому, преобладает ли въ душѣ его сила ума или сила сердца, или сила пожеланій ⁽¹⁾.

Такимъ образомъ, согласно тремъ родамъ дѣлъ жизни государственной, для Платона сами собою разуются три состоянія людей въ государствѣ, уже по самой своей природѣ каждое лице принадлежитъ къ тому или другому состоянию. Это су- *правительственное* состояние, *воинское* и *промышленное* ⁽²⁾.

Каждое состояніе, занимаясь однимъ родомъ дѣлъ, соответствующимъ одной изъ силъ душевныхъ, тоже время осуществляетъ собою въ глазахъ Платона и одну добродѣтель. Итакъ въ государствѣ находятся всѣ добродѣтели: мудрость — состояніе правительственное ⁽³⁾, мужество — состояніе воинское ⁽⁴⁾, умеренность — состояніе промышленное. Но какъ изъ соединенія сихъ добродѣтелей составляетъ правда, то государство, гдѣ каждый исполняетъ свое дѣло и не вмѣшивается въ дѣло другихъ, изображаетъ въ себѣ полное понятіе правды.

Вообще всѣ состоянія Платонъ признаетъ насущными, сообразно тому физическому порядку, отъ золота происходитъ золото, отъ серебра серебро и т. д. Въ случаѣ изъятій отъ общаго правила, онъ почитаетъ долгомъ правительства — каждому чело-

(1) De ger. III, p. 415; IV, p. 423. Cf. De leg. I, p. 636. — (2) Состояніе — *uteros* (De ger. IV, p. 427); *erros* (ib. p. 420); *erros* (De ger. VII, p. 546). — Состояніе правительственное — *gerros* (De ger. III, 414). — Состояніе воинское — *stratigeros* (De ger. III, p. 414). — Состояніе промышленное *epistatros*, *gerros* (De ger. III, p. 415). — (3) De ger. IV, p. 423. — (4) Ib. p. 423. — (5) Ib. p. 430—432. Умеренность въ государствѣ, по опредѣленію Платона, есть такое совершенство, по которому желаніе и умъ немногихъ благороднѣйшихъ владычествуютъ надъ желаніями многочисленнаго нижняго класса, такъ управляющіе и управляемые согласны между собою въ томъ, кто изъ нихъ долженъ повиноваться, кто повиноваться. Хотя сему умеренность есть добродѣтель, общая всѣмъ тремъ состояніямъ, однако она получаетъ свое особенное бытіе только отношеніемъ къ нижшему состоянию. — (6) Ib. p. 432—435.

ву указать то состояніе, къ которому кто либо принадлежитъ по своей внутренней природѣ ⁽¹⁾.

§ 217.

Опредѣляя взаимное отношеніе состояній, Платонъ хочетъ, чтобъ всѣ въ государствѣ были едино, чтобъ всѣ смотрѣли другъ на друга, какъ на братьевъ ⁽²⁾. Онъ твердо держится той мысли, что начальствующие управляютъ не для собственной выгоды, для общаго блага, для блага подчиненныхъ ⁽³⁾. На глзъ первыхъ сословій по отношенію къ последнему называются у него не иначе, какъ стражами, оберегателями (*Філакс*), и сравниваются съ пастухами, охраняющими стадо ⁽⁴⁾.

Сей тѣсный союзъ, сіе дружественное отношеніе этихъ состояній не устанавливаетъ однако же между ними равенства. Въ занятіи дѣлами, служащими къ удовлетворенію физическихъ потребностей жизни, Платонъ видитъ нечто подлое, презрѣнное, рабское. Тому и состояніе, занимающееся сими дѣлами, собственно говоря, есть только совокупность рабовъ, принадлежащихъ цѣлому государству, или лучше, однимъ высшимъ состояніемъ въ цѣлости, какъ несомышленнымъ гражданамъ. Оберегаемое своими стражами, оно ведетъ жизнь мирную, умеренную, прилежно бьется для себя и для стражей и въ веселіи сердечно хвалитъ своихъ боговъ ⁽⁵⁾. Предоставляя самимъ управителямъ государства опредѣлять всю область промышленности ⁽⁶⁾, Платонъ съ своей стороны по-

De ger. III, p. 415. Cf. Menex. p. 237; Cratyl. p. 394. — (2) De ger. IV, p. 423; III, p. 415. — (3) De ger. I, p. 346. sq. VI, p. 489. — (4) De ger. II, p. 375—376; III, p. 415. — Имя стражей (*Філакс*) Платонъ желалъ бы дать преимущественно лицамъ правительствующимъ, а воиновъ — называть только помощниками первыхъ. IV, p. 414. — Впрочемъ обыкновенно то и другое состояніе онъ называетъ общимъ именемъ стражей. Сей-то послѣдній обширный смыслъ разумеется всѣхъ въ настоящемъ сочиненіи, если гдѣ говорится о стражахъ. — (5) De ger. II, 572. — (6) De ger. IV, p. 425.

вѣдѣвать только стражамъ особенно смотрѣть въ тѣмъ, чтобъ не вкрались въ государство ни богатство, ни бѣдность ⁽¹⁾, и обращать все свое вниманіе на оба высшія состоянія.

γ) Образъ правленія.

§ 218.

Единство государства наиболѣе выражается въ словѣ *правительственномъ*. Это сословіе образуютъ философы, т. е. люди, знающіе единую цѣль жизни — идею добра ⁽²⁾. Властительство философовъ принимаемое Платономъ для своего государства всегда казалось установленіемъ удивительнымъ, и рѣдко страннымъ и нелѣпымъ. Но кто разумѣетъ здѣсь подъ именемъ философовъ? Это — люди, въ которыхъ соединяются въ высшей степени въ чело-вѣческія совершенства: люди, сердечно любящіе и съ неутомимостію собирающіе всѣ познанія, предметъ которыхъ есть истинно существующее; люди умѣренные, которые пренебрегаютъ чувственными удовольствіями и стяжаніями; люди мужественныя, благородныя, которые повсюду ищутъ цѣлаго, полнаго, которые, обнимая мыслію все пространство времени и все сущее, не могутъ взирать на жизнь, какъ на нѣчто великое, и следовательно на смерть, какъ на нѣчто страшное; словомъ, люди, исполнѣнные преданнѣе правды ⁽³⁾. Лица съ такими совершенствами, надлежащимъ образомъ воспитанные и пріобрѣвшіе всю нужную опытность для управленія государствомъ, — такіа лица называются у Платона философами, и они-то по достиженіи 50 лѣтъ возраста вступаютъ въ управленіе его государствомъ ⁽⁴⁾.

⁽¹⁾ De rep. IV, p. 421—422. — ⁽²⁾ De rep. V, p. 472—473. ⁽³⁾ De rep. VI, p. 485—487; VII, p. 535—536. — ⁽⁴⁾ De rep. VII, p. 536—541.

Какъ подобныхъ людей бываетъ всегда немного, то управленіе въ государствѣ Платоновомъ есть Царское, или по крайней мѣрѣ Аристократическое ⁽¹⁾.

Въ слѣдствіе общаго постановленія о наслѣдственности состояній, это правленіе есть вообще наслѣдственное ⁽²⁾.

Какъ наконецъ управляющіе обладаютъ здѣсь истиннымъ вѣдѣніемъ, то они въ управленіи своимъ не ограничиваются никакими законами ⁽³⁾.

Вотъ постановленія, касающіяся исключительно состояній правительственнаго! Другой рядъ постановленій, не менѣе существенныхъ для Платонова государства, простирается на все вообще сословіе рабей.

δ) Общіа установленія въ высшихъ государственныхъ состояніяхъ.

§ 219.

Видя въ стражахъ гражданъ въ собственномъ смыслѣ, Платонъ употребляетъ всѣ возможные усилія, чтобъ сдѣлать и сохранить сіе сословіе само въ себя вѣчнымъ.

Уже внутренняя, нравственная красота, выраженная въ тѣлѣ, какою особенно отличаются стражи, должна заставить ихъ любить другъ друга: прекрасное само по себѣ достойно любви ⁽¹⁾.

⁽¹⁾ De rep. IV, p. 445. — ⁽²⁾ De rep. III, p. 415. — ⁽³⁾ De rep. VII, 540; IV, 425. — Само собою разумѣется, что постановленія, которыми опредѣляется существо этого образа правленія (т. е. *политεία* въ противоположность *νόμος*), должны навсегда оставаться ненарушимы (см. напр. De rep. II, p. 283; IV, p. 425; VII, p. 541); такъ какъ только въ слѣдствіе сего правленія (*политεία*) и нужны въ немъ *νόμοι*. ⁽⁴⁾ De rep. III, 403.

Далѣе, въ сословіи стражей, вмѣсто установленія обыкновенно отдѣляющихъ людей другъ отъ друга существуютъ *установленія* совершенно другаго рода.

1. Здѣсь не существуетъ различія между мужскимъ и женскимъ поломъ относительно *исправленія дѣлъ и должностей общественныхъ*: женщины, имѣя въ семъ отношеніи такую же природу, какъ и мужчины, участвуютъ въ защитѣ и управленіи государства наравнѣ съ ними ⁽¹⁾.

2. Здѣсь не существуетъ частной собственности. Вся стража, какъ мужчины, такъ и женщины, живутъ въ однихъ общихъ воинскихъ жилищахъ и получаютъ все для себя пужное въ опредѣленномъ рядкѣ отъ состоянія промышленнаго подѣломъ наемной платы, безъ изліишества и безъ недостатка; все посвящаютъ общіе столы и живутъ такъ, какъ будто бы стояли въ полѣ ⁽²⁾.

3. У стражей *жены и дѣти общія*. Само правительство утрачиваетъ между стражами временные брачные союзы подѣломъ своимъ надзоромъ. Законный возрастъ для брака назначается мужескому полу отъ 25 до 55 лѣтъ, женскому отъ 20 до 40 лѣтъ. Правительство, сочетавая людей сего возраста, старается при томъ, съ помощію даже невинныхъ хитростей соединить лучшихъ съ лучшими и худшихъ съ худшими, и особенно покровительствуетъ въ этомъ случаѣ отличныхъ, храбрыхъ юношей, дабы отъ нихъ родилось, сколько возможно, больше хорошихъ гражданъ. Въ опредѣленіи числа браковъ правительство сообразуется съ обстоятельствами, имѣя въ виду то, чтобъ въ государствѣ всегда сохранялось одно и то же количество гражданъ, безъ приращенія и уменьшенія. Какъ стражъ не имѣетъ у себя жены, соединенной съ нимъ прочными узами; такъ онъ не

⁽¹⁾ De rep. V, p. 456—457; VI, p. 540; cf. de leg. V, p. 78.
⁽²⁾ De rep. III, p. 415—417.

имѣть и дѣтей, которыя бы принадлежали ему исключительно. Родители даже и не знаютъ, кто ихъ дѣти. Каждый называетъ своими дѣтьми всѣхъ родившихся между седьмымъ и десятымъ мѣсяцемъ, считая съ того дня, какъ онъ съдѣлался супругомъ, родившихся отъ сихъ дѣтей — внуками; сии дѣти нарочно называютъ его отцемъ, родившіеся отъ нихъ — дѣдомъ; тѣ и другіе называютъ всѣхъ родившихся въ то время, какъ ихъ отцы и матери были еще плодородны, своими братьями и сестрами ⁽¹⁾.

Такъ сословіе стражей изображаетъ собою одно общее семейство! Каждый называетъ другихъ священными именами родства; каждый долженъ видѣть въ другихъ дѣйствительно своихъ родителей, сыновей, дочерей, братьевъ, сестеръ. Такъ въ сословіи стражей особенное лицо съ его правами ничего не значить! У стражей все общее: одни и тѣ же заботы для мужчинъ и женщинъ, одно у всѣхъ имущество, одиѣ жены и дѣти. Но все это держится добродѣтельно сословія, существуетъ для нее, выражаетъ только ее собою.

ε) Средства для того, чтобъ сдѣлать и сохранить государство добродѣтельнымъ.

§ 220.

Для непрерывнаго сохраненія добродѣтели въ сословіи стражей, или, что все равно, въ государствѣ, два средства находитъ Платонъ безусловно необходимыми: 1) правильный распорядокъ относительно *рожденія дѣтей*, 2) *воспитаніе*. Оба средства, предполагая добродѣтель чѣмъ-то физическимъ, основываются на созерцаніи дѣйствія силъ физическихъ.

Рожденіе. Какъ, по мнѣнію Платона, добрыя природныя качества составляютъ первое условіе добродѣтели, а по общему правилу доброе рождаетъ

⁽¹⁾ De rep. V, p. 458—461.

ся отъ добраго и худое отъ худаго; то прежде всего онъ требуетъ, чтобъ правительство обращало особенное вниманіе на рожденіе дѣтей ⁽¹⁾. Изъ всѣхъ дѣтей, рождающихся въ сословіи стражей, только дѣти отъ браковъ, устроенныхъ правительствомъ между лучшими гражданами, почитаются законными и рожденными предъ лицомъ государства, впроче́мъ за исключеніемъ родившихся уродами ⁽²⁾.

Воспитаніе. Чтobъ быть добродѣтельнымъ, надобно еще, родившись съ добрыми качествами, получить доброе воспитаніе; въ противномъ случаѣ чѣмъ лучше природныя дарованія, тѣмъ будутъ опустошены, получивъ превратное направленіе ⁽³⁾. Платонъ говоритъ: „въ сравненіи съ правилами о воспитаніи все прочее, предписываемое отъ насъ стражамъ, маловажно“ ⁽⁴⁾. Воспитаніе въ Платоновомъ государствѣ для всего сословія стражей есть общее. Младенцы, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола, признаваемые государствомъ, по рожденіи тотчасъ поступаютъ въ общій воспитательный домъ кормилицъ ⁽⁵⁾. Вскормленные такимъ образомъ дѣти сначала получаютъ все одинаковое образованіе. Посредствомъ воспитанія правильное мнѣніе о добромъ и зломъ должно сродниться какъ бы съ самою ихъ природою. Они должны сдѣлаться столько же добродушными, сколько и храбрыми ⁽⁶⁾, быть образованными какъ по душѣ, такъ и по тѣлу. На сей конецъ все они обучаются Музыкѣ и Гимнастикѣ. Оба искусства помогаютъ другъ другу. Назначеніе Музыки есть образовывать душу, назначеніе Гимнастики — между прочимъ образовывать тѣло. Но при тѣлесныхъ упражненіяхъ надобно особенно имѣть въ виду не то, что сдѣлать тѣло крѣпкимъ, а чтobъ возбудить естественное мужество, — и вотъ, по мнѣнію Платона, истинная цѣль Гимнастики! Музыка напротивъ должна воспитать любознательное въ душѣ, и такимъ образомъ сдѣлать ее кроткою, умѣренною, произвеш-

⁽¹⁾ De rep. VIII, p. 546. — ⁽²⁾ De rep. V, p. 459; 461. — ⁽³⁾ De rep. VI, p. 491. — ⁽⁴⁾ De rep. IV, 423. Cf. p. 424. — ⁽⁵⁾ De rep. V, 460. ⁽⁶⁾ Cf. De rep. II, p. 375—376.

ней внутреннюю благонастроенность, возбудить чувство изящнаго. Предающіеся односторонно Гимнастикѣ бывають слишкомъ грубы, предающіеся исключительно Музыкѣ — слишкомъ изнежены ⁽¹⁾. Вокругъ гимнастическихъ и музыкальных упражненій все дѣти обучаются въ то же время Математикѣ, преимущественно какъ наукѣ, могущей служить самымъ лучшимъ приготовленіемъ къ Философіи ⁽²⁾. Отличнѣйшіе изъ нихъ по дарованіямъ, поведенію и успѣхамъ, начиная съ 20 лѣтъ возраста, постепенно вводятся въ кругъ Наукъ Философическихъ, и наконецъ самыя избранныѣйшіе, послѣ 15-ти лѣтъ практическихъ занятій, нужныхъ для пріобрѣтенія опытности въ дѣлахъ государственныхъ, посвящаются въ 50 лѣтъ своего возраста въ высшія Философіи, и, когда придетъ очередь, вступаютъ въ управленіе государствомъ ⁽³⁾. Всѣ предположенные постановленія о воспитаніи простираются какъ на мужчинъ, такъ и на женщинъ, которыя воспитываются совершенно наравнѣ и вмѣстѣ съ первыми ⁽⁴⁾.

§) Отношеніе къ другимъ государствамъ и народамъ.

§ 221.

Мы обозрѣли постановленія, опредѣляющія существо внутреннихъ отношеній идеальнаго государства. Для *внѣшнихъ* отношеній Платонъ также на-

⁽¹⁾ De rep. II, p. 376; III, p. 410 — 412. Особенно см. III, p. 401—402. О музыкѣ подробно говорится II, p. 376—III, p. 402; X, p. 595—608. Подъ именемъ Музыки разумѣется здѣсь не только искусство пѣнія и игры на музыкальных инструментахъ, но и вся вообще Поэзія. Приписывая Музыкѣ чрезвычайное вліяніе на образованіе юныхъ сердецъ, Платонъ естественно требуетъ, чтobъ она исполняла соответствовала цѣли воспитанія, и потому извергаетъ изъ своего государства всѣхъ стихотворцевъ, которые бы или содержаніемъ своихъ твореній, или образомъ изложенія могли повредить доброй нравственности. — О Гимнастикѣ говорится III, p. 403—409. — ⁽²⁾ De rep. VII, p. 521—534. — ⁽³⁾ De rep. VII, p. 536—541. — ⁽⁴⁾ De rep. V, p. 452; 458; VII, p. 541.

чертываетъ нѣкоторыя общія правила. Вся Греція говоритъ онъ, друзья и родные между собою, все они любятъ Греческое, все почитаютъ Грецію своею родною матерью, все имѣютъ общія святилища; сему брань между ними не должна быть называемъ войною, а только внутреннимъ возмущеніемъ; воюя между собою, они всегда должны помнить, что имъ надлежитъ опять примириться, а не вѣчно оставаться во враждѣ. Итакъ имъ неприлично дѣлать другъ друга рабами, опустошать земли другъ у друга, разорять селенія ⁽¹⁾. Словомъ: бытіе правды во взаимныхъ отношеніяхъ Греческихъ государствъ между собою Платонъ признаетъ вполне. Напротивъ Греки и варвары суть, по его словамъ, между собою враги отъ природы и ведутъ дѣйствительную войну ⁽²⁾. Опредѣляя точнѣе отношенія однихъ къ другимъ, онъ, кажется, забываетъ то общее правило, по коему одинъ человекъ вообще не долженъ вредить другому ⁽³⁾: въ войнѣ съ варварами онъ позволяетъ Грекамъ обращать ихъ въ рабство, истреблять у нихъ жилища, опустошать поля ⁽⁴⁾.

§ 222.

Таково идеальное государство Платона! Оно образуетъ изъ всехъ лицъ, входящихъ въ его составъ, какъ бы одно лице, дѣлая всехъ гражданъ какъ бы членами одного человека, проникнутыми одною жизнью, содержитъ въ себѣ все необходимыя условія для существованія правды между людьми и ея величественное ея изображеніе. Это одно государство, по мнѣнію Платона, вполне достойно своего имени. Другія государства должны по возможности уподобляться сему единственному образцу, и только въ той мѣрѣ заслуживаютъ быть называемы государствами, въ какой они приближаются къ нему ⁽⁵⁾.

⁽¹⁾ De rep. V, p. 470—471. — ⁽²⁾ De rep. V, p. 471. — ⁽³⁾ De rep. V, p. 331—336. — ⁽⁴⁾ De rep. V, p. 470—471. — ⁽⁵⁾ De rep. V, p. 472—473; cf. IV, p. 423.

напротивъ чѣмъ болѣе общество удаляется отъ него, тѣмъ менѣе бываетъ въ гражданахъ добродѣтели, тѣмъ болѣе преобладаетъ въ нихъ неправда, и общество, совершенно противоположное истинному государству, есть неправда въ высшей степени ⁽¹⁾.

б) Приложение идеала къ дѣйствительности—по смыслу Разговоровъ о Законахъ.

§ 223.

Приложеніе идеала къ дѣйствительности, именно къ Греческимъ государствамъ, содержится, какъ мы увидѣли ⁽²⁾, въ Разговорахъ о Законахъ. Платонъ предполагаетъ, будто Критіане намѣрены основать колонію ⁽³⁾. Для этой колоніи въ Разговорахъ о Законахъ подробно начертываются правленіе и законы по приору Спартанскихъ и Критскихъ, съ присовокупленіемъ всего, что было лучшаго у другихъ Грековъ, со взоромъ, постоянно устремленнымъ къ идеалу. Какъ по сему содержаніе Разговоровъ о Законахъ составляется изъ идеальнаго и дѣйствительнаго, первое уже изложено въ достаточной полнотѣ, а второе въ настоящемъ мѣстѣ до насъ не касается, мы ограничимся только однимъ легкимъ очеркомъ государства, здѣсь описываемаго.

§ 224.

Законъ въ существѣ своемъ, по мнѣнію Платона, въ выраженіе началъ ума, которыя должны служить общими правилами для государства ⁽⁴⁾. По сей причине, такъ какъ все начала ума образуютъ одну систему, Платонъ хочетъ, чтобы законодатели представляли законы не отрывками, а въ системѣ, восхо-

⁽¹⁾ De rep. VII, p. 546—549; 549—553; 555—558; 562—569. — ⁽²⁾ См. выше § 215. — ⁽³⁾ De leg. III, p. 702. — ⁽⁴⁾ Politic. p. 300; De leg. I, p. 644—645; IV, p. 713—715; IX, p. 875.

дали до высших начал законодательства и продолжались въ непрерывной послѣдовательности отъ одного разряда законовъ къ другому ⁽¹⁾. По сей же причинѣ онъ почитаетъ во всякомъ законѣ необходимыми двѣ части: убѣжденіе и угрозу. разумнымъ существамъ законъ не просто что предписываетъ или запрещаетъ, дѣйствуя какъ насильственнымъ образомъ, а присоединяетъ къ то убѣжденію, показывая причины, для чего поступаетъ то или другое. Тѣмъ, которые бы не слушались убѣжденія, законъ угрожаетъ наказаніемъ ⁽²⁾.

Содержаніе законовъ, по ученію Платона, должно простираться какъ на дѣла общественныя, такъ и на частную жизнь гражданъ: безъ устройства частной жизни не можетъ имѣть твердости и общественный порядокъ ⁽³⁾. Хотя законодатель не можетъ входить во всѣ подробности, во всѣ мелочныя стороны жизни; однако, по мнѣнію Платона, онъ долженъ и для сихъ отношеній дать нужные советы гражданамъ, сообразующійся съ намѣреніемъ законодателя не только въ томъ, что онъ повелѣваетъ, но и въ томъ, что советуетъ, стоитъ гораздо выше того, который исполняетъ одни его повелѣнія ⁽⁴⁾.

Неизмѣнность законовъ есть всегдашняя цѣль, которой стремится Платонъ. Особенно онъ желаетъ обратить ихъ въ самыя нравы народа. Впрочемъ онъ не только не отвергаетъ необходимости усовершенствовать издавныя узаконенія отъ времени до времени и требуетъ, чтобъ для наблюденія всего добра въ другихъ государствахъ постоянно были послы опытные мужи, такъ какъ, по его словамъ, вездѣ есть люди, достойные того, чтобъ искать у нихъ совѣта ⁽⁵⁾.

⁽¹⁾ De leg. I, p. 631. seq.—⁽²⁾ De leg. IV, p. 719—723; IX, p. seq.—Ту часть Закона, въ которой показываются его причины, Платонъ называетъ *предисловіемъ* (*προοίμιον*).—⁽³⁾ De VI, p. 790.—⁽⁴⁾ De leg. VII, p. 808; 822—823.—⁽⁵⁾ De leg. p. 769—772; XII, p. 951—952.—О писанныхъ и неписаныхъ Законахъ см. De leg. VII, p. 763; de rep. VIII p. 563.

Платонъ признаетъ силу вліянія разныхъ обстоятельствъ и случаевъ на ходъ законодательства; но въ время бури⁶, говоритъ онъ, „искусство кормчаго доставляетъ великую услугу“ ⁽¹⁾.

§ 225.

Для заведенія колоній лучшею по мѣстоположенію почитается страна, удаленная отъ моря, которая снабжается всеми произведеніями, нужными для большинства жителей, но безъ излишества. Городъ, обладающій большимъ изобиліемъ въ произведеніяхъ, равно какъ и приморскій, необходимо вдается въ торговлю, которая вскорѣ влечетъ за собою роскошь и порчу нравовъ ⁽²⁾.

Между людьми, желающими поселиться въ городѣ, требуется строгая разборъ, чтобъ отдѣлять добрыхъ отъ худыхъ. Только первые принимаются въ колонію: иначе отъ больныхъ легко могутъ заразиться здоровые ⁽³⁾.

Земли для города требуется столько, чтобъ она могла прокормить известное число гражданъ при обыкновенномъ образѣ ихъ жизни; а *гражданъ* — столько, чтобъ они въ состояніи были отражать нападенія враговъ и подавать помощь сосѣдямъ. Примерно число гражданъ полагается въ 5040; на столько же участка дѣлится и вся земля ⁽⁴⁾.

§ 226.

Граждане раздѣляются на 12 колѣнъ (*Фулаи*), сколько можно, равныхъ по своему богатству и носящихъ имена 12 боговъ Олимпа ⁽⁵⁾. Каждое колѣно какъ въ родѣ занимаетъ особую часть, такъ и внѣ города имеетъ свои жеребьи въ особенныхъ частяхъ земли.

De leg. IV, p. 709.—⁽²⁾ De leg. IV, p. 704—705.—⁽³⁾ De leg. V, p. 735—736.—⁽⁴⁾ De leg. V, p. 737. seqq.—⁽⁵⁾ De leg V, p. 745.—

Какъ у гражданъ есть уже важное занятіе, т. е. будущее большаго ученія и большаго труда, то сохраненіе общаго порядка государственнаго и общественнаго доблести душевной и тѣлесной; то изъ нихъ не можетъ заниматься ни земледѣліемъ, ни ремеслами, ни работами у другихъ гражданъ.

Населеніе государства состоитъ потому еще изъ множества *рабовъ* и *иностранныхъ*. Рабы во-первыхъ отправляютъ всѣ домашнія работы и службы; во-вторыхъ воздѣлываютъ землю для своихъ господъ — гражданъ ⁽³⁾. Иностранцы во-первыхъ занимаются ремеслами; во-вторыхъ ведутъ въ государство всю торговлю вмѣстѣ съ мелочною промышленностію ⁽⁴⁾.

§ 227.

Правленіе государствомъ, образованное вообще духъ аристократическомъ ⁽⁵⁾, сосредоточивается въ рукахъ разныхъ сановниковъ (*архонтъ*) ⁽⁶⁾, совѣта (*беллъ*) и народнаго собранія (*экллѣзія*) ⁽⁸⁾. Степень участія гражданина въ правленіи зависитъ отъ класса къ которому онъ принадлежитъ по своему богатству на сей конецъ опредѣлено 4 класса ⁽⁹⁾.

§ 228.

Средствами для укорененія добродѣтели между гражданами полагаются надзоръ за правильными рожденіемъ дѣтей и воспитаніе. Посему взаимныя отношенія между супругами подлежатъ строгому наблюденію со стороны правительства ⁽¹⁰⁾; на

⁽¹⁾ De leg. VIII, p. 846. seqq. cf. VII, p. 807. — ⁽²⁾ De leg. VI, p. 776. seqq. — ⁽³⁾ De leg. VII, p. 806. Cf. VIII, p. 847—848. — ⁽⁴⁾ De leg. XI, p. 918. seqq. — ⁽⁵⁾ De leg. VI, p. 757—758. cf. A. Polit. II, 3. § 11—12. — ⁽⁶⁾ De leg. VI, p. 753—756, 759—760. — ⁽⁷⁾ De leg. VI, p. 756—758. — ⁽⁸⁾ De leg. VI, p. 764. — ⁽⁹⁾ De leg. VI, p. 754. — ⁽¹⁰⁾ De leg. IV, p. 783—784.

ему возлагается обязанность вступить въ бракъ въ 30 до 35 лѣтъ ⁽¹⁾, женщина должна выйти замужъ отъ 16 до 20 лѣтъ ⁽²⁾. Для воспитанія дѣтей существуютъ также подробныя правила. Дѣти мужескаго пола воспитываются особо отъ дѣвицъ. Первые направляются въ Гимнастикъ и Музыкѣ, и болѣе или менѣе въ Математикѣ ⁽³⁾; вторыя, сверхъ Музыки, занимаются и въ Гимнастикѣ, дабы въ крайности могли также защищать свое отечество ⁽⁴⁾.

§ 229.

Въ исправленіи разнообразныхъ государственныхъ обязанностей ⁽⁵⁾, въ священныя празднествахъ ⁽⁶⁾, въ гимнастическихъ и музыкальных состязаніяхъ ⁽⁷⁾, въ примѣрныхъ воинскихъ походахъ и сраженіяхъ ⁽⁸⁾, — въ этомъ и подобномъ тому протекаетъ вся жизнь гражданъ. Они имѣютъ общіе столы ⁽⁹⁾. Женщины — также, но отдѣльно отъ мужчинъ ⁽¹⁰⁾.

§ 230.

Впрочемъ и частныя права теперь болѣе или менѣе уважаются. Супружескій союзъ, какъ установленіе, посредствомъ коего люди, передавая другъ другу жизнь, какъ свѣтильникъ, совершаютъ таинство въ образѣ вѣчное священнослуженіе Божеству ⁽¹¹⁾, признается во всей его чистотѣ ⁽¹²⁾ и святости ⁽¹³⁾. Частная отеческая сохраняется въ полной ея силѣ ⁽¹⁴⁾. Собственность и права по обязательствамъ опредѣляются законами и защищаются судомъ ⁽¹⁵⁾. Наконецъ устанавливается порядокъ наслѣдованія какъ закону, такъ и по завѣщанію ⁽¹⁶⁾.

⁽¹⁾ De leg. VI, p. 772. — Cf. VI, p. 785. — ⁽²⁾ De leg. VI, p. 785. — Cf. VIII, p. 833. — ⁽³⁾ De leg. VII. — ⁽⁴⁾ De leg. VII, p. 804. Seqq. p. 814. Seqq. — ⁽⁵⁾ De leg. VI. — ⁽⁶⁾ De leg. VIII, p. 828. — ⁽⁷⁾ De leg. VIII, p. 833—835. — ⁽⁸⁾ De leg. VIII, p. 829—832. — ⁽⁹⁾ De leg. VIII, p. 842. — ⁽¹⁰⁾ De leg. VI, p. 780; VII, p. 806. — ⁽¹¹⁾ De leg. IV, p. 721, VI, p. 774; 776. — ⁽¹²⁾ De leg. VIII, p. 841. — ⁽¹³⁾ Ib. VI, p. 784. — ⁽¹⁴⁾ De leg. XI, p. 922 sq. — ⁽¹⁵⁾ Ib. XI, p. 913—922. — ⁽¹⁶⁾ Ib. XI, p. 922 sq.

§ 231.

Пространное Уголовное Законодательство дает нужную прочность всему зданию ⁽¹⁾. Въ опредѣленіи цѣли наказаній Платонъ не слѣдуетъ какому либо одному началу. Онъ упоминаетъ о слѣдующихъ цѣляхъ: 1) угрозою наказанія отвратить человека отъ предпринимаемаго преступленія ⁽²⁾; 2) наказаніемъ исправить преступника ⁽³⁾; 3) при мѣромъ наказываемаго преступника устрашить другихъ и отвратить отъ подобныхъ преступленій ⁽⁴⁾; 4) наказывая злодѣевъ смертію, изгнаніемъ и т. д. избавить отъ нихъ государство ⁽⁵⁾.

§ 232.

Впрочемъ совершенно утвердить свое государство Платонъ надѣется не иначе, какъ устроивъ законоблостительное собраніе ⁽⁶⁾ изъ людей мудрейшихъ и опытнѣйшихъ, которые бы знали существо добродѣтели, знали истинную цѣль государства, знали какимъ образомъ достигать ее, что споспѣшествуетъ что вредить ей; такіе мужи, имѣя своими помощниками младшихъ гражданъ, непрерывно стоящихъ на стражѣ, получали бы отъ нихъ, какъ умъ отъ чувствъ, извѣстія о всемъ происходящемъ въ государствѣ и принимали бы мѣры для его охраненія. Но въ то же время Платонъ сознаетъ всю трудность почти невозможность образовать подобное собраніе и оно нисколько не согласуется съ прочимъ составомъ правленія, описаннаго въ Разговорахъ о Законахъ. Это послѣднее вмѣстѣ и съ его законами при существованіи собранія мудрыхъ уничтожилось бы само собою, и дѣйствительное государство тотчасъ возвысилось бы на степень идеальнаго. Итакъ трудное, которымъ заключаются Разговоры о Законахъ

⁽¹⁾ De leg. IX—XII.—⁽²⁾ De leg. IX, p. 853.—⁽³⁾ Protag. p. 323—324; Gorg. p. 476—479; 472; 525.—⁽⁴⁾ De rep. X, p. 615—616; Gorg. p. 525.—⁽⁵⁾ De rep. III, p. 409—410; Polit. p. 293, 308.—⁽⁶⁾ De leg. XII, p. 960—969.

только указаніе на то идеальное государство, которому все другія должны по возможности приближаться, и которое изображено намъ въ Разговорахъ о Государствѣ.

III. О правдѣ въ цѣломъ родѣ человѣческомъ.

§ 233.

Если разсматривая оба государства Платоновы въ совокупности, т. е. государство идеальное и образованное по возможности примѣнительно къ этой идее, то не можемъ не удивляться величественности предвѣтія—изобразить, какъ правда осуществляется въ реальныхъ размѣрахъ государства; то еще возвышеннѣе по своимъ взглядамъ представляется намъ философия, когда онъ сказывается, какъ совершенства, въ коихъ состоитъ сія идея, раздѣлены между родами въ цѣломъ родѣ человѣческомъ, какъ Греки находятся подъ владычествомъ силы ума, Северные народы подъ господствомъ силы сердца, наконецъ народы Азіи и Египта подъ господствомъ мыслей пожеланій ⁽¹⁾. Хотя мысль сія о проявленіи правды въ цѣломъ родѣ человѣческомъ у Платона раскрывается глубже и содержится почти въ цѣломъ только намекъ; однако она сама по себѣ такъ важна, что заслуживаетъ быть особенно замѣченной. Въ видимъ мы понятіе о правдѣ во всемъ его объеме, во всей обширности его приложенія.

Б. Аристотель.

§ 234.

Высшее начало Философіи у Аристотеля ⁽²⁾ есть энергія—совершенная дѣятельность. Всеобщее, которое, по ученію Платона, составляетъ сущность вещей, есть что нибудь безжизненное; оно дѣйствуетъ, оно производитъ себя, оно раскрываетъ, порождаетъ

⁽¹⁾ De rep. IV, p. 435.—⁽²⁾ Аристотель род. въ 384 г. до Р. Х., ум. въ 322 г.

изъ себя особенности, различія, не уничтожаясь, сохраняя себя въ нихъ. Дѣйствительно, руководимыю своею мыслию Аристотель умѣлъ опредѣлить особенныя свойства и силы каждаго рода существъ. Различные предметы у него не совпадаютъ одинъ другимъ, но каждый удерживаетъ свой кругъ дѣятельности и свою самостоятельность. Его понятія о вещахъ точны, опредѣленны.

§ 235.

Для нашего предмета, кромѣ *Этики* въ трехъ видахъ ⁽¹⁾, мы имѣемъ отъ Аристотеля два сочиненія, одно, именно *Политику*, болѣе или менѣе въ первой, начальной цѣлости; другое, именно *Экономику*, весьма вѣроятно, только въ извлеченіи Теофрастовомъ.

§ 236.

Раздѣляя вмѣстѣ съ Платономъ всю Философію на 3 части: Діалектику, Физику и Этику, Аристотель послѣднюю также называетъ общимъ именемъ *Политики* ⁽²⁾. Какъ цѣль государства, по его мнѣнію, охватываетъ всѣ цѣли человѣческой жизни; такъ и *Политикъ* — наука о государствѣ, содержится въ практическія науки. Государство, какъ цѣлое, образуется изъ отдѣльных лицъ и домовъ, какъ составныхъ частей: на этомъ основаніи къ *Политикѣ* въ общемъ смыслѣ относятся у Аристотеля три особенныя науки: *Этика* въ тѣсномъ смыслѣ, *Экономика* и наконецъ *Политика* также въ тѣсномъ значеніи сего слова. Предметомъ первой есть добродѣтель человека вообще, или человека, взятаго порознь; второй — добродѣтель въ ея приложеніи къ дому; третьей — добродѣтель въ ея приложеніи къ государству,

(1) *Ethica Nicomachea*, *Ethica Eudemia*, *Ethica magna*. — (2) Задаваться только *Экономикой*, извѣстной въ изданіяхъ подъ именемъ первой; вторая рѣшительно не принадлежитъ Аристотелю. Вопросъ о томъ видѣ, въ какомъ дошли до насъ творенія философа, не подлежитъ нашему разсмотрѣнію въ особенностяхъ. См. впрочемъ *Ritter's Gesch. der Philos.* III, S. 20. ff. — (3) *Ibid.* I, 2; *Magn. mor.* I, 1; *Eth. Nic.* I, 3.

— добродѣтель въ ея приложеніи къ государству, къ одному цѣлому ⁽¹⁾. Впрочемъ двѣ послѣднія науки опять соединяются у Аристотеля въ одномъ имени — *Политики* ⁽²⁾.

§ 237.

Чтобъ означить мѣсто, назначаемое Аристотелемъ предметамъ законодательства въ цѣлой Философіи, можно обозрѣть все ея содержаніе.

Аристотель различаетъ въ вещахъ двѣ степени бытія: способность быть чѣмъ нибудь (*δύναμις*) и полную дѣятельность (*ἐνέργεια*) и для объясненія бытія существъ разсматриваетъ четыре особенныя вида бытія: 1) Чтобъ могло произойти извѣстное существо, оно должно уже находиться нѣчто другое, изъ чего бы оно могло произойти; это есть матерія (*ύλη*). 2) Въ противоположность матеріи то состояніе, въ какомъ находится происшедшее существо, есть его форма (*μορφή*). Матерія и форма относятся другъ къ другу, какъ возможное и дѣйствительное. Но существо тогда только и есть существо извѣстнаго рода, если оно имѣетъ чѣмъ нибудь въ самой дѣятельности, а не въ одной возможности. Форма потому лучше и совершеннѣе матеріи. 3) Форму соединяетъ съ матеріею причина дѣйствующая или движущая (*τὸ κινῶν*). Дѣйствующая причина, дѣйствуя, стремится къ чѣмъ нибудь — къ извѣстной цѣли (*τὸ τέλος*). Дѣятельность иногда заключаетъ эту цѣль въ себя самой, напр. какъ скоро человекъ видитъ вещь, то онъ и увидитъ ее, иногда въ чѣмъ нибудь другомъ видѣ себя, напр. учащійся еще не выучился, а только учится для того, чтобъ выучиться. Въ первомъ случаѣ дѣятельность называется энергіею, энтелехіею — совершенною дѣятельностію, во второмъ — движеніемъ (*κίνησις*); энергія, какъ одному предѣлу бытія вещи, соответствуетъ

(1) *Eth. Nic.* VI, 8. — (2) *Polit.* I; VII—VIII.

простая возможность, или способность (*δύναμις*), как другой предѣлъ; въ среднѣхъ между обѣими находится движеніе, какъ переходъ вещи изъ возможности въ дѣйствительность. — Энергія, какъ цѣль сама дѣлаетъ себя, есть самая форма вещи. Цѣль, къ которой стремится дѣйствующая причина, есть именно форма, дѣйствительность бывшаго доселѣ только возможнымъ. Форма, въ какой является вещь по окончательномъ своемъ происхожденіи на свѣтъ, есть совершенная энергія, полная дѣятельность ея способностей, какая только для нее возможна; бытіе полной дѣятельности всѣхъ своихъ способностей есть послѣдняя цѣль всякой вещи! Итакъ подлѣ имени формы у Аристотеля не надобно разумѣть какой нибудь вѣншній видъ; напротивъ, это есть самое внутреннее существо вещи, какъ оно является въ полномъ своемъ раскрытіи, въ полной своей дѣятельности. Равнымъ образомъ энергія есть и движущая причина въ вещахъ. Все вообще происхожденіе сновывается на томъ, что дѣйствительная форма одного существа производитъ такую же форму въ матеріи способной принять ее. Возбужденная такимъ образомъ внутренняя сила потомъ непрерывно сохраняетъ сама себя среди всѣхъ измѣненій, образуя свою матерію, раскрываетъ свое внутреннее существо и достигаетъ до совершеннѣйшаго вида, какъ для нее возможенъ. — Итакъ три причины: форма, цѣль и причина дѣйствующая сдѣлались тѣмъ одною. Сей одной противопоставляется, какъ другая крайность, матерія, которую Аристотель напрасно силится уравнять съ другими причинами. Такимъ образомъ и его Философія, такъ же, какъ Платоновая, основывается на двойственномъ началѣ. Но онъ не видитъ уже вполне зависимость матеріи отъ формы (цѣли, движущей причины): матеріальное само по себѣ есть ничто; оно существуетъ только по отношенію къ формѣ, потому что для другой формы требуется и другая матерія; матерія нужна только подлѣ условіемъ цѣли, какъ средство для нее; способность существовать только для того, чтобы быть по своей дѣятельности. Впрочемъ все различіе между

способностью и энергіею находится только въ конечныхъ существахъ. Но восходя отъ одного существа къ другому, мы должны наконецъ дойти до такого существа, въ которомъ способность и энергія есть одно и то же, или которое есть чистая энергія, — до первой формы, до первой цѣли, до первой движущей причины. Это есть, по ученію Аристотеля, Богъ, который онъ представляетъ намъ въ самомъ возвышенномъ видѣ, какъ Существо, которое держится само собою, Существо самостоятельное, неизмѣняемое, которое, не имѣя въ себѣ ничего матеріальнаго, слѣдовательно чувственнаго, необходимо должно быть существомъ умственнымъ. Но „умственное и умъ — одно и то же,“ говоритъ Аристотель и потому иначе взираетъ на Бога, какъ на совершеннѣйшій умъ. Будучи полнотою бытія, цѣлю всѣхъ вещей, Богъ обладаетъ высочайшимъ блаженствомъ — блаженствомъ непрерывнаго, совершеннѣйшаго вѣншн. Составляя Самъ средоточіе всѣхъ цѣлей, Богъ можетъ дѣйствовать подобно людямъ для достиженія какихъ нибудь цѣлей. Его дѣятельность состоитъ только въ умственномъ созерцаніи. Но Онъ созерцаетъ не что либо внѣ себя, а только себя самого. Какимъ же образомъ Богъ производитъ движеніе, будучи самъ неподвижнымъ? Какъ онъ есть существо возжелѣннѣйшее, послѣдняя цѣль; то, по ученію Аристотелю, всѣ прочія вещи сами стремятся, сами движутся къ Нему, тогда какъ Онъ остается неподвижнымъ. — Таково содержаніе *Диалектики* у Аристотеля!

Въ *Физикѣ* опредѣляется отношеніе Божественнаго къ природѣ. Именемъ природы Аристотель означаетъ дѣйствіе Божественнаго начала въ вещахъ, форму вещи, связывающую собою разнообразныя части ея, какъ матерію, или, что все равно, самостоятельную причину движенія и покоя въ вещи. Онъ видитъ повсюду жизнь въ мірѣ — повсюду стремленіе формы, не рѣдко безуспѣшное, покорить себѣ матерію. Весь міръ, имѣя шаровидную фигуру, дѣ-

лится у него на двѣ главные части: на часть близъ всемірной окружности, и часть близъ всемірнаго средоточія, или неба и земли. Небо состоитъ опять изъ двухъ частей: верхней сферы или сферы звѣздъ неподвижныхъ, и сферы нижней или сферы планетъ. Первый движитель міра, по мнѣнію Аристотеля, находится въ окружности міра, и отсюда-то, какъ изъ средоточія, распространяется движеніе по всей міру: чѣмъ ближе стоятъ вещи къ сему мѣсту, тѣмъ они совершеннѣе; по мѣрѣ удаленія отъ своего источника, сила Божественная какъ бы все болѣе и болѣе слабѣетъ, и по мѣрѣ того существа ставятся менѣе и менѣе причастными Божественнаго. Такимъ образомъ все добро и совершенство принадлежитъ небесной части міра. И здѣсь впрочемъ верней кругъ совершеннѣе нижняго. Земля напротивъ предана въ жертву многообразнымъ несовершенствамъ. Но въ ряду существъ земныхъ Аристотель опять указываетъ на постепенное ихъ восхожденіе отъ несовершеннаго къ совершеннѣйшему, и наконецъ на самое высшее дѣйствіе ума. Нижшую ступень занимаютъ на землѣ элементы: жизнь проявляется въ нихъ очень слабо. Выше стоятъ растенія: имъ принадлежитъ только жизнь питательная. Далѣе слѣдуютъ животныя: сверхъ жизни питательной, они имѣютъ чувствованіе, желаніе и мѣстное движеніе. Надъ всѣми другими животными человекъ возвышается разумною силою своей души. Но и между людьми мужчина стоитъ въ глазахъ Аристотеля гораздо выше женщины. Наконецъ душа человека умъ возвышается надъ всѣмъ прочимъ.

Изяснивъ такимъ образомъ существо человека, Аристотель вводитъ насъ въ область *Этики* и въ кругъ законодательства. Какъ въ цѣломъ мірѣ Божественный умъ стремится покорить всѣ вещи своей власти, на все наложить свою форму: такъ и между людьми онъ стремится устроить всѣ отношенія, сколько возможно, наилучшимъ образомъ.

§ 238.

Аристотель не называетъ, по примѣру Платона, неистинности правды совершеннѣйшаго состоянія человеческой души, или добродѣтели, взятой во всей ея чистотѣ; но понятіе о добродѣтели или совершенствѣ въ человеческомъ у обоихъ философовъ почти одинаково и въ изслѣдованіяхъ о законодательствѣ того и другаго имѣетъ одинаковую важность. Названіе *правды (δίκαιοσύνη)* получаетъ добродѣтель у Аристотеля въ приложеніи ея ко взаимнымъ отношеніямъ людей между собою; въ связи съ правдою онъ видитъ дружбу (*φιλία*) между лицами, коихъ взаимныя отношенія устроены сообразно истинному существу правды. Отношенія, въ коихъ особенно осуществляютъ понятія добродѣтели, правды и дружбы, суть Государство и Домъ. И такъ мы сначала изложимъ мнѣніе Аристотеля о существѣ добродѣтели, правды и дружества; потомъ приступимъ къ разсмотрѣнію изслѣдованій Аристотеля о Государствѣ и Домѣ.

О существѣ и различныхъ видахъ добродѣтели, правды и дружества.

1. О Добродѣтели.

§ 239.

Добродѣтель разсматривается у Аристотеля въ двухъ видахъ: во-первыхъ въ видѣ совершенства, могущаго производить добрыя дѣянія; во-вторыхъ—въ ея дѣйствованіи (*ἐνέργεια*). Совершенствомъ во всякой вещи Аристотель называетъ то свойство ея, по которому она всегда можетъ исполнять наилучшимъ образомъ свое назначеніе, и это понятіе прилагаетъ къ совершенству человеческому, къ добродѣтели. Собственнымъ дѣломъ человека есть разумная жизнь души. Но кромѣ разумной части, въ душѣ находится еще часть нера-

зумная и притом какъ растительная, такъ и желательная. Часть растительная совсѣмъ не можетъ быть причастна разумнаго; напротивъ пожеланія хотя сими въ себѣ неразумны, однако же они могутъ быть причастными разума, повинаясь его внушеніямъ. Такимъ образомъ разумное въ душѣ есть двоякаго рода: одна сторона имѣетъ разумъ какъ нечто собственное, другая дѣлается разумною, повинаясь первому. Согласно съ симъ Аристотель принимаетъ совершенства двоякаго рода: совершенства разума, называя мудрость, благоразуміе и проч. и совершенства относящихся къ пожеланіямъ ⁽¹⁾. Совершенство въ отношеніи къ пожеланіямъ называется у него совершенствомъ нравственнымъ и по точнѣйшему опредѣленію есть такой навыкъ или свойство души, которому она, при удовлетвореніи естественныхъ пожеланій, всегда неизменно избираетъ средину, указываемую разумомъ ⁽²⁾. Впрочемъ добродѣтели нравственныя, по мнѣнію Аристотеля, составляютъ только нижшій видъ человѣческаго совершенства. Сколько разумъ лучше желательной силы, столько совершенства перваго, по словамъ Аристотеля, выше совершенствъ послѣдней; мудрость же, совершенство ума, обращенное къ созерцанію Божественнаго, вѣчнаго, есть высочайшее совершенство души, такъ что всѣ другія совершенства существуютъ только для этого совершенства ⁽³⁾.

Но недовольно имѣть добродѣтели или различія совершенства; добродѣтель, совершенство, можетъ еще и не производить ничего добраго, когда напр. человѣкъ спитъ, или вообще когда онъ празденъ. Надобно, чтобъ добрыя свойства дѣйствовали: дѣятельность лучше простой способности. И такъ только, когда извѣстное доброе свойство души вызываетъ свое дѣйствіе, приводится въ движеніе, когда напр. мужественный дѣйствительно совершаетъ мужественныя дѣянія, мудрый дѣйствительно мы-

⁽¹⁾ Eth. Nic. I, 13; II, 6. § 1—3. — ⁽²⁾ Ib. II, 6. § 15. Cf. etiam c. 1—6.
⁽³⁾ Eth. Nic. X, 7—8.

слить, человѣкъ находится, по мнѣнію Аристотеля, въ состояніи истиннаго, ему свойственнаго, счастья ⁽¹⁾. Въ неразлучной связи съ дѣятельностію, совершающеюся на основаніи добрыхъ свойствъ, Аристотель видитъ удовольствіе, которое, по словамъ его, оканчивается въ такую дѣятельность, сообразную съ природою. Дѣятельность на основаніи лучшаго свойства должна совершаться и высочайшимъ удовольствіемъ. Такое дѣйство есть мудрость, совершенство ума. Посему Аристотель не находитъ довольно словъ, чтобъ преизнести похвалами блаженство мудраго, непрерывно созерцающаго истину, блаженство, какимъ вполне наслаждается одинъ Богъ, по котораго все люди должны искать, какъ своей высочайшей цели ⁽²⁾. Тѣлесныя и вѣншія блага нужны человѣку для того истиннаго счастья только какъ средства для блага ⁽³⁾.

§ 240.

И такъ, по ученію Аристотеля, уму такимъ же образомъ принадлежитъ верховное владычество въ душѣ человѣческой, какъ онъ господствуетъ въ вѣдомомъ мірѣ. Заключая пожеланія въ должные пределы, разумная сила души дѣлаетъ ихъ причастными разумнаго. Впрочемъ она не поражаетъ добродѣтелей изъ себя одной: для нея нужны еще расположенія сердца, данныя отъ природы; она стремится сдѣлать добродѣтель навыкомъ, свойствомъ непроизвольнымъ; наконецъ и сама она, и сила желаній въ той степени, какая вообще требуется для добродѣтели, составляютъ только особый даръ природы, который получаютъ весьма немногіе.

2. О Правдѣ.

§ 241.

Важнѣйшій видъ добродѣтели нравственной, разбиваемой въ ея приложеніи ко взаимнымъ отношеніямъ людей между собою, есть правда.

⁽¹⁾ Eth. Nic. I, 8. § . — ⁽²⁾ Metaph. XII, 6—7. — ⁽³⁾ Eth. Nic. I, 5; 8.

Къ существу правды, по учению Аристотеля, принадлежит, сверхъ намеренности дѣяній ⁽¹⁾:

1. Чтобы не было причиняемо вреда. Вредить можно человеку не только по отношенію къ тѣлеснымъ и внѣшнимъ его благамъ, но и по отношенію къ благамъ душевнымъ, — не только положительнымъ образомъ, но и отрицательнымъ. Правда запрещаетъ вредить, въ какомъ бы то видѣ ни было ⁽²⁾.

2. Чтобы вредъ не былъ причиняемъ другому лицу. Противъ себя нельзя быть неправеднымъ, потому что никто намеренно не вредитъ самъ себѣ ⁽³⁾.

3. Чтобы человекъ не причинялъ вреда другому въ противность закону, или, что тоже, нарушая должную соразмѣрность, присвоивъ себѣ больше надлежащаго ⁽⁴⁾. Само собою ясно, что послѣдніе два требованія тождественны: кто присвоитъ себѣ больше принадлежащаго, тотъ нарушаетъ тѣмъ самымъ уже соразмѣрность? какая должна существовать между имъ и другимъ лицомъ ⁽⁵⁾. Но какая разумѣется здѣсь соразмѣрность? Прежде всего требованіе соразмѣрности имѣетъ слѣдующій неопредѣленный смыслъ: если на основаніи известнаго своего качества одинъ человекъ получаетъ или другіе блага, подвергается тому или другому злу, то и другой человекъ съ равными качествами долженъ получить тоже, что получаетъ первый, при томъ чѣмъ болѣе по симъ качествамъ одинъ человекъ превосходитъ другаго, тѣмъ болѣе онъ долженъ получать изъ благъ или золь, распредѣляемыхъ по симъ качествамъ. Въ этомъ общемъ началѣ по словамъ Аристотеля, никто не сомнѣвается; въ простъ состоитъ только въ томъ, какія свойства можно взять за основаніе при распредѣленіи благъ или золь ⁽⁶⁾? Какъ Аристотель приписываетъ безсловесное достоинство одной добродѣтели, т. е. умственнымъ и нравственнымъ совершенствамъ; то

условное требованіе правды, по его понятію, состоитъ въ томъ, чтобы каждому было отдаваемо то, что заслуживаетъ человекъ по своимъ добродѣтелямъ, т. е. равные по добродѣтели и получали равное, а превосходящій въ ней другихъ и получалъ больше ихъ ⁽¹⁾. — Начала соразмѣрности, составляющей истинность правды, выражаются въ законѣ. Соразмѣрное и законное совпадаютъ другъ съ другомъ въ томъ смыслѣ, что законъ дѣйствительно стремится произвести нѣкоторую соразмѣрность между людьми ⁽²⁾, такъ и въ томъ, что онъ для определеннаго круга людей служитъ общимъ правиломъ, по которому всѣ, принадлежащія къ сему кругу, въ той мѣрѣ должны сообразоваться, — служить образцомъ ихъ срединною ⁽³⁾. Два вообще вида закона приписываются у Аристотеля: во-первыхъ законъ общій для людей, иначе — законъ естественный или нечеловѣческій; во-вторыхъ законъ исключительно свойственный какому нибудь Государству, иначе — законъ гражданскій ⁽⁴⁾. Изъ постановленій того или другаго рода предлагаются всѣ законы въ государствахъ. Различная таковы образомъ между законами, дѣйствующими въ известномъ государствѣ, постановленія, основывающіяся на законѣ естественномъ, и постановленія, основывающіяся чисто на законѣ положительномъ, подъ именемъ которыхъ Аристотель разумѣетъ всѣ тѣ, которыя по своему имѣютъ одинаковую силу и притомъ сами по себѣ, а не по тому, что они установлены людьми, т. е. именемъ вторыхъ напротивъ — тѣ, которыя по различію государствъ бываютъ различны, и, если имѣютъ силу, то единственно по тому, что они установлены людьми ⁽⁵⁾. Законы положительные, по мнѣнію Аристотеля, собственно должны простираться только на предметы, остающіеся неопредѣленными въ законѣ естественномъ, и никогда не должны противорѣчить сему послѣднему ⁽⁶⁾. Но какъ и вообще законы государства, по словамъ Аристотеля, и своихъ постановленій имѣютъ въ виду извест-

⁽¹⁾ Ib. V, 8—9.—⁽²⁾ Ib. V, 1, § 13; 2, 3.—⁽³⁾ Ib. V, 11, § 1.—⁽⁴⁾ § 9.—⁽⁵⁾ Ib. V, 1, § 8.—⁽⁶⁾ Ib. V, 2, § 9.—⁽⁷⁾ Eth. Nic. V, 3, § 1.

Polit. III, 5, § 14; 7, § 1—3; § 6.—⁽⁸⁾ См. ниже.—⁽⁹⁾ Arist. Polit. III, 11, § 6; cf. Eth. Nic. II, 6—9.—⁽¹⁰⁾ Arist. Rhet. I, 10; 13.—⁽¹¹⁾ Eth. Nic. V, 7.—⁽¹²⁾ Polit. VII, 2, § 7—9.

ную цель ⁽¹⁾, и какъ цель ея указана самимъ закономъ естественнымъ; то законы чисто положительные, имѣя определенное отношеніе къ цели государства, чрезъ то самое получаютъ также не только важность и значеніе въ цѣломъ, но и определенное отношеніе къ закону естественному. — Постоянно имѣя въ виду благо общественное ⁽²⁾, и опредѣляя, что должно принадлежать каждому лицу на основаніи его достоинства, законы государства изрекаютъ, что въ томъ или другомъ отношеніи полезно или вредно государству и его членамъ; правильные законы смотрятъ при семъ на безусловное достоинство лица, заключающееся въ добродѣтели. И такъ нарушитель законовъ, нарушая ихъ, тѣмъ самымъ вредитъ обществу или его членамъ, присвоивъ себѣ лишнее, и слѣдовательно поступаетъ несправедливо. Правда, возбраняя вредить другому, какимъ бы образомъ ни было, требуетъ отъ человѣка исполненія всѣхъ законовъ. — Законы государства, опредѣляя, въ чемъ состоитъ его благо и благо его гражданъ, обнимаютъ всѣ добродѣтели и пороки; и въ добродѣтели, которой бы они не требовали, и въ пороки, котораго бы они не возбраняли, напр. они требуютъ отъ человѣка мужества, возбраняя оставлять строй, обращаться въ бѣгство, бросать оружіе, — требуютъ умеренности, повелѣвая воздерживаться отъ прелюбодѣлія, отъ обидъ ⁽³⁾ и т. д. и т. д. Правда, какъ исполненіе всѣхъ законовъ сосредоточиваетъ такимъ образомъ въ себѣ всѣ добродѣтели, — это есть добродѣтель во всей ея цѣлости, добродѣтель въ полномъ ея дѣйствіи, — но ко благу другихъ людей, такъ какъ прямо и непосредственно правда ограничивается только взаимными отношеніями людей другъ къ другу. Впрочемъ достоинство правды отъ того нисколько не унижается, а напротивъ еще болѣе возвышается. Въ ней всѣ добродѣтели человѣка обращаются на служеніе постороннимъ лицамъ, дѣлаются чужимъ благомъ, такъ что человѣкъ перестаетъ быть самъ своимъ. По сей причинѣ онъ

(1) Eth. Nic. V, 1. § 13. — (2) Ibid. — (3) Eth. Nic. V. 1. § 14.

ряду нравственныхъ совершенствъ есть самая труднѣйшая добродѣтель, — но отъ того и самая высочайшая. Въ своихъ собственныхъ дѣлахъ многіе могутъ поступать согласно съ требованіями добродѣтели, весьма не многіе — по отношенію къ другимъ людямъ. Правда предполагаетъ въ человѣкѣ бытіе совершеннѣйшей нравственной добродѣтели ⁽⁴⁾.

Разсматривая въ такой общности понятіе о правдѣ, Аристотель называетъ ее *правдою всеобщую, всецѣлою*, и противопоставляетъ *правдѣ особенной*, какъ частнымъ частямъ, изъ коихъ она состоитъ, какъ общимъ видамъ, въ коихъ она обнаруживается.

§ 242.

Что касается различныхъ видовъ или частей правды *всеобщей*, — мы уже замѣтили, что въ собственномъ смыслѣ, по мнѣнію Аристотеля, человѣкъ не можетъ поступать праведно или неправедно *по отношенію къ себѣ самому* ⁽²⁾.

Разсматривая отношенія человѣка къ другимъ людямъ, Аристотель говоритъ о *правдѣ въ семействѣ* и *правдѣ въ государствѣ* (*τὴ πολιτικῇ δικαιοσύνῃ*). Виды первой составляютъ: правда въ союзѣ между мужемъ и женою, правда въ союзѣ между родителями и дѣтьми, правда въ союзѣ между господиномъ и рабомъ ⁽³⁾. Впрочемъ отношенія семейственные, по ученію Аристотеля, предполагаются не столько на основаніи понятія о правдѣ, сколько на основаніи понятія о дружествѣ. Правда *внутри государства* относится или къ самому государству или къ частнымъ лицамъ, его составляющимъ ⁽⁴⁾. Благо общественное опредѣляется и охраняется всею вообще совокупностію законовъ; посему правда *по отношенію къ цѣлому государству* есть то самое, что прежде было названо *правдою всецѣлою* или *всеобщю*, обнаруживающеюся въ исполненіи всѣхъ законовъ. *По отношенію*

(1) Eth. Nic. V, 1. — (2) См. выше § 241 стр. 232. — (3) Eth. Nic. VIII, 6. § 8—9; 11. § 9. — (4) Rhet. I, 13.

къ частнымъ лицамъ правда повелѣваетъ участвовать при раздѣленіи вѣншихъ благъ обществу (чести, имуществъ,) между гражданами смотря на достоинство сихъ послѣднихъ. „Распри жалобы между людьми,“—говоритъ Аристотель, „раздаются тогда, когда равныя получаютъ неравное или неравнымъ дается равное.“ Этотъ видъ правды Аристотель называетъ *правдою распределительною* (1). Послѣ того, какъ блага общественныя раздѣлены надлежащимъ образомъ между лицами, правда хочетъ во взаимныхъ отношеніяхъ частныхъ лицъ другъ другу (*ἐν τοῖς συνκλήμασι*) сохранить каждому свое, почему если гдѣ это правило будетъ нарушено, она возстановляетъ его, возвращая каждому то, что ему принадлежитъ. Этотъ видъ правды Аристотель называетъ *правдою исправительною* (2).

§ 243.

Совершенную полноту своему ученію о правдѣ Аристотель даетъ опредѣленіемъ существа *справедливости* (*ἐπιεικεία*), какъ добродѣтели, которая примирляетъ законно-праведное съ тѣмъ, что праведно само въ себѣ. Въ справедливости онъ видитъ не что либо отличное отъ правды, а ту же самую правду въ другомъ видѣ. Между законами естественнымъ и положительнымъ можетъ происходить въ нѣкоторыхъ случаяхъ разногласіе, иногда по винѣ людей, иногда по необходимости; такъ какъ законъ положительный, поставляя правила общія, не можетъ предвидѣть и обнять всѣхъ подробностей, для которыхъ бы надлежало сдѣлать изъятіе изъ общаго правила. Соглашеніе такихъ случаевъ съ закономъ естественнымъ есть дѣло справедливости (3).

3. О Дружбѣ.

§ 244.

Правда служитъ первою связію человѣческихъ обществъ; другую нравственную связь, соединяющую

(1) Eth. Nic. V, 3.—(2) Ibid. V, 4.—(3) Ib. V, 10; Rhet. I, 13.

людей между собою, Аристотель видитъ въ дружбѣ (1). Именемъ дружбы онъ означаетъ вообще всѣ союзы или менѣе крѣпкіе союзы, какіе люди образуютъ между собою для взаимной выгоды, удовольствія или добродѣтельной жизни (1); но совершеннѣйшую дружбу, въ которой соединяются всѣ виды дружбы, онъ находитъ только въ союзѣ людей добродѣтельныхъ (2). Дружба, по его словамъ, связываетъ государства еще крѣпче, нежели правда: когда всѣ граждане питаютъ взаимную любовь другъ другу, то имъ не нужна правда; но имѣя только правду, они все еще нуждаются въ дружбѣ (3). Въ дружбѣ, такъ же, какъ и безъ правды, нѣтъ несправедливости. Обѣ онѣ относятся къ одному и тому же предмету, существуютъ посреди однихъ и тѣхъ же лицъ, и каждый особенный видъ правды сопровождается и особеннымъ видомъ дружбы (4). Но особенно на основаніи понятія о дружбѣ учреждаются, по словамъ Аристотеля, отношенія въ домашнемъ обществѣ.

II. О государствахъ и домѣ.

§ 245.

Государство и домъ по ученію Аристотеля, составляютъ союзы жизни общественной, въ которыхъ особенно осуществляется добродѣтель, правда и дружба.

1. Ученіе о Государствѣ.

§ 246.

Аристотель, подобно Платону, предлагаетъ намъ, романъ общихъ изслѣдованій о необходимости государства, цѣли, происхожденіи, понятіи, состояніяхъ, существѣ разныхъ образцовъ правленія, въ особенности образцовъ совершеннѣйшаго государства.

(1) Eth. Nic. VIII, 2—3.—(2) Ib. 3. § 1—8.—(3) Ib. VIII, 1. § 4.—(4) Ib. VIII, 11.

а) *Общая, основная концепция о Государстве.*

α) О необходимости Государства.

§ 247.

Поставляя в добродетельной жизни истинное благо людей, Аристотель, подобно Платону, видит возможность для человека сделаться и быть добродетельным в одном только государстве, находя его необходимым для воспитания и укрепления человека в добродетели. Образование добрых нравов, говорит он, должно начаться в юности. Но трудно получить правильное руководство к добродетели от самой юности, если человек не воспитывается под владычеством законов⁽¹⁾. Впрочем, недовольно и получить надлежащее воспитание в юности; надобно еще, чтобы воспитание в добродетель, возмужав, не могли потом ни добровольно, ни против воли дѣлать что-либо дурное. Это возможно тогда только, когда существует твердый нравственный порядок; такой порядок существует только государству⁽²⁾.

β) О цели Государства.

§ 248.

Но государство, по мнению Аристотеля, не случайным только образом содействует добродетельной жизни; напротив — единственная цель государства, так же, как отдельного человека, есть жизнь добродетельная. Эту мысль Аристотель доказывает тем, что, как все соглашается, верховное благо есть одно и тоже для одного человека и для целого государства, а следовательно, если мы истинное благо отдельного человека поставляем в жи-

(1) Eth. Nic. X, 9. § 5—8. cf. Polit. VII, 12. § 6—7; Eth. Nic. II, 2. § 4—8.—(2) Eth. Nic. X, 9. § 9—11.

и добродетельной, то и государство для нас тем же будет содержать в себе добродетели, тем же быть лучше и счастливее⁽¹⁾. Также истина ясно открывается для Аристотеля из того, что как всякое общество имеет у себя в виду известное благо, так самое главное общество, которое обнимает собою все другие, т. е. государство, стремится и к цели главнейшей, какова есть добродетельная жизнь⁽²⁾. При этом надобно заметить, что Аристотель здесь разуметь упражнение не одной какой-либо, а всех вообще добродетелей⁽³⁾.

γ) О происхождении Государства.

§ 249.

Имея своею целью высочайшую цель — осуществление добродетели, государство, по мнению Аристотеля, носит в самом себе причину своего бытия, *происходит* не по действию каких-нибудь внешних сил, но образуется и держится само собою, так что те виды жизни общественной, которые в своем развитии предшествуют действительному происхождению государства, или из которых, как из своих частей, складывается государство, от него заимствуют всю свою твердость. Посему первое начало постепенного образования общежития представляется Аристотелю делом совершенно естественным.

Во 1-х, сама природа постановила различие между мужским полом и женским, между господином и рабом. Тем, которые не могут обойтись друг без друга, по необходимости нужно сообщество. Так лица разных полов соединяются между собою для рождения детей, господин и раб для взаимного сохранения друг друга. Так образуется *οἶκος*, — самое первое общество⁽⁴⁾!

Во 2-х, дом расширяется в селение (*κώμη*), которое состоит из нескольких домов, соединен-

(1) Polit. VII, 1—3; III, 5. § 8. Seqq. VII, 12. § 1—4.—(2) Polit. I, 1. § 1; Eth. Nic. VIII, 9. § 4—6.—(3) Cf. etiam Polit. II, 6. § 22. (4) Polit. I, 1. § 4—6.

ныхъ между собою не ежедневными нуждами, возникающими отъ времени до времени. Какъ въ семейномъ домѣ находится подъ царскою властію старшій шагъ, то и первыя общества, образующіяся изъ домоу, находятся подъ властію Царей (1).

Въ 3-хъ, изъ множества селеній составляется Государство (πόλις), общество, которое въ себѣ само имѣетъ все нужное для своего существованія. Будучи концемъ, къ которому стремятся оба первыя общества, т. е. домъ и селеніе, Государство, подобно имъ, и само существуетъ по природѣ (2).

Такъ происходитъ Государство! Одинъ человекъ, будучи взятъ въ отъѣльности, не обладаетъ всѣми условіями нужными для добродетели; усиливаясь осуществить ее въ разныхъ видахъ общества, они достигаютъ наконецъ до государства и здѣсь-то единственно находится все, что нужно для ея существованія.

б) Понятіе Государства.

§ 250.

Государство по понятію Аристотеля есть общество обладающее само въ себѣ всѣмъ нужнымъ для добродетельной жизни. Взаимное отношеніе между членами сего общества онъ представляетъ себѣ въ видѣ простаго единства, но въ видѣ единства гармоническаго. Подобно тому, какъ уничтожилась бы симфонія, если бы всѣ голоса были обращены въ одинъ голосъ, государство, когда бы въ немъ не было различія состояній, сжалось бы въ одинъ домъ изъ дома въ одного человека, и такимъ образомъ совершенно бы уничтожилось. Но этого, говоритъ Аристотель, не должно быть. Домъ самодовольнаго одного лица, государство самодовольнаго дома; онъ

(1) Polit. I. 1. § 7.—(2) Polit I, 1. § 8. Cf. § 9—12.

о самой природѣ своей состоитъ изъ множества лицъ, и притомъ различныхъ по качеству (εἶδος); нравы и законы должны произвести между ними правильный порядокъ и сдѣлать государство истинно единымъ (1).

в) О состояніяхъ въ Государствѣ.

§ 251.

Въ Государствѣ, въ которомъ бы заключалось все нужное для добродетельной жизни, должны находиться, по ученію Аристотеля, слѣдующія лица: 1) земледѣльцы; 2) ремесленники; 3) мелочные торговцы; 4) люди, нанимающіеся въ работу и услуженіе; 5) богатые, исправляющіе своимъ имѣніемъ обязанности общественныя; 6) воины; 7) судьи; 8) начальники, управляющіе дѣлами государства; 9) люди, разсуждающіе о предметахъ государственн-ныхъ (2).

г) О существѣ разныхъ образовъ правленія.

§ 252.

Всѣ означенныя лица опять раздѣляются у Аристотеля на двѣ главныя части: *начальствующихъ и подчиненныхъ*. Подъ именемъ начальствующихъ онъ разумѣетъ послѣдніе три разряда, подъ названіемъ подчиненныхъ—первыя шесть. Такимъ образомъ онъ различаетъ три вида государственной власти: 1) разсуждать о дѣлахъ, касающихся цѣлаго государства, какъ то: о законахъ, войнѣ, мирѣ и проч. (τὸ ἐλεγεσθαι); 2) управлять—распоряжаться, давать приказанія по разнымъ встречающимся случаямъ на основаніи законовъ (τὸ ἐπιτάττειν); 3) судить (τὸ δικάζειν).

(1) Polit. II, 1. § 3—7; 2. § 9—10; cf. IV, 3. § 10. sq.—(2) Polit. IV, 3. § 9. sq. Пѣсколько иначе въ Polit. VII, 7. § 4, впрочемъ безъ существеннаго различія.

§ем) (1). Первый видъ власти образуетъ власть верховную (2). Участіе въ одной изъ вѣтвей государственной власти служить существеннымъ признакомъ гражданства. Посему изъ числа гражданъ въ собственномъ смыслѣ исключаются какъ несовершеннолѣтніе, такъ и всѣ тѣ, которые по ихъ глубокой старости освобождены отъ занятія дѣлами общественными. Самостоятельное общество гражданъ въ собственномъ смыслѣ есть государство (3). Порядокъ въ какомъ устроены власти государственный, и особенно власть верховная, называется образомъ правления (*политія*). Этотъ порядокъ такъ необходимъ для государства, что оно долготѣ и остается тѣмъ же государствомъ, доколѣ образъ правления остается въ немъ тотъ же; съ перемѣною правления оно дѣлается другимъ, хотя бы люди оставались въ немъ тѣже (4).

§ 253.

Раздѣляя всѣ образы правленія на разные породы и виды, Аристотель смотритъ при семъ на обстоятельство, принадлежитъ ли верховная власть въ государствѣ людямъ добродѣтельнымъ, которымъ начальствуя, имѣютъ въ виду общее благо государства, а не свое частное, или она принадлежитъ людямъ противныхъ тому качествъ, — принадлежитъ ли она въ томъ и другомъ случаѣ одному человеку или нѣсколькимъ немногимъ, или же многимъ. И такъ мы имѣемъ шесть образовъ правленія: 1) три основанные на добродѣтели и любви общаго блага: а) правленіе одного — правленіе Царское; б) немногихъ — Аристократія, в) многихъ — Политія; 2) три противоположные первымъ: а) правленіе одного — Тиранинъ; б) немногихъ, именно богатыхъ — Олигархія; в) многихъ, именно бѣдныхъ, которые отличаются только своею вольностію, — Демократія (5).

(1) Polit. IV, 11. § 1. seqq.; 12; 3. — (2) Polit. IV. 11. § 1. — (3) Polit. III, 1. § 4; § 8; cf. ibid. II, 6. § 17. — (4) Polit. III, 1. § 15. — (5) Polit. III, 5. § 1—7. — Съ предложеннымъ раздѣленіемъ какъ очевидно, совершенно совпадаетъ другое, основывающееся

на то, безусловно одобряетъ только образы правленія, основанные на добродѣтели и любви общаго блага (1). Государство есть общество людей, соединенныхъ между собою для общей добродѣтельной жизни, а не совокупность невольниковъ, существующихъ только для блага своего господина; посему тѣ, которые наиболѣе приносятъ добродѣтели въ сие общество, имѣютъ здѣсь и права болѣе тѣхъ, которые, равнясь съ ними или даже превосходя ихъ по вольности и богатству, стоятъ ниже ихъ по добродѣтели. Въ обществѣ, имѣющемъ цѣлію своею добродѣтель, одни только добродѣтельные имѣютъ безусловное право начальствовать (2). Сравнивая, далѣе, эти три образа правленія между собою, Политію во всей ея чистотѣ Аристотель находитъ невозможною (3). Такъ остается только дѣлать выборъ между правленіемъ Царскимъ и Аристократіею. Преимущество первого предъ второю въ глазахъ Аристотеля несомнѣнно. Правленіе Царское, по его словамъ, есть превосходнѣйшій, божественнѣйшій образъ правленія, который своимъ основаніемъ имѣетъ высочайшее превосходство лица царствующаго (4).

§ 254.

Существенною принадлежностію правленія, основаннаго на добродѣтели и любви общаго блага, Аристотель почитаетъ законы. Единство закона и

на томъ, принадлежитъ ли верховная власть въ государствѣ людямъ отличнымъ по добродѣтели (въ три вида первого разряда), или отличнымъ по богатству (изъ второго разряда второй видъ), или отличнымъ по своей вольности (изъ второго разряда третий видъ). Въ семъ послѣднемъ раздѣленіи именно означено самое основаніе, по коему тотъ или другой классъ лицъ присвоитъ себѣ преимущественное право начальствовать въ государствѣ.

(1) Polit. III, 5. § 8—15. — (2) Polit. III, 5. § 14; 7. § 1—3; § 6. — (3) Polit. III, 5. § 3; cf. IV, 9; II, 3. § 9—11; 6. § 15. — (4) Polit. IV, 2. § 2; cf. Polit. III, 8; 11. § 12—13. — Краткое сужденіе о достоинствѣ разныхъ образовъ правленія находится въ Eth. Nic. VIII, 10. § 1—3. — О Царскомъ Правленіи и Аристократіи подробно говорится въ Polit. III, 8—11; о Демократіи въ IV, 4 (cf. VI, 1—3); объ Олигархіи IV, 5 (cf. VI, 4); о Политіи IV, 6—7 (cf. VI, 1—3); о Тиранинѣ IV, 8.

начальствующаго въ государствѣ представляетъ Аристотель въ самомъ живомъ видѣ: начальствующій, и его словамъ, есть стражъ, служитель закона ⁽¹⁾, — судья есть одушевленный законъ ⁽²⁾. Посему съ одной стороны Аристотель требуетъ, чтобъ начальствующіе управляли по закону, а не по собственному произволу. «Законъ есть умъ безъ страсти,» говоритъ Философъ; «следовательно тотъ, кто желаетъ, чтобъ начальствовалъ и повелевалъ законъ, хочетъ, чтобъ повелевалъ Богъ и умъ ⁽³⁾.» Съ другой стороны, какъ законъ не можетъ всего опредѣлить съ совершенною точностію, то на сей случай дается начальствующему не только власть судить самому и поступать по собственному справедливѣйшему усмотрѣнію, впрочемъ руководствуясь указаніемъ закона, но и власть свободно исправлять законы, еслибы что на основаніи опыта представилось лучше установленнаго ⁽⁴⁾.

§ 255.

Согласно съ различіемъ образовъ правленія, по мнѣнію Аристотеля, существуетъ и въ различной степени дружба между начальствующими и подчиненными. Какъ Царь имѣетъ самъ въ себѣ свою самостоятельность, превосходить всѣхъ другихъ благодѣланіи въ чемъ не нуждается, благотворить только своимъ подвластными, а самъ ничего отъ нихъ не заимствуетъ; то они и любятъ его въ высочайшей степени сообразно его достоинству ⁽⁵⁾. Въ Аристократіи лучший по добродѣтели заслуживаетъ и болѣе любовь гражданъ. Въ Политіи всѣ граждане любятъ друга въ равной мѣрѣ. Между тѣмъ въ несправедливыхъ образахъ правленія, какъ правда, такъ и дружба существуютъ въ меньшей степени, и всего меньше въ самомъ худшемъ, т. е. въ Тираниіи ⁽⁶⁾.

⁽¹⁾ Polit. III, 11. § 3. — ⁽²⁾ Eth. Nic. V, 3. § 7. — ⁽³⁾ Polit. I, 11. § 4. — ⁽⁴⁾ Ib. et § 8. Cf. II, 5. § 10—14. — ⁽⁵⁾ Eth. Nic. 10. § 2; 11. § 1—3. — ⁽⁶⁾ Ib. 11. § 4—8.

§ 256.

При всемъ этомъ изслѣдованіи о достоинствѣ различныхъ образовъ правленія, Аристотель предполагаетъ, что не во власти самихъ людей состоитъ избрать для себя такое или другое правленіе, а все зависитъ здѣсь отъ ихъ природнаго характера ⁽¹⁾, ихъ занятій ⁽²⁾, богатства ⁽³⁾, качествъ ихъ страны ⁽⁴⁾, пространства ихъ государства ⁽⁵⁾. Какъ по сему тотъ или другой образъ правленія для каждаго народа есть нечто болѣе или менѣе необходимое, то Аристотель и смотритъ снисходительно на несовершенства правленій. «Не всѣ государства,» говоритъ онъ, «въ состояніи достигнуть наилучшаго образа правленія ⁽⁶⁾.» Тѣмъ не менѣе онъ, подобно Платону, начертываетъ намъ образъ совершеннѣйшаго государства, устроеннаго во всѣхъ своихъ частяхъ сообразно высшимъ требованіямъ ума, — образецъ, къ которому по возможности должны приближаться всѣ государства и который одинъ только представляетъ собою вполне истинное государство.

6) Образецъ совершеннѣйшаго Государства.

§ 257.

Цѣль совершеннѣйшаго государства, по мнѣнію Аристотеля, есть жизнь добродѣтельная въ высочайшемъ значеніи сихъ словъ ⁽⁷⁾.

§ 258.

Количество собственно такъ называемыхъ гражданъ въ совершеннѣйшемъ государствѣ опредѣляется на

⁽¹⁾ Polit. III, 11. § 10—11. — ⁽²⁾ Polit. VI, 2. § 1—8; IV, 10. § 2—4. — ⁽³⁾ Polit. IV, 3. § 1—2. — ⁽⁴⁾ Polit. VI, 4. § 3. Cf. VII, 10. § 4. — ⁽⁵⁾ Polit. III, 10. § 9. — ⁽⁶⁾ Polit. IV, 1. § 3. Cf. c. 3. — ⁽⁷⁾ Polit. VII, 1—3.

основаніи слѣдующихъ соображеній. Государство слишкомъ малолюдное не можетъ быть самодовольнымъ. Напротивъ государство слишкомъ многолюдное не можетъ быть благоустроеннымъ; дать поря- докъ большому числу людей въ состояніи одна сила Божественная, которою держится цѣлый міръ. Итакъ для государства уже достаточно того числа гра- жданъ, при которомъ оно начинаетъ дѣлаться само- довольнымъ. Переступивъ сей предѣлъ, оно можетъ еще оставаться государствомъ; но это не простирает- ся въ безконечность. Для лучшаго отправленія суда для распредѣленія правительственныхъ должностей по достоинству и пр. граждане должны знать другъ друга; посему наибольшее число гражданъ для госу- дарства есть то, которое бы легко могло быть обо- зрѣно ⁽¹⁾. Впрочемъ число 5040, какое въ законахъ назначаетъ Платонъ для своего государства, Ари- стотель находитъ уже слишкомъ великимъ ⁽²⁾.

§ 259.

Способными по своей природѣ къ жизни государ- ственной Аристотель почитаетъ однихъ Грековъ. Народы, населяющіе холодныя страны и Европу, хотя полны мужественнаго духа (*θυμός*), но бѣдятъ разсудкомъ (*δύναμις*) и искусствомъ; почему хотя они всегда остаются свободными, но неспособны обра- зовать государство и не могутъ начальствовать надъ соседями. Народы Азіи хотя разсудительны, изобрѣ- тательны, но не имѣютъ мужественнаго духа, по- чему всегда находятся подъ властію другихъ и въ рабствѣ. Только Греки, занимая средину по мѣсту жительства, имѣютъ то и другое: и духъ мужествен- ной и разсудительности; почему, будучи соединены въ одно государство, они могутъ владычествовать надъ всѣми народами ⁽³⁾.

⁽¹⁾ Polit. VII, 4. — ⁽²⁾ Polit. II, 3. § 3. — ⁽³⁾ Polit. VII, 6. § 1—2.

§ 260.

Пашушию по качеству землю для государства Аристотелю представляется та, которая изобилуетъ самымъ нужнымъ. По пространству она должна быть такъ велика, чтобъ граждане отъ ея произведе- ній могли и сами жить умѣренно и оказывать другимъ гостепріимство ⁽¹⁾.

§ 261.

Къ числу гражданъ, собственно такъ называемыхъ, въ совершеннѣйшемъ государствѣ не относятся люди, занимающіеся только произведеніемъ предметовъ, нужащихся къ удовлетворенію физическихъ потре- бностей челоуѣка, хотя люди сего рода и необходимы въ государствѣ ⁽²⁾. Граждане посвящаютъ жизнь свою только войнѣ, управленію государствомъ и богослуженію, и при томъ такъ, что младшіе изъ гражданъ, находящіеся во всей крѣпости тѣлесныхъ силъ, занимаются дѣлами войны, — старшіе, кото- рымъ по ихъ возрасту наиболѣе свойственны опы- тность и благоразуміе, правятъ государствомъ, на- конецъ люди преклонныхъ лѣтъ находятъ для себя успокоеніе въ служеніи Божеству ⁽³⁾.

§ 262.

Средствами для того, чтобъ сдѣлать и сохранить государство добродѣтельнымъ, Аристотель вмѣстѣ съ Платономъ полагаетъ правильный порядокъ въ ро- жденіи и воспитаніи дѣтей. Духъ, господствующій въ правилахъ, относящихся къ рожденію дѣтей, у Платона и Аристотеля одинъ и тотъ же, хотя Ари- стотель признаетъ совершенно святость брака ⁽⁴⁾.

⁽¹⁾ Polit. VII, 5. § 1. Cf. § 2. seqq.; 10. § 1—3. — ⁽²⁾ Polit. VII, 7—8. § 2; cf. II, 6. § 2—4; III, 3. § 2—3. — ⁽³⁾ Ibid. VII, 8. § 3—6. — ⁽⁴⁾ Polit. VII, 14.

Что касается воспитанія, по учению Аристотеля, семи лѣтъ дѣти должны быть содержимы дома, потому всѣ они получаютъ одинаковое общественное воспитаніе; кромѣ Грамматики и Живописи, изучаются особенно Гимнастикъ и Музыкъ, искусства, достоинство которыхъ Аристотель вообще цѣнитъ одинаково съ Платономъ⁽³⁾.

2. Ученіе о домѣ.

§ 263.

Государство, по учению Аристотеля, не уничтожаетъ домашняго общества; последнее такъ же необходимо, какъ и первое. Общеніе женъ и дѣтей принимается въ противность домашнему обществу Платономъ, можетъ, по мнѣнію Аристотеля, породить только раздоръ между гражданами, когда каждый изъ нихъ будетъ присвоивать себѣ однихъ изъ тѣхъ же лицъ; оно изгоняетъ изъ государства сильнѣйшую любовь, которою соединяются между собою мужья и жены, родители и дѣти, братья и сестры; вмѣстѣ съ симъ у гражданъ отнимается сильнѣйшее побужденіе печься другъ о другѣ, такъ какъ мы особенно печемся о лицахъ, которыя принадлежатъ своимъ и которыхъ мы любимъ. Равнымъ образомъ общеніе имуществъ необходимо порождаетъ между гражданами съ одной стороны неравенство о вѣщахъ, составляющихъ общую собственность, съ другой — безконечныя распри и ссоры; оно дѣлаетъ невозможными для человѣка добродѣтели, для которыхъ требуется обладаніе частною собственностію. Видя у себя что либо въ собственности, говоритъ Аристотель, доставляетъ людямъ величайшее удовольствіе⁽¹⁾.

Частями дома у Аристотеля почитаются люди и вещи. Люди, находящіеся въ домѣ, раздѣляются

на свободныхъ и рабовъ. Между свободными людьми различаются: 1) союзъ супружескій, 2) союзъ родителей и дѣтей, 3) союзъ родственныи⁽¹⁾. Для каждаго изъ сихъ союзовъ, равно какъ и для всѣхъ отношеній домашнихъ, Аристотель старается найти основаніе въ самой природѣ.

а) О людяхъ внутри дома.

§ 264.

Основаніе дома есть союзъ супружескій. Первое начало союза супружескаго скрывается, по мнѣнію Аристотеля, во взаимномъ влеченіи половъ другъ къ другу, свойственномъ всемъ животнымъ⁽²⁾. Но у животныхъ союзъ половъ ограничивается произведеніемъ на свѣтъ существъ, имѣющихъ ту же природу, изъ отношенія одного пола къ другому тотчасъ образуется союзъ крѣпкій и благополучный. 1) Люди существуютъ не для того, чтобы жить какъ нибудь, а чтобы жить счастливо и добродетельно. Каждый изъ половъ одаренъ для сего особыми качествами. И такъ чтобы взаимно восполнить свои недостатки, мужъ и жена составляютъ между собою общество, сложивъ вмѣстѣ свои особенныя качества. Одно изъ сихъ лицъ создано для того, чтобы быть сильнѣе, другое слабѣе, чтобы первое по своему мужеству было способно къ нападенію, второе по своей бояливости способно къ охраненію, — чтобы первое приобрѣтало внѣ дома, второе сохраняло внутри его. Относительно трудовъ одно можетъ вести сидячую, но слабо для дѣлъ, производимыхъ открытотъ воздухъ; другое не такъ способно къ спокойной жизни, но бодро при движеніи. По отношенію къ дѣтямъ, одному принадлежитъ — вскормить ихъ, другому — воспитать⁽³⁾. 2) Другая связь супружескаго союза между людьми заключается въ добро-

(¹) Ibid. 15. — (²) Ibid. VIII. — (³) Polit. II, 1—3 (во многихъ мѣстахъ)

(¹) Oecon. 2. — (²) Oecon. 3; Eth. Nic. VIII, 12. § 7. — (³) Oecon. 3.

дѣтели: для каждого изъ супруговъ существуетъ добродѣтель особаго рода; а всякая добродѣтель соединяетъ людей другъ съ другомъ. 3) Наконецъ супруги связываютъ между собою дѣти, составляющія ихъ общее добро ⁽¹⁾, дѣти, которыя, пришедши въ лѣта, воздадутъ своимъ состарѣвшимся родителямъ то, что прежде получили отъ нихъ ⁽²⁾. Сии-то связи производятъ между супругами взаимную дружбу (*Филиа*), которая существуетъ между ними по самой природѣ ⁽³⁾.

§ 265.

Изъ любви супружеской произтекаетъ любовь между родителями и дѣтьми. «Родители», говоритъ Аристотель, «любятъ рожденное отъ нихъ, какъ и некоторую часть себя самихъ, можно сказать даже какъ себя самихъ, ибо происшедшее изъ нихъ есть какъ бы другіе они, отделившіеся отъ себя самихъ». Дѣти, напротивъ, любятъ своихъ родителей, какъ часть, изъ нихъ происшедшая, какъ люди, и одолженные своимъ бытіемъ, ими вскормленные воспитанные» ⁽⁴⁾.

§ 266.

Отъ любви между родителями и дѣтьми рождается сама собою, по словамъ Аристотеля, любовь между братьями, сестрами и вообще родными. Братья любятъ другъ друга, потому что произошли отъ тѣхъ же лицъ; тождество ихъ съ сими послѣдними дѣлаетъ ихъ тождественными другъ для друга, хотя они существуютъ раздѣльно. Одинаковость воспитанія равенство лѣтъ еще болѣе укрѣпляютъ любовь между ними. Наконецъ чѣмъ они добродѣтельнѣе, сходятъ по правамъ, чѣмъ болѣе могли испытать, узнать друга друга, въ теченіи продолжительнаго времени об-

(1) Eth. Nic. VIII, 12. § 7. — (2) Oecon. 3. — (3) Eth. Nic. VIII, 12. § 7. — (4) Eth. Nic. VIII, 12. § 2—3.

щаясь между собою, тѣмъ тверже бываетъ любовь между ними ⁽¹⁾. То же, хотя въ меньшей степени, можно сказать о любви между дальнѣйшими родственниками ⁽²⁾.

§ 267.

Существо отношеній между свободными членами — Аристотель сравниваетъ съ разными образами правленія въ государствѣ, и такъ же, какъ въ домашнемъ, отдѣляетъ правильное состояніе въ домашнихъ отношеніяхъ отъ неправильнаго. Въ правильномъ состояніи всѣ члены дома относятся другъ къ другу, какъ лица свободныя; но по самой природѣ ирривальной способиѣе управлять, нежели младшій, — мужина способиѣе, нежели женщина. Посему отецъ начальствуетъ надъ дѣтьми царски. Отношеніе мужа и женѣ есть аристократическое: мужъ начальствуетъ надъ своею женою по достоинству, какъ равный надъ равною, но только въ тѣхъ дѣлахъ, которыя до него относятся, предоставляетъ впрочемъ самой женѣ то, что принадлежитъ ей. Наконецъ союзъ между братьями, какъ скоро они по лѣтамъ не очень разнятся, сходитъ на государство, управляемое политически. Это естественный видъ домашнихъ отношеній! Въ противоположность симъ правильнымъ состояніямъ можетъ существовать въ домѣ, такъ какъ и въ государствѣ, своего рода Тираниія, Олигархія и Демократія ⁽³⁾.

Какъ въ домашнемъ обществѣ требуется начальствующее лице, а другіе народы, кромѣ Грековъ, с. въ вообще варвары, не имѣютъ въ своей душѣ начала начальствующей, т. е. ума, то Аристотель и находитъ между ними домашняго общества въ иривальномъ его видѣ: у варваровъ, по его словамъ, мужья отцы властвуютъ надъ своими женами и дѣтьми, какъ господа надъ рабами ⁽⁴⁾.

(1) Ibid. § 3—6. — (2) Ibid. § 4, § 7. — (3) Eth. Nic. VIII, 9. § 4—6; Polit. I, 5. § 1—2. — (4) Eth. Nic. VIII, 10. § 4; Polit. I, 1. § 5.

Главнымъ предметомъ попеченій домашняго общества, такъ же, какъ и государства, есть, по ученію Аристотеля, добродѣтель, безъ которой, какъ онъ говоритъ, нельзя ни повиноваться, ни начальствовать. Начальствующему въ домѣ надобно имѣть совершенную добродѣтель; изъ другихъ членовъ общества каждый столько долженъ имѣть ея, сколько нужно для исполненія его особеннаго дѣла. Добродѣтель первая есть добродѣтель начальственная, добродѣтель послѣдняя — служебная ⁽¹⁾.

Но какъ семейство или домъ есть только часть государства, а совершенство части должно быть направлено къ совершенству цѣлаго, то по отношенію къ добродѣтели членовъ дома Аристотель и требуетъ, чтобъ мужескій и женскій помы были воспитываемы принаровнительно къ существующему образу правленія. Для государства, говоритъ онъ, весьма важно, чтобъ помы, составляющій половину народонаселенія, чтобъ люди, которые должны въ послѣдствіи времени сдѣлаться полными гражданами, были добродѣтели ⁽²⁾.

Такимъ образомъ домашняя жизнь возводится за-
въ жизнь государственную.

§ 268.

Кромѣ свободныхъ лицъ къ дому принадлежать ра-
бы.

Существо рабства Аристотель полагаетъ въ томъ, что человекъ дѣлается собственностью другаго ⁽³⁾.
1) есть ли такіе люди отъ природы или нѣтъ? Ес-
утверждаетъ Аристотель и старается доказать это на-
чаль ума при посредствѣ опыта. Во всемъ, гово-
ритъ онъ, что составляется изъ многаго, направленнаго
къ одной цѣли, и образуетъ одно цѣлое, во всемъ сло-

омъ одно существо, какъ лучшее, является началь-
ствующимъ, другое состоящимъ у него подъ началь-
ствомъ, и такое отношеніе не только необходимо, но
полезно для обѣихъ сторонъ. Даже въ предметахъ
родушевленныхъ, безжизненныхъ есть какое-то на-
чальство, какъ-бы начальство гармоніи. Въ живот-
ныхъ душа начальствуетъ надъ тѣломъ, въ душахъ ра-
бовъ надъ пожеланіями. Между самыми животными
одни начальствуютъ надъ всеми другими, между людьми
мужескій помы надъ женскимъ. Вездѣ въ сихъ
лучшихъ для одного — лучшаго столь же полезно и
естественно начальствовать, сколько для другаго —
лучшаго быть у него подъ начальствомъ. Въ подоб-
номъ отношеніи надобно по необходимости быть и
сѣмь людямъ между собою. И такъ, если которые
въ людей столько же стоятъ ниже другихъ, сколько
душа ниже души, или звѣрь ниже человека; то они
бы по природѣ, для нихъ всего лучше быть подъ
начальствомъ другаго. Въ самомъ дѣлѣ такіе люди тѣмъ
только отличаются отъ неразумныхъ животныхъ, что
могутъ понимать разумныя приказанія, хотя сами
помы не имѣютъ разума, тогда какъ прочія живот-
ныя слѣдуютъ только своему неразумному побужде-
нію: польза отъ тѣхъ и другихъ одинакова; все ихъ
дѣло ограничивается тѣлесною работою ⁽¹⁾. Но послѣ
этого Аристотель ⁽²⁾ встрѣчаетъ немаловажный вопросъ:
почему же распознать, у кого именно рабская при-
рода, у кого нѣтъ? Души видѣть нельзя; что же ка-
жется тѣла, то люди при душахъ свободнаго имѣютъ
и раба, и наоборотъ при тѣлѣ раба душу
свободнаго. Тѣмъ не менѣе, говоритъ Аристотель, на-
добно признаться, что нѣкоторые люди вездѣ рабы,
другіе — вездѣ свободны, и что въ нѣкоторыхъ ли-
цахъ это опредѣлено съ точностію. Именно, на всѣхъ
араваровъ онъ смотритъ, какъ на людей, рожден-
ныхъ для рабства ⁽³⁾.

Впрочемъ существо взаимныхъ отношеній между
оспидномъ и рабомъ опредѣляетъ Аристотель снп-

⁽¹⁾ Polit. I, 5. § 3—9. — ⁽²⁾ Polit. I, 5. § 12. — ⁽³⁾ Polit. I, 2. § 3—

⁽¹⁾ Polit. I, 2. § 8—14. — ⁽²⁾ Polit. I, 2. § 14—20.

сходительнымъ образомъ. По его словамъ, между нами, изъ коихъ одно дѣйствительно имѣетъ свойство господина, другое — раба, само собою рождается дружелюбное отношеніе. Справедливость и взаимная польза обѣихъ сторонъ требуетъ, чтобы одно лице начальствовало, а другое повиновалось, сообразуясь съ самымъ существомъ начальства; худо господствовать или худо служить — не приносить пользы ни господину, ни рабу (1).

Посему для раба такъ же существуетъ добродетель своего рода, какъ и для другихъ лицъ въ семействѣ. Но добродетель раба непосредственно обращена къ пользѣ его господина, отъ котораго она и протекаетъ, и состоитъ только въ томъ, чтобы раба доблести или невоздержности не оставляя своей работы (2).

6) О вещахъ въ домѣ.

§ 269.

Для дома необходимы различныя вещи. Существованіе между владѣльцемъ и его вещами имущественное Аристотель представляетъ себѣ въ видѣ отношенія, находящагося между цѣлымъ и частію. Имущество есть какъ бы часть тѣла владѣльца, существующая отдѣльно. Въ слѣдствіе такого отношенія имущество принадлежитъ владѣльцу въ собственности (3).

Основанія власти человѣка надъ вещами Аристотель ищетъ въ установленіи самой природы. Производя животныхъ на свѣтъ, говоритъ онъ, природа заботится въ тоже время и о средствахъ ихъ питанія. Что касается самаго перваго возраста жизни, то нѣкоторые животные, раждая, съ тѣмъ вмѣстѣ производятъ и столько пищи, сколько ея потре-

(1) Polit. I, 2. § 90; cf. Eth. Nic. VIII, 11. § 6—7; Polit. III, § 4; Oecon. 5. — (2) Polit. I, 5. § 9—11. — (3) Polit. I, 2. § 3—cf. § 20.

буется до тѣхъ поръ, пока дѣти ихъ не въ состояніи дѣлать сами доставать себѣ пищу. Таковы напр. всѣ животныя, которыя кладутъ яйца. Другія животныя, раждая живыхъ дѣтей, содержатъ въ себѣ самихъ достаточную пищу для прокормленія ихъ въ теченіи вѣснаго времени, т. е. молоко. Такимъ же образомъ должно предполагать, что природа не оставляетъ животныхъ безъ средствъ пропитанія и сохраненія до достиженія ими совершеннаго возраста, а следовательно мы должны принять, что по намѣренію природы растенія существуютъ для животныхъ неразумныхъ, животныя же неразумныя для людей (4).

Между разными видами промышленности, какъ способами пріобрѣтенія собственности, Аристотель считаетъ 1) земледѣліе и наиболѣе сообразнымъ съ природою, потому что по природѣ всѣ существа получаютъ пищу отъ матери, а земля служитъ для людей общемою матерью, и самымъ благороднымъ, потому что такое занятіе особенно способствуетъ къ возведенію и укрѣпленію мужественнаго духа въ человѣкѣ. Сюда же относится и скотоводство. Но 2) каждая вещь, по ученію Аристотеля, можетъ быть употребляема или непосредственно, или для мѣны. И такъ люди, имѣя у себя однихъ вещей болѣе, другихъ менѣе, нежели сколько имъ было нужно, начинаютъ производить мѣну другъ съ другомъ. Для произведенія же ея удобнѣе и скорѣе были изобрѣтены деньги. Съ тѣмъ вмѣстѣ родились разные промыслы, изъ которыхъ цѣлью есть пріобрѣтеніе денегъ; таковы: торговля, отдача денегъ въ ростъ и работы изъ денегъ, куда принадлежатъ всѣ ремесла. Въ срединѣ между первымъ — самымъ естественнымъ, и вторымъ — совершенно искусственнымъ способомъ пріобрѣтенія вещей находятся горныя промыслы, лѣсообработка и т. п. Ни одинъ изъ промысловъ, имѣющихъ въ виду только пріобрѣтеніе денегъ, въ глазахъ Аристотеля не заслуживаетъ одобренія (5).

(4) Polit. I, 3. § 6—7. — (5) Polit. I, 3. § 10—23; 4. § 2—3; 5. § 10; Oecon. 2.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Философія Стоическая, Епикурейская
Скептическая.

§ 270.

Платонъ и Аристотель не имѣютъ строгой, логической системы. Построить ее предпринимаютъ Стоики и Епикурейцы; но тѣ и другіе рѣшаютъ эту задачу одностороннимъ образомъ, основываясь на томъ, какъ первые, на однихъ высшихъ началахъ разума, или, какъ вторые, на показаніяхъ чувства; почему, неспровергая себя взаимно, разрушаются Скептицизмомъ — Скептицизмомъ, собственно такъ называемымъ и Скептицизмомъ Средней и Новой Академіи.

А. Философія Стоическая.

§ 271.

Стоицизмъ ⁽¹⁾ въ теоретической его части былъ продолженіемъ Гераклитовой Философіи, въ практической — Философіи Антисѳеновой. По той и другой Философіи онъ далъ видъ системы и общія ихъ положенія возвысилъ въ достоинство всеобщихъ началъ.

Богъ для Стоиковъ есть одно и тоже съ міромъ. Въ бытіи міра они различаютъ два состоянія: состояніе безразличія всѣхъ вещей и состояніе различія. Первое есть состояніе совершеннѣйшее. Міръ въ непрерывномъ круговращеніи переходитъ отъ одного изъ сихъ состояній къ другому. Богъ, какъ душа міра, въ физическомъ отношеніи есть для Стоиковъ движущая сила матеріи, всеобщая природа, необходи-

(1) Зенонъ, основатель Стоической Философіи, род. около 360 до Р. Х., ум. между 264 и 260 г.

мость, судьба вещей; въ нравственномъ отношеніи онъ есть всеобщій разумъ, управляющій міромъ, источникъ закона естественнаго, повелѣющаго доброе и возбраняющаго злое, каратель преступниковъ, праведный мздовоздатель для тѣхъ, которые соблюдаютъ Его законъ.

По сему и правоученіе Стоиковъ имѣетъ въ виду не только всеобщее, разрушая, попирая все особенное, индивидуальное въ человѣкѣ. Жить согласно со всеобщей природою — вотъ самое первое выраженіе ихъ нравственнаго начала! Но чего же требуетъ общій законъ природы отъ извѣстнаго рода существъ? Это определяется особенною природою каждого существа, въ коей всеобщая природа какъ бы открываетъ свою волю. Отсюда новое выраженіе стоическаго нравственнаго начала: жить согласно съ человеческою природою. Но особенную природу человѣка составляетъ не другое что, какъ здравый разумъ. И такъ жить согласно съ здравымъ разумомъ — вотъ последнее Стоическое выраженіе нравственнаго начала! Но одно согласіе дѣянія со всеобщей природою, или съ природою человѣка, или съ требованіями здраваго разума, не составляетъ еще существа добродѣтели, какъ понимаютъ ее Стоики. Они различаютъ два рода дѣяній: пристойныя дѣянія и дѣянія совершенныя (*катарвома*). Пристойнымъ дѣяніемъ зовутъ они все то, что происходитъ согласно съ природою, и дѣйствія сего рода приписываютъ не только дѣтямъ, но и неразумнымъ животнымъ, даже растениямъ. Такія дѣйствія сами по себѣ еще не могутъ быть названы ни добрыми, ни худыми. Добрыми дѣлаются они отъ того, что предпринимаются въ слѣдствіе одобренія разума, и тогда-то получаютъ достоинство дѣяній совершенныхъ. Твердое, неизмѣнное расположеніе души, дѣйствовать всегда только по внушеніямъ здраваго разума, есть характеръ Стоической добродѣтели. Человѣкъ совершенно свободный отъ страстей, т. е. отъ неразумныхъ, страдательныхъ движеній сердца, ничѣмъ не возмущаемый въ спокойствіи своей разумной дѣятель-

ности, поставляющій все свое благо въ добродѣтели, есть въ понятіи Стоиковъ мужъ истинно добродѣтельный, истинный мудрецъ.

Такимъ образомъ Стоическое правоученіе оставалось отвлеченнымъ и не могло достигнуть до системъ законовъ государственной жизни. Стоическій мудрецъ ни въ комъ и ни въ чемъ не нуждается. Онъ носитъ въ себѣ самомъ правило для рѣшенія всѣхъ вопросовъ о добрѣ и злѣ; онъ стоитъ выше всѣхъ законовъ и обычаевъ. Первые Стоики дѣйствительно представлялись еще совершенными Циниками. Политика, написанная Зенономъ, уничтожала, собственно говоря, самое государство. Идеалъ ея состоялъ въ томъ, чтобъ люди совсѣмъ не различались между собою по государствамъ, народамъ и законамъ, все жили въ общемъ согласіи, какое соединяетъ весь міръ, жили, какъ стадо овецъ, пасущееся въ одномъ мѣстѣ, питаясь отъ одного закона, какъ отъ общаго пастбища⁽¹⁾. Такія же мысли имѣли и другіе Стоики. По мнѣнію Стоиковъ, далѣе, нѣтъ безусловной обязанности жить въ бракѣ, въ государствѣ и проч. Мудрецъ вступитъ въ подобныя отношенія, женится, приметъ участіе въ управленіи дѣлъ государственныхъ и проч. если только это не будетъ препятствовать его добродѣтели, и государство устроено надлежащимъ образомъ, иначе онъ удалится отъ общества и будетъ вести жизнь уединенную⁽²⁾. Многіе Стоики наконецъ отдавали положительное предпочтеніе жизни созерцательной предъ дѣятельною⁽³⁾; такъ какъ и вообще вѣнчаніе дѣятельности для Стоической добродѣтели не важна, а важна только твердая добрая воля.

Б. Философія Эпикурейская.

§ 272.

Эпикуръ⁽⁴⁾, въ теоретической части Философіи, будучи послѣдователемъ Левкиппа и Демокрита, въ

(1) Plut. de Alex. fort. I, 6. — (2) Diog. Laert. VII, § 120—121. Stob. ecl. II, p. 184; 224; 228. — (3) На пр. о Гериллѣ см. de fin. IV, 14; V, 25. — (4) Эпикуръ род. въ 357 г., ум. 270 г. до Р. X.

практической былъ только усовершенителемъ ученія Аристиппова. Стремясь къ счастью, непрерывно продолжающемуся во всю жизнь, онъ полагалъ верховное благо не въ чувственномъ удовольствіи, какому предаются люди развратные, а въ свободѣ отъ тѣлесныхъ скорбей, такъ особенно въ свободѣ отъ душевныхъ смущеній, или въ невозмутимости духа. Согласно съ симъ нравственнымъ началомъ Эпикуръ отвергалъ бытіе справедливаго въ себѣ самомъ; по его мнѣнію, такъ называемое справедливое основывается только на договорѣ людей, взаимно согласившихся не обижать другъ друга, на томъ концѣ, чтобъ, не дѣлая съ своей стороны вреда, и самимъ не терпѣть его⁽¹⁾. Естественно или всеобщее справедливое онъ называлъ то, что для всѣхъ и каждаго полезно въ общежитіи. Но по различію временныхъ и мѣстныхъ обстоятельствъ, думалъ онъ, и справедливое бываетъ различно, а слѣдовательно можетъ измѣняться⁽²⁾.

В. Скептицизмъ.

§ 273.

Академія Средняя⁽³⁾ и Новая⁽⁴⁾ утверждала, что представленія человѣческія могутъ быть вѣролѣиye для другихъ, но что здѣсь нельзя достигнуть до твердой истины. Отсюда и въ нравственномъ отношеніи Академики допускали только большую или меньшую вѣролѣиye познанія, и говорили, что въ выборѣ между добромъ и зломъ надобно слѣдовать вѣролѣиyшему⁽⁵⁾. Карнеадъ, утверждая, что нѣтъ ничего справедливаго въ самомъ себѣ, приводилъ въ пользу своего мнѣнія слѣдующія доказательства: 1) Еслибъ существовало нѣчто справедливое въ са-

(1) Diog. L. X, § 150. — (2) Ib. § 151—153. — (3) Аркесилай, основатель Средней Академіи, род. въ 318 или 316 г. до Р. X., ум. въ 241 или 239 г. — (4) Карнеадъ, основатель Новой Академіи, род. около 215 г. до Р. X., ум. въ 130 г. — (5) Sext. Emp. adv. Mathem. VIII, 158.

момъ себѣ, то оно было бы всегда и вездѣ одно-
тоже; напротивъ мы видимъ, что у разныхъ наро-
довъ, и даже у одного и того же народа въ разные
времена и для разныхъ классовъ людей не одно-
и тоже почитается справедливымъ ⁽¹⁾. 2) Благо-
разуміе не рѣдко требуетъ противнаго справедливости
такъ что въ сихъ случаяхъ для государства и част-
ныхъ лицъ было бы величайшею глупостію слѣдо-
вать требованіямъ справедливости ⁽²⁾. И такъ, думая
Карнеадъ, мать справедливости есть слабость. Людямъ
надлежитъ выбирать что нибудь одно изъ трехъ:
или дѣлать несправедливость, но не терпѣть ея; или
дѣлать несправедливость и терпѣть; или и не дѣлать
несправедливости, и не терпѣть ея. Но какъ для
перваго силъ одного человѣка недостаточно, а второе
есть самое бѣдственное состояніе; то люди и выби-
раютъ для себя третье, ограничивая, но и защищая
себя законами ⁽³⁾.

§ 274.

Скептицизмъ, собственно такъ называемый ⁽⁴⁾,
отвергалъ самое различіе между большею и мень-
шею достовѣрностію. Стоять выше всякаго сомнѣ-
нія, не колебаться между тѣмъ или другимъ мнѣ-
ніемъ, быть всегда равнымъ себѣ самому, чистымъ
въ своемъ самосознаніи, — составляло цѣль Скепти-
цизма. Для сего надлежало пріобрѣсти равнодушіе ко всемъ
мнѣніямъ людскимъ объ истинѣ и заблужденіи,
добрѣ и злѣ, о справедливости и несправедливости.
Такимъ образомъ, ссылаясь на различіе законовъ
положительныхъ и мнѣній Philosophовъ о предметахъ
справедливости и законодательства, Скептики доказы-
вали, что нѣтъ ничего ни добраго, ни худаго

⁽¹⁾ Cic. de rep. III, 8—11. — ⁽²⁾ Ib. 12—13; 15—20. — ⁽³⁾ Ib. 14.
— ⁽⁴⁾ Основателемъ собственно такъ называемой Скептической Фило-
софіи признается Пирронъ, славившійся около 340 г. до Р. Х.
ум. около 288 г. — Эвезидемъ, возобновившій эту Философію
особеннымъ успѣхомъ, славился около 50 г. до Р. Х. Секстъ Эм-
пирикъ въ концѣ 2-го вѣка послѣ Р. Х. довершилъ развѣтъ
Скептицизма.

момъ себѣ и только законъ и обычай устанавливаютъ
различіе между добрымъ и худымъ, между спра-
дливымъ и несправедливымъ ⁽¹⁾.

§ 275.

Скептицизмъ оканчивается отрицаніемъ всего пред-
метнаго міра. Весь предметный міръ самосознанія при-
дается Скептицизмомъ въ сотрясеніе, опровергнуто,
окрушено, уничтожено. Посреди сего ничтожества
остается одно только самосознаніе съ самимъ собою,
оуглубившись такимъ образомъ самъ въ себя,
оно дѣлаетъ собственное свое существо предметомъ
всего самосознанія и поражаетъ внутри себя новый
внутренний міръ, отличный отъ всего, что доселѣ
существовало, и не находя для себя удовлетворенія
въ вѣнности, ищетъ и находитъ его въ своей вну-
шенности. Это есть уже Философія слѣдующаго
периода.

ПЕРІОДЪ III.

ГРЕЧЕСКАЯ Философія между Римлянами и Восточ-
ными народами.

§ 276.

Тогда какъ Греческая Философія боролась особен-
но съ Скептицизмомъ, въ ней приняли участіе и дру-
гіе древніе народы, т. е. какъ жители Востока, такъ
и Римляне. Греческія Царства, основанныя по смер-
ти Александра Македонскаго на Востокъ, сблизили
между собою Грековъ и жителей Востока самымъ
тѣснымъ образомъ. Для Философіи слѣдствія такого
близженія обнаружались только спустя три вѣка
послѣ Александра, именно въ ученіи Филона Иудейскаго.

⁽¹⁾ Sext. Empir. Hup. Pyrrh. I, 14. § 145; § 148—149; 15. § 164.
seqq.

нина; но и послѣ того прошли еще два столѣтія, пока явился Плотинъ, который, съ послѣдователями его, соединивъ Греческую Философію съ преданіями Востока, далъ ей видъ окончательный.

Дѣятельному участию Востока въ Греческой Философіи предшествовали занятія въ ней Римляне. Покоривъ Грецію, Римляне тотчасъ приняли отъ побѣжденнаго народа вмѣстѣ съ разными искусствами и науками и Философію. Однако же начать упражняться въ ней еще задолго до того времени, какъ въ Филонѣ открылись первые слѣды столкновенія Греческихъ понятій съ восточными, они едва могли. Должны свои упражненія за эпоху, ознаменованную Плотининомъ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Греческая Философія между Римлянами.

§ 277.

Мы изложили ⁽¹⁾ причины, по которымъ Римляне не могли имѣть собственной Философіи. И такъ, когда они почувствовали потребность въ Философіи, то, обратившись къ Философіи Греческой, большею частью старались только изучать ее, переводя на свой языкъ творенія Греческихъ Философовъ, сокращая, перерабатывая. Само собою разумѣется, что нѣкоторыя понятія были при томъ пояснены, опредѣлены точнѣе; но вообще содержаніе Философіи приобрѣло здѣсь очень немного.

§ 278.

Между Римлянами, занимавшимися Философіею, заслуживаетъ особенное вниманіе Цицеронъ ⁽²⁾. До

⁽¹⁾ См. выше § 183. — ⁽²⁾ Цицеронъ род. въ 108 г. до Р. Х., ум. въ 44 г.

Философіи Законодательства онъ примѣчательнѣе, по двумъ причинамъ. 1) Въ рѣшеніи Метафизическихъ вопросовъ будучи свободнымъ и безпристрастнымъ послѣдователемъ новой Академіи, онъ въ большей части Философіи практической держался наипростѣе Стоиковъ ⁽¹⁾. Посему обработывая практическую Философію въ духѣ Стоическомъ, онъ частью раскрылъ нѣсколько далѣе Стоическія начала въ ихъ послѣдствіяхъ, частью сохранилъ для насъ въ своихъ реченіяхъ нѣкоторыя мысли Стоиковъ о предметахъ законодательства, мысли, которыя въ противномъ случаѣ были бы для насъ потеряны. 2) Когда новыя народы стали заниматься науками; тогда какъ Римскіе законы составили основаніе ихъ гражданскаго законодательства, такъ Цицероновы мнѣнія дали первое направленіе ихъ теоріямъ о законодательствѣ.

§ 279.

Что касается общихъ понятій о правдѣ и справедливости, — начало правды Цицеронъ возводитъ къ закону, потому что законъ служить мѣрою справедливаго и несправедливаго ⁽²⁾. Подъ именемъ закона разумѣется здѣсь законъ вѣчный и неизмѣнный, существовавшій прежде всѣхъ писанныхъ законовъ. Это есть самый разумъ, повелѣвающій, что должно дѣлать, запрещающій тому противное, разумъ въ томъ случаѣ, совершеннѣйшемъ видѣ, въ какомъ онъ является по достиженіи полнаго своего развитія и удостоивается названія мудрости ⁽³⁾.

Единство правды между существами есть, по мнѣнію Цицерона, прямое слѣдствіе единства въ нихъ разума. Разумъ, говоритъ Цицеронъ, находится какъ въ человѣкѣ, такъ и въ Богѣ. И такъ по разуму всему человѣкѣ находится въ обществѣ съ Богомъ. То у кого разумъ общій, у тѣхъ и здравый разумъ

⁽¹⁾ De off. I, 2. — ⁽²⁾ De leg. I, 6. — ⁽³⁾ De leg. I, 6; De rep. III, 22 (изъ Lact. Instit. VI, 8).

есть общій. А разумъ есть законъ. Следовательно люди и боги соединены между собою общимъ закономъ. Но у кого законъ общій, у техъ общая и правда; такія существа принадлежатъ къ одному и тому же обществу. Весь міръ по сему есть одно общество, составленное изъ боговъ и людей ⁽¹⁾. Но ни какіе существа такъ не сходны другъ съ другомъ, такъ не равны между собою, какъ люди. У всѣхъ людей одинъ и тотъ же разумъ, тѣ же способности, тѣ же страсти и проч. Но кому данъ разумъ отъ природы, тѣмъ данъ и здравый разумъ, следовательно законъ; если же законъ, то и правда. И такъ, законъ, по Цицеронъ, правда для всѣхъ людей есть одна ⁽²⁾. Кроме общества, составляющагося изъ всего рода человеческого, Цицеронъ изчисляетъ другіе виды общества: 1) общество, состоящее изъ людей одного племени, языка; 2) общество гражданъ одного государства; 3) общество супруговъ, дѣтей и родителей; 4) союзъ родственныи ⁽³⁾.

Усматривая повсюду разные виды общества, естественно образующагося между людьми, Цицеронъ не правду видитъ дѣйствіе самое несогласное съ природою. Еслибъ, говорить онъ, каждый для собственной выгоды сталъ обижать другаго, то по необходимости разрушилось бы человеческое общество: тѣ, которые, ничего не отнимая у своихъ родныхъ, воздерживаются отъ подобныхъ поступковъ по отношению къ другимъ согражданамъ, вѣрно предполагаютъ, что между ими и согражданами не существуетъ никакой правды и никакого общества для общей пользы, — но такое мнѣніе разрываетъ весь союзъ гражданскаго общества; тѣ, которые сохраняютъ уваженіе къ лицу согражданина, не хотятъ соблазнить того же самаго относительно иноземцевъ, разлагаютъ общій союзъ рода человеческого ⁽⁴⁾.

Самая правда заключаетъ въ себѣ, по мнѣнію Цицерона, существенно двѣ части: съ одной стороны

⁽¹⁾ De leg. I, 7 (Cf. 8—9). — ⁽²⁾ De leg. I, 10—12. — ⁽³⁾ De off. 16—17. — ⁽⁴⁾ De off. III, 6.

человѣкъ самъ не долженъ никого обижать, если не будетъ вынужденъ къ тому нанесенною ему обидою; съ другой, онъ долженъ еще, если можетъ, защищать другихъ отъ обидъ. Кто неправедно нападетъ на другаго, тотъ поднимаетъ руки на союзниковъ; а кто не защищаетъ другаго отъ обидъ, тотъ бы въ случаѣ нападенія покидаетъ родителей, отечество, союзниковъ ⁽¹⁾.

Кромѣ правды (justitia) общество человеческое держится, по словамъ Цицерона, благотворительностію (beneficentia), которая находится въ самой тѣсной связи съ первою, и дѣйствіемъ коей человѣкъ, такъ какъ онъ рожденъ не для себя одного, но и для своего отечества, для друзей, раздѣляетъ свои собственныя блага со всѣми своими сообщниками ⁽²⁾.

§ 280.

Подробныя изслѣдованія о разныхъ образахъ правленія и вѣтвяхъ законодательства Цицеронъ представлялъ, по примѣру Платона, въ сочиненіяхъ о Государствѣ и о Законахъ. Въ первомъ сочиненіи онъ старался представить наилучшій образъ правленія, во второмъ начертать законы для государства, состоящаго подъ такимъ правленіемъ ⁽³⁾. Но вмѣстѣ съ Помпеемъ ⁽⁴⁾ почитая самымъ лучшимъ правленіе, существовавшее у Римлянъ во времена Царей и потомъ перешедшее или менѣе сохранявшееся до временъ первой гражданской войны, т. е. смѣшенное изъ монархіи, аристократіи и демократіи ⁽⁵⁾, равнымъ образомъ вѣровалъ и на законы сего періода своего отечества, какъ на самые совершенныя ⁽⁶⁾, Цицеронъ въ обоихъ своихъ сочиненіяхъ представляетъ только апологію картинѣ древнихъ Римскихъ установленій. Въ размышленіяхъ, какія надлежало дѣлать при семъ случаѣ, онъ держится обыкновенно Греческихъ Философовъ ⁽⁷⁾.

⁽¹⁾ De off. I, 7. — ⁽²⁾ De off. I, 7; 16. — ⁽³⁾ De leg. I, 5; De rep. I, 20. — ⁽⁴⁾ Polib. Hist. VI, 11. — ⁽⁵⁾ De rep. I, 21. Cf. I, 46; II, 1; 39. — ⁽⁶⁾ De leg. II, 10. — ⁽⁷⁾ De rep. I, 23.

Какъ Римлянинъ, Цицеронъ вообще предпочитаетъ жизнь дѣятельную, и особенно политическую, жизни созерцательной. Все достоинство добродѣтели, говоритъ онъ, заключается въ ея приложеніи къ жизни, и особенно къ управленію государствомъ (1). Человѣкъ ничѣмъ столько не уподобляется Божеству, какъ или созидая новыя государства, или сохраняя уже созданныя (2); философы, которые изъ любви къ наукамъ удаляются отъ дѣлъ государственныхъ и оставляютъ безъ защиты людей, которыхъ бы они должны были защищать, хотя не дѣлаютъ одного несправедливости, за то впадаютъ въ другую (3).

Государство по понятію Цицерона есть народъ. Впрочемъ народомъ онъ называетъ не всякое множество людей, какъ бы то ни было собранныхъ въ одно мѣсто, но совокупность людей, соединенныхъ между собою единствомъ правды и общими выгодами. Первою причиною, побудившею людей составить такое общество, Цицеронъ почитаетъ столько слабость, сколько естественное какое-либо влеченіе людей другъ къ другу (4); но самое происхожденіе отсюда гражданскаго общества онъ представляетъ себѣ какъ бы дѣломъ человѣческой разсудительности (5).

§ 281.

Объ отношеніяхъ частной жизни мы уже замѣтили, въ какой полнотѣ у Цицерона признаются разные виды союза семейственнаго. Что касается первыхъ начала, онъ производитъ ихъ изъ общей животной природы (6). Законность рабства онъ защищаетъ такъ же, какъ Аристотель (7).

(1) De rep. I, 2. — (2) Ib. 7. Cf. De off. I, 43—44. — (3) De off. I, 17 (по Аристотелю). — (4) De off. I, 4. — (5) De rep. III, 24—25 (Пзъ Aug. de Civ. D. XIX, 21; contra Julian. p. 14, 61).

Всѣ вещи Цицеронъ почитаетъ по природѣ общими для всего рода человѣческаго. Частною собственностію дѣлаются онѣ, по его словамъ, въ силу овладѣнія, победы надъ непріателемъ, закона, договора, мовія, жеребья (1).

Изъ разныхъ видовъ промышленности Цицерономъ признаются всѣ тѣ, кои навлекаютъ на себя ненависть людей (напр. отдача денегъ въ ростъ); всѣ тѣ, въ покупается одна работа, а не искусство; далѣе, почная торговля; ремесла; наконецъ искусства, которыя служатъ однимъ чувственнымъ удовольствіямъ. обряются напротивъ искусства, требующія особенной разсудительности, или доставляющія людямъ значительную пользу (напр. Медицина, Архитектура); и, наконецъ, производимая въ большомъ видѣ; и, наконецъ преимущественно земледѣліе (2).

§ 282.

У Цицерона въ первый разъ мы находимъ истиннаго понятія о правдѣ между народами. Мы видели, какъ, основываясь на единствѣ разума во всѣхъ людяхъ, онъ утверждаетъ и единство правды между ними, какъ онъ въ неуваженіи правъ иностранцевъ мотивируетъ расторженіе общаго союза рода человѣческаго. Въ особенности онъ первый опредѣляетъ лежащимъ образомъ взаимныя между собою отношенія воюющихъ народовъ. Требуя, чтобъ люди блюдали нѣкоторыя должности и противъ тѣхъ, въ коихъ они получили обиду, онъ различаетъ два вида брани: брань на словахъ и брань съ употребленіемъ силы. Людямъ, по его мнѣнію, прилична только первая; напротивъ послѣдняя причина неразумнымъ животнымъ, и слѣдовательно имъ должно прибѣгать уже тогда, когда нельзя раниваться первою. Вообще, по ученію Цицерона, силу должно предпринимать только для того, чтобъ

(1) De off. I, 7. — (2) De off. I, 42.

жить въ мирѣ безъ обиды; по одержаніи побѣды должно сохранять тѣхъ, которые не были жестоки на войнѣ, соблюдать слово, данное и врагамъ, употреблять только законныя средства для ихъ гибели (1).

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Греческая Философія между восточными народами

§ 283.

Изъ соединенія Греческихъ умозрѣній съ преданіями востока произошло нѣсколько особенныхъ системъ: *ученіе Филона* (2), *Гностицизмъ*, *Каббала*, *Философія Неоплатоническая* (3). *Общее направленіе* духа было здѣсь у всѣхъ одинаково. Видя истинное добро въ одномъ Богѣ, какъ Онъ существуетъ Самъ въ Себѣ, всѣ умы признавали здѣсь послѣднее для себя цѣлью непосредственное соединеніе съ Богомъ. Состояніе такого единенія было почиталось высочайшимъ совершенствомъ, превосходнѣйшею добродѣтелью. Чтобы достигнуть до него, требовалось поправленіе чувственности, искорененіе страстей, совершенная чистота души. Бѣжать для сего отъ свѣта, отъ обыкновеннаго человеческого общества — вотъ что было наконецъ послѣднимъ правиломъ древней Философіи. Область законодательства по существу вообще была исключена изъ числа предметовъ, подлежащихъ изслѣдованію.

§ 284.

Но было бы несправедливо утверждать, что *Неоплатоники* мало занимались Философіею законовъ.

(1) De off. I, 11—13. — (2) Филонъ Иудейскій род. за нѣсколько лѣтъ до Р. Х., скончался около 34 г. по Р. Х. — (3) Изъ Неоплатониковъ замѣчательны: Платинъ род. въ 205 г., ум. въ 270 г. по Р. Х.; Порфирій род. въ 233 г., ум. въ 304 г.; Ямвлихъ ум. въ 333 г.; Проклъ род. въ 412 г., ум. въ 485 г.

Напротивъ, они обращали на нее все вниманіе, какое она заслуживала. Платинъ предполагалъ основать государство въ духъ разговоровъ Платоновыхъ о государствѣ; Порфирій, Ямвлихъ, Проклъ писали разныя сочиненія, имѣющія своимъ предметомъ государство (1). Платонъ и здѣсь, какъ вообще, служилъ для Неоплатониковъ главнымъ руководителемъ, даже болѣе, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ Философіи. Тѣмъ не менѣе возвышенныя начала нравственности, до какихъ достигнулъ Стоицизмъ, та сила, какую онъ открывалъ въ самомъ разумѣ, определять человека къ добру независимо отъ физическихъ влеченій, то сознаніе нравственнаго низожества физическихъ наклонностей, расположеній, дѣйствій, не проистекающихъ изъ свободной воли, какое въ немъ пробудилось, — все это не было потеряно и между Неоплатониками. Но тогда, какъ Стоическій идеалъ государства уничтожалъ такое государство, они, воспринимая въ свою Философію идеалъ Платоновъ, сдѣлали для себя государство въ нѣкоторой степени возможнымъ. Впрокъ удаляя отъ себя заботы объ удовлетвореніи физическихъ потребностей жизни, какъ предметовъ, принадлежащихъ къ области вещественнаго, пренебрегая союзомъ семейственнымъ и не приписывая никакой силы физическимъ различіямъ между людьми, Неоплатоники становились съ своимъ государствомъ совершенно внѣ дѣйствительнаго міра, внѣ всѣхъ союзовъ общежитія, которые здѣсь имѣютъ силу и значеніе. Они сосредоточивались единственно на самихъ себѣ. Государство въ томъ видѣ, какъ мы его себѣ воображали, было только рядомъ ступеней, по которымъ человекъ долженъ восходить при очищеніи своей души, доколѣ она, собравшись сама въ себя, не сдѣлается способною вести жизнь чисто внутреннюю и погрузиться въ созерцаніе Божества.

Порфирій писалъ de vita Pythagorae, Ямвлихъ de vita Pythagorae, — сочиненія частію политическаго содержанія; Проклъ писалъ комментарий на сочиненіе Платона о государствѣ.

Общія замѣчанія

О древней Философiи законодательствъ

§ 285.

Таковъ былъ конецъ древней Философiи законодательства!

Все вообще развитіе древней Философiи было направлено къ тому, чтобы постигнуть безусловнаго превосходства духа предъ природою, разумнаго преназумимымъ, внутренняго предъ вѣншимъ. За направленіе мы примѣчаемъ и въ древней Философiи законодательства. При самомъ первомъ ея началѣ оно выразилось уже въ понятіяхъ о цѣли земной жизни человека, какія мы находимъ у *Анаксимандра*, *Пифагора*, *Парменида*, *Гераклита*, *Анаксагора*. Это влеченіе къ высшему міру было еще только влеченіе безотчетное, безсознательное, и не основывалось на глубокомъ познаніи существа вещей. *Анаксагоръ* указалъ на превысшеннее начало, надъчувствующее въ мірѣ, — на умъ. *Софисты*, взиравшіе на каждаго человека съ его отдѣльнымъ разумомъ, какъ на существо, составляющее цѣль для самаго себя, обняли своею Философіею одну только сторону сего начала. Отъ такого отдѣльнаго и односторонняго взгляда на человѣческую природу всѣ основанія правды поколебались; все было разрушено, порядокъ жизни общественной; все надлежало воздѣлать снова.

Въ противоположность *Софистамъ*, *Сократъ* признавши бытіе верховнаго Ума, который, самъ себя пребывая одинъ и тотъ же, дѣйствуетъ одинаково во всѣхъ людяхъ и въ цѣломъ мірѣ, выразилъ эту основную истину во всѣхъ изысканіяхъ о законѣ

тельства, что есть нѣчто само въ себѣ справедливое, есть вѣчные законы правды, какъ изреченія Божественнаго, держащіяся своею внутреннею силой. *Платону* и *Аристотелю* предоставлено было положить сии законы во всей ихъ обширности и показать владычество Ума Божественнаго въ жизни гражданской, въ союзѣ государственномъ и семейномъ. Но въ ученіи *Платона* и *Аристотеля* разное начало признается во многихъ отношеніяхъ, важнымъ для произведенія добра, ограничиваемымъ своими дѣйствіями природою и веществомъ.

У *Стоиковъ* могущество разума начала приносится во всей его полнотѣ; по ихъ ученію разумъ производитъ добродѣтель самъ изъ себя, а не обращаетъ только ее изъ готовой уже матеріи; внутреннее самообладаніе, безстрастіе духа составляетъ высшее достоинство человека. Единство разума въ всѣхъ людяхъ совокупляетъ весь родъ человѣчій въ одинъ обширнѣйшій союзъ. Но въ этомъ союзѣ исчезаютъ уже всѣ различія общественной жизни; общество *Стоиковъ* не есть какое либо государство въ особенности, но весь нравственный міръ.

Эпикурейцы и *Скептики*, отвергая даже бытіе справедливаго въ самомъ себѣ, не присовокупили ничего особеннаго къ Философiи законодательства. Последнею цѣлію ихъ стремленій была, такъ же, какъ у *Стоиковъ*, внутренняя самостоятельность, невозмутимость духа.

Цицеронъ раскрылъ намъ мысли *Стоиковъ* о единствѣ правды между людьми, и въ особенности сдѣлалъ приложеніе сихъ мыслей къ правдѣ между родами. Но что онъ говоритъ о разныхъ союзахъ общества, о государствѣ, о разныхъ вѣтвяхъ законодательства, то, составляя разнородную смѣсь мнѣній, заимствованныхъ изъ Греческой Философiи, изъ помолжительнаго Римскаго законодательства, вознаграждаетъ недостатка изслѣдованій о сихъ предметахъ у самихъ *Стоиковъ*.

Наконецъ въ *Неоплатонической* Философiи выражено ничтожество физическаго, превосходство разумнаго съ такою силою, ясностію, съ какою истины никогда доселѣ не выражались. Государство при этомъ удерживаетъ также свое мѣсто значеніе. Впрочемъ все оно устремлено къ сверхчувственному. Духъ, собравшись въ себя, самодостигши своего внутренняго міра, хочетъ только созерцать духовное, быть только чистымъ духомъ.

§ 286.

Сравнивая весь этотъ ходъ Философiи законодательства у древнихъ народовъ съ общимъ ходомъ ихъ исторiи, мы примѣчаемъ между тѣмъ и другимъ разительное соотвѣтствіе. Общій характеръ древнихъ народовъ составляетъ преобладаніе въ нихъ міра физическаго надъ міромъ духовнымъ; исторiя въ цѣломъ есть исторiя постепеннаго и должнаго освобожденія духа изъ-подъ владычества природы. Въ порядкѣ сего освобожденія прежде всего надлежало раскрыться нижнимъ элементамъ жизни; они дѣйствительно раскрылись и произвели свойственныя имъ явленія—смѣшеніе добра и зла. Но въ тоже время пробуждались въ людяхъ и высшія потребности духа; по мѣрѣ того, какъ зло, возрастая, представлялось въ живѣйшихъ чертахъ, увеличивалось въ душахъ и желаніе освободиться отъ него.

Послѣ простаго образа жизни подъ правленіемъ Царскимъ, у Грековъ вездѣ почти образовались Аристократiи, вскоре перераждавшіяся въ Олигархію. Но Аристократiи и Олигархіи съ своей стороны тоже должны были вступить въ борьбу съ другимъ дѣятельнѣйшимъ началомъ жизни, съ Демократіею. Въ колонiяхъ открылась сія борьба гораздо прежде, нежели въ собственной Греціи; въ послѣдней она свирѣпствовала съ жесточайшею силою въ промежутокъ времени между началомъ Персидской и концемъ Пелопоннесской войны.

Философы не были при семъ только спокойными наблюдателями. Сначала они жили еще совершенно въ кругу общей жизни. Политическая дѣятельность *Пифагора*, *Анаксимандра*, *Пифагора*, *Элеатиковъ* очень известна. Съ *Пифагоромъ* открылись первыя усилія Философiи—противопоставить вторгавшемуся разврату устройство вещей, обязанное своимъ происхожденіемъ лучшимъ временамъ. Хотя *Пифагорейскій* союзъ, какъ аристократическая партія, былъ направленъ къ тому, чтобъ въ городахъ Дорическаго племени возстановить древнія Дорическія установленія, древній Дорическій образъ жизни, въ томъ особенно, какъ все это существовало напр. у Спартанцевъ, или на островѣ Критѣ ⁽¹⁾; однако, имѣя у себя главою Философа, будучи имъ основанъ и приращенъ въ движеніе, этотъ союзъ заслуживаетъ быть признаннымъ и въ исторiи Философiи законодательнымъ.

Гераклитъ былъ первый Философъ, въ лицѣ котораго Философiя, во враждѣ съ существующими законами, съ дѣйствительнымъ устройствомъ общественной жизни, начала удалиться отъ общества. Новымъ образомъ *Демокритъ*, нища собственнаго сподобившись, отторгъ себя отъ всѣхъ связей общежитія; *Пифагоръ*, изъ любви къ созерцательной жизни, отъшелъ отъ занятія дѣлами государственными. Во всемъ этомъ мы уже видимъ дѣйствіе новаго начала, созданнаго Философами, — дѣйствіе духа, который хочетъ быть въ самомъ себѣ и для себя одного. Но какъ проявленіе сего начала въ собственную Грецію принадлежитъ особенно ко временамъ Пелопоннесской войны и непосредственно ей предшествующимъ, то именно около сего же времени являются и *Софисты* съ ихъ ученіемъ, потрясающимъ въ самомъ основанiи Греческія Государства.

Обыкновенно *Софистовъ* называютъ развратителями Греческаго юношества и добрыхъ Греческихъ

⁽¹⁾ Heeren's Ideen Band VI. Gœtt. 1826. S. 354—360; K. Oelf. Müller's Dorier, Breslau, 1824. II. S. 178—181.

правовъ. Уже Платонъ находилъ невозможнымъ, чтобъ такіе ничтожные люди, каковы были Софисты, могли развратить кого нибудь ⁽¹⁾. Они соединились только съ духомъ своего времени, и когда Греческій народъ самъ уже почувствовалъ нужду въ подмогъ имъ людяхъ, предложили ему свои услуги. Тогда, какъ сами Греки захотѣли быть людьми вѣншно образованными, когда всѣ устремились своимъ частнымъ цѣлямъ и пожелали обладать искусствомъ — обращаться съ людьми по собственнымъ видамъ, особенно искусствомъ — дѣйствовать на страсти народа и управлять имъ по своему произволу, тогда явились и Софисты съ ихъ самолюбивою политикою съ ихъ искусствомъ ослѣпительнаго краснорѣчія, сдѣлались учителями Грековъ ⁽²⁾, преподавая ученикамъ только то, чего требовали ихъ страсти. разумѣется само собою, что вступивъ въ рядъ ничтожныхъ, дѣйствующихъ въ нравственномъ мірѣ, Софисты присвоили себѣ и званіе и отъ себя къ его порочности.

Сердечно увѣренный въ томъ, какъ пагубны
Греческой жизни начала, принятыя Софистами,
кратъ хотѣлъ всеми зависѣвшими отъ него средствъ
остановить потокъ развращенія—и своимъ учени-
и своею жизнью. Известно, чѣмъ кончались
усилія.

Со всем жаром чистой, просвщенной любовью къ своему отечеству Платонъ продолжилъ борьбу кратову съ новымъ духомъ времени. Происходя изъ знаменитѣйшихъ родителей, будучи въ родствѣ важнѣйшими лицами, онъ въ молодости своей хотѣлъ посвятить себя дѣламъ государственнымъ. Но убѣдившись въ Философію, онъ не могъ согласиться на ея съ настоящимъ положеніемъ государства и началъ собственнымъ свой идеалъ государства. Вся жизнь — лучъ надежды — привести свой идеалъ въ исполненіе.

(¹) Plato de rep. V, p. 492. — (²) C_p. Plato Ibid. p. 493.

тъ для него обольстителемъ. Онъ вступалъ для того въ связи съ Діономъ, съ Діонисіемъ, съ Итальянскими Пифагорейцами. Ожидая многого особенно отъ Діонисія, онъ три раза путешествовалъ въ Сицилію, и смотря на всѣ, протекавшія для него отсюда сурьитности. Впрочемъ надежда совершенно его обманула. Въ послѣдствіи времени, если вѣрить сказаніямъ не весьма достовернымъ, другія государства — жители Кирены, Аркадіяне, просили его быть ихъ законодательмъ; но самое первое требованіе Философа — отказаться отъ частной собственности было ими отвергнуто, чѣмъ и прекратились всѣ сіи сношенія. Чтобъ сдѣлать свой идеалъ по возможности удобоисполнимымъ, онъ писалъ даже особенное сочиненіе — о Законахъ, гдѣ уже не требовалъ многого изъ того, что должно было существовать въ идеальномъ государствѣ. Все было безуспѣшно.

Въ лицѣ Платона Философія, кажется, собрала все
вѣдѣнія, чтобъ защитить духъ Греческій противъ
разрушительной ему силы. Ученику Платонову, *Аристо-
телю*, принадлежитъ честь образованъ того героя,
въ которомъ Греція, преисполненная внутренняго
движенія, вылилась, такъ сказать, изъ своихъ бе-
гущихъ, и переступивъ мѣру, отъ самой природы ей
предначинанную, потеряла сама себя въ обширныхъ, не-
измѣримыхъ странахъ Востока. Вместе съ симъ Фи-
лософія начала снова пріобрѣтать равнодушіе, кото-
рымъ она доселѣ не могла насладиться, взирая на
жизнь дѣлъ общественныхъ, на развратъ, со всѣхъ
сторонъ вторгающійся въ государство. Аристотель
чувствуетъ вполне силу временныхъ и мѣстныхъ
обстоятельствъ надъ дѣлами человѣческими; онъ не
имѣетъ никакой надежды управить ходомъ произ-
шествій по своимъ желаніямъ; онъ довольствуется
только тѣмъ, чтобъ понять существо общественныхъ
отношеній, и находя невозможнымъ, чтобъ для всѣхъ
людей годилось все, предоставляетъ искать имъ
существованія такого состоянія, къ какому они спо-
собны.

Смерть Александра Македонскаго сопровождалась разрушеніем общественной жизни въ Греціи; съ тѣмъ вмѣстѣ исчезла для Грековъ вся нравственность, вся добродѣтель, которая у нихъ была совершенно привязана къ государственному быту. Непрестанныя брани, веденныя не столько силою оружія, сколько злодѣйственнымъ смертоубійствомъ хитростію, обманомъ и посредствомъ войскъ наемныхъ, смѣшеніе частію съ грубыми сѣверными племенами варварами, частію съ жителями Востока, незнавшими никакой мѣры въ удовлетвореніи своихъ страстей, сдѣлали сердца необыкновенно дикими, жестокими. Высшія цѣли жизни, общее благо, благо отечества были совершенно потеряны изъ вида; вслѣдствіе этого заботился только о себѣ одною; священной страхъ внушаемый Религіею, уже давно не существовалъ. Частые перевороты въ судьбѣ войны сдѣлали не твердымъ всякое владѣніе; по сему люди, гонимые съ алчностью за богатствами, спышались, сколько возможно, скорѣе насладиться жизнію. Грубая восточная роскошь и изысканность распространились повсюду между Греками. Въ семь состояній нравовъ люди съ возвышенными чувствами не могли найти свойственнаго имъ поприща. Одни изъ нихъ видѣли здѣсь всеобщій развратъ, другіе — совершенную пустоту жизни и чувства. Въ одномъ только равнѣ душъ ко всему, въ безстрастіи, въ невозмутимости внутренней свободѣ, независимости духа они искали для себя спасенія. И вотъ именно всемірное нравственное значеніе Философіи Стоической, Эпикурейской, Скептической! Для каждой изъ нихъ крайнею цѣлію есть внутренняя независимость духа отъ призрачествъ вѣшняго міра; но каждая ищетъ ее цѣли по своимъ особеннымъ побужденіямъ, каждая достигаетъ до нее своимъ особеннымъ путемъ и своими средствами.

Греки вмѣстѣ съ завоеваннымъ отъ нихъ Восточнымъ міромъ были покорены Римлянами. Первоначально господствовала въ Римѣ простота нравовъ, любовь къ общему благу. Но когда онъ устремился

къ завоеваніямъ, обогатился отъ награбленной добычи и познакомился со всеми утонченными искусствами Греціи и Востока; тогда своекорыстные побужденія такъ же возобладали въ немъ, развратъ сдѣлался такъ же всеобщимъ, какъ въ Греціи и на Востоку. Философскія системы, около сего же времени образовавшіяся въ Греціи въ слѣдствіе побѣды разврата, т. е. Философія Стоическая и Эпикурейская, были теперь съ радостію приняты Римлянами. Особенно понятія Стоиковъ, находящіяся въ глубокомъ соотвѣтствіи съ важнымъ характеромъ римлянъ, такъ распространились между ними, что и Римляне частію въ собственную ихъ жизнь; и въ семь видѣ Стоическая Философія получила значительное развитіе и на образованіе понятій Римскаго Законодательства (*). Наконецъ Римъ призналъ надъ собою единовластіе Августа. Нужна была вся крѣпость, все грозное могущество Римскихъ Императоровъ, чтобъ возвести ко всеобщему единству тѣ разнородныя элементы, изъ коихъ составилась Римская Держава и въ коихъ каждый стремился образовать изъ себя собственное средоточіе, чтобъ подавлять бунты въ войскахъ, ограничивать любостыжательность чиновниковъ, сдерживать движеніе низкихъ страстей во всѣхъ общественныхъ лицахъ.

Въ сѣн-то преимущественно времена Философія должна была соединиться съ Религіею, чтобъ доставить людямъ успокоеніе отъ заботъ, отъ волненій жизни. Печальное состояніе распространялось теперь по всему міру, и при всеобщей скорби люди искали себя приближенія къ Богу. Теперь время было и той Философіи, которая хотѣла очистить сердце чловѣческое отъ естественныхъ влеченій и страстей, которая стремилась для того исторгнуть людей изъ всѣхъ обыкновенныхъ отношеній жизни общественной, гражданской, государственной, которая, въ замѣнъ того соединяла ихъ въ совершенный-

(*) Cp. Zimmern's Geschichte des römischen Privatrechts bis Justinian. Band. I. Abth. 1. Heidelb. 1826. § 26.

ншее общество, устремляла весь ихъ умъ къ созерцанію вѣчнаго.

Такимъ образомъ міръ древній прешель. Но онъ прешель только какъ вѣншее, видимое явленіе. Внутреннее, духовное начало сосредоточило на себѣ въ себѣ всю жизнь древнихъ народовъ. Среди новыхъ народовъ оно породило изъ себя новый порядокъ вещей, и пересоздавъ союзъ семейственный, гражданскій, государственный, проникнуло живымъ духомъ своимъ все отношенія обществѣ. Постигнутое новое образованіе человѣческаго общества и сдѣлало древнее съ новымъ—есть предметъ Философіи новаго времени.

НОВАЯ ИСТОРИЯ

Философіи Законодательства.

§ 287.

Съ распространеніемъ Христіанства въ міръ Греко-Римская Философія перешла къ Христіанамъ. Находясь въ необходимости защищать свою вѣру отъ нападенія языческихъ Философовъ, считая въ своемъ обществѣ мужей, которые до обращенія въ Христіанство ревностно занимались Философіею, Христіане вскорѣ должны были ознакомиться съ Греко-Римскою Философіею, особенно въ томъ ея видѣ, какой она приняла при окончательномъ своемъ развитіи. Дѣйствительно, многіе изъ Отцовъ Церкви 3 и 4-го вѣка по Рождеству Христовому, какъ то: Іустинъ Мученикъ, Климентъ Александрійскій, Оригенъ, Василій Великій, Григорій Назіанзинъ, Августинъ (*), представляютъ намъ въ своихъ сочиненіяхъ самую глубокую Философію.

§ 288.

Съ нашествіемъ варваровъ на Римскую Имперію науки и искусства пришли въ ней въ упадокъ; съ тѣмъ вмѣстѣ упала и Философія. Но, вообще говоря, сей упадокъ былъ менѣе чувствителенъ на Востокѣ, чѣмъ на Западѣ.

(*) Іустинъ Мученикъ ум. въ 165 г., Климентъ Александрійскій около 218, Оригенъ въ 253, Василій Великій въ 379, Григорій Назіанзинъ въ 391, Августинъ въ 430.

§ 289.

Въ Восточной Римской Имперіи во все продолженіе среднихъ вѣковъ слѣды классическаго образованія болѣе или менѣе сохранялись непрерывно. И философовъ здѣсь, между Греками, пользовался особеннымъ уваженіемъ Аристотель. Отъ Грековъ уваженіе къ нему перешло къ Арабамъ, которые впрочемъ знали его только изъ переводовъ, сдѣланныхъ съ Сирскаго перевода, и въ своихъ философскихъ занятіяхъ ограничивались почти одною Физикою.

§ 290.

У варварскихъ народовъ, утвердившихся на развалинахъ Западной Римской Имперіи, начиная съ 5 до конца 8-го вѣка по Р. Х., мы не находимъ почти никакой Философіи. Императоръ Карлъ Великій учредилъ при монастыряхъ и домахъ Архіерейскихъ Училища—Scholae для образованія духовенства. Между прочими предметами ученія въ этихъ школахъ была преподаваема Философія. Отсюда вообщемъ Философія, образовавшаяся въ теченіи 9-го по 15-й вѣкъ у народовъ западной Европы, называется Схоластическою. По существу своему она ограничивалась: 1) развитіемъ логическихъ и онтологическихъ понятій въ разнообразнѣйшихъ, употребленнѣйшихъ видахъ, вообще—Діалектикою; 2) приложеніемъ сихъ понятій къ истинамъ Христіанскаго религіи. Руководителемъ Схоластиковъ былъ Аристотель. Сначала онъ былъ извѣстенъ имъ изъ сочиненій Боэція⁽¹⁾, Кассіодора⁽²⁾ и Беда⁽³⁾. Съ 13-го вѣкомъ они узнали собственныя сочиненія Аристотеля изъ Арабскихъ переводовъ. Наконецъ въ 15-мъ вѣкѣ ученые Греки, особенно бѣжавшіе изъ своего отечества по завоеваніи его Турками, принесли с

(1) Боэцій род. въ 470 г. — (2) Кассіодоръ род. около 480 г., ум. около 575 г. — (3) Беда род. въ 673 г., ум. въ 735.

обою на Западъ и распространили здѣсь подлинныя сочиненія Аристотеля. Но вскорѣ послѣ сего кончилось исключительное его владычество, равно какъ владычество Философіи Схоластической.

§ 291.

Съ восстановленіемъ наукъ на Западѣ Европы въ области Философіи началась новая жизнь. Послѣ того, какъ въ 16-мъ вѣкѣ, въ слѣдствіе покушенія различныхъ ученыхъ возобновить различныя древнія философскія системы, философствующій умъ сталъ вѣдать на ту степень, до которой онъ достигъ въ древнемъ мірѣ, въ 17-мъ вѣкѣ родилась Философія, по своему характеру совершенно противоположная древней и только въ новѣйшія времена начавшая сближаться съ нею.

§ 292.

Общій характеръ новой Философіи, какъ и всего новаго міра, есть субъективность. Этотъ характеръ выражается: 1) въ томъ, что духъ ищетъ здѣсь основаній для истины, въсѣхъ своихъ познаній въ себѣ, не полагаясь на какое нибудь вѣншее свѣдѣтельство; 2) въ томъ, что самый духъ составляетъ самый важнѣйшій предметъ философскихъ изслѣдованій; 3) въ томъ, что новая Философія повсюду стремится показать владычество въ вещахъ духовнаго начала.

Новая Философія законодательства является съ тѣми же чертами. Въ особенности субъективный характеръ ея обнаруживается въ томъ высокомъ уваженіи, какое здѣсь оказывается единичной волѣ и единичной личности.

§ 293.

Новая Философія представляетъ намъ въ своемъ изложеніи раскрытіи три періода.

I. Духъ подвергаетъ своему разсмотрѣнію мысленный міръ, созданный древнею Философіею; сдѣланнымъ сего есть съ одной стороны возстановленіе различныхъ системъ древней Философіи, особенно образовавшихся въ послѣднемъ ея періодѣ и пріикнутыхъ духовнымъ началомъ, съ другой — полное сознание противоположности между духомъ и природою: отъ Марсілія Фицина до Бакона и Декарта.

II. Дѣлаются одностороннія покушенія согласить противоположность между духомъ и природою, сначала посредствомъ расширенія области природы, потомъ посредствомъ расширенія области духа и ограниченія области природы: отъ Бакона и Декарта Канта.

III. Принимается безусловное тождество духа природы, средоточіемъ и основаніемъ котораго впрочемъ дѣлается духовное начало: Философія новаго времени, начатая Кантомъ.

Примѣняясь къ симъ періодамъ, въ развитіи новой Философіи Законодательства можно различать также три періода. Періодъ 1-й представляетъ на несвязныя покушенія основать сію науку, преимущественно подъ вліяніемъ понятій древняго міра. Періодъ 2-й представляетъ намъ Философію законодательства, построенаго въ новомъ духѣ или по указанію чувства, или по указанію разсудка. Періодъ 3-й обнимаетъ собою Философію, начатую Кантомъ, въ которой мы видимъ частію полное развитіе субъективнаго взгляда, частію возвращеніе къ древней Философіи.

§ 294.

Новая Исторія Философіи законодательства вообще не была обрабатываема въ особыхъ сочиненіяхъ. Части литературы сочиненій, къ новой Философіи законодательства относящихся, заслуживаютъ быть замѣчены:

1. *Réal la science du gouvernement; t. VIIIième, contenant l'examen des principaux ouvrages composés sur matières de gouvernement.* Amsterdam. 1764. 4.

2. *Caroli Henrici Ludovici Poeltz de mutationibus, ac systema juris naturae ac gentium a Grotii tem-
poribus hucusque expertum fuerit, commentatio litera-
ria.* Vitebergae. 1805. 4.

ПЕРІОДЪ I.

ВРЕМЕНИ ВОЗСТАНОВЛЕНІЯ НАУКЪ НА ЗАПАДѢ ЕВРОПЫ
ДО БАКОНА И ДЕКАРТА.

§ 295.

Предметы Философіи законодательства, по воз-
становленіи наукъ на Западѣ Европы, были отно-
сены къ двумъ наукамъ: частію къ *Праву* или *Законо-*
естественному, частію къ *Политикѣ*.

Именемъ *Права* или *Закона Естественнаго* (*Ius
naturae*) была означаема совокупность правилъ прав-
венности, усматриваемыхъ непосредственно изъ
ума. Такъ называемъ былъ составъ сихъ правилъ
тому, что 1) они познаются естественнымъ обра-
зомъ, посредствомъ свѣта естественнаго (*lumen
naturae*), т. е. разума, чѣмъ и отличаются отъ дру-
гихъ правилъ, которыя познаются посредствомъ
свѣта Благодати (*lumen gratiae*), т. е. изъ Откровенія;
они уже отъ природы насаждены (*naturaliter insitae*)
въ сердцахъ людей; 3) они вытекаютъ изъ самой
природы и состоянія человека. Писатели рассматри-
ваемого нами періода времени обыкновенно пред-
ставляли себѣ содержаніе закона естественнаго то-
ждественнымъ съ десятью заповѣдями Моисея.

Названіе *Политики* употреблялось въ томъ же об-
щномъ значеніи, въ какомъ оно было употребля-

емо древними. Разнородные предметы политики не были отделены другъ отъ друга (1).

§ 296.

По возобновленіи наукъ практическая Философія вообще долго оставалась въ небреженіи. Вниманіе мыслителей было обращено главнымъ образомъ на предметы Философіи теоретической. Въ области нравовъ для Католиковъ служилъ достаточнымъ руководствомъ Тома Аквинатъ (2), знаменитый схоластическій Богословъ 13-го вѣка, съ своими многими численными истолкователями — Казуистами, для Протестантовъ напротивъ — особенно Аристотель. Богословы почитали предметы нравственные исключительнымъ своимъ достояніемъ и признавали волю Божию, выраженную со всею ясностію въ Св. Писаніи, верховнымъ началомъ нравственности.

§ 297.

Въ особенности на предметы законодательства послѣдованія ученыхъ распространились только малю по малу. Главнымъ поводомъ къ симъ изслѣдованіямъ было неустроенное состояніе Западно-Еврейскаго Общества какъ въ церковномъ, такъ и гражданскомъ отношеніи.

Во времена всеобщаго броженія умовъ, во времена всеобщей ученой дѣятельности, стремленіе исправить неустроенное состояніе общества приводило непосредственно къ изслѣдованіямъ объ истинномъ видѣ какой должно имѣть общество, и о правилахъ, которыми должно руководствоваться при его устройствѣ и управленіи.

Различныя, находившіяся въ борьбѣ между собою партіи побуждались самою необходимостію — внима-

(1) См. *Ran primae lineae historiae politicae s. civilis doctrinae* Erlangae. 1816. § 13—15 — (2) Тома Аквинатъ род. въ 1224 г. ум. въ 1274.

тельно разсматривать справедливость или несправедливость взаимныхъ притязаній, доказывать свои права, оспаривать требованія противниковъ.

Прежде всего въ настоящемъ случаѣ заслуживаютъ замѣченія споры Папъ съ Императорами Нѣмецкими и Королями о предметахъ духовной и свѣтской власти. Сіи споры получили вліяніе на ученія слѣдованія объ этомъ предметѣ со временъ Императора Людовика Баварскаго (1), который при своихъ распряхъ съ Папою первый искалъ для себя рады между прочимъ и въ ученое опредѣленіе вѣдѣній духовной власти по отношенію къ свѣтской, именно по отношенію къ Нѣмецкой Имперіи. Поужіе ученыхъ защитниковъ Императора состояло изъ единственно изъ положеній Аристотелевой Философіи, началъ Римскаго и Каноническаго Законодательства, текстовъ Евангелія и сказаній Исторіи (2). Въ подобному оружію противъ Папы стали прибѣгать въ 14-мъ вѣкѣ народы Итальянскіе (3); нѣсколько лѣтъ или позже — и другіе Западно-Европейскіе народы (4).

Къ изслѣдованіямъ о предметахъ свѣтской и духовной власти во взаимномъ ихъ отношеніи другъ къ другу присоединились со временемъ, по случаю распрей между Государями и подданными, изысканія вообще въ правахъ государственной власти. Для 16-го вѣка особенно былъ важенъ вопросъ: какія права имѣть власть общественная по отношенію къ ея подданнымъ въ дѣлахъ вѣры? Можетъ ли она въ дѣлахъ этого рода употреблять противъ нихъ принужденіе? Непрерывныя войны и распри между Европейскими народами, возникавшія изъ неопредѣленности отношеній между ними, были побужденіемъ опредѣлить

(1) Людовикъ Баварскій былъ Императоромъ съ 1313-го по 1347-й г. — (2) См. *Eichhorn's deutsche Staats- und Rechtsgeschichte*. Th. 3. Göttingen. 1822. § 393. — (3) *Histoire des répub. ital.* par Sismondi T. V. p. 200 et ss. — (4) См. сочиненія о власти Папы, помеченныя въ разныхъ мѣстахъ у Реаля въ science du gouvernement, томъ VIII.

сіи отношенія точнѣ посредствомъ ученыхъ скацій. Такъ происшествія вели пытливыя Западно-Европейскихъ народовъ отъ разсмотрѣнія одного предмета законодательства къ другому.

§ 298.

Философскія сочиненія по части Законодательства изъ разсматриваемаго нами періода времени съ одной стороны занимаются рѣшеніемъ вопроса: что во взаимныхъ отношеніяхъ людей и обществъ между собою надобно признавать законнымъ и справедливымъ, и что напротивъ незаконнымъ и несправедливымъ; съ другой стороны—указаніемъ правъ для достиженія цѣлей, какія могутъ или должны предполагать себѣ люди и общества во взаимныхъ другъ къ другу отношеніяхъ. Едва ли какой предметъ, относящійся къ тому или другому разряду, былъ оставленъ безъ вниманія въ сихъ сочиненіяхъ. По объему своему они простираются или на одинъ родъ означенныхъ нами предметовъ, или на оба, притомъ въ каждомъ родѣ или на одну извѣстную часть его, или на нѣсколько, если не на всю его часть.

§ 299.

Духъ и образъ воззрѣнія, господствующій въ сочиненіяхъ разсматриваемаго нами періода времени, который болѣе или менѣе могутъ быть отнесенъ къ Философіи Законодательства, основывается частью на понятіяхъ Христіанскихъ, и находящихся въ связи съ ними Иудейскихъ, частью на понятіяхъ, составившихся въ среднихъ вѣкахъ, частью наконецъ на понятіяхъ, заимствованныхъ отъ древнихъ Грековъ и Римлянъ, и особенно древнихъ Философовъ. Рѣдко мы видимъ здѣсь смѣсь всѣхъ понятій. Простой дѣйствительности люди не находили для себѣ удовлетворенія и хотѣли построить для себя особый міръ по своимъ мыслямъ, отыскивая для того повсюду нужные матеріалы.

Способъ изслѣдованія, здѣсь наблюдаемый, не можетъ быть названъ по справедливости философскимъ. Предлагаемыя мысли или не подтверждаются никакими особенными доказательствами, или безъ всякаго разбора подтверждаются доказательствами разными разнородными: Священнымъ Писаніемъ, мнѣніями и изреченіями знаменитыхъ мужей, и особенно древнихъ писателей, свидѣтельствомъ Исторіи, ежедневнымъ опытомъ, сказаніями ума. Вообще то, что здѣсь сообщается, не возводится къ одному общему началу, хотя бы ложному; если что сообщается, то какъ бы случайно.

Изложеніе въ сихъ сочиненіяхъ болѣею частью не имѣетъ систематической правильности. Оно разбросано, наполнено утонченностями, обременено многословіемъ, неясно.

Со временемъ и мало по малу недостатки, нами замеченные, исчезали: разумъ привыкалъ мыслить самостоятельно, независимо отъ общепринятыхъ мнѣній, отъ мнѣній знаменитыхъ мыслителей; понятія приобретали опредѣленность; система и образъ изложенія усовершеншались. О каждомъ предметѣ законодательства было высказано множество разныхъ, и частью дерзкихъ мыслей; на каждый предложенъ различныя образы воззрѣнія; каждый былъ обработанъ различнымъ образомъ.

§ 300.

Сочиненія о предметахъ законодательства, писанныя болѣе или менѣе въ духѣ философскомъ по возстановленіи наукъ, мы находимъ у всѣхъ Западно-Европейскихъ народовъ. Изъ сдѣланнаго нами описанія общаго характера сихъ сочиненій можно видѣть, какъ вообще они несовершенны и какъ мало они должны занять мѣста въ Исторіи Философіи Законодательства. Почему, не входя въ подробности, мы остановимся только на писателяхъ, приобретшихъ особенную знаменитость. Сюда относятся: изъ Италіи

лицевъ Макиавель, изъ Англичанъ Томасъ Морусъ изъ Французовъ Боденъ, изъ Нѣмцевъ Ольденбургъ Геммингъ и Винклеръ. Но преимущественно обратимъ наше вниманіе на Гуго Гроція, который справедливо можетъ быть названъ основателемъ вѣковой Философіи Законодательства.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Макиавель, Томасъ Морусъ, Боденъ, Ольденбургъ Геммингъ, Винклеръ.

§ 301.

Макиавель (1) важенъ для насъ по двумъ сочиненіямъ: 1) *Разсужденія на первую декаду Тита Ливія* (2); 2) *Князь* (3). Въ первомъ сочиненіи онъ всюду является жаркимъ приверженцемъ республиканскаго образа правленія, какой существовалъ въ Римѣ, и недовольный настоящимъ, ищеть для успокоенія въ древнемъ мірѣ; во второмъ сочиненіи онъ, имѣя въ виду Итальянскихъ Князей своего времени, описываетъ, какими началами должны руководствоваться владѣтельные особы, чтобъ утвердить за собою и сохранить свое владычество. Въ первомъ сочиненіи онъ изображаетъ духъ республиканскаго образа правленія, во второмъ—духъ монархическаго—по мнѣнію Итальянцевъ (4). Впро-

(1) Род. въ 1469 г. во Флоренціи, ум. въ 1527. — (2) *Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio*. — (3) *Il Principe*. Venezia. 1515. 4. — (4) Такъ объясняется происхождение сочиненія *Il Principe* и то противорѣчіе, какое, по видимому, находится между *Discorsi*, — предметъ, подавший поводъ къ различнымъ изслѣдіямъ. Недоумѣвали, какъ сочинитель *Discorsi* могъ по *Il Principe* предполагать, что Макиавель, описывая, какія средства должны употребить князья для сохраненія своего государства, хотѣлъ этимъ возбудить отвращеніе къ ихъ власти Итальянцевъ. Такое предположеніе можетъ быть и справедливо, но вѣтъ нужды прибѣгать къ нему, если мы будемъ смотрѣть на Макиавеля только какъ на филозофа республиканскаго монархическаго образа правленія. Не переставая быть въ со-

томъ и другомъ сочиненіи господствуетъ одинъ и тѣ же характеръ: неуваженіе къ существующему порядку дѣлъ и пренебреженіе къ правиламъ честности и справедливости (1).

§ 302.

Litteraturg. G. Thom. Rudhart Thomas Morus, aus den Quellen bearbeitet. Nürnberg. 1829.

Томасъ Морусъ (2) писалъ сочиненіе: *О наилучшемъ устройствѣ государственному и о новомъ способѣ Утопіи* (3). Не обращая вниманія на дѣйствительность, онъ хотѣлъ начертать идеальное государство; идеаломъ государства служило для него Государство Греческое, особенно въ томъ видѣ, какъ оно описано у Платона (4).

§ 303.

Жанъ Боденъ (5) писалъ сочиненіе: *О государственномъ правленіи* (6), состоящее изъ 6 книгъ. Въ 1-й книгѣ

сердцѣ приверженцемъ республиканскаго образа правленія, онъ могъ, на основаніи сдѣланныхъ имъ въ своей жизни наблюденій, изобразить вѣрно духъ и всѣ приемы Итальянскихъ Князей своего времени и свое изображеніе посвятить одному изъ Медичисовъ, къ которымъ онъ хотѣлъ войти въ милость, тѣмъ болѣе, что по этимъ же вообще правиламъ дѣйствовали и всѣ правительства Итальянскія, не только князья, но и республики. Особенно этотъ духъ выражается въ соч. *Il principe*, Макиавелизмъ и искусство господствовать тиранически съ нарушеніемъ всѣхъ правилъ честности и справедливости, суть выраженія равнозначительныя. Въ опроверженіе Макиавеля, особенно его *Il principe*, были писаны разныя сочиненія. Они означены у Реаля въ *science du gouvernement*, t. 8. въ статьѣ о Макиавелѣ и у Пелліца въ соч. *Die Staats-Wissenschaften im Lichte unster Zeit*, I Th. Leipzig. 1827. S. 162 (§ 8. *Litteratur des Staatsrechts*). Но такимъ же образомъ были писаны разныя сочиненія въ защиту Макиавеля. См. Словарь Бели въ статьѣ: *Machiavel*. — (2) Род. въ 1480 г. въ Лондонѣ, ум. въ 1538. — (3) *De optimo reip. statu deque nova insula Utopia*. Въ первый разъ вышло въ 1517 г., потомъ Colon. 1655. 8. — Слово: *Utopia* сложено изъ Греческихъ словъ: *ὄψις* (не) и *τόπος* место, и означаетъ землю или страну, которой нигдѣ, ни въ какомъ мѣстѣ нельзя найти. — (4) Содержаніе Утопіи изложено у Реаля въ *science du gouvernement* t. 8. подъ словомъ: *Thomas Morus*. — (5) Род. въ 1530 г., ум. въ 1596. — (6) *De la république*. Paris 1576. fol и 1578. Самимъ Боденомъ это сочиненіе было переведено на Латинскій языкъ и переведъ въ первый разъ изданъ въ Парижѣ 1584. in 4.

говорится о цѣли государства, о семействахъ и частныхъ союзахъ семейственныхъ, о верховной власти и подданныхъ; во 2-й о разныхъ образахъ правленія; въ 3-й объ учрежденіи подчиненныхъ властей въ государствѣ и государственныхъ состояніяхъ въ 4-й о происхожденіи, возвышеніи и паденіи государствъ; въ 5-й о вліяніи климата и богатствъ или бѣдности на образъ правленія и законы, о городахъ и наказаніяхъ, о правѣ народномъ; въ 6-й о государственныхъ доходахъ, и, въ заключеніе все о наилучшемъ образѣ правленія. Такимъ образомъ почти предметы жизни государственной, какъ внутренней, такъ и внешней, обняты въ этомъ сочиненіи. Но оно не есть сочиненіе собственно философическое. Правда, Боденъ въ своихъ изслѣдованіяхъ хотѣлъ руководствоваться исключительно законами разума ⁽¹⁾; не смотря на то, для подтѣвренія своихъ мыслей онъ непрерывно ссылается на Исторію и мнѣнія другихъ, и весьма многое заимствуетъ изъ Политики Аристотелевой. Сверхъ того положеніе у него не имѣетъ систематической правильности. Почему, не смотря на все богатство содержания представляющагося намъ у Бодена, мы съ другой стороны считаемъ нужнымъ обратить наше вниманіе только на его мысли о происхожденіи Государства. Разсадникъ государства, говорить онъ, есть семейство. Прежде чѣмъ образовались государства, каждый отецъ семейства былъ независимымъ верховнымъ владыкою своихъ домашнихъ. Но къ властолюбію, корыстолюбію и жажда мести устремленію людей другъ противъ друга, тогда разныя семейства для взаимной защиты и для преодоленія своихъ непріятелей начали вступать въ союзы между собою. Въ случаѣ побѣды побѣжденные становились рабами побѣдителей; лице, предводительствовавшее побѣдителями, будучи неограниченнымъ начальникомъ своего семейства, дѣлалось повелителемъ не только враговъ побѣжденныхъ, какъ рабовъ, но и самыхъ союзниковъ—побѣдителей, какъ дру-

(1) См. Praefatio.

гкимъ образомъ не только побѣжденные совершенно лишились своей естественной свободы, но въ большей или меньшей степени потеряли ее и сами побѣдители, которые должны были признать надъ обою верховную власть другаго ⁽¹⁾. Такъ, по мнѣнію Бодена, произошли Государства! Въ послѣдствіи мы покажемъ, какъ невѣрны подобныя умствованія и предположенія; но они заслуживаютъ быть замѣченными по ихъ новостямъ и по духу, въ нихъ выражающемуся.

§ 304.

Изъ сочиненій Германскихъ Ученыхъ для новой философіи Законодательства замѣчательны: *Ольдендорп* ⁽²⁾ *isagoge, s. elementaria introductio juris naturalis, gentium et civilis, Coloniae, 1539; Гемминга* ⁽³⁾ *de re naturae methodus apodictica, Vittebergae. 1562; Вунклера principia juris, 1615.* Здѣсь представляются первые опыты систематическаго изложенія началъ закона естественнаго. Сверхъ того въ первомъ и третьемъ ⁽⁴⁾ изъ сихъ сочиненій встрѣчается и открывается важное раздѣленіе всей области законодательства на законъ Божескій или Окроваенный и законъ челоувѣческій; сей послѣдній дѣлится, по различію происхожденію обязательной силы законовъ и по различію круга ихъ дѣйствія, на законъ естественный (*jus naturae*), законъ народовъ (*jus gentium*) и законъ гражданскій (*jus civile*). Выраженіе: законъ естественный, означаетъ здѣсь тоже самое, что вообще въ этомъ періодѣ времени было означено сими выраженіемъ, т. е. совокупность началъ нравственности, познаваемыхъ непосред-

(1) Lib. I, cap. 6. (въ началѣ). ср. Lib. III, cap. 7. (въ началѣ); Lib. IV, cap. 1. (въ началѣ). — (2) Ольдендорпъ род. въ 1506 г. въ Гамбургѣ, ум. 1567. — (3) Ник. Геммингъ род. 1513, ум. 1600. — (4) Подробности содержанія сочиненія Ольдендорпа видны изъ самого его заглавія. Сочиненіе Вунклера состоитъ изъ пяти книгъ. Въ нихъ говорится: Lib. I. De lege omnia primo movente ac gubernante; Lib. II. de jure primo ac proprio dicto; Lib. III. de jure naturali; Lib. IV. de jure gentium; Lib. V. de jure positivo ac civili.

ственно изъ разума ⁽¹⁾. Подъ именемъ закона народовъ разумются законы, признаваемые всеми народами, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторою ихъ частью ⁽²⁾. Перваго начала постановлений сего рода въ разсматриваемомъ нами періодѣ времени искал обыкновенно въ общемъ согласіи между собою народовъ, ясно выраженномъ или подразумеваемомъ. Содержаніе такихъ постановлений можетъ быть различно. Но какъ преимущественно ими опредѣляются взаимныя отношенія народовъ между собою; то отсюда само собою происходило смѣшеніе понятій, такъ что именемъ закона народовъ были означаемы въ тоже время исключительно постановленія, которыми опредѣляются взаимныя отношенія народовъ между собою ⁽³⁾. Наконецъ законъ гражданскій заключаетъ въ себѣ постановленія, принятыя исключительно для себя извѣстными народами, по доброй его воли. Сообразно этимъ понятіямъ законъ естественный имѣетъ силу для всего рода человеческого, законъ народовъ—по крайней мѣрѣ для нѣкоторой части народовъ, законъ гражданскій—только для извѣстнаго народа.

(1) См. выше § 295. — (2) Фердинандъ Васкесъ (Vasquius), ученикъ Испанецъ, род. 1309 г., ум. 1566, въ своихъ *Controversiis illustribus* lib. II. cap. 54. § 2—6 раздѣляетъ *jus gentium* на *jus gentium primævum* et *secundarium*. Подъ *jus gentium primævum* онъ разумѣетъ самое *jus naturæ*, подъ *jus gentium secundarium* гражданскіе законы и учрежденія, произвольно принятыя многими народами вмѣстѣ, или *jus civile*, какъ скоро оно единообразно наблюдается многими народами, хотя бы они въ этомъ случаѣ не имѣли никакого между собою согласія. Онъ говоритъ: *jus gentium secundarium naturale non tam est quam positivum; nam ea omnia, quæ sunt juris gentium, prius fuerunt juris tantum civilis; sed paulatim serpsērunt aut velociter transvolārunt et reliquas gentes et regiones, sicque cum primum ab uno vel altero homine vel regione inventum fuisset et receptum, tunc juris tantum civilis, non etiam juris gentium id fuit. Postquam vero jure omnes omnino aut pleraque aliarum gentium uti quoque coepissent, jam juris gentium effectum videtur, inque jus gentium conversum et transformatum est. Quemadmodum et ex diverso, quod hodie juris gentium est, in desuetudinem abire forte coepisset, ita ut penes unam tantum provinciam maneret, sine dubio juris gentium esse desineret, et jam juris tantum civilis esse diceretur; hoc est, illius civitatis vel regionis, penes quam adhuc id jus perduravit.* — (3) Такъ, Испанскій ученый, Францъ Суаресъ, род. 1548, ум. 1617 г., въ сочиненіи *de legibus et Deo legislatore* (I. 2. c. 19. p. 9.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Гуго Гроцій.

§ 305.

Гуго Гроцій ⁽¹⁾ обнялъ своими изслѣдованіями всѣ вопросы права, которые занимали до него различныхъ ученыхъ. Онъ отдѣлилъ ученіе о правахъ отъ Политики, съ которою оно доселѣ большею частию было смѣшиваемо, и стараясь держаться одного кореннаго начала, попысился представить намъ съ субъективной точки зрѣнія ученіе разума о правахъ въ надлежащей полнотѣ и въ системѣ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ существеннымъ чертамъ сего ученія.

§ 306.

Гуго Гроцій предложилъ свои мысли, относящіяся къ Философіи Законодательства, въ сочиненіи: *О правахъ войны и мира* ⁽²⁾.

отзывается объ *jus gentium* слѣдующимъ образомъ: *ratio hujus juris est, quia humanum genus, quamvis in varios populos et regna divisum, semper habet aliquam unitatem, non solum specificam, sed etiam quasi politicam et moralem, quam indicat naturale praeceptum mutui amoris et misericordiae, quod ad omnes extenditur, etiam extraneos et cujuscunque nationis. Quapropter licet unaquaeque civitas perfecta, respublica aut regnum sit in se communitas perfecta et suis membris constans, nihilo minus quaelibet illarum est etiam membrum aliquo modo hujus universi, prout genus humanum spectat. Nunquam enim illae communitates adeo sunt sibi sufficientes sigillatim, quin indigeant aliquo mutuo juvamine et societate ac communicatione, interdum vero et ob moralem necessitatem. Hac ergo ratione indigent aliquo jure, quo dirigantur et recte ordinentur in hoc genere communicationis et societatis. Et quamvis magna ex parte hoc fiat per rationem naturalem, non tamen sufficienter et immediate quoad omnia: ideoque specialia jura potuerunt usu earundem gentium introduci.*

(1) Род. въ 1583 г. въ Голландіи, ум. въ 1645. — (2) *De jure belli ac pacis libri tres.* Parisiis. 1625. fol.

Судя по заглавію, можно было бы подумать, что сочиненіе Гроція ограничивается только предметами касающимися непосредственно войны и мира между народами. Но дѣйствительно оно обнимаетъ все вообще предметы права. Такое, по видимому, несоотвѣтствіе между названіемъ и содержаніемъ сочиненія объясняется тѣмъ, что подъ словомъ: война (bellum) у Гроція разумѣются все вообще непріязненныя, враждебныя отношенія, когда люди для защиты правъ своихъ прибѣгаютъ къ силѣ, возникаютъ ли такія отношенія между частными лицами или внутри одного и того же государства между подданными и правительствомъ, или между разными государствами ⁽¹⁾. Почему, хотя главнымъ побужденіемъ для Гроція къ составленію его сочиненія было желаніе положить границы тому легкомыслию, съ какимъ христіанскіе народы въ это время, по причинамъ пустымъ или мало важнымъ принимались за оружіе, и, начавши войну, вели уже съ попраніемъ всехъ законовъ Божескихъ и чловѣческихъ, какъ будто бы вмѣстѣ съ нимъ они рѣшились на все злодѣйства; однакоже въ крупныя изслѣдованія Гроція, въ слѣдствіе обширнаго значенія, даннаго имъ слову: война, входятъ какъ лица, между которыми можетъ возникать война, такъ и все права, для защиты которыхъ могутъ быть предпринимаемы непріязненные дѣйствія.

Рѣшеніе для своихъ сужденій Гроцій хотѣлъ почерпнуть главнымъ образомъ изъ закона естественнаго и закона народовъ, въ томъ смыслѣ сихъ словъ, какой былъ соединяемъ съ ними въ настоящее время періодъ; оба сии источника Гроцій хотѣлъ въ своемъ изложеніи строго отличать другъ от

(1) Cicero dixit bellum certationem per vim. Sed usus obtinuit, non actio, sed status eo nomine indicetur, ita ut sit bellum status per vim certantium qua tales sunt: quae generalitas omnia illi bellorum genera comprehendit, de quibus agendum deinceps erit. Neque enim privatum hic excludo, ut quod re ipsa prius sit publicum et haud dubie cum publico communem habeat naturam, quod propterea eoque proprio nomine signanda est. De J. B. ac P. lib. I. cap. 1. § 2.

дуга ⁽¹⁾. Конечно онъ не всегда остается вѣрнымъ этому намѣренію; для подтвержденія и по крайней мѣрѣ для поясненія своихъ мыслей онъ безпрерывно обращается на исторію, на мнѣнія Философовъ, Ора-торовъ, Поэтовъ: но въ существѣ вещи это не чуждо и намѣренію, такъ какъ, по его словамъ, «если какомъ предметъ люди, различные по времени и мѣсту, говорятъ одно и тоже, то причина сему заключается или въ справедливомъ выведеніи изъ истинной истины изъ началъ природы, или въ общемъ согласіи людей: первое указываетъ на законъ естественный, второе на законъ народовъ» ⁽²⁾. Конечно Гроцій не всегда показываетъ, по крайней мѣрѣ не всегда съ совершенною удостовѣрительностію, каковы образцы истины, относимыя имъ къ закону естественному, дѣйствительно вытекаютъ изъ кореннаго начала этого закона: тѣмъ не менѣе онъ всегда предполагаетъ, что онѣ могутъ быть легко отсюда выведены.

Но Гроцій не ограничивается въ своемъ изложеніи изясненіемъ на законъ естественный и, гдѣ нужно, на общій законъ народовъ. Слѣдуя богословскому направленію своего времени, онъ всегда обращаетъ вниманіе на ученіе Св. Писанія и въ особенности на ученіе Евангелія, и постоянно стремится всѣ истины, представляемыя закономъ естественнымъ и закономъ народовъ, если не доказать изъ сего изясненія, то, по крайней мѣрѣ, согласить съ нимъ. Слѣдуя также духу вѣка, при изложеніи каждаго общаго правила, онъ разсматриваетъ множество особенныхъ случаевъ и обстоятельствъ, которыми дополняются и ограничиваются это правило. Онъ вѣщаетъ повсюду утонченныя опредѣленія и раз-ясненія, которыя не разграничиваютъ вещей, а передко еще болѣе ихъ сливаютъ. По этому со-чиненію Гроція вообще представляетъ намъ разно-роднѣйшую смѣсь самаго богатаго содержанія.

(1) De J. B. ac P. proleg 39—41. — (2) De J. B. ac. P. proleg. 40.

Въ настоящемъ случаѣ для насъ важно знать, что по мнѣнію Гроція постановляется закономъ естественнымъ о различныхъ предметахъ права. Для насъ мы рассмотримъ ученіе Гроція: 1) о *коренномъ началѣ правды*; 2) объ *отношеніи между силою и правомъ*; 3) о различныхъ *видахъ права*. Послѣ сего мы 4) сдѣлаемъ *общій обзоръ Гроціева сочиненія*, при чемъ замѣтимъ важнѣйшія въ немъ мысли.

I. Коренное начало правды.

§ 307.

Гроцій выводитъ коренное начало правды изъ самой человеческой природы. Онъ замѣчаетъ, что живое существо стремится не къ одной только своей пользѣ, что уже въ неразумныхъ животныхъ стремленіе къ частной пользѣ умѣряется то любовью ихъ къ своимъ дѣтямъ, то заботливымъ попеченіемъ о другихъ существахъ своего рода. Тѣмъ болѣе, по мнѣнію Гроція, человѣку, который безконечно возвышается надъ всеми другими животными, надобно приписать способность управляться въ своихъ дѣйствіяхъ не одною только личною пользою. Ему свойственно стремленіе къ сообществу (*appetitus societatis*), стремленіе жить въ обществѣ съ существами своего рода, въ обществѣ спокойномъ и устроенномъ согласно съ разумомъ, такъ какъ изъ всѣхъ животныхъ одинъ человѣкъ имѣетъ даръ слова—это важнѣйшее средство сообщенія и онъ одинъ имѣетъ способность дѣйствовать по общимъ началамъ. Соблюденіе общества, согласное съ разумомъ, и есть, по словамъ Гроція, основаніе права въ собственномъ и строгомъ смыслѣ. Все, что согласно съ существованіемъ общества между людьми, какъ разумными тварями, все согласно и съ правдою; напротивъ все, несогласное съ бытіемъ этого общества, несогласно съ правдою. Хотя бы, какъ замѣчаетъ Гроцій, исполненіе обязанностей, отсюда истекающихъ, доставляло намъ никакой пользы, однако же оно

должны быть исполняемы, потому что сама природа положила въ человѣка стремленіе жить въ обществѣ съ существами своего рода, и онъ будетъ жить въ обществѣ съ людьми, хотя бы ни въ чемъ не уждался.

По Гроцію находятъ также тѣсную связь между правомъ и пользою. Богъ, по его словамъ, сотворилъ людей слабыми, съ многоразличными нуждами, въ томъ намѣреніи, чтобъ заставить ихъ тѣмъ болѣе любить общество. Поводомъ къ установленію законовъ гражданскихъ была польза: люди начали соединяться въ общества и подчинять себя власти общественной для достиженія извѣстныхъ выгодъ. Наконецъ тѣ, которые предписываютъ законы, обыкновенно имѣютъ или должны имѣть при этомъ въ виду какую нибудь пользу.

По какъ законы каждаго государства, взятаго въ частности, имѣютъ въ виду только пользу этого одного государства: такъ, по словамъ Гроція, самыя государства, всѣ или многія, могутъ, по взаимному между собою согласію, установить правила, имѣющія своимъ предметомъ пользу не одного государства въ частности, но общаго ихъ союза (1).

Послѣ сего изложенія мы видимъ съ совершенною ясностію, въ чемъ Гроцій поставляетъ сущность правды. Если извѣстное дѣйствіе не разрушаетъ общества, какое должно существовать между людьми, какъ разумными существами, то это дѣйствіе праведно; въ противномъ случаѣ оно не праведно. Таково общее начало правды! Приложеніе его къ различнымъ видамъ обществъ даетъ намъ столько же особенныхъ началъ правды для сихъ обществъ. Въ каждомъ особенномъ обществѣ праведнымъ должно быть названо такое дѣйствіе, которое не разрушаетъ этого общества, которое совмѣстно съ особеннымъ существомъ его; противное сему должно быть названо несправедливымъ.

(1) De J. B. ac. P. proleg. 6—17.

II. Отношеніе между правомъ и силою.

§ 308.

Необходимымъ послѣдствіемъ и принадлежностію права въ собственномъ смыслѣ Гуго Гроціи есть власть нравственную возможность защищать его силою отъ нарушеній. Для охраненія его справедливо можетъ быть предпринята война; безъ силы, которая охраняетъ его, оно не имѣло бы дѣйствія во вѣнностяхъ. Впрочемъ, говоритъ Гроцій, и безъ силы право не лишено совершенно всякаго дѣйствія: правда доставляетъ душевное спокойствіе, а неправда раждаетъ муки угрызения совѣсти; правду одобряетъ общее согласіе добрыхъ людей, неправду же оно осуждаетъ; наконецъ, что всего важнѣе, неправду Богъ не видитъ, а правдѣ Онъ благоволяетъ, почему за первую наказываетъ, а за вторую награждаетъ людей не только въ будущей, но и въ настоящей жизни.

Но правда, по мнѣнію Гроція, не требуетъ безъ словно отъ человека, чтобы онъ защищалъ свое право или отыскивалъ ихъ въ случаѣ ихъ нарушенія; она только позволяетъ ему дѣлать это. Высшій законъ христіанской нравственности даже одобряетъ смиреніе и повелеваетъ человеку переносить обиду съ терпѣніемъ ⁽¹⁾.

III. Виды права.

§ 309.

Ученіе Гуго Гроція о различныхъ видахъ права содержится въ его изложеніи различныхъ значеній слова: *право*. Онъ различаетъ нѣсколько значеній

⁽¹⁾ De J. B. ac P. proleg. § 19—20. — ⁽²⁾ Ibid. Lib. I. cap. II. § num. 4; cap. III. § 3. num. 9.

го слова, такъ какъ оно употребляется или для означенія извѣстнаго качества дѣянія, или для означенія извѣстнаго качества лица, или наконецъ для означенія правила человѣческихъ дѣяній.

§ 310.

Когда слово: *право*, употребляется для означенія качества дѣянія, то оно значитъ, говоритъ Гроцій, то же, что и праведное (*justum*), и притомъ болѣе въ смыслѣ отрицательномъ, чѣмъ въ смыслѣ утвердительномъ, такъ что правомъ называется все то, что не есть несправедливо (*injustum*). Неправедное, по мнѣнію Гроція, какъ мы уже раскрыли его мысли, то, что противорѣчитъ природѣ общества существъ разумныхъ. Какъ общество можетъ состояться или изъ лицъ равныхъ (таково общество между людьми, гражданами, друзьями, союзниками), или изъ лицъ неравныхъ (таково общество между отцами и дѣтьми, господиномъ и рабомъ, Государемъ и поданными); то, по словамъ Гроція, и праведное различнаго вида общества и для различныхъ лицъ различно: въ отношеніяхъ между лицами равными должно быть названо праведнымъ одно, въ отношеніяхъ между лицами неравными другое ⁽¹⁾.

§ 311.

Отъ предложеннаго значенія права Гуго Гроцій различаетъ другое, впрочемъ непосредственно изъ него вытекающее. По этому второму значенію право есть нравственное качество лица, въ слѣдствіе котораго лицо можетъ согласно съ справедливостію что-либо имѣть или дѣлать. Такое качество можетъ быть совершенное и несовершенное ⁽²⁾. При первомъ человекъ можетъ справедливо употребить даже силу противъ того, кто сталъ бы препятствовать ему что

⁽¹⁾ De J. B. ac P. Lib. I. cap. 1. § 3. — ⁽²⁾ Нравственное качество совершенное Гроційъ называетъ *facultas*, несовершенное *aptitudo*.

нибудь имѣть или дѣлать, и такимъ образомъ прудить нарушителя права отстать отъ нарушенія; при второмъ онъ не можетъ употреблять силы, осуществленія своего права,—онъ способенъ только онъ достоинъ имѣть что либо или дѣлать. Въ вещахъ физическихъ первому соответствуетъ действительность, второму возможность; въ области нравственной первому соответствуетъ правда исполнительная (*justitia expletrix*), которой только въ строгомъ смыслѣ и принадлежитъ названіе правды,—второму соответствуетъ правда распредѣлительная (*justitia distributrix*), которая сопровождается добродѣтели, доставляющія другимъ людямъ добро, каковы: щедрость, сострадательность, попечительность о благодѣтельныхъ. Право въ собственномъ и строгомъ смыслѣ есть для Гроція только первое. Сюда, по его словамъ, относятся: *власть*, какъ надъ собою, называемая свободою, такъ и надъ другими, напр. отеческая, и сподская; *собственность*, какъ полная, такъ и неполная; наконецъ *право требовать* чего нибудь отъ другаго *по обязательству*. Сверхъ сего право, собственно такъ называемое, можетъ быть, по учению Гроція, или низшаго рода, какое принадлежитъ частнымъ лицамъ, для частнаго ихъ блага, или права высшаго рода, которое принадлежитъ обществу противъ лицъ, составляющихъ общество, и предковъ, имъ принадлежащихъ, для общаго блага. Такъ царская власть заключаетъ подъ собою и властную господскую; такъ на вещи, принадлежащія частнымъ лицамъ, больше имѣетъ права Государь, если онъ нуженъ для общаго блага, чѣмъ самые ихъ владельцы ⁽¹⁾.

§ 123.

Наконецъ слово: *право*, по замѣчанію Гроція употребляется въ значеніи закона вообще, какъ и въ области нравственныхъ дѣяній.

(1) Ibid. § 4—8.

Право въ значеніи закона Гроцій раздѣляетъ на *естественное* (*jus naturale*) и *произвольное* (*jus voluntarium*) ⁽¹⁾.

Право естественное, по словамъ Гроція, есть изреченіе здраваго разума, сказывающее намъ, что въ какомъ дѣйствіи, по причинѣ согласія или не согласія его съ самою разумною природою, заключается нравственная необходимость или нравственная мерзость. Такое дѣйствіе есть дѣйствіе должное, или не позволительное само въ себѣ. Символомъ признакомъ Гроцій отличаетъ право естественное только отъ человѣческаго, но и отъ Божескаго произвольнаго, которое не то повелѣваетъ или запрещаетъ, что само по себѣ и по своей природѣ можно или не должно быть совершаемо, но которое, запрещая что нибудь, дѣлаетъ это непозволительнымъ, а повелѣвая должнымъ. Право естественное Гроцій признаетъ такъ неизмѣннымъ, что оно не можетъ быть измѣнено самимъ Богомъ, такъ что оно происходитъ изъ самой природы существъ, которая неизмѣнна ⁽²⁾.

Право произвольное, по ученію Гроція, происходитъ изъ свободной воли и есть или *Божеское* (*jus divinum*) или *человѣческое* (*jus humanum*) ⁽³⁾.

Право Божеское произвольное происходитъ изъ свободной воли Божественной. Это право есть или общее, которое дано всему роду человѣческому, или особенное, частное, которое было дано только одному народу. Всему роду человѣческому даваемъ законъ отъ Бога три раза: по сотвореніи челоука, послѣ потопа и наконецъ по пришествіи Иисуса Христа на землю. Изъ всѣхъ народовъ Богъ благоволилъ дать особенное право одному только иудейскому народу ⁽⁴⁾.

(1) Ibid. § 9. — (2) Ibid. § 10—12. — (3) Ibid. 13. — (4) Ibid. § 15—17

Право человеческое производное основывается на своем существовании на свободной воле человека. Гроций различает три вида этого права: право гражданское, — право, которого объем обширнее гражданского, — наконец право, которого объем равен гражданскому. Право гражданское происходит от власти гражданской. Право человеческое, имющее меньший объем в сравнении с гражданским правом и не происходящее от власти гражданской, хотя ей подчиненное, заключается в себя приказанія отеческія, господскія, тому подобныя. Право человеческое, которого объем обширнее, чѣмъ объемъ права гражданского, есть право народовъ ⁽¹⁾. Понятія Гроція о правѣ народовъ не совсемъ опредѣленны. По его словамъ, это право собственно относится ко взаимному общенію народовъ между собою, имѣетъ въ виду пользу не одного какого нибудь изъ отдѣльныхъ гражданскихъ обществъ, но цѣлой ихъ совокупности, и основывается на общемъ между собою согласіи всѣхъ или многихъ народовъ, прямо или непрямо изъясленномъ. Между тѣмъ очень часто подъ именемъ права народовъ у Гроція разумѣются вообще начала права принимаемыя всеми или многими народами, каковы ни было содержаніе сихъ началъ.

Всѣ эти виды права Гроцій связываетъ между собою неразрывнымъ союзомъ. Съ одной стороны право естественное, по его замѣчанію, можетъ быть рассматриваемо какъ право Божеское, потому что отъ свободной воли Божіей зависѣло создать насъ и напечатлѣть въ умъ нашѣмъ эти начала. Сверхъ того Богъ, давши людямъ законы, сдѣлавъ такимъ образомъ начала права естественнаго ясными даже для тѣхъ, которые имѣютъ слабый разсудокъ, и обуздавъ самолюбивыя наклонности людей. Наконецъ Священная Исторія не мало возбуждаетъ въ насъ общенное расположеніе тѣмъ, что показываетъ намъ происхожденіе всѣхъ людей отъ однихъ прародителей.

⁽¹⁾ Ibid. § 14. — ⁽²⁾ Cf. De J. B. ac P. Lib. II, c. VIII, § 1.

съ другой стороны обязательную силу гражданского права Гроцій основываетъ на правѣ естественномъ; именно онъ выводитъ ее изъ естественной обязанности свято хранить договоры, такъ какъ онъ предполагаетъ, что люди по ихъ произволу составили общество и покорились власти общественной, явно или молча обязавшись исполнять все то, что будетъ установлено большею частію членовъ общества, или верховною властію ⁽¹⁾.

IV. Общій обзоръ сочиненія Гроція.

§ 313.

Сочиненіе Гроція состоитъ изъ трехъ книгъ. Въ нихъ рассматриваются: въ первой — лица, которые по праву могутъ вести войну между собою; во второй — причины, по которымъ по праву можетъ быть предпринята война; въ третьей — образъ веденія войны и прекращеніе ея посредствомъ мира.

1. Лица, которыя могутъ вести войну.

§ 314.

Всѣ вообще лица, по ученію Гроція, могутъ въ известныхъ случаяхъ по праву вести войну, такъ какъ законъ общительности запрещаетъ не всякую войну, но только ту, которая разрушаетъ самое общество, то есть, которая уничтожаетъ право другого.

Вести войну могутъ: частныя лица между собою, частныя лица съ государствомъ и наоборотъ, и наместникъ государства другъ съ другомъ. До образования государствъ, по словамъ Гроція, частныя лица имѣли несомнѣнное право защищать свои права собственною силою. По учрежденіи государствъ и судовъ

⁽¹⁾ Ibid. proleg. § 12—15.

это право во многом ограничено. Однакоже оно и теперь въ известныхъ случаяхъ можетъ имѣть свое мѣсто, именно тогда, когда безъ явной обязанности нельзя ждать помощи отъ судьи,—равнымъ образомъ на морѣ, въ пустыняхъ и тому подобныхъ мѣстахъ. Для опредѣленія существа войны, которая можетъ быть ведена государствомъ, Гроцій объясняетъ существо верховной власти, и при этомъ случаѣ описываетъ происхожденіе власти гражданской. Люди, по мнѣнію Гроція, добровольно соединились въ гражданскія общества, испытавши на самомъ дѣлѣ, какъ мало одно семейство, отдѣльно отъ другихъ, можетъ защищать себя противъ насилия. Война со стороны подданныхъ противъ своихъ государей Гроцій признаетъ безусловно непозволительною.

Вести войну человекъ можетъ какъ по своему собственному дѣлу, такъ и по дѣлу чуждому.

2. Законныя причины войны.

§ 315.

Законною и единственною причиною, по которой можетъ быть предпринята война, Гроцій почитаетъ обиду. Цель войны, по его словамъ, есть или оградить наши права противъ угрожаемаго на нихъ нападенія, или возстановить ихъ, когда они уже разрушены, или наконецъ подвергнуть нарушителя права заслуженному наказанію.

I. Прежде всего, по мнѣнію Гроція, человекъ имѣетъ право въ случаѣ несправедливаго нападенія оборонять свою жизнь, свои члены, свою девственность и свою собственность.

II. Что касается уничтоженія сдѣланной уже обиды и возстановленія нарушенныхъ правъ, здѣсь, по словамъ Гроція, рѣчь можетъ быть какъ о томъ, что принадлежитъ или принадлежало намъ, такъ и о томъ, чѣмъ можетъ быть намъ долженъ другой.

1. Изъ правъ, какія могутъ принадлежать людямъ, ни одна не принадлежитъ всемъ вообще людямъ, какъ люди, другія принадлежатъ тому или другому изъ нихъ въ особенности.

а) Всемъ людямъ вообще, въ силу ихъ человѣческой природы, принадлежатъ: право на вещи и право извѣстныхъ дѣйствій.—Первоначально, по мнѣнію Гроція, всѣ вещи, на основаніи благословенія, данного Богомъ людямъ по сотвореніи міра и послѣ поппа, были общими. Но какъ люди не могли навсегда оставаться въ такомъ обществѣ; то они согласились, чтобы каждый изъ нихъ владелъ извѣстными вещами, какъ исключительною собственностію. Вещи были общими собственностію исключительно того или того человека не по одному внутреннему его мнѣнію имѣть извѣстную вещь, такъ какъ другіе не могли знать, чего хочетъ тотъ или другой, и многіе могли бы пожелать имѣть одну и ту же вещь, но по взаимному согласію между людьми. Это согласіе могло быть изъявлено ими или въ ясныхъ словахъ, когда были раздѣлены ими между собою нѣкоторые предметы, бывшія дотошъ общими, или молча, когда тотъ или другой овладевалъ извѣстными вещами, принадлежавшими въ раздѣлъ, такъ какъ, по словамъ Гроція, мы должны предположить, что какъ скоро люди не хотѣли оставить вещей въ общемъ у себя, то они всѣ согласились на то, чтобы изъ вещей, не поступившихъ въ раздѣлъ, каждому принадлежали въ собственность тѣ, какія будутъ имъ заняты прежде другихъ людей. Но не всѣ вещи, говоритъ Гроцій, могутъ принадлежать людямъ въ собственность. Такъ море, разсматриваемое въ его цѣлости, въ большихъ его частяхъ, не можетъ быть предметомъ собственности, потому что причины, по которымъ люди оставили общеніе, здѣсь не существуютъ; оно такъ велико, что его достаточно всемъ народамъ для всякаго употребленія. Сверхъ того занято можетъ быть только вещь, имѣющая опредѣленные границы. Жидкое само по себѣ не имѣетъ опредѣленныхъ границъ, развѣ оно будетъ содержаться въ

чемъ нибудь другомъ, какъ озера, пруды и рѣки, содержатся въ берегахъ; но море не содержитъ землею, будучи, равно землѣ, или еще больше. Вещи этого рода должны навсегда оставаться общими. Вещи этого рода должны навсегда оставаться общими. Вещи этого рода должны навсегда оставаться общими. Собственность рода человеческого. Сверхъ того, по учению Гроціи, людямъ, какъ людямъ, принадлежитъ некоторое право и на тѣ вещи, которыя сдѣлали уже чьею нибудь собственностью. Собственность поглотила всего права, принадлежавшаго людямъ. Мы, говоритъ Гроцій, должны думать, что люди, вводя собственность, хотѣли при этомъ какъ можно меньше отступать отъ первоначальнаго порядка. Почему во первыхъ, въ случаѣ крайней нужды это первоначальное право на всѣ вещи возникаетъ въ прежнемъ его силѣ и человекъ можетъ тогда пользоваться чужими вещами, такъ какъ бы онѣ оставались общими. Во вторыхъ человекъ всегда имѣетъ право пользоваться чужими вещами, если это не дѣлаетъ совершенно никакого вреда ихъ владѣльцамъ. — Также же образомъ, по учению Гроціи, всѣ люди имѣютъ общее право на извѣстныя дѣянія, и при томъ некоторые дѣянія безусловно, на другія подъ условіемъ. Безусловно люди имѣютъ право на дѣянія необходимыя для пріобрѣтенія предметовъ, безъ которыхъ имъ нельзя жить надлежащимъ образомъ. Подъ условіемъ принадлежитъ всемъ людямъ право на дѣянія, которыя извѣстный народъ безъ разбора позволяетъ всемъ иностранцамъ. Но здѣсь разумѣется только такія дѣянія, которыя позволяютъ силу естественной свободы, не уничтоженной никакимъ закономъ, а не дѣянія, которыя позволяютъ въ видѣ милости.

б) Исключительно нашимъ дѣлается что нибудь по словамъ Гроціи, въ слѣдствіе пріобрѣтенія первоначальнаго и производнаго.

а) Прежде, когда весь родъ человеческій могъ браться вмѣстѣ, первоначальное пріобрѣтеніе происходитъ, по учению Гроціи, какъ мы объяснимъ

посредствомъ раздѣленія вещей съ общаго согласія; теперь оно совершается только посредствомъ занятія. Вся рода предметовъ, никому непринадлежащихъ, могутъ быть пріобрѣтаемы посредствомъ занятія: вещи (собственность) и лица (власть).

Изъ числа вещей, никому непринадлежащихъ, говоритъ Гроцій, могутъ быть пріобрѣтаемы посредствомъ занятія не только вещи, которыя никогда не представляли ничьей собственности, но и вещи, которыя имѣли уже хозяевъ, но сдѣлались опять безвладными, или по тому, что онѣ оставлены ихъ хозяевами, или по тому, что хозяева ихъ перестали существовать. Сюда Гроцій относитъ и пріобрѣтеніе вещей посредствомъ давности, которое, по его мнѣнію, есть не что иное, какъ занятіе, основывающееся на томъ предположеніи, что извѣстная вещь оставлена ее хозяиномъ.

Власть надъ лицами независимыми можетъ быть нами пріобрѣтена, по учению Гроціи, въ слѣдствіе ихъ рожденія отъ насъ, ихъ согласія, преступленія. — Пособствомъ рожденія пріобрѣтаютъ право родители надъ своими детьми, какъ отецъ, такъ и мать; при чемъ также преимущество принадлежитъ власти отцовской. — По взаимному согласію двухъ и болѣе лицъ власть возникаетъ или изъ соединенія ихъ въ одно общество, или изъ подчиненія одного изъ нихъ другому. Самое естественнѣйшее общество Гроцій видитъ въ союзѣ супружескомъ. Здѣсь, въ слѣдствіе естественнаго превосходства пола, мужъ есть главою семьи въ дѣлахъ супружескихъ и семейственныхъ. Кроме этого самаго естественнаго общества Гроцій ходитъ и другіе, какъ частныя, такъ и публичныя союзы; сіи послѣдніе возникаютъ или изъ соединенія многихъ частныхъ лицъ въ одинъ народъ, или изъ соединенія между собою нѣсколькихъ народовъ. Эти союзы имѣютъ, по словамъ Гроціи, то между собою общаго, что въ дѣлахъ, для которыхъ составлено общество, общество и большая часть общества имѣютъ власть надъ отдѣльными лицами, принадле-

жащими къ обществу. Договоръ, по которому несколько отцевъ семействъ соединяются въ одинъ народъ и одно общество, даетъ величайшее право целому обществу по отношенію къ его частямъ; по тому что это есть совершеннѣйшее общество, и ни въ немъ ни одного внѣшняго дѣйствія, которое бы или само по себѣ не относилось къ этому обществу, или при особенныхъ обстоятельствахъ не могло къ нему относиться, почему, замѣчаетъ Гроцій, законы и говорятъ о предметахъ всякаго рода. Подчиненіе добровольное можетъ быть, по словамъ Гроція, или частное или публичное. Самымъ благороднѣйшимъ видомъ частнаго подчиненія, Гроцій признаетъ поступленіе на мѣсто сына, когда кто нибудь подчиняетъ себя такимъ же образомъ власти другаго, какъ сынъ совершеннолѣтній подчиненъ отцу; напротивъ самымъ неблагороднымъ—отдачу себя въ совершенное рабство, когда человекъ обѣщаетъ во всю жизнь свою работать на кого нибудь за получаемое отъ него содержаніе. Публичное подчиненіе происходитъ, когда цѣлый народъ подчиняетъ себя или кому нибудь одному, или нѣсколькимъ лицамъ, или другому народу.—Въ слѣдствіе преступленія рождается подчиненіе, какъ скоро тотъ, кто заслужилъ быть лишеннымъ свободы, силою приводится подъ власть лица, имѣющимъ право наказывать.

В) Производное пріобрѣтеніе правъ Гроцій основываетъ или на дѣйствіи человека, или на законѣ. Люди, говоритъ Гроцій, могутъ свою собственность и власть вполне или отчасти передавать другому. Сюда онъ относитъ и пріобрѣтеніе въ силу завѣщанія, такъ какъ, по его словамъ, человекъ можетъ отчуждать свои вещи не только безусловно, но и подъ условіемъ, не только безвозвратно, но и съ правомъ возврата, и притомъ съ сохраненіемъ въ время владѣнія и права пользованія,—но отчужденіе на случай смерти, которое до того времени можетъ быть уничтожено, съ удержаніемъ между тѣмъ права пользованія, и составляетъ существо завѣщанія. Пріобрѣтеніе производное, основывающееся на законѣ

имѣетъ своимъ основаніемъ или законъ естественный, или произвольный законъ народовъ, или законъ гражданскій. Къ способамъ производнаго пріобрѣтенія, произтекающаго изъ закона естественнаго, Гроцій относитъ наслѣдованіе безъ завѣщанія, основаннаго на предположительномъ гаданіи о послѣдней волѣ лица, умирающаго безъ завѣщанія.

2. Причинами, по которымъ люди могутъ быть связаны нибудь должны другъ другу, Гроцій считаетъ обѣщаніе, преступленіе, законъ.—Обязательную силу обѣщаній Гроцій доказываетъ слѣдующимъ образомъ: право собственности человекъ можетъ передать другому по своей волѣ; почему же бы онъ не могъ дать другимъ такого права на свое лице, по которому бы онъ обязанъ былъ или перенести на нихъ свою собственность, когда это право меньше своего права собственности, или сдѣлать что нибудь въ ихъ пользу, когда мы имѣемъ на дѣйствія наши такое же право, какое и на вещи, намъ принадлежащія? Договоры, какъ важнѣйшій видъ обѣщаній, Гроцій подвергаетъ особенному и подробному разсмотрѣнію.—Подъ именемъ преступленія въ настоящемъ случаѣ Гроцій разумѣетъ всякую вину, когда человекъ, дѣлая что нибудь, или чего нибудь не дѣлая вопреки своей обязанности, тѣмъ причиняетъ вредъ другому. Изъ такой вины естественнымъ образомъ рождается обязательство къ вознагражденію сдѣланнаго вреда.

III. Нарушитель правъ нашихъ, кромѣ лежащаго на немъ обязательства къ вознагражденію сдѣланнаго вреда, можетъ быть, по словамъ Гроція, подвергнутъ еще за свое преступленіе наказанію. Ученіе о преступленіяхъ и наказаніяхъ изложено у Гроція съ большою подробностію и представляетъ множество основательныхъ замѣчаній объ этомъ предметѣ.

Наказаніе, по обыкновенному его опредѣленію, говоритъ Гроцій, вообще есть сгряданіе, которое при-

чиняется за злое дѣйствіе (*malum passionis ob malum actionis*). Къ числу вещей, которыя сама природа объявляетъ позволительными и непротивными правды, относится и то, когда сдѣлавшій зло самъ подвергается за это злу; лицамъ, которыя причиняютъ вредъ другимъ, не дѣлается обиды, если ихъ подвергаютъ наказанію. Но отсюда, говоритъ Гроцій, еще не слѣдуетъ, что люди непременно должны ихъ наказывать. Человѣкъ такъ связанъ узами родства съ другими людьми, что онъ никогда не долженъ мстить за зло, развѣ для полученія какого нибудь добра.

Такимъ образомъ основательныхъ причинъ для наказанія преступниковъ Гроцій ищетъ собственно въ цѣли, достигаемой посредствомъ наказанія. При наказаніи можно имѣть въ виду, по словамъ Гроція, или пользу преступника, или пользу лица, противъ котораго сдѣлано преступленіе, или вообще чью бы то ни было пользу. Въ первомъ случаѣ цѣлію наказанія есть исправить преступника, отнимая у преступленія всю его пріятность. Къ наказаніямъ этого рода, говоритъ Гроцій, не относится смертная казнь, развѣ въ томъ смыслѣ, что для людей неисправимыхъ будетъ лучше, т. е. будетъ меньшимъ зломъ умереть, чѣмъ жить, когда достоверно извѣстно, что продолжая жить, они становились бы все хуже и хуже. Польза отъ наказанія преступника для лица, противъ котораго сдѣлано преступленіе, заключается въ томъ, что посредствомъ наказанія предупреждаются подобныя обиды со стороны преступника или другихъ лицъ. Новыя обиды со стороны преступника могутъ быть предупреждены троякимъ образомъ: во 1-хъ если преступникъ совсѣмъ перестанетъ существовать; во 2-хъ если у него будутъ отняты силы вредить; въ 3-хъ если онъ отлучится, испытавши чувствительное зло, дѣлать преступленія, что совпадаетъ съ исправленіемъ, о которомъ уже сказано. Обиды, подобныя нанесенной, со стороны другихъ лицъ предупреждаются наказаніемъ публичнымъ и явнымъ, которое бы могло служить примѣромъ для другихъ и уничтожить въ нихъ по-

сто охоту къ преступленіямъ. Такимъ же образомъ посредствомъ наказанія преступника могутъ быть вращены отъ всякаго лица обиды со стороны какъ преступника, такъ и другихъ лицъ, которыя бы могли увлечься его примѣромъ. Смертная казнь, по мнѣнію Гроція, совершенно оправдывается какъ средствомъ, такъ и третьею изъ предложенныхъ цѣлей наказанія. Возраженіе, обыкновенно приводимое противъ нее, будто съ жизнью отнимается такимъ образомъ у преступника и время для покаянія, по словамъ Гроція, показываетъ только, что на это обстоятельство должно быть обращено величайшее вниманіе, и никто не долженъ быть казнимъ смертно, прежде чѣмъ ему дано будетъ время для покаянія.

Разсматривая порочныя дѣянія, Гроцій находитъ, что не все они могутъ быть наказываемы отъ людей. Смертные, по мнѣнію Гроція, во 1-хъ дѣйствія чисто внутреннія. Хотя бы они по какому нибудь случаю, оказались извѣстными другимъ, однакоже они не могутъ быть наказываемы людьми, такъ какъ съ чуждою природою несовмѣстно, чтобы между людьми рождались права или обязанности изъ дѣйствій чисто внутреннихъ. Однакоже это, говоритъ Гроцій, не препятствуетъ обращать вниманіе на внутреннія дѣйствія, какъ скоро они имѣютъ вліяніе на вѣншія, не для нихъ самихъ, но для вѣншнихъ дѣйствій, которыя получаютъ отъ нихъ определенное качество. Во 2-хъ не могутъ быть наказываемы людьми неизбежныя дѣйствія чуждою природою. Хотя грѣхъ можетъ быть признанъ только тѣмъ, что свободно; однакоже, по мнѣнію Гроція, совершенно и всегда воздерживаться отъ всякаго грѣха превышаетъ силы чуждой природы. Даже, говоритъ Гроцій, можно усомниться, должно ли такіа дѣйствія называть грѣхомъ, потому что они, будучи разсматриваемы въ ихъ всеобщности, не имѣютъ той свободы, какую они, по видимому, имѣютъ, будучи взаты въ ихъ отдельности. Есть нѣкоторые дѣйствія, не вообще неизбежныя для чуждой, но только не

избѣжныя для того или другаго лица въ частности и въ известномъ возрастѣ, по причинѣ особеннаго сложенія тѣла человека, перешедшаго въ самую душу, или по причинѣ закоренѣлой привычки; впрочемъ за дѣйствія сего рода, по словамъ Гроція, человекъ обыкновенно наказывается, не столько собственно за эти дѣйствія, сколько за вину, которая имъ предшествовала. Въ 3-хъ не должны быть наказываемы грѣхи, которые не касаются ни лично ни косвенно человеческого общества или другихъ людей. Нѣтъ причины, по мнѣнію Гроція, не предавать наказанія такнхъ грѣховъ самому Богу, который обладаетъ и величайшею премудростію, чтобы узнать ихъ, и величайшею справедливостію, чтобы ихъ взвесить, и величайшимъ могуществомъ, чтобы ихъ наказать. Не должны также быть наказываемы дѣйствія, противоположныя тѣмъ добродѣтелямъ, которые по своему существу отвергаютъ всякое приращеніе, каковы: состраданіе, щедрость, благодарность.

При назначеніи наказаній и опредѣленіи ихъ мѣры Гроцій находитъ нужнымъ обращать вниманіе на двѣ обстоятельства: за что человекъ наказывается и для чего. Никто, по ученію Гроція, не долженъ быть наказываемъ сверхъ вины. Но при этомъ ограниченіи, какъ скоро вина существуетъ, преступленія наказываются болѣе или менѣе, смотря по той пользѣ, какой мы надѣемся достигнуть посредствомъ наказанія; преступленіе можетъ быть даже совсѣмъ не наказываемо, когда или цѣли, для которыхъ установлены наказанія, не могутъ имѣть мѣста, или если цѣли могутъ быть достигнуты другимъ образомъ или наконецъ посредствомъ освобожденія преступника отъ наказанія будутъ достигнуты другими цѣлями не менѣе важными. При опредѣленіи вины должно быть обращено вниманіе на причину, побудившую человека къ преступленію, на причину, которая должна была отвлекать его отъ преступленія, и наконецъ на способность лица обсуживать причины того и другаго рода.

3. Образъ веденія и прекращенія войны.

§ 316.

Для опредѣленія способа веденія войны и для разрѣшенія вопроса, что позволительно дѣлать во время войны, Гроцій представляетъ слѣдующія правила: 1) все то позволительно въ войнѣ, что необходимо для достиженія ея цѣли; 2) въ продолженіи войны не являются причины, по которымъ присоединиться къ одной изъ коренной причинъ можетъ сдѣлаться несправедливымъ то, что сначала было несправедливымъ: напр. кто беретъ сторону моего противника, тотъ оказываетъ ему вспоможеніе, съ тѣмъ и я могу поступать какъ съ своимъ противникомъ; 3) право вести войну сопровождается, независимо отъ намѣренія действующаго лица, многими дѣйствіями, на которыя тотъ, кто ведетъ войну, непосредственно имѣлъ бы права. Такъ для овладѣнія домомъ или замкомъ, который наполненъ разбойниками, могутъ быть употреблены жестокія мѣры, хотя бы въ этомъ домѣ или кораблѣ находилось нѣсколько невинныхъ людей, женщинъ или другихъ лицъ.

Относительно договоровъ, заключаемыхъ во время войны, Гроцій представляетъ то общимъ правиломъ, что слово, данное и непріятелю, должно быть свято и исполняемо.

§ 317.

Сравнивая ученіе о правѣ Гроція съ ученіемъ Цицерона⁽¹⁾ и особенно Цицерона⁽²⁾ объ этомъ предметѣ, мы находимъ существенное сходство между однимъ и другимъ ученіемъ. Коренное начало войны въ томъ и другомъ одинаково; въ томъ и

⁽¹⁾ См. выше § 271. — ⁽²⁾ См. выше § 279—282.

другомъ допускается существованіе общей собственности рода человеческого; въ томъ и другомъ творчество представляется обдуманнѣмъ произведеніемъ разума. Гроцій самъ сознаетъ это сходство своего ученія съ ученіемъ, образовавшимся при переходѣ древняго міра въ новый, и перфектно поясняетъ свои мысли словами Цицерона и Стоиковъ (1).

Независимо отъ того, новый духъ повсюду открывается въ ученіи Гроція. Изъ множества направлений человеческой воли здѣсь берется произвольно только одно, и изъ него, не обращая вниманія на другія направленія и стороны существа человеческого, выводятся всѣ законы вѣчной дѣятельности. Хотя человекъ признается необходимо членомъ общества; однакоже средоточіемъ всѣхъ изслѣдованій о законахъ служить личность человека, его я, его права. Внѣшняя и внутренняя область дѣятельности отдѣляются одна отъ другой и человеку не только предоставляется право безусловнаго господства послѣдней, но и въ самой вѣншей области бытія многихъ важныхъ отношеній основывается только частной волей, на договоръ между людьми. Все положительное законодательство выводится изъ одной произвола и лишается твердаго основанія.

Предметы права, входящіе въ кругъ Философскаго Законодательства, означены у Гроція въ совершенной полнотѣ. Многіе изъ нихъ разсмотрѣны съ достаточною подробностію и съ различными сторонами. Почти по каждому изъ нихъ высказанъ Гроціемъ множество различныхъ мыслей, его собственныхъ и чужихъ. Такимъ образомъ ученіе предложено было богатое содержаніе для размышленія и разработки. Сочиненіе Гроція приобрѣло величайшую знаменитость. Оно было всѣмъ извѣстно: непрерывно издаваемо на первоначальномъ

(1) De J. B. ac P. proleg. § 6; not. ad § 7 et 8; Lib. I. cap. 1. num. 1.

языкъ (1), переводимо на другіе Европейскіе языки (2), объясняемо различными толкованіями (3), употребляемо для удобнѣйшаго употребленія (4), опровергаемо, защищаемо. Такимъ образомъ оно имѣло наибольшее вліяніе на развитіе и установленіе понятій о различныхъ предметахъ законодательства.

ПЕРІОДЪ II.

Отъ Бакона и Декарта до Канта.

§ 318.

Когда умъ философствующій обнялъ древнія философскія системы и особенно воспроизвелъ тѣ изъ нихъ, которыя оживлены духовнымъ началомъ; когда противоположность между симъ началомъ и началомъ вѣннаго міра, между мыслию и даннымъ во вѣчности бытіемъ, между духомъ и природою были признаны: то задачей Философіи сдѣлалось—согласить эту противоположность. Два путя на первый разъ представлялись для ея соглашенія: можно было или начать съ природы, съ даннаго бытія, и постепенно выходя изъ нея, очищаясь отъ міра вещественнаго, возвыситься въ область духовную, или начать съ области духа и постепенно оставляя эту чистую область, спускаться въ область вещественнаго. Первый путь чувства и опыта, второй—путь умозрѣній. Первые отдѣльно другъ отъ друга они не только не могутъ привести къ полной истинѣ, но еще на-

(1) Сія изданія означены въ Litteratur des gesammten Völkerrechts von Ompfeda. Regensburg. 1785. § 122. — (2) Тамъ же § 125—129. Французскій переводъ Гроціева сочиненія, сдѣланный Барбейракомъ, особенно заслуживаетъ вниманія, какъ по своей правильности и ясности, такъ и по замѣчаніямъ, къ нему присоединеннымъ. Онъ вышелъ подъ заглавіемъ: Le droit de la guerre et de la paix, par Hugues Grotius, nouvelle traduction par Jean Barbeyrac. Amsterdam, 1724. 4.; второе, сдѣланное самимъ Барбейракомъ, изданіе есть Amsterdam, 1736. 4; 3-е Basle, 1746. 4; 4-е Amsterdam, 1754, 4; 5-е Leyden, 1759, 4. — (3) Тамъ же § 123. — (4) Тамъ же § 124. Cp. Ludovici delineatio historiae juris divini naturalis et positivi universalis. § XXX.

противъ взаимно уничтожаютъ другъ друга и не ходимымъ послѣдствіемъ своимъ должны имѣть Философію, которая отвергаетъ всѣ неизмѣнныя истины человеческого духа. Покушеніе согласить противуположность между мыслію и бытіемъ путемъ чувствъ и опыта представляетъ *Англійская опытная Философія*, основанная *Баконемъ*. Покушеніе согласить противуположность путемъ умозрѣнія представляетъ *Французско-Нѣмецкая умозрительная Философія*, основанная *Декартомъ*. Наконецъ направленіе пруждебное вѣтъ священнымъ истинамъ духа человеческого представляетъ *Французская Философія* 18-вѣка.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Англійская опытная Философія, основанная *Баконемъ*.

§ 319.

Знаменитый Канцлеръ Англіи *Баконъ Веруламскій* ⁽¹⁾ есть основатель опытной Философіи, которая доселѣ остается господствующею между Англичанами. Опытъ, внѣшній или внутренній, есть для этой Философіи источникъ всѣхъ познаній; что и какимъ образомъ не подлежитъ нашимъ чувствамъ ни чувствамъ тѣлеснымъ, ни внутреннему чувству, которымъ мы познаемъ происходящее внутри души нашей, того эта Философія не признаетъ истиннымъ. Предметы не существуютъ для ней, если они имѣютъ на себѣ какой нибудь стороны чувственной осязательной. Такимъ образомъ для ней область чувственного простирается въ самыя высшія ступени духа и наконецъ должна совершенно совпадать съ ними. Духовное есть для ней только доведенное до крайней степени утонченія чувственное.

⁽¹⁾ Баконъ Веруламскій род. въ 1561 г., ум. въ 1626.

Подъ господствомъ опытныхъ началъ развилась Англіи и Философія Законодательства, которая выведеніи всѣхъ своихъ истинъ основывается на различныхъ естественныхъ стремленіяхъ, представляющихся въ опытѣ.

Баконъ можетъ быть названъ не только основателемъ Англійской Философіи вообще, но и Англійской Философіи Законодательства въ частности. Хотя онъ особенно не занимался предметами, къ ней относящимися; однакоже онъ указалъ мѣсто для ней ряду наукъ философскихъ, и, означивши направленія, какія она можетъ имѣть въ своемъ развитіи, онъ опредѣлилъ весь ходъ ея развитія въ Англіи. Поэтому, приступая къ изложенію Англійской Философіи Законодательства, прежде всего мы представимъ мысли *Бакона*, сюда относящіяся, какъ онъ изложены имъ въ сочиненіи: *О достоинствѣ и усовершенствованіи наукъ*. ⁽¹⁾.

§ 320.

Баконъ дѣлитъ всѣ науки на три разряда: Исторію, Математику и Философію. Это раздѣленіе онъ основываетъ на тройномъ числѣ душевныхъ способностей, считая, что каждая душевная способность даетъ особое особенное ряду наукъ. Главныя способности души суть: память, воображеніе и разумъ. Исторія есть произведеніе памяти, Поэзія—произведеніе воображенія, Философія—произведеніе разума ⁽²⁾. Предметомъ Философіи поставляются у *Бакона* Богъ, природа и человѣкъ. Каждому изъ сихъ предметовъ соответствуетъ особенная часть Философіи ⁽³⁾. Философская наука о человѣкѣ разсматриваетъ его или себѣ самомъ и отдельно отъ другихъ людей, или обществу съ ними. Ту часть Философской науки

⁽¹⁾ De dignitate et augmentis scientiarum. На Англ. языкѣ въ Лонд. 1605; на Лат. яз. 1623; Lugd. Bat. 1652. 12 и Argent. 1654. 8.—

⁽²⁾ De dignitate et augmentis scientiarum. Lib. II, cap. 1. — ⁽³⁾ Ibid. Lib. III, cap. 1.

о человѣкѣ, гдѣ человѣкъ разсматривается въ самомъ себѣ и отдѣльно отъ другихъ людей, Баконъ называетъ Философіею человѣческой природы (*Philosophia humanitatis*); часть, гдѣ человѣкъ разсматривается въ обществѣ съ другими людьми, — Философіею общественной (*Philosophia civilis*) или Политикою (*Politica*)⁽¹⁾

По симъ двумъ частямъ Баконъ распредѣляетъ слѣдующемъ основаніи все содержаніе Философскихъ Законовъ:

Философія человѣческой природы состоитъ, по ученію Бакона, изъ наукъ двоякаго рода: одны изъ нихъ своимъ предметомъ тѣло, другія душу человѣка⁽²⁾. Наука о душѣ дѣлится на ученіе о свойствахъ и способностяхъ души и науку о дѣйствіяхъ душевныхъ способностей. Последняя имѣетъ своимъ предметомъ или разумъ, или волю, и потому дѣлится на Логикъ и Этику⁽³⁾. Этика разсматриваетъ образъ дѣйствія человѣческой воли. Она показываетъ 1) идеалъ добра, 2) способъ, какъ человѣкъ можетъ сдѣлаться сообразнымъ съ этимъ идеаломъ. Что такое идеалъ добра, въ каждомъ существѣ Баконъ усматриваетъ естественное стремленіе къ добру какого рода: въ первыхъ, существо стремится къ особому, самостоятельному цѣлю; во вторыхъ, оно стремится быть частию какого нибудь большаго цѣлаго. Добро перваго рода Баконъ ставитъ выше добра втораго рода, такъ какъ это послѣднее имѣетъ своимъ предметомъ сохраненіе высшей полнѣйшей формы. Первое онъ называетъ добромъ частнымъ или личнымъ, второе — добромъ общественнымъ. Добро частное Баконъ дѣлитъ на добродѣтельное и добро дѣятельное, такъ какъ въ отношеніи къ себѣ самимъ все твари имѣютъ какое стремленіе: стремленіе сохранять и усовершенствовать себя, и стремленіе размножаться и распространять

(1) Ibid, Lib. IV, cap. 1. — (2) Ibid. — (3) Ibid. Lib. IV, cap. V, lib. V, cap. 1.

добро дѣятельное. Баконъ предпочитаетъ добру страданію и добро усовершенствованія добру соціальнаго. Добро общественное имѣетъ своимъ предметомъ общество. Подъ именемъ должности общественное добро требуетъ отъ души благорасположенія къ другимъ; подъ именемъ добродѣтели оно составляетъ качество души, которая внутри себя самой устроена. Съ перваго взгляда, говорить Баконъ, можно было бы подумать, что разсмотрѣніе добра общественнаго относится собственно къ Политикѣ. Но такое мнѣніе, по словамъ Бакона, несправедливо, потому что въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ только о власти человѣка надъ самимъ собою, а не надъ другими людьми: наука о соединеніи людей въ общество отлична отъ науки, которая дѣлаетъ ихъ особыми и годными для общества. Ученіе о должностяхъ человѣка составляетъ у Бакона изъ двухъ частей: въ первой излагаются должности человѣка вообще, во второй — особенныя должности людей по различію ихъ званія, состоянія, достоинства. Такъ разсматривается у Бакона идеалъ добра! Науку о средствахъ для образованія души согласно съ этимъ идеаломъ онъ дѣлитъ на ученіе о характерѣ людей, о страстяхъ ихъ, и ученіе о средствахъ противъ страстей. Область Этики теперь измѣрена⁽⁴⁾.

Наука о жизни общественной, или Политика, по мнѣнію Бакона, имѣетъ въ виду только вышнюю работу дѣяній, потому что этого уже достаточно для общественной жизни, между тѣмъ какъ Этика дѣлаетъ человѣка внутренне добрымъ. Наука о жизни общественной дѣлится у Бакона на три части: о соборствованіи, о дѣлахъ и о государствѣ⁽⁵⁾. Ученіе о государствѣ, по его словамъ, заключается въ политикѣ, какъ семейство заключается въ государствѣ. Одною изъ важнѣйшихъ частей науки о государствѣ Баконъ почитаетъ ученіе о всеобщей правдѣ или источникахъ права. Впрочемъ этого ученія, по его словамъ, еще не существуетъ. Все, пи-

(4) Ibid. Lib. VII. — (5) Ibid. Lib. VIII, cap. 1.

савшіе о законахъ, говорить онъ, обрабатывали это предметъ или какъ Философы, или какъ Законодатель. Философы предлагаютъ много прекраснаго на слова, но что не исполнимо на дѣлѣ. Напротивъ законодатель, бывъ приверженъ или къ законамъ своего отечества, или къ Римскимъ, или къ Папскимъ, въ стоящемъ дѣлѣ не могутъ быть судьями безпристрастными, а говорятъ такъ, какъ будто бы они содержали въ оковахъ. Во всякомъ случаѣ познаніе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, принадлежитъ собственно Политикамъ, которые весьма хорошо знаютъ, чего требуютъ человеческое общество, благоденствіе народъ, естественная справедливость, нравы, различныя обычаи, разныя правленія, а потому могутъ постановлять законы основываясь на началахъ какъ естественной справедливости, такъ и Политики. Послѣ сего Баконъ представляетъ намъ въ нѣсколькихъ афоризмахъ главнѣйшія черты ученія о всеобщей правдѣ.

Афоризмъ 1. Въ обществѣ гражданскомъ господствуетъ законъ или сила. Но кромѣ того иногда скрывается подъ личиною закона, иногда законъ болѣе походитъ на насиліе, чѣмъ на справедливость. такъ есть три источника несправедливости: лживое насиліе, злостное уловленіе въ сѣти подъ предлогомъ закона и жестокость самаго закона.

Афоризмъ 2. Основаніе частнаго права есть слѣдующее: кто причиняетъ обиду, тотъ получаетъ отъ себя дѣянія пользу или удовольствіе, но подавая примѣръ другимъ, навлекаетъ на себя опасность. Другіе не участвуютъ въ его пользѣ или удовольствіи, но примѣръ относятъ къ себѣ. Почему они обезпечиваютъ себя законами, чтобъ обида не достигла до каждаго изъ нихъ по очереди. Если временнымъ обстоятельствамъ и по участию многихъ въ винѣ случится, что какой нибудь законъ подвергается опасности большую и сильнѣйшую частію общества, чѣмъ какой доставляется обезпеченіе, то скопище уничтожаетъ законъ, какъ это и бывало нередко.

Афоризмъ 3. Но право частное находится подъ покровомъ права публичнаго, потому что хотя законъ ставитъ обезпеченіе гражданамъ, учрежденныя суды доставляютъ обезпеченіе законамъ, но сила ихъ властей зависитъ отъ верховной власти, отъ роиства управленія и отъ основныхъ законовъ. Поэтому, если въ этомъ отношеніи государство будетъ здорово и надлежащимъ образомъ устроено, то оны принесутъ большую пользу; въ противномъ случаѣ мало будетъ защиты и отъ законовъ.

Афоризмъ 4. Впрочемъ право публичное не имѣетъ назначеніемъ служить только какъ бы стражемъ для права частнаго, чтобъ оно не было нарушено и чтобъ прекратились обиды; напротивъ поновленія права публичнаго имѣютъ своимъ предметомъ также религію, военныя дѣла, благочиніе, чистоту, богатство, наконецъ все благосостояніе государства.

Афоризмъ 5. Единственная цѣль, которую должны имѣть въ виду законы и къ которой они должны управлять всѣ свои повелѣнія и предписанія, есть счастье гражданъ. Граждане будутъ счастливы тогда, когда они будутъ надлежащимъ образомъ наставлены въ религію и благочестіе, украшены добрыми нравами, обезпечены оружіемъ противъ вѣншихъ враговъ, помощію законовъ ограждены отъ возмущеній и несправедливыхъ обидъ, послушны властямъ и начальникамъ, богаты предметами всякаго рода. Орудіе и средства, которыми держатся всѣ эти блага, заключены въ законахъ (1).

§ 321.

Въ предложенныхъ мысляхъ Бакона содержится больше, какъ Англійской Философіи Законодательственной вообще, такъ и разныхъ ея направленій въ

частности. Область законодательства въ ней вообщемъ определяется такимъ же образомъ, какъ у Баку. Различныя ея направленія имѣютъ главнымъ своимъ основаніемъ Баконново ученіе о двухъ природныхъ стремленіяхъ чловѣка: стремленіе къ благу частному и стремленіе къ благу общественному.

По своему духу Англійская Философія Законодательства представляетъ на себѣ отпечатокъ политическихъ происшествій, при которыхъ и подѣляемъ которыхъ она образовалась. Страсти, воцарившія Англію въ 17-мъ вѣкѣ, выразились и въ Англійской Философіи этого вѣка; времена внутренняго мира, послѣдовавшія за временами безпокойствія, принесли съ собою также понятія свѣтлыя и спокойныя о всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ. Системы правоученія, образовавшіяся въ Англіи, представляютъ намъ, какъ относительно внутренняго достоинства ихъ началъ, такъ и относительно развитія ихъ развитія, въ слѣдующей постепенности.

- I. Системы самолюбія.
- II. Системы доброжелательства.
- III. Системы сообразности дѣланій съ предметомъ.
- IV. Система безусловнаго одобренія или не одобренія разумомъ дѣланій.

Подъ вліяніемъ cadaго изъ сихъ нравственныхъ началъ, кромѣ послѣдняго, были развиты въ Англіи и особыя системы Философіи Законодательства.

(¹) Мы не упоминаемъ о системѣ Сельдена, изложенной въ сочиненіи: *De jure naturali et gentium juxta disciplinam* cum lib. VII, Londini, 1640. Этотъ знаменитый Англійскій философъ хотѣлъ, по примѣру Гроція, представить намъ съ закона естественнаго и закона народовъ. Но, предполагая, Евреи сохранили во всей чистотѣ истинное ученіе объ предметѣ, преданное будто бы Богомъ Ною въ числѣ заповѣдей, онъ въ своемъ сочиненіи представляетъ намъ ствительно только мнѣнія, какія въ семъ отношеніи господствовали у Евреевъ. Начала права естественнаго онъ изложилъ не изъ разума, но изъ мнѣній заповѣдей, данныхъ Ною.

A. Системы самолюбія.

§ 322.

Для простаго, естественнаго чувства каждый чловѣкъ представляется самъ къ себѣ ближе всѣхъ другихъ. По этому началу самолюбія выразилось въ Англійской Философіи прежде другихъ нравственныхъ началъ. Оно служитъ основаніемъ двухъ противоположныхъ по своему духу философскихъ системъ: системы Гоббеса и системы Локка.

I. Гоббесъ.

§ 323.

По случаю распрей, происходившихъ въ 17-мъ вѣкѣ въ Англіи между ея Королями и народомъ, были сдѣланы различныя сочиненія въ пользу и противъ короля и другой стороны. Какъ мгновенныя произведенія страсти, эти сочиненія не могутъ занять мѣста въ ряду произведеній ума философствующаго. Но, какъ извѣстныя, подавшія поводъ къ такимъ сочиненіямъ, были также, по самому существу своему, вѣнчаны побужденіемъ для Философіи — возникнуть въ основанія общественныхъ отношеній, и въ проблемѣхъ съ различныхъ сторонъ. Первый предположилъ это сдѣлать Гоббесъ (¹).

§ 324.

Ученіе Гоббеса о предметахъ законодательства состоитъ въ двухъ его сочиненіяхъ: 1) *Elementa*

объясненіи которыхъ и состоитъ, болѣею частью, его сочиненіе, такъ что каждой изъ 7-ми заповѣдей посвящается у него особая книга; весьма часто при обсужденіи нравственныхъ правилъ онъ довольствуется только указаніемъ на рѣшенія Раввиновъ, не входя въ разсмотрѣніе достоинства сихъ рѣшеній. Гоббесъ род. въ 1588 г., ум. въ 1679.

philosophica de cive⁽¹⁾; Leviathan, sive de mater
forma et potestate civitatis ecclesiasticae et civilis
Содержаніе и расположеніе обоихъ сочиненій о
наково. Но первое было предназначено преимуще
ственно для ученыхъ, второе — для читателей всяка
рода. По этой причинѣ первое отличается особен
логическою строгостію формы и сжатостію сло
второе — своимъ безыскусственнымъ изложеніемъ

§ 325.

Гоббесъ по своему умствованію принадлежитъ
числу материалистовъ. Философія, по его опредѣленію
вообще есть познаніе явленій изъ ихъ причинъ и по
чинъ изъ ихъ явленій, приобретаемое посредствомъ
правильнаго умозаключенія. Первое начало всякаго
познанія онъ полагаетъ въ чувствахъ и предметахъ
Философія поставляетъ только то, что можетъ воз
кать и уничтожаться, т. е. одно только тѣлесно
Принимая два рода тѣлъ: тѣла природныя и тѣла
составленныя волею человеческою, или тѣла гражда
скихъ, Гоббесъ раздѣляетъ также всю Философію
двѣ главныя части: на ученіе о тѣлахъ природныхъ
въ составъ коего входятъ Логика, Онтологія, Ме
физика и Физика, и на ученіе о тѣлахъ гражда
скихъ или Политику. Къ Политикѣ Гоббесъ от
ситъ Этику или ученіе о наклонностяхъ, страстахъ
и правахъ людей, такъ какъ познаніе сихъ пред
метовъ онъ почитаетъ необходимымъ для позна
свойствъ гражданскихъ обществъ⁽⁴⁾.

§ 326.

Для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ законодате
ства Гоббесъ разсматриваетъ человѣка въ двоякомъ

(1) Первое изд. Paris. 1642. 4. — (2) Изд. въ первый разъ
Англійскомъ языкѣ. Lond. 1651. fol. Слово: *Leviathan* о
часть на Еврейскомъ языкѣ одно большое морское животное
Гоббесъ сравниваетъ государство, по его силѣ и дѣйстви
съ большимъ животнымъ; отсюда и самое заглавіе сочиненія
(3) По этой причинѣ и мы, при нашемъ изложеніи ученія Гоббеса
ссылаемся преимущественно на первое сочиненіе. — (4) *Elem*
philos. cap. 1.

стояніи: 1) внѣ общества, или въ состояніи, которое
онъ называетъ естественнымъ; 2) въ обществѣ, и
потомъ а) въ обществѣ гражданскомъ, б) въ обще
ствѣ природномъ, которое составляется изъ господъ,
рабовъ, родителей и дѣтей.

О естественномъ состояніи человѣка, или о со
стояніи его внѣ общества, по ученію Гоббеса.

§ 327.

Въ самыхъ первыхъ началахъ своей Философіи
Гоббесъ является противникомъ Гроція, отвергая
существованіе естественнаго влеченія людей другъ
другу. По ученію Гоббеса, люди отъ природы
только не стремятся другъ къ другу, но еще на
противъ живутъ во взаимномъ страхѣ и опасеніи.
Каждый изъ нихъ не можетъ ни отъ другихъ ожидать,
самъ себя доставить безопасности. Каждый изъ
нихъ можетъ отнять у другаго величайшее его
добро, т. е. жизнь; каждый изъ нихъ стремится
дѣлать другому.

Среди непрерывныхъ, такимъ образомъ возникаю
щихъ, опасностей человѣкъ, по словамъ Гоббеса,
нельзя естественно принимаетъ всѣ мѣры для своей
безопасности, и это ни мало не должно быть пори
ваемо, потому что по самой природѣ своей каждый
человѣкъ необходимо желаетъ добра и отвращается зла, а
именно величайшаго изъ всѣхъ золъ естественныхъ,
смерти. И такъ, говоритъ Гоббесъ, тотъ поступаетъ
противно здравому разуму, кто употребляетъ всѣ
мѣры, чтобъ защититъ и сохранить отъ смерти и
свое тѣло. А что не противно здравому разуму,
то всѣ называютъ согласнымъ съ правомъ, такъ какъ
самымъ именемъ права означаетъ свобода поль-

зоваться естественными способностями согласно здравому разуму. Почему, заключает Гоббесъ, первичное и коренное естественное право человека есть право сохранять, какъ только можетъ, свою жизнь и члены своего тѣла.

Но бесполезно было бы, продолжаетъ Гоббесъ, имѣть право на цѣль, если бы мы не имѣли права на средства, необходимыя для достиженія цѣли. Следовательно какъ всякой имѣетъ право сохранять себя, такъ всякой же имѣетъ право пользоваться всеми средствами, для того нужными, и предпринимать всѣ дѣйствія, безъ которыхъ онъ не можетъ сохранить себя.

Въ выборѣ средствъ и дѣйствій самосохраненія каждый, по мнѣнію Гоббеса, совершенно неограниченъ; каждый изъ нихъ имѣетъ право судить самъ не посредственно, необходимы или нѣтъ для сохраненія его жизни и членовъ тѣ средства, которыми онъ хочетъ пользоваться, и тѣ дѣйствія, которыя онъ хочетъ предпринять. Отсюда само собою слѣдуетъ, что отъ природы каждый имѣетъ право на все, можетъ дѣлать все, что ему угодно, а также владѣть, пользоваться и наслаждаться всѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ и можетъ. Право человека ограничивается только его хотѣніемъ и силою. Могущество непреодолимо даетъ неограниченное право господствовать надъ всѣмъ, что не можетъ ему сопротивляться. Но такъ какъ право всѣхъ на все, по словамъ самого Гоббеса, людямъ не могло приносить никакой пользы. Следовательно его было почти тоже, какъ будто совсѣмъ не существовало никакого права. Хотя каждый могъ сказать о всякой вещи: *это моя вещь*, однако онъ не могъ ею пользоваться, потому что всѣмъ другой съ равнымъ правомъ и съ равною силой присвоить ее себѣ.

Если теперь, говоритъ Гоббесъ, къ естественной наклонности людей, вредить другъ другу, мы

принимъ еще право всѣхъ на все, въ слѣдствіе котораго одинъ по праву можетъ нападать на другого, а другой по праву можетъ ему сопротивляться, откуда должны рождаться непрерывныя войны на друга подозрѣнія и покушенія; то нельзя согласиться, что естественное состояніе людей, прежде чѣмъ они соединились въ общества, было — война всѣхъ противъ всѣхъ ⁽¹⁾.

§ 328.

Но всегдашняя война, по ученію Гоббеса, не такое состояніе, которое могло бы сохранить человеческій родъ и отдѣльных его лицъ отъ гибели. Здѣсь самимъ побѣдителямъ въ такой сценѣ грозитъ всегда опасность, что должно почитать чудомъ, если кто нибудь, хотя бы онъ всѣхъ превосходилъ мужествомъ, умереть естественною смертію. Кто посему думаетъ, что должно всегда оставаться въ такомъ состояніи, въ которомъ все позволено всѣмъ, тотъ, говоритъ Гоббесъ, противоречитъ самъ себѣ, потому что каждый по естественной необходимости хочетъ себѣ добра, а никто не почитаетъ добромъ для себя этой войны всѣхъ противъ всѣхъ, которая естественно связана съ такимъ состояніемъ. И такъ надобно выйти изъ этого состоянія и искать мира, какъ скоро блеснетъ лучъ надежды имѣть его; если же нельзя имѣть мира, то должно искать союзниковъ для войны, чтобы, когда уже непременно надобно ее вести, идти не противъ всѣхъ и не безъ помощи другихъ. Но правило Гоббесъ признаетъ изреченіемъ здраваго разума и кореннымъ закономъ природы, такъ какъ законъ природы, по его словамъ, называется изреченіе здраваго разума, опредѣляющее, что долженъ человекъ дѣлать или не дѣлать, дабы сохранить, только возможно, долѣе себя и свои члены ⁽²⁾.

⁽¹⁾ De cive cap. 1. § 1—12. et § 14. — ⁽²⁾ De cive cap. 1. § 13—15.

Изъ кореннаго естественнаго закона Гоббесъ, водить множество второстепенныхъ естественныхъ законовъ. Для пріобрѣтенія и сохраненія мира между собою людямъ, по его ученію, необходимо надобно поступать по слѣдующимъ правиламъ: 1) Должно отказаться отъ своего права на все и нѣкоторое право передать другимъ, а нѣкоторые совершенно оставить. 2) Должно свято соблюдать договоръ. 3) Должно быть благодарнымъ за полученныя благодѣянія. 4) Должно стараться не быть въ тягость другимъ. 5) Должно прощать другому обиду, когда онъ проситъ о томъ и показываетъ раскаяніе, въ чемъ обезпечивши себя противъ него на будущее время. 6) При отпущеніи, т. е. при наказаніи, надобно имѣть въ виду не зло прошедшее, а добро будущее и подвергать виновнаго наказанію не для другихъ, какъ для той, чтобы сдѣлавшій обиду испугался, или чтобы другіе, устрашенные его примеромъ, сдѣлались лучше. 7) Не должно показывать другому дѣяніями, словами, или знаками, что его ненавидимъ, или презираемъ. 8) Никто изъ людей не долженъ возноситься надъ другимъ. 9) Должно приписывать другимъ тѣже самыя права, какія кто нибудь присвоаетъ себѣ. 10) При распределеніи правъ между лицами должно показывать себя безпристрастнымъ для обѣихъ сторонъ. 11) Нельзя раздѣлять, тѣмъ, если можно, должно пользоваться всѣмъ вмѣстѣ, и притомъ, если свойство вещи позволяетъ это, сколько кому угодно, въ противномъ случаѣ — по взаимному согласію и соразмѣрно числу лицъ пользующихся. 12) Если вещь не можетъ быть раздѣлена, и нельзя ею пользоваться всѣмъ вмѣстѣ, то или надобно ею пользоваться попеременно, или она должна быть присуждена жребіемъ кому нибудь одному для пользованія; если назначено пользоваться ею попеременно, то жребіе долженъ рѣшить, кто первый долженъ ею пользоваться. 13) Особенный видъ жребія есть первенство рожденія и первенство занятія вещи; посему что осталось нераздѣленнымъ и чѣмъ не могутъ пользоваться всѣ вмѣстѣ, то принадлежитъ первому, кто

имѣетъ это, а также первородному принадлежитъ то, что принадлежало отцу, развѣ отецъ самъ еще прежде не дастъ вещь кому нибудь другому. 14) Должно доставить безопасность посредникамъ мира. 15) Въ случаѣ спора между собою, лица спорящія должны, не прибѣгая къ силѣ, избрать для разрѣшенія ихъ спора третье лице — судью, и подчиниться его приговору. Но 16) никто не долженъ быть судьей въ собственномъ дѣлѣ. 17) Не долженъ быть также судьей тотъ, кто изъ побѣды одной стороны можетъ получить для себя выгоды или славы, чѣмъ изъ побѣды другой. 18) Когда рождается споръ о самомъ происшествіи, т. е. случилось ли оно или нѣтъ, то судья долженъ въ одинаковой степени вѣрить обѣимъ сторонамъ, т. е. не вѣрить ни которой, и слѣдственно, если нѣтъ достовѣрныхъ знаковъ происшествія, произносить приговоръ на основаніи показаній безпристрастныхъ свидѣтелей. 19) Между судьей и лицами, которыхъ онъ разбираетъ, не должно быть никакого договора, по которому бы онъ обязанъ былъ произнести приговоръ въ пользу той или другой стороны. 20) Не должно съ сознаніемъ и намеренно разрушать или ослаблять въ себѣ способность мышленія, посредствомъ которой познаются законы естественные.

Каждый человѣкъ, замѣчаетъ Гоббесъ, легко можетъ усмотрѣть своимъ умомъ всѣ изложенныя правила поведенія. Для этого, когда онъ сомнѣвается, согласно ли съ закономъ естественнымъ то, что онъ хочетъ сдѣлать другому, пусть только онъ поставитъ себя на мѣсто сего послѣдняго. Это есть извѣстное правило: чего не хочешь себѣ, того не дѣлай другому (*).

§ 329.

Впрочемъ, говоритъ Гоббесъ, не надобно думать, что разумъ обижаетъ людей наблюдать изложенные естественные законы и тогда, когда другіе не

(*) De cive cap. 2. et cap. 3. § 1—27.

соблюдаютъ ихъ. Если бы нѣкоторые изъ людей будучи миролюбивѣе другихъ, захотѣли наблюдать справедливость, предписываемую разумомъ, то какъ другіе не соблюдаютъ ея съ своей стороны то они въ этомъ случаѣ не поступили бы согласно съ разумомъ: они снискали бы себѣ такой образъ не миръ, а вѣрную и скорую погибель, наблюдая законы, сдѣлались бы добычею тѣхъ, которые не соблюдаютъ ихъ. Тѣмъ не менѣе обязаны имѣть твердое намѣреніе наблюдать ихъ всякой разъ, какъ скоро это будетъ способствовать къ достиженію той цѣли, для которой они предписаны.

Въ заключеніе Гоббесъ замѣчаетъ, что изложенные имъ законы естественные не обнимаютъ всего закона нравственнаго, хотя и составляютъ существенную часть его. Въ изложенныхъ законахъ означены только тѣ правила поведенія, которые должны служить къ сохраненію нашему противъ опасностей, происходящихъ отъ несогласія. Кромѣ опасностей и зломъ, происходящихъ отъ несогласія, есть и другія, отъ которыхъ мы такъ должны стараться охранить себя и по отношенію которымъ слѣдовательно также существуютъ изложенные законы. Тѣмъ не менѣе изложенные законы составляютъ существенную часть закона нравственнаго. Законъ нравственный вообще имѣетъ своимъ предметомъ добрыя нравы; отсюда и самое его названіе. Но въ изложенныхъ законахъ естественныхъ предписываются также добрыя нравы. Разумъ внушаетъ намъ, что миръ есть добро; отсюда слѣдуетъ, что и всѣ средства, необходимыя для достиженія мира, суть также добро. Посему справедливостію, миролюбіемъ, милосердіемъ и тому подобныя свойства, необходимыя для достиженія мира, суть добрыя нравы, т. е. добродѣтели, и слѣдовательно законы, которыми предписываются сии добродѣтели, относятся къ числу законовъ нравственныхъ.

(1) De cive cap. 3. § 27. et. 31.

2. О состояніи человека въ обществѣ.

О состояніи человека въ гражданскомъ обществѣ.

§ 330.

Мы видѣли (1), что по ученію Гоббеса никто не обязанъ наблюдать законовъ естественныхъ, доколѣбъ не обезпеченъ въ томъ, что и всякой другой съ этой стороны будетъ также ихъ наблюдать. Этого обезпеченія, по мнѣнію Гоббеса, можно достигнуть иначе, какъ посредствомъ соединенія между собою нѣсколькихъ лицъ для взаимной обороны. Соединеніе двухъ или трехъ человекъ вмѣстѣ не можетъ имѣть доставить требуемой безопасности, потому что въ такомъ случаѣ противной сторонѣ можно только присоединить къ себѣ одного или нѣсколько человекъ, чтобы несомнѣнно одержать победу. Слѣдовательно, по словамъ Гоббеса, число людей, соединяющихся между собою для взаимной обороны, должно быть довольно значительно, такъ чтобы присоединеніе ко врагамъ небольшой помощи имѣло особеннаго вліянія на успѣхъ войны. Но къ бы ни было велико число людей, соединившихся для взаимной защиты другъ друга, если они не соединятся между собою въ самомъ способъ защиты, каждый изъ нихъ будетъ употреблять свои силы по собственному усмотрѣнію, то легко можетъ случиться, что они или не будутъ надлежащимъ образомъ содѣйствовать другъ другу, или даже будутъ взаимно себѣ препятствовать, или наконецъ черезъ нѣсколько времени совершенно разойдутся другъ съ другомъ. И такъ всѣ они, говоритъ Гоббесъ, по отношенію къ предметамъ, касающимся мира и безопасности, должны имѣть одну волю. Для этого каждый изъ нихъ такъ долженъ подчинить волю свою волю одного извѣстнаго лица, физическаго или со-

(1) См. предыдущій §.

бирательнаго, т. е. или одного человѣка, или одного собранія, что все, постановляемое этимъ лицомъ, отношенію къ предметамъ, касающимся общаго мира и безопасности, должно быть почитаемо волею всѣхъ и каждого. Располагая силами всѣхъ лицъ, ему подчиненныхъ, это одно лице имѣетъ столько силъ, что страхомъ своего могущества заставляеть каждого сообразоваться съ своими требованіями. Обществу такимъ образомъ составленное, говоритъ Гоббесъ, называется государствомъ или обществомъ гражданскимъ. Лицу, волю котораго подчинены всѣ другіе лица съ ихъ особенною волею, принадлежитъ эта власть верховная ⁽¹⁾.

Гоббесъ допускаетъ три способа учрежденія верховной власти, или три образа правленія, смотря по тому, принадлежитъ ли верховная власть одному человѣку, или собранію, составленному изъ нѣкоторой части гражданъ, или собранію всѣхъ гражданъ. Въ первомъ случаѣ образъ правленія называется Монархіею, во второмъ — Аристократіею, въ третьемъ — Демократіею. Всѣ другія различія въ образахъ правленія Гоббесъ отвергаетъ; въ особенности, онъ не допускаетъ, чтобъ могли существовать смѣшанные образы правленій. Монархію онъ предпочитаетъ всякому другому правленію ⁽²⁾.

Верховная власть, по ученію Гоббеса, совершенно неограниченна. Лице, ею облеченное, по самому существу такой власти, ни отъ кого не зависитъ въ своихъ дѣйствіяхъ, не подлежитъ никакой отвѣтственности, не связывается никакими законами естественными и не можетъ быть лишено своей власти по произволу людей, изъ которыхъ составлено общество. Согласно съ самою цѣлію существованія гражданского общества, этому лицу принадлежатъ слѣдующія права: 1) право наказывать нарушителей внутренней безопасности; 2) право войны и мира съ внѣшними врагами; 3) право суда; 4) право

ать, пояснять, истолковывать и отмѣнять законы; право учреждать власти подчиненныя; 6) право сматривать, не противны ли извѣстныя мнѣнія ученія общественному миру, и въ такомъ случаѣ прещать ихъ распространеніе ⁽³⁾.

На основаніи сихъ правъ верховной власти опредѣляются у Гоббеса въ подробности всѣ предметы ея вѣщенія по управленію гражданскимъ обществомъ ⁽²⁾.

Верховной власти должно, ученію Гоббеса, безусловно повиноваться во всемъ, что непротивно заповѣдямъ Божіимъ. Но и въ вещахъ, несогласныхъ заповѣдямъ Божіимъ, подданные не должны ей противляться; они должны скорѣе подвергнуться имъ мукамъ, чѣмъ возставать противъ власти гражданской ⁽³⁾.

§ 331.

Въ заключеніе своего ученія о гражданскомъ обществѣ Гоббесъ говоритъ о законахъ вообще и предостереженіяхъ противъ нихъ.

Законъ, по словамъ Гоббеса, есть повелѣніе лица, котораго самое приказаніе содержитъ въ себѣ причину, почему должно повиноваться этому велѣнію. различію его виновниковъ онъ вообще раздѣляетъ на *Божескій* и *человѣческій*. — *Божескій Законъ* слѣдствіе двоякаго способа, которымъ Богъ объявляетъ людямъ свою волю, есть двоякій: естественный (или нравственный) и положительный (или откровенный). Законъ естественный можетъ быть раздѣленъ на законъ естественный отдѣльныхъ лицъ, который въ обыкновенной рѣчи и называется неслучайно закономъ естественнымъ, и законъ естественный государствъ, обыкновенно называемый

⁽¹⁾ De cive cap. 5. — ⁽²⁾ De cive cap. 7. et. 10.

De cive cap. 6. — ⁽²⁾ De cive cap. 13. — ⁽³⁾ De cive cap. 15. § 1. et cap. 18. § 13.

правомъ народнымъ. Предписанія того и дру-
 одинаковы; но какъ гражданскимъ обществамъ,
 учрежденіи ихъ, принадлежать тѣже самыя ка-
 ства, какія отдѣльнымъ лицамъ, то законъ, кото-
 мы называемъ закономъ естественнымъ, говоря
 должностяхъ отдѣльныхъ лицъ, бывъ приложенъ
 цѣлымъ государствамъ или народамъ, получа-
 названіе закона или права народовъ.—*Всякой законъ*
человѣческой есть законъ гражданскій. Законы
 жданскіе по различію предметовъ могутъ быть
 дѣлены на церковныя и свѣтскіе. Законъ граж-
 ской, въ слѣдствіе двойной обязанности законода-
 имѣеть двѣ части: распределительную и охраните-
 ную. Въ первой части каждому челоѣку назнача-
 ся его право, т. е. по отношенію ко всемъ предметамъ
 устанавливаются правила, показывающія, что прив-
 лежить намъ и что другимъ, дабы другіе не пре-
 ствовали намъ пользоваться нашимъ, а мы
 препятствовали имъ пользоваться своимъ, ра-
 показывающія, что каждому позволено дѣлать
 не дѣлать, и что не позволено. Въ части охра-
 тельно назначаются наказанія нарушителямъ зако-
 Наказаніе или назначается прямо и въ ясныхъ
 вахъ, или оно по крайней мѣрѣ подразумѣва-
 Тотъ, кто возстаетъ противъ верховной власти
 не хочетъ ей повиноваться, нарушаетъ самой догово-
 которымъ установлено гражданское общество, и
 казывается не какъ преступникъ гражданскихъ
 коновъ, но какъ врагъ общества ⁽¹⁾.

β) О природномъ обществѣ.

Кромѣ общества гражданскаго, Гоббесъ рассмат-
 ваетъ еще два общества, которыя онъ называ-
 природными: власть пріобрѣтается въ нихъ ес-
 ственною силою; люди покариваются въ нихъ то-
 самому лицу, котораго они страшатся, а не друго-
 какъ это бываетъ въ гражданскихъ обществахъ.

⁽¹⁾ De cive cap. 14.

рвое изъ такихъ обществъ есть общество *господъ*
рабовъ; второе общество *родителей и дѣтей*,
рабство, по ученію Гоббеса, возникаетъ, когда кто
 будь, будучи взятъ въ плѣнъ на войнѣ или по-
 жденъ, или не надѣясь на свои силы, чтобъ из-
 кать смерти, даетъ обѣщаніе своему побѣдителю
 и сильнѣйшему лицу быть его рабомъ, т. е. ис-
 нять все, что онъ повелитъ. Не каждый взятый
 плѣнъ на войнѣ, которому сохранена жизнь, почи-
 тся вступившимъ въ договоръ съ господиномъ, но
 то тотъ, кто не содержится въ оковахъ или въ
 ницѣ. Господинъ имѣетъ право собственности на
 принадлежащее рабу. Господинъ не можетъ дѣ-
 лать никакихъ обидъ противъ своего раба. Господинъ
 можетъ продавать и отчуждать раба другимъ всеми
 способами.

Власть надъ дѣтьми, по мнѣнію Гоббеса, принадле-
 жать не отцу, котораго естественнымъ образомъ не
 можно знать, но матери, которая имѣетъ дитя свое уже
 самымъ его рожденіемъ въ своей физической
 ест. Отъ матери эта власть можетъ перейти къ
 другимъ различнымъ образомъ, какъ и всякое другое
 право. Въ государствѣ, если между мужиною и
 женщиною былъ заключенъ союзъ для взаимнаго
 житія, дѣти принадлежать отцу, потому что во
 всѣхъ государствахъ, учрежденныхъ мужчинами,
 власть домашняя принадлежитъ мужчинамъ. Такой
 союзъ, если будетъ совершенъ на основаніи зако-
 на государства, называется супружествомъ.

Власть господина надъ рабами и родителей надъ
 дѣтьми Гоббесъ не отличаетъ существенно отъ власти
 судари надъ подданными. Всю разность между об-
 ществомъ, состоящимъ изъ господина и рабовъ
 и родителями и дѣтей, и между государствомъ онъ
 находитъ въ томъ, что последнее болѣе содержитъ
 себя людей, чѣмъ первые два вида общества ⁽¹⁾.

⁽¹⁾ De cive cap. 8. et 9.

Гоббсезъ съ своимъ нравственнымъ началомъ своимъ политическимъ учениемъ нашелъ много противниковъ. Въ противоположность его нравственному началу самолюбія было развито въ Англіи начало доброжелательства къ ближнимъ. Противъ различныхъ частей его политическаго ученія, прямо и непрямо, были направлены сочиненія: съ одной стороны Темпля, Фильмера и Макензія, съ другой — Милтона, Гаррингтона и Сиднея. Первые три писатели въ духѣ умѣренномъ; послѣдніе три напротивъ отличаются особенно вольнымъ образомъ мыслей.

Вилліамъ Темплъ ⁽¹⁾, приписывая большое влияние климату на образованіе въ народахъ различныхъ особенностей, понятій и законовъ, говорить ⁽²⁾ о происхожденіи Правительствъ слѣдующимъ образомъ: такая власть протекаетъ изъ мнѣнія, какое имѣютъ люди о мудрости, добротѣ и мужествѣ лицъ; въ нравахъ и привычка укрѣпляютъ эту вѣру въ сильной степени. Еслибъ люди были подобны овцамъ или козламъ, какъ утверждаютъ некоторые писатели, то они бы не имѣли нужды въ Правительствахъ, или не потерпѣли надъ собою никакой власти. Начало большей части государствъ покрыто густымъ мракомъ; однакоже скорѣе надобно допустить, что они возникаютъ изъ семейственныхъ отношеній и власти отцовской, т. е. изъ данной и естественной власти, чѣмъ производить ихъ изъ собственныхъ словъ. Если первоначальное, исполненное любви и естественное отношеніе измѣняется по вину или другой стороны, то обыкновенно происходитъ тиранія; рѣже представляютъ намъ переходы отъ аристократіи или демократіи; послѣдняя форма стоитъ ближе всѣхъ другихъ формъ къ анархическому началу.

⁽¹⁾ Род. въ 1628 г., ум. въ 1698. — ⁽²⁾ Въ соч.: Essay upon the original and nature of government. Это сочиненіе писано въ 1672 г.

блики первоначально были частію вольные; устройство ихъ сложнѣе, чѣмъ устройство политическихъ государствъ; по этому въ нихъ нуразличныя искусственныя мѣры для поддержанія правительства. Каждый образъ правленія имеетъ свою добрую и свою невыгодную сторону; каждый можетъ улучшаться и портиться. Но для народа тотъ образъ правленія всегда будетъ лучшимъ, который укрѣпился въ немъ и всего болѣе соответствуетъ правамъ и интересамъ народа. То правительство самое крѣпкое, которое, какъ пирамида, стоитъ на самомъ широкомъ основаніи всеобщаго уваженія и удовольствія.

Милмеръ ⁽¹⁾ доказывалъ, что власть гражданская вытекаетъ изъ власти семейственной, что первые отцы семействъ были и первыми царями, и что одна изъ неограниченная монархія есть законный образъ правленія.

Макензи ⁽²⁾ также защищалъ неограниченную монархію; но въ его защищеніи всѣ образы правленія представлялись безразличными и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ невыгодными.

Милтонъ ⁽³⁾ принадлежалъ къ числу самыхъ ненавистныхъ республиканцевъ. Всѣ политическія сочиненія его были направлены къ тому, чтобы разсказать о оправданіи начала и происшествія Англійской революціи, которая низвела Карла I съ престола.

Сидней Гаррингтонъ ⁽⁴⁾ хотѣлъ въ своей *Океаніи* ⁽⁵⁾ представить образецъ совершеннѣйшаго государства,

Сочиненія: *Observationes de origine domini contra Hobbiūm*, Milonum, Grotium, 1653; сверхъ того *Patriarcha*, 1680. — ⁽¹⁾ Соч.: *De regimine*. 1684. — ⁽²⁾ Род. въ 1608 г., ум. въ 1674. — ⁽³⁾ Гаррингтонъ род. въ 1614 г., ум. въ 1677. — ⁽⁴⁾ *The Oceana*. Lond. 1656. — Полное изданіе сочиненій Гаррингтона есть: *The Oceana and other works of James Harrington, collected, methodiz'd and review'd, with an exact account of his life prefix'd by John Toland. To which is added an Appendix, containing all the political tracts wrote by this Author, omitted in Mr Toland's edition*. London. 1737. fol.

имѣя въ виду особенно правленіе, бывшее въ Римѣ и въ древнихъ республикахъ.

Сидней (¹), смѣшивая монархію съ тиранніею, какъ и видѣлъ свободу только въ древнихъ республикахъ.

II. Локкъ.

§ 333.

Начало самолюбія получаетъ у Локка (²) общѣйшее значеніе и является въ облагоустроенномъ дѣ. Изъ множества самолюбивыхъ стремленій Гоббеса имѣло особенную важность только одно, притомъ самое нижшее: стремленіе къ самосохраненію; напротивъ Локкъ почитаетъ нравственнымъ началомъ человѣческой дѣятельности стремленіе къ истинѣ вообще. Въ естественномъ состояніи Гоббс давалъ человѣку власть дѣйствовать совершенно своему произволу, въ состояніи же общественномъ напротивъ отнималъ у него всякую свободу; въ обоихъ состояніяхъ усматриваетъ и свободу, ограниченіе посредствомъ закона.

§ 334.

Локкъ развилъ свои мысли о предметахъ, относящихся къ Философіи Законодательства, въ сочиненіи *О правительствѣ* (³). Локкъ производитъ всѣ познания различію познаваемыхъ предметовъ, принимаетъ главные науки: 1) Физику, гдѣ разсматриваются предметы рода существъ (тѣлесныхъ и безтѣлесныхъ), ихъ свойства и дѣйствія; 2) Практика, которая оп-

(¹) Сидней род. 1621 г., ум. въ 1683. Онъ написалъ: *Discourse concerning government*, — сочиненіе, которое было издано послѣ его смерти, въ 1698 г. — (²) Локкъ род. въ 1632 г., ум. въ 1704. — (³) *Two treatises of Government*. London. 1690.

тъ, что долженъ дѣлать человѣкъ, какъ разумное, свободнѣйшее существо, для достиженія истинной цѣли и особенно счастья; 3) Семіотика или логика, показывающая средства и способы пріобрѣтѣть и сообщать другимъ познаніе о предметахъ первого и второго рода (¹). Изслѣдованія о предметахъ законодательства относятся у Локка ко второй изъ этихъ, нами поименованныхъ.

§ 335.

На основаніе всѣхъ общественныхъ установленій Локкъ принимаетъ состояніе *естественной свободы* человѣка. Это, по описанію Локка, не есть состояніе совершенной необузданности. Конечно, по слову Локка, въ состояніи природы каждый человѣкъ свободно можетъ располагать своимъ лицомъ и имуществомъ; но никто не имѣетъ власти разрушать себя или какое нибудь другое твореніе въ своихъ дѣяніяхъ, какъ скоро возможно благороднѣйшее употребленіе, которое требуетъ его сохраненія. И въ состояніи природы существуетъ законъ природы, которому всякой повиненъ. Этотъ законъ есть разумъ, который всякаго, кто хочетъ слушать его, научаетъ, именно по причинѣ единства природы у всѣхъ людей и независимости ихъ другъ отъ друга никто не можетъ причинять вреда другому, касаясь его жизни, здоровья, его свободы, его имущества. Всѣ люди созданы Всемогущаго и Безконечно — мудраго Бога, всѣ — рабы Господа, посланные по его велѣнію на землю, чтобы достигать своего назначенія. Всѣ они равны равными способностями и имѣютъ равную долю въ дарахъ природы, такъ что, по словамъ Локка, рѣшительно нельзя допустить такого подданства людей другъ другу, которое бы высшимъ изъ нихъ давало право угнетать, мучить, убивать остальныхъ, такъ какъ бы сынъ послѣдніе имѣли другую

An essay concerning human understanding, in four Books, London, 1690. B. IV. Ch. 21.

природу, чѣмъ первые. Какъ всякой человекъ обязанъ сохранять себя самого и не оставлять произволу мѣста, ему указаннаго, такъ онъ долженъ и дѣйствовать по возможности къ сохраненію другихъ; если это не противорѣчитъ его собственному сохраненію; тѣмъ менѣе онъ долженъ нарушать ихъ свободу, ихъ свободу.

Для сохраненія закона природы и обезпеченія ея въ исполненіи, каждый въ естественномъ состояніи по ученію Локка, имѣетъ власть наказывать преступника закона, сколько это нужно, чтобъ сохранить силу закона. Каждый следовательно имѣетъ такую власть надъ другими первоначальную власть, но которая въ какомъ случаѣ не можетъ дѣйствовать совѣстно по произволу, съ жаромъ страсти и съ неограниченною любостытательностію, а должна служить только къ тому, чтобъ согласно съ правиломъ разума воздать преступнику то, что онъ сдѣлалъ несправедливаго, и принудить его къ вознагражденію вреда.

Локкъ представляетъ намъ разные случаи, когда человекъ находится въ состояніи природы. Не только дикарь Гренландіи или Южнаго Океана находится непрерывно въ этомъ состояніи, но и членъ гражданского общества часто бываетъ въ немъ. Такъ путешественникъ, на котораго нападаетъ въ лѣсу убійца, находится по отношенію къ этому злодѣю въ состояніи природы; не имѣя возможности прибѣгнуть въ такомъ настоящемъ случаѣ къ власти гражданской, онъ долженъ самъ защищать свои естественныя права. Равнымъ образомъ въ состояніи природы по отношенію другъ къ другу находятся независимыя государства и ихъ подданные.

Но Локкъ дѣйствительно допускаетъ также въ жизни рода человеческого такое состояніе, когда люди управлялись одними естественными законами, исполняя ихъ во всей точности. Это время онъ называетъ золотымъ вѣкомъ міра.

§ 336.

На основаніи закона естественнаго Локкъ приписываетъ человеку прежде всего право сохранять себя. Это право, онъ говоритъ, необходимо требуетъ права владѣть по крайней мѣрѣ вещами, нужными для опитанія человека. Земля дана была для пользованія всѣмъ вообще людямъ. Почему если бы она производила все и сама собою въ достаточномъ количествѣ, какъ многія острова Южнаго Океана и другія обширныя страны, то не было бы никакой нужды въ собственности. Но какъ для воздѣлыванія земли необходимъ былъ трудъ, то отсюда необходимо должна была образоваться собственность. Земля, на которой человекъ употребилъ свое время, свои заботы, свои попеченія, чтобъ извлечь изъ нее для себя пропитаніе, есть добро, которое принадлежитъ ему; никто, кромѣ его, не можетъ имѣть на это добро законнаго права. Желуди, которые человекъ собираетъ въ дубомъ, вода, которую онъ черпаетъ въ источникѣ, дичь, которую онъ убиваетъ въ лѣсу, рыба, которую онъ ловитъ въ рѣкѣ, все это есть его собственность; трудомъ своимъ онъ отдѣлилъ эти вещи отъ прочихъ, извлекъ ихъ изъ состоянія природы, приложилъ въ нихъ нѣчто отъ себя самого. По этому должны принадлежать ему одному. Здѣсь Локкъ жаромъ возстаетъ противъ различныхъ злоупотребленій, существующихъ въ гражданскихъ обществахъ относительно распредѣленія имуществъ между людьми, а особенно противъ скопленія въ однихъ рукахъ большаго богатства. Основаніемъ и мѣрою вѣканій человека, по мнѣнію Локка, должны быть трудъ его и потребности.

§ 337.

Локкъ находитъ троякое общество въ состояніи природы: первое здѣсь общество было составлено изъ мужчинъ и женщинъ; второе необходимо слѣ-

довало за этимъ—общество родителей и дѣтей; временемъ образовалось третье—общество господ и слугъ.

Чувствительность сердца и потребность, свойственная человѣку,—воспроизводить себя, были, по словамъ Локка, первыми причинами супружескаго союза. Окруженный несчастіями и заботами всякаго рода, человѣкъ искалъ существа, которое бы могло разделить съ нимъ; онъ нашелъ въ своей подругѣ всѣ утѣшенія, какихъ онъ желалъ,—подруга помогала ему переносить всю тяжесть жизни. Локкъ усматриваетъ также и причины, дающія прочность и продолжительность союзу супружескому. У животныхъ, говоритъ онъ, общество между полами продолжается только до тѣхъ поръ, пока дѣти не придутъ въ состояніе сами находить для себя пропитаніе. У людей это общество имѣетъ цѣль обширнѣйшую; потому бытіе продолжительнѣе. Слабость дѣтей, трудность его воспитанія, необходимость дать ему средства существованія, еще болѣе необходимо образовывать его разумъ, сдѣлать его добродѣтельнымъ побуждаютъ мужчину оставаться съ своею женою. Нѣтъ ничего вреднѣе для дѣтей и вообще для нравственности, какъ безпорядочное соединеніе и легкое мысленное разрушеніе союза супружескаго.—Власть въ союзѣ супружескомъ Локкъ приписываетъ мужу, какъ сильнѣйшему нравственно и физически, какъ способнѣйшему побуждать большія препятствія, обнимать своимъ умомъ великія отношенія. Но власть мужа, по ученію Локка не есть власть неограниченная и не исключаетъ правъ жены, данныхъ ей природою. Жена заботится о всѣхъ меньшихъ въ годахъ союзу супружескомъ, которые могутъ распространить пріятность на жизнь ея дѣтей и ея супруга, тогда какъ мужъ печется о большихъ выгодахъ семейства, касающихся собственности, ея поддержанія и сохраненія.—Общество супружеское, по словамъ Локка, существуетъ дотолъ, доколѣ существуетъ нравственное согласіе между супругами; съ прекращеніемъ его прекращается и союзъ супружескій.

Власть родительскую Локкъ выводитъ изъ того, что дѣти въ младенческомъ возрастѣ по своей слабости не могутъ пользоваться природною свободою, такъ какъ она предполагаетъ познаніе законовъ того состоянія, въ которомъ человѣкъ находится. Власть родительскую Локкъ ставитъ несравненно выше отцовской. Власть, которую природа даетъ отцу, имѣетъ своимъ основаніемъ одно только рожденіе; власть матери, кромѣ этого, основывается еще на безпрерывныхъ заботахъ, на безчисленныхъ трудахъ, на многотрудныхъ непріятностяхъ, за которыя дѣти могутъ возблагодарить ее только въ послѣдствіи времени. По этому говоритъ Локкъ, дѣти привязываются прежде всего къ величайшему предмету къ матери. Но со временемъ начинаютъ дѣти также чувствовать, сколь много имъ дѣлаетъ для него отецъ, и двѣ соединенныя власти отца и матери образуютъ эту священную власть, которая управляетъ семействами и служитъ главною опорою человеческого рода. Первый человѣкъ былъ совершеннымъ человѣкомъ; въ одинъ день онъ употребленіе и свойства всѣхъ вещей. Намъ много множество годовъ, чтобъ приобрести немного опытности. Чтобъ люди могли приобрести такую опытность, природа установила власть родительскую (1). Когда сынъ, находясь подъ управленіемъ власти отцовской, узнаетъ существо законовъ общественныхъ пространство обязанностей, которыхъ они требуютъ отъ гражданина, тогда онъ освобождается изъ власти и дѣлается свободнымъ, какъ его отецъ; тогда онъ имѣетъ другую зависимость, кромѣ обязанности извѣстности и добродѣтели, нѣтъ другаго подчиненія, кромѣ подчиненія признательности и дѣтской любви. До учрежденія гражданскихъ обществъ нѣтъ было даже, по словамъ Локка, верховнымъ закономъ въ своемъ семействѣ, и власть его не прекращалась и тогда, когда дѣти достигали зрѣлаго

Мысли свои о воспитаніи дѣтей Локкъ подробнѣе раскрылъ въ особенномъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: *Some thoughts concerning education*. London. 1690.

возраста. Какъ могли бы они жить вмѣстѣ безъ котораго рода правительства, безъ главы? По мнѣнію Локка, не основана на правѣ власти отеческой; согласіе составляло всю ея силу. Корыстолюбіе и честолюбіе не раздѣляли еще людей между собою; первыя ствованія природы не были еще испорчены; исполняли со всѣмъ усердіемъ свои обязанности, и пмѣли къ нему столько же почтенія, сколько любви, и представляли ему на рѣшеніе всѣ свои при, какъ судья самому справедливѣйшему.

Локкъ отвергаетъ во всѣхъ случаяхъ законъ рабства, кромѣ того, когда кто нибудь побѣдитъ законной войнѣ непріятеля, незаконно противъ возставшаго, котораго по этому онъ могъ бы утѣвлять, но которому онъ сохраняетъ жизнь. Рабство такъ случается, говоритъ Локкъ, безъ всякаго соизволенія, не хуже смерти, потому что раба всегда стень навлечъ на себя смертную казнь непослушаніемъ или преступленіями.

§ 338.

По въ состояніи природы Локку представляетъ важное неудобство, что права здѣсь не обезпечены лежащимъ образомъ. Посему, говоритъ Локкъ, соединились въ общества, чтобъ въ мирѣ наслаждаться своею собственностію и быть въ безопасности отъ нападенія людей, которые бы захотѣли погнѣблять ихъ. Они совокупили свои силы и составили изъ нихъ одну общую силу, которая бы могла защищать ихъ противъ честолюбцевъ и злодѣевъ. Мейства, которыя сначала были повсюду разсеяны и жили въ удаленіи другъ отъ друга, соединились между собою, избравши для себя одного главу умнѣйшихъ между ними людей. Въ первомъ, состояніи возроста міра, по словамъ Локка, наши пороки были неизвестны. Почему люди, полные еще чистоты, совершенно доверились своимъ на-

хамъ, которые были также добры и просты и не могли распространять своей власти для ихъ угнетенія, имѣя у себя на сердцѣ только благо общечеловѣческое. Но когда люди предались безпорядочнымъ влеченіямъ, когда началъ властвовать между ними произволъ; тогда, говоритъ Локкъ, и порядокъ управленія былъ опредѣленъ точнѣе.

Локкъ принимаетъ три главные образа правленія: монархію, олигархію и демократію. Первая есть правленіе одного; вторая—правленіе небольшого числа людей избранныхъ, отъ которыхъ власть переходитъ къ ихъ наслѣдникамъ; третья—правленіе большаго числа людей. Въ монархіи Локкъ различаетъ два рода: монархію наслѣдственную и монархію избираемую. По словамъ Локка, общество вольно признать за себя тотъ или другой изъ сихъ образцовъ правленія или составить изъ нихъ новый; общество можетъ также во всякое время измѣнить свое правленіе, какъ скоро находитъ это нужнымъ.

Въ государствѣ благоустроенномъ, по ученію Локка, должна существовать тройкая власть: законодательная, исполнительная и союзная; подъ именемъ последней разумется власть, имѣющая своимъ предметомъ управленіе отношеніями гражданскаго общества къ другимъ гражданскимъ обществамъ.

Власть исполнительная и союзная, по мнѣнію Локка, не должны быть отдѣляемы одна отъ другой. Законодательную напротивъ онъ находитъ вознужнымъ и нужнымъ отдѣлять отъ прочихъ предѣльныхъ, потому что эта власть должна дѣйствовать только по временамъ и не оставаться всегда въ однихъ и тѣхъ же рукахъ, между тѣмъ какъ власть исполнительная должна быть въ непрерывной дѣятельности; нѣтъ необходимости непрерывно составлять законы, между тѣмъ какъ потребность исполненія ихъ существуетъ непрерывно. При хорошемъ устройствѣ управленія, по словамъ Локка, всѣ власти принадлежатъ одной, именно власти законодательной.

Когда власть законодательная и власть исполнительная находятся въ различныхъ рукахъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ умѣренныхъ монархіяхъ, гдѣ монархъ, давая всею властію исполнительною, имѣетъ только часть власти законодательной, которой другая самая большая часть принадлежитъ извѣстному родному собранію, то благо общественное, по мнѣнію Локка, требуетъ, чтобъ монарху предоставлено было для блага общественнаго дѣйствовать по его усмотрѣнію въ тѣхъ случаяхъ, когда или законъ не опредѣляетъ относительно извѣстнаго предмета, или когда, слѣдуя имъ въ точности, явно удалились бы отъ первоначальной цѣли общества.

Едва ли нужно замѣчать, что мысли Локка о лучшемъ устройствѣ управленія суть только выраженія его патріотическихъ чувствованій къ закону своего отечества. То, что онъ видѣлъ существующимъ въ Англіи и полезнымъ для ней, онъ почиталъ безусловно лучшимъ и самымъ совершеннымъ.

§ 339.

Локкъ былъ также ревностнымъ защитникомъ вѣротерпимости, которая въ его время такъ мало была извѣстна въ Англіи. Въ письмахъ объ этомъ предметѣ ⁽¹⁾ онъ требовалъ совершенной свободы вѣрованія. Ограничивая цѣль гражданскаго общества вышшими благами жизни, онъ не приписывалъ государству никакой власти въ дѣлахъ вѣры. Каждая церковь, по его ученію, имѣетъ равное право быть терпимою въ государствѣ; каждый въ государствѣ, слѣдуя внутреннему своему убѣжденію, можетъ принадлежать къ той или другой церкви; различіе вѣры не должно производить никакого различія

(1) Letters concerning Toleration (четыре письма, изъ которыхъ последнее не кончено).

между гражданами. Но правительство, по мнѣнію Локка, не обязано терпѣть: 1) мнѣній, несовмѣстныхъ съ существомъ человѣческаго общества вообще и съ существомъ гражданскаго общества въ частности; 2) церкви, которая признаетъ собою власть другого государя; 3) людей, которые отвергаютъ бытіе Божіе.

Въ обществу, каждой церкви Локкъ приписываетъ права общества: право внутренняго управленія своими дѣлами, право принимать новыхъ членовъ и извергать изъ нѣдръ своихъ тѣхъ, которые не повинуются уставамъ общественнымъ, и право опредѣлять образъ вѣрованія и служенія.

§ 340.

Локкъ, бывъ только органомъ политическаго образа мыслей своего народа, сдѣлался самымъ любимымъ политическимъ писателемъ для большей части современниковъ. Но начало самолюбія, имъ пороженное, хотя и послѣ него являлось между учениками въ различныхъ видахъ, однако въ ученіи съ другимъ противоположнымъ началомъ, началомъ доброжелательства, пользовалось самымъ незначительнымъ уваженіемъ.

Б. Системы доброжелательства.

§ 341.

Система доброжелательства была развита въ Англіи въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Первый, изобрѣдшій ее въ противоположность системѣ Гоббса, былъ Кумберландъ. За нимъ слѣдовали: Шеффильдъ, Гутчесонъ, Юмъ, Адамъ Смитъ, Фергюсонъ.

I. Кумберландъ.

§ 342.

Кумберландъ ⁽¹⁾ непосредственно для опроверженія Гоббса писалъ сочиненіе: *О законахъ естественныхъ* ⁽²⁾.

Подъ именемъ законовъ естественныхъ Кумберландъ разумѣетъ неизмѣнныя истины, которыя жны управлять свободными дѣйствіями нашей въ ся стремленіи къ добру и отвращеніи отъ и которыя независимо отъ какого нибудь гражданского закона возлагаютъ на насъ обязанность класть наши вышнія дѣянія извѣстнымъ образомъ. Истины этого рода, по словамъ Кумберланда, обходимо представляются нашему духу при сматриваніи природы вещей вообще и при человѣческой въ частности. Какъ творецъ пріестъ Богъ, то Онъ же справедливо можетъ названъ и виновникомъ законовъ естественныхъ.

Всѣ законы естественные, по мнѣнію Кумберландъ, могутъ быть приведены къ одному самому общему выраженію: *должно имѣть благорасположеніе ко всѣмъ разумнымъ существамъ*. Благорасположеніе означаетъ здѣсь всѣ чувства соединенныя съ твердою волею поступать согласно имъ,—чувствованія, которыя влекутъ насъ къ скоро только можемъ и сколько можемъ, дѣлать то добро, какого мы хотимъ отъ всего нашего общества. Такое благорасположеніе обнимаетъ собою всѣ существа: прежде всего Верховнаго Главу, Бога; за тѣмъ всѣ другія существа, хотя огра-

но одаренныя разумомъ. Впрочемъ, какъ думаетъ Кумберландъ, не всѣ дѣянія чловѣка опредѣлены съ точною точностію закономъ естественнымъ: нѣкоторыя дѣйствія, способствующія ко всеобщему благу, могутъ быть замѣнены другими, которыя въ равной степени могутъ служить для этой цѣли. Законъ естественный въ такомъ случаѣ не опредѣляетъ, должно ли дѣлать тѣ или другія изъ сихъ дѣйствій, а представляетъ выборъ между ними самому чловѣку, которому ствуется только тѣмъ, что люди однимъ или нѣмъ содѣйствуютъ общему благу.

Большую силу законовъ естественныхъ Кумберландъ основываетъ на томъ, что исполненіе ихъ, въ всѣхъ вещей между собою и по Божественному устройенію, сопровождается всякимъ добромъ чловѣка, неисполненіе же ихъ—всякимъ зломъ. Ибо общее блаженство есть необходимое послѣдствіе исполненія дѣятельнаго благорасположенія разумныхъ существъ другъ къ другу. Чѣмъ меньше напротивъ исполненіе этого благорасположенія, тѣмъ болѣе они лишены отъ счастья. Если по мнѣнію Гоббса никто не обязанъ исполнять законовъ естественныхъ прежде, чѣмъ онъ будетъ обезпеченъ въ томъ, что и другіе исполнятъ ихъ; то Кумберландъ напротивъ утверждаетъ, что мы должны исполнять законы естественные, хотя бы другіе люди по безпорядочному движенію своихъ страстей не исполнили ихъ. По словамъ его, мы не можемъ ничѣмъ лучше пріобрѣсти благорасположеніе людей и заставить ихъ поступать по отношенію къ намъ законы естественные, какъ постоянно дѣлая имъ добро. Это побудитъ насъ сначала вступить въ нѣкоторую дружбу съ нѣкоторыми, потомъ составить и одно съ нами гражданское общество. Послѣ сего, сохраняя къ нимъ прежнее благорасположеніе, мы постараемся удержать ихъ въ обществѣ съ нами.

§ 343.

⁽¹⁾ Кумберландъ род. въ 1632 г., ум. въ 1719. — ⁽²⁾ *Richard Cumberland de legibus naturae disquisitio philosophica, in qua elementa philosophiae Hobbesianae cum moralis, tum civilis deantur et refutantur*. Lond. 1672. 4. Франц. переводъ сочиненія сдѣланъ Барбейракомъ и изданъ Amsterd. 1740.

общее благо заключаетъ въ себя благо всѣхъ чловѣка, большіхъ и малыхъ.

Почему изъ кореннаго естественнаго закона, которому мы должны искать блага всѣхъ разумныхъ существъ, вытекаютъ, по ученію Кумберландъ, законы, касающіеся блага: 1) различныхъ народовъ, находящихся въ какихъ нибудь связяхъ между собою; 2) каждаго гражданскаго общества въ частности всѣхъ малыхъ обществъ, въ немъ заключающихся; 3) каждаго человѣка въ частности. Но благо меньшей части рода человѣческаго, говоритъ Кумберландъ, всегда ограничивается благомъ большей. По этому одно гражданское общество не можетъ въ свою пользу постановить что нибудь, противное общему благу народовъ; равнымъ образомъ выгоды одного каждаго семейства, а тѣмъ болѣе частныя выгоды одного человѣка никогда не даютъ права нарушать законы, отъ которыхъ зависить сохраненіе цѣлостности государства.

§ 344.

Изъ кореннаго естественнаго закона Кумберландъ выводитъ всѣ особенныя обязанности человѣка. Законъ естественный, требующій отъ насъ, что мы всѣми нашими силами содѣйствовали общему благу, по словамъ Кумберландъ, предписываетъ намъ:

1. Дѣлать угодное Богу—Виновнику всякаго зла и воздавать Ему подобающую честь.

2. Имѣть попеченіе о своей душѣ и тѣлѣ. Что касается души, мы должны раскрывать всѣ естественныя силы нашего разума, пріобрѣтая познаніе о всѣхъ вещахъ и всѣхъ лицахъ, какія мы какъ нибудь образомъ можемъ направлять къ добру, чтобъ такимъ образомъ снискать навѣкъ, который называется благоразуміемъ и, который имѣетъ основаніе въ истинномъ познаніи всей природы, особенно природы существъ разумныхъ; равнымъ образомъ мы должны раскрывать для добра всѣ

нашей воли, желая всѣмъ всякаго добра, употребляя съ своей стороны всѣ усилія для споспѣшествованія всеобщему благу, и такимъ образомъ сниская навѣкъ, который называется благожелательствомъ. По отношенію къ тѣлу мы должны заботиться о томъ, чтобы сдѣлать его годнымъ орудіемъ для совершенія всѣхъ добрыхъ дѣяній.

б. Начало всеобщаго благорасположенія повелеваетъ намъ всѣми силами споспѣшествовать душевнымъ и тѣлеснымъ совершенствамъ другихъ людей.

в. Разумъ убѣждаетъ насъ, что для споспѣшествованія по возможности всеобщему благу каждый долженъ имѣть въ своей власти различныя дѣянія человѣческія и различныя вещи, которыя въ одно и то же время могутъ служить только одному лицу. Поэтому люди должны, по взаимному согласію между собою, предоставить другъ другу, сколько это необходимо для того, чтобы каждый могъ содѣйствовать общему благу, исключительное употребленіе известныхъ вещей и право располагать известными дѣяніями лицъ, такъ, чтобъ нельзя было отнять у одного такихъ вещей, или отказать ему въ такихъ дѣяніяхъ, доколѣ продолжается изложенная необходимость; такимъ образомъ каждый, по крайней мѣрѣ въ то время, доколѣ существуетъ необходимость, находится властелиномъ известныхъ вещей и дѣяній. Поэтому необходимость имѣть въ своей власти известные дѣянія и вещи, существуетъ непрерывно. Поэтому каждый долженъ имѣть постоянное право на известные вещи и человѣческія дѣянія, въ которыхъ онъ нуждается въ продолженіи всей своей жизни.

Такимъ образомъ, говоритъ Кумберландъ, дѣйствительно мало по малу установились известные законы въ пользу каждаго человѣка, каждаго семейства, каждаго селенія, каждаго народа, и притомъ только на вещи, но и на дѣянія лицъ. Разумъ, который, для споспѣшествованія всеобщему благу,

повелеваетъ установить отдѣльныя права на вещи на лица, предписываетъ еще яснѣе соблюдать и исполнить эти права, когда они уже установлены. Когда опыты показали пользу ихъ установленія. Этого порядка вещей, установленнаго нашими предками и всѣми признаваемаго, достаточно было того, чтобъ могли родиться и существовать всѣ люди живущіе нынѣ, и чтобъ родъ человѣчскій наслаждался всѣмъ тѣмъ счастьемъ, которымъ онъ нынѣ наслаждается; въ слѣдствіе этого порядка люди пользуются случаемъ и возможностью помогать другъ другу могутъ общими силами достигать до высшей степени счастія. Никто не въ состояніи будеть доставлять людямъ подобныхъ выгодъ, нарушая и низпровергая установленныя права и стараясь ввести новой родъ всѣхъ вещей, который бы показался ему, особенно его особеннымъ страстямъ и понятіямъ болѣе справедливымъ. Такое низпроверженіе установленного порядка и введеніе новаго было бы только источникомъ войнъ и несчастій. И такъ, заключая Кумберландъ, каждый долженъ поддерживать существующій порядокъ общества.

§ 345.

Твердую рѣшимость воли—всегда воздавать каждому принадлежащее ему по праву, Кумберландъ называетъ *правдою*. Какъ права установлены, способствованію всеобщему благу, преслѣдуютъ котораго каждый долженъ содѣйствовать, сколько отъ него зависитъ; то правда, по ученію Кумберланда, возлагаетъ на насъ двоякую обязанность: первыхъ мы должны дѣлиться съ другими тѣмъ, что имѣемъ, но такъ, чтобы часть, которую удѣляемъ имъ, не поглощала совершенно той, которая намъ самимъ необходима для способствованія общему благу; во вторыхъ пользуясь тѣмъ, намъ принадлежить, мы должны такъ этимъ пользоваться, чтобъ отсюда проистекало въ тоже время, сколько возможно, болѣе пользы для другихъ, и, по крайней мѣрѣ, не проистекало вреда для нихъ.

§ 346.

въ числу важнѣйшихъ человѣческихъ обществъ Кумберландъ относитъ общества гражданскія, въ которыхъ право повелевать соединено съ властію судимостию. Такія общества онъ почитаетъ совершенно необходимыми для того, чтобъ законы естественные были лучше исполняемы во славу Божию и въ счастіе рода человѣческаго, а особенно самихъ членовъ этихъ обществъ. Первый примѣръ подчиненія находитъ въ обществѣ, составленномъ изъ мужа и жены, гдѣ мужъ, естественно, имѣетъ преимущество передъ женою, такъ какъ онъ обыкновенно бываетъ одаренъ большею силою духа и тѣла и слѣдовательно въ высшей мѣрѣ можетъ содѣйствовать къ достиженію цѣли этого общества, т. е. общаго блага обоихъ лицъ. Эта власть отеческая, принадлежащая мужу надъ дѣтьми, которые рождаются отъ перваго союза, даетъ Кумберланду понятіе о подчиненіи, еще болѣе замѣчательнымъ: изъ этой-то власти, онъ говоритъ, надобно водить начало власти какъ гражданской, такъ и военной; такъ какъ одну, по необходимости, должна принадлежать первоначально та и другая власть, достиженія цѣли самаго общества. Такимъ образомъ первое семейство было вмѣстѣ и первымъ благоустроеннымъ обществомъ, т. е. первымъ государствомъ и первою церковію. По мѣрѣ того, какъ семейства умножались, число государствъ и церквей тоже увеличивалось. Цѣль, для которой установлена власть гражданская, опредѣляетъ и ея границы: потому никакое правительство не имѣетъ права вѣдѣть что нибудь противное благу общественному. Какъ учрежденіе и сохраненіе правительства гражданского предписывается закономъ естественнымъ, а виновникъ этого закона есть Богъ, то власть гражданская, заключаетъ Кумберландъ, происходитъ отъ Бога.

§ 347.

Нравственное начало Кумберландово, какъ ни представляется возвышеннымъ по своему выраженію, можетъ быть названо нравственно чистымъ. Озательная сила его выводится изъ тѣхъ счастливыхъ или несчастныхъ, пріятныхъ или непріятныхъ слѣдствій, которыми должно сопровождаться для насъ соблюденіе его или несоблюденіе. Слѣдовательно основнымъ побужденіемъ для нравственной дѣятельности челоѣка ставится здѣсь самолюбіе. Не лежало совершенно очистить нравственное начало отъ всякой посторонней примѣси и положить рѣзкую черту разграниченія между самолюбіемъ и совершенно безкорыстнымъ желаніемъ добра ближнихъ. Это покушались сдѣлать послѣдователи Кумберландовы.

II. Шефтесбури.

§ 348.

Люди, по мнѣнію Шефтесбури ⁽¹⁾, управляются своими дѣйствіями различными сердечными наклонностями. Сюда относятся: наклонности, направленные къ общему благу, наклонности самолюбивыя, направленные къ частному благу того самаго лица, въ которомъ онѣ находятся, наконецъ наклонности, противоположныя обоимъ предыдущимъ родамъ. Каждый челоѣкъ управляетъ наклонности перваго и втораго рода, и притомъ такъ, что наклонности самолюбивыя подчинены наклонностямъ общительнымъ. Челоѣкъ, по мнѣнію Шефтесбури, долженъ быть названъ тогда добродѣтельнымъ, въ противномъ случаѣ порочнымъ.

Впрочемъ Шефтесбури не раскрылъ своихъ мыслей въ ихъ особенномъ приложеніи къ законодательству.

⁽¹⁾ Шефтесбури род. въ 1671 г., ум. въ 1713.

III. Гутчесонъ.

§ 349.

Гутчесонъ ⁽¹⁾, основатель Шотландской нравственной Философіи, провелъ еще болѣе рѣзкую черту между самолюбіемъ и нравственностію, приписывая нравственное достоинство только доброжелательнымъ наклонностямъ и принимая особенное нравственное чувство, которое служить челоѣку для различенія зла отъ зла.

Мысли Гутчесона о предметахъ нравственности и этики представляются вполне развитыми въ его *Философіи нравственной* ⁽²⁾.

§ 350.

Началомъ нравственности и всѣхъ добродѣтельныхъ поступковъ Гутчесонъ поставляетъ правило: стараться вѣствовать всѣми силами всякому благу рода челоѣческаго. Это правило ни мало не исключаетъ похвалы о себѣ самомъ, а напротивъ его предполагаетъ, какъ иначе челоѣкъ не можетъ сдѣлаться годнымъ орудіемъ счастья своихъ ближнихъ. Но попеченіе о себѣ самомъ дѣлается добродѣтельною только тогда, когда послѣднею цѣлію его поставляется благо другихъ. Небреженіе о себѣ становится порокомъ, когда страдаетъ отъ того благо другихъ. Челоѣкъ нездоровымъ тѣломъ, съ необразованнымъ умомъ, безъ даровъ счастья, или очень мало.

Гутчесонъ род. въ 1694 г., ум. въ 1747. — ⁽¹⁾ System of moral philosophy in three books etc. to which is prefixed some account of the life, writings and character of the Author. Lond. 1755. II voll. 4. Это сочиненіе издано уже послѣ смерти автора. См. также Francis Hutcheson Enquiry into the original of our ideas of beauty and virtue. Lond. 1720. 8. и Essay on the nature and guiding of passions and affections with illustrations on the moral sense. London. 1728; IV. edit. 1756. 8.

может сдѣлать, или ничего не въ состояніи сдѣлать для блага общества, среди коего онъ живетъ; следовательно онъ обязанъ печется о своемъ здоровьи, усовершенствованіи своего ума и сердца, о снисканіи даровъ счастья, только не для удовлетворенія своихъ любовныхъ наклонностей. Что человекъ долженъ заботиться не о себѣ одномъ, но и о другихъ, и собственно только последнее можетъ быть названо добродѣтью, Гутчесонъ выводитъ это не только изъ прирожденнаго человеку доброжелательства, но и изъ того, что самъ по себѣ ни одинъ человекъ не есть самостоятельное цѣлое, а только часть большаго цѣлаго, т. е. общества въ разнѣхъ его видахъ.

Органомъ для различенія добра отъ зла, для отдѣленія отъ порока Гутчесонъ постановляетъ осознанное нравственное чувство, прирожденное душѣ человека (1).

§ 351.

Изъ начала доброжелательства и нравственныхъ чувствъ Гутчесонъ выводитъ всѣ права человека. Право, по его мнѣнію, бываетъ больше или меньше, смотря по тому, больше или меньше оно нужно и важно для общества. Есть права, въ такой степени необходимыя для блага общественнаго, жизнь сдѣлалась бы для насъ несносною, если бы всякой сталъ нарушать ихъ; права этого рода называются совершенными и могутъ быть защища-

емы. Употребляя силу для ихъ охраненія, мы не только причинимъ зла, сколько бы произошло его, но и дабы каждому позволено было нарушать ихъ неосознанно. Другія права напротивъ таковы, что если бы всѣ стали нарушать ихъ, люди не сдѣлались бы отъ того непременно несчастными. Права называются несовершенными и не могутъ быть защищаемы силою. Когда они у кого нибудь нарушаются, то человекъ не получаетъ только добра, а также и зла, отъ котораго онъ ожидалъ отъ человеколюбія или прилежности своихъ ближнихъ, но онъ не теряетъ того, что онъ уже имѣлъ. Осуществленіе правъ этого рода посредствомъ силы произвело бы вообще больше зла, чѣмъ сколько зла производитъ ихъ нарушение. При томъ же допуская силу для охраненія такихъ правъ, мы лишили бы добродѣтель всей прелести и достоинства. Наконецъ бываютъ права, осуществленіе коихъ человекъ можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ что либо дѣлать и получать или требовать себѣ какой либо вещи, хотя бы это было вредно обществу и противно несовершенному праву другого; потому что не позволяя людямъ этого волею, мы произвели бы гораздо больше зла, чѣмъ отъ него можно опасаться въ противномъ случаѣ. Для осуществленія правъ этого рода можетъ быть также употребляема сила. Такъ богачъ корыстолюбивый имеетъ право требовать во всякое время уплаты въ денегъ, которыми онъ ссудилъ бѣднаго, но долгобываго купца; такъ мы имѣемъ всегда право требовать исполненія договора, хотя бы исполненіе для противной стороны было отяготительно.

§ 352.

(1) Первые начатки ученія о нравственномъ чувствѣ представлены въ сочиненіи Роберта Шаррока, писанномъ противъ Гоббса *De officiis secundum jus naturale*. Оксф. 1660. 8. Верхолюмъ, благодаря Шарроку, почитаетъ вмѣстѣ съ Епикуромъ душевное удовольствіе. Грѣховъ, по его мнѣнію, потому и избѣгать, что они несогласны съ душевнымъ удовольствіемъ; они составляютъ какъ бы невещественный бичъ для человека. По чему признакъ несправедливости есть, когда что-либо дѣлается съ какимъ-то душевнымъ отвращеніемъ. Богъ сотворилъ нашу душу, что между ею и грѣхами существуетъ естественная и некоторая антипатія.

Подробныя изслѣдованія о правахъ Гутчесонъ находитъ въ разсмотрѣніи естественнаго состоянія человека. Взглядъ Гутчесона на естественное состояніе совершенно противоположенъ взгляду Гоббса и отличается со взглядомъ Локка. Это состояніе, по мнѣнію Гутчесона, не есть состояніе всеобщей войны.

Здѣсь существуютъ для человѣка различныя права и обязанности и для приведенія ихъ въ дѣйствіе можетъ быть употребляема сила. Иногда они нарушаются. Но ихъ нарушение не составляетъ общаго правила, а есть только исключеніе.

§ 353.

Вся права человѣка Гутчесонъ дѣлитъ на частныя и общественныя.

Права частныя Гутчесонъ дѣлитъ на природныя и приобретенныя. — Права природныя у Гутчесона состоятъ изъ правъ какъ совершенныхъ, такъ и несовершенныхъ. Къ совершеннымъ естественнымъ правамъ относятся: право на личную безопасность, — право дѣйствовать, какъ тѣбѣ, такъ и другимъ, — право счастія и счастіе нашихъ ближнихъ, — право судить по собственному усмотрѣнію о предметахъ теоретическихъ и практическихъ, — право на употребленіе вещей, всѣмъ общимъ, — право соединяться въ общества, — право на доброе имя, честь, право вступать въ бракъ. Сія естественная права принадлежатъ, по словамъ Гутчесона, всѣмъ людямъ въ равной мѣрѣ. Почему никто не можетъ быть почитенъ рабомъ другого, хотя бы одинъ изъ людей чрезвычайно возвышался надъ другими своею мудростію, бродячностію, красотою, крѣпостію. Къ числу совершенныхъ естественныхъ правъ Гутчесонъ присоединяетъ: право получать отъ нашихъ ближнихъ услуги, которыя имъ не стоятъ труда и издержекъ, или которыя могутъ освободить насъ отъ нужды несравненно большей, чѣмъ сколько требуютъ труда и издержекъ со стороны нашихъ ближнихъ; право на общее богослуженіе, на сострадательность, на благодарность. — Приобретенныя права Гутчесонъ раздѣляетъ на вещественныя и нравственныя. Основаніе права на вещи, по мнѣнію Гутчесона,

исходитъ съ одной стороны въ томъ, что по внутреннему естественному чувству человѣкъ имѣетъ право исключительно владѣть и пользоваться добромъ, которое приобрѣлъ своими трудами, — съ другой стороны въ томъ, что общество и промышленность совсѣмъ не могутъ существовать, если право частной собственности не будетъ признано и освящено обществомъ. Подъ именемъ правъ личныхъ Гутчесонъ разумѣетъ права, истекающія изъ договоровъ. Договоры, по учению его, совершенно необходимы въ обществѣ. Обязанность исполнять ихъ основывается на обязанности человѣка говорить правду и нарушение ихъ составляетъ несравненно большее преступленіе, чѣмъ отказъ въ услугъ челоѣколюбія, которой мы не выжидали. Последнее показываетъ только, что мы не ведемъ въ надлежащей степени благорасположенія другъ къ другу, и не влечетъ за собою никакихъ дальнѣйшихъ худыхъ послѣдствій; первое напротивъ корбляетъ въ самой сильной степени нравственное чувство и разстроиваетъ всѣ предположенія другъ къ другу. Ученіе о договорахъ изложено Гутчесономъ съ большою подробностію.

Общественныя права, по словамъ Гутчесона, могутъ принадлежать людямъ или внутри семейства, или въ союзѣ супружескомъ, въ союзѣ родителей и дѣтей и въ союзѣ господъ и слугъ, или въ государствѣ. Существованіе государства и власти государственной Гутчесонъ выводитъ изъ договора. Но самъ же такъ ограничиваетъ это ученіе, что не теряетъ совершенно свою всеобщность. Хотя, говоритъ онъ, по отношенію ко многимъ частямъ государственнаго устройства, нынѣ существующимъ, народъ никогда не заключалъ никакихъ договоровъ, однакоже отсюда не слѣдуетъ, чтобы существующія установленія были незаконны и чтобы народъ имѣлъ право ихъ низпровергнуть; если правительство при составленіи этихъ учрежденій дѣйствуетъ согласно съ справедливостію, то это вознаграждаетъ всѣ договоры между имъ и подданными. Подданные обязаны ему повиноваться, не смотря на то, что не вступали ни

въ какіе съ нимъ договоры. Равнымъ образомъ ко-
мудрый и вмѣствъ могущественный законодатель
хочетъ дать народу благодѣтельные законы, а ме-
тѣмъ народъ грубый и ослабленный предразсуд-
неохотно принимаетъ вводимыя установленія,
въ случаѣ нужды законодатель можетъ ввести
даже сіюю, если только онъ можетъ предполо-
жить что народъ охотно согласится на нихъ, когда
останутся въ силѣ только короткое время и окажутъ
годными по опыту. Законодатель дѣйствуетъ то-
совершенно согласно съ справедливостію, хотя
дѣйствуетъ чрезвычайнымъ образомъ; потому
онъ достигаетъ такимъ образомъ въ цѣломъ бо-
льшаго блага, чѣмъ какого онъ могъ бы достигнуть
оставляя народъ на жертву грубости и пагубны-
предразсудкамъ.

И. Ф. Юм з.

§ 354.

Более определенный видъ получаетъ нравственное чувство у Юма ⁽¹⁾. Сверхъ того, какъ Философія Юма вообще есть скептическая, то и въ учениі о предметахъ нравственности и законодательства выражается сомнѣніе противъ некоторыхъ положеній, которыя до него были признаваемы несомнѣнными истинами.

Исследования Юма о предметах, относящихся к Философии Законодательства, находятся: 1) въ *Разсужденіи о челоуъческой природѣ* (*); 2) въ *Опытахъ и разсужденіяхъ о различныхъ предметахъ* (*).

(¹) Юмъ род. въ 1711 г., ум. въ 1776.—(²) *David. Hume's treatise of human nature. Lond. 1738. III voll. 8.—1739. III voll. 8.* Въ передаточномъ видѣ первую часть этого сочиненія составляетъ Enquiry concerning human understanding. Edinb. 1748. 8. составившее потомъ 3-ю часть Юмовыхъ Essays and treatise on several subjects in IV voll. Lond. 1770. 1784. 8.—(³) *Essays*

§ 355.

омъ, принимая вмѣстѣ съ Гутчесономъ за начало нравственныхъ понятій и сужденій особенное нравственное чувство, ставилъ это чувство наравнѣ вкуса—чувствомъ изящнаго. Известное дѣланіе, по его мнѣнію, относится къ числу добрыхъ или плохихъ, смотря по тому, производитъ ли оно въ насъ удовольствіе или неудовольствіе особеннаго рода.

по послѣ сего раждается дальнѣйшій вопросъ: по-
у одно дѣяніе производить въ насъ удовольствіе,
тое напротивъ неудовольствіе? Отвѣчая на сей
рость, Юмъ говоритъ: когда мы хвалимъ какія
удѣ дѣянія, то мы смотримъ при томъ на побуж-
нія, которыя производятъ ихъ, дѣянія же слу-
для насъ только знаками известныхъ началъ,
дествующихъ въ умѣ и сердцѣ. Внѣшняя сторона
нія сама по себѣ не имѣетъ достоинства. Чтобы
сдѣлать нравственную цѣну дѣянія, мы должны
инуть во внутренность души человѣка. Но этого
не можемъ сдѣлать непосредственно; почему
щаемъ наше вниманіе на дѣянія, какъ на внѣ-
е знаки. Но дѣянія въ этомъ случаѣ рассматри-
ются только какъ знаки внутренняго чувствованія
предметъ нашей похвалы и одобренія есть въ по-
дней степени побужденіе, ихъ произведшее.

акія же побужденія возбуждають в нас чув-
ства правдивого-удовольствія и заслуживають
хвалу и одобреніе? Таковы, по словам Юма,
поступки побужденія добродетельныя. Діянія,
которыя предпринимаются изъ желанія добра лю-

moral, political and literary. Edinb. 1742. I vol. 8.—Political discourses. London. 1749; Edinb. 1753 (составили 2-й томъ Юмовыхъ Essays).—Enquiry concerning the principles of moral. Edinb. 1751. 8. и the natural history of religion. London. 1755. 8. (оба сочиненія помѣщены и въ 4-й части Essays).

дѣла и доставляютъ имъ добро, — качества человека, которыя могутъ служить къ этой цѣли, возбуждаютъ въ насъ чувство нравственнаго удовольствія; нами одобряются; противныя тому дѣянія и качества возбуждаютъ въ насъ нравственное неудовольствіе и нами порицаются. Но откуда происходитъ самое удовольствіе, чувствуемое нами при видѣ дѣяній или совершенствъ, клонящихся ко благу человеческого? Оно, по мнѣнію Юма, основывается на чувствѣ симпатіи: мы симпатизируемъ съ шаемъ другихъ людей, безъ всякаго отношенія къ самимъ, находимъ удовольствіе во всемъ, что дѣлаетъ ихъ счастливыми, и чувствуемъ неудовольствіе отъ того, что дѣлаетъ ихъ несчастными.

§ 356.

Отъ всѣхъ другихъ добродѣтелей Юмъ отдѣляетъ особенно правду, преимущественно по отношенію строгости ея требованій. Понятіе правды и различныя составныя части ея развиваются у Юма самымъ припущеннымъ образомъ.

§ 357.

Изъ всѣхъ животныхъ, замѣчаетъ Юмъ, нѣтъ одного, съ которымъ бы, по видимому, природа поступила такъ жестоко, какъ съ человѣкомъ. Она дала ему безчисленное множество потребностей, и ждала, чтобы снабдила его только скудными средствами къ ихъ удовлетворенію. Посредствомъ общества другими человѣкъ, конечно, можетъ пополнить то, чего ему недостаетъ, сравниться съ прочими тварями и даже превзойти ихъ. Но для происхожденія самаго общества требуется не только то, чтобы оно было полезно, но также и то, чтобы люди почувствовали пользу. Въ состояніи дикости, необразованности, дѣла нельзѣ достигнуть до такого познанія потребности одного размышленія. Къ счастью, говоритъ Юмъ, природа вложила въ человѣка одну силь-

ную потребность, которая, имѣя близкое и явное средство къ своему удовлетворенію, по справедливости можетъ быть разсматриваема какъ первая причина образованія человеческого общества. Эта потребность — естественное стремленіе половъ другъ къ другу, — стремленіе, которымъ соединяются два лица въ одно, — стремленіе, доколь забота ихъ о своихъ общихъ дѣлахъ порождаетъ новой связи между ними. Сія забота дѣлается также началомъ соединенія между родителями и служитъ основаніемъ болѣе многочисленнаго общества подѣ властію родителей. Привычка къ короткому времени научаетъ людей исполнять чувства, которыя выгоды жизни общественной и постепенно обращаютъ ихъ для общества, истребляя въ нихъ грубыя, самолюбивыя наклонности, препятствующія соединенію ихъ другъ съ другомъ (*).

§ 358.

Какъ постепенно ограничиваются самолюбивыя наклонности человѣка и устанавливаются начала правды общества, Юмъ показываетъ это, различая три рода человеческихъ благъ: внутреннія блага души, блага тѣлесныя и блага вѣншія, состоящія въ обладаніи различными вѣншими предметами. По самолюбивому существу вещи мы совершенно обезпечены въ обладаніи первымъ родомъ благъ. Блага втораго рода могутъ быть отняты у насъ, но они бесполезны для насъ, кто ихъ отнимаетъ у насъ. Только блага третьяго рода подвергаются нападеніямъ со стороны людей и могутъ переходить отъ одного лица къ другому безъ всякаго поврежденія или измѣненія, между тѣмъ какъ въ тоже время они существуютъ въ количествѣ достаточномъ для удовлетворенія потребностей каждаго. Посему если умноженіе и улучшеніе благъ этого рода составляетъ главную выгоду общества, то несправедливость ихъ владѣнія и скудость ихъ служить глав-

Treatise of human nature. Book III. Part II. (of Justice and Injustice), Section II.

нымъ препятствіемъ общежитію, такъ какъ по ихъ твердости они всегда могутъ перемѣнить своего дѣльца, скудость же ихъ побуждаетъ людей отъ мать ихъ другъ у друга. Средство противъ сворыстія чловѣческаго въ этомъ случаѣ дается, словамъ Юма, не природою, но искусствомъ. Люди, будучи съ раннихъ лѣтъ воспитываемы въ обществѣ, поняли всѣ безчисленныя его выгоды, приобрѣли новую привязанность къ сообществу, когда они замѣтили, что спокойствіе общества и мирнымъ образомъ нарушается изъ-за вѣншихъ благъ по причинѣ легкости перехода благъ этого рода отъ одного лица къ другому; тогда они должны были поискать средствъ противъ такого неудобства, чтобъ поставить эти блага, сколько возможно, на одномъ основаніи съ твердыми и постоянными свойствами души и тѣла. Этого можно было достигнуть иначе, какъ посредствомъ общаго согласія во членовъ общества—признавать владѣніе вѣншими благами твердымъ и ненарушимымъ и каждому давать пользоваться въ мирѣ тѣмъ, что онъ приобрѣсть своимъ трудомъ и счастьемъ. При такомъ установленіи каждый знаетъ, чѣмъ онъ можетъ пользоваться съ безопасноію. Безпорядочныя и насильственныя движенія страстей теперь обузданы, это обузданіе страстей не противорѣчитъ самимъ страстямъ, а противорѣчитъ только ихъ безпорядочному и насильственному движенію. Когда мы воздерживаемся отъ всякаго прикосновенія къ имуществу другихъ; то не только не отказываемся отъ насъ собственной выгоды или отъ выгоды нашихъ друзей, но еще содѣйствуемъ черезъ это самымъ лучшимъ образомъ своимъ выгодамъ, сохраняя общество, которое такъ необходимо для нашего счастья и самаго нашего существованія. Впрочемъ общаго согласія людей относительно ненарушимости владѣнія каждымъ Юмъ не представляетъ себѣ въ видѣ какаго-нибудь обещанія. Это есть только общее чувство общей выгоды, происходящей отъ такого положенія,—чувство, которое, будучи выражено всѣми членами общества другъ передъ другомъ, побужда-

вести себя извѣстнымъ образомъ по отношенію къ другу, такъ какъ каждый изъ нихъ предполагаетъ о всѣхъ другихъ, что они такимъ же образомъ будутъ вести себя по отношенію къ нему, и онъ будетъ вести себя по отношенію къ нимъ. Это не можетъ быть, по мнѣнію Юма, проще и удобнее правила, устанавливающаго неприкосновенность имущества. Каждый отецъ семейства принимаетъ и поддерживаетъ его, чтобы водворить миръ въ своихъ дѣтяхъ. Неоднократный опытъ убѣждаетъ людей, какъ невыгодно нарушать это правило; опытъ также удостовѣряетъ ихъ, что всѣ стали соблюдать выгоду, происходящую отъ исполненія правила, и на будущее время даетъ вполне надежду, что всѣ станутъ вести себя какъ должно; въ этомъ ожиданіи каждый и самъ воздерживается отъ вѣншей, другимъ принадлежащихъ. Такимъ образомъ по мѣрѣ того, какъ расширяется общество, установленное правило утверждается все болѣе и болѣе. По этому, говоритъ Юмъ, людямъ совершенно невозможно оставаться долгое время въ состояніи дикости; самымъ первымъ ихъ состояніемъ по историческимъ свѣдѣніямъ можетъ быть названо состояніе общественное. По этому, заключаетъ Юмъ, состояніе природы, принимаемое нѣкоторыми философами, можно признать за чистый вымыселъ, подобный выводу поэтовъ о золотомъ вѣкѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что первое описывается исполненнымъ миромъ, насилія и неправды, между тѣмъ какъ послѣдній изображается самымъ мирнымъ (').

§ 359.

Такимъ образомъ, по ученію Юма, начала правды представляются одною выгодною. Но связь ихъ съ природою Юмъ находитъ совершенно различною отъ той, какую можно замѣтить при другихъ случаяхъ. По какому-нибудь дѣйствію правды, взятое отдѣльно

Тамъ же.

отъ другихъ, бываетъ часто противно общественнымъ пользамъ, и если бы оно оставалось однимъ, могло бы быть очень вредно обществу. Такимъ образомъ одно какое нибудь дѣйствіе правды, рассматриваемое отдѣльно отъ прочихъ, можетъ быть несовмѣстно съ частною выгодною. Но сколько взятыя порознь дѣйствія правды ни были противны выгодѣ общественной или частной, цѣлая система ихъ, говоритъ Юмъ, въ высшей степени благотворна или даже совершенно необходима для состоянія общества и для благосостоянія каждого члена порознь. Невозможно отдѣлить добра отъ зла. Собственность должна быть ненарушима и основываться на общихъ правилахъ: этотъ законъ необходимъ. Следуя ему, конечно въ некоторыхъ случаяхъ общество будетъ страдать; но сіе мнимое зло совершенно вознаграждается тѣмъ миромъ и порядкомъ, который утверждается въ обществѣ, когда всѣ постоянно соблюдаютъ изложенное правило (1).

§ 360.

Но общее начало ненарушимости владѣній, по мнѣнію Юма, ни къ чему не послужить, если будетъ оставлено при такихъ общихъ выраженіяхъ. Чтобы оно принесло ожидаемую отъ него пользу, долженъ быть указанъ способъ, какъ можетъ основываться частная собственность и какъ можно основываться исключительнымъ владѣльцемъ извѣстныхъ вещей. Для предупрежденія всѣхъ поводовъ къ спорамъ и несогласію, общее начало должно быть прилагаяемо къ частнымъ случаямъ не по частному мнѣнію того или другаго лица, но по другимъ общимъ правиламъ, которыя въ своемъ дѣйствіи распространяются на все общество и остаются непреклонными для пріязни и ненависти. Послѣ того, какъ люди согласились образовать изъ себя общество и признали начало ненарушимости владѣній, первое

(1) Тамъ же.

устройство для нихъ состоитъ въ томъ, какъ опредѣлить особенный участокъ cadaго, которымъ бы на будущее время могъ владѣть и пользоваться каждый. Самымъ естественнымъ средствомъ для достиженія сей трудности было, по мнѣнію Юма, позволить каждому продолжать пользоваться тѣмъ, на что онъ уже владѣетъ. Но польза сего правила, по которому каждая вещь, при первоначальномъ возникновеніи собственности, оставляется настоящему ея владѣльцу, не простирается далѣе первоначальнаго образованія общества. И такъ надобно было поискать другихъ способовъ, которые бы могли дать начало собственности, послѣ того, какъ уже образовалось общество. Замѣчательнѣйшими изъ найденныхъ такимъ образомъ способовъ Юмъ почитаетъ три: вѣщью, никому непринадлежащею, давъ ея владѣнію, приращеніе и наслѣдство (1).

§ 361.

Изложенные способы происхожденія собственности зависятъ очень много отъ случая, то есть, говоритъ Юмъ, вещь будетъ принадлежать тому, кто не нуждается въ ней, тогда какъ онъ не нуждается въ вещей, въ которыхъ нуждается. Противъ неудобства нужно особенное средство. Позволить каждому прямо и даже насильно брать то, что почитается для себя нужнымъ, значило бы развратить общество. И такъ самымъ лучшимъ средствомъ противъ означеннаго неудобства есть, по мнѣнію Юма, принять за правило, что каждый владѣть вѣщью ненарушимо, развѣ самъ онъ согласенъ уступить ее другому. Люди дѣйствительно признаютъ это правило (2).

§ 362.

Изложенныя правила Юмъ признаетъ еще не точными для того, чтобы люди могли получить

Тамъ же Section III. — (2) Тамъ же Section IV.

отъ взаимныхъ связей всю нужную пользу. Люди могутъ дѣлать чрезвычайно много полезнаго другъ для друга; однакоже не легко предпринимаютъ они какія нибудь дѣйствія для пользы другихъ, если не надѣются получить за это какой-нибудь для себя выгоды. Но часто бываетъ невозможно обоимъ лицамъ окончить свои дѣйствія, взаимно другъ для друга предпринятые, въ тоже самое время; почему необходимо одна сторона, окончивъ свое дѣйствіе прежде другой, должна оставаться неизвестности относительно исполненія этого стоною своихъ обязанностей и завистью отъ доброй воли. Но это есть худое обезпеченіе. Посему сначала люди имѣютъ недоверіе другъ къ другу. вскорѣ, по словамъ Юма, они замѣчаютъ, какъ вредно для нихъ взаимное недоверіе. Почему мало-малу между ними укрѣпляется доверіе другъ другу, и наконецъ образуется правило, въ котораго каждый долженъ исполнять принятыя на себя обязательства. Люди легко усматриваютъ пользу установленія и исполненія договоровъ. Сами кратковременный опытъ убѣждаетъ ихъ въ это. Когда по сему каждый изъ нихъ замѣтитъ чувство выгоды во всѣхъ другихъ, онъ безъ какого затрудненія исполняетъ договоръ съ своей стороны, будучи увѣренъ, что другіе также выполнятъ, что до нихъ касается (1).

§ 363.

Такимъ образомъ Юмъ находитъ три основныя закона природы: ненарушимость собственности, переходъ ея посредствомъ передачи отъ одного лица святость договоровъ.

Но люди легко нарушаютъ законы естественныя находясь подъ управленіемъ воображенія, они часто поражаются ближайшими выгодами, пренебрегая

ими отъ нарушенія законовъ естественныхъ, чѣмъ годами отдаленными, проистекающими отъ постоянного соблюденія сихъ законовъ. Эта слабость человеческой природы, по словамъ Юма, уничтожаетъ сама себя: именно потому, что мы во время нашего дѣйствованія не радимъ объ отдаленныхъ нашихъ выгодахъ, гоняясь только за настоящими и близкими, именно по этому мы стараемся заблаговременно обезпечить себя противъ такого нерадѣнія относительно отдаленныхъ предметовъ. Когда мы усматриваемъ отдаленные предметы, то мелочныя достоинства для насъ исчезаютъ, и мы всегда даемъ преимущество тому, что само въ себя заслуживаетъ предпочтеніе. Посему въ настоящемъ случаѣ, Юмъ, вся важность состоитъ въ томъ, чтобы найти такое средство, которое бы изцѣлило людей отъ естественной ихъ слабости и заставило ихъ соблюдать законъ естественный, не смотря на сильную наклонность предпочитать близкое отдаленному. Но, что для сего надлежало бы исправить въ нихъ эту наклонность. Но какъ мы не можемъ ничего перемѣнить или исправить въ нашей природѣ, намъ, по мнѣнію Юма, ничего не остается дѣлать, какъ только измѣнить свое положеніе и такъ расположить свои отношенія, чтобы выгода отъ соблюденія законовъ стала нашею ближайшею выгодою, выгода же отъ нарушенія ихъ отдаленною. Такое измѣненіе не можетъ быть произведено въ положеніи всего рода человеческого, а только въ положеніи немногихъ людей, которые такимъ образомъ будутъ находить непосредственную свою выгоду въ исполненіи законовъ справедливости. Таково, по словамъ Юма, положеніе лицъ правительствующихъ. Не имѣя никакой выгоды, или имѣя только отдаленную выгоду отъ дѣйствій несправедливыхъ и зная все превосходство своего настоящаго положенія въ обществѣ, они находятъ непосредственною выгоду въ томъ, чтобы были соблюдаемы законы, столь необходимыя для существованія общества (1).

(1) Тамъ же Section VI.

(1) Тамъ же Section VII.

Но наблюдение за исполнением законов справедливости Юмъ признаетъ не единственнымъ благомъ, которое доставляется правительствомъ. Какъ сильные страсти препятствуютъ людямъ ясно видѣть выгоду, какая произтекаетъ отъ соблюденія законовъ справедливости, такъ страсти препятствуютъ имъ видѣть и самую справедливость и дѣлаютъ ихъ явно пристрастными къ себѣ самимъ. По сему лица, наблюдающія за исполнениемъ законовъ справедливости, рѣшаютъ и всѣ распри относительно исполненія ихъ, и притомъ не будучи привязаны никакими узами къ большому числу членовъ общества, рѣшаютъ съ большею справедливостію, чѣмъ стабы каждый рѣшать ихъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Правительство простираетъ свое благотворное вліяніе еще далѣе. Оно помогаетъ и содѣйствуетъ учрежденію различныхъ общественныхъ заведеній, которыхъ одни частныя лица не могли бы учредить съ такимъ успѣхомъ. Оно находитъ свое непосредственную выгоду въ выгодѣ каждой значительной части своихъ подданныхъ. Такимъ образомъ отъ правительства или при его содѣйствіи строятся мосты, открываются гавани, воздвигаются укрѣпленія, выкопываются каналы, вооружаются флоты, устрояются арміи (1).

Дѣйствительное происхожденіе гражданскаго правительства Юмъ представляетъ послѣдствіемъ распри между людьми различнаго племени. Доколѣ, по словамъ Юма, имѣнія остаются не велики и не большыя, какъ это всегда бываетъ въ младенческомъ состояніи обществъ, тогда корыстолюбіе дѣйствуетъ въ людяхъ слабо и они могутъ обходиться безъ правительства. Можно даже, говорить Юмъ рѣшительно сказать, что первыхъ начатковъ правительства надобно искать не въ расприхъ между людьми одного и того же общества, но въ расприхъ между людьми различныхъ обществъ. Въ доказательство этого Юмъ приводитъ Американскихъ дикарей

(1) Тамъ же.

нихъ безъ всякаго правительства люди живутъ въ согласіи и мирѣ между собою, и никогда не дѣлиются своимъ товарищамъ, развѣ въ случаѣ войны, въ продолженіе коей избранный обществомъ вождь пользуется нѣкоторою тѣнью власти, которую онъ тотчасъ теряетъ, какъ скоро ополченіе обратится изъ похода и миръ съ соседственными племенами будетъ возстановленъ. Впрочемъ власть военная, по мнѣнію Юма, даетъ дикарямъ случай извлекать пользу правительства и научаетъ ихъ прибѣгать къ помощи власти, когда посредствомъ военной силы, торговли и какихъ нибудь случайныхъ открытій, богатства ихъ и стяжанія сдѣлаются такъ значительными, что породить въ нихъ духъ корыстолюбія. Здѣсь видятъ Юмъ и второстепенную причину того, почему всѣ правительства въ началѣ бываютъ монархіи безъ всякой примѣси какого нибудь другаго вѣдѣнія и почему республики возникаютъ только въ послѣдствіе злоупотребленія монархій и деспотизма (1).

На основаніи изложенныхъ началъ Юмъ опровергаетъ обыкновенное, въ его время господствовавшее, мнѣніе, по которому обязанность повиноваться правительству была выводима изъ обѣщанія, данного людьми поставленнымъ отъ нихъ надзирателямъ бы людьми поставленнымъ отъ нихъ надзирателямъ. Обязанность повиноваться правительству, говоритъ Юмъ, вытекаетъ съ такою же необходимостію изъ того, что сказано о необходимости исполненія законовъ справедливости, какъ и обязанность соблюдать договоры, не нарушать чужой собственности, вытекаетъ необходимо изъ основаній, на нее указанныхъ. Въ опроверженіе ложнаго ученія Юмъ ссылается на общій смыслъ людей и исторію. Ни правительства, ни подданные, по словамъ Юма, никогда не думали, чтобы ихъ взаимныя отношенія основывались на договорѣ (2).

(1) Тамъ же Section VIII (Ср. Essay of the origin of Government).
(2) Тамъ же (Ср. Essay of the original Contract).

Равнымъ образомъ Юмъ возстаетъ противъ господствовавшаго въ его время ученія, которымъ позволялось сопротивленіе власти гражданской. Въ общественномъ порядкѣ вещей, по мнѣнію Юма, ничто не можетъ быть пагубнѣе и преступнѣе сопротивленія верховной власти; позволить сопротивляться правительству въ какихъ нибудь случаяхъ, значило бы открыть путь къ сильнѣйшимъ потрясеніямъ гражданского общества и ко всеобщей анархіи. Какъ многочисленные и образованные общества не могутъ существовать безъ правительства; такъ правительство, говорить Юмъ, совершенно бесполезно безъ строгаго повиновенія ⁽¹⁾.

§ 364.

Наконецъ Юмъ разсматриваетъ отношенія между народами. Когда образовались различныя гражданскія общества съ ихъ правительствами, то между соседственными государствами возникъ новый родъ обязанностей сообразно существу связей ихъ между собою. Противъ тѣхъ, которые утверждаютъ, что гражданскія общества во всѣхъ между собою сношеніяхъ должны быть разсматриваемы какъ лица, Юмъ замѣчаетъ, что хотя по своимъ потребностямъ и страстямъ народы могутъ быть сравниваемы съ отдельными лицами, но какъ въ другихъ отношеніяхъ между одними и другими представляется большое различіе, то не удивительно, что народы въ своихъ сношеніяхъ руководствуются правилами отличными отъ тѣхъ, которыми поступаютъ между собою частныя люди. Такимъ образомъ, по ученію Юма, возникаетъ новый родъ началъ, которые называются законами народовъ. Сюда относятся правила касательно договоровъ, объявленія войны, неупотребленія оружія отравленнаго ядомъ, и другія тому под. Хотя, говорятъ Юмъ, сіи правила не уничтожаютъ совершенно законовъ природы; напротивъ можно не-

(1) Тамъ же Section IX (Ср. Essay of passive obedience).

ительно утверждать, что три основные закона справедливости обязываютъ какъ государей, такъ и подданныхъ: однакоже въ практикѣ у всѣхъ народовъ было принимаемо начало, что правительства безъ нарушения справедливости могутъ дѣйствовать гораздо свободнѣе, чѣмъ лица частныя, и позволять себѣ иногда то, что никогда не можетъ быть позволено послѣднимъ. Это начало Юмъ оправдываетъ тѣмъ, что хотя общеніе между разными государствами полезно и даже въ извѣстныхъ случаяхъ необходимо, однако же оно не такъ необходимо и не такъ полезно, какъ общеніе между частными лицами; безъ послѣдняго человѣческой природѣ совершенно невозможно существовать, тогда какъ безъ перваго еще можно обойтись ⁽¹⁾.

§ 365.

Итакъ выгода служить, по мнѣнію Юма, первымъ началомъ всѣхъ началъ справедливости и въ ней заключается причина ихъ происхожденія. Различныя установленія общественныя Юму представляются чистѣе человѣческимъ изобрѣтеніемъ, хотя совершенно необходимымъ. Но тѣмъ не менѣе Юмъ находитъ и другую чисто нравственную въ сихъ установленіяхъ. Мы заметили уже, что по мнѣнію Юма нравственное одобреніе съ нашей стороны извѣстныхъ дѣяній сопровождается окончательнымъ образомъ на сочувствіи шемъ съ счастьемъ и несчастьемъ другихъ людей. Начала справедливости имѣютъ своимъ назначеніемъ, служить ко благу людей. Несправедливость разрушаетъ порядокъ общественный, а съ тѣмъ вмѣстѣ и личное счастье людей. Почему, говоритъ Юмъ, хотя и она была такъ далека отъ насъ, что никакимъ образомъ не нарушила бы нашихъ выгодъ, она все-таки не правится. Мы представляемъ себѣ вредъ отъ несправедливости для чело-вѣческаго общества, представляемъ, какъ она пагубна для каждаго, кого она постигнетъ,—и

(1) Тамъ же Section XI.

чувствуемъ къ ней отвращеніе. Это чувство непріятности возбуждается въ насъ въ слѣдствіе симпатіи и какъ все то въ человѣческихъ дѣйствіяхъ, что изводитъ въ насъ непріятное чувство, называемъ порокомъ, а противное тому добродѣтелью, то сей причинѣ справедливость относится нами къ числу добродѣтелей, а несправедливость къ числу пороковъ. Что не нравится намъ въ другихъ, то не нравится намъ и въ насъ самихъ, потому что это не нравится другимъ. Мы сочувствуемъ съ другими по отношенію къ себѣ въ тѣхъ чувствованіяхъ, которыя они имѣютъ по отношенію къ намъ ⁽¹⁾.

У. Адамъ Смитъ.

§ 366.

Чувство симпатіи, которымъ у Юма замѣняется неопределенное нравственное чувство Гутчесона, является у Адама Смита ⁽²⁾ въ видѣ чувства разсудка.

Какъ бы, по ученію Смита, самолюбивъ человѣкъ ни былъ, въ его природѣ есть что-то такое, что заставляетъ его принимать участіе въ благосостояніи другихъ и дѣлаетъ ихъ счастье необходимымъ для него, хотя бы онъ не получалъ отъ него никакой пользы, кромѣ удовольствія видѣть это счастье. Мы отъ самой природы имѣемъ чувство симпатіи къ другимъ: видя или даже представляя себѣ хорошее или худое ихъ положеніе, мысленно переносимся въ него, смотримъ, что мы сами почувствовали бы, если бы находились въ немъ, и были притомъ способны разсуждать, какъ теперь разсуждаемъ, — и наконецъ начинаемъ болѣе или менѣе сами тоже чувствовать.

⁽¹⁾ Тамъ же Section II. — ⁽²⁾ Адамъ Смитъ род. въ 1723 г. и ум. въ 1790. Важнѣйшее его сочиненіе нравственнаго содержанія — *Theory of moral sentiments*, ed. I. 1759.

говаривать, что чувствуетъ дѣйствительно находящійся въ известномъ положеніи ⁽¹⁾.

Но само собою разумѣется, говорить Смитъ, что сторонній зритель никогда не можетъ чувствовать такую силою непріятности известнаго положенія, какою самъ страдалецъ чувствуетъ свое положеніе. Мысль, что намъ самимъ хорошо, что не мысленно страдаемъ, непрерывно возвращается въ насъ, когда мы смотримъ на страданія другихъ. Между тѣмъ человѣкъ, дѣйствительно страдающій, раздражается этимъ и желаетъ болѣе полной симпатіи. Достигнуть сего онъ можетъ не иначе, какъ понизивъ свое болѣзненное чувство до такой степени, на которую бы зрители могли за нимъ слѣдовать; онъ долженъ спустить свой тонъ, чтобы вѣстать его въ гармонію съ сердечными движеніями людей окружающихъ. Чувствованія двухъ людей послѣ сего получаютъ такую между собою сочувственность, какая только нужна для гармоніи общества. Хотя сіи чувствованія никогда не сдѣлаются совершенно одинаковыми; однакожъ они могутъ быть въ согласіи, — а это только и требуется. Чтобы произвести такое согласіе, природа научаетъ зрителей входить въ положеніе страдальца, — а страдальца въ положеніе зрителей при настоящемъ случаѣ ⁽²⁾.

Когда чувствованія страдальца находятся въ согласіи съ симпатическимъ движеніемъ зрителя, они представляются сему послѣднему необходимо справедливыми и приличными предметамъ или причинамъ, ихъ возбуждающимъ; въ противномъ случаѣ бываетъ противное ⁽³⁾.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Адама Смита, наблюдая въ себѣ самихъ и въ другихъ людяхъ, какія движенія сердца, какіе поступки возбуждаютъ въ насъ и въ другихъ людяхъ симпатію, или отвраще-

Theory of moral sentiments Part I. Sect. I. Ch. I. — ⁽²⁾ Тамъ же Part I. Sect. I. Ch. IV. — ⁽³⁾ Тамъ же Ch. III.

ніе, одобряются нами и другими или не одобряются, мы составляемъ правила для нравственной дѣятельности. Всѣ свойства, чувствованія, дѣянія человека, которыя возбуждаютъ симпатію въ безпристрастномъ зрителѣ, должны быть названы нравственнодобрыми, противныя имъ — порочными ⁽¹⁾.

На основаніи своего нравственного начала Адамъ Смитъ опредѣляетъ разныя добродѣтели и мѣры ими въ особенности правду. Онъ противопоставляетъ ее благотворительности. Правда, по его ученію, состоитъ изъ собою такіа обязанности, исполненія которыхъ отъ лица обязаннаго тотъ, въ чью пользу онъ установленъ, можетъ требовать силою; предметъ обязанностей этого рода есть сохраненіе существующихъ уже отношеній. Напротивъ благотворительность даетъ другому то, чего онъ еще не имѣетъ, но такъ, что человека, обязаннаго къ такимъ дѣяніямъ, нельзя принудить къ нимъ силою ⁽²⁾.

Смитъ почитаетъ правду важнѣйшею добродѣтелью. По его словамъ, безъ благотворительности и соединенныхъ съ нею добродѣтелей: дружбы, любви, уваженія и пр. общество все еще можетъ существовать; но гдѣ нѣтъ правды, тамъ оно совершенно невозможно. Потому, говоритъ Смитъ, природа позволяетъ человеку исполненіе обязанностей правды охранять силою, угрозами казней и дѣйствительными наказаніями ⁽³⁾.

Изъ всего множества предметовъ, входящихъ въ кругъ законодательства, Адамъ Смитъ обратилъ свое вниманіе особенно на одинъ — народное богатство. Своимъ сочиненіемъ объ этомъ предметѣ ⁽⁴⁾ онъ положилъ прочное основаніе наукъ Политическаго Экономіи.

⁽¹⁾ Тамъ же Part III. Ch. III. — ⁽²⁾ Тамъ же Part. III. Sect. Ch. I. — ⁽³⁾ Тамъ же Part. II. Sect. II. Ch. III. — ⁽⁴⁾ Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. London. 1776.

VI. Фергюзонъ.

§ 367.

Начало доброжелательства у Фергюзона ⁽¹⁾ отличается совершенно отъ чувственной примѣсы, съ которою оно являлось у предшествовавшихъ нравственниковъ и получаетъ характеръ начала разумнаго.

Изъ сочиненій Фергюзона важны для насъ: Опытъ исторіи гражданскаго общества ⁽²⁾, Краткое изложеніе нравственной Философіи ⁽³⁾, и Пространное изложеніе началъ нравственности и политики ⁽⁴⁾. Въ обоихъ послѣднихъ сочиненіяхъ Фергюзонъ начинаетъ свои изысканія съ естественной исторіи человека, подробно изложенной въ первомъ сочиненіи; съ этого предмета начнемъ и мы изложеніе замѣчательныхъ для насъ мыслей Фергюзона.

§ 368.

Главная черта, на которую Фергюзонъ обращаетъ свое вниманіе при изложеніи естественной исторіи человека, есть его *безконечная усовершенность*. Физическія существа, каковы растенія и неразумныя животныя, образуются и возрастаютъ постепенно. Человекъ же образуется постепенно. Но преспеяніе его, по словамъ Фергюзона, идетъ гораздо далѣе, чѣмъ преспеяніе всякаго другаго животнаго. Не только каждый человекъ порождается изъ младенца дѣлается взрослымъ, но и весь родъ человеческій отъ грубости переходитъ до гражданскаго просвѣщенія. Противъ нѣкоторыхъ, которые естественнымъ состояніемъ человека

Род. въ 1724 г., ум. въ 1816. — ⁽²⁾ Essay of civil society. Edinb. 1766. 4. — ⁽³⁾ Institutes of moral philosophy. London. 1769. 8. — ⁽⁴⁾ Principles of moral and political science. Edinb. 1793. II. Voll. 4.

почитами состояніе грубости и на успѣхъ гражданской образованности смотрѣли съ недоверіемъ, Фергюзонъ замѣчаетъ, что каждое состояніе, въ какъ-нибудь можетъ быть человѣкъ, есть для него естественное состояніе. Обыкновенно отличаютъ искусство отъ природы; но въ человѣкѣ самое искусство есть природа. Онъ нѣкоторымъ образомъ есть самъ изидитель своего наружнаго вида и своего счастья, и съ самаго перваго возраста его бытія. Ему предназначено изобрѣтать и выдумывать. Если человѣкъ способенъ усовершенствоваться и имѣетъ въ себѣ начало преспеянія и желаніе совершенства, то нельзя сказать, что онъ оставлялъ состояніе своей природы, когда онъ начинаетъ образоваться, или чтобы онъ вступалъ въ новое состояніе, ему несвойственное, когда онъ, подобно другимъ животнымъ, только лишь слѣдуетъ естественнымъ наклонностямъ и употребляетъ силы, полученныя отъ природы. Самые послѣдніе усовершенствованія человеческой изобрѣтательности составляютъ только продолженіе открытій, которыя были сдѣланы въ первобытныхъ временахъ, которыми пользовались въ первыхъ вѣкахъ міра. Такимъ образомъ для Фергюзона ученіе о первобытномъ естественномъ состояніи человѣка не имѣетъ истиннаго смысла. Всякое состояніе естественно для человѣка. Но если подъ естественнымъ состояніемъ разумѣется состояніе первоначальной необразованности, то, по мнѣнію Фергюзона, естественнымъ состояніемъ скорее должно быть названо состояніе образованности, какъ состояніе полнаго развитія естественныхъ способностей человѣка, чѣмъ состояніе грубости (1).

Причинами, побуждающими человѣка непрерывно усовершенствоваться, Фергюзонъ поставляетъ, кромѣ естественнаго, свойственнаго человѣку, стремленія къ усовершенствованію своего состоянія, къ возвышенію надъ другими по своимъ силамъ и способностямъ, любовь человѣка къ себѣ самому

и желательство къ другимъ людямъ. Въ семъ естественномъ отношеніи Фергюзонъ особенно обращаетъ вниманіе на стремленіе человѣка къ обществу и на выгоды жизни общественной, находя въ то же время въ самой человеческой природѣ склонность къ войнѣ и несогласію между людьми. Войнамъ его, война и несогласіе происходятъ только отъ низкихъ страстей, но и отъ стремленія къ дѣятельности, къ обнаруженію и употребленію своихъ силъ, а равно отъ любви его къ славамъ своего общества. По отношенію къ развѣтствованію силъ человеческихъ вражда между народами не имѣетъ, по мнѣнію Фергюзона, самыхъ благодѣтельныхъ послѣдствій. Безъ соревнованія между народами не имѣетъ упражненія ихъ въ войнѣ самое гражданское общество едва ли бы могло найти для себя достойный предметъ занятія и получить надлежащее развитіе. Напрасна надежда водворить миръ и единеніе въ многочисленномъ народѣ безъ враждебныхъ чувствованій къ его непріятелямъ. Если бы не говорили Фергюзонъ, могли вдруъ погасить въ какомъ нибудь народѣ соревнованіе, другими способами возбуждаемое; то, вѣроятно, черезъ это бы расторгли или ослабили въ немъ узы общины и отняли у него случай и возможность разнообразнѣйшимъ упражненіямъ и добродѣтелямъ (1).

Въ самомъ развитіи рода человеческого и гражданскаго общества по отношенію къ наукамъ, искусствамъ, ремесламъ, торговлѣ, нравамъ, понятіямъ, праву, Фергюзонъ различаетъ три періода: періодъ естественности или необразованности, и притомъ до введенія собственности (2); періодъ собственности и совершенствованія; (3) наконецъ періодъ совершенства (4). Черты cadaго изъ сихъ народовъ описаны у Фергюзона со всею подробностію.

(1) Essay of civil society. Part 1. Sect. I.

Тамъ же. Sect. 4. — (2) Тамъ же Part 2. — (3) Тамъ же Part 3. and 4. — (4) Тамъ же Part 5 and 6.

§ 369.

Что касается нравственных законовъ, которъ
человѣкъ долженъ слѣдовать въ своей дѣятельно
источникомъ познанія ихъ Фергюзонъ почитаетъ
чувство, которое услаждается извѣстными поступ
ми, къ другимъ же имѣетъ отвращеніе, а раз
Въ разумной природѣ человѣка, по словамъ Фер
зона, есть начала, которыя не ограничиваются т
ко чувствительностію къ удовольствію и скорби,
одними дѣятельными напряженіями, но образу
родъ строгаго надзора надъ чувствами и дѣла
и даютъ намъ возможность отличать въ удов
ствіяхъ изящное и прекрасное отъ неизящнаго и б
бразнаго, въ вещахъ совершенное или превосхо
отъ несовершеннаго или недостаточнаго ⁽¹⁾.

§ 370.

Добродѣтель человѣка Фергюзонъ поставляетъ
непрерывномъ стремленіи къ совершенству. По
доточіе всякаго совершенства, человѣческаго, по
словамъ, есть любовь къ роду человѣческому.
добрыя дѣянія, всѣ добрыя качества человѣка н
ходимо предполагаются этою любовью или какъ
причина, или какъ ея послѣдствіе. Такимъ обра
и для Фергюзона *благорасположеніе* служитъ ко
нымъ началомъ нравственности. Но это начало
го очищается отъ чувственной примѣси и возвод
къ началу болѣе обширному—къ началу соверш
ствованія. По тому самому оба противоположны
чала нравственности, которыя раздѣляли до его
мени Англійскихъ правоучителей, для него пере
ютъ быть противоположными. Если, замѣчаетъ
благорасположеніе составляетъ принадлежность ч
вѣческой природы, то законы самосохраненія п

(1) Principles of moral and political science Part 2. Chap. 1.
3 (въ началѣ).

ельности совпадаютъ между собою во всѣхъ на
деніяхъ ихъ и приложеніяхъ. Человѣкъ по своей
родъ есть членъ общества. Его безопасность
о счастье требуютъ, чтобы онъ сохранялъ себя
чѣмъ онъ есть по природѣ. Его совершенство
итъ въ превосходствѣ или въ надлежащей сте
силы естественныхъ его способностей и распо
ній. Другими словами, оно состоитъ въ томъ,
онъ былъ превосходною частію системы, къ
рой онъ принадлежитъ, такъ что для рода чело
скаго послѣдствія будутъ одни и тѣ же, забо
ли человѣкъ о своемъ сохраненіи, или онъ за
тся о своей общительности. Въ томъ и другомъ
а онъ долженъ питать и согрѣвать въ себѣ
къ роду человѣческому, какъ самую драго
цѣннѣйшую сторону своего характера ⁽¹⁾.

§ 371.

дѣленіе всего правоученія ⁽²⁾ Фергюзонъ осно
ветъ на различіи средствъ, служащихъ къ сохра
нѣ нравственныхъ законовъ, и на различіи пред
вѣ закона.

редство, охраняющее законъ, есть, по ученію
Фергюзона, добро или зло, соединенное съ исполне
емъ его или неисполненіемъ. Общее охранитель
редство для нравственнаго закона заключается
онъ, что за соблюденіемъ его слѣдуетъ счастье,
несоблюденіемъ несчастіе. Въ особенности при
ншихъ дѣянійхъ средствомъ охранительнымъ слу
етъ или представленіе вѣншей принудительной
и, или представленіе долга.

предметъ законовъ нравственныхъ есть или по
ніе отдѣльныхъ лицъ въ отношеніи ихъ другъ
другу, или поведеніе обществъ въ отношеніи

Institutes of moral philosophy Part 4. Chap. 2. and 3. — ⁽²⁾ Тамъ
же Ch. 3. sect. 13 and 14.

къ ихъ собственнымъ членамъ. Общества въ отношеніяхъ другъ къ другу должны быть раздѣляемы какъ отдѣльныя лица.

Отсюда выводится у Фергюсона раздѣленіе по нравственному ученію на три части: *Правовѣдѣніе*, *Казуистику* и *Политику*. Поступки отдѣльныхъ лицъ, которые повелѣваются или запрещаются подъ угрозою принужденія, составляютъ предметъ *Правовѣдѣнія*. Поступки отдѣльныхъ лицъ, которые человекъ долженъ предпринимать или не предпринимать уваженію къ долгу, составляютъ предметъ *Казуистики*. Дѣйствія обществъ, касающіяся ихъ состава и образа общенія, составляютъ предметъ *Политики*. Разсмотрѣніе Казуистики Фергюсоновой до насъ не принадлежитъ.

§ 372.

Первою и совершенно очевидною истиною въ *нравственномъ* (') Фергюзонъ признаетъ ту, что каждый невинный можетъ защищать себя и каждый имѣетъ силу, можетъ употребить ее на защиту другаго невиннаго лица. Основной законъ нравственности въ самомъ первомъ его приложеніи дѣяній людей есть, по ученію Фергюсона, защитительный: онъ возбраняетъ дѣлать обиды; каждое лицо, имѣя власть защищать себя и своихъ близкихъ, можетъ отражать всякую обиду силою. Каждый предметъ въ состояніи человека, который можетъ быть защищаемъ силою, называется, по слову Фергюсона, правомъ человека. Правовѣдѣніе состоитъ изъ двухъ частей: первая опредѣляетъ права человека; вторая показываетъ способъ ихъ защиты.

Опредѣляя существо правъ, Фергюзонъ дѣлитъ права въ двоякомъ отношеніи: по ихъ предмету и по ихъ происхожденію.—По предметамъ права

(') Тамъ же Part 5.

на личныя и вещественныя. Предметъ первыхъ собственное лице человека, которому они принадлежатъ. Предметъ вторыхъ суть вещи, которыми человекъ можетъ употреблять исключительно.—По происхожденію права дѣлятся на первоначальныя и приобретенныя: первыя суть неизмѣнныя права вѣческой природы; вторыя приобретаются человекомъ посредствомъ занятія вещей, труда, условій другими и въ слѣдствіе ихъ преступленія. Права Фергюзонъ признаетъ въ тоже время и первоначальными правами человека; права вещественныя напротивъ совпадаютъ у него съ правами приобретенными.

Право, по ученію Фергюсона, можетъ быть защищено всеми средствами, какія могутъ быть для того ходимы и действительны. Въ общемъ правъ три: заключается тройное право: во первыхъ, право собственности, которое, будучи нарушено, можетъ быть предостережено; во вторыхъ, наносимая обида можетъ быть возмещена; въ третьихъ, сдѣланный вредъ долженъ быть вознагражденъ. Средствами защиты могутъ быть: сила, хитрость и сила. Законъ защиты не даетъ человеку употреблять средства, которыя безъ нужды могутъ быть употреблены для лица, противъ котораго они употребляются. Право защиты можетъ имѣть мѣсто въ трехъ случаяхъ: во первыхъ, когда отдѣльныя лица предполагаются чуждыми другъ для друга и несоединенными въ гражданское общество; во вторыхъ, въ отношеніяхъ между согражданами; въ третьихъ, въ отношеніяхъ между народами. Когда люди, несоединенные другъ съ другомъ въ гражданское общество, одинъ обижаетъ другаго, то каждый изъ нихъ защищаетъ самъ себя. Сограждане въ обыкновенныхъ случаяхъ должны требовать защиты у правительства. Въ отношеніяхъ между народами дѣйствіе государя, или дѣйствіе лицъ, уполномоченныхъ государемъ, разсматривается какъ дѣйствіе народа. Когда народы защищаютъ нарушаемыя ихъ права силою или хитростію, то они находятся въ состояніи войны. Война справедлива только

въ томъ предположеніи, если намъ угрожаетъ наносится обида. Непосредственный предметъ во есть побѣда. Но хотя по началамъ закона принципа тельнаго человѣкъ всегда можетъ защищать право; однако же, говоритъ Фергюзонъ, по учению долга во многихъ случаяхъ мы обязаны о влять свое право. Для человѣка важнѣе сохранять упражнять свои человеколюбивыя расположенія, сохранить свое состояніе въ какомъ нибудь дру отношеніи. Какъ условные законы общества, такъ законъ человеколюбія позволяютъ иногда въ край необходимости одной сторонѣ нарушать права дру

§ 373.

Въ введеніи въ *Политику* (¹) Фергюзонъ пр всего дѣлаетъ нѣкоторые общія замѣчанія, къ относящіяся. Изъ исторіи рода человеческого, воритъ онъ, видно, что люди всегда дѣйство сонмами и обществами,—что они постигали благо общественное, такъ и частное,—что въ то время, какъ они заботились о своемъ собственн сохраненіи, они устанавливали политическія форм соединили свои силы для общей безопасности. Мы доказать, что самая большая часть мнѣній, навыв и предпріятій у людей происходитъ отъ состо ихъ общества, что люди быдають счастливы по того, какъ они любятъ родъ человѣчскій, что права и обязанности касаются ихъ отношеній другъ другу, и слѣдовательно самый важный пред ихъ попеченій заключается въ ихъ взаимныхъ шеніяхъ и въ состояніи ихъ обществъ.

Вся политика дѣлится у Фергюзона на двѣ Политическую Экономію и Науку законовъ государственныхъ. Предметъ первой составляютъ средства государственнаго могущества, какъ то: народонаселеніе, народное богатство, доходы государственные. Предметъ второй составляютъ государственныя учрежденія

(¹) Тамъ же Part 7.

Системы сообразности дѣлній съ предметами.

§ 374.

Начало самолюбія и начало доброжелательства вываются на двухъ практическихъ потребностяхъ цѣли и воли, и потому въ собственномъ смыслѣ могутъ быть названы началами практическими. Но послѣ того, какъ въ слѣдъ за первымъ стало виваться второе начало, явилась въ Англіи система воученія, имѣвшая своимъ основаніемъ теоретическую потребность истины для разума. Первый, начившій эту систему, былъ *Самуилъ Кларкъ*. ершенно раскрыта она была *Уолластономъ*.

I. *Самуилъ Кларкъ*.

§ 375.

съ вещи, по ученію Самуила Кларка (¹), на основіи неизмѣнныя, вѣчныхъ законовъ Творца имѣють о определенную природу и свое определенное ией отношеніе, въ слѣдствіе котораго онъ, какъ былъ порознь, такъ и рассматриваемыя въ ихъ мномъ вліяніи другъ на друга, находятся въ насіи съ цѣлымъ міромъ. Эта опредѣленная природа вещей и эти опредѣленные ихъ отношенія, по которыхъ есть гармонія міра, составляютъ ихъ годность (the fitness). Каждая вещь имѣетъ свои вы, которыми она дѣйствуетъ или можетъ дѣй вать на другія вещи. Въ тоже время каждая въ имѣетъ въ извѣстной степени способность при-

Самуилъ Кларкъ род. въ 1675 г., ум. въ 1729. Изъ его сочиненій для нашего предмета особенно важно: *Sam. Clarke Discourse concerning the unchangeable obligation of natural religion.* Lond. 1708.

нимать впечатлѣнія отъ дѣйствія другихъ вещей въ слѣдствіе того измѣняться, доколь она совсѣмъ разрушится. Такимъ же образомъ человекъ имѣетъ свою определенную природу, свою определенную и свое определенное отношеніе къ предметамъ, его окружающимъ. Какъ разумное существо, онъ есть властитель тварей неразумныхъ и свободный дѣйствовать въ кругу разумныхъ существъ. И такъ онъ гармонируетъ только тогда со всѣмъ міромъ и исполняетъ волю Божію, когда онъ съ своей стороны наблюдаетъ пригодность, какой требуетъ его природа и его отношеніе къ вещамъ. Отсюда вытекаетъ слѣдующее начало нравственной дѣятельности: поступай съ живыми существами, чувствующими и разумными существами такъ, какъ этого требуетъ согласіе въ цѣломъ мірѣ. И такъ, напримѣръ, обращай съ деревомъ сообразно его природѣ, извлекая изъ него всю возможную пользу, — способствуя его возрастанію, отвращай или уменьшай вредъ его другимъ растеніямъ, болѣе, можетъ быть, полезнымъ пользоваться его плодами, но не порти и не истощай его безъ нужды. На животныхъ неразумныхъ смотри какъ на тварей, которыя способны чувствовать пріятное и непріятное, употребляй ихъ, къ чему можешь ихъ употреблять согласно съ разумомъ, убивай ихъ для твоей пищи, или для того, чтобы отвратить вредъ, какой бы они могли причинить, но не мучь ихъ безъ нужды, доставляй имъ пропитаніе и ухаживай за ними, если они приносятъ тебѣ пользу. Почитай другихъ людей тебѣ равными, стоишь въ такомъ же отношеніи къ цѣлому міру, въ какомъ самъ ты стоишь. Не принуждай ихъ къ чему нибудь противъ ихъ воли, какъ и ты хочешь быть къ чему нибудь принуждаемъ противъ твоей воли. Слѣдовательно уважай ихъ права, исполняй по отношенію къ нимъ обязанности чести, вѣколюбія и справедливости, какъ ты самъ желаешь, чтобы они исполняли сии обязанности по отношенію къ тебѣ. Какъ разнообразна природа вещей и отношенія ихъ другъ къ другу и человеку, такъ разнообразны обязанности человека къ нимъ. По раз-

ношеній между людьми, возникаютъ и различныя обязанности. Такъ между людьми существуютъ отношенія большей или меньшей близости ихъ другъ къ другу: родственникъ мнѣ ближе, чѣмъ другъ; другъ ближе, чѣмъ согражданинъ; согражданинъ ближе, чѣмъ иностранецъ. Другое отношеніе есть отношеніе сходства: люди сходные другъ съ другомъ по мыслямъ и чувствованіямъ, люди, которые имѣютъ одинаковыя занятія, отправляютъ одинаковыя должности, люди однихъ лѣтъ, должны наблюдать въ дѣлѣ этого ихъ сходства нѣкоторыя обязанности отношенію другъ къ другу. Еще болѣе люди различаются между собою взаимными потребностями: бѣдный, ученый, сильный, знатный имѣютъ нѣкоторыя обязанности въ разсужденіи бѣдныхъ, немощныхъ, безсильныхъ, незнатныхъ. И такъ, по словамъ Самуила Кларка, человекъ можетъ быть названъ добродѣтельнымъ, когда всѣ его дѣйствія соответствуютъ въ точности естественному отношенію, въ которомъ онъ находится къ вещамъ и къ другимъ разумнымъ существамъ своего рода, — когда онъ, сколько отъ него зависитъ, наблюдаетъ и осуществляетъ назначеніе каждой вещи во всеобщей гармоніи міра. Въ противномъ случаѣ человека надобно считать порочнымъ.

II. Уолластонъ.

§ 376.

Согласіе нашихъ представленій съ предметами и характеръ истины. Тогда, какъ Самуилъ Кларкъ занимается на этомъ характеръ истины, Уолластонъ⁽¹⁾ дѣлаетъ самую истину началомъ нравственныхъ дѣяній.

⁽¹⁾ Уолластонъ род. въ 1659 г., ум. въ 1724. Его сочиненіе, важное для насъ, подъ заглавіемъ: *W. Wollaston the religion of nature delineated* (черты естественной религіи), — вышло въ первый разъ въ 1722 г. въ небольшомъ числѣ экземпляровъ; потомъ оно отпечатано Lond. 1724.

§ 377.

Добрымъ дѣланіемъ Уоластонъ называетъ то, которое выражаетъ собою истинное положеніе. Истинно по его мнѣнію, выше всего для человѣка. Познавая ее и дѣлательно изображать въ своихъ рѣчахъ и поступкахъ есть послѣдняя цѣль человѣка. Способность познавать истину дѣлаетъ человѣка разумнымъ существомъ; способность выражать ее въ своихъ поступкахъ дѣлаетъ его существомъ нравственнымъ. Какъ человѣкъ выражаетъ свои мысли словами, такъ онъ можетъ ихъ выражать и поступкомъ дѣланій. Каждое безъ исключенія дѣланіе выражаетъ извѣстное положеніе, и въ истиннѣ или несправедливости этого положенія заключается нравственность или безнравственность дѣланія. Если я мучу животное, то я выражаю слѣдующее положеніе: я почитаю это животное существомъ не разумнымъ чувствованіемъ, и для того поступаю съ нимъ какъ съ своимъ столомъ или съ камнемъ. Если я дѣлаю человѣка рабомъ; то я выражаю слѣдующее положеніе: этотъ человѣкъ есть неразумное существо, которое я могу употребить безъ его согласія въ своихъ частныхъ цѣляхъ, какъ лошадь или вѣло. Если я дѣйствую несправедливо, то я объявляю, что я не почитаю себя членомъ человѣческаго общества ⁽¹⁾.

§ 378.

Слѣдуя своему нравственному началу, Уоластонъ долженъ былъ только обратить вниманіе на особую природу различныхъ предметовъ, къ которымъ можетъ относиться дѣлательность человѣка, и опредѣлить различныя его обязанности. Такимъ образомъ онъ действительно выводилъ изъ своего общаго начала обязанности человѣка къ Богу,

(1) The religion of nature delineated. Section. I.

къ другимъ людямъ и къ себѣ самому. Какъ природу каждой вещи могутъ составлять различныя качества, такъ каждая вещь можетъ быть разсматриваема въ различныхъ отношеніяхъ: то выведеніе обязанностей изъ него дѣлается отъ того съ одной стороны обыкновенно разнороднымъ, съ другой—случайнымъ и неопредѣленнымъ. Одна и таже обязанность выводится изъ различныхъ основаній, хотя, основываясь на однихъ причинахъ, разсматривая предметъ съ другой точки зрѣнія, можно бы иногда дойти до иныхъ слѣдствій.

§ 379.

По отношенію къ предметамъ, входящимъ непосредственно въ кругъ Философіи Законодательства, Уоластонъ излагаетъ: 1) истины, какъ онъ говоритъ, относящіяся къ обществу въ общемъ и предшествующія всѣмъ чловѣческимъ законамъ; 2) истины, относящіяся къ обществамъ гражданскимъ; 3) истины, относящіяся къ союзу семейственному и родственному.

§ 380.

По отношенію къ роду чловѣческому вообще ⁽¹⁾ Уоластонъ предлагаетъ слѣдующія истины, предшествующія, по его словамъ, всѣмъ законамъ чловѣческимъ:

1. Каждый человѣкъ имѣетъ внутри себя самого общее начало, которое отличаетъ его отъ всѣхъ другихъ людей, такъ что онъ можетъ имѣть свою собственную собственность.

2. Есть множество предметовъ, къ которымъ человѣкъ имѣетъ, или можетъ имѣть, если не случится извѣстнаго въ его положеніи въ слѣдствіе его добро-

(1) Тамъ же Section VI.

вольнаго подчиненія, какого нибудь договора, и другого подобнаго обязательства, столь естественнаго и столь близкое отношеніе, что онъ одинъ изъ всѣхъ людей можетъ называть ихъ истинно своими. Жизнь членовъ и т. д. лица А принадлежатъ ему такъ точно, какъ принадлежитъ ему собственная его природа: невозможно лицу Б и никому другому видеть его глазами, слышать его ушами и т. д.—Еще болѣе трудъ лица А есть трудъ этого лица, а не другого: по сему трудъ его принадлежитъ ему такъ же существенно, какъ принадлежатъ ему органы его способности, которыя онъ употребляетъ во время труда. Далѣе, дѣйствіе, или произведеніе труда лица А не есть дѣйствіе труда другого: по этому дѣйствіе принадлежитъ первому, а не второму. Наконецъ есть много вещей, которыя извѣстное лицо можетъ называть своими въ такомъ смыслѣ и такимъ причинамъ, которыя относятся къ не одному.

3. Все, что противно всеобщему миру и благаго рода человѣческаго, противно и законъ человеческой природы, потому что счастье состоитъ въ цѣли каждаго общества, а следовательно въ общаго союза рода человѣческаго. Говорить, что дѣйствіе, которое доставляетъ удовольствіе одному лицу и вредитъ всѣмъ другимъ лицамъ, имѣющимъ одинакую съ нимъ природу, есть истинный законъ природы, значило бы противорѣчить самому, и это противорѣчіе будетъ тѣмъ болѣе чѣмъ болѣе удовольствія, о которыхъ идетъ рѣчь, недостойны человеческой природы, а свойственны только неразумнымъ животнымъ. Какъ милліоны людей болѣе значить, чѣмъ одинъ человѣкъ; такъ надобно, устанавливая законы человеческой природы и опредѣляя, что должно или не должно быть, обращать въ милліонъ разъ болѣе вниманія на это милліонъ людей, чѣмъ на одного человѣка, потому что здѣсь мы разсматриваемъ людей, просто какъ людей. Предположимъ правило, которое было бы вообще полезно для блага міра, если бы во

и сообразовались съ нимъ въ своемъ поведеніи; да ихъ поведеніе было бы согласно съ природою и положеніемъ всего рода человѣческаго. Предположимъ далѣе, что всѣ люди уклонились бы отъ этого правила; что было бы послѣдствіемъ такого всеобщаго уклоненія? безъ сомнѣнія, всеобщее зло, т. е. противное нашей природѣ и нашему положенію. Поэтому самому нарушеніе такого закона и однимъ изъ первыхъ будетъ зломъ. Нарушитель закона содѣлаетъ, сколько отъ него зависитъ, увеличенію общаго безпорядка и всеобщаго бѣдствія, и съ этой стороны отвергаетъ, что состояніе людей таково, каково оно есть, что общественное счастье состоитъ въ томъ, въ чемъ оно состоитъ, и что это правило то, чѣмъ оно есть дѣйствительно.

Все, что согласно или несогласно съ разумомъ одного человѣка по отношенію къ другому, не есть также разумно или неразумно въ этомъ отношеніи по отношенію къ первому, если бы обязательства перемѣнились въ противоположную сторону, тому что истина всеобща. Отсюда слѣдуетъ, что самый лучшій способъ узнать, хорошъ или дуренъ истинный поступокъ нашъ въ отношеніи къ другимъ, состоитъ въ томъ, чтобы перенести себя на мѣсто и потомъ смотрѣть, каковъ былъ бы онъ въ отношеніи къ намъ самимъ, еслибъ мы были на мѣстѣ.

Въ состояніи чисто естественномъ всѣ люди имѣютъ одинаковыя права, потому что каждый изъ насъ есть такой же человѣкъ, какъ и другой.

Никто не имѣетъ права нарушать счастья другихъ.

Хотя никто не имѣетъ права препятствовать счастью другихъ или вредить имъ; однакоже всякой человѣкъ имѣетъ право защищать себя и все, ему принадлежащее, отъ напастей, требовать возвращенія того, что у него отнято силою, и для того упо-

треблять съ своей стороны даже силу, пользу всеми средствами, согласными съ истинною и благоуразуміемъ.

Изъ сихъ положеній Уолластонъ выводитъ пріобрѣтеніе на вещи, которыми онъ первый овладѣлъ, существо собственности и наконецъ несовмѣстность съ истинною несправедливости, нечувствительности и жестокосердія.

§ 381.

По отношенію къ гражданскимъ обществамъ Уолластонъ представляетъ слѣдующія положенія:

1. Человѣкъ есть животное общежителное.
2. Благо и общая выгода соединенныхъ лицъ есть цѣль общества.
3. Учрежденіе общества предполагаетъ принятіе людьми нѣкоторыхъ законовъ, по коимъ они обязываются жить, предоставляя себѣ право дѣлать по мере потребности прибавленія и перемѣны въ принятыхъ первоначально постановленіяхъ.
4. Законы и общественныя установленія не должны противорѣчить началамъ естественной справедливости.
5. Общество, ограниченное такимъ образомъ законами, предполагаетъ существованіе нѣкоторой власти.
6. Чтобъ пріобрѣсть защиту отъ законовъ и насладиться выгодами благоустроеннаго общества, человѣкъ можетъ отказаться отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ естественныхъ правъ и подчинить себя

(¹) Тамъ же Section VII.

обществу законовъ и людей, призванныхъ исполнять законы.

Люди могутъ сдѣлаться членами общества, являя на то свое согласіе явно или молча.

Общества могутъ защищать себя противъ другихъ обществъ.

§ 382.

Наконецъ по отношенію къ союзамъ семейственнымъ и родственнымъ (¹) Уолластонъ принимаетъ слѣдующія истины:

1. Относительно супружескаго союза. Распространеніе рода человѣческаго и естественное счастье — цѣль союза супружескаго. Въ слѣдствіе брака, мужъ и жена обязываются жить вмѣстѣ, любить другъ друга, помогать себѣ взаимно, доколы смерть не раздѣлитъ. Тѣснѣйшее соединеніе супруговъ, въ силу коего они дѣлаются взаимно членами другъ друга, соединеніе имуществъ въ одно цѣлое, общее отношеніе ихъ къ дѣтямъ, — служатъ средствами, скрѣпляющими узы и зачатства брачнаго союза. Супруги должны уважать другъ на друга, какъ на лица равныя, потому что оба они управляются разумомъ. Но какъ мужъ обыкновенно имѣетъ болѣе разсудка, болѣе напій, болѣе опытности; то жена обязана оказывать ему послушаніе и быть ему покорною.
2. Относительно союза родителей и дѣтей. Родители обязаны надлежащимъ образомъ воспитывать своихъ дѣтей и имѣть всевозможное объ нихъ попеченіе, стараться доставить имъ средства къ честной жизни, и всегда быть въ готовности помогать

Тамъ же Section VIII.

имъ. Для этой цѣли родители получаютъ отъ самой природы известную власть надъ своими дѣтьми. Напротивъ дѣти должны почитать своихъ родителей, какъ непосредственныхъ виновниковъ своего бытія, оказывать имъ покорность, признательность, уваженіе и любовь.

3. Относительно союза родственнаго. Родственники должны оказывать взаимно другъ другу любовь и расположеніе, впрочемъ не выходя изъ предѣловъ предписываемыхъ разумомъ. По мѣрѣ близости родственства любовь между родственниками должна возрастать, по мѣрѣ отдаленія—ослабѣвать.

Г. Система безусловнаго одобренія или неодобренія разумомъ дѣяній.

§ 383.

Истина, выраженія которой въ дѣяніяхъ хочешь уластонъ, постигается разумомъ. По чему разумъ непосредственно и дѣлается началомъ нравственнаго у Приса ⁽¹⁾, который почитаетъ его источникомъ особенныхъ познаній, различныхъ отъ тѣхъ, какіе пріобрѣтаются чувствами.

Въ системахъ самолюбія, доброжелательства другимъ людямъ и сообразности дѣяній съ предѣлами добродѣтели представляется не цѣлю сама себѣ, а средствомъ; она познается не изъ ней сама, а изъ чего нибудь другаго. Покушеніе, по не болѣе, какъ покушеніе, исправить этотъ недостатокъ и дѣлающаго нравственности самостоятельное достоинство, мы видимъ у Приса. По ученію его, понятія добра и зла имѣютъ свое начало въ разумѣ, и существенно раз-

(1) Rich. Price род. въ 1723 г., ум. въ 1791. Его сочиненіе, замѣтливое для насъ, есть: Review of the principal questions and difficulties in Moral etc. (Обзоръ главныхъ вопросовъ и затрудненій въ морали). London. 1758. 8.—III. edit. Lond. 1785.

ны отъ понятій изящнаго, пристойнаго, приличнаго и противоположныхъ имъ. Понятія добра и зла не такъ, какъ понятія изящнаго, приличнаго, пристойнаго и противоположныя имъ,—суть простыя понятія и не могутъ быть разложены на какія нибудь другія. Добро безусловно нами одобряется, зло безусловно порицается. Есть, говорить Присъ, безъ всякаго сомнѣнія, дѣянія, которыя безусловно одобряются нами, такъ что для оправданія ихъ не нужно никакого основанія, да и не можетъ быть приложено какое нибудь; равнымъ образомъ, есть цѣли, которыя безусловно желаются, безъ всякаго дальнѣйшаго побужденія. Еслибъ это не было такъ, то жизнь бы существовать безконечный рядъ основаній и цѣлей другъ другу подчиненныхъ, и ничего было бы, что бы можно было желать или одобрять условнымъ образомъ. Впрочемъ система безусловнаго одобренія или неодобренія разумомъ дѣяній, была развита Англичанами во всѣхъ ея послѣдствіяхъ, и въ особенности, она не сопровождалась въ Англіи никакими частными философическими изысканіями о законодательствѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Французско-Нѣмецкая умозрительная Философія, основанная Декартомъ.

§ 384.

Не много времени спустя послѣ того, какъ въ нѣмцѣ были положены были Бакономъ основанія опытной философіи, Декартъ ⁽¹⁾ положилъ во Франціи основанія Философіи умозрительной, распространившейся особенно въ Германіи. Самъ Декартъ мало занимался предметами нравственнаго содержанія, а занимался предметами законодательства. Но въ раз-

Род. въ 1596 г., ум. въ 1650.

ныхъ его мысляхъ, сюда относящихся, заключае- зародышъ тѣхъ понятій и направленій, которые послѣдствіи времени образовались въ его школѣ отношенію къ предметамъ нравственности и законодательства. По сему ученію самого Декарта пред- всего должно обратить на себя наше вниманіе.

§ 385.

Предпріятіемъ Декарта было возвысить Филосо- на степень науки совершенно очевидной. Этому надѣялся достигнуть, употребляя въ Филосо- методъ геометрической. Начавши свое размышле- всеобщимъ сомнѣніемъ, онъ на первый разъ на- дилъ несомнительнымъ только бытіе собствен- души: я мыслю, говорилъ онъ, слѣдовательно существую (*cogito, ergo sum*). Душѣ, какъ существу мыслящему, по его словамъ, противостоятъ тѣ имѣющія свою отличительную чертою протяженіе. Но кромѣ того душа находитъ въ себѣ идею ду- наго совершеннѣйшаго существа, котораго перв- принадлежитъ составленіе бытіе. Слѣдовательно заключаетъ Декартъ, есть дѣйствительно такое с- щество, которое мы называемъ Богомъ. Богъ, к- существо безконечное, по ученію Декарта, с- Творецъ вселенныя, которая также безконечна. вещественныя и мыслящія существа, изъ которыхъ она состоитъ, несовершенны, конечны; по чему продолженія ихъ существованія, по мнѣнію Декар- необходимо непрерывное вспоможеніе или содѣйствіе Божіе (*assistentia s. concursus*).

Признавая Бога существомъ всемогущимъ, с- котораго всѣ вещи зависятъ не только въ ихъ про- исхожденіи, но и въ продолженіи ихъ бытія, ко- рымъ все предуставлено и воля котораго никто можетъ противиться, Декартъ хотя не видѣлъ с- себя согласить съ Божественнымъ всемогуществомъ человеческой свободы, однакоже, слѣдуя внутр-

у убжденію и сознанію каждаго человѣка, онъ принималъ ея существованіе несомнѣннымъ ⁽¹⁾.

Верховнымъ благомъ человѣка, достижимымъ для воли, Декартъ почитаетъ постоянное хотѣніе дѣствовать правильнымъ образомъ и протекющее отсюда душевное спокойствіе. Последнее есть для Декарта собственною цѣлію: но эта цѣль достигается только посредствомъ перваго. Дѣйствовать правиль- нымъ образомъ значить, по ученію Декарта, дѣй- вовать сообразно познанію истины, приобрѣтенному разумомъ, независимо отъ страсти ⁽²⁾. Декартъ одитъ немного людей совершенно слабыхъ, которые всегда увлекаются мгновенными внушеніями тоящей ихъ страсти; большая часть обыкновенно руководствуется въ своихъ поступкахъ опредѣлен- ными сужденіями. Но часто эти сужденія бывають нны и имѣють свое основаніе въ какихъ нибудь астяхъ, которымъ воля попустила некогда возоб- ать надъ собою. Почему, какъ скоро заблужде- откроется, человѣкъ необходимо долженъ будетъ каиваться въ своихъ поступкахъ. Напротивъ, дуя истиннымъ началомъ, человѣкъ никогда не етъ имѣть нужды сожалѣть о томъ, что имѣ сдѣ- ло. На семъ основаніи только дѣйствованіе, осно- ное на познаніи истины разумомъ, можетъ быть, мнѣнію Декарта, признано сообразнымъ съ поня- нымъ о верховномъ добрѣ человѣка ⁽³⁾. Разумъ, равяя нашею жизнію, имѣетъ своимъ назначе- нымъ—безъ страсти испытывать цѣну всѣхъ совер- шествъ, которые могутъ быть приобрѣтены нашими вѣнныи, какъ тѣлесныхъ, такъ и душевныхъ, оь мы, находясь по большей части въ необхо- мости отказываться отъ нѣкоторыхъ, дабы насла- ться другими, могли всегда выбирать изъ нихъ ныя лучшія. Какъ тѣлесныя совершенства при- дежать къ нижшему разряду, то, по словамъ

Renati Des-Cartes epistolæ. Pars I. Amstelodami. 1682. epist. 8. et 9. — (2) Тамъ же epist. 1. — (3) Renati Des-Cartes tractatus de passionibus animæ Pars I. artic. 49.

Декарта, вообще можно и безъ нихъ сдѣлать счастливымъ. Впрочемъ Декартъ не думаетъ, что ихъ должно было презирать, или чтобъ человекъ долженъ былъ стараться сдѣлать себя совершенно безстрастнымъ. Довольно, если человекъ покоритъ свои страсти разуму; бывъ укрощены такимъ образомъ, онѣ дѣлаются иногда тѣмъ полезнѣе, чѣмъ онѣ сильнѣе ⁽¹⁾. Но Декартъ увѣренъ также, что человекъ можетъ приобрести даже совершенную свободу надъ своими страстями ⁽²⁾.

Важнѣйшее мѣсто въ нравственномъ ученіи Декарта занимаетъ понятіе любви. Онъ различаетъ два рода ея: любовь разумную и любовь страстную. Дѣйствіе любви, по его словамъ, вообще состоитъ въ томъ, что мы разсматриваемъ себя какъ объектъ цѣлаго съ предметомъ нашей любви, составляя тогда известную часть этого цѣлаго, такъ, что попеченіе, которое мы обыкновенно прилагаемъ только къ самимъ себѣ, мы обращаемъ на сохраненіе этого цѣлаго, употребляя на себя самихъ болѣе или менѣе заботы, смотря по тому, какую часть цѣлаго мы составляемъ. Высочайшій предметъ любви для человека есть Богъ, какъ существо совершеннѣйшее. За нимъ слѣдуютъ другія существа ⁽³⁾. Хотя, по учению Декарта, каждый изъ насъ есть особое лицо, связанное по своимъ дѣламъ съ прочимъ міромъ, однакоже никто изъ насъ не можетъ существовать одинъ самъ собою, и мы составляемъ одну изъ частей вселенной, и преимущественно одну изъ частей земли, именно часть того государства, общества, семейства, съ которымъ мы соединены живительными, клятвами, рожденіемъ. Но благо цѣлаго, котораго часть мы составляемъ, мы должны предпочитать нашему частному благу. Впрочемъ, по словамъ Декарта, мы должны соблюдать при семъ надлежащую мѣру и правила благоразумія: безразсудно

⁽¹⁾ Epist. Pars I. epist. 6. — ⁽²⁾ Tractatus de passionibus animae art. 50 — ⁽³⁾ Тамъ же epist. 35.

бы подвергаться большому злу для того, чтобъ получить неважную выгоду родственникамъ или друзьямъ; равнымъ образомъ нѣтъ причины, почему человекъ, который превосходитъ одинъ самъ по себѣ всѣхъ прочихъ членовъ своего общества, сталъ бы упустить его благоденствіе своею погибелю. Но и кто между тѣмъ все будетъ относить къ своей личной пользѣ, то онъ не побойтся причинить другимъ людямъ самый большой вредъ, въ надеждѣ получить незначительную выгоду, и когда каждый будетъ дѣйствовать, то между людьми совершенно уничтожится истинная дружба, довѣріе и уваженіе. Напротивъ, если человекъ смотритъ на себя какъ на часть общества, то ему приятно доставлять всѣмъ другимъ пользу; въ случаѣ же когда онъ даже не откажется подвергнуть опасности свою, для блага другихъ. Самое благоразуміе, по учению Декарта, предписываетъ людямъ заботиться о своихъ только частныхъ выгодахъ, но услуживать другимъ и стараться быть имъ, сколько возможно, полезными. Люди услужливые сами получаютъ отъ другихъ, и даже отъ тѣхъ, которымъ они когда не имѣли случая быть полезными, множество пользы, которыхъ они не получили бы, еслибы не были сами услужливы. Общественные законы, которые все направлены къ тому, чтобъ мы взаимно доставляли другъ другу пользу, или по крайней мѣрѣ не вредили другъ другу, такъ хорошо устроены, что каждый, кто станетъ искренно соблюдать ихъ, не только будетъ жить гораздо счастливѣе и безопаснѣе того, кто захотѣлъ бы другимъ путемъ достигнуть своего счастья. Впрочемъ Декартъ почитаетъ труднымъ сдѣлать, въ какой мѣрѣ разумъ предписываетъ заботиться о благахъ общественномъ. Но, по словамъ его, и не надобно быть слишкомъ мнительнымъ въ этомъ отношеніи; довольно, если человекъ удовлетворенъ своей совѣсти. Во многомъ, говоритъ Декартъ, можно здѣсь слѣдовать своей склонности. Но такъ устроилъ всѣ вещи, и связалъ людей въ общественное общество, что хотя бы кто нибудь не все относить къ себѣ самому, нимало не будучи

движимъ любовію къ другимъ, однакоже, если благоразумнѣе, то обыкновенно онъ будетъ оказывать по возможности свою помощь другимъ, а особенно когда онъ живетъ въ такомъ вѣкѣ, въ которомъ процвѣтаютъ непорочныя нравы ⁽¹⁾.

§ 386.

Мысли Декарта о предметахъ нравственныхъ служили основаніемъ для особенной Философской Системы, раскрывшейся преимущественно въ Германіи въ двухъ системахъ. Одна система ограничиваетъ предписанія закона естественными цѣлями настоящей жизни; другая имѣетъ въ виду цѣли всей жизни человѣческой.

А. Система, ограничивающая предписанія закона естественнаго цѣлями настоящей жизни.

§ 387.

Цѣлями одной настоящей жизни ограничиваются предписанія закона естественнаго: *Пуфендорфъ* и *Томазий*.

І. Пуфендорфъ.

§ 388.

Пуфендорфъ ⁽²⁾ въ несовершенномъ видѣ представилъ уже свою систему въ *Началахъ всеобщаго законоустройства* ⁽³⁾. Воинъ и въ усовершенствованномъ видѣ онъ изложилъ ее въ сочиненіи: *О*

⁽¹⁾ Тамъ же epist. 7. 8. et 10. — ⁽²⁾ Род. въ 1632 г., ум. въ 1694. — ⁽³⁾ *Sam. Pufendorf Elementa jurisprudentiae universalis* Com. 1660.

естественномъ и народномъ ⁽¹⁾. Самимъ Пуфендорфомъ сдѣлано отсюда извлеченіе и издано подъ заглавіемъ: *О должностяхъ челоѣка и гражданина* ⁽²⁾. Свѣдѣнія о должностяхъ, отчетливости и правильности изложено оно беретъ верхъ надъ большимъ твореніемъ, сему для насъ будетъ служить главнымъ руководствомъ при изложеніи мыслей Пуфендорфа.

§ 389.

Изъ всѣхъ частей Философіи Пуфендорфомъ тщательно была обрабатываема та, которая занимается разсмотрѣніемъ законовъ челоѣческой воли. Въ воспитаніи въ началахъ Декартовой Философіи, онъ хотѣлъ сдѣлать Нравоученіе наукою столь же достоверною и очевидною, сколь достоверна и очевидна Математика ⁽³⁾. Мысли Декартовы о выгодахъ для людей отъ взаимной ихъ услужливости и необходимости для каждаго изъ нихъ помощи другіхъ составили основаніе для нравственнаго ученія Пуфендорфа. Но имѣя на своемъ поприщѣ знаменитыхъ предшественниковъ въ Гроціи и Гоббсѣ, онъ много заимствовалъ отъ обоихъ писателей; отъ послѣдняго въ особенности были заимствованы имъ основныя начала законовъ государственныхъ.

§ 390.

Схожденію тремъ источникамъ, изъ которыхъ люди черпаютъ познаніе о своихъ обязанностяхъ, Пуфендорфъ раздѣляетъ ученіе о должностяхъ челоѣче-

De jure naturae et gentium libri VIII. Land. 1672. — *Francos.* 1684. 4. — *Cum notis Hertii, Barbeyracii et Mascovii.* *Francos.* et *Lips.* 1744. — Французскій преносходный переводъ Барбейраковъ вышелъ въ первый разъ *Amsterd.* 1706; 4 изд. *Basel.* 1732. II. voll. 4. — ⁽²⁾ *De officio hominis et civis libri II.* *Land.* 1673. 8. — *Cum notis variorum Lugd. Batav.* 1769. II. voll. 8. — Французскій переводъ сдѣланъ Барбейракомъ и вышелъ въ *Amsterd.* 1707. — ⁽³⁾ *De I. N. et G. Lib. I. cap. 2.*

скихъ на Право Естественное, Право Гражданское и Нравственное Богословіе. Источникомъ познания для первой науки есть, по словамъ Пуфендорфа, разумъ (свѣтъ природы), для второй—законы политические, для третьей—Священное Писаніе (и Божественное Откровеніе); въ первой опредѣляются самыя общія обязанности человека и гражданина, во второй—обязанности члена извѣстнаго гражданского общества, въ третьей—обязанности Христіанина. Различіе между Правомъ Естественнымъ и Нравственнымъ Богословіемъ, въ особенности, по мнѣнію Пуфендорфа, состоитъ въ томъ, что 1) цѣль Права Естественнаго ограничивается предѣлами настоящей жизни, оно имѣетъ въ виду только образовать человека къ общежитію, чтобъ онъ могъ жить въ обществѣ подобными себѣ; напротивъ Богословіе Нравственное смотритъ на жизнь будущую, небесную, и для того хочетъ образовать Христіанина. 2) Право Естественное большею частію занимается устроеніемъ внѣшнихъ дѣйствій человека; Богословіе Нравственное не довольствуясь симъ, старается преимущественно о томъ, чтобъ самое сердце и всѣ внутреннія движенія сообразны были съ волею Божественною. 3) Право Естественное разсматриваетъ человека, какъ онъ есть въ настоящемъ его положеніи, его различными страстями и порочными наклонностями; напротивъ Нравственное Богословіе имѣетъ въ виду первоначальную, неиспорченную природу человека, какъ она была въ состояніи невинности. Разумъ, оставленный себѣ самому, не можетъ знать, что человекъ самъ виною своего настоящаго безнравственнаго положенія и своей преклонности ко злу. По этому Пуфендорфъ почитаетъ невозможнымъ выводить въ Наукѣ Права Естественнаго обязанности человека изъ состоянія невинности, хотя, по его словамъ, существо обязанностей человека въ состояніи невинности и въ состояніи непорочности одинаково; различіе же между обязанностями одного и другого состоянія заключается въ томъ, что въ различіи приложеніи общихъ правилъ къ частнымъ случаямъ, такъ какъ въ состояніи невинности

бы установленій и отношеній, какія нынѣ существуютъ, или бы совсѣмъ не существовало, или бы существовали въ другомъ видѣ (1).

§ 391.

Бытіе и существо всѣхъ нравственныхъ предметовъ Пуфендорфъ производитъ изъ установленія Божественнаго или человѣческаго. Воля Божественная или воля человѣческая устанавливаетъ между людьми извѣстныя права и обязанности. Та же воля поддерживаетъ сіи права и обязанности въ ихъ силѣ: они существуютъ только до тѣхъ поръ, до тѣхъ поръ, пока воля, ихъ установившая, хочетъ, чтобъ они существовали (2).

Воля даетъ бытіе нравственнымъ предметамъ посредствомъ законовъ, ею устанавливаемыхъ. По приращенію прежнихъ писателей Пуфендорфъ раздѣляетъ законы на Божескіе и человѣческіе; законъ Божескій дѣлится у него на законъ откровенный и законъ естественный (3).

§ 392.

Разсматривая человѣческія дѣянія въ ихъ отношеніи къ закону и различнымъ его видамъ, Пуфендорфъ производитъ отсюда и объясняетъ понятія нравственной доброты дѣяній, правды, обязанностей естественныхъ и привходящихъ, правъ совершенныхъ и несовершенныхъ, и наконецъ понятіе справедливости.

Дѣяніями нравственно-добрыми Пуфендорфъ называетъ согласныя съ закономъ, нравственно-худыми—не согласныя съ нимъ, наконецъ позволительными—о которыхъ законъ ни въ ту, ни въ другую сторону

De off. hom. et civ. praef. § 4—14. — (2) De I. N. et G. Lib. I, cap. 1. — (3) De off. hom. et civ. lib. I, cap. 2. § 16.

рону ничего не постановляетъ. Впрочемъ, по замечанію Пуфендорфа, въ гражданской жизни, гдѣ не всего опредѣлить съ точностію, называются позитивными и такія дѣянія, за которыя не назначено человеческого наказанія, хотя сами въ себѣ они согласны съ правилами естественной честности.

Праведными называются, по словамъ Пуфендорфа, иногда лица, иногда дѣянія. Правда, какъ принадлежность лица, есть постоянная и всегдашняя обязанность отдавать каждому свое. Праведнымъ называется дѣяніе, съ намѣреніемъ предпринимаемое, посредствомъ котораго воздается кому нибудь то, что принадлежитъ ему. Праведность дѣяній, по мнѣнію Пуфендорфа, отличается отъ доброты особенно тѣмъ, что доброта означаетъ просто согласіе дѣяній съ законами, а правда сверхъ того заключаетъ въ себѣ указаніе на людей, по отношенію къ коимъ совершаются праведныя дѣйствія.

Слѣдуя обыкновенному раздѣленію, Пуфендорфъ раздѣляетъ правду на правду всеобщую и правду особенную. Правдою всеобщею называется исполненіе всѣхъ вообще обязанностей по отношенію другимъ, даже и такихъ, къ исполненію которыхъ обязаный не можетъ быть принужденъ силою и судебнымъ искомъ. Правдою особенною называется исполненіе такихъ обязанностей, къ выполненію которыхъ обязаный можетъ быть принужденъ силою или искомъ судебнымъ. Право человека въ первомъ случаѣ Пуфендорфъ называетъ правомъ несовершеннымъ, право его во второмъ случаѣ совершеннымъ: (1).

Естественная обязанность, по ученію Пуфендорфа, вытекаетъ прямо и непосредственно изъ природы человека. Обязанность приходящая есть та, котор

возникаетъ для человека въ слѣдствіе его дѣяній по собственному его согласію. Какъ обязанностямъ, по одному лицѣ соответствуютъ права въ другомъ, въ этомъ раздѣленіи обязанностей скрывается основаніе для раздѣленія всѣхъ правъ на права врожденныя и пріобрѣтенныя, не высказаннаго, но явнымъ образомъ ясно Пуфендорфомъ (1).

Въ опредѣленіи справедливости (aequitas) Пуфендорфъ совершенно слѣдуетъ Аристотелю (2).

§ 393.

Чтобъ опредѣлить существо и основаніе закона естественнаго Пуфендорфъ разсматриваетъ природу человека. Подобно прочимъ животнымъ, человекъ то болѣе любитъ себя самого, — старается сохранить себя всѣми возможными средствами, ищетъ то, что представляется ему добромъ, и отвращается отъ зла. Но изъ другихъ животныхъ едва ли какое-нибудь рождается столько слабымъ, сколько человекъ: бываетъ слабъ отъ рожденія. Люди рождаются безсильны, что надлежало бы почестъ чудомъ, да бы кто изъ нихъ могъ вырасти безъ помощи другихъ. Если и нынѣ, послѣ того, какъ изобрѣтено множество разныхъ пособій для удовлетворенія потребностей человеческимъ, надобно бываетъ со всѣмъ вниманіемъ учить человека въ продолженіи многихъ лѣтъ, чтобъ сдѣлать только его способнымъ пріобрѣтать собственными силами пищу и одежду; какъ же будетъ съ нимъ, когда онъ останется безъ всякой помощи со стороны другихъ людей? Сообщеніе съ подобными себѣ облегчаетъ для человека достиженіе всѣхъ вообще выгодъ и удобствъ жизни. Хотя люди не могутъ обойтись безъ взаимной помощи и могутъ весьма много быть полезными другъ для друга, однако же они имѣютъ большую

(1) Ibid. § 11—15.

(2) De I. N. et G. Lib. III. cap. 4. § 3. et cap. 5. § 1. — (3) De off. hom. et civ. Lib. I. cap. 2. § 10.

наклонность и силу вредить другъ другу; они раздражительны, чрезъ мѣру самолюбивы. Это даетъ обращеніе съ ними опаснымъ и заставляетъ наблюдать въ сношеніяхъ съ ними большую осторожность. Съ такою природою человекъ не иначе можетъ существовать и наслаждаться благами, сообщаемыми съ настоящимъ его состояніемъ, какъ сдѣлавшись общительнымъ, живя въ добромъ согласіи подобными себѣ и такъ поступаая съ ними, что они не только не имѣли справедливой причины жалеть ему что нибудь худое, но еще имѣли пожеланіе соблюдать его выгоды. Такимъ образомъ по мнѣнію Пуфендорфа, основной законъ естественный, для насъ есть—быть, сколько отъ насъ зависимо, общительными. Отсюда вытекаютъ всѣ другіе законы естественные, показывающіе, какъ человекъ долженъ вести себя, чтобъ быть годнымъ членомъ человеческого общества ⁽¹⁾.

§ 394.

Всѣ должности, основывающіяся на законѣ естественномъ, согласно съ общепринятымъ ихъ раздѣленіемъ, дѣлятся у Пуфендорфа, по различію лицъ къ которымъ онѣ обращены, на должности человека къ Богу, къ себѣ самому и къ ближнимъ. Непосредственно изъ общительности, по замѣчанію Пуфендорфа, происходятъ только должности человека къ ближнимъ. Непрямо могутъ быть выведены отъ общительности и должности къ Богу, такъ какъ главнѣйшая обязанность человека къ ближнимъ есть религія, безъ которой человекъ совѣтъ не былъ бы общителемъ. Наконецъ должности человека къ себѣ сами происходятъ изъ общительности и религіи, взяты вмѣстѣ; человекъ по тому и не можетъ совершить произвольно располагать собою, что иначе онъ не можетъ быть истиннымъ служителемъ Верховнаго Существа и членомъ общества человеческого,

⁽¹⁾ De off. hom. et civ. Lib. I, cap. 3.

только безвреднымъ, но и полезнымъ ⁽¹⁾. Впрочемъ мнѣніе Пуфендорфа о должностяхъ человека къ Богу подлежитъ нашему разсмотрѣнію.

§ 395.

Излагая должности человека къ себѣ самому, Пуфендорфъ говоритъ о должностяхъ его: 1) по отношенію къ душѣ своей, 2) по отношенію къ тѣлу. Въ обязанности человека сохранять свою жизнь, свои члены, свою невинность, свои вещи Пуфендорфъ выводитъ право его оборонять себя въ случаѣ нападенія на мѣръ нужды отражать силу силою. Обязанности общительности, говоритъ Пуфендорфъ, взаимна. Правда никому не даетъ преимуществъ нарушать свои законы, такъ чтобъ другіе, не смотря на это, должны были жить съ нимъ въ мирѣ. Когда кто нибудь нарушаетъ законы мира, замышляетъ предпріятія, угрожающія къ моей погибели, то послѣ сего я не обязанъ смотрѣть на него, какъ на лице священное неприкосновенное. Еслибъ я не сталъ защищаться противъ него, то я измѣнилъ бы себѣ самому и не оберегъ бы своимъ собственнымъ сохраненіемъ, чтобъ дать злодѣю господствовать ненаказанно и съ полною свободою. Всѣ блага природы и нашей собственности изобрѣтательности для насъ сдѣлались бы бесполезны, если бы въ случаѣ несправедливаго нападенія мы не имѣли права противоположить силу силѣ; въ такомъ случаѣ люди честные и добрые непрерывно находились бы въ опасности впасть въ вѣрную добычею злодѣевъ. Словомъ, заставить человека совершенно защищать себя въ случаѣ несправедливаго на него нападенія, мы бы постановили такое правило, которое не только не угрожаетъ къ сохраненію мира, но еще явно грозитъ къ погибели рода человеческого. Впрочемъ человекъ, по мнѣнію Пуфендорфа, не имѣетъ безусловной обязанности защищать себя, особенно съ

⁽¹⁾ Ibid. § 13.

употребленіем вооруженной силы. Нельзя думать, говорит Пуфендорфъ, чтобъ дѣйствіе, которое имѣетъ столь пагубныя послѣдствія для подобнаго намъ, составляло обязанность, опущеніе котораго было бы грѣхомъ; сверхъ того существуетъ общеправильное, что каждый можетъ отказаться отъ своихъ преимуществъ, какъ скоро это можетъ быть сдѣлано безъ вреда для третьяго лица. Есть, по словамъ Пуфендорфа, лица, противъ которыхъ мы даже должны защищать себя, хотя бы они сдѣлали намъ несправедливое нападеніе; таковы напр. враги, которыхъ жизнь въ высочайшей степени полезна для другихъ людей. Есть также известные правила, которыми человекъ при всякомъ защищеніи себя долженъ наблюдать, если онъ не хочетъ самъ сдѣлаться несправедливымъ ⁽¹⁾.

§ 396.

Должности человека къ ближнему Пуфендорфъ раздѣляетъ на *безусловныя* (*officia absoluta*) и *условныя* (*officia hypothetica*): первыя происходятъ изъ естественнаго отношенія человека къ человеку, какъ къ человеку, и обязываютъ людей, въ какомъ бы состояніи они ни находились, независимо отъ какого нибудь особеннаго установленія; вторыя предполагаютъ известное особенное состояніе, установленіе, устроенное волею людей. Первые должны быть исполняемы противъ каждаго человека, вторыя—только противъ известныхъ лицъ.

§ 397.

Безусловныя обязанности человека къ ближнему своимъ, по ученію Пуфендорфа, суть: не обижать другихъ, нарушая естественныя или пріобрѣтенныя ихъ блага; признавать другихъ такими же людьми, и потому не надмѣваться; благотворить другимъ, насколько возможно, способствовать ихъ пользамъ.

§ 398.

Переходя отъ безусловныхъ должностей къ условнымъ, Пуфендорфъ излагаетъ предварительно ученіе о *договорахъ*, такъ какъ, по его словамъ, должности условныя всегда предполагаютъ существованіе договора, явно или молча заключеннаго. Необходимо договоры и святаго храненія дающихъ обязательствъ Пуфендорфъ доказываетъ тѣмъ, что хотя должности человеколюбія имѣютъ обширный объемъ, однако изъ этого одного источника никакъ нельзя вывести всего того, что люди съ пользою могутъ учить другъ отъ друга. Не всякой такъ добръ, какъ по одному человеколюбію сталъ дѣлать для другихъ все, чѣмъ онъ можетъ быть имъ полезенъ, надѣясь получить за то возмездіе. Часто услуги, которыя могутъ намъ сдѣлать другіе, таковы, что не осмѣлимся ихъ требовать безъ всякаго за то нашей стороны вознагражденія; часто также намъ нашему достатку или званію бываетъ неприлично получать отъ другихъ такое благодѣяніе. Не только наконецъ другіе не знаютъ, какимъ бы образомъ они могли содѣйствовать нашимъ выгодамъ. Въ такихъ случаяхъ людямъ необходимо надобно вступать между собою. Это совершается посредствомъ договоровъ. Но договоры были бы безсмысленны и никто не сталъ бы полагаться на нихъ, если бы не было принято за правило: свято исполнять. Посему необходимость святаго храненія договоровъ вытекаетъ непосредственно изъ необходимости ихъ существованія для блага человеческого рода. В этомъ Пуфендорфъ замѣчаетъ, что исполненія обязанностей, вытекающихъ изъ человеколюбія, мы можемъ требовать отъ другихъ, употребляя къ тому силу, или прибѣгая къ помощи правительства, а къ исполненію обязанностей, вытекающихъ изъ договоровъ, можно требовать, прибѣгая къ собственной силѣ или прося содѣйствія законной власти. Въ этой особенності Пуфендорфъ

(1) Ibid. Lib. I, cap. 5. — (2) Ibid. cap. 6. § 1. — (3) Ibid. cap. 6.

находить существенное различие между обязанностями первого и второго рода. На дѣянія первого рода, говоритъ онъ, мы имѣемъ право несовершенное, на дѣянія второго рода—совершенное; къ дѣяніямъ первого рода мы обязываемся несовершеннымъ образомъ, къ дѣяніямъ второго—совершеннымъ ⁽¹⁾.

§ 399.

Къ особенымъ установленіямъ, изъ которыхъ могутъ произтекать условныя обязанности, у Прудерфа относятся: *речь, право на вещи и цѣна* и наконецъ *власть надъ людьми* ⁽²⁾.

§ 400.

Въ *речи* законъ естественный, по ученію Прудерфа, повелѣваетъ человѣку быть правдивымъ, какъ вообще, такъ особенно въ томъ случаѣ, когда онъ удостоверяетъ въ чемъ нибудь другаго клятвенно. Существованіе такой обязанности предполагаетъ соглашеніе между людьми объ употребленіи словъ въ извѣстномъ, опредѣленномъ значеніи, безъ чего людямъ невозможно было бы жить вмѣстѣ ⁽³⁾.

§ 401.

Происхожденіе *правъ на вещи* Прудерфъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: человѣкъ имѣетъ нужду въ различныхъ вещахъ; и такъ, безъ помощи, не безъ воли Творца онъ употребляетъ ихъ въ своей пользы. Первоначально всѣ вещи были въ собственности Творца, передъ людьми, какъ бы на средѣ, такъ что не болѣе онъ принадлежали одному, другому. Но какъ не всякою вещію можно пользоваться многимъ людямъ вмѣстѣ въ одно и то же время,

и не всѣ вещи производить природа въ достаточномъ количествѣ, то, когда родъ человеческій былъ еще малочисленъ, люди согласились между собою, чтобы каждому изъ нихъ принадлежали тѣ произведенія отъ вещей, какими онъ овладѣвалъ для назначенія ихъ въ свою пользу, самое же существо вещей должно было оставаться никому непринадлежащимъ. По умноженіи рода человеческого, когда люди стали употреблять свои труды на обрабатываніе нужныхъ для нихъ вещей, они, для избѣжанія ссоръ и для введенія правильнаго устройства, разделили между собою вещи и по самому ихъ назначенію. Каждому назначенъ былъ свой участокъ, по такому условію, чтобы все прочее, не вошедшее въ участокъ, принадлежало тому, кто первый этимъ овладѣлъ. Объяснивши такимъ образомъ происхожденіе собственности, Прудерфъ опредѣляетъ понятие ея, различныя способы ея пріобрѣтенія, существующіе, и должности, изъ ней возникающія. Онъ различаетъ первоначальныя и производныя способы пріобрѣтенія собственности. Къ первоначальнымъ способамъ относятся: овладѣніе вещію, кому не принадлежащею, и увеличеніе нашей вещи посредствомъ разныхъ приращеній. Къ производнымъ способамъ относятся: наслѣдство по закону и по завѣщанію, дареніе, передача съ опредѣленнымъ возмездіемъ, наказаніе лишеніемъ всего или части имущества, давность владѣнія ⁽¹⁾.

§ 402.

Цѣна вещей, по ученію Прудерфа, устанавливается первоначально соглашеніемъ людей. Деньги, какъ общій мѣра цѣнности, введены въ употребленіе также соглашеніемъ людей. Говоря о цѣнѣ вещей и деньгахъ, Прудерфъ излагаетъ вмѣстѣ и договоры, которые предполагаютъ существованіе денегъ ⁽²⁾.

⁽¹⁾ Ibid. cap. 9. — ⁽²⁾ Ibid. cap. 9. § 23. — ⁽³⁾ Ibid. cap. 10. et 11.

⁽¹⁾ Ibid. cap. 12 et 13. — ⁽²⁾ Ibid. cap. 14—17.

§ 403.

Обязанности, которыя мы доселѣ изъясняли, Пифендорфъ обнимаетъ подъ общимъ названіемъ *обязанностей человека*. Онъ для своего существованія не предполагаютъ никакого особеннаго союза между людьми. Отъ нихъ отличны обязанности, которыя предполагаютъ бытіе особенныхъ союзовъ между людьми. Обязанности сего рода Пифендорфъ называетъ *обязанностями гражданина* (*civis*), т. е. члена известнаго общества. Онъ-то проистекаютъ изъ власти одного человека надъ другимъ. Для объясненія ученія о власти между людьми Пифендорфъ разсуждаетъ о *естественномъ состояніи* человека. Естественное состояніе, говоритъ онъ, можетъ быти разсматриваемо по указанію разума въ тройномъ отношеніи: въ *отношеніи* человека къ Богу, къ самому и къ другимъ людямъ. Въ *первомъ* отношеніи это есть такое состояніе человека, въ которое онъ ставилъ его Творецъ, когда восхотѣлъ возвысить его надъ прочими животными. Въ слѣдствіе сего состоянія человекъ долженъ познавать и почитать своего Творца, удивляться его дѣламъ и вести жизнь совершенно отличную отъ жизни неразумныхъ животныхъ. По сей причинѣ и естественному состоянію въ такомъ смыслѣ противопоставляется жизнь въ состояніи неразумныхъ животныхъ. Во *второмъ* отношеніи мы разсматриваемъ естественное состояніе человека, когда воображаемъ себя, въ какомъ онъ былъ положенъ, еслибъ былъ оставленъ совершенно одному, безъ всякой сторонней помощи, предполагая въ немъ ту же самую природу, какъ онъ теперь имѣетъ. Что можетъ быть, по видимому, жалче его? Естественному состоянію въ этомъ смыслѣ противопоставляется жизнь, утонченная искусствомъ человеческимъ. Наконецъ въ *третьемъ* отношеніи мы разсматриваемъ естественное состояніе человека, если обращаемъ вниманіе на то, какъ должны поступать люди между собою въ слѣдствіе обще-

ственной связи между ними, независимо отъ договоровъ, какіе могутъ соединять ихъ еще особеннымъ образомъ. Въ естественномъ состояніи по этому общему понятію живутъ люди, не признающіе никакой общей надъ собою властелина и не подчиненные другъ другу, не сдѣлавшіе другъ другу ни чужды, ни благодарны. Естественное состояніе въ этомъ смыслѣ противопоставляется состоянію въ гражданскомъ обществѣ. На естественное состояніе, въ этомъ смыслѣ понимаемое, можно смотрѣть или какъ на одно предположеніе, или какъ на нѣчто действительное. Разсматривая естественное состояніе, какъ одно предположеніе, мы воображаемъ себя, или съ самаго начала было известное количество людей безъ всякой взаимной зависимости, или въ родѣ человеческій уже такъ раздѣлился, что каждый управляетъ самъ собою и не связывается какими узамъ съ прочими людьми, кромѣ узъ, основывающихся на единствѣ человеческой природы. Противъ дѣйствительное естественное состояніе существуетъ между членами известнаго общества и между прочими людьми, не принадлежащими къ этому обществу. Такое состояніе существуетъ нынѣ между различными государствами и гражданами различныхъ государствъ, а некогда оно существовало между различными отцами семействъ. Дети, родившись у нашихъ прародителей, отъ которыхъ по дѣйствительству Священнаго Писанія произошли всѣ люди, подчинены были одной и той же отеческой власти. Но люди, чтобъ наполнить землю и дать простора себѣ и стадамъ своимъ, оставивъ отеческія жилища, разсѣлились по разнымъ странамъ, каждый почти мужчина основалъ свое особенное хозяйство. Между потомками ихъ, которые разсѣялись такимъ же образомъ, мало по малу совершенно изгладилось чувство особенной родственной связи и проистекавшей отсюда привязанности другъ другу и наконецъ осталась между ними одна только общая связь, основывающаяся на единствѣ человеческой природы. Такое состояніе продолжалось дотолѣ, пока родъ человеческій не размно-

жился значительно и люди не усмотрѣли невыносимости раздѣльной жизни. Тогда ближайшіе между собою жилища мало по малу составили гражданское общество, сначала въ маломъ, потомъ уже въ болѣе большомъ объемѣ. Послѣдніе образовались изъ меньшихъ или сами собою и естественнымъ образомъ, посредствомъ насилія. Между гражданскими обществами, такъ какъ они связываются между собою, только общимъ человѣческимъ союзомъ, существуетъ естественное существовать и понынѣ. Люди живущіе въ такомъ состояніи, принадлежатъ къ особому праву, что они кромѣ Бога никому подчинены. По этой причинѣ сіе состояніе называется также состояніемъ естественной независимости. какъ ни обольстительнымъ можетъ показаться того естественное состояніе; однакоже оно, ученію Пуфендорфа, до образованія гражданскихъ обществъ сопровождается многими невыгодами, образимъ ли мы себѣ, что въ этомъ состояніи найдется всѣхъ и каждый порознь изъ людей, или будемъ смотрѣть на положеніе живущихъ отдѣльно другъ отъ друга отцевъ семействъ. Здѣсь каждый держится только собственною силою и ничто не имѣетъ надлежащаго обезпеченія; здѣсь намъ представляются господство страстей, война, страхъ, бедность, безобразіе, одиночество, варварство, нечестивость, злѣе зло. Напротивъ въ гражданскомъ обществѣ каждый поддерживается и защищается силами всѣхъ; плоды промышленности въ немъ обезпечены, въ немъ представляются намъ владычество разума, миръ, безопасность, богатство, краса, изящество, общество, знаніе, благорасположеніе другъ къ другу. Въ естественномъ состояніи, далѣе, когда кто не исполняетъ договора, или наноситъ другъ обиду, когда возникаетъ какой нибудь споръ, или лица, которое бы своею властію могло принудить нарушителя договора къ исполненію долга, обидчикъ вознагражденію обиды, или которое бы могло рѣшить распрію. Противное этому видимъ мы въ гражданскихъ обществахъ, гдѣ каждый можетъ искать себѣ защиты у общаго судіи. Наконецъ

въ естественномъ состояніи нельзя положиться на чью-либо дружбу, а надобно жить въ непрестанномъ опасеніи; по чему здѣсь владычествуютъ непрерывныя подозрѣнія, недовѣріе, коварство, злые умыслы⁽¹⁾. Таковы неудобства состоянія или безъ всякой власти, или съ одною властію семействен-

§ 404.

Власть между людьми бываетъ, по ученію Пуфендорфа, четырехъ родовъ:

Власть супружеская.

Власть отеческая.

Власть господская.

Власть гражданская.

§ 405.

Власть супружеская возникаетъ изъ брака. Обязательство къ брачной жизни, по мнѣнію Пуфендорфа, основывается на томъ, что при безпорядочномъ соединеніи половъ между собою не могло бы существовать между людьми благоустроеннаго общества. Бракъ заключается посредствомъ договора, въ которомъ супруги обязываются взаимною другъ другу вѣрностію, а жена въ особенности обязывается вмѣстѣ съ своимъ мужемъ и въ дѣлахъ семейныхъ быть ему покорною. Что касается различныхъ видовъ брака, полиандрію Пуфендорфъ признаетъ противною закону естественному; но онъ не отвергаетъ многоженства рѣшительно, находя впрочемъ болѣе установленіемъ болѣе согласнымъ съ

благопристойностию и болѣе полезнымъ. Бракъ между родителями и дѣтьми и вообще родственниками восходящей и нисходящей степени Пуфендорфъ полагаетъ прямо несогласнымъ съ закономъ естественнымъ; бракъ между родственниками боковыми претъщается, по его мнѣнію, только закономъ положительнымъ, преимущественно съ тою цѣлію, чтобы поставить преграду къ нарушенію перваго заповѣданія, установленнаго закономъ естественнымъ.

§ 406.

Надъ дѣтьми принадлежитъ родителямъ особая власть, по мнѣнію Пуфендорфа, частью непосредственно на основаніи закона естественнаго, который повелевая людямъ быть общительными, съ тѣмъ вмѣстѣ возлагаетъ на родителей обязанность имѣть попеченіе о дѣтяхъ, частью на основаніи предполагаемаго между этою согласія самихъ дѣтей. Въ гражданскихъ обязательствахъ, учрежденныхъ муштинами, говоритъ Пуфендорфъ, власть надъ дѣтьми, рожденными въ законѣ бракѣ, принадлежитъ отцу, хотя въ естественномъ состояніи она можетъ принадлежать по условію матери; власть же надъ дѣтьми, рожденными вне брака, всегда, по словамъ Пуфендорфа, принадлежитъ первоначально матери ⁽²⁾.

§ 407.

Происхождение власти господской Пуфендорфъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: люди по умноженію рода человеческого, тотчасъ замѣтили, съ какою удобствомъ различныя дѣла въ домѣ могутъ быть отправляемы посредствомъ особыхъ слугъ, и начали присоединять къ своимъ семействамъ рабовъ. Сначала, вѣроятно, нѣкоторые люди добровольно

(2) Ibid. cap. 2. — (2) Ibid. cap. 3.

шли въ услуженіе, по бѣдности, или тупоумію, выговоривъ для себя на всю жизнь содержаніе, всегда обязались служить своему господину. Въ позднѣйшія времена, когда войны сдѣлались чаще, многихъ народовъ вошло въ обычай обращать въ рабство военнопленныхъ, вмѣстѣ и съ потомствомъ, что могло отъ нихъ произойти. Подъ симъ условіемъ имъ была даруема жизнь. Впрочемъ, замѣтитъ Пуфендорфъ, у многихъ народовъ пожизненное рабство неизвѣстно, а всѣ домашнія дѣла исправляются наемными слугами ⁽¹⁾. Такимъ образомъ, выводя рабство изъ добровольнаго соглашения лицъ, находящихся въ немъ, Пуфендорфъ признаетъ его установленіемъ совершенно естественнымъ.

§ 408.

Причиною, побудившею людей вступить въ гражданскія общества, было, по мнѣнію Пуфендорфа, желаніе ихъ обезопасить себя противъ обидъ, грозящихъ имъ другъ отъ друга. Когда такимъ образомъ они достигли безопасности, то, естественно, они лучше могли пользоваться и всеми выгодами, которыя люди доставляютъ взаимно другъ другу. Для достиженія себѣ безопасности люди должны были въ значительномъ количествѣ соединиться вмѣстѣ (societas civilis), установить образъ правленія (modus regendi) и наконецъ подчинить свои воли волю одного извѣстнаго лица (pactum subjectionis), обязавшись употреблять свои силы только по его назначенію ⁽²⁾. Такъ произошло гражданское общество!

Относительно учрежденія верховной власти Пуфендорфъ принимаетъ простые и смѣшенные образы правленія. Къ простымъ онъ относитъ Монархію, Аристократію и Демократію. Смѣшенные состав-

Ibid. cap. 4. — (2) Ibid. cap. 5 et 6.

вляются изъ простыхъ. Въ каждомъ образѣ прав
нiя Пуфендорфъ находитъ извѣстныя выгоды и
выгоды (1). Качества (2), права (3) и предметы
ствiя (4) верховной власти Пуфендорфъ опредѣля
вообще такъ же, какъ и Гоббесъ. Въ ученiи о
казанiяхъ (5), въ подробностяхъ ученiя о вой
миръ и договорахъ между народами (6) онъ слѣду
Гроцію. Но общее понятiе о народномъ правѣ
Пуфендорфа такое же, какое у Гоббеса: для него
какъ и для Гоббеса (7), законъ народовъ есть то
приложенiе общаго естественнаго закона о долж
стяхъ отдѣльныхъ лицъ къ отношенiямъ между
государствами; онъ не допускаетъ никакого въ
ственномъ смыслѣ произвольнаго закона народовъ
такъ какъ для народовъ въ ихъ взаимныхъ от
шенiяхъ не существуетъ никакой высшей власти
которая бы могла предписывать имъ законы, до
воры же, какiе они заключаютъ другъ съ другомъ
не могутъ быть названы законами (8).

§ 409.

Ученiе Пуфендорфа не было принято съ спо
нымъ одобренiемъ. Напротивъ оно дало поводъ
жаркимъ препiямъ (9). Не только частныя поло
нiя въ немъ были опровергаемы, но и основанiе
его начала подвергались различнымъ нападенiямъ.

Богословы Германскiе находили самое покус
Пуфендорфа—представить ученiе о законѣ есте
номъ по указанiю разума, несогласныхъ съ духомъ
Христiанства, и потому хотѣли начертать сист
закона естественнаго по ученiю христiанско

(1) Ibid. cap. 8 et 10. — (2) Ibid. cap. 9. — (3) Ibid. cap. 7.
15. — (4) Ibid. cap. 11. — (5) Ibid. cap. 13 et 14. — (6) Ibid.
16 et 17. — (7) См. выше § 331. — (8) De I. N. et G. lib.
cap. 3. § 23. — (9) Исторiя сихъ споровъ подробно изложена
самимъ Пуфендорфомъ въ его Eris Scandica и у Людо
въ Delineatio historiae juris divini naturalis et positivi
salis § 46—106.

семъ отношенiи Алберти (1) и Стримезiй (2)
тажи, что основанiемъ закона естественнаго есть
нiе съ состоянiемъ невинности; за образецъ и
вило своихъ поспуковъ человекъ долженъ при
это состоянiе, стараясь по возможности къ
приблизиться; естественный законъ для чело
есть законъ его природы неспорченной.
и (3), обращаясь также къ состоянiю невинности,
идилъ начала закона естественнаго изъ образа
и, напечатлѣннаго при самомъ сотворенiи въ
человѣка. По паденiи прародителей образъ
и былъ потерянъ людьми. Но Иисусомъ Хри
онъ снова возстановленъ. Вмѣстѣ съ симъ
съ Христосъ преподавалъ и объяснилъ людямъ
начальныя правила закона естественнаго. По
нынѣ, по словамъ Мевiа, естественнымъ зако
для человекъ есть не что иное, какъ законъ
ангелiа—законъ природы обновленной.

раниченiе предписанiй закона естественнаго вѣ
дѣйствiями человекъ и предѣлами настоящей
и, дѣлаемое Пуфендорфомъ, порицали и Бого
и, и Философы,—послѣднiе особенно по тому, что
силу человѣческаго разума въ познанiи выше
ныхъ предметовъ представляли себѣ гораздо
е, чѣмъ Пуфендорфъ, который истину безсмертiя
человѣческаго находилъ недоступною для есте
наго разума, а потому почиталъ себя не въ правѣ
щать на нее вниманiя въ издоженiи началъ
на естественнаго.

и Пуфендорфа, будто нравственныя понятiя
отъ единственнымъ своимъ основанiемъ волю
адую, Божескую или человѣческую, встрѣтило.

Valent. Alberti compendium juris naturae, orthodoxae theologiae
conformatum. Lipsiae. 1676. 8. — (2) Sam. Strimesii origines mora
les, s. dissertationes aliquot selectiores vera moralium fundamenta
complexae. 1679. — (3) Mevii prodromus jurisprudentiae gentium
communis. Въ 1686 г. это сочиненiе было издано подъ дру
нымъ, слѣдующимъ заглавiемъ: nucleus juris naturalis et gentium,
principia ejus et fundamenta exhibens, olim sub nomine pro
dromi jurisprudentiae gentium communis emissus.

сильныхъ себѣ противниковъ въ людяхъ, которъ слѣдую схоластическимъ философамъ, думали, даже независимо отъ воли Божественной, есть и доброе и злое само по себѣ, по своей внутренней природѣ.

Другіе, вмѣстѣ съ Пуфендорфомъ признавали слѣднимъ основаніемъ закона естественнаго волю Божию, не признавали общительности за самое ясное и самое точное ея выраженіе. — Такъ, по мнѣнію *Бодина* ⁽¹⁾, законъ естественный есть воля Бога открывающаяся въ томъ порядкѣ, въ какомъ по своему достоинству слѣдуютъ твари одна за другою направляющая и обязывающая ихъ къ ненарушимаго сохраненію своего порядка. Законъ естественный показываетъ намъ мѣсто, какое каждая вещь занимаетъ въ ряду тварей, и такимъ образомъ научаетъ насъ пользоваться каждою вещію въ этомъ самомъ порядкѣ и для той цѣли, для которой она творена. — *Генрихъ Кокцеи*, находя начало общительности недостаточнымъ для познанія правилъ закона естественнаго, почиталъ начало воли Божіей самымъ собою яснымъ и очевиднымъ ⁽²⁾. Онъ говоритъ Кокцеи, выражается или словами, — отъ закона откровеннаго; или дѣлами, — отсюда законъ естественный. Воля Божія, выражаемая дѣлами, усматривается изъ внутреннихъ движеній и влеченій сердца человѣческаго, изъ дѣйствій Творца — творенія и сохраненія, изъ достоверно извѣстной вѣроятной цѣли тварей, изъ необходимости естественнаго средства, изъ природы Самого Свѣтлаго Творца ⁽³⁾.

Нѣкоторые, не отвергая Пуфендорфова начала общительности, признавали его впрочемъ слѣдующимъ.

⁽¹⁾ *Henrici Bodini* diss. de jure mundi, anno 1690 Rintbelli disputandum publice proposita et a. 1698 Halæ iterum recitata. — ⁽²⁾ *Sam. Cocceji* disp. de principio juris naturalis unico, v. adæquato, hab. sub præsidio patris sui *Henrici Cocceji* Franc. 1699. Ejusdem *Sam. Cocceji* tractatus de principio juris naturalis unico, vero et adæquato. 1702. — ⁽³⁾ *Sam. de Cocceji* introductio ad *Henrici de Cocceji* Grotium illustratum. Laus. 1751. 4. Diss. X. cap. 1. pos. 4.

нымъ, и потому хотѣли разширить его, или приписать къ нему еще другія начала, чтобы отъ него вывести всѣ вообще обязанности человѣка. *Центравій* ⁽¹⁾ дѣлаетъ различіе между общительностію всеобщею (*socialitas generalis*) и общительностію частною (*socialitas specialis*): первая существуетъ между Богомъ и людьми, вторая у людей между собою; изъ первой вытекаютъ обязанности человѣка къ Богу, изъ второй — обязанности къ другимъ людямъ. *Титій* ⁽²⁾ представляетъ дѣлющую начала, какъ сущность закона естественнаго: почитай Бога, имѣй любовь къ себѣ самому общительное расположеніе къ живымъ и мертвымъ, и старайся о размноженіи своего рода по законамъ человѣческой природы, согласно съ твоими естественнымъ или другимъ, въ какое ты можешь быть поставленъ, положеніемъ. *Буддей* ⁽³⁾ полагаетъ три рода челоуѣческихъ должностей и принимаетъ также три начала, а именно: почитай Бога, живи умеренно, будь общителенъ. *Мюльденеръ* ⁽⁴⁾ на мѣсто втораго изъ сихъ началъ поставитъ слѣдующее: имѣй любовь къ себѣ самому. Эти два начала принимаются у него тѣже, какія у *Бодина*.

Пуфендорфъ мужественно боролся съ своими противниками. Наконецъ, если не общее начало его ученія, то по крайней мѣрѣ отдѣльныя мысли и выведенія изъ сего ученія сдѣлались, особенно между профессорами Германскими, господствующими. Это послѣдствіе того обстоятельство, что Пуфендорфъ, будучи первымъ публичнымъ

Ioh. Joach. Zentgravius de origine, veritate et immutabili rectitudine juris naturalis secundum disciplinam Christianorum, ad gentilium tamen captum instituta disquisitio in Acad. Argent. 1678. — *Ejusdem* tractatus de summa juris divini, s. isagogica institutio doctrinae de justitia et jure. 1699. — ⁽²⁾ *Titii* observationes ad librum *Pufendorfii* de officio hominis et civis. 1703. — ⁽³⁾ *Ioh. Franc. Buddei* elementa philosophiae practicae. 1695. 8. — ⁽⁴⁾ *Ioh. Christiani Muldeneri* disp. inauguralis de juris naturae definitione et fundamento, Effurti 1692 habita et a. 1698 Halæ iterum recusa.

преподавателемъ науки Права Естественнаго въ мѣстѣ (1), имѣлъ такимъ образомъ возможность шить свои мысли множеству юныхъ своихъ слушателей. Много также содѣйствовалъ ему къ одержанію победы надъ противниками ревностѣйшіи вначалѣ приверженецъ и защитникъ, Томазіи, который хотя въ послѣдствіи, по видимому, значительно удалился отъ него, но тѣмъ самымъ развивши тогда мысль его еще глубже и давши его ученію единственное направленіе и состава, поставилъ это ученіе совершенно въ соответствіе съ требованіями политическаго законодѣднія своего времени.

II. Томазіи.

§ 410.

Въ Томазіи (2) должно отличать первоначальный образъ его мыслей отъ понятій его, какъ они сформировались въ послѣдствіи времени.

1. Первоначальный образъ мыслей Томазіи.

§ 411.

Жаркимъ приверженцемъ Пуфендорфа Томазіи является въ сочиненіи: *Institutionum jurisprudentiæ divinæ libri tres, in quibus fundamenta juris naturalis secundum hypotheses illustrissimi Pufendorfii perspicue demonstrantur. Francof. et Lipsiæ, 1688. 8.* И здѣсь есть уже разныя особенности, принадлежа-

(1) Собственно для Пуфендорфа учреждена была въ 1666 Пфальцграфомъ Рейнскимъ Карломъ Людвигомъ первая Германіи кафедра Права Естественнаго въ Гейдельбергскомъ Университетѣ. Пуфендорфъ занималъ здѣсь эту кафедру теченіи десяти лѣтъ. Въ 1670 г. онъ перешелъ по приглашенію Короля Шведскаго Карла XI во вновь учрежденный Лундскій Университетъ, въ которомъ ему поручено было преподавать того же предмета. — (2) Род. въ 1655 г. въ Лейпцигѣ, въ 1728.

осредственно Томазію. На сѣ-то особенности естественнаго мы должны обратить наше вниманіе, излагая первоначальный образъ его мыслей.

§ 412.

Подобно Пуфендорфу Томазіи основываетъ бытіе естественныхъ предметовъ на волѣ и законѣ, и, излагая законъ вообще на Божескій и человѣческій (1), принимаетъ два вида перваго: законъ Божескій естественный и законъ Божескій откровенный (2). Излагая цѣлью законодѣднія, въ противоположность естественнаго, временное благосостояніе человѣка (3), Томазіи называетъ ученіе о тѣхъ частяхъ закона Божескаго, которыя имѣютъ въ виду эту цѣль непосредственно, *Божественнымъ Законодѣдніемъ*, а о частяхъ, которыя относятся къ естественному, *Человѣческимъ* (4). Приписывая закону естественному общую обязательную силу и допуская двойкій законъ Божескій откровенный: общій для всего рода человѣческаго и особенный, данный Еврейскому народу, Томазіи въ своемъ сочиненіи: *Institutiones jurisprudentiæ divinæ*, излагаетъ начала закона Божескаго естественнаго, съ присовокупленіемъ къ тому началу закона Божескаго откровеннаго всеобщаго, которыми охраняется временное благосостояніе людей. Сіи правила служатъ для Томазіи дополненіемъ къ началамъ закона естественнаго, особенно по отношенію къ тѣмъ нравственнымъ истинамъ, которыя не принимаемы всеми Христіанскими и образованными народами, но справедливости конѣ, какъ и у Томазіи, нельзя было доказать изъ ума. Поэтому Томазіи вездѣ въ своемъ изложеніи строго различаетъ оба поименованные источника законовъ (5).

Какъ Пуфендорфъ, Томазіи ограничиваетъ предѣлы закона естественнаго предѣлами настоящей

(1) *Institutiones jurisprudentiæ divinæ lib. 1. cap. 1. § 78.* — (2) *Ibid. lib. 1. cap. 2. § 4.* — (3) *Ibid. lib. 1. cap. 1. § 159. et 163—169.* — (4) *Ibid. lib. 1. cap. 1. § 162.* — (5) *Ibid. lib. 1. cap. 2. § 119—141.*

жизни ⁽¹⁾ и настоящим положеніемъ человѣка. При выводѣ правилъ поведенія, по которымъ должны поступать люди съ такою природою, какъ они имѣютъ нынѣ, Томазій почитаетъ столь же умѣстнымъ смотрѣть, какъ на образецъ, на каибудь совершеннѣйшее состояніе, сколь неумѣстнымъ было бы напр. при леченіи больного, имѣющаго слабое тѣлосложеніе, прописывать лекарства, принадлежащаго только для человѣка съ крѣпкимъ сложеніемъ тѣла ⁽³⁾.

Понятія о добротѣ дѣлій, правдѣ и справедливости ⁽⁴⁾, о правѣ и различныхъ видахъ правъ ⁽⁵⁾ Томазія тѣ же самыя, какія у Пуфендорфа. Но сверхъ того у Томазія ясно упоминается раздѣленіе правъ на прирожденныя и приобретенныя. Прирожденные онъ называетъ права, которыя человѣкъ имѣетъ непосредственно отъ Бога, безъ согласія лица обязаннаго;—приобретенными тѣ, которыя принадлежатъ человѣку въ слѣдствіе договора съ другимъ ⁽⁶⁾. Понятіе права, равно какъ и понятіе обязанности, Томазія ставится въ необходимой связи съ понятіемъ общества. Вне общества, по его словамъ, нѣтъ ни права, ни обязанности; въ обществѣ необходимо существуетъ то и другое ⁽⁷⁾.

Общительность Томазія также признаетъ кореннымъ началомъ закона естественнаго. Но у него не дается этому началу особенное основаніе. Человѣкъ говоритъ онъ, отличается отъ другихъ животныхъ своимъ разумомъ. Разумъ человѣка состоитъ въ мышленіи. Мыслить значитъ соединять одно понятіе съ другимъ понятіемъ, предложеніе съ предложеніемъ; это послѣднее дѣйствіе называется умозаключеніемъ. Умозаключать мы можемъ не иначе, какъ

предствомъ словъ, которыя или удерживаются нами въ умѣ, или произносятся языкомъ. Но слова проекаютъ изъ установленія людей, живущихъ въ томъ же обществѣ.—Далѣе, замѣчаетъ Томазія, дѣти мыслятъ съ самымъ уже ихъ рожденіемъ, а взрослые обладаютъ способностью мышленія. Но эта способность едва ли можетъ быть приведена въ дѣйствіе безъ сообщества человѣческаго.—Итакъ, замѣчаетъ Томазія, если разумъ не можетъ существовать безъ слова, а слово вне общества не имѣетъ никакого употребленія и разумъ вне общества не существуетъ; то мы не ошибемся, сказавши, что способность къ мышленію, которая существуетъ въ людяхъ прежде всякаго дѣйствія разума, есть то же, что, какъ наклонность размышлять съ другими людьми, по тому что всякая способность стремиться къ дѣйствию, какъ къ своему концу, и слѣдовательно называть человѣка существомъ разумнымъ, значитъ то же, что называть его существомъ общительнымъ. Общительность же, по опредѣленію Томазія, есть наклонность, прирожденная отъ Бога, по тому что въ безпокойномъ состояніи нельзя размышлять; когда такая спокойная жизнь существуетъ въ дѣйствительности, то между людьми существуетъ общество,—въ противномъ случаѣ—нѣтъ.—Изъ опыта доказываетъ Томазія начало общительности тѣмъ, что вне общества человѣкъ совсѣмъ не можетъ существовать, или не можетъ быть счастливымъ ⁽¹⁾.

Относительно раздѣленія должностей человѣка на частныя его къ Богу, къ себѣ самому и къ ближнимъ, Томазія замѣчаетъ, что разсмотрѣніе обязанностей къ Богу, именно обязанностей, касающихся священнаго Богослуженія, принадлежитъ Богословію, а какъ разумъ, оставленный себѣ самому, не можетъ усмотрѣть всей важности и силы вѣшняго

⁽¹⁾ Ibid. lib. 1. cap. 2. § 134.—⁽²⁾ Ibid. lib. 1. cap. 3. § 62.
⁽³⁾ Ibid. lib. 1. cap. 4. § 41.—⁽⁴⁾ Ibid. lib. 1. cap. 1. § 143—144.
⁽⁵⁾ Ibid. lib. 1. cap. 1. § 82—142.—⁽⁶⁾ Ibid. lib. 1. cap. 1. § 114.—⁽⁷⁾ Ibid. lib. 1. cap. 1. § 100—103.

Ibid. lib. 1. cap. 4. § 51—72.

Богослуженія. Если же подъ именемъ должностей чловѣка къ Богу разумѣть общее обязательство, въ силу коего чловѣкъ во всемъ долженъ повиноваться Богу; то, по словамъ Томазія, это обязательство есть основаніе, а не предписаніе закона естественнаго. Должностей чловѣка къ себѣ самому въ собственномъ смыслѣ, говоритъ Томазій, не существуетъ, по тому что никто ничѣмъ не можетъ быть обязанъ себѣ самому; такъ называемыя должности къ себѣ самому въ существѣ вещи суть или обязанности его къ Богу, или обязанности къ другимъ людямъ, по тому что для исполненія обязанностей того и другаго рода онъ долженъ и съ самимъ собою обращаться известнымъ образомъ ⁽¹⁾. Послѣ сего надлежало бы ожидать, что Томазій дѣйствительно исключитъ изъ предметовъ, имъ разсматриваемыхъ, обязанности къ Богу, изъ ученія же о должностяхъ чловѣка къ себѣ самому возьметъ только то, что можетъ имѣть отношеніе къ обязанностямъ чловѣка въ разсужденіи своихъ ближнихъ и въ разсмотрѣніи соединить предметы того и другаго рода. Однакоже, не смотря на критическій разборъ обыкновеннаго раздѣленія должностей, онъ въ своемъ изложеніи ихъ слѣдуетъ тому же раздѣленію.

§ 413.

Основною обязанностію чловѣка къ Богу по отношенію ко внѣшнимъ дѣйствіямъ у Томазія поставляется слѣдующая: почитай Бога сообразно сдѣланному Имъ откровенію ⁽²⁾.

При изложеніи обязанностей чловѣка къ себѣ самому Томазій, по примѣру Пуфендорфа, разсуждаетъ о правѣ и обязанности чловѣка защищать себя самого. Нѣтъ никакого сомнѣнія, говоритъ онъ, что защита себя позволительна, когда она дѣлается безъ вреда тому, кто замышляетъ противъ насъ зло. Но когда она соединена съ погибелью чловѣка, который

⁽¹⁾ Ibid. lib. 1. cap. 4. § 74—76. — ⁽²⁾ Ibid. lib. 2. cap. 1. § 2.

наноситъ намъ вредъ, въ такомъ случаѣ она, кажется, будетъ противна спокойствію и пользѣ чловѣческаго общества. Это, по словамъ Томазія, только кажется; дѣйствительно же не только не противно спокойствію и пользѣ чловѣческаго общества защищать себя даже съ погибелью того, кто дѣлаетъ на насъ нападеніе, но еще напротивъ запрещеніе этого послужило бы только къ погибели рода чловѣческаго. Но далѣе спрашивается: обязанъ ли чловѣкъ защищать себя съ употребленіемъ силы, или только онъ имѣетъ на это право, которымъ онъ можетъ и не пользоваться? Сей вопросъ Томазій рѣшаетъ по различнымъ отношеніямъ различно. Тѣмъ не менѣе онъ признаетъ правиломъ, что если дѣлающій нападеніе не имѣетъ никакой власти надъ тѣмъ, на кого онъ нападаетъ, то сей послѣдній обязанъ защищаться, хотя бы при томъ надлежало умертвить нападающаго, по тому что нападающій, дѣлая нападеніе, нарушаетъ явно общительность и совершенно неизвѣстно, исправится ли онъ когда нибудь, между тѣмъ какъ тотъ, на кого онъ нападаетъ, имѣетъ обязанность споспѣшествовать по мѣрѣ силъ своихъ выгодамъ другихъ, а этой обязанности не въ состояніи будетъ выполнять тотъ, кто позволитъ себя умертвить другому. При семъ Томазій со всею точностію опредѣляетъ самыя границы обороны и разсматриваетъ тѣ блага чловѣка, которыя могутъ быть защищаемы силою ⁽¹⁾.

Обязанности чловѣка къ другимъ людямъ, по ученію Томазія, касаются или отношеній людей вообще, или отношеній людей, живущихъ въ извѣстныхъ опредѣленныхъ обществахъ ⁽²⁾.

Обязанности, касающіяся отношеній людей вообще, Томазій раздѣляетъ на безусловныя и условныя ⁽³⁾. — Основною между безусловными обязанностями чловѣка Томазій признаетъ обязанность его обращаться

⁽¹⁾ Ibid. lib. 2. cap. 2. § 80. seqq. — ⁽²⁾ Ibid. lib. 2. cap. 3. § 1. —

⁽³⁾ Ibid. lib. 2. cap. 3. § 2—3.

съ каждымъ человѣкомъ, какъ съ такимъ же человекомъ. Отсюда Томазіи выводять двѣ отрицательныя и двѣ положительныя обязанности. Первая отрицательная обязанность есть не приписывать себя (по гордости) болѣе, чѣмъ сколько мы приписываемъ другимъ; вторая—не приписывать другимъ, отнимая у нихъ принадлежащее имъ добро, менѣе, чѣмъ сколько мы приписываемъ себя. Первая положительная обязанность есть—способствовать выгодамъ другихъ независимо отъ какого нибудь договора съ ними; вторая—способствовать выгодамъ другихъ, свято соблюдая заключаемыя съ ними договоры ⁽¹⁾. Известныя обязанности Томазіи называетъ условными не только потому, что нѣкоторыя изъ нихъ предполагаютъ существованіе договора между людьми, но особенно по тому, что они предполагаютъ обязанности перваго рода, какъ свое условіе ⁽²⁾. Условныя обязанности, касающіяся отношеній людей вообще, имѣютъ своимъ предметомъ употребленіе рвчи и собственности. Въ ученіи о томъ ⁽³⁾ и другомъ ⁽⁴⁾ изъ сихъ предметовъ Томазіи вообще согласуется съ Пуфендорфомъ.

Обязанности, касающіяся отношеній людей, живущихъ въ известныхъ обществахъ, опредѣляютъ дѣйствія людей, живущихъ въ союзъ супружескомъ, родительскомъ, господскомъ, гражданскомъ.

Основанія союза супружескаго Томазіи ищеть во взаимномъ влеченіи половъ другъ къ другу ⁽⁵⁾. Обязанность вступленія въ бракъ онъ выводять изъ правила, повѣляющаго соблюдать общительность, такъ какъ бракъ составляетъ основаніе жизни общительной. Въ особенности же требуетъ исполненія этой обязанности, по словамъ Томазіи, законъ, повѣляющій намъ воздавать другимъ людямъ равное: какъ одной пары людей недостаточно, чтобы они въ

⁽¹⁾ Ibid. lib. 2. cap. 3. § 11—33. — ⁽²⁾ Ibid. lib. 2. cap. 8. § 1. — ⁽³⁾ Ibid. lib. 2. cap. 8. et 9. — ⁽⁴⁾ Ibid. lib. 2. cap. 10. et 11. — ⁽⁵⁾ Ibid. lib. 3. cap. 2. § 21—46.

теперешнемъ ихъ состояніи могли проводить спокойную жизнь, но для достиженія этого необходимо умноженіе рода человѣческаго, каковое обязательство побудило и нашихъ родителей родить насъ самихъ; такъ попеченіе о сохраненіи взаимности должно побудить насъ озаботиться доставленіемъ и себя самимъ и нашимъ союзникамъ новыхъ союзниковъ на будущее время; въ противномъ случаѣ, когда люди ежедневно, одинъ послѣ другаго, будутъ исторгаемы смертію, легко можетъ случиться, что тѣ, которые будутъ всѣхъ долготѣнне, будутъ вести жизнь самую несчастную. Но обязанности вступленія въ бракъ по самому существу своему, какъ думаетъ Томазіи, лежить не на всѣхъ, а только на тѣхъ, которые имѣютъ возможность и силу удовлетворить этой обязанности ⁽¹⁾. Цѣль брака, по ученію Томазіи, есть двоякая: рожденіе дѣтей и погашеніе плотскаго пожеланія. Первое составляетъ главную цѣль брака, второе—цѣль второстепенную ⁽²⁾. По главной цѣли брака Томазіи опредѣляетъ его обществомъ, составленнымъ для рожденія дѣтей ⁽³⁾. На основаніи такого опредѣленія брака Томазіи рѣшаетъ вопросы: относятся ли къ существу брака обязательство супружеской вѣрности, непрерывное сожитіе мужа и жены въ одномъ мѣстѣ и власть мужа надъ женою и ея имѣніемъ;—требуетъ ли существо брака, чтобы онъ былъ заключаемъ на всю жизнь и т. д. ⁽⁴⁾.

Изъ обществъ человѣческихъ одно только общество родителей и дѣтей, по мнѣнію Томазіи, составляетъ безъ взаимнаго согласія. Первоначальная цѣль его есть воспитаніе дѣтей. Оно имѣетъ своимъ основаніемъ обязанность родителей воспитывать своихъ дѣтей. Эту обязанность Томазіи выводять изъ обязанности человека способствовать благу другихъ людей, независимо отъ какихъ нибудь съ ними договоровъ,—изъ обязанности человеколюбія.

⁽¹⁾ Ibid. lib. 3. cap. 2. § 47—59. — ⁽²⁾ Ibid. lib. 3. cap. 2. § 61—73. — ⁽³⁾ Ibid. lib. 3. cap. 2. § 81 — ⁽⁴⁾ Ibid. lib. 3. cap. 2. § 99—130.

Когда, говоритъ онъ, дѣти рождаются на свѣтъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, рождаются людьми. Какъ людямъ, имъ необходимо принадлежать, сколько допускаетъ ихъ состояніе, права, свойственныя людямъ. Следовательно другими людьми по отношенію къ нимъ должны быть наблюдаемы не только отрицательныя, но и положительныя предписанія закона. Особенно же должно быть соблюденно по отношенію къ нимъ правило объ исполненіи должностей чело-вѣколюбія. Итъ никакого сомнѣнія, что если никто не будетъ кормить и обучать младенцевъ, то они погибнутъ отъ голода и жизнь ихъ не будетъ отличаться отъ жизни неразумныхъ животныхъ; почему необходимо, чтобы другіе люди позаботились объ нихъ, такъ чтобы они могли жить сами по себѣ и жить согласно съ разумомъ. Въ другихъ случаяхъ обязанность чело-вѣколюбія простирается неопредѣленно на всехъ людей. Но какъ воспитаніе дѣтей требуетъ важныхъ издержекъ и трудовъ, а потому нельзя ожидать, чтобы люди стали заниматься этимъ дѣломъ изъ побужденій обыкновенной благотворительности,—какъ сверхъ того въ случаѣ замедленія здѣсь предстоптъ большая опасность, по тому что дѣти не могутъ просить сами помощи себѣ у другихъ; то необходимо нужно было, чтобы законъ естественный указалъ на извѣстныхъ людей въ родѣ чело-вѣческомъ, которые бы непосредственно знали, что обязанность сдѣлать это благотвліе лежитъ преимущественно предъ прочими людьми на нихъ. Какъ обыкновенно одинъ чело-вѣкъ бываетъ больше обязанъ, чѣмъ другой, оказать кому либо благотвліе, и это обязательство особенно увеличивается близости отношенія между людьми; то отсюда само собою слѣдуетъ, что родители, какъ лица по рожденію ближайшіе къ дѣтямъ, какъ лица, въ которыхъ наиболѣе заключается причина ихъ существованія, должны принять на себя обязанность ихъ воспитанія. Но для исполненія своего долга родителями необходимо нужно имѣть власть надъ дѣтьми ⁽¹⁾.

(1) Ibid. lib. 3. cap. 4.

Въ ученіи о господской власти Томазіи вполне согласуется съ Пуфендорфомъ ⁽¹⁾.

Въ ученіи о государствѣ Томазіи также слѣдуетъ вообще Пуфендорфу ⁽²⁾ и входитъ только въ особенное и подробное изслѣдованіе о преступленіяхъ и наказаніяхъ. Наказаніе (poena), по опредѣленію Томазіи, есть зло, или боль, которую причиняетъ за преступленіе высшій нижшему противъ его воли, для общаго исправленія гражданъ ⁽³⁾. Въ общемъ исправленіи гражданъ, по мнѣнію Томазіи, заключаются и другія, принимаемыя нѣкоторыми, цѣли наказанія, какъ то: удовлетвореніе законодателя за нарушеніе его законовъ (expiatio) и обезпеченіе гражданъ противъ обидъ (assecuratio). Если напр. убійца наказывается смертію, то цѣль наказанія въ этомъ случаѣ есть—дать примѣръ другимъ и отучить ихъ отъ преступленія; если она достигнута, то вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ вообще граждане обезпечиваются противъ преступленія, а владыкъ государства дѣлается, по возможности, удовлетвореніе за презрѣніе, ему нанесенное преступникомъ ⁽⁴⁾. Относительно совершенія наказаній Томазіи принимаетъ слѣдующее общее правило: должно наказывать преступниковъ, сколько это нужно для пользы государства. Отсюда онъ выводитъ два правила особенныя: одно касается дѣйствій, которыя должно наказывать, другое—способа наказанія. Что касается дѣйствій, подлежащихъ наказанію,—должно наказывать только дѣйствія, причиняющія вредъ государству и исправимыя. По сему не подлежатъ чело-вѣческому наказанію вообще дѣйствія чисто внутреннія, какъ то: мысли, соединенныя съ услажденіемъ, о какомънибудь грѣхѣ, пожеланіе, хотѣніе безъ дѣйствія, хотя бы это и дошло потомъ до свѣдѣнія другихъ; потому что такими внутренними дѣйствіями никому не причиняется вреда. Слишкомъ жестоко было бы также подвергать чело-вѣческому наказанію самыя малѣй-

(1) Ibid. lib. 3. cap. 5. — (2) Ibid. lib. 3. cap. 6. — (3) Ibid. lib. 3. cap. 7, § 28. — (4) Ibid. § 45.

міе проступки, которыхъ при настоящемъ устроении нашей природы невозможно избѣгнуть, какъ бы мы внимательны къ себѣ ни были. Сверхъ сего законы человѣческіе большею частию не обращаютъ вниманія на такія дѣйствія, противоположныя которымъ становятся тѣмъ выше, когда предпринимаются не для избѣжанія наказанія, какъ напр. дѣйствія благотворительности и человеколюбія. Есть, далѣе, множество легкихъ преступленій, изъ-за коихъ не стоитъ беспокоить судей. Часто надобно бываетъ удерживаться отъ наказанія по причинѣ большой неясности самаго дѣла. По причинѣ несправимости не должны быть подвергаемы человѣческому наказанію пороки, которые проистекаютъ изъ общаго, свойственнаго всемъ смертнымъ, поврежденія, и которые встрѣчаются такъ часто, что не надъ кѣмъ было бы начальствовать, еслибъ мы строго захотѣли ихъ наказывать, доколь они не обнаруживаются въ какихъ нибудь важныхъ дѣйствіяхъ; таковы честолюбіе, любостыжательность, жестокосердіе, неблагодарность и т. п. Если зло такъ уже устарѣло, что безъ потрясенія всего государства его нельзя искоренить, — если число преступниковъ извѣстнаго рода такъ велико, что отъ наказанія ихъ государство сдѣлалось бы безлюднымъ; то напрасно въ такомъ случаѣ прибѣгать къ наказаніямъ. Довольно, если правительство удерживаетъ посредствомъ законовъ распространеніе зла. Но изъ всѣхъ этихъ правилъ Томазіи въ случаяхъ особенныхъ допускаетъ исключенія. На оборотъ, по его мнѣнію, можетъ случиться, что не нужно будетъ наказывать преступленій, хотя бы по общему правилу ихъ надлежало подвергнуть наказанію. При наказаніи преступленій по ученію Томазіи, надобно бываетъ обращать вниманіе на различныя особенныя обстоятельства, какъ на пр. на то, нужно ли въ извѣстномъ случаѣ достигать цѣли наказаній, не можетъ ли прощеніе произвести болѣе пользы, чѣмъ сколько можетъ произвестъ се наказаніе, не можно ли цѣли наказанія съ большимъ удобствомъ достигнуть другимъ путемъ, — не оказалъ ли виновный, или нѣтъ ли надежды, что онъ ока-

жетъ важныя услуги государству. По отношенію къ образу наказанія Томазіи предлагаетъ правило: должно наказывать, сколько это нужно для общаго исправленія. По сему должны быть употребляемы наказанія, соразмѣрныя преступленіямъ, т. е. такія, которыя бы въ состояніи были укротить въ людяхъ пожеланія, влекуція ихъ къ преступленію. Для этого должно обращать вниманіе на важность преступленія и на лице преступника. Важность преступленія опредѣляется его предметомъ, послѣдствіями, и наконецъ тѣмъ, часто или рѣдко оно встрѣчается. Въ лицѣ преступника должно быть обращено вниманіе на склонность его къ преступленію и на его чувствительность къ наказанію ⁽¹⁾.

Наконецъ въ ученіи о правѣ народовъ Томазіи совершенно согласуется съ Пуфендорфомъ ⁽²⁾.

2. Измѣненный образъ мыслей Томазіи.

§ 414.

Первые слѣды переменъ въ образѣ мыслей Томазіи замѣчаются уже въ его сочиненіи: *Искусство разумной и добродѣтельной любви, или введеніе въ правоученіе* ⁽³⁾. Здѣсь началомъ нравственной дѣятельности чловѣка онъ поставляетъ разумную любовь къ другимъ, которая, по его словамъ, не есть самолюбіе, хотя въ существѣ вещи это есть только скрытое самолюбіе; такъ какъ, по мнѣнію его, высочайшая цѣль чловѣка есть счастье, именно душевное спокойствіе, а разумная любовь къ другимъ есть средство для достиженія этого счастья.

⁽¹⁾ Lib. 3. c. 7. § 101—128 — ⁽²⁾ Lib. 1. cap. 2. § 101—109. Cf. Lib. 3. cap. 1. § 33—50. — ⁽³⁾ Von der Kunst vernünftig und tugendhaft zu lieben, oder Einleitung zur Sittenlehre. Halle, 1692. 1710. 8. — Сюда же относятся: Von der Arznei wider die unvernünftige Liebe, oder Ausübung der Sittenlehre. Halle 1696. 1704. 8. — Introductio in philosophiam moralem cum praxi. Hal. 1706.

Вполнѣ обозначился новый образъ Томазія въ его *Основаніяхъ права естественнаго и народнаго, выведенныхъ изъ общаго смысла* (*). Здѣсь Томазіи принимаетъ слѣдующее основное положеніе: должно дѣлать то, что можетъ доставить человѣку жизнь и самую продолжительную и самую счастливую; напротивъ должно избегатьъ того, что дѣлаетъ жизнь несчастною и ускорять смерть. Самою счастливою жизнію Томазіи называетъ ту, которая вмѣстѣ и заслуживаетъ величайшую похвалу, и провождается самымъ пріятнымъ образомъ, и изобилуетъ всѣми вещами. Но нельзя человѣку жить ни спокойно, ни съ похвалою, ни съ пріятностію, ни въ изобиліи, если онъ не будетъ жить *честно* (honeste), *благопристойно* (decore) и *праведно* (julte). Отсюда вытекаютъ для Томазіи слѣдующія три особенныя начала: честнаго—дѣлай себѣ самому то, чего ты себѣ желаешь отъ другихъ; благопристойнаго—дѣлай другимъ то, чего ты себѣ отъ нихъ желаешь; праведнаго—не дѣлай другимъ того, чего ты себѣ отъ нихъ не желаешь. Изъ началъ благопристойнаго и честнаго выводятся теперь у Томазіи и тѣ нравственныя правила, которыми онъ прежде выводилъ изъ Божескаго всеобщаго откровеннаго закона. Область праведнаго ограничена одними отрицательными предписаніями, съ которыми по вѣншности люди должны сообразоваться во взаимныхъ отношеніяхъ между собою. Къ исполненію обязанностей, происходящихъ, человѣкъ можетъ быть, по словамъ Томазіи, принужденъ вѣншною, физическою силою.

Такимъ образомъ, между тѣмъ, какъ Пуфендорфъ, ограничивая предписанія закона естественнаго вѣншними дѣйствіями человѣка и цѣлями настоящей жизни, въ самомъ изложеніи смѣшивалъ законы чисто нравственные съ законами юридическими, и

(*) Fundamenta juris naturæ et gentium, ex sensu communi deducta. Hal. 1705. 1718. 4. Мысли, изложенныя въ этомъ сочиненіи, Томазіи открылъ еще прежде съ нѣкоторою подробностію въ 1702 г. въ *Observationes selectæ ad rem literariam spectantes tom. VI. observ. 27. § 43 seqq.*

не оставался вѣрнымъ своему понятію о содержаніи закона естественнаго, Томазіи, сохраняя тоже понятіе, удерживаетъ его постоянно во всѣхъ частяхъ своей системы и дѣйствительно представляетъ намъ законы для одной вѣншной и ограниченной видами настоящаго бытія дѣятельности человѣка,—законы, исполненіе коихъ по сему самому можетъ и должно быть обезпечено вѣншною силою. Предметы чисто нравственные этимъ не были исключены изъ философіи, но только получили въ ней другое мѣсто.

§ 415.

По примѣру Томазіи старались положить точнѣйшее различіе между моральною и правомъ, и такимъ образомъ науку Права Естественнаго въ ея отдѣленіи отъ морали привести къ совершенству: *Герардъ, Гундлингъ, Генрихъ и Самуиль Кокцен*, преимущественно же *Поттеръ* и *Асенваль*. Хотя никто изъ нихъ не отвергалъ, что слово: *Законъ Естественный* (jus naturæ), можетъ быть употреблемо для означенія всей совокупности законовъ человѣческой дѣятельности, познаваемыхъ непосредственно изъ разума; однакоже въ особенномъ и строгомъ смыслѣ они хотѣли разумѣть подъ симъ именемъ совокупность нравственныхъ законовъ, познаваемыхъ изъ разума, которые такъ обязываютъ человѣка, что если онъ не будетъ исполнять своей обязанности, тогда тотъ, въ чью пользу установлена сія обязанность, справедливо можетъ принудить его силою къ исполненію обязанности. Законы, обязанности и права такого рода они называли преимущественно законами, обязанностями и правами совершенными (lex perfecta, officium perfectum, jus perfectum).

Герардъ (*) былъ самымъ близкимъ последователемъ Томазіи.

(*) Герардъ ум. въ 1718 г. Писалъ: *Ephraim Gerhard delineatio juris naturalis sive de principijs justi libri tres, quibus fundamenta generalia doctrinae de decore accesserunt*. Jen. 1712. 8.

По учению Гундлинга ⁽¹⁾ законъ естественный имѣетъ въ виду высшую сообразность дѣяній съ закономъ (legalitas), совершенно не обращающаго вниманія на чувствованія, съ какими они совершаются, тогда какъ Этика смотритъ преимущественно на сіи чувствованія. Начало закона естественнаго выражается у Гундлинга слѣдующимъ образомъ: старайся имѣть и сохранять прежде всего высшій миръ, чтобъ не сдѣлаться неспособнымъ къ жизни въ обществѣ съ другими и къ приобретению добродѣтели. Изъ этого начала вытекаютъ два другія: во первыхъ—не обижай другого и не возмущай его мира; во вторыхъ—оставляй у каждого свое. Право человека послѣ сего есть, по словамъ Гундлинга, свобода, данная ему закономъ, такъ что онъ можетъ ее вынудить, если другой полагаетъ ей препятствія. Въ состояніи природы человекъ, котораго права нарушаются, можетъ для сохраненія ихъ употреблять принужденіе, даже умерщвляя обидчика. Но такое состояніе Гундлингу представляется исполненнымъ безначалія и безпорядка, почему онъ признаетъ необходимымъ существованіе государства какъ для обезпеченія правъ, такъ и для доставленія человеку возможности удовлетворить своимъ потребностямъ; сперва люди, по словамъ Гундлинга, стараются достигнуть посредствомъ государства безопасности, потомъ уже довольства.

Всѣ вопросы о правѣ, говоритъ Генрихъ Кокцен ⁽²⁾, сосредоточиваются въ вопросъ: что позволительно дѣлать,—такъ какъ позволительное есть тоже, что и праведное (justum). Людямъ, отъ самой природы снабженнымъ силами для дѣйствій, физически по-

⁽¹⁾ Ник. Иерон. Гундлингъ род. въ 1671 г., ум. въ 1729. Писалъ: *Via ad veritatem moralem*. Hal. 1714. 8.—*Justi naturae et gentium*. Hal. 1714. 8.—*Ausführlicher Discours über Natur- und Völkerecht*. Erf. und Leipz. 1734. 8.—⁽²⁾ Генрихъ Кокцен род. въ 1644 г., ум. въ 1719. Онъ изложилъ свои мысли особенно въ Комментаріи на Гроція, изданномъ впрочемъ уже послѣ его смерти. Здѣсь онъ часто ссылается на свои *Positiones juris gentium*. Ихъ представляетъ намъ десятое разсужденіе въ *Samle de Cocceji introductio ad Henrici de Cocceji Grotium illustratum*.

зволительно дѣлать или не дѣлать все, что они могутъ дѣлать или не дѣлать, доколь кто нибудь, имѣющій право запрещать, запретить что нибудь дѣлать или не дѣлать; запрещенное становится тогда невольнымъ и называется несправедливымъ. Это право запрещать принадлежитъ одному Творцу и тѣмъ, кому оно отъ Творца дано будетъ. Отъ природы 1) каждому человеку предоставлено право на свои дѣянія и могущія произтекать отъ нихъ выгоды; 2) человеческому роду предоставлено полное право на землю и ея различныя вещи, ея плоды, звѣрей и проч., даже на самихъ людей,—отдѣльнымъ же лицамъ предоставлено все въ одинаковой мѣрѣ право овладѣвать тѣмъ, что никому не принадлежитъ; 3) людямъ предоставлено право сохранять свое и чужое тѣло и жизнь; 4) учреждено общество, обнимающее всѣхъ людей съ правами, возникающими отсюда для отдѣльныхъ лицъ; 5) учреждено общество домашнее съ правами, возникающими изъ него для отдѣльныхъ лицъ. Такимъ образомъ для каждого человека назначены предѣлы его дѣятельности. Внутри сихъ предѣловъ онъ можетъ распоряжаться совершенно по своему произволу. Но если онъ выступаетъ изъ нихъ, то причиняетъ другимъ обиду, которую онъ обязанъ вознаградить. Для удержанія каждого въ своихъ предѣлахъ и защищенія его отъ другихъ людей необходима на землѣ особенная власть; ея можетъ быть не другая, какъ та, которая принадлежитъ роду человеческому, раздѣленному по странамъ и землямъ на разныя государства.—Такъ раскрываетъ Генрихъ Кокцен понятіе о правѣ. Отъ сего понятія онъ совершенно отличаетъ понятіе добродѣтели. Въ слѣдствіе права мы, по его мнѣнію, отдаемъ другимъ то, что имъ принадлежитъ; напротивъ добродѣтели мы или совершаемъ касающееся до насъ, или наше сообщаемъ другому. Не всѣ дѣйствія, которыя намъ позволены Творцемъ и предоставлены нашей волей, имѣютъ одинаковое достоинство: одни изъ нихъ совершенно безразличны, другія напротивъ могутъ быть лучше и хуже, и слѣдовательно въ большей или меньшей степени за-

служивать отъ Бога похвалу, честь и награду. Дѣянія, достойныя похвалы, чести и награды, Генрихъ Кокценъ называетъ собственно добродѣтельными. Какъ, по его словамъ, совершать ихъ предоставлено отъ Бога доброй воли каждому, то если бы кто и не сталъ ихъ совершать, однакоже, онъ не можетъ быть къ тому принужденъ силою и не можетъ быть подвергнутъ за то наказанію.

Самуилъ Кокценъ ⁽¹⁾, подобно отцу своему, признавая высшимъ нравственнымъ началомъ волю Божию, почитаетъ самымъ яснымъ выраженіемъ ея для естественнаго разума правило: воздавай каждому свое. Отсюда онъ выводитъ 1) обязанности человека къ Богу, состоящія во внѣшнемъ и внутреннемъ Богопочитаніи (воздавай Богу должное ему); 2) обязанности человека къ ближнему (воздавай человеку должное ему). Обязанности послѣдняго рода онъ ограничиваетъ только совершеніемъ или несовершеніемъ извѣстныхъ внѣшнихъ дѣйствій по отношенію къ другимъ людямъ и такія обязанности почитаетъ собственнымъ предметомъ естественнаго права въ строгомъ смыслѣ. По сему различію между естественнымъ правомъ въ этомъ смыслѣ и между нравственными предписаніями, или правилами добродѣтели, у него полагается въ томъ, что нравственныя правила онъ почитаетъ только частію тѣхъ правилъ, коими опредѣляются обязанности людей къ Богу. Человекъ, говоритъ онъ, который никому не дѣлаетъ обиды и каждому воздастъ свое, но не изъ любви къ правдѣ, не по благочестивому расположенію духа, а по одному страху наказанія, дѣйствительно никому изъ людей не дѣлаетъ обиды, и слѣдовательно въ отношеніи къ нимъ онъ праведенъ; они ничего не могутъ отъ него требовать. Но въ отношеніи къ Богу недовольно быть исполнителемъ закона по внѣш-

(1) Сам. Кокценъ род. въ 1679 г., ум. въ 1755. Онъ изложилъ свои мысли, кромѣ упомянутого выше на стран. 420. въ примѣч. 2. разсужденія, въ *introducio ad Henrici Cosseji Grotium illustratum*, въ 12-мъ разсужденіи, которое представляетъ цѣлую систему естественнаго права.

ности; какъ совершеннѣйшее существо, Богъ хочетъ, чтобъ Его законы были исполняемы совершеннѣйшимъ образомъ. По чему по отношенію къ Богу сверхъ внѣшнихъ дѣяній требуется еще чистота сердца въ дѣйствующемъ лицѣ; если ея не достаеъ, то человекъ поступаетъ противно своей обязанности къ Богу, и за это заслуживаетъ наказаніе отъ Него.

§ 416.

Пюттеръ ⁽¹⁾ и Ахенваль ⁽²⁾ сначала обрабатывали науку права естественнаго общими силами. Послѣ того, когда Пюттеръ обратился къ другимъ занятіямъ, общій трудъ продолжалъ усовершенствовать одинъ Ахенваль и далъ ему такую внѣшнюю отдѣлку, такую стройную форму, что въ этомъ отношеніи для науки естественнаго права, разсматриваемаго отдѣльно отъ морали, невозможно было ожидать никакого дальнѣйшаго развитія ⁽³⁾.

Принимая волю Божию за высшее начало нравственной дѣятельности вообще, особеннымъ и ближайшимъ началомъ науки права естественнаго въ строгомъ смыслѣ Ахенваль почитаетъ правило: всякому свое (*suum cuique*). Это правило онъ выводитъ изъ общей всѣмъ людямъ обязанности самосохраненія. Въ слѣдствіе сей обязанности самъ обязанный имѣетъ естественное право удалять отъ себя все, что можетъ препятствовать его сохраненію, и противъ того, кто предпринимаетъ дѣйствіе, противное его сохраненію, употребляетъ мѣры принудительныя. Другіе напротивъ естественно обязаны не дѣлать ничего противнаго его сохраненію; иначе онъ можетъ употребить противъ нихъ принужденіе.

(1) Пюттеръ род. въ 1725 г., ум. въ 1807. — (2) Ахенваль род. въ 1719 г., ум. въ 1772. — (3) Пюттеръ и Ахенваль подъ общимъ именемъ издали въ 1750 г. *jus naturae*; 2-е изданіе сего сочиненія было ими сдѣлано также вмѣстѣ въ 1752 г. Слѣдующія за тѣмъ изданія, именно: 1755-го и другихъ годовъ носятъ на себѣ имя одного Ахенваля.

Такимъ образомъ каждый долженъ оставлять всѣмъ другимъ то, что имъ принадлежитъ въ слѣдствіе ихъ обязанности самосохраненія.

Послѣ сего, приступая къ изложенію своей системы, Ахенвалль весь законъ естественный раздѣляетъ на законъ природы въ самомъ тѣсномъ смыслѣ (*jus naturale strictissime dictum*) и законъ общественный всеобщій (*jus sociale universale*), такъ какъ люди могутъ быть разсматриваемы или въ состояніи отдѣльнаго другъ отъ друга существованія, называемомъ иначе состояніемъ природы, или въ состояніи общительномъ.

Состояніе отдѣльнаго существованія людей можно разсматривать, или отвлекая отъ всякаго факта юридическаго, въ самомъ себѣ и безусловно (*absolute*), или въ томъ видѣ, какой оно получаетъ, когда мы предположимъ существованіе извѣстныхъ дѣйствій юридическихъ, условно (*hypothetice*). Въ состояніи условномъ предполагается дѣяніе праведное или не-праведное, называемое иначе обидою. Въ случаѣ обиды для обиженнаго существуетъ противъ обидчика право принужденія, переходящее въ состояніи природы въ право войны. Такимъ образомъ состояніе условное есть или состояніе мира, или состояніе войны. На сихъ основаніяхъ Ахенвалль ученіе о правѣ людей въ состояніи отдѣльнаго ихъ существованія раздѣляетъ на ученіе о правѣ ихъ въ состояніи безусловномъ (*jus naturæ absolutum*) и ученіе о правѣ ихъ въ состояніи условномъ (*jus naturæ hypotheticum*), и притомъ какъ въ состояніи мира, такъ и въ состояніи войны.

Ученіе о правѣ людей въ состояніи безусловномъ опредѣляетъ разныя прирожденныя права человѣка, какъ то: право на жизнь и дѣйствія, непротивныя закону, — право быть признаваему такимъ же человекомъ, какъ и всякой другой, — право независимости отъ другаго, — право объявлять или не объявлять другому свои мысли, какъ скоро это можетъ

быть сдѣлано безъ обиды ему, — право на честь равную со всѣми другими, — право пользоваться вещами, какъ совершенно необходимыми для жизни, такъ и служащими только къ ея удобству.

Ученіе о правѣ людей въ мирномъ условномъ состояніи разсматриваетъ могущія быть приобретенными права на вещи и на дѣйствія лицъ и способы приобретенія сихъ правъ. Приобрѣсть посредствомъ справедливаго своего дѣйствія человекъ можетъ, по словамъ Ахенвалля, или вещь никому не-принадлежащую, или приращеніе отъ своей вещи, или вещь чужую. Отсюда происходитъ троякій способъ приобретенія: овладѣніе вещами, никому не-принадлежащими, приращеніе отъ собственныхъ вещей, договоръ. — Право собственности на вещь, никому не-принадлежащую, образуется, по ученію Ахенвалля, когда человекъ 1) начинаетъ пользоваться вещію, никому не-принадлежащею; 2) объявляетъ, что онъ хочетъ пользоваться ею съ исключеніемъ всѣхъ другихъ; 3) объявляетъ, что онъ хочетъ сохранить ее для будущаго своего употребленія съ исключеніемъ всѣхъ другихъ. Какъ скоро другіе знаютъ объ этой его волѣ, то для нихъ рождается изъ дѣйствій и воли его обязательство воздерживаться отъ такой вещи, потому что теперь она перестаетъ уже быть вещію, никому не-принадлежащею, а дѣлается собственностію того, кто совершилъ означенныя дѣйствія. — Право собственности на приращенія, какія можетъ получить наша вещь, Ахенвалль основываетъ на томъ, что хозяинъ вещи имѣетъ исключительное право на всѣ вообще дѣйствія относительно своей вещи, которыя физически возможны и не заключаютъ въ себѣ обиды для другихъ, на всѣхъ же прочихъ людяхъ лежить обязанность уважать волю и намѣренія хозяина, какое бы онъ ни вздумалъ предпринять дѣйствіе относительно своей вещи съ исключеніемъ другихъ. Посему, говоритъ Ахенвалль, если что нибудь не-принадлежащее другому, но служащее къ выгодѣ нашей вещи, соединится съ нею, то такое

приращеніе тотчас принадлежить хозяину вещи, когда онъ этого хочетъ и имѣть приращеніе въ своей власти, какъ скоро оно дѣлается, и никто другой не можетъ присвоить себѣ права на эту выгоду, а напротивъ обязанъ сообразоваться съ волею и намѣреніемъ хозяина. — Обязательная сила договоровъ у Ахенвалля выводится изъ необходимости принимать за истину объявленія, дѣлаемая человекомъ относительно своей воли. Человѣку, по словамъ Ахенвалля, не дано непосредственно созерцать внутреннія дѣйствія души другаго; ему физически невозможно знать объ нихъ, если другой ихъ не объявитъ. Слѣдствіемъ сего есть то, что между людьми достаточно сдѣланное объявленіе воли принимается за самую волю. Что я хочу и могу, то и дѣлается, т. е. получаетъ такое дѣйствіе, какое я предполагаю; по сему мое перестаетъ быть моимъ, когда я хочу этого (справедливымъ образомъ), слѣдовательно когда и достаточнымъ образомъ объявляю, что я хочу этого. Итакъ если я оставляю вещь, или если прямо (достаточнымъ образомъ) объявляю, что я не хочу имѣть этой вещи въ своей собственности; то другой имѣетъ право думать, что я внутренно хочу, чтобъ эта вещь не была болѣе моею, слѣдовательно право судить, что эта вещь сдѣлалась ничьею и потому можетъ быть имъ занята. Такимъ образомъ въ слѣдствіе моего объявленія онъ получаетъ право занять вещь, и если онъ занимаетъ ее, то она принадлежитъ ему въ силу овладѣнія навсегда въ собственность. Таково дѣйствительно свойство договоровъ. Я обещаю тебѣ что нибудь, если я объявляю тебѣ достаточнымъ образомъ, что я хочу, чтобъ ничто мое было твоимъ. Я соглашаюсь (юридически) съ тобою, если я объявляю тебѣ достаточнымъ образомъ, что я хочу того же, чего ты хочешь. Я принимаю твое обещаніе, если я соглашаюсь на твое обещаніе, мнѣ сдѣланное. Итакъ я принимаю обещаніе, когда тому, кто мнѣ что нибудь обещаетъ, объявляю достаточнымъ образомъ, что я хочу, чтобъ обещанное имъ принадлежащее ему было моимъ. Принятое обещаніе есть договоръ. Такимъ образомъ въ договорѣ

одно лице достаточнымъ образомъ объявляетъ, что оно хочетъ, чтобъ принадлежащее ему принадлежало другому; сей послѣдній объявляетъ съ своей стороны также достаточнымъ образомъ, что онъ хочетъ, чтобъ принадлежащее первому принадлежало ему. По чему посредствомъ договора принадлежащее одному дѣйствительно начинаетъ принадлежать другому, и если договоръ исполняется не въ то же самое время, какъ онъ заключенъ, то приобретающій что нибудь посредствомъ его имѣетъ право требовать его исполненія, а давшій обещаніе обязанъ его исполнить. Изложивъ естественные способы пріобрѣтенія собственности, Ахенвалль разсматриваетъ еще два способа, принимаемые положительными законодательствами: пріобрѣтеніе въ силу завѣщанія и давность. Относительно перваго онъ замѣчаетъ, что прежде смерти завѣщателя наследникъ не имѣетъ никакого права пріобрѣсть что нибудь посредствомъ завѣщанія; по воспослѣдованіи же смерти завѣщателя сей послѣдній не имѣетъ никакого права перенести наследство на другаго. По сему Ахенвалль не относитъ къ естественнымъ способамъ пріобрѣтенія вещей завѣщательнаго распоряженія. Равнымъ образомъ онъ отвергаетъ и давность. Давность есть способъ пріобрѣтенія, основывающійся на предполагаемомъ оставленіи вещи ея хозяиномъ. Слѣдовательно если является хозяинъ вещи, то вещь должна быть ему возвращена. По чему, говоритъ Ахенвалль, посредствомъ давности владѣнія вещь нисколько не пріобрѣтается.

Ученіе о правѣ людей въ условномъ состояніи войны излагаетъ какъ средства, которыми человѣкъ въ общества можетъ защитить свое нарушенное право, такъ и способы къ окончанію распрей въ этомъ состояніи. Обижаемый, по словамъ Ахенвалля, имѣетъ право употребить силу и принужденіе противъ обидчика. Обида можетъ быть или уже сдѣлана, или она теперь только дѣлается, или она угрожаетъ. Въ первомъ случаѣ можетъ быть требовано вознагражденіе сдѣланнаго вреда; во второмъ случаѣ

можно защищаться противъ наносимой обиды, равно какъ въ третьемъ принимать мѣры осторожности противъ явно угрожающей опасности. Но побѣда, по мнѣнію Ахенвалля, не оканчивается распри, за исключениемъ того случая, когда враждующіе согласятся на нее, какъ на средство прекращенія распри. Способы, коими оканчивается война, суть вмѣстѣ и способы прекращенія распри. Сюда относятся: смерть одного изъ лицъ спорящихъ, особенно же мирный договоръ.

Состояніе общежитіе представляетъ намъ разныя, малыя и большія, общества. Въ ученіи о правахъ людей въ этомъ состояніи (*jus sociale universale*) Ахенвалль, изложивши предварительно законъ общества вообще (*jus sociale universale in genere*), разсматриваетъ сначала законъ общества, составляющихъ домъ, (*jus societatum domesticarum*), т. е. супружескаго, родительскаго, господскаго, и цѣлаго домашняго общества, потомъ законъ гражданскаго общества (*jus civitatis universale*). Разсмотрѣніе перваго рода общества служитъ для него приготовленіемъ къ разсмотрѣнію послѣдняго, такъ какъ гражданское общество состоитъ изъ домовъ. Впрочемъ содержаніе ученія Ахенвалля какъ о домашнихъ обществахъ, такъ и обществъ гражданскомъ, не много представляетъ новаго.

Что касается въ особенности общества, составляющихъ домъ, цѣлю союза супружескаго Ахенвалль почитаетъ рожденіе и воспитаніе дѣтей; совершеннѣйшимъ видомъ брака по отношенію къ этой цѣли онъ признаетъ союзъ одного мужа съ одною женою, заключаемый на всю жизнь и притомъ соединяющій ихъ тѣснѣйшимъ образомъ во всехъ отношеніяхъ жизни. Цѣлю общества родителей и дѣтей поставлена съ одной стороны польза родителей, какую они могутъ получить отъ своихъ дѣтей какъ въ продолженіи времени воспитанія, такъ особенно послѣ того, съ другой стороны—польза дѣтей, именно ихъ воспитаніе; основаніе власти родителей надъ

дѣтьми ищется въ томъ, что послѣдніе суть произведеніе первыхъ. Отношеніе между господиномъ и слугою выводится въ естественномъ состояніи изъ договора между ними, который впрочемъ въ случаѣ обиды, сдѣланной лицомъ, обращаемымъ въ рабство, можетъ быть и вынужденъ. Наконецъ цѣль всего домашняго общества полагается въ томъ, чтобъ простымъ обществу, изъ коихъ составляется домъ, при взаимномъ другъ другу содѣйствіи, тѣмъ успѣшнѣе могли достигать своихъ особенныхъ цѣлей.

Въ ученіи о гражданскомъ обществѣ у Ахенвалля разсматривается это общество какъ внутри его самого, такъ и въ его вѣншихъ отношеніяхъ. Отсюда двѣ части его закона: законъ его внутренній (*jus civitatis intrinsecum*) и законъ вѣншій (*jus civitatis extrinsecum*). Законъ гражданскаго общества внутренній опредѣляетъ или права и обязанности, существующія въ отношеніяхъ между властью общественною и ея подданными (*jus civitatis publicum*), или права и обязанности подданныхъ въ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу (*jus civitatis privatum*). Первый изъ сихъ отдѣловъ Ахенвалль называетъ закономъ государственнымъ всеобщимъ (*jus publicum universale*) и подвергаетъ его особенному разсмотрѣнію, опуская второй, по той, безъ сомнѣнія, причинѣ, что предметы, сюда относящіеся, болѣею частію уже были разсмотрѣны въ предшествовавшихъ частяхъ ученія о правѣ. Въ ученіи о законѣ государственномъ всеобщемъ Ахенвалль излагаетъ сначала самыя общія понятія и положенія относительно гражданскаго общества, цѣлю котораго онъ почитаетъ вѣншее участіе гражданъ и происхожденіе котораго онъ описываетъ согласно съ Пуфендорфомъ. Потомъ представляются намъ въ соотвѣтствіи съ тремя частями закона естественнаго, принимаемаго въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова: 1) государственный безусловный законъ (*jus publicum absolutum*) гражданскаго общества, опредѣляющій права верховной власти вообще; 2) государственный условный законъ (*jus publicum hypotheticum*) гражданскаго общества, т. е. госу-

дарственный законъ его при различныхъ образахъ правленія; 3) средства, существующія въ гражданскомъ обществѣ для защищенія своего права.

Вѣтшій законъ гражданского общества опредѣляетъ права и обязанности какъ его самого, такъ и его гражданъ по отношенію къ постороннимъ, не принадлежащимъ къ нему, лицамъ, и притомъ какъ къ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и къ обществамъ, малымъ или большимъ. Между обществами предъ всѣми прочими особенно отличаются большія независимыя общества, называемыя народами. Отсюда, по словамъ Ахенвалля, получаетъ свое начало опредѣленный видъ вѣтшаго закона гражданского общества, называемый закономъ народовъ, предметъ котораго составляютъ взаимныя права и обязанности народовъ между собою. Взирая на народы, какъ на отдѣльныя лица, и почитая естественный законъ народовъ только приложеніемъ естественнаго закона отдѣльныхъ лицъ къ отношеніямъ между народами, Ахенвалль раздѣляетъ весь естественный законъ народовъ на законъ ихъ безусловный, законъ ихъ условный въ состояніи мира, и наконецъ законъ ихъ военный. Закономъ народовъ безусловнымъ опредѣляются права народовъ въ отношеніяхъ другъ къ другу, данныя съ самымъ бытіемъ народа независимаго, и не предполагающія никакого факта юридическаго для своего существованія, куда принадлежать: право самосохраненія, право естественной независимости, право равнаго уваженія съ другими народами, право усовершенствованія себя, дѣлать пріобрѣтенія и увеличивать свое могущество. Закономъ народовъ условнымъ опредѣляются пріобрѣтенныя права народовъ, каковы: право владѣнія землею, право вступленія въ договоры и право отправленія пословъ и посланниковъ. Наконецъ законъ народовъ военный опредѣляетъ права, принадлежащія народу обиженному противъ обиженнаго, и показываетъ способы къ прекращенію распрей, возникающихъ между народами, какъ мирныя, такъ и насильственныя.

Б. Система, имѣющая въ виду при опредѣленіи существа закона естественнаго совокупность всѣхъ дѣйствій человека и цѣли всей человеческой жизни.

§ 417.

Пуфендорфомъ и Томазіемъ съ его послѣдователями разорвана была вся жизнь человека на двѣ половины. Философія, которая стремилась къ безусловному единству, не могла терпѣть такого раздѣленія человеческой дѣятельности. По чему дѣйствительно въ школѣ Декарта мы видимъ философовъ съ другимъ направленіемъ, которое не ограничиваетъ предписаній закона естественнаго одними вѣтшними дѣйствіями и цѣлями одной временной жизни, но при опредѣленіи существа его имѣетъ въ виду всю совокупность дѣйствій человека и цѣли всей человеческой жизни. Сюда относятся *Спиноза* и *Лейбницъ* съ своимъ ученикомъ *Вольфомъ*.

I. Спиноза.

§ 418.

Бенедиктъ Спиноза (¹), принадлежащій по своему происхожденію Еврейскому народу, по мѣсту рожденія и жительства Голландіи, самостоятельно продолжилъ развитіе философіи Декартовой и такимъ образомъ составилъ собою необходимое звѣно, связующее эту философію съ Германскою философіею Лейбница и Вольфа.

Для философіи законодательства замѣчательны слѣдующія сочиненія Спинозы: 1) *Этика* (²); 2) *Трактатъ*

(¹) Спиноза род. въ 1632 г., ум. въ 1677. — (²) *Ethica*. Издана уже послѣ смерти Спинозы, въ его *opera posthuma*. Amstelod. 1677. 4.

политическій, впрочемъ неоконченный ⁽¹⁾; 3) Трактатъ богословско—политическій ⁽²⁾.

§ 419.

Если, по мнѣнію Декарта, для начала и продолженія бытія конечныхъ существъ необходимо непрерывное содѣйствіе или присутствіе Божества; то у Спинозы бытіе конечное совпадаетъ съ бытіемъ безконечнымъ. Богъ, по ученію Спинозы, есть существо, въ самой природѣ котораго заключается уже и бытіе, и онъ одинъ есть такое существо—существо необходимо самобытное. Отдѣльныя вещи существуютъ не иначе, какъ черезъ него и въ немъ, и суть только опредѣленные образы его бытія; одни изъ нихъ выражаютъ одну сторону его природы, другія другую,—однѣ безконечное мышленіе, другія—безконечную протяженность. Такимъ образомъ каждая вещь съ ея опредѣленною природою представляетъ намъ въ опредѣленной степени силу и дѣйствіе Божественное, каждая въ бытіи своемъ слѣдуетъ необходимымъ законамъ, вытекающимъ изъ опредѣленной ея природы, и не можетъ существовать иначе, нежели какъ она существуетъ. Таковы общія начала ученія Спинозы.

Въ Этикѣ и Политикѣ Спинозы развиваются тѣ же общія начала въ приложеніи къ особенному предмету сихъ наукъ. Этика опредѣляетъ законы дѣйствія частныхъ лицъ, вытекающіе изъ свойства природы человѣческой; Политика опредѣляетъ законы

⁽¹⁾ Tractatus politicus. Издавъ также по смерти сочинителя, вмѣстѣ съ Этикою. — ⁽²⁾ Tractatus theologico—politicus, continens dissertationes aliquot, quibus ostenditur libertatem philosophandi non tantum salva pietate et reipublice pace concedi, sed eandem nisi cum pace reipublice ipsaque pietate tolli non posse. Hamb. (Amstelod.) 1670. 4. — Все поименованныя сочиненія находятся и въ полномъ изданіи сочиненій Спинозы, сдѣланномъ Павломъ подъ заглавіемъ: Ben. de Spinoza opera quae supersunt omnia, ed. H. Eberh. Glob. Paulus. Jena. 1802. 1803. II. Voll. 8.

дѣйствія обществъ гражданскихъ. Первая показываетъ, въ чемъ состоитъ рабство и въ чемъ свобода духа человѣческаго,—какъ и въ какой мѣрѣ человѣкъ можетъ освободиться изъ подъ владычества страстей, чтобъ жить согласно съ разумомъ. Вторая показываетъ, какъ человѣкъ, живя съ другими людьми, которые въ своихъ дѣйствіяхъ не всегда руководствуются разумомъ, можетъ достигнуть нужной безопасности и какъ для того должно быть устроено гражданское общество.

§ 420.

Прежде чѣмъ мы приступимъ къ Политикѣ Спинозы, замѣняющей у него Философію законодательства, мы должны предложить главныя мысли изъ его Этики, потому что онѣ служатъ основаніемъ и для Политики. Каждая вещь,—такъ учить Спиноза въ своей Этикѣ,—стремится, сколько возможно, пребыть въ своемъ бытіи, и это стремленіе есть самое данное существо вещи, такъ какъ изъ даннаго существа каждой вещи слѣдуетъ нѣчто съ необходимостію, и вещь не въ силахъ дѣлать что нибудь сверхъ того, что слѣдуетъ съ необходимостію изъ опредѣленной ея природы ⁽¹⁾. Могущество, принадлежащее вещи по самой ея природѣ, есть ея добродѣтель (virtus). Въ приложеніи этого понятія къ человѣку, добродѣтель чловѣка есть самое существо его, поколику онъ имѣетъ силу производить что нибудь такое, что можетъ быть понято изъ однихъ законовъ его природы ⁽²⁾. Посему первая добродѣтель и основаніе всякой добродѣтели для чловѣка есть его стремленіе сохранить свое бытіе. Чѣмъ болѣе онъ старается и въ состояніи бываетъ сохранять свое бытіе, соблюдая свою выгоду, тѣмъ болѣе онъ имѣетъ добродѣтели; чѣмъ менѣе онъ заботится о себѣ и можетъ сохранять себя, тѣмъ менѣе въ немъ добродѣтели ⁽³⁾. —Мы, далѣе говорить Спиноза, дѣй-

⁽¹⁾ Ethic. p. 3. prop. 6 et 7. — ⁽²⁾ Ethic. p. 4. defin. 8. — ⁽³⁾ Eth. p. 4. propos. 20 et 22.

ствуемъ, когда въ насъ или вѣ насъ происходитъ что нибудь такое, чего мы составляемъ полную причину; напротивъ мы страждемъ, когда въ насъ или отъ насъ происходитъ что нибудь, чего причиною мы служимъ только отчасти⁽¹⁾. Полную причину чего нибудь духъ нашъ составляетъ тогда, когда онъ производитъ что нибудь въ слѣдствіе яснаго и точнаго объ этомъ понятія; въ противномъ случаѣ произведеіе наше принадлежитъ намъ только отчасти⁽²⁾. Отсюда Спиноза заключаетъ, что мы тогда только дѣйствуемъ добродѣтельно, когда мы определяемъ къ дѣйствию ясными понятіями. Такимъ образомъ, по словамъ его, дѣйствовать добродѣтельно, дѣйствовать подъ руководствомъ разума, стараться о сохраненіи своего бытія—все это суть выраженія равнозначительныя.—Существо разума составляютъ ясныя и раздѣльныя понятія о вещахъ. Почему предметъ нашихъ разумныхъ заботъ есть не другое что, какъ приобрѣтеніе ясныхъ понятій о вещахъ, и духъ нашъ по отношенію къ разумной части своего существа почитаетъ для себя полезнымъ только то, что ведетъ его къ уразумѣнію вещей. Высочайшій предметъ познанія для разума есть Богъ; почему, заключаетъ Спиноза, высочайшее благо души нашей и высочайшая добродѣтель есть познаніе Бога⁽³⁾.

Познаніе Бога, по мнѣнію Спинозы, имѣетъ непосредственнымъ своимъ послѣдствіемъ разумную любовь къ нему. Любовь, какъ опредѣляетъ ее Спиноза, есть радость, сопровождаемая представленіемъ вѣнней причины, отъ которой она происходитъ⁽⁴⁾; радость же есть переходъ чловѣка отъ меньшаго къ большему совершенству⁽⁵⁾. Когда духъ нашъ разсматриваетъ себя и свое могущество, то онъ необходимо радуется⁽⁶⁾; видя же въ Богѣ причину

(1) Eth. p. 3. def. 2. Cf. defin. 1. — (2) Ethic. p. 3. propos. 1 et 3. — (3) Eth. p. 4. propos. 23. 24. 26. 28. — (4) Ethic. p. 3. affect. defin. 6. — (5) Тамъ же defin. 2. — (6) Eth. p. 3. propos. 53.

всего своего бытія и существа, онъ необходимо исполняется любви къ нему⁽¹⁾.

Равнымъ образомъ, по словамъ Спинозы, люди добродѣтельные имѣютъ доброжелательство къ другимъ и желаютъ всемъ прочимъ людямъ того же добра, котораго желаютъ сами себя. Ничто, говорить онъ, столько не согласуется съ существомъ извѣстной вещи, и ничто столько не приноситъ ей пользы, какъ другія вещи того же рода. Почему для людей, которые живутъ подъ руководствомъ разума, самые полезнѣйшіе суть люди такого же качества. Почему каждый, кто хочетъ жить подъ руководствомъ разума, желая добра самому себя, желаетъ, чтобъ было, сколько возможно, болѣе людей ему подобныхъ, слѣдовательно людей, обладающихъ тѣмъ же самымъ добромъ, которымъ онъ обладаетъ⁽²⁾. При выведеніи сихъ истинъ Спиноза замѣчаетъ, что люди тогда наиболѣе полезны другъ для друга, когда наиболѣе каждый изъ нихъ заботится о собственной выгодѣ, потому что тогда каждый изъ нихъ старается жить подъ руководствомъ разума, а такіе люди наиболѣе полезны другъ для друга. Какую пользу могутъ взаимно доставлять себѣ люди, живущіе подъ руководствомъ разума, для удостовѣренія въ этомъ Спиноза ссылается на опытъ, который показываетъ намъ, что люди гораздо легче могутъ посредствомъ взаимной помощи доставить себѣ то, въ чемъ они нуждаются, и только соединенными силами могутъ избѣгнуть опасностей, которыя отсюда грозятъ имъ⁽³⁾.

Послѣ сего слова: *religión, чловѣкъ, любіе, честность*, для Спинозы совпадаютъ другъ съ другомъ. Все, чего мы желаемъ и что дѣлаемъ потому, что имѣемъ представленіе и познаніе о Богѣ, онъ относитъ къ *religión* (religio). Стремленіе благотворить другимъ,

(1) Ethic. p. 5. propos. 14—16. cf. propos. 32 et 33. — (2) Eth. p. 4. propos. 37. Cf. propos. 29—36. — (3) Eth. p. 4. propos. 35. coroll. 2.

пронтекающее из того, что мы живемъ подъ руководствомъ разума, по объясненію его, называется *человѣколюбіемъ* (*pietas*). Наконецъ стремленіе, какое имѣетъ человѣкъ, живущій подъ руководствомъ разума, связать съ собою прочихъ людей узами дружбы, называется *честностію* (*honestas*), равно какъ *честнымъ* (*honestum*) называется все то, чего хотятъ люди, живущіе подъ руководствомъ разума, *игрушечнымъ* (*ludere*) — то, что препятствуетъ существованію дружбы между ними ⁽¹⁾. — Подобнымъ образомъ понятіе *добродѣтели* Спиноза возводитъ къ понятію *совершенства* (*perfectio*). Подъ именемъ совершенства онъ разумѣетъ одно и то же съ положительнымъ существомъ, какое можетъ быть въ вещахъ ⁽²⁾. Посему, чѣмъ совершеннѣе вещь, тѣмъ болѣе она имѣетъ въ себѣ положительнаго. Но чѣмъ болѣе она имѣетъ положительнаго, тѣмъ болѣе она дѣйствуетъ, слѣдовательно тѣмъ болѣе она имѣетъ и добродѣтели; страданіе происходитъ отъ недостатка положительнаго въ вещи, въ слѣдствіе чего она дѣлается зависящею и опредѣляется отъ вѣншей, посторонней причины, а не изъ себя самой ⁽³⁾.

Нравоученіе Спинозы представляется съ перваго раза основаннымъ на самолюбіи; добродѣтель, по словамъ Спинозы, есть могущество, которымъ человѣкъ сохраняетъ себя въ своемъ бытіи, съ которымъ онъ печется о себѣ, о своей выгодѣ. Но мы должны вспомнить, что все существующее по мнѣнію Спинозы есть только опредѣленный образъ бытія Божественнаго существа. Посему то, что сохраняетъ человѣкъ въ себѣ, что онъ стремится сохранить, когда стремится сохранить себя, о чемъ онъ заботится, когда заботится о себѣ самомъ, о своей пользѣ, есть самое Божественное существо, какъ оно существуетъ въ немъ. Сила, которая дѣйствуетъ при этомъ, есть только часть общей силы Божественной,

часть Божественнаго Всемогущества. Если человѣкъ не сознаетъ при своей дѣятельности этого отношенія своихъ поступковъ и своего существа къ существованію самолюбія. Но Спиноза къ существованію добродѣтельной дѣятельности относитъ именно такое сознаніе. Существо разума, которое добродѣтельный человѣкъ стремится сохранить, есть познаніе, и притомъ въ высшей и послѣдней степени — познаніе Бога. — Равнымъ образомъ любовь человѣка къ Богу, какъ объясняетъ ее себѣ Спиноза, по-видимому, не нуждается въ самолюбіи. Ея видимое начало скрывается въ томъ, что человѣкъ разсматриваетъ свои совершенства и услаждается ими. Но это созерцаніе себя и самоуслажденіе тотчасъ превращается у Спинозы въ созерцаніе Бога и услажденіе его Божественною природою. Наконецъ и благожелательство къ другимъ людямъ вытекаетъ у Спинозы, по видимому, изъ самолюбія. Но если самолюбіе у Спинозы есть только любовь человѣка къ Божественному, какъ оно существуетъ или можетъ существовать въ немъ, то и благожелательство къ другимъ людямъ, хотя человѣкъ желаетъ имъ добра для себя самого, пріобрѣтаетъ при такомъ объясненіи благороднѣйшее значеніе; это есть желаніе Божественной жизни въ другихъ для того, чтобъ она могла существовать и въ насъ. Послѣ сего Спинозѣ надлежало бы только сказать, что для духа, стремящагося къ Божественному, столь же пріятно созерцать Божественное въ себѣ, сколько и въ другихъ, — пріятно созерцать неждъ, гдѣ только оно ни существуетъ, и въ какомъ бы видѣ ни существовало. Но эта мысль не была высказана Спинозою.

Въ добродѣтельной жизни, въ жизни подъ руководствомъ разума Спиноза видитъ истинную свободу духа человѣческаго, потому что при такой жизни человѣкъ опредѣляется къ дѣйствію причинами, которыя могутъ быть поняты изъ одной его природы, — опредѣляется изъ себя самого. Когда напротивъ человѣкъ водится страстями; тогда онъ не дѣй-

⁽¹⁾ Per realitatem et perfectionem, говоритъ Спиноза, idem intelligit. Ethic. p. 2. defin. 6. — ⁽²⁾ Ethic. p. 5. propos. 40. — ⁽³⁾ Ethic. 4. propos. 37. schol. 1.

ствуешь, а страждешь,—тогда онъ находится въ рабствѣ, состоя подѣ влияніемъ причинъ постороннихъ, завися отъ чуждаго могущества. Способъ освободиться отъ страстей заключается, по мнѣнію Спинозы, въ познаніи, въ жизни по разуму. Страсть перестаетъ быть страстію, какъ скоро мы имѣемъ ясное и раздѣльное объ ней представленіе. Всѣ желанія наши, которыми мы опредѣляемся къ дѣйствию, могутъ протекать столько же изъ ясныхъ, сколько и изъ неясныхъ представлений. Когда они протекаютъ изъ неясныхъ представлений, то они относятся къ числу страстей; если же они протекаютъ изъ ясныхъ представлений, то входятъ въ кругъ добродѣтелей. Человѣку по его природѣ свойственно желать, чтобъ другіе люди жили по его волѣ; въ человѣкѣ, который не управляется разумомъ, это желаніе есть страсть, называемая властолюбіемъ (*ambitio*); но въ человѣкѣ, который живетъ по внушенію разума, это есть добродѣтель, называемая человеколюбіемъ (*pietas*)⁽¹⁾.

По Спиноза далекъ отъ той мысли, чтобы человѣкъ могъ достигнуть совершенной свободы отъ страстей. Человѣкъ необходимо есть часть природы и слѣдовательно необходимо болѣе или менѣе, опредѣляется причинами, вне его существующими, отъ него независящими. Онъ необходимо подверженъ различнымъ страстямъ. Хотя разумъ можетъ укротить и умерить ихъ до значительной степени, однако же онъ не можетъ достигнуть совершенной власти надъ ними; особенно же невозможно, чтобы все множество людей стало жить подѣ руководствомъ разума⁽²⁾. Посему Спиноза разсматриваетъ въ своей Этикѣ человѣческія страсти не какъ пороки человеческой природы, но какъ свойства, такъ же существенно ей принадлежащія, какъ къ природѣ воздуха принадлежатъ жаръ, холодъ, непогода, громъ и тому подобныя явленія, которыя хотя составляютъ

(1) Eth. p. 5. propos. 3 et 4. — (2) Tractatus politicus cap. 1. § 5. Cf. cap. 2. § 5—8.

невыгоду, однако же невыгоду неизбежную⁽¹⁾. Природа, по словамъ Спинозы, управляется законами не одного человеческого разума, которые имѣютъ въ виду только истинную пользу и сохраненіе человѣка, но безконечнымъ множествомъ другихъ, которые имѣютъ въ виду порядокъ цѣлой природы, коей человѣкъ есть только частица, порядокъ, одною необходимостію коего всѣ существа (*individua*) опредѣляются извѣстнымъ образомъ къ существованію и дѣйствованію. Итакъ если что намъ представляется въ природѣ смѣшнымъ, нелѣпымъ, или злымъ, то это происходитъ отъ того, что мы знаемъ вещи только отъ части, болѣею частію не зная порядка и связи цѣлой природы, и хотимъ, чтобъ все управлялось по предписанію нашего разума, между тѣмъ какъ то, что разумъ называетъ зломъ, не есть зло по отношенію къ порядку и законамъ цѣлой природы, а только по отношенію къ законамъ одной нашей природы⁽²⁾. Послѣ сего можно сказать, что Этика, какъ ее представляетъ себѣ Спиноза, не предписываетъ правила, по которымъ долженъ поступать человѣкъ, но излагаетъ тѣ законы, которыми слѣдуетъ человѣкѣ въ своей дѣятельности, когда онъ въ своихъ дѣйствіяхъ руководствуется разумомъ и опредѣляется чистымъ существомъ своей природы.

§ 421.

Приступая къ Политикѣ, Спиноза прежде всего обращаетъ вниманіе на различные способы ея обработыванія: способъ, свойственный философамъ, и способъ, свойственный политикамъ. — Философы представляютъ страсти, волнующія людей, пороками, въ которые человѣкъ впадаетъ по собственной винѣ. Почему, осмѣивая, оплакивая, понося, проклиная людскія страсти, они выхваляютъ природу человеческую, которой нигдѣ не существуетъ, и порицаютъ ту, ко-

(1) Tractat. politic. cap. 1. § 4. — (2) Tract. polit. cap. 2. § 8.

торая действительно существует. Они представляют себя людей не такими, каковы они есть действительно, но какими бы желали их видеть. Следствием этого было то, что вместо Этики они по большей части писали Сатиру, и никогда не могли составить себя политики, которая бы имела приложение, но вымышляли такую политику, которая должна быть почтена химерою, или которая может быть приведена въ дѣйствіе только въ Утопіи, или въ томъ золотомъ вѣкѣ поэтовъ, гдѣ она всего меньше нужна. Отсюда образовалось мнѣніе, что теорія политики находится въ величайшемъ разногласіи съ ея практикою и что къ управленію государства всего меньше способны теоретики или философы. — О политикахъ напротивъ обыкновенно думаютъ, что они больше строятъ ковы, чѣмъ заботятся о благѣ людей. Опытъ научилъ ихъ, что доколь будутъ люди, дотолъ будутъ и пороки. Почему, когда они стараются предупредить человѣческую злобу, и притомъ употребляя средства, какимъ научилъ ихъ долговременный опытъ, и какими пользуются люди, руководствующіеся болѣе страхомъ, чѣмъ разумомъ, они являются противниками религіи, особенно для людей, которые думаютъ, что правительства должны слѣдовать въ управленіи дѣлами общественными тѣмъ же правиламъ, какими долженъ руководствоваться человекъ въ своей частной жизни.

Съ своей стороны Спиноза отдаетъ предпочтеніе политикамъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, говорить онъ, что политики писали съ большимъ успѣхомъ о предметахъ политическихъ, чѣмъ философы; имѣя руководителемъ своимъ опытъ, они не учили ничему такому, что бы не могло быть осуществлено на дѣлѣ. Спиноза даже выражаетъ свою полную увѣренность, что опытомъ представлены всѣ роды государствъ, въ какихъ только могутъ люди жить въ согласіи, вмѣстѣ съ средствами для управленія толпы людей, такъ что въ этомъ отношеніи едва ли можно выдумать что нибудь исполнимое на дѣлѣ,

что бы не было испытано и дознано по опыту. По чему Спиноза не предполагаетъ въ своей Политикѣ представить что нибудь новое или неслыханное, но только доказать достовернымъ и несомненнымъ образомъ или вывести изъ самой человѣческой природы то, что болѣе согласуется съ практикою, излагаая предметы, сюда относящіеся, съ такою же свободою духа, съ какою разсматриваются предметы математическіе, не осмѣивая, не оплакивая, не проклиная человѣческихъ дѣяній, но стараясь понять ихъ ⁽¹⁾.

§ 422.

Предметомъ Политики Спиноза почитаетъ — показать, какъ люди могутъ достигнуть нужной для нихъ безопасности. Въ этомъ отношеніи начала ея онъ совершенно отличается отъ началъ Этики. Государство, по словамъ его, котораго благосостояніе зависитъ отъ доброй воли людей, имъ управляющихъ, не можетъ быть твердымъ. Оно должно быть учреждено такъ, чтобъ управляющіе имъ, руководствуются ли они разумомъ или страстію, не могли дѣйствовать неправильно. Для безопасности государства не важно, что побуждаетъ людей управлять имъ, какъ слѣдуетъ, только бы оно управлялось надлежащимъ образомъ ⁽²⁾.

§ 423.

Первое, чѣмъ занимается Спиноза въ Политикѣ, есть опредѣленіе понятія права естественнаго. Онъ поставляетъ это понятіе въ связи съ своими метафизическими началами. Моущество естественныхъ вещей, которымъ онъ существуютъ и дѣйствуютъ, есть, самое Божественное могущество. Но какъ Богъ имѣетъ право на все, и право Божіе есть не что иное, какъ самое Божественное могущество, разсма-

⁽¹⁾ Tract. politic. c. 1. § 1—5. — ⁽²⁾ Ibid. § 6. Cf. c. 6. § 3.

триваемое какъ могущество свободное; то каждая вещь естественная, по словамъ Спинозы, столько имѣть права отъ природы, сколько она имѣть могущества для того, чтобъ существовать и дѣйствовать. Такимъ образомъ подъ именемъ права естественнаго Спиноза разумѣетъ самые законы природы, по которымъ все въ ней происходитъ, т. е. самое могущество природы.

Такое понятіе о правѣ природы Спиноза прилагаетъ и къ праву челоѣка: изъ этого понятія само собою слѣдуетъ, что все, что ни дѣлаетъ челоѣкъ по законамъ своей природы, онъ дѣлаетъ съ величайшимъ природнымъ правомъ, и что онъ столько имѣетъ права на природу, сколько онъ имѣетъ могущества. Если бы, послѣ сего говорить Спиноза, челоѣческая природа была такъ устроена, что люди жили бы только по предписанію разума, не покушаясь ни на что другое, то естественное право челоѣческаго рода опредѣлилось бы однимъ могуществомъ разума. Но люди руководствуются не однимъ разумомъ, а также слѣпымъ желаніемъ; слѣдовательно естественное могущество или право ихъ опредѣляется не однимъ разумомъ, но всякимъ вообще желаніемъ, которое побуждаетъ ихъ дѣйствовать и по которому они стараются сохранить себя.

Такимъ образомъ вводится, по видимому, господство физической, вещественной силы. Въ самомъ же дѣлѣ Спиноза при дальнѣйшемъ развитіи своихъ мыслей имѣетъ дать иной оборотъ. Могущество челоѣка опредѣляется не столько крѣпостію его тѣла, сколько силою ума. Отсюда Спиноза заключаетъ, что тѣ наиболѣе имѣютъ самостоятельности, которые наиболѣе сильны разумомъ и наиболѣе имъ руководствуются; даже челоѣкъ долженъ быть названъ совершенно свободнымъ, какъ скоро онъ управляется однимъ разумомъ, потому что въ этомъ случаѣ онъ опредѣляется къ дѣйствию причинами, которыя вполне могутъ быть поняты изъ одной его природы, хотя опредѣляется ими необходимо.

Равнымъ образомъ, по ученію Спинозы, если двое соединяютъ вмѣстѣ свои силы, то они вмѣстѣ будутъ сильнѣе и слѣдовательно болѣе имѣютъ права на природу, чѣмъ каждый изъ нихъ порознь. И такъ чѣмъ болѣе людей соединятъ свои силы вмѣстѣ, тѣмъ болѣе права они будутъ имѣть всѣ вмѣстѣ.

Изъ сихъ положеній Спиноза выводитъ, что естественное право челоѣческаго рода едва ли можетъ существовать внѣ общества. Люди отъ природы болѣе управляются страстями, чѣмъ разумомъ; такимъ образомъ они влекутся въ разныя стороны, и суть враги между собою по природѣ. Напрасно будетъ стараться челоѣкъ, находящійся въ естественномъ состояніи, обезпечить себя противъ всѣхъ. Посему доколѣ естественное право людей ограничивается могуществомъ каждого изъ нихъ порознь, дотолѣ оно совершенно ничтожно и болѣе существуетъ въ мнѣніи, чѣмъ въ дѣйствительности. Напротивъ въ обществѣ право челоѣка обезпечено, и онъ не имѣетъ причины опасаться нападеній со стороны другихъ. Сверхъ того безъ взаимной помощи люди едва ли могутъ поддерживать свою жизнь и образовать свою душу. Такимъ образомъ естественное право челоѣка для Спинозы переходитъ въ право общества людей, руководствующихся въ своихъ дѣйствіяхъ разумомъ (!).

§ 424.

Сообразно духу всего своего ученія Спиноза почитаетъ гражданское общество не обдуманномъ произведеніемъ челоѣческой воли, но явленіемъ естественнымъ, возникающимъ изъ самой природы челоѣческой. Общества гражданскія представляются намъ у народовъ и образованныхъ и необразованныхъ. Какъ люди управляются болѣе страстями, чѣмъ разумомъ; то и слѣдуетъ, по мнѣнію Спинозы, заключить, что толпа людей собирается вмѣстѣ и хочетъ

(!) Tract. polit. c. 2. § 2—15. Cf Ethic. p. 4. prop. 37. schol. 2.

управляться какъ бы одною душею не по паставленію разума, но по дѣйствию страстей, общихъ всемъ имъ. Таковы: общая надежда, общій страхъ или общее желаніе отвратить общее какое нибудь зло. Отъ природы всѣ люди боятся быть одними, потому что никто изъ нихъ одинъ не имѣетъ столько силъ, чтобъ онъ могъ защитить себя отъ всякаго зла и приобрести все нужное для жизни. Итакъ по самой природѣ своей люди желаютъ жизни общественной, и невозможно, чтобъ когда нибудь они совершенно оставили это состояніе. Посему-то, замѣчаетъ Спиноза, и несогласія или возмущенія, какія часто бываютъ въ государствахъ, никогда не имѣютъ своимъ послѣдствіемъ разрушенія самаго государства, а только иногда перемѣну въ образъ его правленія⁽¹⁾. Впрочемъ у Спинозы не исключается совершенно участіе произвола и согласія людей въ происхожденіи государствъ⁽²⁾.

§ 425.

Права гражданскаго общества, подобно праву всякой другой вещи, по ученію Спинозы, определяются его могуществомъ; отдѣльный человѣкъ тѣмъ менѣе имѣетъ здѣсь права, чѣмъ сильнѣе его всѣ прочіе, т. е. въ самомъ дѣлѣ онъ никакого не имѣетъ права на природу, кромѣ того, какое дается ему общимъ правомъ. Это право общества, определяемое могуществомъ самаго общества, Спиноза называетъ верховною властію⁽³⁾.

Верховная власть государства, по ученію Спинозы, неограниченна. Ея дѣйствіе простирается на всѣ дѣла въ государствѣ. Каждый въ государствѣ долженъ безусловно ей повиноваться. Если бы государство дало кому нибудь право и слѣдовательно силу жить по своей волѣ, то тѣмъ самымъ оно от-

⁽¹⁾ Tract. polit. c. 1. § 7. et c. 6. § 1—2. — ⁽²⁾ Ibid. c. 4. § 6. — ⁽³⁾ Ibid. c. 2. § 15—16. et c. 3. § 2.

казалось бы отъ своего права и власти надъ такимъ человѣкомъ. Если бы оно дало такую власть двумъ или болѣе гражданамъ, то тѣмъ самымъ оно раздѣлило бы съ ними свою верховную власть. Если бы наконецъ оно дало каждому гражданину такую власть, то тѣмъ самымъ разрушило бы себя самого и перестало бы существовать, какъ государство. Слѣдовательно, заключаетъ Спиноза, никакимъ образомъ по установленію государства не можетъ быть позволено гражданину жить въ государствѣ по своей волѣ. Равнымъ образомъ, по ученію Спинозы, нельзя позволить каждому гражданину истолковывать постановленія или законы государства; съ тѣмъ самымъ каждый гражданинъ сдѣлался бы собственнымъ своимъ судьей⁽¹⁾.

Власть государства Спиноза почитаетъ неограниченною и въ дѣлахъ веры, но только, сообразно свойству вещи, по отношенію къ предметамъ вѣшняго Богослуженія, такъ какъ, по его словамъ, сердечная увѣренность, соединенная съ истиннымъ познаніемъ Бога и любовію къ нему и къ ближнимъ не можетъ подлежать никакому принужденію⁽²⁾.

Равнымъ образомъ Спиноза признаетъ неограниченность власти верховной въ ея вѣншихъ дѣйствіяхъ. Два государства, по словамъ его, находятся въ такомъ же самостоятельномъ отношеніи другъ къ другу, въ какомъ два человѣка между собою въ состояніи естественномъ, съ тѣмъ исключеніемъ, что государство можетъ себя обезпечить противъ опасностей со стороны другихъ государствъ, между тѣмъ какъ для одного человѣка въ естественномъ состояніи это невозможно⁽³⁾.

Наконецъ Спиноза разсматриваетъ вопросъ: не связывается ли сама власть общественная какими нибудь законами? Онъ съ своей стороны не нахо-

⁽¹⁾ Ibid. c. 3. § 3—6. et c. 4. § 1—3. — ⁽²⁾ Ibid. c. 3. § 10. — ⁽³⁾ Ibid. c. 3. § 11—18.

дѣтъ для ней никакихъ предѣловъ, кромѣ свойства вещей и началъ благоразумія, съ которыми она сама будетъ сообразоваться, если не хочетъ быть причиною своей гибели (¹).

§ 426.

Но Спиноза не почитаетъ понятіе права единственнымъ основаніемъ для учрежденія государства. Не все, что происходитъ по праву, есть, по его словамъ, самое лучшее: иное дѣло обрабатывать поле по праву, иное—обрабатывать его наилучшимъ образомъ; иное дѣло—по праву защищать, сохранять себя, произносить приговоръ, иное—защищать, сохранять себя, произносить приговоръ наилучшимъ образомъ; подобно этому двѣ разныя вещи будутъ—властвовать надъ государствомъ по праву и властвовать наилучшимъ образомъ. Для опредѣленія наилучшаго образа учрежденія и управленія государства Спиноза разсматриваетъ цѣль государства, такъ какъ наилучшимъ можетъ быть только то государство, гдѣ эта цѣль достигается наилучшимъ образомъ. Цѣль государства, по мнѣнію Спинозы, есть миръ и безопасность жизни; слѣдовательно то государство есть и самое лучшее, въ которомъ люди проводятъ жизнь въ согласіи и котораго законы ненарушимо соблюдаются. Спиноза думаетъ, что возмущенія, войны, презрѣніе или нарушеніе законовъ, должны быть приписаны не столько порочнымъ наклонностямъ, подданныхъ, сколько худому учрежденію государства, такъ какъ люди не рождаются со всеми добродѣтелями гражданской жизни, но образуются для ней. Гражданское общество, которымъ не уничтожены причины къ возмущеніямъ, въ которомъ непрерывно надобно опасаться войны, въ которомъ наконецъ часто нарушаются законы, немного отличается отъ естественнаго состоянія, гдѣ каждой живетъ по своей волѣ съ большою опасностію жизни. Что касает-

(¹) Ibid. с. 3. § 7—9. et с. 4. § 4—6.

ся мира, который составляетъ цѣль государства, то, по словамъ Спинозы, это не есть отсутствіе войны, но добродѣтель, прорастающая отъ мужества духа. Государство, подданные котораго только изъ страха не поднимаютъ оружія, скорѣе находится безъ войны, чѣмъ въ мирѣ. Такимъ образомъ, когда Спиноза говоритъ, что наилучшее государство есть то, въ которомъ люди проводятъ жизнь въ согласіи, то онъ разумѣетъ здѣсь, какъ самъ объясняется, жизнь истинно человеческую, состоящую не въ одномъ обращеніи крови и въ другихъ дѣйствіяхъ, свойственныхъ всемъ животнымъ, но такую жизнь, которая преимущественно опредѣляется разумомъ (¹).

Послѣ сего Спиноза разсматриваетъ со всею подробностію три образа правленія, то есть: монархію, аристократію и демократію, и показываетъ, какъ должна быть каждая изъ нихъ устроена, чтобъ государство по своему управленію могло быть названо наилучшимъ государствомъ (²). Этимъ заключается Политика Спинозы.

II. Лейбницъ.

§ 427.

У Спинозы отдѣльное бытіе существъ теряется въ безконечномъ бытіи Божіемъ. Лейбницъ (³) сохраняетъ ихъ отдѣльное бытіе, признавая въ каждомъ изъ нихъ особое недѣлимое, обнимающее цѣлый міръ своимъ представленіемъ, болѣе или менѣе яснымъ. Человѣкъ пріобрѣтаетъ такимъ образомъ личность.

Лейбницъ развивалъ свою философскую систему по частямъ, и успѣлъ развить только нѣкоторыя ея

(¹) Tract. polit. с. 5.—(²) Tract. polit. с. 6—10 (с. 6. et 7. о монархіи, с. 8—10. объ аристократіи, с. 10. о демократіи).—
(³) Лейбницъ род. въ 1646 г., ум. въ 1716.

стороны; въ цѣломъ и въ связи она не была имъ развита. Въ особенности, философіи практической онъ коснулся только самымъ легкимъ образомъ. О предметахъ, относящихся къ философіи законодательства, были имъ высказаны только нѣкоторые мысли, и то случайно. Здѣсь онъ является совершеннымъ противникомъ Пуфендорфа. По его мнѣнію, предписанія закона естественнаго не ограничиваются не только цѣлями одной настоящей жизни, такъ какъ человѣкъ имѣетъ болѣе или менѣе ясное познаніе о безсмертіи души, но и однимъ родомъ человѣческимъ, такъ какъ люди имѣютъ общеніе не только между собою, но также съ цѣлымъ міромъ и Богомъ; предметъ закона естественнаго составляютъ не одни внѣшнія дѣянія, но также и внутреннія движенія души; послѣднимъ основаніемъ обязательной силы закона естественнаго не есть воля какого нибудь лица, но самая природа вещей. Кромѣ того Лейбницъ не находитъ у Пуфендорфа довольно опредѣленности въ понятіяхъ и основательности въ введеніи положеній (1). По опредѣленію самого Лейбница правда есть любовь мудраго. Человѣкъ, говорить онъ, находится въ обществѣ съ другими людьми, со всѣмъ міромъ, наконецъ съ Богомъ. Человѣкъ добрый есть тотъ, который все обнимаетъ своею любовію, сколько позволяетъ разумъ. Любить значитъ услаждаться счастьемъ другого, или, что то же, счастье другаго причислять къ своему счастью. Созерцаніе прекраснаго доставляетъ уже удовольствіе. Но когда прекрасный предметъ способенъ еще къ счастью, то расположеніе къ нему переходитъ въ истинную любовь. При этой любви человѣкъ не имѣетъ въ виду ни получить какую нибудь награду или выгоду, ни удалить какое нибудь зло отъ себя. Любовь къ Богу превышаетъ всякую другую любовь, потому что Бога можно любить сильнѣе всего, такъ какъ ничего нельзя себя представить ни блаженнѣе его, ни прекраснѣе и до-

стойнѣе блаженства; какъ сверхъ того Богъ обладаетъ величайшимъ могуществомъ и мудростію, то его блаженство не только входитъ въ составъ нашего блаженства, но и производитъ наше блаженство. По любовію человѣка къ различнымъ предметамъ должна управлять мудрость. Мудрость есть знаніе счастья.—Изъ начала любви, сопровождаемой мудростію, Лейбницъ выводитъ самый законъ естественный (*jus naturæ*), по отношенію къ которому онъ принимаетъ три степени: строгій законъ (*jus strictum*), справедливость (*aquitas*), или любовь въ тѣснѣйшемъ смыслѣ (*caritas*), и наконецъ благочестіе (*pietas*). Строгій законъ предписываетъ никого не обижать; въ противномъ случаѣ онъ даетъ обиженному въ гражданскомъ обществѣ право иска, внѣ гражданского общества—право войны. Справедливость простирается, за предѣлы строгаго закона, и на такія обязательства, по которымъ лица, имѣющія то или другое право, чтобъ осуществить его, не могутъ употреблять принужденія. Она предписываетъ каждому воздавать свое, т. е. каждому доставлять ту пользу, какаю ему прилична, или какую онъ заслуживаетъ, если нельзя доставить ее всѣмъ. Въ области строгаго закона не обращается вниманіе на различіе лицъ, исключая различіе, которое происходитъ изъ самаго предпринимаемаго дѣянія, и всѣмъ людямъ приписываются одинаковыя права; напротивъ въ области справедливости взвѣшиваются заслуги и смотря по нимъ даются преимущества, назначаются награды и наказанія. Но оба изложенные вида закона естественнаго ограничиваются цѣлями смертной жизни: строгій законъ удаляетъ бѣдствіе, справедливость доставляетъ счастье, но бѣдствіе и счастье такое, какое свойственно настоящей смертной жизни. Высшій степень правды есть благочестіе. Оно предписываетъ жить честно вообще. Чтобъ доказать всеобщимъ образомъ, что все честное полезно, а все безчестное вредно, должно взять во вниманіе истины, что душа наша безсмертна и что міръ находится подъ Божественнымъ управленіемъ. Тогда, говоритъ Лейбницъ, мы увидимъ, что мы все живемъ въ одномъ совер-

(1) *Monita quedam ad Sam. Pufendorfii principia. Cui. Goth. Guil. Leibniti opera omnia, ed. studio Ludovici Dutens, t. IV. Genevæ 1768. p. III. pag. 275—283 et epist. 7. (тамъ же стр. 261).*

шеннейшемъ обществѣ, подѣ начальствомъ одного Властителя, котораго невозможно ни обмануть, такъ какъ онъ премудръ, ни избѣгнуть, такъ какъ онъ всемогущъ, — который сверхъ того такъ достоинъ любви, что служить такому владыкѣ есть счастье. Могущество и промышленіе Его производятъ то, что все правое получаетъ дѣйствительность, что никто не терпитъ обиды, развѣ отъ себя, что какое-либо добро не остается безъ награды, какое-либо зло безъ наказанія, такъ какъ во всеобщемъ государствѣ ничто не пренебрегается. По сему-то, заключаетъ Лейбницъ, благочестіе называется всеобщей правдою (*justitia universalis*), и содержитъ въ себѣ всѣ другія добродѣтели. То самое, что, по видимому, не имѣетъ никакого отношенія ко благу другихъ, напр. неиспользованіе нами во зло нашего тѣла или нашихъ вещей, управляется, независимо отъ чловѣческихъ законовъ, закономъ естественнымъ, т. е. вѣчными законами Божественнаго міроуправленія, потому что бытіемъ нашимъ и всѣмъ нашимъ мы обязаны Богу; какъ для государства, такъ еще болѣе для всего міра важно, чтобъ никто не употреблялъ во зло своей вещи⁽¹⁾. Такимъ образомъ, высшее нравственное начало у Лейбница есть, можно сказать, общительность, но общительность не съ одними людьми для достиженія цѣлей временной жизни, потому что чловѣкъ находится также въ обществѣ съ Богомъ, и это общеніе должно имѣть преимущество передъ общеніемъ съ людьми. Праведно, по словамъ Лейбница, то, что служить къ совершенству общества разумныхъ существъ⁽²⁾. Всѣ добродѣтели наши входятъ въ составъ правды, какъ скоро рѣчь идетъ о томъ, чтобъ обратить ихъ на пользу другихъ. Предметомъ Этики есть научить добродѣтели, предметомъ правовѣднія — показать,

(1) Dissert. 1. de actorum publicorum usu, atque de principis juris naturae et gentium, prima Codicis gentium diplomatici parti praefixa. § 11—13. (Ibid. pag. 294 seqq.). Cf. Method. nov. discendae docendaeque jurisprudentiae p. 2. § 72—76. (Ibid. pag. 212 seqq.).

— (2) Observationes de principio juris. § 11. (Ibid. pag. 272. seqq.).

какъ надобно употреблять ее на пользу другихъ⁽¹⁾. Вотъ замѣчательнѣйшія мысли Лейбница, относящіяся къ философіи законодательства⁽²⁾.

III. Вольфъ.

§ 428.

Разсѣянные, отрывочные мысли Лейбница приведены къ единству Вольфомъ⁽³⁾. При этомъ тѣ или другія понятія были исправлены; чего не доставало къ полнотѣ науки, было дополнено собственнымъ размышленіемъ, или изъ ученія другихъ философовъ. Метода, которой Вольфъ держался въ изложеніи истинъ философіи, была строго математическая. Почему изложеніе его отличается такою основательностію, правильностію, раздѣльностію понятій, опредѣленностію терминологіи, какія доселѣ были не виданы. Сверхъ того изъ философовъ новыхъ временъ Вольфъ первый представилъ намъ полную Энциклопедію философскихъ наукъ, изъ которыхъ притомъ большая часть была имъ самимъ, съ свойственною ему основательностію, подробно обработана.

§ 429.

Изъ сочиненій Вольфа къ философіи законодательства относятся: 1) писанныя на Нѣмецкомъ языкѣ — *Здравыя мысли о томъ, что люди должны дѣлать и чего не дѣлать, и Здравыя мысли о общественной жизни людей, и особенно о государствѣ*⁽⁴⁾. На

(1) Epistol. 7. (Ibid. pag. 261). — (2) См. еще въ вышеприведенной части соч. Лейбница pag. 185—187. (Meth. nov. p. 2. § 14—21); 262 (ep. 8. § 1.); 263 (ep. 10. § 4.); 265 (ep. 12. § 3.); 267 (ep. 14. § 3.); 270—275 (observationes de principio juris); 297—298 (§ 14. disser. I. de actorum publ. usu etc.); 313 (diss. 2. secundae Codicis gentium diplomatici parti praefixa § 10.); 357—364 (tract. de jure suprematis ac legationum principum Germaniae cap. 10—12); 407—409 (Ibid. cap. 33.). — (3) Вольфъ род. въ 1679 г., ум. въ 1754. — (4) Vernünftige Gedanken von der Menschen Thun und Lassen, zu Beförderung ihrer Glückseligkeit, Halle

Латинскомъ языкѣ: *Общая практическая Философія; Право естественное; Философія правъ или Этика; Философія гражданского общества или Политика; Право народное; Руководство къ познанію естественнаго и народнаго права* (¹).

§ 430.

Философія, по ученію Вольфа, имѣетъ въ виду раскрыть причины бытія вещей; она показываетъ, какимъ образомъ что нибудь только возможное можетъ получить и получаетъ дѣйствительность.

Предметы, подлежащіе нашему познанію, суть Богъ, души человѣческія и тѣла. Отсюда Вольфъ выводитъ три части философіи: *Естественное Богословіе, Умственное и опытное душеученіе и наконецъ Ученіе о природѣ.*

Душа имѣетъ двоякую способность: познавательную и желательную. Каждая изъ сихъ способностей во время дѣйствія своего можетъ уклониться отъ своей цѣли: одна отъ истины, другая отъ добра. *Логика*, по ученію Вольфа, сообщаетъ правила, которыя должны руководствовать познавательную способность при познаніи истины; *Философія практическая* сообщаетъ правила, которыя должны руководствовать желательную способность въ ея стремленіи къ добру и отвращеніи отъ зла. Но человѣкъ можетъ быть разсматриваемъ двояко: какъ человѣкъ вообще, и какъ гражданинъ въ особенности, или, что тоже, какъ членъ всего нераздѣльнаго общества рода че-

ловѣческаго и какъ членъ гражданскаго общества. На семь основаній философія практическая раздѣляется у Вольфа на двѣ части: та часть ея, которая разсматриваетъ человѣка въ первомъ отношеніи, называется *Этикою*; часть, которая разсматриваетъ человѣка во второмъ отношеніи, называется *Политикою*. Кромѣ государства есть еще меньшія общества, которые могли бы существовать и внѣ государства, каковы: общество супружеское, отеческое, господское, извѣстныя подъ именемъ простыхъ обществъ. Часть практической философіи, которая разсматриваетъ человѣка какъ члена одного изъ этихъ малыхъ обществъ, Вольфъ называетъ *Экономикою*. Но какъ человѣкъ не можетъ желать добра и отвращаться зла, если не знаетъ того и другаго; то Вольфъ принимаетъ еще часть философіи, показывающую, какія дѣйствія относятся къ добрымъ, какія къ худымъ, и называется ее *Правомъ* или *закономъ естественнымъ*. Это, по его словамъ, есть теорія философіи практической, т. е. *Этики, Политики и Экономики*. Какъ нѣтъ нужды отдѣлять теорію отъ практики, то ученіе о законѣ естественномъ, по мнѣнію Вольфа, можетъ быть преподано въ самой *Этикѣ, Политикѣ и Экономикѣ*. Но также наоборотъ Вольфъ допускаетъ возможнымъ изложеніе предметовъ *Этики, Политики и Экономики* въ наукѣ закона естественнаго. Наконецъ къ означеннымъ частямъ философіи практической Вольфъ присоединяетъ еще одну. Есть, говоритъ онъ, нѣкоторыя общія начала, отъ которыхъ зависить вся теорія и практика философіи практической. Эту часть, которая излагаетъ общую теорію и практику философіи практической, онъ называетъ *Всеобщую практическую философію*.

Кромѣ исчисленныхъ частей философіи Вольфъ находитъ возможнымъ еще множество другихъ, такъ какъ, по его словамъ, всякой вообще предметъ можетъ быть разсматриваемъ съ философской точки зрѣнія (¹).

1720, 8.—Vernünftige Gedanken von dem gesellschaftlichen Leben der Menschen und insonderheit dem gemeinem Wesen zu Beförderung der Glückseligkeit des menschlichen Geschlechts Halle, 1721, 8.

(¹) Philosophia practica universalis. Hal. 1738. 1739. II Voll. 2.—Jus naturae. 1740—1748. VIII Voll. 4.—Philosophia moralis sive Ethica. Hal. 1750—1753. IV. Voll. 4.—Philosophia civilis sive Politica, продолженная Каноніемъ. Ib. 1746. IV Voll. 4.—Jus gentium. Ib. 1750. 4.—Institutiones juris naturae et gentium. Ib. 1750. 8. Въ Нѣмецкомъ переводъ это послѣднее сочиненіе издано въ 1754 г. 8.

(¹) Wolfii philosophia rationalis s. logica. Franc. et Lipsiae. 1740. Discursus praelimin. § 29—32 et § 55—86.

§ 431.

Высшимъ началомъ нравственности Вольфъ признаетъ начало: *усовершенй себя (perfice te)*. Разумъ, подя именемъ *совершенства* согласіе въ разнообразіи, онъ принимаетъ два вида совершенства: *существенное* и *случайное*. Совершенство существенное (*perfectio essentialis*) есть согласіе между собою существенныхъ принадлежностей вещи, т. е. принадлежностей, составляющихъ ея природу; совершенство случайное (*perfectio accidentalis*) есть согласіе случайныхъ принадлежностей съ существенными ⁽¹⁾. Человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла. Тѣло слагается изъ различныхъ органовъ, которыхъ отправленія всѣ вмѣстѣ стремятся къ одной общей цѣли—къ сохраненію жизни и здоровья человѣка; душа имѣетъ различныя способности, совокупнымъ дѣйствіемъ которыхъ человѣкъ, одаренный разумомъ, составляющимъ его отличіе отъ прочихъ животныхъ, дѣлается способнымъ вести жизнь, согласную съ разумомъ. Годность органовъ для совершенія своихъ отправленій, годность способностей къ тому употребленію, какое они имѣютъ въ провозженіи человѣкомъ своей жизни, составляютъ существенное совершенство человѣка. Какъ природа, никогда ни на шагъ не уклоняющаяся отъ пути истины, не терпитъ никакого противорѣчія—всегдашняго и главнаго врага истины; то свободныя дѣйствія человѣка должны быть въ согласіи съ его сущностію или природою и опредѣляться тѣми же самыми конечными причинами, какими опредѣляются дѣйствія естественныя, и слѣдовательно направляться къ одной цѣли съ дѣйствіями естественными. Способность человѣка опредѣлять такимъ образомъ свои свободныя дѣйствія составляетъ случайное совершенство человѣка; когда оно присоединяется къ со-

(1) Institutiones juris naturæ et gentium. § 9—11.

вершенству существенному, то образуется, по учению Вольфа, полное совершенство человѣка ⁽¹⁾.

Какъ добромъ называется все, что дѣлаетъ человѣкъ и его состояніе совершеннѣе, а противное тому зломъ; то свободныя дѣйствія, смотря по тому, служатъ ли они къ совершенству, или несовершенству человѣка, имѣютъ, по словамъ Вольфа, внутреннюю доброту или порочность, такъ что ненужно ихъ дѣлать еще добрыми, повелевая ихъ, или дѣлать ихъ дурными, запрещая ихъ ⁽²⁾.—Человѣкъ по самой природѣ своей желаетъ добра и отвращается зла; дѣйствія, имѣющія внутреннюю доброту или порочность, каковы тѣ, которыя служатъ къ совершенству или несовершенству человѣка, содержать сами въ себѣ побужденіе желать ихъ или отвращаться; почему, говоритъ Вольфъ, они сами въ себѣ вождельны или отвратительны ⁽³⁾.—Соединять побужденіе съ дѣйствіемъ положительнымъ или отрицательнымъ значить обязывать къ этому дѣйствію. Побужденіе заключается въ представленіи добра, истекающаго отъ дѣйствія положительнаго, и зла отъ дѣйствія отрицательнаго. Какъ посему дѣйствія, служащія къ совершенству человѣка, сами въ себѣ содержатъ побужденіе желать ихъ, а дѣйствія, служащія къ несовершенству человѣка,—побужденіе ихъ отвращаться; то, по мнѣнію Вольфа, самую природою человѣкъ обязывается къ дѣйствіямъ, служащимъ къ его совершенству ⁽⁴⁾. Это обязательство Вольфъ называетъ *естественнымъ*, потому что основаніе его заключается въ самомъ ествѣ человѣка ⁽⁵⁾. Отсюда Вольфъ выводитъ понятіе о законѣ вообще, и въ частности о законѣ естественномъ. Правило, говоритъ онъ, съ которымъ мы обязаны соображать наши дѣйствія, называется *закономъ*, и притомъ *закономъ естественнымъ*, когда основаніе обязательной силы его заключается въ самомъ ествѣ человѣка,—закономъ *положительнымъ*, когда

(1) Ibid. praef. et § 11. — (2) Ibid. § 12—14. — (3) Ibid. § 15. — (4) Ibid. § 35 et 36. — (5) Ibid. § 38.

обязательная сила его проистекает от воли какого-нибудь разумнаго существа, — от воли Божіей или от воли человѣческой. Законъ природы вообще называется также иначе правомъ естественнымъ (*ius naturæ*)⁽¹⁾. Какъ природа существъ зависитъ отъ воли Божіей, то, по ученію Вольфа, виновникъ закона естественнаго есть также Богъ⁽²⁾.

Въ соответствии съ обязательствомъ Вольфъ поставляетъ право. Какъ всякой долженъ исполнять свое обязательство, то всякому вольно дѣлать то, безъ чего онъ не можетъ удовлетворить своему обязательству. Эта нравственная способность человѣка дѣйствовать для удовлетворенія своему обязательству, называется правомъ; по мнѣнію Вольфа, не было бы права, если бы не было обязанности⁽³⁾, и какъ право дается человѣку для того, чтобы онъ могъ исполнять свою обязанность, то каждый долженъ пользоваться своимъ правомъ сообразно своей обязанности⁽⁴⁾. Принимая обязательство двоякаго рода: совершенное и несовершенное, смотря потому, можетъ ли обязанный къ исполненію его быть принуждаемъ силою, или не можетъ, Вольфъ сообразно съ симъ дѣлитъ и права на совершенныя и несовершенныя. Послѣ сего, понятія Вольфа о праведномъ (*justum*) и справедливомъ (*aequum*), о правдѣ (*justitia*) и справедливости (*aequitas*), о раздѣленіи правды на всеобщую и частную одинаковы съ понятіями Пущендорфа⁽⁵⁾.

§ 432.

Прежде всего Вольфъ разсуждаетъ о всеобщихъ обязанностяхъ и правахъ человѣка, т. е. свойственныхъ человѣку какъ человѣку. Права и обязательства этого рода, какъ вытекающія изъ самой природы человѣка и принадлежащія ему съ самымъ

(1) Ibid. § 39. — (2) Ibid. § 41. — (3) Ibid. § 45—46. — (4) Ibid. § 66. — (5) Ibid. § 80, 83, 85.

его рожденіемъ на свѣтъ, Вольфъ, по примѣру Томазія, называетъ *прирожденными* (*iura et officia congenita*). Къ природнымъ правамъ Вольфъ относитъ: просить себя въ случаѣ нужды помощи у другаго, такъ какъ никто изъ людей не въ силахъ усовершенять себя и свое состояніе одинъ безъ другихъ; право обязывать себя другаго совершеннымъ образомъ къ исполненію должностей человеколюбія, такъ какъ человѣкъ при исполненіи своихъ обязанностей весьма часто нуждается въ чужой помощи, и для него весьма важно бываетъ совершенно быть удостовереннымъ въ томъ, что онъ ее получитъ; право имѣть одинаковыя обязанности и права со всеми другими людьми; право зависеть въ своихъ дѣйствіяхъ отъ себя одного; право на безопасность, т. е. право не быть обижаемымъ; право защищать себя въ случаѣ обиды и право наказывать нарушителя нашихъ правъ, чтобы онъ или другіе, слѣдуя его примѣру, не сдѣлали намъ обиды снова, или чтобы онъ самъ или другіе не обижали другихъ⁽¹⁾.

Всѣ эти права Вольфъ называетъ *правами совершенными*, потому что человѣкъ необязанъ терпѣть, чтобы другой препятствовалъ ему пользоваться сими правами, такъ какъ они вытекаютъ изъ самаго естественнаго обязательства, которое неизмѣнно⁽²⁾.

§ 433.

Послѣ сего Вольфъ разсматриваетъ обязанности человѣка къ себѣ самому и права его, отсюда возникающія, обязанности къ другимъ и права, отсюда возникающія, наконецъ обязанности къ Богу. — По отношенію къ себѣ самому, человѣкъ обязанъ усовершенять свою душу, свое тѣло и свое внѣшнее состояніе; для этого онъ имѣетъ право на все, что необходимо для достиженія совершенства⁽³⁾. — Но человѣкъ не можетъ усовершенять себя и свое состояніе

(1) Ibid. § 95. — (2) Ibid. § 81. — (3) Ibid. § 103—132.

одинъ своими только средствами, а каждый имѣть нужду въ помощи другихъ. Почему люди обязаны усовершенствовать себя общими силами и каждый по возможности долженъ содѣйствовать къ совершенству другаго, впрочемъ безъ нарушенія обязанности къ себѣ самому. Такимъ образомъ обязанности чловѣка къ другимъ суть тѣ же самыя, что и обязанности его къ себѣ самому: чловѣкъ долженъ способствовать къ совершенству тѣла, души и вѣшняго состоянія своихъ ближнихъ⁽¹⁾.—Не только чловѣкъ, но и всѣ вещи въ мірѣ имѣютъ такое устройство, что отсюда можно заключать, какія свойства принадлежатъ Богу. Какъ свободныя дѣйствія должны быть направлены къ той же цѣли, къ какой направлены дѣйствія естественныя; то чловѣкъ долженъ во всѣхъ своихъ свободныхъ дѣйствіяхъ руководствоваться побужденіями, заимствованными отъ свойствъ Божіихъ. Такимъ образомъ къ совершенству чловѣка относится способность его изображать собою Бога. Почему онъ и долженъ всѣ дѣйствія свои направлять къ славы Божіей⁽²⁾.

§. 434.

Представивши обязанности и права чловѣка по отношенію къ себѣ самому, къ другимъ людямъ и къ Богу, Вольфъ подробно излагаетъ ученіе о собственности, правахъ и обязанностяхъ, изъ ней возникающихъ, и договорахъ, по отношенію къ ней заключаемыхъ⁽³⁾.

Вмѣстѣ съ Гроціемъ и другими Вольфъ принимаетъ, что первоначально у людей всѣ вещи были общими, но что по умноженіи рода чловѣческаго, съ прекращеніемъ простаго образа жизни, это общеніе прекратилось. Первымъ способомъ происхожденія отдѣльной собственности признается у Вольфа *занятіе* (*occupatio*). Когда, по его словамъ, перво-

бытное общеніе уничтожается, то право овладѣвать вещами для пользованія переходитъ въ право обрабатывать ихъ въ свою собственность; почему всякой нуждающійся, слѣдовательно всякой, кто хочетъ и можетъ, отъ природы властенъ обратить въ свою собственность вещь, никому не принадлежащую. Какія вещи не могутъ поступить въ отдѣльную собственность и въ какой мѣрѣ первобытное общеніе можетъ обнаруживаться въ своихъ послѣдствіяхъ и въ уничтоженіи его,—эти вопросы Вольфъ рѣшаетъ также одинаково съ Гроціемъ. Видъ пріобрѣтенія вещей посредствомъ занятія есть, по мнѣнію Вольфа, пріобрѣтеніе ихъ давностію владѣнія, основывающееся на томъ предположеніи, что прежній ихъ владѣлецъ отъ нихъ отказался, когда онъ ихъ не разыскиваетъ.—Хозяинъ вещи властенъ уступить ее другому. Отсюда Вольфъ выводитъ производные способы пріобрѣтенія собственности. Къ нимъ онъ относитъ и пріобрѣтеніе въ силу завѣщанія.—Какъ первоначально, такъ и производно могутъ быть пріобрѣтены, по ученію Вольфа, не только собственность со всею совокупностію правъ, въ ней заключающихся, но и отдѣльныя права изъ этой совокупности.

Сила договоровъ, по которымъ одинъ чловѣкъ обязывается для пользы другаго что нибудь дѣлать или не дѣлать, выводится у Вольфа изъ необходимости для чловѣка имѣть постороннюю помощь и быть при томъ удовлетвореннымъ, что она непременно будетъ оказана.

Къ концу своего ученія о собственности и договорахъ Вольфъ разсуждаетъ о способахъ, какими могутъ быть кончены распри въ естественномъ состояніи. Это, по его словамъ, суть слѣдующіе: добровольное отреченіе отъ своего права съ одной или другой стороны, добровольная сдѣлка, предоставленіе спора на рѣшеніе посредникамъ, наконецъ употребленіе силы оружія.

(1) Ibid. § 133—159. — (2) Ib. § 160—182. — (3) Ibid. p. 2da.

§ 435.

Многія обязанности и права между людьми происходят изъ соединенія людей въ общества. Обязанности и права въ каждомъ обществѣ опредѣляются цѣлю и условіями его учрежденія. Вольфъ рассматриваетъ и опредѣляетъ обязанности и права людей, существующія въ обществѣ домашнемъ и въ обществѣ гражданскомъ или государствѣ.

§ 436.

Общество домашнее (1) составляется изъ союза супружескаго, союза родителей и дѣтей, союза господина и рабовъ или слугъ.—Люди, по ученію Вольфа, для непрерывности своего совершенствованія вообще обязаны сохранять свой родъ и желать соединенія половъ не для другой какой цѣли, какъ для рожденія дѣтей. Но дѣти не бываютъ съ самымъ ихъ рожденіемъ на свѣтъ способны снискивать средства, нужныя для ихъ сохраненія, и опредѣлять свои дѣйствія по закону природы, или жить жизнью человѣческою. Почему родители, давши имъ бытіе, обязаны также сдѣлать ихъ способными вести жизнь человѣческую, т. е. обязаны воспитать ихъ. Эта обязанность лежитъ на отцѣ и матери. Но какъ въ томъ случаѣ, когда бы соединеніе половъ происходило безпорядочнымъ образомъ, отецъ былъ бы неизвѣстенъ; то для рожденія и воспитанія дѣтей должно, по мнѣнію Вольфа, существовать особенное общество между мужчиною и женщиною. Такое общество Вольфъ называетъ союзомъ супружескимъ или бракомъ. Съ закономъ природы онъ почитаетъ наиболее согласнымъ бракъ одного мужа съ одною женою. Какъ союзъ супружескій есть, по мнѣнію Вольфа, общество лицъ равныхъ; то власть

(1) Ibid. p. 3. sect. 1.

супруговъ взаимна. Но жена можетъ отказаться отъ своего права на власть, а мужъ можетъ приобрести это право въ силу договора, молча или явно заключеннаго. Цѣлю брачнаго союза Вольфъ опредѣляетъ и случаи его расторженія.—Родители обязаны воспитывать своихъ дѣтей и направлять ихъ дѣйствія къ добру, доколѣ они сами не въ состояніи будутъ управлять собою. Въ слѣдствіе сего Вольфъ приписываетъ родителямъ извѣстную власть надъ дѣтьми, и притомъ какъ отцу, такъ и матери. Дѣти съ своей стороны до совершеннолѣтія обязаны во всемъ повиноваться родителямъ, не переставая питать къ нимъ почтеніе и по достиженіи совершеннолѣтія. Излагая отношенія между родителями и дѣтьми, Вольфъ при этомъ говоритъ также съ подробностію объ опекѣ надъ дѣтьми несовершеннолѣтними, когда они остаются безъ родителей, и о правахъ родителей и дѣтей быть взаимно наследниками другъ друга.—Союзъ между господиномъ и рабомъ Вольфъ производитъ изъ договора, въ слѣдствіе котораго одинъ подчиняетъ себя другому, обязываясь непрерывно служить ему и выговаривая себѣ за это всегдѣшнее пропитаніе. Сверхъ того, по ученію Вольфа, когда должникъ не въ состояніи уплатить своего долга; то онъ можетъ быть обращенъ въ раба, доколѣ совершенно не заработаетъ долга. Какъ рожденные отъ рабовъ должны быть воспитываемы на счетъ господина, и какъ господинъ въ продолженіи извѣстнаго времени лишается работъ матери, когда она рождаетъ дитя; то, по словамъ Вольфа, рожденные отъ рабовъ дотолѣ естественно остаются рабами, доколѣ не вознаграждать господину своему издержекъ воспитанія.

Общую цѣль всего домашняго общества Вольфъ полагаетъ въ томъ, чтобъ члены простыхъ обществъ могли своими соединенными силами тѣмъ лучше способствовать благу сихъ обществъ. Онъ находитъ естественнымъ, чтобъ власть въ домѣ принадлежала отцу и матери вмѣстѣ, предоставляя впро-

чемъ имъ сдѣлать въ этомъ случаѣ иное соглашеніе между собою.

§ 437.

Отдѣльные дома не въ силахъ доставить себѣ всего, что служить къ удовлетворенію необходимыхъ потребностей челоуѣка, къ удобству, пріятности и счастію жизни; равнымъ образомъ они не въ силахъ обезпечить свои права противъ нападенія отъ другихъ. Это, по мнѣнію Вольфа, побудило людей соединиться въ гражданскія общества или государства. О происхожденіи государствъ, образахъ правленія, предметахъ дѣйствія и правахъ верховной власти, обязанностяхъ подданныхъ, Вольфъ разсуждаетъ (1) по большей части одинаково съ Пуфендорфомъ, но какъ само собою разумѣется, удерживая постоянно въ виду свое начало нравственности. Что касается въ особенности отношенія гражданскихъ законовъ къ естественнымъ, первые, по словамъ Вольфа, не должны противорѣчить закону естественному, повелительному или запретительному. Но законы естественные могутъ быть усилены въ ихъ дѣйствіи назначеніемъ за нарушение ихъ гражданскихъ наказаній, или по крайней мѣрѣ приведеніемъ ихъ въ дѣйствіе судебною властію. Равнымъ образомъ, говорить Вольфъ, верховная власть имѣетъ право объявить непозволительнымъ то, что не запрещено естественнымъ закономъ, а также сдѣлать изъ не совершенно должнаго совершенно должное.

§ 438.

Народы въ отношеніяхъ между собою Вольфъ разсматриваетъ какъ свободныя лица, живущія въ естественномъ состояніи. Но какъ люди не освобождаются отъ обязанностей естественныхъ потому

только, что соединились въ гражданскія общества; то народы, по ученію Вольфа, имѣютъ тѣ же обязанности, а следовательно и права, какъ по отношенію къ себѣ самимъ, такъ и по отношенію къ другимъ народамъ, какія имѣютъ отдѣльныя лица къ себѣ самимъ и другъ къ другу. Посему естественное народное право для Вольфа, такъ же, какъ для Пуфендорфа или Гоббса, есть не что иное, какъ только приложение естественнаго права отдѣльныхъ лицъ къ народамъ.

Но отъ обоихъ поименованныхъ писателей Вольфъ отличается тѣмъ, что онъ въ своемъ ученіи не останавливается только на этой общей мысли, а раскрываетъ ее и дѣйствительно представляетъ намъ систему естественнаго народнаго права (1). Онъ подробно говоритъ: о должностяхъ каждаго народа въ отношеніи къ себѣ самому и правахъ его, отсюда возникающихъ, о должностяхъ народа въ отношеніи къ другимъ народамъ и правахъ, отсюда возникающихъ; о собственности; и преимущественно землѣ, могущей принадлежать народу; о договорахъ и условіяхъ, въ какіе могутъ вступать народы между собою; о способахъ прекращенія распріи между народами, правъ войны, имъ принадлежащемъ, правъ ихъ во время войны, миръ и заключеніи мира между ними; наконецъ о посллахъ и посланникахъ между народами.

Сверхъ того, кромѣ естественнаго народнаго права Вольфъ допускаетъ народное право произвольное. Какъ народы, говорить онъ, обязаны соединенными силами усовершенствовать себя и свое состояніе; то самую природою установлено между ними нѣкоторое общество. Хотя дѣйствительно ими, можетъ быть, не дано согласія вступить въ это общество; но какъ изложенная обязанность для нихъ существуетъ отъ самой природы, то на нихъ должно смотрѣть такъ,

(1) Ibid. p. 3. sect. 2.

(1) Ibid. p. 4.

какъ будто бы они дѣйствительно по договору вступили въ общество между собою. Всѣ они посему образуютъ какъ бы одно величайшее государство, представляя собою членовъ или гражданъ этого государства. Отсюда для совокупности народовъ по отношенію къ каждому отдельному народу рождается извѣстная власть, т. е. власть определять дѣйствія отдельныхъ народовъ для достиженія общаго блага и принуждать каждый изъ нихъ, чтобы онъ удовлетворялъ своему обязательству. Какъ всякое общество должно имѣть законы, такъ и это величайшее государство должно имѣть особенные законы. Но какъ законъ природы замѣняетъ собою согласіе людей на учрежденіе величайшаго государства, такъ онъ же замѣняетъ и согласіе ихъ на установленіе законовъ въ семь государствъ. Подобно тому, какъ во всякомъ государствѣ положительные его законы должны быть устанавливаемы на основаніи естественныхъ, для достиженія чего законъ природы даетъ намъ опредѣленные правила,—подобно этому въ величайшемъ государствѣ, обнимающемъ собою всѣ отдельные народы, должны изъ законовъ естественныхъ образоваться законы положительные. Сіе-то право, вытекающее изъ понятія величайшаго государства, соединяющаго собою всѣ народы, Вольфъ называетъ *Правомъ народнымъ произвольнымъ*.

Народы могутъ также заключать между собою договоры. Отсюда Вольфъ выводитъ *Право народовъ, основанное на договорахъ*, обнимающее только тѣхъ народовъ, которые заключили между собою такіе договоры.

Наконецъ, по словамъ Вольфа, въ отношеніяхъ между народами могутъ образоваться нѣкоторые правила поведения посредствомъ обычая. Такія правила обязываютъ только народъ, который признаетъ ихъ, и обязываютъ его только до тѣхъ доколѣ онъ не выразитъ своей противной имъ воли.

§ 439.

Излагая Вольфово ученіе о правѣ, равно какъ и ученіе объ этомъ же предметѣ Пуфендорфа, Томазія и его послѣдователей, мы по большей части не входили въ особенныя подробности постановленій, принимаемыхъ сими писателями за постановленія закона естественнаго. Причина этого заключается въ томъ, что подробности ученія о правѣ ими заимствованы были по большей частей изъ положительнаго современнаго законодательства. Въ самомъ дѣлѣ Нѣмецкая философія права въ разсматриваемомъ нами періодѣ представляетъ удивительное раболѣпство положительнымъ постановленіямъ дѣйствовавшихъ тогда законовъ. Ученіе о правѣ на вещи и договорахъ, какъ оно является у Пуфендорфа и Вольфа и ихъ послѣдователей, представляетъ намъ по большей части только дѣйствовавшіе тогда Римскіе законы и общепринятія мнѣнія законовѣдцевъ о сихъ предметахъ. Вольфъ вводитъ въ свою философскую систему даже всю теорію Нѣмецкихъ Ленныхъ законовъ. Равнымъ образомъ ученіе сихъ писателей о правахъ и обязательствахъ въ семейственныхъ союзахъ есть повтореніе началъ положительнаго законодательства того времени. Въ естественномъ народномъ правѣ Ахенвалля и Вольфа воспроизводится только положительное Европейское народное право.

§ 440.

Какъ подъ вліяніемъ Вольфовой философіи права, такъ и подъ вліяніемъ противной школы Пуфендорфа и Томазія, было издано въ Германіи множество системъ права естественнаго. Безполезно было бы изъяснять ихъ содержаніе: хотя онѣ представляютъ иногда отличія отъ тѣхъ системъ, кото-

рымъ онѣ обязаны своимъ существованіемъ; однакоже сіи отличія ихъ совершенно могутъ быть понаты изъ системъ права, нами изложенныхъ.

Кромѣ изложенныхъ нами системъ философическаго ученія о правѣ, представляющихъ это ученіе въ полномъ его объемѣ, мы находимъ въ Германіи въ большомъ количествѣ изслѣдованія о нѣкоторыхъ отдѣльных частяхъ и предметахъ философскаго права, особенно о законахъ государственныхъ и предметахъ, къ нимъ относящихся. Основаніе сихъ изслѣдованій также составляютъ начала той или другой изъ предложенныхъ нами философическихъ системъ права. Но весьма естественно было, что при обработываніи предметовъ, хотя принадлежащихъ къ одному цѣлому, отдѣльно одинъ отъ другаго и разными лицами, происходила большая запутанность понятій и то, что должно было составлять только звѣно одной цѣпи, стремилось пріобрѣсть самостоятельность и независимость. Это должно сказать преимущественно о Политикѣ. Какъ въ нѣкоторыхъ системахъ Германской философіи право отдѣлено было отъ правоученія, такъ старались отдѣлить Политику отъ того и другаго и ограничить ее областію полезнаго. Въмѣсто того, чтобъ предметомъ ея сдѣлать способы къ осуществленію нравственныхъ идей, хотѣли предлагать въ ней искусство, какъ человекъ государственный можетъ достигнуть своихъ видовъ, относящихся къ управленію государствомъ. Эти виды могли быть различны; не исключались и тѣ, которые осуждаютъ нравственность. Въмѣсто основательныхъ изслѣдованій о цѣли государства было прямо за цѣль его принимаемо общее благо—понятіе само въ себѣ неясное и неопредѣленное. Въ изысканіи средствъ къ достиженію этой цѣли хотѣли руководствоваться указаніемъ одного опыта. Особенно вниманіе политиковъ было обращено на предметы, въ высшей степени необходимыя для жизни отдѣльныхъ лицъ и государствъ,—народное и государственное богатство. Цѣлію изслѣдованій въ этомъ отношеніи было показать, какъ частныя

лица и государства, разсматриваемыя въ цѣломъ, могутъ достигнуть до возможно высокой степени богатства. Для сего по руководству опыта съ величайшимъ стараніемъ были изыскиваемы тѣ законы, по которымъ образуется и потребляется какъ народное, такъ и государственное богатство. Только при этихъ изысканіяхъ обыкновенно забывали, что богатство можетъ быть только средствомъ для другаго, а не цѣлію самостоятельною.

§ 441.

Ученіе о правѣ Пуфендорфа, Томазія и Вольфа распространились въ большой мѣрѣ не только въ самой Германіи, гдѣ, послѣ первой кафедры права естественнаго, основанной для Пуфендорфа въ Гейдельбергъ ⁽¹⁾, мало по малу были учреждены подобныя кафедры при всѣхъ Университетахъ, но и въ другихъ странахъ Европы. Нѣмецкія философическія сочиненія о правѣ были читаемы въ Испаніи, Италіи, Франціи, Англіи, Нидерландахъ, Сѣверныхъ Государствахъ, Россіи; ихъ перепечатавали, переводили на отечественные языки, принимали за руководство для преподаванія уроковъ въ учебныхъ заведеніяхъ, перерабатывали, представляли въ извлеченіяхъ и сокращеніяхъ ⁽²⁾.

⁽¹⁾ См. выше § 409 къ концу. — ⁽²⁾ Относительно Франціи см. въ *Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes*, von *Mittermaier und Zachariae*, I. B. (1829) статью: *Rechtsphilosophie in Frankreich* S. 273 folg. Не говоря о другихъ странахъ Европы и ограничиваясь нашимъ отечествомъ, мы замѣтимъ, что соч. Дан. Петтебланта, ученика Вольфа: *Systema elementare universae jurisprudentiae naturalis usui jurisprudentiae positivae accommodatum*, въ 1770 г. было переведено на Русскій языкъ (см. Роспись Росс. Библиотеки Смирдина № 2135.) для того, чтобъ оно могло служить руководствомъ при чтеніи лекцій въ Московскомъ Университетѣ;—что по системѣ Философіи Баумейстера, также ученика Вольфа, была преподаваема долгое время Философія въ нашихъ духовныхъ училищахъ.

ОТДѢЛЕНИЕ III.

РАЗРУШИТЕЛЬНАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ФИЛОСОФІА 18-го вѣка.

Litteratur. Mémoires pour servir à l'histoire du Jacobinisme par m^r. l'Abbé Barruel. 5. voll. 8.—Triumph der Philosophie des 18-ten Jahrhunderts 1803, 2. Bände. 8.—*Rehberg's* Untersuchungen über die französische Revolution 1792. 1793.—Restauration der Staatswissenschaft, von C. L. von Haller. 4-er B. 1816. 8. Cap. 6—11.

§ 342.

При одностороннемъ направленіи опытной и умозрительной философiи всегда необходимо образуется направленіе разрушительное для той и другой. Какъ ни одна изъ нихъ не обнимаетъ собою цѣлой истины, то каждая изъ нихъ вообще ложна. Слѣдую исключительно избранному пути, каждая изъ нихъ дѣйствительно объявляетъ путь противной стороны ложнымъ. Почему онѣ враждуютъ между собою, открываютъ взаимно слабыя другъ у друга стороны и наконецъ раждаютъ невѣріе, отвергающее всякую истину. Никогда это направленіе философiи, которое низпровергаетъ всѣ священныя истины духа человѣческаго, не раскрывалось съ такою силою, съ такимъ успѣхомъ, какъ въ 18-мъ вѣкѣ во Франціи.

§ 443.

Пагубное направленіе философiи во Франціи было отчасти приготовлено, хотя ненамѣренно, нѣкоторыми писателями 17-го вѣка, которые, чтобъ возвысить достоинство Божественнаго Откровенiя, старались унижить человѣческій разумъ и показать безсиліе его для познанiя истины, открыв-

вая въ ученiяхъ, имъ представляемыхъ, повсюду неполноты и заблужденія, или по крайней мѣрѣ недостатокъ достовѣрности. Сюда относится между прочимъ Боссюэтъ, авторъ двухъ сочиненiй, замѣчательныхъ и для исторiи философiи законодательства: *Разсужденіе о всеобщей исторiи* ⁽¹⁾ и *Политика*, извлеченная изъ собственныхъ словъ Св. Писанiя ⁽²⁾. Въ первомъ сочиненiи онъ дѣлаетъ обзоръ происшествiй церковныхъ и государственныхъ, разсматривая всѣ перемѣны, происходящія на землѣ, въ духѣ вѣры и благочестiя. Онъ показываетъ, какъ въ Церкви непрерывно сохраняется истинная вѣра отъ начала міра до нашихъ временъ, какъ всѣ судьбы царей и царствъ земныхъ зависятъ отъ Бога, и какъ Богъ заставляетъ народы въ установленное время, въ порядкѣ имъ предназначенномъ, служить благу своей церкви и своимъ намѣренiямъ. Во второмъ сочиненiи собственными словами Св. Писанiя и въ примѣрахъ, заимствованныхъ изъ исторiи Еврейскаго народа, Боссюэтъ излагаетъ правила Политики, которыми должны руководствоваться Христіанскіе Государя и ихъ подданные.

Въ началѣ 18-го вѣка опытная Англійская философiя распространилась во Франціи; вмѣстѣ съ нею перешелъ сюда и духъ вольномыслия, который она породила, на нѣкоторое время, въ Англiи. Вольтеръ ⁽³⁾, Ла Метри ⁽⁴⁾, два знаменитые составители Французской Энциклопедiи: Дидеротъ ⁽⁵⁾ и Д'Аламбертъ ⁽⁶⁾, и наконецъ *Сочинитель системы природы* ⁽⁷⁾ соперничествовали другъ съ другомъ въ распространенiи безбожiя и матеріализма. Вѣра въ Божественную, неизмѣнную истину была отвергнута и чело-

(1) Discours sur l'histoire universelle. 1681. 4; съ продолженіемъ до 1661 г. 1806. — (2) Politique tirée des propres paroles de l'écriture sainte. 1710. — (3) Вольтеръ род. въ 1694 г., ум. въ 1778. — (4) J. L. Offroy de la Mettrie род. въ 1709 г., ум. въ 1751. — (5) Denis Diderot род. въ 1713 г., ум. въ 1784. — (6) Jean le Rond d'Alembert род. въ 1717 г., ум. въ 1783. — (7) Système de la nature ou des lois du monde physique et du monde moral. Lond. 1770. II Voll. 8.

вѣщескій разумъ съ его произвольными мудрованіями признанъ верховнымъ судьей въ дѣлѣ истины.

§ 444.

Нравственныя понятія были сообразны съ направленіемъ умственнымъ. Они начали раскрываться уже въ 17-мъ вѣкѣ. Рошфуко⁽¹⁾, писавшій еще во второй половинѣ этого вѣка, изображалъ человѣка существомъ по природѣ своей корыстолюбивымъ. Мандевиль⁽²⁾, по происхожденію Французъ, но по мѣсту рожденія принадлежащій Голландіи, по жителству — Англичин, представляетъ намъ человѣка существомъ сложнымъ изъ различныхъ наклонностей, дѣйствующимъ такъ, какъ опредѣляетъ его та или другая наклонность, въ высшей степени самолюбивымъ и необщительнымъ. Добродѣтель онъ почитаетъ изобрѣтеніемъ первыхъ основателей и правителей государствъ. Чтобъ укротить и сдѣлать безвреднымъ для общества самолюбивыя наклонности людей, законодатели, по его словамъ, привели въ движеніе тщеславіе людское и употребили всѣ усилія, чтобъ убѣдить людей, какъ унижительно для нихъ увлекаться своими склонностями и заботиться о личныхъ выгодахъ и какъ напротивъ ихъ возвышаетъ владычество надъ страстями и дѣятельность для общаго блага. Между тѣмъ, по мнѣнію Мандевила, и страсти совершенно необходимы для процвѣтанія государствъ: онъ приводитъ въ движеніе всѣ силы человѣка и даютъ возможность раскрыться его дѣятельности во всѣхъ направленіяхъ. Невозможно, говорить Мандевиль, наслаждаться пріятностями жи-

(1) Рошфуко род. въ 1612 г., ум. въ 1680. Его сочиненіе: *Reflexions ou sentences et maximes morales de Mr. de la Rochefoucauld*. Par. 1665. 12. — (2) Мандевиль род. въ 1670 г., ум. въ 1733. Онъ писалъ: *The grumbling hive, or knaves turn'd honest*. 1706. 2-е изд. этого сочиненія, съ пространнѣмъ поясненіемъ вышло подъ заглавіемъ: *the fables of the bees or private vices made public benefits*. Lond. 1714. — Сверхъ того: *Enquiry into the origin of moral virtue*. VI ed. 1732. II Voll. 8. — *Free thoughts on religion, the church, government etc.* Lond. 1730.

зни среди народа образованнаго, богатаго и могущественнаго, и думать о добродѣтеляхъ и невинности золотого вѣка.

Самый холодный, самый утонченный эгоизмъ проповѣдывается Гельвеціемъ⁽¹⁾. Началомъ всей нравственной системы человѣка онъ почитаетъ пользу (*l'interet*). Каждый, по его мнѣнію, въ своихъ сужденіяхъ и поступкахъ управляетъ представленіемъ личной своей пользы, одобряя дѣйствія, служащія къ его пользѣ, и оуждая тому противныя; добродѣтели и пороки суть только свойства, намъ полезныя или вредныя. По видимому, Гельвецій смягчаетъ свое ученіе тѣмъ, что понятіе пользы принимается у него въ значеніи пользы общественной. Добродѣтель, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобъ искать общественной пользы; только честность въ разсужденіи общества заслуживаетъ имя добродѣтели. По опредѣленію точнѣе смысла пользы, принимаемой имъ за начало нравственной дѣятельности человѣка, онъ называетъ полезнымъ, какъ для общества, такъ и для отдельныхъ лицъ, только то, что доставляетъ людямъ чувственное удовольствіе. Законы, какъ блюстители блага общественнаго, по понятію Гельвеція, имѣютъ въ виду только доставить членамъ общества удовольствія, которыя опредѣляются у каждого народа его особенными нравами. Какъ нравы и обычаи народовъ въ этомъ отношеніи весьма различны, то отсюда, по мнѣнію Гельвеція, объясняется большое различіе, существующее между законодательствами, потому что единственная цѣль ихъ состоитъ въ томъ, чтобъ наказаніемъ, т. е. посредствомъ скорби заставить каждого находить свое удовольствіе и свою выгоду именно въ томъ, въ чемъ находятъ ихъ весь народъ. Такимъ образомъ здѣсь частное удовольствіе, и притомъ удовольствіе нижшаго рода, именно удовольствіе чувствъ, дѣлается исключительнымъ предметомъ общественной заботы и жизнь добродѣ-

(1) Гельвецій род. въ 1715 г., ум. въ 1771. Его соч. *De l'esprit*. Paris. 1758. 4. — *De l'homme*. Lond. 1772. 8.

тельная есть только освященное привычкою и правами удовлетвореніе чувственнымъ пожеланіемъ. Гельвецій даже сосредоточиваетъ всю добродѣтель въ чувственной любви, какая существуетъ между полами.

Послѣ такого полнаго развитія начала самолюбія ненужно упоминать о другихъ писателяхъ, которые болѣе или менѣе рѣзкимъ образомъ высказывали его при разныхъ случаяхъ или даже въ особѣхъ сочиненіяхъ.

§ 445.

Въ соотвѣтствіи съ общими понятіями о существѣ нравственности и умственнымъ направленіемъ образовались во Франціи также политическія понятія. Къ установленію ихъ содѣйствовали особенно два писателя: *Монтескю* и *Руссо*.

§ 446.

Монтескю ⁽¹⁾ еще въ молодыхъ лѣтахъ своей жизни, издавши Персидскія письма, способствовалъ не мало возмущенію умовъ во Франціи. Вольно и остро обсуживаетъ онъ здѣсь недостатки тогдашняго ея управленія и общественной жизни. Въ обдуманномъ произведеніи зрѣлыхъ лѣтъ своей жизни, въ своемъ *Духѣ Законовъ* ⁽²⁾, онъ представилъ основанія для сужденія о достоинствѣ каждаго законодательства и всякаго закона. Здѣсь онъ раскрываетъ ту основную мысль, что всѣ направленія жизни народной и всѣ постановленія законодательства извѣстнаго народа образуютъ собою одно согласное цѣлое, котораго всѣ части необходимо предполагаютъ одна другую. Посему онъ разсматриваетъ, какое имѣютъ законы отношеніе къ образу правленія, военному

(1) Род. въ 1689 г., ум. въ 1755. — (2) *L'esprit des loix* (вышло въ 1648 г. безъ означенія года и мѣста изданія).

устройству, политической свободѣ, климату, свойству земли, духу и правамъ народа, торговлѣ, числу жителей, религіи и наконецъ къ общему свойству вещей. Послѣ такого общаго разсмотрѣнія законовъ въ ихъ связи какъ другъ съ другомъ, такъ и съ различными обстоятельствами времени и мѣста, человекъ размышляющій легко могъ видѣть, каковы должны быть законы вообще, какому государству какіе изъ нихъ приличествуютъ, хороши ли извѣстные законы или нѣтъ. Оставалось только прилагать изложенныя общія начала къ частнымъ случаямъ. Это было тѣмъ легче, что самъ *Монтескю* въ томъ же сочиненіи сдѣлалъ опытъ примѣненія своихъ началъ къ Римскимъ законамъ о наследствѣ, къ гражданскимъ законамъ Франковъ и къ законамъ Ланнскимъ. Повсюду при этомъ обнаруживается въ сочиненіи особенная любовь сочинителя къ республиканскимъ установленіямъ и въ частности къ установленіямъ Великобританіи, которые впрочемъ онъ понимаетъ своимъ особеннымъ образомъ, изъясняя ихъ въ духъ республиканскомъ.

§ 447.

Что *Монтескю*, можетъ быть, только подразумевать, что высказывается у него только въ половинѣ, то у *Руссо* выражается совершенно открыто и со всею ясностію. Мысли о вольности человека достигаютъ у *Руссо* до высшей степени развитія. Онъ носитъ при томъ самое живое сочувствіе къ мученіямъ страждущаго человечества; онъ томится желаніемъ исправить и улучшить состояніе себѣ подобныхъ.

Любимая мечта *Руссо* есть состояніе природы, жизнь, чуждая всякаго образованія и утопченія, жизнь человека съ однимъ собою, безъ всякаго общества. Это, по его мнѣнію, есть самое лучшее, самое счастливѣйшее состояніе. Въ сочиненіи своемъ, писанномъ въ 1750 г. на вопросъ, предложен-

ный Дижонскаго Академіею: способствовало ли возстановленіе наукъ и искусствъ къ очищенію нравовъ?— онъ описываетъ яркими красками вредъ, причиняемый людямъ науками и образованіемъ, чтобъ тѣмъ болѣе возвысить жизнь по указанію чистой, безъискусственной природы. Въ разсужденіи своемъ: *О происхожденіи и основаніи неравенства между людьми* ⁽¹⁾, онъ дѣлаетъ подробную о цѣнку состоянію природы и объясняетъ, какъ люди удалились отъ этого состоянія. Мы должны, по мнѣнію Руссо, необходимо допустить, что человѣкъ нѣкогда жилъ внѣ гражданскаго общества. Такая жизнь его, жизнь внѣ гражданскаго общества, есть естественное его состояніе. Чтобъ оцѣнить сіе состояніе надлежащимъ образомъ, говоритъ Руссо, надобно смотреть не на человѣка, живущаго въ гражданскомъ обществѣ, а на такъ называемыхъ дикихъ. Гражданское общество раскрываетъ въ человѣкѣ множество страстей и пороковъ, совершенно ему неизвѣстныхъ въ естественномъ его состояніи, разслабляетъ, изнѣживаетъ его, и рождая въ немъ безчисленное множество потребностей, дѣлаетъ его совершенно зависящимъ отъ другихъ. Напротивъ въ состояніи природы люди крѣпкіе по тѣлу, здоровые, бодрые, ловкіе, съ острыми чувствами, столь же мало нуждаются въ подобныхъ себѣ, сколько и другія животныя. Дѣйствуя по инстинкту, а не по влеченію страсти, имѣя небольшое количество понятій и потребностей, будучи безъ добродѣтелей, но и безъ пороковъ, они столько же мало имѣютъ побужденій вести непрерывную войну съ существами своего рода, сколько и другія животныя ⁽²⁾. Такимъ образомъ Руссо съ ученіемъ своимъ противопоставляетъ себя какъ Гроцію и Пуфендорфу, такъ и Гоббесу; онъ не допускаетъ въ людяхъ ни естественнаго влеченія и расположенія другъ къ другу, ни природной вражды и ненависти. Въ состояніи природы, дѣйствѣ, по словамъ Руссо, никто изъ людей не зависитъ отъ другаго, никто

(1) Discours sur l'origine et le fondement de l'inégalité parmi les hommes. 1754. Amsterdam. — (2) Discours sur l'origine etc. P. I.

не возвышается надъ другимъ по своему богатству и силѣ. Въ этомъ состояніи у людей все общее и между ними не существуетъ еще ни правъ, ни обязанностей, такъ какъ нѣмъ изъ нихъ никому еще не дано общаній. По Руссо находить самъ невозможнымъ, чтобъ такое состояніе продолжалось неизмѣнно. Нужда, говоритъ онъ, заставляетъ людей заниматься земледѣліемъ; одна часть ихъ во вредъ другой овладѣваетъ землею; посреди ихъ образуется различіе между богатыми и бѣдными, а съ симъ вмѣстѣ возникаетъ и первое неравенство. Вслѣдъ за этимъ, для обезпеченія своего имущества, людямъ надлежало вступить въ союзъ общественный и покориться власти общественной. Законы утвердили навсегда собственность за тѣмъ, кто уже владѣлъ ею. Образованіе одного общества сдѣлало неизбѣжнымъ образованіе другихъ; для сопротивленія соединеннымъ силамъ однихъ надлежало и другимъ соединиться между собою въ свою очередь. Общества, быстро умножаясь и распространяясь, скоро покрыли все лице земли. Такимъ образомъ законъ гражданскій сдѣлался общимъ правиломъ гражданъ, а законъ природы остался въ дѣйствіи только между различными обществами, бывъ однако, подъ именемъ права народнаго, смягченъ нѣкоторыми безмолвно сдѣланными соглашеніями ⁽¹⁾.

Единственно возможный, по ученію Руссо, способ происхожденія и учрежденія власти общественной излагается имъ въ *Началахъ права публичнаго* ⁽²⁾. По мнѣнію Руссо, какъ оно представлено въ этомъ сочиненіи, бытіе общества и различныхъ общественныхъ отношеній основывается на договорѣ между людьми, составившими общество. Въ силу этого договора каждый, вступающій въ общество, покарятъ всего себя со всеми своими правами волѣ цѣлаго общества, самъ дѣлался составною его частію ⁽³⁾.

(1) Discours sur l'origine etc. P. II. — (2) Du contrat social ou principes du droit politique. Amsterdam. 1763. — (3) Du contrat et c. L. I. C. 3. et 6.

Власть общества, по словамъ Руссо, неотчуждима и недѣлима. Она верховна и независима ⁽¹⁾.

Какъ Руссо хочетъ независимости общества, такъ онъ отвергаетъ рабство, по которому одинъ человекъ дѣлается вещію другого ⁽²⁾.

§ 448.

Французскіе писатели, какъ современные Руссо, такъ и слѣдовавшіе послѣ него, только развивали далѣе вольныя его мысли во всѣхъ ихъ послѣдствіяхъ и приложеніяхъ. Особенно сюда принадлежатъ писатели изъ школы такъ называемыхъ физиократовъ, которые, принимая сельскую промышленность за единственный источникъ народнаго богатства, и взирая на то угнетенное состояніе, въ какомъ находилось тогда во Франціи земледѣліе и земледѣльческое сословіе, требовали, чтобъ она, а вмѣстѣ съ нею и другія вѣтви промышленности были освобождены отъ различныхъ стѣсненій, которые тяготѣли на нихъ. Естественно, что при этомъ случалъ указано было на многіе недостатки управленія, бывшаго во Франціи, и высказано множество свободныхъ мыслей въ другихъ отношеніяхъ. Д'Аламбертъ и Дидеротъ старались особенно о распространеніи вольныхъ мыслей, употребляя для этого разныя, даже нечестныя, мѣры. На Французскомъ языкѣ явилось множество сочиненій политическаго содержанія, большихъ и малыхъ, въ которыхъ или обсуживаемы были тогдашнія ея установленія, или предлагались общія начала законодательства и политики. Всѣ требовали исправленія законовъ и преобразованія государственнаго устройства; желали имѣть законы простые, ясные, всѣмъ понятные; желали единообразія во всемъ управленіи и устройствѣ государственномъ; на то, что существовало, смотрѣли, какъ на произведеніе временъ варварскихъ, какъ на злоупотребле-

(1) Тамъ же L. III. Ch. 18. — (2) Тамъ же Liv. I. Ch. 4.

ніе своевластія, и почитали себя совершенно способными и совершенно въ правѣ дѣлать всѣ исправленія и всѣ перемѣны въ законодательствѣ. Наконецъ вольныя мысли, постепенно-раскрывавшіяся, выразились со всею необузданностію въ словахъ и дѣйствіяхъ людей, управлявшихъ ходомъ Французской революціи.

§ 449.

Какъ единственно хорошую сторону при такой необузданности мысли у Французскихъ писателей, мы должны замѣтить господствующій въ ихъ сочиненіяхъ духъ человеколюбія, сочувствіе ихъ къ страданіямъ человѣческимъ, стремленіе улучшить состояніе своихъ ближнихъ и поставить его на твердомъ основаніи. Конечно не всѣ, которые говорили и писали въ духъ человеколюбія, были дѣйствительно проникнуты человеколюбіемъ; у многихъ оно было только личиною, подъ которою скрывались преступныя намѣренія. Но истина отъ этого не лишается своего достоинства.

§ 450.

Образъ мыслей, раскрывшійся во Франціи, распространился по всей Европѣ. Пріемлемость къ этимъ мыслямъ, въ слѣдствіе одинаковости развитія Европейскихъ народовъ, повсюду существовала. На Францію со времени Людовика XIV всѣ народы смотрѣли съ величайшимъ уваженіемъ и брали ее въ примѣръ для подражанія. Ея литературныя произведенія были читаемы и изучаемы съ величайшимъ вниманіемъ. Ея знаменитые ученые и писатели находились въ сношеніяхъ съ учеными и знаменитыми людьми прочей Европы и дѣйствовали съ особенною ревностію для распространенія тѣхъ мѣтій, которыхъ сами держались. Такимъ образомъ дѣйствительно политическая литература въ другихъ странахъ Европы приняла такое же направленіе, какое она имѣла уже во Франціи. У нѣкоторыхъ

Европейскихъ народовъ явились замѣчательные въ семь отношеніи писатели. Такъ, у Итальянцевъ былъ *Беккарія* и *Филанжеріи*. Беккарія ⁽¹⁾ въ сочиненіи: *О преступленіяхъ и наказаніяхъ* описываетъ недостатки современнаго уголовного законодательства и предлагаетъ начала для ихъ исправленія въ видахъ человеколюбія. *Филанжеріи* ⁽²⁾ въ своей *Науке законодательства* хотѣлъ обнять всѣ предметы законодательства; общія начала науки законодательства, законы политическіе и экономическіе, законы уголовные, воспитаніе, общественное образованіе и нравы, религія, собственность, отеческая власть и домашнія отношенія должны были войти въ кругъ предметовъ его сочиненія. Онъ хотѣлъ показать, что должно быть, и для того представить сперва общія начала, а потомъ изложить, какъ измѣняютъ ихъ мѣсто, время, народность, климатъ, пошва земли, религія и другія обстоятельства. — У Англичанъ старались развить начала Французской философіи *Пенъ* ⁽³⁾ и *Бентамъ* ⁽⁴⁾. Первый, одинъ изъ основателей республики Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ Штатовъ, по своимъ сочиненіямъ долженъ быть причисленъ къ самымъ необузданнымъ республиканцамъ. Второй, слѣдуя началу пользы, раскрытому Гельвеціемъ, хотѣлъ приложить это начало къ различнымъ частямъ законодательства и начертать правила для усовершенствованія законовъ и сочиненія новыхъ уложеній.

(1) Cesare Bonesano Marchese di Beccaria род. въ 1735 г., ум. въ 1793. Его соч. *Dei delitti e delle pene*. Nap. 1764. 8. — (2) Gaetano Filangieri род. въ 1752 г., ум. въ 1788. Его соч. *la scienza della legislazione*. VIII. Voll. Nap. 1780. 8. — (3) Thomas Payne род. въ 1737 г., ум. въ 1809. Его соч. *Common sense*. Philadelphia 1776. 8. — *Rights of man*. 1791. — (4) Jeremias Bentham род. въ 1735 г., ум. въ 1820. Важнѣйшія его сочиненія, изданныя большою частию на Французскомъ языкѣ другимъ его Духовномъ: *Traité de législation civile et pénale, précédé des principaux généraux de législation*. III Voll. Par. 1802. 8. (подписокъ явился еще въ 1776 г.). — *Theorie des peines et des récompenses*. Lond. 1801. — *Essai sur la tactique des assemblées législatives*. Genève. 1815. — *Preuves judiciaires*. 1823. — *Introduction to the principles of morals and legislation*. Lond. 1823. — *De l'organisation judiciaire et de la codification*. 1828. — *Logique judiciaire*.

§ 451.

Особеннымъ, замѣчательнымъ послѣдствіемъ описаннаго нами политическаго направленія 18-го вѣка было появленіе множества сочиненій, относящихся къ философской исторіи человечества. Въ ней хотѣли представить очевидное доказательство своихъ теорій и обозрѣвая путь, пройденный уже родомъ человеческимъ, торжествовать сдѣланные успѣхи, указать цѣли, къ которымъ надлежало стремиться, и означить средства, которыми можно было ихъ достигнуть. Достоинство сочиненій, сюда относящихся, весьма различно. Особенно первыя времена образованія рода человеческого описываются въ нихъ болѣею частию на основаніи неполныхъ историческихъ свѣдѣній и наблюденій, и слѣдовательно предположительнымъ образомъ. Естественнo также, что каждый писатель излагалъ порядокъ развитія рода человеческого и дѣлалъ сужденіе объ успѣхахъ образованности сообразно своему понятію объ ея сущности. Такія сочиненія мы встрѣчаемъ у разныхъ народовъ.

Во Франціи, послѣ опытовъ *Вольтера* ⁽¹⁾ и *Тюрго* ⁽²⁾, особенно *Кондорсетъ* думалъ написать полную историческую картину успѣховъ ума человеческого; впрочемъ онъ оставилъ для того одинъ только очеркъ ⁽³⁾. Здѣсь означаются имъ слѣдующія 10 эпохъ въ развитіи человечества: 1-я эпоха—соединеніе людей въ племена и народы; 2-я—жизнь народовъ пастушескихъ и переходъ отъ сего состоянія къ состоянію

(1) *Essai sur l'esprit et les moeurs des nations*. Это соч. было начато въ 1740 г., издано въ 1765. — (2) *Discours sur les avantages, que l'établissement du christianisme a procurés au genre humain*. Discours sur les progrès de l'esprit humain. Essais sur la géographie politique. Plan d'histoire universelle. Progrès et décadences alternatives des sciences et des arts. Pensées détachées. Эти статьи писалъ Тюрго съ 1750 по 1754 г.; онъ помѣщенъ во второмъ томѣ полнаго изданія его сочиненій, сдѣланнаго въ 1810 г. — (3) *Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain*. Писанъ въ 1793 г., изд. въ 1795.

народовъ земледѣльческихъ; 3-я—успѣхи народовъ земледѣльческихъ до изобрѣтенія письма азбучнаго; 4-я—успѣхи духа человеческого въ Греціи до раздѣленія наукъ на разныя вѣтви около временъ Александра Македонскаго; 5-я—успѣхи наукъ со времени ихъ раздѣленія до ихъ упадка; 6-я—упадокъ наукъ до ихъ возстановленія около временъ крестовыхъ походовъ; 7-я—со времени первыхъ успѣховъ наукъ до возстановленія ихъ на западѣ въ вѣкъ крестовыхъ походовъ до изобрѣтенія книгопечатанія; 8-я—со времени изобрѣтенія книгопечатанія до пріобрѣтенія науками и философіею самостоятельности въ вѣкъ Декарта; 9-я—отъ Декарта до образованія республики во Франціи; 10-я—будущіе, ожидаемые успѣхи человеческого духа.

Въ Англіи, послѣ Фергюсонова опыта исторіи гражданскаго общества ⁽¹⁾, представили сочиненія въ этомъ родѣ Милларъ ⁽²⁾, Гомъ ⁽³⁾, Донбаръ ⁽⁴⁾.

На Нѣмецкомъ языкѣ философская исторія человечества была обработывана особенно Изелиномъ, Гердеромъ, Лессингомъ, Мейнерсомъ. — Изелинъ въ своей исторіи человечества ⁽⁵⁾ изображаетъ, какъ человечество отъ состоянія самой крайней простоты постепенно достигаетъ до самой высшей степени просвѣщенія и счастья. Онъ различаетъ въ семъ случаѣ слѣдующіе періоды: 1-й періодъ — состояніе природы, состояніе звѣроподобное; 2-й — состояніе дикости и варварства; 3-й—начатки образованія до того времени, какъ домашнее общество пріобрѣтаетъ между людьми нужную прочность и твердость; 4-й—переходъ къ гражданскимъ обществамъ; 5-й—успѣхи образованія у восточныхъ народовъ; 6-й успѣхи образованія у Грековъ и Римлянъ; 7-й—успѣхи

⁽¹⁾ См. выше § 367 и 368. — ⁽²⁾ *Millar observations concerning the distinction of ranks in society*. Lond. 1771, 4; 1773, 8; 1798. — ⁽³⁾ *Henry Home sketches on the history of man*. Lond. 1774. II Voll. 4. — ⁽⁴⁾ *James Dunbar Essays on the history of mankind*. 1780; ed. 2. 1783. 8. — ⁽⁵⁾ *Isaak Iselin über die Geschichte der Menschheit*. 1764.

образованія у пынтинскихъ Европейскихъ народовъ. — Отъ Гердера мы имѣемъ его *Идеи для философій исторіи человечества* ⁽¹⁾. Хотя, по его понятію, всѣ люди имѣютъ одно общее назначеніе—раскрыть въ себѣ, по возможности, свои человѣческія способности, образовывать свою природу для жизни человѣческой: однако же онъ не признаетъ въ этомъ случаѣ никакого неизмѣннаго образца, къ которому бы всѣ должны были стремиться; онъ не принимаетъ исключительно одной какой нибудь формы образованности, которая бы для всѣхъ народовъ была самою лучшею; онъ не думаетъ, чтобъ всѣ вѣка должны были трудиться для блага одного будущаго поколѣнія, дабы поставить это поколѣніе на самую высшую ступень образованія и счастья. Напротивъ Гердеръ полагаетъ, что для cadaго народа, согласно съ климатомъ и мѣстомъ на земной планетѣ, подъ влияніемъ которыхъ раскрывается его жизнь, согласно съ обстоятельствами времени, которыя имѣютъ на него влияние, согласно съ самою внутреннею его природою, существуетъ своя форма образованности, свой образъ представленій, понятій, чувствованій, наклонностей, свой способъ быть счастливымъ или несчастнымъ; на всякой пошвѣ и во всякую пору вырастаетъ все, что по волѣ Творца можетъ вырасти на этой пошвѣ и въ эту пору; все существуетъ само для себя ⁽²⁾. Тѣмъ не менѣе Гердеръ допускаетъ единство въ исторіи рода человеческого. Богъ,

⁽¹⁾ *Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit*. Riga. 1784. fg. IV. Voll. 4. Это есть новое, переработанное изданіе писаннаго Гердеромъ за десять лѣтъ предъ тѣмъ сочиненія: *Auch eine Philosophie der Geschichte zur Bildung der Menschheit*. 1774. Дополненіе къ идеямъ составляютъ: *Propylaen der Geschichte der Menschheit* и *Postscenien zur Geschichte der Menschheit*. Въ пропильяхъ начертывается общій планъ и указывается общая точка зрѣнія для исторіи человечества; осуществленіе этого плана на основаніи указанной точки зрѣнія представляютъ идеи; въ постсценіяхъ открывается для человѣка новая будущность. Кромѣ поименованныхъ сочиненій Гердеръ писалъ еще и другія, относящіяся къ исторіи человечества. Всѣ они вмѣстѣ съ вышеозначенными помѣщены въ полномъ изданіи его сочиненій подъ названіемъ: *Zur Philosophie und Geschichte*. 1805. fg. XII Voll. gr. 8. — ⁽²⁾ *Herder's Ideen* 8tes Buch.

говорить онъ, котораго мудрость видна въ природѣ, можетъ ли не имѣть плана по отношенію къ роду человѣческому? Въ образованіи Гердеръ дѣйствительно находить цѣпь, соединяющую весь родъ человѣческій въ одно цѣлое. Это образованіе, по мнѣнію Гердера, начинается для человѣка здѣсь на землѣ и переходитъ въ будущую, безсмертную жизнь. Настоящее развитіе нашей природы есть только почка для будущаго цвѣтка. На землѣ ни въ комъ не раскрывается чистый образъ человечества; земля есть только мѣсто упражненія, мѣсто приготовленія. Каждый народъ, раскрывая свою форму образованности, раскрываетъ тѣмъ самымъ одну изъ формъ образованности вообще, и способствуетъ роду человѣческому въ достиженіи самаго высшаго, для него возможнаго, образованія. Богъ, предназначивши людей для жизни человѣческой, вмѣстѣ съ тѣмъ отдалъ имъ самимъ въ руки ихъ собственную судьбу. Въ стремленіи ихъ къ достиженію цѣли своего бытія всѣ разрушительныя силы природы должны со временемъ не только изнемогнуть предъ силами сохранными, но и служить напоследокъ къ окончательному образованію цѣлаго. Исторія показываетъ намъ въ самомъ дѣлѣ, что людей съ характеромъ разрушительнымъ раждается гораздо меньше, чѣмъ съ характеромъ сохраннымъ, — что съ успѣхами истиннаго образованія злые демоны человѣческаго рода уменьшились въ числѣ и притомъ въ слѣдствіе внутреннихъ законовъ просвѣщающагося разума и искусства государственнаго управленія, — что успѣхи искусствъ и изобрѣтеній даютъ въ руки человѣческому роду непрерывно новыя средства ограничивать или дѣлать безвреднымъ то, чего природа сама не могла истребить. По законамъ внутренняго своего существа съ теченіемъ времени и разумъ долженъ все болѣе и болѣе пріобрѣтать владычества между людьми, человѣческое образованіе все болѣе и болѣе должно распространяться и укрѣпляться ⁽¹⁾. Такимъ образомъ Гердеръ, выводя начало образованія рода

⁽¹⁾ Herders Ideen, 15tes Buch.

человѣческаго изъ Азіи, дѣйствительно развиваетъ передъ нами формы и успѣхи образованности: 1) въ Китаѣ, Кохинѣ-Хинѣ, Тункинѣ, Лаосѣ, Корей, восточной Татаріи, Японіи, Тибетѣ, Индостанѣ; 2) въ Вавилонѣ, Ассиріи, Халдеѣ, у Мидянъ и Персовъ, Евреевъ, Финикійцевъ и Карфагенянъ, Египтянъ; 3) въ Греціи; 4) у Этрусковъ, Латинянъ и Римлянъ; 5) у новыхъ Европейскихъ народовъ. — Изъ сочиненій Лессинга и Мейнера относится къ исторіи человѣчества: перваго *Размышленія о воспитаніи рода человѣческаго* ⁽¹⁾, втораго сочиненія, имѣющія своимъ предметомъ образованность древнихъ, среднихъ и новыхъ временъ исторіи.

Совершенно особеннымъ путемъ шелъ *Итальянецъ Вико* ⁽²⁾ въ своихъ *Началахъ новой науки объ общей природѣ народовъ* ⁽³⁾. Не принимая непрерывной усовершенности, въ которой прежде означенные нами писатели видѣли одинъ изъ важнѣйшихъ законовъ развитія рода человѣческаго, Вико, по примѣру Платона, котораго онъ хотѣлъ быть вообще послѣдователемъ, полагалъ, что судьбы каждаго народа представляютъ намъ періодическое возвращеніе въ извѣстномъ порядкѣ однихъ и тѣхъ же явленій нравственной жизни. Въ исторіи онъ видѣлъ ясныя слѣды Божественнаго міроуправленія и хотѣлъ показать, какъ Провидѣніе ведетъ народы по пути нравственному. Съ этой точки зрѣнія исторія рода человѣческаго представлялась ему вѣчнымъ государствомъ, въ которомъ по Божественному Промыслу всегда властвуютъ нравственно добрые и праведные люди. Святилищникомъ для объясненія судебъ рода человѣческаго служатъ ему философія и филологія. Началомъ его разсматриванія историческихъ происшествій есть всемірный потопъ, о которомъ повѣствуетъ Священное Писаніе; предметъ его науки ближайшимъ

⁽¹⁾ Betrachtungen über die Erziehung des Menschengeschlechts. 1780. — ⁽²⁾ Giambattista Vico под. въ Неаполѣ въ 1670 г., ум. въ 1744. — ⁽³⁾ Principj di una scienza nuova intorno alla natura delle nazioni. Napoli, Mosca, 1725. 12. — Ed. II. Napoli, Mosca, 1750, 8. — Ed. III. Napoli, 1744, 8.

образомъ ограничивается одними языческими народами, не касаясь Еврейскаго. Въ развитіи жизни каждаго языческаго народа онъ различаетъ три возраста, три періода: вѣкъ божескій или теократическій, вѣкъ героическій и вѣкъ человѣческій. — Первый вѣкъ есть *божескій*. Послѣ потопа люди, по предположенію Вико, оставивъ истинное Богопочтеніе, должны были одичать и въ слѣдствіе самаго грубаго воспитанія получить форму гигантовъ допотопныхъ. Они разсыпались по обширнымъ лѣсамъ и предались совершенно удовлетворенію своихъ физическихъ потребностей, живя безъ всякаго чувства нравственнаго, безъ закона, безъ Бога. Удары грома, первые звуки котораго, по мнѣнію Вико, были слышаны послѣ потопа спустя около 200 лѣтъ, потому что столькимъ почти годамъ надлежало пройти, чтобъ могла обсохнуть земля, пробудили одичавшихъ людей отъ умственнаго оцѣпенія. Не понимая естественной причины этого явленія и судя о всемъ по себѣ самимъ, они олицетворили причину грома и въ ужасѣ передъ нею признали въ ней божество. Начало религіи было вмѣстѣ и началомъ общества. Устрашенные громомъ исполины укрываются въ горныхъ пещерахъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ оканчивается ихъ звѣрская жизнь: они обезпечиваютъ для себя обиталище постояннымъ убжищемъ; боясь соединиться съ другимъ поломъ подъ открытымъ небомъ, чтобъ не поразилъ ихъ громъ, они силою увлекаютъ въ свои убжища женщинъ, которыхъ и удерживаютъ тамъ постоянно. Такъ начинается семейство и образуется бракъ, заключеніе котораго сопровождается священными обрядами. Первые отцы семействъ суть и первые жрецы, и какъ религія составляетъ еще всю мудрость людей, первые также мудрецы; какъ полные владыки своихъ семействъ, они суть вмѣстѣ первые цари. При такомъ большомъ варварствѣ власть ихъ не можетъ не быть суровою и жестокою. И это было необходимо для того, чтобъ люди, укрощенные семейственнымъ управленіемъ, приготовились повиноваться законамъ управленія гражданскаго, которое должно было за тѣмъ послѣдовать. Но эти не-

ограниченные цари семействъ сами подчинены силамъ божественнымъ, которыхъ вельнія они истолковываютъ своимъ женамъ и дѣтямъ, и какъ въ эти времена каждое дѣйствіе приписывается божеству, то правленіе здѣсь есть теократическое. Боги открываютъ людямъ свыше законы свои посредствомъ авспіцій, оракуловъ и другихъ вещественныхъ знаковъ. Право имѣетъ важность божественную. Требовать малѣйшаго его изъясненія было бы богохульствомъ. Правовѣдніе есть только познаніе религиозныхъ обрядовъ; правда состоитъ въ соблюденіи извѣстныхъ дѣйствій, извѣстныхъ обрядовъ. Судилище есть судилище боговъ; къ нимъ обращаются получившіе какую нибудь обиду; ихъ призываютъ въ свидѣтели и судіи. Когда суды религиозные получили правильный видъ, то виновные были обрекаемы богамъ, предаваемы проклятію; въ слѣдствіе этого приговора надлежало ихъ умерщвлять. Приговоръ смертный произносился какъ противъ народовъ, такъ и противъ отдѣльныхъ лицъ. Войны были судами Божиими: онѣ имѣли характеръ религиозный; герольды, которые объявляли ихъ, обрекали враговъ богамъ, и вызывали ихъ боговъ изъ стѣнъ ихъ; побѣжденные были иногда приносимы на жертву богамъ. Поединки составляли тогда родъ суда Божія. Люди, не могли отличить дѣла истинно справедливаго отъ несправедливаго, считали справедливымъ то, которому благопріятствовали боги. Впрочемъ вообще о всемъ первомъ вѣкѣ жизни народной Вико имѣетъ не очень высокое понятіе; это, по его мнѣнію, былъ вѣкъ грубости и невѣжества. — За вѣкомъ божескимъ наступаетъ *вѣкъ героическій*. Семейство, по ученію Вико, скоро начало состоять не изъ однихъ только людей, соединенныхъ узами крови. Несчастные, которые продолжали владѣть нераздѣльно вещами и женами и отъ того находились въ непрерывныхъ ссорахъ, желая убѣжать отъ насилія, прибѣгали къ алтарямъ храбрыхъ отцевъ семействъ. Храбрые отцы семействъ убивали притѣснителей и покровительствовали утѣшеннымъ. Бывъ рождены подъ знаменіями боговъ и состоя въ

правильномъ союзѣ, они были героями по рожденію и по добродѣтели. Пришельцы, приведенные въ ихъ общество выгодною, а не религіею, не участвовали въ преимуществахъ ихъ, а особенно въ преимуществахъ торжественнаго брака. Герои принимали пришельцевъ подъ свое покровительство подъ условіемъ рабства. Но сдѣлавшись многочисленными, пришельцы вознегодовали на свое униженіе, и потребовали себѣ части въ тѣхъ земляхъ, которыя они обрабатывали. Повсюду, гдѣ герои были побѣждены, пришельцы получили себѣ во владѣніе земли, которыя всегда должны были зависть отъ героев. Такимъ образомъ учредилось гражданское общество. Отцы семействъ составили классъ людей благородныхъ, патриціевъ, сохраняя тройкой характеръ: царей своего дома, жрецовъ и мудрецовъ, т. е. хранителей авспицій. Прибѣгшіе къ нимъ подъ защиту составили классъ плебеевъ, кліэнтовъ, васалловъ, безъ всякаго другаго права, кромѣ права пользоваться землями, которыя они получили отъ благородныхъ. Города героев были всѣ управляемы аристократически; цари семействъ подчинили свою домашнюю власть власти своего сословія. Начальники сословія героев были называемы царями города, и управляли дѣлами общественными, касавшимися войны и мира. Эти небольшія общества были существенно воинственныя. Иностранецъ на ихъ языкъ значилъ тоже, что непріятель. Герои занимались разбоемъ на сушѣ или на морѣ и поставляли въ этомъ честь свою. Внутри героическіе города не болѣе были спокойны. Между патриціями и плебеями существовала непримиримая вражда и ненависть. Но любовь къ чести, которая въ аристократическихъ республикахъ поддерживаетъ это насильственное сословіе, производитъ въ замѣнъ того во время войны благородное соревнованіе между ними. Благородные обрекаютъ себя на смерть для спасенія отечества, отъ котораго зависятъ всѣ ихъ выгоды; плебеи знаменитыми дѣлами стараются показать себя достойными раздѣлять преимущества благородныхъ. Право имѣть здѣсь также особенный

характеръ. Насиліе героев знало одну только узду — уваженіе къ слову. Быть однажды произнесено, слово становилось для нихъ свято, какъ религія, — неизмѣнно, какъ прошедшее. За актами религіозными, которые одни составляли всю правду божескаго вѣка, и которые можно назвать формулами дѣйствій, послѣдовали формулы произносимыя. Вторыя послѣдовали то уваженіе, какое люди имѣли къ первымъ, и суевѣріе, благоговѣвшее передъ ними формулами, было непреклонно, неумолимо. Нужна была эта ужасная вѣрность слову въ сіи времена насилія; въ такомъ случаѣ слабость менѣе должна была болѣть. Мудрость состояла тогда въ искусномъ употребленіи словъ, въ точномъ приспособленіи языка къ предполагаемой цѣли. По примѣру формулъ религіозныхъ законныя формулы вѣка героическаго были также покрыты таинственностію. Формулы религіозныя, будучи всѣ дѣйствіемъ, не имѣли ничего общаго. Формулы законныя въ ихъ началѣ относятся только къ факту, къ недѣлимому; это суть простые примѣры, по которымъ въ послѣдствіи судятъ о подобныхъ случаяхъ. Законъ, будучи еще совершенно особеннымъ, имѣть въ свою пользу только одинъ авторитетъ. — Наконецъ слѣдуетъ *вѣкъ человѣческой*. Къ правительствамъ человѣческимъ относятся демократія и монархія. По мѣрѣ того, какъ героическія аристократіи замѣняются правительствами человѣческими, законъ гражданскій получаетъ все болѣе и болѣе важности въ сравненіи съ закономъ политическимъ. Въ аристократіяхъ всѣ частныя выгоды гражданъ были заключены въ выгодахъ общественныхъ. Подъ властію правительствъ человѣческихъ, особенно же монархій, выгоды общественныя занимаютъ умы только по отношенію къ выгодамъ частнымъ. Сверхъ того нравы смягчаются и чувства особенной признанности получаютъ тѣмъ болѣе силы и замѣняютъ собою патріотизмъ. Демократіи происходятъ изъ героическимъ республикамъ слѣдующимъ образомъ: какъ съ теченіемъ времени умы людей все болѣе и болѣе развивались, то плебеи увидѣли

наконецъ ничтожность героизма и усмотрѣли, что они имѣютъ одинаковую человѣческую природу съ благородными, почему стремились получить одинаковыя съ ними права; это и удавалось иногда слабымъ. Въ республикахъ народныхъ, хорошо устроенныхъ, единственное неравенство, какое въ нихъ существуетъ, опредѣляется ценою; Богъ хочетъ этого, чтобъ доставить преимуществу бережливости предъ расточительностію, промышленности и предусмотрительности предъ беззаботностію и праздностію. Народъ, взятый вообще, хочетъ правды; когда по-сему онъ получаетъ въ свои руки управление, то онъ составляетъ законы справедливые, т. е. для всѣхъ вообще полезныя. Равенство, которое образовала природа между людьми, давши имъ разумъ, существенный характеръ человѣчества, освящено въ равенствѣ гражданскомъ и политическомъ. Но мало по малу и демократіи портятся, богатые смотрятъ на свои богатства не какъ на средства законнаго превосходства, но какъ на орудіе тиранніи. Народъ, который подъ правленіемъ героическимъ требовалъ только одинаковыхъ правъ, хочетъ теперь господствовать въ свою очередь; являюся честолюбивые вожди, которые предлагаютъ законы выгодные для черни, законы, которые имѣютъ въ виду обогатить бѣдныхъ на счетъ богатыхъ. Распри перестаютъ уже быть законными; они рѣшаются силою. Отсюда гражданскія войны внутри, несправедливыя войны внѣ государства. Сильные возстаютъ въ безпорядкѣ, и анархія хуже всякой тиранніи владычествуетъ въ государствахъ. Противъ этого величайшаго нещастія государства Провидѣніе употребляетъ одно изъ слѣдующихъ трехъ средствъ и въ слѣдующемъ порядкѣ. Во первыхъ оно изъ среды самого народа постановляетъ кого нибудь единовластителемъ. Государь устанавливаетъ равенство, по крайней мѣрѣ въ повиновеніи; онъ усмиряетъ сильныхъ, и усмиренье ихъ есть уже свобода для слабыхъ. Облеченный неограниченною властію, онъ совѣтуется не съ закономъ писаннымъ, но съ естественною справедливостію. Такимъ образомъ монархія есть правленіе наи-

болѣе сообразное съ природою человѣческаго во времена утонченной образованности. Монархи хвалятся прозваніемъ милостивыхъ и дѣлаютъ наказанія менѣе жестокими. Они ограничиваютъ эту ужасную отеческую власть первыхъ вѣковъ, которая заключала въ себѣ даже право жизни и смерти надъ домашними. Благорасположеніе закона простирается на самыхъ рабовъ. Даже съ врагами обращаются лучше прежняго; побѣжденнымъ сохраняются ихъ права. Право гражданства, которое республики дарили такъ скупно, теперь раздается щедро. Во вторыхъ, если Провидѣніе не находитъ такого средства внутри, оно находитъ его внѣ. Народъ испорченный сдѣлался рабомъ своихъ необузданныхъ страстей; онъ дѣлаетъ рабомъ лучшаго народа, который покарятъ его оружіемъ, и, покоряя его, тѣмъ спасаетъ его, такъ какъ по естественному закону: кто не можетъ управлять собою, тотъ долженъ повиноваться, и лучшимъ людямъ принадлежитъ владычество надъ міромъ. Если наконецъ не помогаетъ ни то, ни другое изъ показанныхъ средствъ; тогда при крайней испорченности народа Провидѣніе приступаетъ къ самому крайнему средству. Эти люди по образу звѣрей привыкли ни о чемъ другомъ не думать, какъ о своихъ частныхъ выгодахъ; по образу звѣрей они свирѣютъ отъ надменія; они раздѣлены совершенно, нища своихъ частныхъ выгодъ, — нельзя найти и двухъ между ними, которые бы были согласны между собою, — каждый слѣдуетъ своему удовольствію или своей волѣ. Итакъ они сдѣлались варварами гораздо хуже, чѣмъ каковы были варвары періода младенчества. Мы видимъ множество тѣлъ, но мы напрасно стали бы искать въ нихъ человѣческой души; это суть только дикіе звѣри. Итакъ да погибнетъ это общество отъ свирѣпости партій, отъ пламени гражданскихъ войнъ; да содѣлаются города опять лѣсами, лѣса да будутъ опять убѣжищемъ людей, и дѣйствіемъ вѣковъ ихъ выдуманная злоба, ихъ извращенная утонченность, да исчезнетъ подъ ржавчиною варварства! Тогда люди, будучи необразованны, грубы, нечувстви-

тельны къ утонченіямъ, которыя испортили ихъ, знаютъ только вещи необходимыя для жизни. Какъ они немногочисленны, то они не имѣютъ недостатка въ необходимомъ. Они снова способны къ образованности; съ древнею простотою скоро возвращается къ нимъ благочестіе, правдивость, добросовѣстность, тѣ добродѣтели, на которыхъ основывается правда, и которыя составляютъ всю красу вѣчнаго порядка, установленнаго Провидѣніемъ. Такъ, по ученію Вико, для народа снова начинается повтореніе прежняго хода вещей, и это круговращеніе происходитъ непрерывно. Вико дѣйствительно къ концу своего сочиненія раскрываетъ подробно, какъ на развалинахъ Римской Имперіи Богъ строгими очищеніями обновилъ Европейское общество, утвердивъ въ Европѣ Христіанство, — какъ періодъ Божескій и правленіе теократическое явились снова въ среднихъ вѣкахъ, — какъ господствовалъ здѣсь духъ благочестія, подобный тому, какой мы видимъ въ первыхъ вѣкахъ язычества; мы видимъ здѣсь такія священныя войны, священныя суды, священныя убѣжища и проч. — Какъ ни ярко озарилъ Вико своими изслѣдованіями многія темныя стороны исторіи Греческой и Римской, какъ ни много остроумія и даже глубины представляютъ разныя его мысли; однакоже, не говоря о многихъ произвольно принятыхъ имъ началахъ и предположеніяхъ, его изображеніе вѣчной и всеобщей жизни народовъ во всякомъ случаѣ есть только списокъ съ исторіи Греціи и Рима и по этому уже одному не можетъ имѣть вѣрности въ приложеніи къ судьбамъ всѣхъ народовъ. Вико не оставилъ послѣ себя особенной школы; однакоже довольно большое число писателей Итальянскихъ старались раскрыть нѣкоторыя его мысли подробнѣе и представить ихъ въ исправленномъ видѣ: *Геновези, Куоко, Маріо Пагано, Катальдо Ганнелли*. Последний сравниваетъ человечество во всѣхъ частяхъ съ недѣлимымъ человекомъ и думаетъ, что оно также будетъ имѣть старость, какъ оно имѣло свою юность и свой мужескій возрастъ (*).

(*) Объ этихъ писателяхъ см. во Французскомъ переводѣ сочиненія Вико, par Michelet, appendice du discours sur le système et la vie de Vico.

§ 452.

Какъ образъ мыслей человека всегда имѣетъ вліяніе на образъ его дѣйствій и теорія на практику; то проповѣдуемая новыя начала законодательства скоро обнаружили свое дѣйствіе на развитіе законовъ у Европейскихъ народовъ. По указанію новыхъ началъ были исправляемы существующіе законы въ ихъ отдѣльности. Для исправленія ихъ въ дѣломъ и сочиненія новыхъ Уложений были учреждаемы особенныя Коммиссіи, дѣйствовавшія съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Но особенно новая теорія имѣла ужаснѣйшимъ своимъ послѣдствіемъ Французскую революцію. Здѣсь духъ волюнтіи раскрылся со всею ужасающею его силою. Государство Французское и всѣ его установленія были потрясены до самаго основанія; прежніе законы были большею частію совершенно уничтожены. Изъ Франціи духъ разрушенія распространился по всей западной Европѣ. Повсюду были дѣлаемы преобразованія самыя насильственныя, съ низпроверженіемъ прежняго порядка вещей. Всѣ съ восторгомъ внимали тому, что происходило у Французовъ. Немногіе осмѣливались защищать существующее и оспаривать начала Французской революціи. Къ такимъ мужамъ принадлежатъ Англичанинъ Эдмундъ Бурке, который съ непостижимымъ краснорѣчіемъ въ своихъ *размышленіяхъ о Французской революціи* низвергаетъ ея идоловъ и превращаетъ въ ничто ея обольстительныя призраки. Въ томъ же духѣ говорилъ и дѣйствовалъ его великій другъ Питтъ не только ко благу Англіи, но и ко благу всей Европы. Въ Германіи поборали революціонныя начала: Брандесъ, Ребертъ и особенно Генцъ. Впрочемъ до времени потокъ былъ неудержимъ въ его опустошительномъ разлитіи.

Общая замечания на второй периодъ новой
Истории Философии Законодательства.

Литтература. Hegel über die wissenschaftlichen Behandlungsarten des Naturrechts (zuerst erschienen im kritischen Journal der Philosophie B. II. St. 2 und 3. 1802—1803, dann in Hegel's Werken B. I.). Сюда принадлежатъ только первая часть этого разсужденія.—Haller's Restauration der Staatswissenschaft. B. I. Winterthur. 1816. Cap. 3—17.—Heeren über die Entstehung, die Ausbildung und den practischen Einfluss der politischen Theorien und die Erhaltung des monarchischen Princip in dem neuern Europa (въ его vermischte historische Schriften. Th. I. 1821. Abhandl. 3.).—Eichhorn's deutsche Staats- und Rechtsgeschichte. Th. IV. Göttingen. 1823. § 614.

§ 453.

Разсматривая въ общей совокупности философическія системы права, образовавшіяся во второмъ періодѣ новой исторіи, мы поражаемся удивительнымъ сходствомъ понятій о правѣ у философовъ, принадлежащихъ къ такимъ различнымъ народамъ, каковы Англичане, Германцы, Французы. Конечно различія, представляемыя этими системами также значительны; но они служатъ только къ тому, чтобы раскрыть главныя мысли, въ нихъ проявляющіяся.

Субъективный характеръ новой философіи законодательства ⁽¹⁾ выразился съ полною силою въ философіи 17-го и 18-го вѣка какъ по отношенію къ ея формѣ, такъ и по отношенію къ ея содержанію.

По отношенію къ формѣ. Умъ философствующій, нища основаній для познанія истины, сначала искалъ

(1) См. выше § 292.

ихъ, еще несовершенно доверяя своимъ силамъ, въ томъ, что можно было по крайней мѣрѣ самому человѣку повѣрить на дѣлѣ каждую минуту; таково было, какъ мы видѣли, направленіе Англійской философіи, основанной Бакономъ. Послѣ сего, въ сознаніи собственной силы, разумъ хотѣлъ искать истины прямо и непосредственно въ себѣ самомъ, въ своихъ понятіяхъ, и притомъ или исключительно, или по крайней мѣрѣ преимущественно въ разумѣ: направленіе, которое представляетъ намъ Французско-Нѣмецкая философія, основанная Декартомъ. Не находя удовлетворенія своему стремленію къ истинѣ ни на томъ, ни на другомъ пути, духъ человѣческій вооружился наконецъ противъ всякой твердой истины и явился съ направленіемъ, которое разрушало ее. Философія отделилась такимъ образомъ отъ ученія откровеннаго и даже поставила себя во враждебное къ нему отношеніе. Она отделилась и отъ всей вообще исторіи и не только не хотѣла обращать вниманія на свидѣтельство и урокъ временъ, но рѣшилась даже построять прошедшее по своимъ понятіямъ. Слѣдствіемъ этого было сначала неполное, а потомъ искаженное изображеніе истины. То, что въ существѣ вещи принадлежало только одному чѣлону и что слѣдовательно должно было обнимать однимъ и тѣмъ же воззрѣніемъ, было сначала для удобства разсмотрѣнія раздѣлено на части. Но потомъ философія, сдѣлавши одну изъ этихъ частей предметомъ своего разсмотрѣнія, совершенно забыла о другихъ. Во всякомъ случаѣ для духа познающаго создана была такимъ образомъ собственная область, независимая отъ мысли, увѣренности и познанія людей постороннихъ.—Какъ философія отделилась отъ цѣлаго круга познанія, такъ въ ней самой каждая часть стремилась приобрѣсть самостоятельность, и, если можно, отдѣлиться отъ прочихъ наукъ ея и даже отъ ней самой. Каждое духовное начало хотѣло развить себя особеннымъ образомъ и наслаждаться отдѣльнымъ, независимымъ существованіемъ. Такъ первоначальное единство морали, права и политики было уничтожено и каждая изъ

сихъ частей философіи составила особенную науку. Отъ самой политики со временемъ отдѣлились политическая экономія и педагогика и получили достоинство наукъ самостоятельныхъ. Если это отдѣленіе наукъ одной отъ другой у того или другаго философа не выражалось во внѣшности; то разнородныя, несоединенныя между собою твердымъ образомъ начала, которыя были предлагаемы въ одной, по видимому, цѣлой наукѣ, достаточно показывали, что цѣлое не было цѣлымъ органическимъ, но собраніемъ разнороднаго, прикрытымъ личиною единства. При такомъ положеніи науки отдѣленіе частей ея одна отъ другой не только не было зломъ, но еще приносило ту важную выгоду, что особенныя начала тѣмъ скорѣе могли сознать сами себя во всей своей глубинѣ и во взаимномъ противорѣчій другъ съ другомъ, дабы потомъ искать взаимнаго примиренія. — Приѣмъ и способъ, какой употребляетъ разсматриваемая нами философія, находится въ соотвѣстствіи съ тѣмъ, что мы сказали о ея раздѣленіи съ исторіею и съ откровеннымъ ученіемъ и раздѣленіи особенныхъ наукъ ея между собою. При разсматриваніи известнаго предмета она, для опредѣленія его сущности, беретъ одну какую нибудь его сторону, одно какое нибудь его свойство, отвлекая отъ всѣхъ другихъ. Это свойство дѣлается господствующимъ; ему подчиняются, изъ него выводятся всѣ другія. Оно раскрывается во всѣхъ его послѣдствіяхъ и приложеніяхъ, такъ какъ бы другія свойства не существовали или не имѣли вѣса. Вредъ, произтекающій отсюда, вознаграждается нерѣдко въ нѣкоторой степени недостаткомъ единственности, которую допускаютъ иногда противъ воли въ своихъ системахъ, чтобы дать мѣсто какому нибудь значительному качеству разсматриваемаго предмета. Но это есть слабое вознагражденіе за искаженіе полной истины. — Описанный намъ характеръ философическихъ изслѣдованій принадлежитъ какъ философіи Англійской, такъ философіи Нѣмецкой и Французской, особенно же двумъ послѣднимъ. Англійская философія, имѣя своимъ основаніемъ всю

обширную область опыта, который представляетъ намъ нравственныя установленія не съ одной какой нибудь стороны, а со множества сторонъ, могла довольно вѣрно изобразить свойство сихъ установленийъ. Но философія, которая или большею частію оставляла опытъ и изъ цѣлаго известнаго нравственнаго установленія брала только нѣкоторыя его части, для того, чтобы по нимъ понять цѣлое установленіе, какова философія Нѣмецкая, или имѣла въ виду при своихъ изслѣдованіяхъ только ограниченный кругъ опытныхъ явленій, какова философія Французская, могла представить намъ только неполное изображеніе истины.

По отношенію къ *содержанію*. Главное понятіе, господствующее въ разсмотрѣнныхъ нами философскихъ системахъ, есть понятіе лица единичнаго. Единичному лицу дается здѣсь необыкновенная важность; кругъ свободной его дѣятельности расширяется, сколько возможно, далѣе; его благо и безопасность поставляется средоточіемъ и цѣлію общественныхъ установленийъ. — Вниманіе философіи законодательства обращено не столько на обязанности, сколько на права человѣка. По установленіемъ различія между обязанностями, исключаящими всякое принужденіе, и обязанностями, его допускающими, весь внутренній міръ дѣлается исключительнымъ достояніемъ человѣка и освобожденъ отъ всякаго посторонняго вліянія. Для внѣшней дѣятельности принята правиломъ начало свободы. Она ограничивается только по требованію необходимости, и только въ той мѣрѣ, въ какой это нужно для того, чтобы человѣкъ могъ существовать въ сообществѣ съ другими людьми, съ которыми ему необходимо жить вмѣстѣ. Но и это ограниченіе выводится или частію, или даже совершенно, изъ собственной воли человѣка — изъ договоровъ, добровольно заключаемыхъ людьми между собою; отъ воли людей зависитъ ограничивать или не ограничивать себя для другихъ, хотя въ послѣд-

немъ случаѣ они должны будутъ подвергнуться всѣмъ несчастнымъ послѣдствіямъ необузданности своихъ желаній и дѣйствій. Человѣкъ признается свободнымъ отъ самой природы и состояніемъ полной его свободы почитается его естественное состояніе—состояніе внѣ гражданского общества. Последнее есть для него состояніе ограниченія, которому онъ подчиняетъ себя только для того, чтобъ избѣжать большаго зла. Но по крайней мѣрѣ въ состояніе гражданское человѣкъ вступаетъ по доброй своей волѣ. Цѣль гражданского общества есть безопасность и благо самаго человѣка. Почему его свобода здѣсь должна терпѣть, сколько возможно, менѣе ограниченія. Даже въ силу участія, какое дается здѣсь человѣку въ верховной власти общественной, онъ является и здѣсь самъ своимъ господиномъ.

Таково существенное содержаніе философіи законодательства, образовавшейся въ 17-мъ и 18-мъ вѣкѣ. Она начинается съ Гоббеса и достигаетъ крайней своей высоты въ лицѣ Руссо. Первый признаетъ человѣка совершенно свободнымъ только до учрежденія общества и образованія верховной власти; второй хочетъ сохранить для человѣка его первоначальную свободу и въ гражданскомъ обществѣ. Въ срединѣ между сими двумя писателями стоятъ всѣ другіе.

§ 454.

Различныя внѣшнія причины и случайныя обстоятельства способствовали къ развитію подобнаго образа мыслей между писателями западной Европы. Таковы были: ложныя понятія о существѣ республикъ древняго міра, образовавшіяся при самомъ возстановленіи наукъ на западѣ Европы; волненіе умовъ, возбужденное реформаціею; распри, происходившія въ 17-мъ вѣкѣ между Англійскимъ Парламентомъ и Стюартами; упадокъ вѣры и нравственности во Франціи. Но внутренняя, истинная причина раскрывшагося

въ 17-мъ и 18-мъ столѣтіяхъ политическаго образа мыслей заключается въ самомъ духѣ западно-европейскихъ народовъ—сокровенномъ движителѣ тѣхъ самыхъ явленій, среди которыхъ и подъ вліяніемъ которыхъ раскрылись новыя теоріи о правѣ и государствѣ. Какъ у всѣхъ западно-европейскихъ народовъ духъ былъ одинаковъ; какъ установленія, которыя имѣла въ виду при своихъ изслѣдованіяхъ новая философія законодательства, въ существѣ своемъ были одинаковы: то неудивительно, что писатели различныхъ западно-европейскихъ народовъ сходятся между собою въ образѣ мыслей о правѣ и государствѣ.

§ 455.

Многія изъ заблужденій философіи законодательства 17-го и 18-го вѣка были уже въ свое время замѣчены и достаточно опровергаемы. Въ этомъ отношеніи особенно заслуживаютъ вниманіе усилія Англичанъ: Кумберланда, Юма и Фергюсона. Въ послѣдствіи времени призракъ обобщенія былъ доведенъ съ совершенною ясностію и разсѣянъ. Съ чистымъ и высокимъ взглядомъ на нравственность не трудно усмотрѣть, какія мнѣнія изъ области нравственной должны быть отнесены къ числу заблужденій.

Человѣкъ, какъ нравственное существо, не есть существо единичное. Чего хочетъ онъ, какъ существо нравственное?—того, чтобъ существовала нравственность. При такомъ стремленіи онъ самъ въ глазахъ своихъ значить не болѣе, какъ одно изъ орудій нравственности. Онъ заботится о себѣ только какъ о существѣ нравственномъ; его единичность сама по себѣ для него ничего не значить. Но такимъ же образомъ онъ заботится о раскрытіи нравственной жизни во всякомъ другомъ нравственномъ существѣ. Всякое другое нравственное существо, подобно этому, заботится о всѣхъ нравственныхъ су-

ществахъ. При такомъ единствѣ нравственно доброй воли во всѣхъ нравственныхъ существахъ они перестаютъ быть единичными, чуждыми другъ для друга, но необходимо составляютъ одно нравственное общество, въ которомъ бытіе и образъ дѣятельности каждаго изъ нихъ опредѣляется самымъ свойствомъ цѣлаго.

Какъ нравственное существо, человѣкъ не можетъ быть названъ свободнымъ отъ самой природы. Звѣрь неусмирённый, рыскающій на свободу, наслаждается дикою вольностію. Въ этомъ же смыслѣ хотѣтъ говорить о свободѣ человѣка. Но когда мы говоримъ о правахъ и обязанностяхъ человѣка, то мы находимся въ области нравственности. А въ области нравственности все должно быть обсуживаемо и разсматриваемо по нравственнымъ понятіямъ. Въ нравственномъ смыслѣ то только можетъ быть названо истиннымъ достоинствомъ человѣка, чего онъ достигъ своимъ трудомъ, о чемъ онъ дѣйствительно зналъ и чего хотѣлъ. Итакъ, что принадлежитъ человѣку отъ самой природы, независимо отъ всякаго труда съ его стороны, независимо отъ его сознанія и воли, то не можетъ имѣть значенія нравственнаго. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ имѣетъ отъ природы такую же свободу, какую всякой дикой звѣрь; то почему бы должна быть уважаема свобода одного и напротивъ не щадима свобода другаго? Какъ существа только отъ природы свободныя, они имѣютъ равное право, или въ равной мѣрѣ не имѣютъ права быть уважаемы и щадимы съ ихъ дикою свободою. Въ нравственномъ смыслѣ для человѣка существуетъ одна только истинная свобода: свобода отъ своихъ страстей, господства надъ ними, опредѣленіе себя изъ себя самаго къ дѣйствию по началамъ нравственнымъ. Но съ такою свободою человѣкъ не рождается въ міръ; онъ можетъ приобрести ее только большимъ трудомъ въ теченіи продолжительнаго времени. Думать, что тотъ, кто не обладаетъ самъ собою, имѣетъ право и можетъ быть независимъ отъ другихъ, обладаютъ ли они также сами собою, или

не обладаютъ, значить протеворѣчить самому себѣ; такой человѣкъ не имѣетъ еще самъ въ себѣ средоточія, на которое бы могъ опереться, чтобъ отразить отъ себя постороннее вліяніе.

Послѣ сего можно судить, есть ли что истиннаго въ ученіи объ естественномъ состояніи человѣка. Пуфендорфъ объяснилъ различныя значенія, въ которыхъ можетъ быть принимаемо это выраженіе и которыя, ко вреду для истины, легко могутъ быть смѣшаны между собою⁽¹⁾. Сюда относятся тѣ значенія, по которымъ естественное состояніе противоплагается частію состоянію образованности и утопченія, частію состоянію подъ властію гражданскою. Какъ несправедливо называть естественнымъ состояніемъ человѣка состояніе необразованности, — показавъ Фергюзонъ⁽²⁾ и къ его изложенію мы не почитаемъ нужнымъ что либо присовокуплять. Невыгоды естественнаго состоянія, какъ состоянія вне гражданского общества, подробно означены писателями, входившими въ разсмотрѣніе необходимости государства, — Гоббсомъ, Локкомъ, Пуфендорфомъ⁽³⁾ и т. д. Впрочемъ какъ произвольно было составлено понятіе объ естественномъ состояніи, можно видѣть изъ разныхъ описаній этого состоянія, встречаемыхъ нами у разныхъ писателей. Для Гоббеа это есть состояніе войны всѣхъ противъ всѣхъ, для Локка — состояніе мира, для Руссо — состояніе необходимости и т. д. Каждый описывалъ это состояніе своимъ образомъ, смотря по тому, какъ онъ представлялъ себѣ человѣческую природу. Наиболее далеки были отъ истины тѣ, которые думали, что человѣкъ можетъ вести жизнь нравственную и достойную его человѣческаго существа вне государства. Конечно дикари живутъ и безъ государства; но какъ они живутъ? что за жизнь ихъ? Мы можемъ представить себѣ родъ человѣческой совершеннымъ, сколько намъ угодно; но мы никогда не должны думать,

(1) См. выше § 403. — (2) См. выше § 368. — (3) См. въ своемъ мѣстѣ учене сихъ писателей.

чтобъ на какой нибудь высотѣ своего совершенства люди могли вести нравственную жизнь въ государствѣ. Государство есть известный порядокъ нравственной жизни, когда человѣкъ отказывается отъ своей единичной, естественной воли, и живетъ по общему нравственному закону. Выступить изъ этого порядка для человѣка значило бы тоже самое, что отказаться нравственной жизни.

Итакъ напрасно государство почитается ограниченіемъ какой-то свободы человѣка. Въ государства существуетъ для человѣка одна дикая, естественная вольность. Государство не ограничиваетъ только ее, но совершенно ее уничтожаетъ. Въ замѣнъ того оно даетъ человѣку нравственное бытіе въ своихъ нѣдрахъ, какъ въ нѣдрахъ нравственнаго общества, — возвышаетъ человѣка надъ собственными его физическими влеченіями и наклонностями, обращая всю его дѣятельность къ нравственнымъ цѣлямъ, и тѣмъ даруетъ ему истинную нравственную свободу.

Напрасно также цѣлю государства почитается только безопасность и счастье отдѣльныхъ лицъ. Какъ нравственный союзъ, государство не исключаетъ ни одной нравственной цѣли изъ числа своихъ цѣлей. Собственная цѣль его заключается въ немъ самомъ. Оно есть осуществленная нравственная идея. Въ его стремленіи быть дѣйствительнымъ осуществленіемъ нравственной идеи сосредоточиваются для него всѣ другія возможные цѣли. Тѣ, которые дѣлаютъ государство средствомъ для достиженія своихъ цѣлей частными лицами, забываютъ, что единичное лице въ его отдѣленіи отъ нравственности не имѣетъ никакого значенія. Въ особенности тѣ, которые цѣль государства ограничиваютъ безопасностію отдѣльныхъ лицъ, дѣлаютъ изъ государства только оборонительный союзъ, нескрѣпленный никакими тѣсными узами, непроникуемый однимъ духомъ жизни.

Теперь можно судить, справедливо ли выводится бытіе государства изъ договора. Человѣкъ, какъ нравственное существо, можетъ существовать только въ государствѣ и слѣдовательно онъ долженъ жить въ государствѣ. Эта обязанность такъ же священна для него, какъ священна всякая другая обязанность. Но имѣютъ ли право другіе люди принудить его къ жизни государственной, если бы онъ вздумалъ жить въ дикой вольности и не захотѣлъ по доброй волѣ вступить въ этотъ порядокъ жизни, въ которомъ всѣ они или живутъ или рѣшились жить? Безъ всякаго сомнѣнія. Они такое же имѣютъ право на это, какое—принимать мѣры безопасности противъ дикихъ звѣрей, укрощать и вводить въ должные предѣлы ярость необузданныхъ стихій природы, господствовать надъ тѣмъ, что само не можетъ господствовать надъ собою. Итакъ договоръ не есть необходимый способъ образованія и учрежденія государствъ. Впрочемъ заблужденіе, скрывающееся въ учении о договорѣ общественномъ, было уже въ разсматриваемомъ нами періодѣ времени дознано и большею частию опровергнуто Юмомъ⁽¹⁾.

Вмѣстѣ съ ученіемъ о договорѣ общественномъ уничтожается и ученіе о томъ, будто во всякомъ государствѣ верховная власть принадлежитъ народу. Въ правленіяхъ демократическихъ это можетъ быть такъ. Но правленіе демократическое не есть единственно возможный образъ правленія. Напротивъ это есть образъ правленія самый простой, самый несовершенный, гдѣ частный произволъ во всей его естественной грубости прямо и непосредственно возвышается на степенъ воли всеобщей. Въ государствѣ, образованномъ по твердымъ нравственнымъ началамъ, нравственный законъ необходимо имѣетъ для себя известный органъ, которымъ онъ выражается и которымъ осуществляется, органъ выше всякаго произвола, какой можетъ быть свойственъ частнымъ лицамъ, дѣйствуютъ ли они по-

(1) См. выше § 363. стр. 371.

рознь, или въ совокупности. Передъ достоинствомъ такого органа не можетъ имѣть значенія никакой крикъ и шумъ беспорядочной толпы, которая бы захотѣла поставить свою частную волю на мѣсто воли всеобщей, выражаемой предназначеннымъ для ней органомъ.

§ 456.

Означивъ темныя стороны философін законодательства 17-го и 18-го вѣка, мы должны опредѣлить также ея успѣхи въ изслѣдованіи существа-законовъ.

Главное, неотъемлемое достоинство этой философій состоитъ въ томъ, что она развила субъективную сторону нравственной дѣятельности человѣка. Существо нравственности требуетъ, чтобъ человѣкъ принималъ личное, непосредственное участіе въ томъ, что съ нимъ и отъ него происходитъ. Когда онъ знаетъ о томъ, что онъ дѣлаетъ; когда онъ самъ прямо хочетъ этого; когда онъ находитъ въ этомъ самъ для себя удовлетвореніе; когда онъ сознаетъ глубочайшія основанія тѣхъ началъ, по которымъ онъ дѣйствуетъ; когда вообще дѣйствіе его дѣйствительно во всякомъ смыслѣ отъ него происходитъ и онъ при дѣйствіи есть живой дѣйствователь, а не мертвая какая нибудь машина: тогда дѣйствіе его принадлежитъ дѣйствительно къ числу нравственныхъ дѣяній. Сіи-то преимущественно понятія были раскрываемы и полагаемы въ основаніе всѣхъ умствованій о законахъ въ философскихъ системахъ 17-го и 18-го вѣка.

Источника обязательной силы нравственныхъ естественныхъ законовъ искали обыкновенно или въ самой природѣ вещей, или въ волѣ Божественной. Тотъ и другой способъ выведенія силы естественныхъ законовъ совпадалъ между собою въ томъ отношеніи, что причиною опредѣленной природы вещей было признаваемо не другое что, какъ воля

Божія. Такимъ образомъ виновникомъ нравственного порядка было поставлено существо въ высшей степени разумное и свободное. Только Руссо—мы не говоримъ о писателяхъ, отвергавшихъ бытіе Божіе,—выводилъ всѣ обязательства между людьми изъ договоровъ между ними.

Особенно много заботились философы о томъ, чтобъ опредѣлить общее начало нравственной дѣятельности. Подъ симъ именемъ разумѣли частію главное и единственное побужденіе, которымъ человѣкъ долженъ руководствоваться въ своей нравственной дѣятельности, частію самое общее, самое ясное, самое общепонятное выраженіе нравственного закона,—такое выраженіе, изъ котораго бы потомъ можно было вывести путемъ простаго умозаключенія всѣ особенные нравственные законы. Для немногихъ, какъ напр. для Генриха Коксея, воля Божія сама по себѣ была началомъ дѣятельности совершенно яснымъ и очевиднымъ. Большая часть искала какого нибудь особеннаго выраженія для этого начала. Съ сею цѣлію обращались то къ различнымъ наклонностямъ сердца человѣческаго, каковы: любовь человѣка къ Богу, любовь къ себѣ самому и любовь къ ближнимъ; то къ естественному порядку и назначенію существъ, въ соотвѣтствіи съ которыми, какъ полагали, долженъ находиться и порядокъ нравственный. Спиноза показалъ, какъ всѣ эти начала могутъ быть соединены между собою безъ всякаго между ними противорѣчія, и какъ въ особенности начало самолюбія можетъ быть сдѣлано господствующимъ началомъ нравственности, не уничтожая ее. Однимъ только Присомъ была представлена система безусловнаго одобренія разумомъ извѣстныхъ дѣяній и неодобренія другихъ.

Изъ общаго начала нравственности были выводимы обязанности двоякаго рода: совершенныя и несовершенныя, или другими словами, допускающія вышнее принужденіе и не допускающія его. Въ соотвѣтствіи съ обязанностями были поставляемы

права человека, и притомъ двоякимъ образомъ: или принимали, что обязанности одного человека по отношенію къ другому соответствуетъ право сего послѣдняго требовать для себя исполненія обязанности отъ перваго; или принимали, что для исполненія своихъ обязанностей человекъ необходимо долженъ имѣть извѣстные права, безъ которыхъ онъ не могъ бы удовлетворить и своему долгу. Но были и такіе писатели, которые полагали, что свобода человека дѣйствовать, какъ непосредственно вытекающая изъ самыхъ его физическихъ силъ, не имѣетъ нужды ни въ какомъ другомъ для себя основаніи; почему, доколѣ она не ограничена кѣмъ нибудь, кто имѣетъ право ее ограничить, она можетъ обнаруживать себя во всѣхъ возможныхъ дѣйствіяхъ: все позволено, кромѣ того, что запрещено.—Какъ обязанности, такъ и права были раздѣлены на совершенныя и несовершенныя. Основанія такого различія искали обыкновенно въ самой природѣ вещей. Но ни одинъ изъ тѣхъ способовъ, какіе были представлены, чтобы вывести это различіе изъ природы вещей, не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ.

На основаніи принятаго различія между обязанностями и правами совершенными и несовершенными одна часть философовъ и въ самомъ изложеніи одинъ родъ обязанностей и правъ совершенно отдѣлила отъ другаго и образовала двѣ особенныя науки: право и мораль. Прочіе философы продолжали излагать нераздѣльно оба рода правъ и обязанностей. Но какъ первые не забывали, что обязанности и права обоихъ родовъ вытекаютъ изъ одного нравственнаго закона; такъ вторые всегда сохраняли въ своемъ умѣ различіе, принятое между тѣмъ и другимъ родомъ правъ и обязанностей. Между тѣмъ отдѣленіе въ изложеніи обоихъ родовъ правъ и обязанностей имѣло своимъ важнымъ послѣдствіемъ то, что наука права могла сдѣлать предметомъ своимъ разсмотрѣнія права человека, именно тѣ, которыя назывались со-

вершенными. Это въ существѣ вещи мы находимъ дѣйствительно напр. у Ахенвалля.

Разсмотрѣніе правъ,—мы говоримъ здѣсь только о правахъ совершенныхъ,—начиналось съ правъ, которыя будто бы человекъ можетъ имѣть независимо отъ его жизни въ государствѣ. Только немногіе, какъ напр. Гоббесъ и Спиноза, видѣли, что право человека внѣ гражданскаго союза, доколѣ т. е. оно остается не признаннымъ отъ другихъ и не обезпеченнымъ въ своемъ существованіи, совершенно ничтожно.

Между правами, которыя человекъ могъ имѣть независимо отъ союза гражданскаго, первое мѣсто занимали такъ названныя права прирожденныя. Они были выводимы изъ самой природы человека и почитались такъ же неизмѣнными, какъ неизмѣнна самая природа человеческая. Между тѣмъ послѣдующее изложеніе показывало, что эта неизмѣнность ихъ была только мнимая, и что они потому только были допущены, что человекъ былъ предположенъ совершенно единичнымъ и отрѣшеннымъ отъ всякихъ отношеній.

За правами прирожденными слѣдовали права пріобрѣтенныя, не предполагающія никакого особеннаго союза между людьми, и прежде всего право собственности. При объясненіи ея происхожденія всѣ принимали, какъ историческій фактъ, что первоначально всѣ вещи были общими. Уничтоженіе этого общенія одни представляли себѣ слѣдствіемъ общаго договора между людьми, другіе—дѣйствіемъ односторонней воли.

Другой важный родъ правъ пріобрѣтенныхъ, не предполагающихъ никакого особеннаго союза между людьми, составляли права, возникающія изъ договоровъ, на какія нибудь отдѣльныя дѣйствія лицъ. Обязательная сила договоровъ была выводима изъ различныхъ основаній: то изъ необходимости ихъ

для рода человеческого, то изъ совершающагося непосредственно въ минуту заключенія ихъ перехода права отъ одного человѣка къ другому, то изъ предполагаемаго, на основаніи сдѣланнаго о томъ объявленія, оставленія вещи однимъ въ пользу другаго, который непосредственно въ тоже время овладѣваетъ ею.

Послѣ правъ пріобрѣтенныхъ, которыя не предполагаютъ существованія никакого особеннаго союза между людьми, были разсматриваемы права, могущія принадлежать человѣку въ известныхъ домашнихъ обществахъ, каковы: союзъ супружескій, союзъ родителей и дѣтей, союзъ господъ и слугъ. Существо сихъ отношеній было по большей части довольно вѣрно понимаемо Англійскими философами. Но нельзя того же сказать о философяхъ Германскихъ. Изъ нихъ напр. цѣль брака одни ограничивали рожденіемъ дѣтей, другіе присоединили къ этому еще или воспитаніе дѣтей, или погашеніе естественнаго животнаго пожеланія въ людяхъ, соединяющихся бракомъ между собою, или пріобрѣтеніе родителями известныхъ выгодъ посредствомъ своихъ дѣтей. Власть родительская была выводима то изъ обязанности родителей воспитывать существа, ими произведенныя на свѣтъ, то изъ правъ, какія естественно принадлежатъ творцу какого нибудь предмета по отношенію къ этому своему произведенію, то изъ предполагаемаго договора между людьми. Одинъ только Руссо доказывалъ незаконность рабства; прочіе принимали его безъ малѣйшаго сомнѣнія, не давая только господину права умерщвлять своего раба.

Наконецъ были разсматриваемы права людей въ государствахъ. Главною цѣлію государства постоянно была почитаема безопасность гражданъ. Къ этому обыкновенно было присоединяемо еще счастье гражданъ въ различныхъ его отношеніяхъ. Учрежденіе государства было приписываемо по большей части договорамъ между гражданами. До Руссо были по-

читаемы возможными различные образы правленія; но его мнѣнію, верховная власть должна принадлежать непосредственно самому обществу. Впрочемъ никто не сомнѣвался въ неограниченности правъ верховной власти государственной. Отношенія между различными государствами были судимы по тѣмъ же началамъ закона естественнаго, по какимъ отношенія между отдельными независимыми лицами.

Законы естественные вообще почитаемы были правиломъ, съ которымъ должны были сообразоваться законы положительные. По отношенію однихъ къ другимъ не было признано съ надлежащею ясностію и опредѣленностію. Исторія человечества, которую начали обрабатывать въ 18-мъ вѣкѣ съ такою ревностію и съ такимъ успѣхомъ, могла способствовать всего лучше къ объясненію различія между законами естественными и положительными.

Таковы были успѣхи Философіи Законодательства въ 17-мъ и 18-мъ вѣкѣ!

ПЕРІОДЪ III.

Философія новѣйшаго времени, начатая Кантомъ.

Литтература. Michelet's Geschichte der letzten Systeme der Philosophie in Deutschland von Kant bis Hegel. Bände II. Berlin. 1837. 1838.

§ 457.

Когда философія, исходя или изъ даннаго бытія, или изъ мысли, ни посредствомъ опыта, ни посредствомъ умозрѣнія не могла достигнуть до истины и согласить противоположность между мыслию и даннымъ во внѣшности бытіемъ, между духомъ и природою, именно потому, что, исходя изъ которой нибудь одной стороны противоположности, она съ

самого уже начала предполагала эту сторону въ самой себѣ твердою и отдѣляла отъ другой стороны на безконечное разстояніе; то она стала искать истины прямо и непосредственно въ безусловномъ тождествѣ обѣихъ сторонъ. Подобно прежней умозрительной философій, она слѣдила теперь, независимо отъ внѣшняго опыта, посредствомъ собственной силы мышленія Божественную истину; въ то же время, подобно эмпиризму, она имѣла эту истину у себя предъ глазами совершенно присущею. Мышленіе, — не такъ, какъ это было прежде въ умозрительной философій съ разсудкомъ, — теперь не отдѣлено отъ своего безусловнаго предмета; то, что находится въ себѣ мыслящій духъ, не есть болѣе, какъ это было въ эмпиризмѣ, только конечная истина, но самая Божественная истина. Такимъ образомъ обѣ стороны противоположности совершенно проникаютъ другъ друга, но такъ, что мысль или идея признана господствующимъ или главнымъ началомъ. Почему эта философія есть вообще идеализмъ. Такое направленіе дано было философій Кантомъ.

§ 458.

Философія, основанная Кантомъ, смотря по особеннымъ, развившимся въ ней, видамъ идеализма, представляется намъ въ трехъ вообще системахъ. Прежде всего мысль въ такой мѣрѣ дѣлается верховнымъ началомъ, что бытіе предметное отступаетъ передъ нею все далѣе и далѣе и даже скрывается совершенно, послѣ чего наконецъ остается только субъективность мыслей, какъ единственно существующее: это есть субъективный идеализмъ самого Канта и Фихте. Потомъ мысль совершенно переносится въ предметный мѣръ и все существующее признается за разумную мысль: объективный идеализмъ Шеллинга. Наконецъ оба эти способа воззрѣнія соединяются между собою и идеализмъ связывается самымъ глубочайшимъ образомъ съ реализмомъ: абсолютный идеализмъ Гегеля.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

СУБЪЕКТИВНЫЙ ИДЕАЛИЗМЪ КАНТА И ФИХТЕ.

§ 459.

Философія самого Канта содержитъ въ себѣ уже всѣ основанія для субъективнаго идеализма; но только у Фихте они раскрываются совершенно.

I. Кантъ.

§ 460.

Существо философій Канта⁽¹⁾ состоитъ въ критическомъ разсмотрѣніи дѣйствій различныхъ способностей души человѣческой, которое предпринимается имъ съ тою цѣлю, чтобы отсюда опредѣлить границы дѣйствія каждой изъ этихъ способностей; почему имъ самимъ философія его и называется критическою. Слѣдствіемъ его критики познавательныхъ силъ чловѣка⁽²⁾ есть заключеніе, что разумъ не въ состояніи познать внутренняго существа вещей (das Ding an sich); почему все наше познаніе должно ограничиться одними явленіями (Erscheinung). Критика силы желательной⁽³⁾ имѣетъ своимъ выводомъ способность разума постановлять законы для дѣятельности воли независимо отъ опыта (a priori), хотя воля чловѣка никогда не въ состояніи будетъ вполне осуществить сіи законы. Въ критикѣ силы сужденія⁽⁴⁾ Кантъ покушается привести теоретическую и практическую способности въ согласіе между собою, и показать, какъ разумъ при сужденіи

(1) Кантъ род. въ Кенигсбергѣ въ 1724 г., ум. 1804. — (2) Kritik der reinen Vernunft. Riga. 1781. — (3) Kritik der praktischen Vernunft. Riga. 1788. Первое начало ея представляетъ уже сочиненіе: Grundlegung zur Metaphysik der Sitten. Riga. 1785. — (4) Kritik der Urtheilskraft. Berlin. 1790.

о произведеніяхъ природы всегда водится понятіемъ о цѣли и необходимо предполагать въ міръ причину, дѣйствующую по цѣлямъ, хотя природа дѣйствительно не представляетъ нашему чувственному взору ни безусловной цѣли, ни причины, дѣйствующей по понятію о цѣли.

§ 461.

Положивъ основанія для практической философій въ *Критикѣ желательной способности*, Кантъ разсматриваетъ предметы права въ *Метафизическихъ начальныхъ основаніяхъ ученія о правѣ* ⁽¹⁾. Дополненіемъ этого сочиненія служатъ явившіяся нѣсколько прежде два небольшія разсужденія: одно — *Идея для всеобщей исторіи въ видахъ космополитическихъ* ⁽²⁾; другое — *Къ вѣчному миру* ⁽³⁾.

§ 462.

Практическіе законы, по ученію Канта, повелѣваютъ или запрещаютъ что либо безусловнымъ образомъ. Посему они опредѣляютъ волю къ дѣянію не по свѣдѣ матеріи, не по тому, что посредствомъ дѣянія достигается тотъ или другой предметъ желанія, а единственно по формѣ, то есть, по тому, что въ самомъ образѣ ихъ выраженія они всеобщи и необходимы. Такимъ образомъ основной законъ практическаго разума есть слѣдующій: поступаи такъ, чтобъ особенное правило твоей воли могло быть всеобщимъ закономъ, т. е. поступаи по такимъ началамъ, которыя бы могли быть началами дѣятельности для воли всѣхъ разумныхъ существъ. Это свойство воли разумной, по которому она, независимо ни отъ чего,

⁽¹⁾ *Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre*. Königsb. 1797. Это сочиненіе составляетъ первую часть *Метафизики нравовъ* (*Metaphysik der Sitten*), вторую частью которой есть *ученіе о добродѣтели* (*Tugendlehre*). — ⁽²⁾ *Idee zu einer allgemeinen Weltgeschichte in weltbürgerlicher Absicht*. 1784. — ⁽³⁾ *Zum ewigen Frieden, ein philosophischer Entwurf*. Königsberg. 1795.

внѣ ся существующаго, сама изъ себя безусловнымъ образомъ опредѣляетъ законы для своей дѣятельности, Кантъ называетъ автономіею воли и своему началу противопоставляетъ всѣ другія, упрекая ихъ въ томъ, что по нимъ воля опредѣляется къ дѣйствию чѣмъ нибудь постороннимъ, а не отъ себя самой. Каждый, по мнѣнію Канта, заглянувши во внутренность своей души, можетъ найти, что въ немъ есть дѣйствительно сила, которая одно безусловно повелѣваетъ ему дѣлать, а другое также безусловно запрещаетъ ⁽¹⁾.

§ 463.

Но при всякомъ законодательствѣ кромѣ закона, предписывающаго известное дѣяніе, требуется еще побужденіе, которое бы заставило волю исполнять предписываемое закономъ. На различіи побужденій дѣятельности при исполненіи законовъ Кантъ и основываетъ различіе между чистонравственнымъ (этическимъ) и юридическимъ законодательствомъ. Законодательство, которое дѣлаетъ самую должность вмѣстѣ и побужденіемъ, или требуетъ исполненія должности для должности, есть чисто нравственное. Напротивъ то законодательство, которое допускаетъ и другія побужденія, кромѣ представленія самой должности, именпо внѣшнія побужденія, есть юридическое. По тому самому сіе послѣднее имѣетъ своимъ предметомъ одни внѣшнія дѣянія, и требуетъ только, чтобъ они были сообразны съ закономъ, не обращая вниманія на побужденіе, изъ какого они предпринимаются ⁽²⁾.

§ 464.

Точнѣе опредѣляетъ Кантъ область юридическаго слѣдующимъ образомъ: понятіе права, говоритъ онъ,

⁽¹⁾ *Kritik der praktischen Vernunft* Th. I. B. I. Hptst. I. § 1—8. — ⁽²⁾ *Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre*. См. здѣсь *Einleitung in Metaphysik der Sitten* статью III.

во 1-хъ касается только вѣшняго и притомъ практическаго отношенія одного лица къ другому, вытекающаго изъ того, что дѣянiя одного, какъ факты, могутъ посредственнымъ или непосредственнымъ образомъ имѣть влiянiе на другое лицо. Но во 2-хъ понятiе права означаетъ отношенiе воли одного лица не къ желанiю, следовательно и не къ потребности другого, какъ то бываетъ въ дѣянiяхъ благотворительности, а единственно къ волѣ другого. Въ 3-хъ при этомъ взаимномъ отношенiи лицъ рѣчь идетъ не о предметѣ воли, т. е. о цѣли, какой бы они хотѣли достигнуть посредствомъ дѣянiя, а единственно о формѣ, когда каждое лице представляется свободнымъ, т. е. о томъ, можетъ ли дѣянiе одного изъ нихъ быть совмѣщено съ свободою другого по всеобщему закону. — Итакъ право есть совокупность условiй, при коихъ воля одного можетъ быть совмѣщена съ волею другого по всеобщему закону свободы. Вмѣстѣ съ симъ всеобщій законъ права есть слѣдующiй: по отношенiю ко вѣшнимъ дѣянiямъ поступай такъ, чтобъ свободное употребленiе твоей воли могло быть совмѣщено по всеобщему закону съ свободою каждаго другого лица. Впрочемъ, говорить Кантъ, если мы не думаемъ учить добродѣтели, а хотимъ излагать только ученiе о правѣ, мы не должны здѣсь указывать на этотъ законъ права, какъ на побужденiе къ дѣянiю (¹).

§ 465.

Существенною принадлежностiю права Кантъ представляетъ возможность принужденiя. Уничтожая препятствiя, противопоставленныя существованiю права, принужденiе, по словамъ Канта, сохраняетъ право въ полной его силѣ, и потому совершенно съ нимъ согласно (¹).

§ 466.

Раздѣливши всѣ права (въ субъективномъ смыслѣ), какiя могутъ принадлежать человѣку, на права

(¹) Тамъ же см. Einleitung in die Rechtslehre. § D.

прирожденныя и приобретенныя, и замѣтивъ, что природенное или внутреннее право есть только одно, именно право свободы, какъ скоро она можетъ быть совмѣщена съ свободою всякаго другого лица по всеобщему закону (¹), Кантъ излагаетъ потомъ въ подробности ученiе разума о правахъ приобретенныхъ, или, какъ онъ называетъ ихъ, о правахъ вѣшнихъ, раздѣляя это ученiе на двѣ части, изъ коихъ первую составляетъ наука права частнаго, вторую — наука права публичнаго.

1. Право частное.

§ 467.

Въ наукѣ права частнаго Кантъ разсматриваетъ:
1) возможность существованiя правъ вѣшнихъ;
2) различные способы ихъ приобретенiя по различiю предметовъ, къ которымъ они относятся.

a) О возможности существованiя вѣшнихъ правъ.

§ 468.

Мои́мъ въ смыслѣ юридическомъ (meum juris), — говорить Кантъ, разсуждая о возможности существованiя правъ вѣшнихъ, — называется какой нибудь предметъ, когда я съ нимъ такъ связанъ, что еслибъ другой сталъ употреблять его безъ моего согласiя, то этимъ была бы сдѣлана мнѣ обида; субъективное условiе возможности употребленiя какаго либо предмета есть владѣнiе. Вѣшнiй предметъ, т. е. предметъ отъ меня отличный, могъ только тогда бы называться мои́мъ, когда бы я могъ быть обиженъ тѣмъ, что другой употребляетъ этотъ предметъ, хотя я имъ не владѣю. Но если какой нибудь предметъ есть мой, то я долженъ имъ всегда владѣть какимъ

(¹) Тамъ же. См. Eintheilung der Rechtslehre. B.

нибудь образом; въ противномъ случаѣ дѣйствіе другаго на этотъ предметъ не могло бы относиться ко мнѣ и быть для меня обидою. Итакъ, по словамъ Канта, если человѣкъ долженъ называть чтонибудь вѣдѣніе: вѣдѣніе чувственное, или физическое, т. е. ограниченное извѣстнымъ пространствомъ и временемъ, и вѣдѣніе умственное, или юридическое, неограниченное ни тѣмъ, ни другимъ; возможность вѣдѣніи правъ основывается на возможности умственного вѣдѣніи. Послѣ сего рождается еще вопросъ, какимъ образомъ доказать, что такое умственное вѣдѣніе возможно? Кантъ говоритъ, что эта возможность сама по себѣ не можетъ быть доказана. Тѣмъ не менѣе она, по мнѣнію его, вытекаетъ непосредственно изъ одного начала разума. Это есть слѣдующее начало, которое у Канта называется постулатомъ практическаго разума: каждый вѣдѣніи предметъ, на который я могу дѣйствовать своею волею, можетъ быть моимъ, такъ какъ иначе воля, въ противорѣчій сама съ собою, отняла бы у себя возможность употреблять предметъ, который можетъ быть употребляемъ безъ нарушения свободы другихъ лицъ. Но сіе начало, говоритъ Кантъ, останется совершенно безъ всякаго приложения, если мы не допустимъ умственного вѣдѣніи. Слѣдовательно умственное вѣдѣніе должно быть возможно (1).

Теперь объяснена вообще возможность существованія правъ вѣдѣніи. Но дѣйствительно имѣть права на какіенибудь вѣдѣніи предметы возможно, по ученію Канта, только въ гражданскомъ обществѣ. Воля одного какогонибудь лица, живущаго внѣ гражданскаго общества, относительно вѣдѣніи, слѣдовательно случайныхъ предметовъ, не можетъ служить обязательнымъ закономъ для всѣхъ людей. Она не можетъ быть всеми безусловно уважаема, потому, что человѣкъ, предъявляющій ее, не доставляетъ другимъ съ своей стороны обезпеченія въ

(1) Тамъ же § 1—7.

томъ, будетъ ли онъ уважать ихъ волю и оставлять ихъ права ненарушаемыми. Только воля, обязывающая всякую другую волю, слѣдовательно воля собирательно всеобщая и обладающая нужною силою, можетъ доставить требуемое обезпеченіе. Состояніе подъ владычествомъ всеобщаго вѣдѣніи закона, огражденнаго нужною силою, есть состояніе гражданское. Итакъ только въ гражданскомъ обществѣ человѣкъ можетъ имѣть права на какіелибо вѣдѣніи предметы. Отсюда, по мнѣнію Канта, слѣдуетъ, что если вѣдѣніи права должны быть юридически возможныы, то лицу должно быть и позволено принуждать всякаго другаго, съ кѣмъ случится у него споръ о правѣ на вѣдѣніи предметъ, вступить вмѣстѣ съ нимъ въ союзъ гражданскій (1).

Тѣмъ не менѣе Кантъ не отвергаетъ, что и независимо отъ гражданскаго общества, или внѣ его, могутъ въ извѣстномъ видѣ существовать вѣдѣніи права. Обезпеченіе, дѣлаемое гражданскимъ обществомъ, предполагаетъ, что обезпечиваемое уже существуетъ; слѣдовательно прежде гражданскаго общества должна существовать возможность вѣдѣніи правъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и право принуждать каждаго, съ кѣмъ только мы можемъ какимънибудь образомъ имѣть дѣло, вступить съ нами въ такой союзъ, въ которомъ бы вѣдѣніи права наши были обезпечены. Владѣніе въ ожиданіи такого состоянія и съ готовностію вступить въ него есть временно законное владѣніе. Человѣкъ, готовый вступить въ гражданское состояніе, по праву сопротивляется всѣмъ, которые не хотятъ подчинить себя гражданскимъ законамъ и возмущаютъ его въ его временномъ владѣніи, потому что воля всякаго другаго внѣ его, которая бы захотѣла наложить на него обязанность стѣснять отъ извѣстнаго владѣніи, есть только воля односторонняя, слѣдовательно столь же мало имѣетъ законной силы противорѣчить, сколько онъ—утверждать что либо за собою, съ тою только разностию,

(1) Тамъ же § 8.

что въ его пользу говорить твердая его воля вступить въ гражданское состояніе. Словомъ, заключаетъ Кантъ, образъ законнаго владѣнія какими нибудь внѣшними предметами внѣ гражданского общества, есть физическое владѣніе, которое въ свою пользу имѣетъ законное предположеніе, что мы хотимъ, соединившись съ волею всѣхъ въ общественномъ законодательствѣ, сдѣлать его законнымъ, почему въ ожиданіи такого состоянія и признается сравнительно законнымъ ⁽¹⁾.

6) *Различные способы приобрѣтенія внѣшнихъ правъ.*

§ 469.

Кореннымъ началомъ внѣшняго приобрѣтенія Кантъ поставляетъ слѣдующее: что я (по закону внѣшней свободы) подчиняю своей физической власти, — чѣмъ я (въ слѣдствіе постулата практическаго разума) въ силахъ пользоваться по своему произволу, — наконецъ по отношенію къ чему я хочу (сообразно идеѣ возможной соединенной воли), чтобы это было моимъ, то дѣйствительно есть мое.

Говоря о способахъ внѣшняго приобрѣтенія, Кантъ различаетъ три рода предметовъ и правъ, которыя могутъ быть приобрѣтаемы. Приобрѣтены могутъ быть: тѣлесная вещь, дѣйствіе другаго, и наконецъ самое это лице, т. е. его состояніе, если я приобрѣтаю право располагать симъ послѣднимъ. По сему Кантъ рассуждаетъ о приобрѣтеніи правъ: 1) вещественныхъ, 2) личныхъ, 3) вещественно-личныхъ.

§ 470.

Право вещественное, по опредѣленію Канта, есть право употреблять исключительно вещь, которой я

(1) Тамъ же § 9.

владѣю вмѣстѣ съ другими. Последнее Кантъ почитаетъ единственнымъ условіемъ, при коемъ только я могу всякому другому владѣльцу вещи запретить употреблять на свою пользу эту вещь. Если мы не предположимъ такого совокупнаго владѣнія, говоритъ Кантъ, то совершенно нельзя себя представить, какъ могутъ меня, хотя я не владѣю вещію, обидѣть другіе, которые владѣютъ и пользуются ею, такъ какъ уже прежде ⁽¹⁾ было показано, что я какимъ нибудь образомъ долженъ владѣть внѣшнимъ предметомъ, чтобы другой могъ обидѣть меня, употребляя предметъ, которымъ я не владѣю физически. Равнымъ образомъ одною своею волею я не могу обязать никого другаго воздерживаться отъ употребленія вещи, и возлагать на кого либо обязательство, котораго онъ совершенно не имѣлъ бы въ противномъ случаѣ; это возможно сдѣлать только посредствомъ соединенной воли въ совокупномъ владѣніи.

Самымъ первымъ приобрѣтеніемъ по отношенію къ вещамъ, какъ думаетъ Кантъ, можетъ быть только приобрѣтеніе земли. Положимъ, говоритъ онъ, что известная часть земли никѣмъ еще не приобрѣтена: въ такомъ случаѣ я могу каждую движимую вещь, какая только можетъ здѣсь находиться, выбросить изъ ея мѣста, чтобы занять его самому, доколь она не потеряется совершенно изъ вида; этимъ ни мало не нарушится свобода кого нибудь, кто именно теперь не владѣетъ мѣстомъ. Итакъ приобрѣтеніе земли есть условіе приобрѣтенія всякой другой вещи.

Возможность первоначальнаго приобрѣтенія всякой земли Кантъ выводитъ изъ постулата практическаго разума. Основаніемъ возможности этого приобрѣтенія Кантъ почитаетъ первоначальное общеніе земли вообще; такъ какъ въ противномъ случаѣ одинъ человекъ своею частною волею не могъ бы исключать другихъ отъ употребленія мѣста, имъ занятаго.

(1) См. выше § 468.

Всѣ люди, по словамъ Канта, находятся дѣйстви-
тельно отъ самой природы, т. е. прежде чѣмъ они
предпримуть какое нибудь законное дѣйствіе, въ за-
конномъ обладаніи землею, т. е. они имѣютъ право
быть тамъ, куда, безъ ихъ воли, они поставлены
природою или случаемъ. Это ихъ обладаніе землею
есть общее ихъ владѣніе, по причинѣ единства
всѣхъ мѣстъ земной поверхности, какъ поверх-
ности шарообразной; если бы земля была без-
конечно плоскостію, то люди могли бы такъ на
ней разсѣяться, что они могли бы навсегда оста-
ться внѣ всякаго общенія другъ съ другомъ.

Законный способъ первоначальнаго приобрѣтенія
земли есть, по мнѣнію Канта, занятіе (occupatio).
Такой способъ приобрѣтенія основывается на одно-
сторонней волѣ лица, чтобы вещь была его вещію. Но
односторонняя воля не иначе можетъ дать право на
какіе нибудь внѣшніе предметы, какъ въ томъ пред-
положеніи, что она содержится во всеобщей, безу-
словно господствующей волѣ; въ противномъ случаѣ
она не могла бы возложить на всѣхъ другихъ обя-
занности удерживаться отъ употребленія вещей, ко-
торыя она объявила своими. Почему, согласно съ
тѣмъ, что было замѣчено вообще относительно об-
раза существованія внѣшнихъ правъ внѣ граждан-
скаго общества ⁽¹⁾, Кантъ полагаетъ, что земля и всѣ
вещи внѣ этого состоянія могутъ быть приобрѣтае-
мы только въ предположеніи онаго ⁽²⁾.

§ 471.

Приобрѣтеніе *личнаго права*, по словамъ Канта,
никогда не можетъ быть первоначальнымъ и зави-
сѣть отъ воли одного лица; такое приобрѣтеніе было
бы несогласно съ свободою всѣхъ другихъ. Рав-
нымъ образомъ, говорить Кантъ, нельзя приобрѣсть

⁽¹⁾ См. выше § 468. — ⁽²⁾ См. Metaph. Anfangsgr. der Rechts-
lehre § 11—17.

личнаго права и посредствомъ законопротивнаго
дѣянія другаго; если бы эта обида сдѣлана была
даже мнѣ самому, и я по праву могъ бы требо-
вать за нее удовлетворенія отъ другаго, однакоже
этимъ было бы нарушено сохранено только
мнѣ принадлежащее, а ничего не было бы при-
обрѣтено сверхъ того, что я уже прежде имѣлъ. И
такъ, заключаетъ Кантъ, приобрѣтеніе личнаго права
можетъ быть только производимъ и совершается
посредствомъ общей воли двухъ лицъ, по которой
предметъ переходитъ во власть того или другаго
изъ нихъ; одинъ изъ нихъ тогда отрѣкается отъ сво-
его участія въ этомъ общеніи, и такимъ образомъ
предметъ въ слѣдствіе принятія его другимъ дѣлает-
ся собственностію сего послѣдняго. Дѣйствіе соеди-
ненной воли двухъ лицъ, посредствомъ котораго
прилежащее одному переходитъ отъ него къ
другому, есть договоръ.

Въ каждомъ договорѣ Кантъ различаетъ два при-
готовительныхъ и два окончательныхъ законныхъ
дѣйствія: къ первымъ относятся предложеніе и одо-
бреніе предлагаемаго; къ послѣднимъ—объщаніе и
принятіе общанія.

Прилежащее одному переходитъ посредствомъ
договора къ другому, по словамъ Канта, не въ слѣд-
ствіе особенной воли лица, дѣлающаго общаніе, и
не въ слѣдствіе особенной воли лица, принимаю-
щаго общаніе, но только въ слѣдствіе соединенной
воли ихъ обоихъ, слѣдовательно подъ тѣмъ условіемъ,
что лица объявляютъ свою волю вмѣстѣ. Но этого
невозможно сдѣлать посредствомъ эмпирическаго
объявленія, потому что при такомъ видѣ объявленія
необходимо одно объявленіе совершается послѣ дру-
гаго, а не дѣлается то и другое въ одно время. По-
ложимъ, что я далъ общаніе, и другой теперь хо-
четъ съ своей стороны принять мое общаніе; но въ
промежуткѣ времени, которое можетъ пройти между
тѣмъ, какъ я далъ общаніе, и тѣмъ, когда другой
приметъ его, какъ бы малъ этотъ промежутокъ ни

былъ, я могу переменить свое намерение, потому что прежде, чѣмъ обещаніе будетъ принято, я остаюсь свободенъ. Именно по этому такимъ же образомъ принимающій обещаніе можетъ почитать себя не-обязаннымъ держаться своего объявленія, послѣдовавшаго за обещаніемъ. Только предположеніе умственного владѣнія уничтожаетъ, по мнѣнію Канта, означенную трудность: при этомъ предположеніи отвлекается отъ эмпирическаго условія времени и представляется, что дѣйствія, обещаніе и принятіе его, не слѣдуютъ одно за другимъ, а исходятъ отъ одной общей воли, и предметъ, какъ бываетъ въ томъ случаѣ, когда договоръ заключается посредствомъ самаго его исполненія, пріобрѣтается, съ опущеніемъ эмпирическихъ условій, по закону чистаго практическаго разума. Въ договоръ предметъ, принадлежащій одному, переходитъ отъ него къ другому такъ, что владѣніе предмета въ продолженіи этого дѣйствія ни на минуту не прерывается; въ противномъ случаѣ пріобрѣтеніе было бы первоначальное, а не производное, свойственное договору.

Но что же, спрашиваетъ наконецъ Кантъ, пріобрѣтается во вѣншинности посредствомъ договора? По словамъ Канта, здѣсь пріобрѣтается непосредственно не вѣншинная какая-нибудь вещь, но дѣйствіе другаго, которымъ эта вещь приводится подъ мою власть, чтобы я могъ сдѣлать ее своею (!).

§ 472.

Вещественноличное право, по объясненію Канта, есть право владѣть вѣншиннымъ предметомъ, какъ вещію, и употреблять его, какъ лице. Отношеніе лицъ, находящихся въ этомъ состояніи, есть общеніе свободныхъ существъ, которыя въ слѣдствіе взаимнаго вліянія другъ на друга по началу вѣншинной свободы составляютъ совокупность членовъ

(!) Тамъ же § 18—21.

одного цѣлаго, называемаго домою. Это состояніе и права, къ нему относящіяся, пріобрѣтаются не своевластнымъ дѣйствіемъ и не посредствомъ договора, но въ силу закона. Мужъ пріобрѣтаетъ такимъ образомъ жену, супруги пріобрѣтаютъ дѣтей, наконецъ семейство пріобрѣтаетъ слугъ (!).

Отношеніе между мужемъ и женою. Лица разнаго пола могутъ, по словамъ Канта, соединиться между собою или просто какъ животныя, или по закону; послѣдній образъ соединенія составляетъ существо брака. Договоръ, по коему лица вступаютъ въ бракъ между собою, по мнѣнію Канта, не есть договоръ произвольный, но по закону человечества необходимый, т. е. если лица разнаго пола хотятъ удовлетворять своему естественному стремленію другъ къ кругу, то они должны необходимо, по юридическому закону чистаго разума, вступить въ бракъ между собою. Лице одного пола, доставляя собою удовлетвореніе пожеланію другаго, тѣмъ самымъ дѣлаетъ себя вещію, а это противорѣчитъ его праву человечества въ его собственномъ лицѣ. Такое противорѣчіе можетъ уничтожиться только тогда, когда въ тоже время, какъ одно лице пріобрѣтается другимъ на подобіе вещи, оно взаимно пріобрѣтаетъ это послѣднее; такимъ образомъ оно опять пріобрѣтаетъ само себя и возстановляетъ свою личность. Это самое совершается посредствомъ брака. Какъ, по причинѣ единства всѣхъ сторонъ существа человека, пріобрѣтеніе одной изъ нихъ есть необходимо пріобрѣтеніе цѣлаго лица; то посредствомъ брака полы пріобрѣтаютъ взаимно цѣлую личность. Основываясь на предложенномъ объясненіи понятія брака, Кантъ смотритъ на отношеніе между супругами, какъ на отношеніе равенства: супруги въ равной мѣрѣ взаимно обладаютъ какъ личностію другъ друга, что, по замѣчанію Канта, существуетъ только въ моногаміи, такъ какъ въ полигаміи лице, которое отдаетъ себя другому, пріобрѣтаетъ только часть

(!) Тамъ же § 22 и 23.

того, кому оно отдаетъ всего себя, и слѣдовательно дѣлаетъ себя простою вещію,—такъ и благами счастья, принадлежащими каждому изъ нихъ, при чемъ однакожъ, по мнѣнію Канта, одинъ супругъ въ пользу другаго можетъ, хотя впрочемъ только посредствомъ особеннаго договора, отказаться отъ употребленія части сихъ благъ счастья. Основываясь также на понятіи о бракѣ, Кантъ признаетъ это отношеніе такимъ отношеніемъ, въ которое должно вступать на всю жизнь (¹).

Отношеніе между родителями и дѣтьми. Подобно тому, какъ изъ обязанности человека къ самому себѣ, т. е. къ человечеству въ своемъ собственномъ лицѣ, происходитъ право оловъ пріобрѣтать—одинъ другаго, какъ лице, вещественнымъ образомъ посредствомъ брака; такъ, по ученію Канта, изъ того, что извѣстное существо рождается въ этомъ общеніи, образуется для родителей его обязанность печась о сохраненіи и воспитаніи родившагося существа, т. е. дѣти, какъ лица, имѣютъ вмѣстѣ съ симъ первоначальное и прирожденное право на попеченіе со стороны своихъ родителей, доколѣ не придутъ въ состояніе сохранять самихъ себя, и притомъ непосредственно въ силу закона, т. е. такъ, что для этого не требуется предпринимать никакого особеннаго юридическаго дѣйствія. Какъ родившееся на свѣтъ существо есть лице,—говоритъ Кантъ, чтобъ доказать послѣднюю мысль свою,—относительно же существа, одареннаго свободою, нельзя составить себѣ понятія, какимъ бы образомъ оно могло родиться физически; то въ практическомъ отношеніи будетъ совершенно правильно и даже необходимо—смотреть на актъ рожденія, какъ на такой актъ, которыми родители ставятъ въ свѣтъ лице безъ его согласія, перенося его сюда самовластно; за что и лежитъ теперь на нихъ обязанность сдѣлать, сколько отъ нихъ зависитъ, чтобъ это лице было довольно настоящимъ своимъ положеніемъ. Изъ этой

(¹) Тамъ же § 24—27.

обязанности, по словамъ Канта, вытекаетъ также необходимо право родителей—управлять родившимся существомъ и образовывать его, доколѣ оно само не будетъ въ состояніи употреблять свои члены и силы разума,—обрабатывать какъ прагматически, чтобъ оно въ послѣдствіи времени могло само сохранять и поддерживать свое существованіе, такъ и нравственно,—все это до времени освобожденія дитяти изъ подъ власти родительской, когда родители отказываются какъ отъ своего права приказывать ему, такъ и отъ всякаго права требовать отъ него какого нибудь вознагражденія за понесенные труды и заботы, имѣя въ виду одну только его благодарность (¹).

Отношеніе господина и слугъ въ домѣ. Дѣти, говоритъ Кантъ, которые съ родителями составляютъ одно семейство, дѣлаются съ достиженіемъ совершеннолѣтія самостоятельными; въ тоже время родители взаимно освобождаются отъ своей обязанности по отношенію къ нимъ: такимъ образомъ обѣ стороны пріобрѣтаютъ или снова пріобрѣтаютъ свою естественную свободу, и домашнее общество, которое было необходимо по закону, теперь разрушается. Но обѣ стороны могутъ продолжить существованіе ихъ общества, хотя съ другими обязанностями, посредствомъ договора; отецъ можетъ учредить съ своими возрастными дѣтьми или съ другими свободными лицами домашнее общество, которое бы состояло изъ лица повелевающаго, или господина, и лицъ повинующихся, или слугъ.—Но Кантъ находитъ несомѣстнымъ съ достоинствомъ человека такое отношеніе между людьми, по которому одинъ изъ нихъ былъ только вещію другаго. Договоръ, говоритъ онъ, по которому одна сторона отказывается отъ всей своей свободы въ пользу другой, слѣдовательно перестаетъ быть лицомъ, а потому не имѣетъ и обязанности хранить договора, но признаетъ только силу, противорѣчить самъ себѣ, т. е.

(¹) Тамъ же § 28 и 29.

совершенно ничтожень. Впрочемъ здѣсь Кантъ не говоритъ о правѣ противъ того, кто преступленіемъ потерялъ свою личность. Договоръ, коимъ учреждается отношеніе хозяевъ и слугъ, по мнѣнію Канта, не можетъ быть пожизненнымъ, а можетъ быть заключаемъ только на определенное время; дѣти во всякомъ случаѣ рождаются свободными ⁽¹⁾.

2. *Право публичное.*

§ 473.

Право публичное составляется у Канта изъ права государственнаго, народнаго и всеобщегражданскаго, такъ что, по словамъ его, если не будетъ одной изъ этихъ частей, то все зданіе права необходимо должно разрушиться ⁽²⁾.

а) Право государственное.

§ 474.

Для обезпеченія правъ, какія можетъ имѣть человекъ, Кантъ признаетъ необходимымъ существованіе государства. Какими бы, говоритъ онъ, добрыми и миролюбивыми мы ни представили себѣ людей, вне государства никто не можетъ почитать себя безопаснымъ отъ обиды, потому что здѣсь каждый имѣетъ право поступать по своимъ понятіямъ о правѣ и неправѣ, не завися отъ мнѣнія другихъ; почему здѣсь никто и не обязанъ дѣйствительно уважать права другихъ, такъ какъ совершенно неизвѣстно, будутъ ли они уважать его права. Но такое состояніе въ высшей степени несправедливо. Итакъ первое, что должно сдѣлать человеку, если онъ не хочетъ отказаться отъ всѣхъ понятій о правѣ, есть: выйти изъ естественнаго состоянія, гдѣ каждый слѣ-

⁽¹⁾ Тамъ же § 30. — ⁽²⁾ Тамъ же § 43.

дуетъ своему собственному уму, и вмѣстѣ съ другими покориться общественному высшему законному принужденію, слѣдовательно вступить въ такое состояніе, въ которомъ права cadaго определены закономъ и ограждены достаточною силою, т. е. прежде всего надобно вступить въ гражданское состояніе. Гражданское общество, или государство (civitas), по опредѣленію Канта, есть соединеніе множества людей подъ общими законами права. Такое общество образуется посредствомъ договора, въ силу коего люди отказываются отъ своей вѣтшией, дикой, беззаконной свободы, чтобъ тотчасъ воспріять свободу законную, въ качествѣ членовъ общества ⁽¹⁾.

Въ каждомъ государствѣ Кантъ признаетъ необходимую тройкую власть: власть законодательную, исполнительную, судебную. Въ надлежащемъ соединеніи этихъ трехъ властей Кантъ видитъ благо государства, разумѣя подъ симъ именемъ не счастье гражданъ, но такое состояніе, когда учрежденіе государства въ высшей степени согласуется съ началомъ права, такъ какъ разумъ безусловно обязываетъ насъ стремиться къ этому ⁽²⁾. Впрочемъ Кантъ, имѣя въ виду слабость человѣческой природы, находитъ невозможнымъ достигнуть вполне такого устройства гражданской жизни ⁽³⁾, хотя онъ признаетъ безусловною обязанностію людей стремиться, сколько возможно, достигать этого устройства, тѣмъ болѣе, что совершенно нельзя предварительно опредѣлить, въ какой мѣрѣ оно можетъ быть достигнуто ⁽⁴⁾.

Замѣчательны особенно мысли Канта о наказаніяхъ за преступленія въ государствѣ. Судебное наказаніе, говоритъ онъ, отлично отъ естественнаго, по которому порокъ наказываетъ самъ себя и на которое законодатель совсѣмъ не обращаетъ вниманія,

⁽¹⁾ Тамъ же § 44, 45 и 47. Ср. сверхъ того § 41 и 42. — ⁽²⁾ Тамъ же § 45—49. — ⁽³⁾ Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht. — ⁽⁴⁾ Kritik der reinen Vernunft, 6te Ausgabe, S. 270—271.

никогда не может быть однимъ только средствомъ, чтобъ достигнуть какого нибудь добра для самого преступника, или для его согражданъ, но всегда должно быть назначено человеку только потому, что онъ сдѣлалъ преступленіе. Человекъ никогда не можетъ быть употребляемъ какъ средство для намѣреній другого и смѣшанъ съ предметами вещественнаго права; отъ этого защищаетъ его прирожденная его личность, хотя онъ можетъ быть осужденъ къ лишенію гражданской личности. Надобно, чтобъ онъ былъ уже найденъ достойнымъ наказанія, прежде, чѣмъ можетъ быть рѣчь о томъ, чтобъ изъ сего наказанія извлечь какую нибудь пользу для него самого, или для его согражданъ. Законъ, повелѣвающий наказывать преступника, повелѣваетъ это безусловнымъ образомъ, и горе тому, кто, ползалъ по змѣинымъ изгибамъ ученія о счастьи, старается найти что нибудь, что, по причинѣ выгоды, отъ того ожидаемой, могло бы освободить его отъ наказанія, хотя бы только въ изъкоторой степени! Если погибла справедливость, то людямъ не стоитъ жить на землѣ.—Такимъ образомъ и мѣра наказанія, которую должно имѣть въ виду общественное правосудіе, по ученію Канта, есть начало равенства, такъ что правосудіе должно склоняться не болѣе на одну, какъ и на другую сторону. Слѣдовательно, заключаетъ Кантъ, какое незаслуженное зло ты дѣлаешь другому въ народъ, такое дѣлаешь себя самому: если ты поносишь его, то поносишь себя самого; если ты окрадываешь его, то окрадываешь себя самого; если ты бьешь его, то бьешь себя самого; если убиваешь его, то убиваешь себя самого (!).

б) *Право народное.*

§ 475.

Народнымъ правомъ Кантъ называетъ право государствъ въ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу. Здѣсь

(!) Тамъ же послѣ § 49-го замѣчаніе подъ лит. Е. № I.

одно государство, какъ нравственное лице, представляется по отношенію къ другому находящимся въ состояніи естественной свободы, и слѣдовательно также въ состояніи непрерывной войны. Народное право имѣетъ своею задачею определить право народовъ вести войну, право во время войны, и наконецъ право послѣ войны, или право принуждать другой народъ выйти изъ состоянія войны, почему оно разсматриваетъ устройство, которое можетъ навсегда утвердить миръ между народами.

Основными началами народного права Кантъ признаетъ слѣдующія: 1-е государства, разсматриваемыя въ вышнемъ отношеніи ихъ другъ къ другу, находятся, какъ дикари, живущіе безъ закона, въ состояніи, чуждомъ права; 2-е это состояніе есть состояніе войны, гдѣ господствуетъ право сильнѣйшаго, хотя не всегда дѣйствительная война,—состояніе, которое само въ себя въ высочайшей степени несправедливо, хотя, такъ какъ оба государства не хотятъ ничего лучшаго, такимъ положеніемъ своимъ они не дѣлаютъ другъ другу несправедливости, и изъ котораго государства сосѣдственныя обязаны выйти; 3-е между народами необходимъ особенный союзъ, по коему бы они обязаны были хотя и не вмѣшиваться во внутреннія у себя несогласія, однакоже защищать другъ друга противъ нападеній извнѣ; впрочемъ 4-е это соединеніе не можетъ имѣть внутри себя никакой верховной власти, похожей на ту, какаѣ существуютъ въ гражданскомъ обществѣ,—это есть только общество союзниковъ, такое соединеніе, отъ котораго участвующіе въ немъ во всякое время могутъ отказаться и которое слѣдовательно должно быть отъ времени до времени возобновляемо.

Что касается въ особенности права народовъ вести войну, Кантъ говоритъ, что въ естественномъ состояніи государствъ война есть позволенный способъ, коимъ посредствомъ собственной силы государство отыскиваетъ свои права, когда оно почи-

тасть себя обиженнымъ отъ другаго, такъ какъ здѣсь не можетъ быть процесса.

Что касается права народовъ во время войны, Кантъ находитъ весьма труднымъ составить себѣ какое нибудь объ немъ понятіе; нельзя думать, говоритъ онъ, о законѣ въ этомъ состояніи, чуждомъ закона, не противорѣча себѣ самому, развѣ это будетъ слѣдующее правило: вести войну по такимъ началамъ, по коимъ всегда еще остается возможность выйти изъ этого естественнаго состоянія и вступить въ состояніе законное.

Право во время, непосредственно слѣдующее за войною, т. е. въ минуту заключенія мирнаго договора и по отношенію къ его послѣдствіямъ, состоитъ, по словамъ Канта, въ томъ, что побѣдитель предлагаетъ побѣжденному условія, о которыхъ ведутся переговоры, чтобы достигнуть наконецъ до заключенія мира, и притомъ не основываясь на какомъ нибудь правѣ, которое будто бы ему принадлежитъ въ слѣдствіе причиненной ему противникомъ обиды, а независимо отъ разсмотрѣнія этого вопроса, опираясь только на свою силу.

Право мира заключаетъ въ себѣ, по ученію Канта, 1) право быть въ мирѣ, если въ сосѣдствѣ ведется война, 2) право требовать себѣ обезпеченія въ томъ, что заключенный миръ не будетъ нарушенъ, 3) право соединяться съ другими государствами, чтобы общими силами защищать себя противъ всѣхъ вѣншихъ или внутреннихъ нападеній, но не составлять союзъ для нападенія на другихъ и увеличенія своего могущества.

Наконецъ Кантъ замѣчаетъ, что какъ народы должны выйти изъ естественнаго своего состоянія, гдѣ господствуетъ сила, и вступить въ состояніе законное, то, доколѣ это не сдѣлано ими, всѣ права ихъ, приобретаемыя или сохраняемыя войною, принадлежатъ имъ только временно; окончательно утвердиться мо-

гутъ сіи права только во всеобщемъ союзѣ государствъ и только при существованіи такого союза можетъ образоваться истинное мирное состояніе. Но какъ при большомъ чрезъ мѣру распространеніи этого союза народовъ по обширнымъ полосамъ земли, управленіе имъ должно сдѣлаться невозможнымъ, и онъ не въ состояніи будетъ защищать каждаго изъ своихъ членовъ, а множество такихъ союзовъ опять произвело бы состояніе войны; то Кантъ признаетъ вѣчный миръ, эту послѣднюю цѣль всего народнаго права, идею неисполнимою. Тѣмъ не менѣе онъ почитаетъ священною обязанностию государствъ непрерывно болѣе и болѣе приближаться къ такому состоянію ⁽¹⁾ и въ сочиненіи, прежде нами поименованномъ, подъ заглавіемъ: *Къ вѣчному миру* представляетъ основныя начала, на которыхъ можетъ, быть учрежденъ вѣчный миръ между государствами.

а) Право всемірногражданское.

§ 476.

Не только народы сосѣдственные, но все вообще народы должны, по ученію Канта, находиться въ мирномъ общеніи между собою. Эта идея мирнаго общенія всѣхъ народовъ земнаго шара, какіе только могутъ вступить между собою въ дѣятельныя сношенія, не есть, по словамъ Канта, идея филантропическая, а идея права. Природа, въ слѣдствіе шарообразной фигуры земли, заключила всѣ народы въ опредѣленные границы; почему каждый изъ нихъ имѣетъ право вступать въ связи со всеми другими. Право, имѣющее своимъ предметомъ опредѣлить всеобщіе законы, которые должны наблюдать всѣ вообще народы въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, Кантъ называетъ правомъ всемірногражданскимъ (*Jus cos-*

(1) См. тамъ же § 53—61.

moroliticum). Впрочемъ онъ не означаетъ въ подробности, что именно сюда относится (1).

§ 477.

Обезпеченіе вѣчнаго мира между народами представляеть, по словамъ Канта, самая природа, всегда дѣйствующая по цѣлямъ. Высочайшая цѣль есть цѣль нравственная. Для споспѣшествованія этой цѣли природа принуждаетъ человѣка, не вредя его свободѣ, дѣлать то, что онъ долженъ былъ бы дѣлать по законамъ свободы, но чего онъ не дѣлаетъ. Временная мѣра природы для достиженія вѣчнаго мира была та, что люди были разсыяны по всей поверхности земли; это природа произвела посредствомъ войны, которая заставила людей образовывать государство. Последнее природа обезпечила существованіе вѣчнаго мира самымъ механизмомъ человѣческихъ наклонностей, давши имъ такое устройство, что самолюбіе каждого находитъ непосредственно свою выгоду въ ненарушеніи сохраненіи общественного порядка. Важное мѣсто въ семь случаевъ при опредѣленіи отношеній между народами занимаетъ торговля (2).

Кантъ хочетъ всю вообще исторію разсматривать со всемірогражданской точки зрѣнія. Можемъ ли мы, говоритъ онъ, допустить, чтобъ природа не имѣла никакой подобной цѣли по отношенію къ роду человѣческому и чтобъ все между людьми предоставлено было слѣпому случаю? Но что же было бы пользы допускать цѣли по отношенію къ отдельнымъ предметамъ природы, если мы не признаемъ никакой цѣли по отношенію ко всей природѣ? Какъ можно предполагать мудрость въ природѣ, если мы не находимъ ее также въ исторіи?

Дѣйствительно какъ бы мы, думаетъ Кантъ, расширяли свободу отдельныхъ лицъ въ исторіи

(1) См. тамъ же § 62. — (2) Zum ewigen Frieden S. 47—65.

однакоже можно надѣяться, что, разсматривая произшествія въ цѣломъ, мы среди этой игры свободы откроемъ правильный порядокъ. Отдельныя лица и народы, трудясь для достиженія своихъ частныхъ намѣреній, трудятся непримѣтно для достиженія намѣренія природы, которое имъ самимъ неизвѣстно. Если высочайшая цѣль исторіи есть полное развитіе всѣхъ способностей человѣка, какъ рода; то средство для этого развитія есть совершенно законное состояніе въ гражданскомъ обществѣ. Почему это состояніе, по словамъ Канта, есть высочайшая и вмѣстѣ труднѣйшая задача, которая рѣшается всего позже человѣческимъ родомъ. Образованность и общежитіе возникаютъ изъ грубости естественнаго состоянія такимъ образомъ, что люди въ борьбѣ и соперничествѣ другъ съ другомъ и съ неудобствами, какія представляеть имъ природа, наконецъ побуждаются собственною дѣятельностію въ оти препятствія, при чемъ предыдущіе поколѣнія работаютъ для блага позднѣйшихъ. Уже теперь, говоритъ Кантъ, государства находятся въ такомъ искусственномъ отношеніи другъ къ другу, что ни одно изъ нихъ не можетъ остаться позади другихъ въ образованности, не лишившись въ извѣстной степени силы и вліянія. Уже теперь государства по видамъ торговли и другимъ причинамъ принимаютъ на себя долгъ примирителей, не имѣя на то законнаго права. Уже теперь движется въ отдельныхъ мѣнахъ чувство, что отсюда наконецъ произойдетъ общее всемірогражданское состояніе. Итакъ всеобщая исторія, по ученію Канта, должна показать успѣхи человѣческаго рода, начиная отъ Грековъ до Римлянъ и даже до нашихъ временъ. Если народы погибали отъ пороковъ, которыми были подвержены; то однакоже всегда оставался отъ нихъ еще зародышъ ихъ просвѣщенія, который съ каждымъ слѣдующимъ переворотомъ развивался болѣе и болѣе и приготовлялъ новую, еще высшую ступень (1). На какой наконецъ ступени, какъ

(1) Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht.

на самой высочайшей, должно остановиться человечество, и следовательно какъ велико по необходимости должно остаться разстояніе между идеєю и ея исполненіемъ, это Кантъ почитаетъ невозможнымъ определить именно потому, что свобода можетъ переступить каждую назначенную ей гранницу (1).

§ 478.

Кантомъ были даны только общія мысли для философской исторіи человечества. Онъ развиты были въ подробности послѣдователемъ его Енишмъ (2), который по этому служитъ естественнымъ къ нему дополненіемъ.

Существенною чертою человека Енишъ почитаетъ усовершенность: не только отдѣльныя лица, но и цѣлый родъ человѣскій можетъ непрерывно усовершенствоваться, т. е. непрерывно все полнѣе и полнѣе развивать способности какъ своей чувственной, такъ и духовной природы.

Обозрѣвши сначала различныя способности человека и средства къ ихъ развитію, Енишъ означаетъ и характеризуетъ главныя эпохи всеобщей исторіи развитія человека. Такихъ эпохъ онъ принимаетъ пять: первая эпоха есть эпоха звѣроподобной жизни человека, вторая—начинающейся человѣческой жизни, третья—уточенія, четвертая—излишней уточенности или безправственности, наконецъ пятая—возвращенія къ нравственности. Подобныя эпохи Енишъ находитъ въ исторіи развитія каждой особенной способности или стороны человека: физической, технической, умственной, эстетической, нравственной, политической и религіозной.

(1) Kritik der reinen Vernunft. S. 270—271. — (2) Въ соч. Universalhistorischer Ueberblick der Entwicklung des Menschengeschlechts, als eines sich fortbildenden Ganzen, von Jenisch. II Bände, Berlin. 1801.

Но Енишъ видитъ большое разстояніе между идеаломъ исторіи человѣческой образованности и дѣйствительною исторіею. Разумъ, по словамъ его, относительно развитія человѣческихъ способностей потребовалъ бы: 1-е возможно величайшей гармоніи всехъ способностей между собою, т. е. возможно величайшаго единства въ разнообразіи и разнообразіи въ единствѣ; 2-е нравственной цѣлесообразности, т. е. направленія всехъ способностей къ нравственному облагороженію рода человѣческаго, которое составляетъ его собственную, высочайшую цѣль; 3-е возможно скорѣйшаго по времени и 4-е возможно обширнѣйшаго по пространству развитія. Дѣйствительная исторія образованности представляетъ намъ дисгармонію между различными способностями человека, нравственную неправильность въ сочетаніи всемирныхъ происшествій, естественное и случайное замедленіе въ развитіи человечества, наконецъ то явленіе, что лучшая форма образованности ограничивается только немногими народами. Для разрѣшенія такого противорѣчія между идеаломъ и дѣйствительностію Енишъ замѣчаетъ, что природа въ образованіи человечества слѣдуетъ извѣстнымъ, опредѣленнымъ законамъ. Это суть слѣдующіе законы: 1-е природа при развитіи челоѣческаго рода, какъ и другихъ родовъ существъ, имѣетъ въ виду родъ, а не отдѣльныя существа. 2-е Природа и въ духовномъ мірѣ, такъ же, какъ въ мірѣ физическомъ, стремится болѣе къ разнообразію, чѣмъ къ единству, болѣе къ простому и обыкновенному, чѣмъ къ чрезвычайному. 3-е Преимущественно благоприятствуя нѣкоторымъ поколѣніямъ человѣческимъ въ ихъ стремленіи къ усовершенствованію, природа хочетъ, кажется, мало по малу облагородить и весь родъ, а посредствомъ рода сама отдѣльныя существа въ немъ. 4-е Общее усовершенствованіе нашего рода, которое природа по всей вѣроятности имѣетъ въ виду, не есть исключительно ни физическое, ни техническое, ни интеллектуальное, ни эстетическое, ни нравственное, ни политическое, ни религіозное; оно есть единое во

всемъ и все въ единомъ. 5-е Это всестороннее и гармоническое образованіе силъ человѣка есть счастье, соединенное съ нравственнымъ достоинствомъ, что по этому и должно быть разсматриваемо какъ собственное назначеніе человѣка. Природа нѣкоторымъ образомъ владычествуетъ и надъ свободою. Она 6-е покарятъ и ограничиваетъ злую волю властителей человѣческаго рода тѣмъ, что дѣйствіемъ ея мало по малу общая польза пріобрѣтаетъ перевѣсъ надъ особенною. 7-е Она ослабляетъ чувственные вожделѣнія людей тѣмъ, что верховное владычество идеи надъ чувственными пожеланіями все утверждается глубже и глубже. 8-е Она укрѣпляетъ слабую волю людей тѣмъ, что способствуетъ соединяться имъ между собою для достиженія своихъ цѣлей. 9-е Она противодѣйствуетъ невольству тѣмъ, что болѣе и болѣе распространяетъ просвѣщеніе. Не смотря на всѣ эти мудрыя мѣры природы, исторія человѣческаго рода представляетъ множество неправильныхъ явленій. Но 10-е природа необходимо подчиняетъ умственный и нравственный міръ вѣчнымъ законамъ безжизненной матеріи и всемірной связи вещей. 11-е Природа при развитіи человечества въ различныхъ эпохахъ и состояніяхъ дѣйствуетъ по извѣстнымъ физическимъ и нравственнымъ уравненіямъ, такъ что счастье и достоинство къ тому для каждаго лица въ каждомъ періодѣ образованности и на каждой ступени образованности остаются достижимы. Наконецъ 12-е природа какъ во всѣхъ своихъ образованіяхъ, такъ и въ развитіи рода человѣческаго трудится для вѣчности, потому что она имѣетъ для своего дѣйствованія цѣлую вѣчность.

Въ заключеніе своего творенія Енишъ оцѣниваетъ достоинство образованности и показываетъ успѣхи, ею доселѣ сдѣланныя. Образованность, говоритъ онъ, не переноситъ человѣка въ состояніе для него неестественное, но представляетъ естественный порядокъ развитія человѣческихъ способностей; она доставляетъ намъ средства къ обильнѣй-

шему наслажденію счастьемъ; она приготовляетъ насъ для высшей добродѣтели. Посему, сравнивая состояніе образованности у Грековъ, Римлянъ и въ среднихъ вѣкахъ, съ состояніемъ образованія въ настоящее время, Енишъ находитъ, что вообще если не по отношенію къ тѣлесной силѣ, то по крайней мѣрѣ по отношенію къ художествамъ и промышленности, наукамъ, изящнымъ искусствамъ, гражданскому устройству, нравственности и религіи, образованность нынѣ стоитъ гораздо выше, чѣмъ она стояла когда нибудь прежде, хотя и въ настоящее время человѣкъ не управляется еще въ своихъ дѣйствіяхъ исключительно чистымъ практическимъ разумомъ.

§ 479.

Литтература. Hegel über die wissenschaftlichen Behandlungsarten des Naturrechts. Сюда принадлежитъ вторая часть этого разсужденія. — *Ego* же Phämenologie des Geistes, 2te Ausg. (какъ 2-й томъ полнаго изданія сочиненій Гегеля) Berlin. 1832. S. 314—326.

Ученіе Канта о правѣ имѣетъ въ разныхъ отношеніяхъ неотъемлемое достоинство. Онъ навсегда провелъ черту раздѣленія между чистою нравственностію и нравственностію, основанною на самолюбіи. Указавши на силу человѣка опредѣлять изъ себя самого законъ для своей дѣятельности и дѣйствовать по этому закону, независимо отъ какихъ нибудь постороннихъ побужденій, онъ тѣмъ самымъ указалъ людямъ міръ дѣятельности, исключительно подлежащей владычеству ихъ воли разумной. Въ то же время онъ сдѣлалъ первый шагъ къ тому, чтобы область права изъять изъ подъ господства произвола, подъ коимъ она доселѣ находилась: государство признано учрежденіемъ, безусловно необходимымъ для осуществленія идеи права, и вступленіе въ него—существенною обязанностію права. Нако-

пецъ онъ созналъ во всей глубинѣ идею единства рода челоуѣческаго, основывающагося на единствѣ разума во всѣхъ людяхъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ во всей широтѣ своей—идею права.

Но ученіе Канта представляетъ также и многіе недостатки.

Называя другія нравственныя начала матеріальными, Кантъ противопоставляетъ имъ свое—формальное. Но его формальное начало, не заключающа въ себѣ никакихъ матеріальныхъ частныхъ, лишено производящей силы и не въ состояніи сдѣлаться особеннымъ, чтобъ родить изъ своего ложа какой нибудь нравственный организмъ. Дѣйствительно, богатое Кантово правоученіе и наука права, по ближайшему разсмотрѣнію, оказываются ни на чемъ неоснованными. Чтобъ получить систему разнообразныхъ практическихъ законовъ, въ этикѣ или правѣ, различныя частныя правила дѣятельности, коимъ люди слѣдуютъ или могутъ слѣдовать въ своей жизни, сравниваются со всеобщимъ формальнымъ началомъ дѣятельности. Если содержаніе частнаго правила дѣятельности можетъ быть воспринято въ форму всеобщаго формальнаго начала, не уничтожаясь отъ сей формы, т. е. если предметъ можетъ быть всеобщимъ, не противорѣча самъ себѣ: то частному правилу дается мѣсто въ системѣ практическихъ законовъ. Содержаніе частнаго правила при семъ ни мало не измѣняется, а остается тѣмъ же, чѣмъ было и прежде, т. е. частнымъ, единичнымъ, ограниченнымъ. Всеобщность, получаема содержаніемъ отъ новой, данной ему формы, происходитъ только изъ того, что оно, взятое во всеобщности, не противорѣчитъ само себѣ. Но такая форма всеобщности можетъ быть дана или непосредственно уже принадлежать всякой вещи: ибо и вообще никакая вещь не противорѣчитъ сама себѣ, или всякая вещь тождественна сама съ собою. Такимъ образомъ всеобщность, въ которой полагалось столько важности, тотчасъ обращается въ простое логическое начало

ума—начало противорѣчія или тождества. Но сіе начало, указывая на одну только форму мышленія, ни въ теоретическомъ, ни въ практическомъ отношеніи ни мало не ведетъ къ познанію достоинства самаго содержанія: для этого начала всякое содержаніе совершенно равно. Итакъ покушеніе Канта вывести изъ своего формальнаго начала дѣятельности всѣ практическіе законы ума должно остаться такъ же безуспѣшнымъ, какъ и покушеніе посредствомъ логическаго начала противорѣчія или тождества достигнуть до истины познаній. Напримѣръ онъ говоритъ: если я свое личное правило относительно показаній при свидѣтельствахъ хочу испытать посредствомъ практическаго ума, то я смотрю на то, каково оно должно быть, еслибъ оно было всеобщимъ закономъ; явно, что со всеобщностію закона несовмѣстно приписывать показанію силу доказательства и, не смотря на то, умышленно говорить неправду. Тождесловіе здѣсь совершенно очевидно. Свидѣтели въ своихъ показаніяхъ потому не должны говорить лжи, что въ противномъ случаѣ доказательство не будетъ доказательствомъ. Это сущая правда. Но что изъ сего слѣдуетъ? И недоказательство есть недоказательство. Общаніе, говорится у Канта, надобно держать, потому что общаніе есть общаніе. Но и необщаніе есть необщаніе. Далѣе: собственность надобно уважать, потому, что собственность есть собственность. Но и несобственность есть несобственность. То есть, само собою разумѣется, что если въ какомъ нибудь опредѣленномъ случаѣ существуетъ, или должно существовать доказательство посредствомъ свидѣтелей, общаніе, собственность, то свидѣтель долженъ показывать правду, общаніе надобно исполнять, собственность уважать: сіи послѣднія истины непосредственно заключаются въ самыхъ понятіяхъ доказательства чрезъ свидѣтелей, общанія, собственности. Но дѣло именно и состоитъ въ томъ, чтобъ было доказано, что доказательство чрезъ свидѣтелей, общаніе, собственность по требованію практическаго закона должны существовать, и особенныя какія нибудь происшествія дѣйствительно подходятъ

подъ сін понятія: иначе такъ названныя, кажущіся доказательства, обѣщаніе, собственности суть въ существѣ вещи, совсѣмъ не доказательства, не обѣщаніе, не собственности, но только одинъ призракъ доказательства, обѣщанія, собственности, и слѣдовательно въ такомъ случаѣ нѣтъ нужды показывать правду, исполнить такъ называемое обѣщаніе, уважать такъ называемую собственность; потому что несобственность есть несобственность, необѣщаніе—необѣщаніе, недоказательство—недоказательство. Между тѣмъ доказывать эту необходимость самого содержанія Кантъ не имѣетъ нужды: содержаніе предположено уже даннымъ, существующимъ, и только спрашивается, можетъ ли оно быть всеобщимъ. Но оно въ особенномъ правилѣ, на первый разъ, дано и существуетъ только физически. Между тѣмъ опытъ представляетъ бытіе, напимѣръ, какъ собственности, такъ и несобственности, вѣрности въ храненіи даннаго слова и обмана и такъ далѣе. Которое же изъ двухъ явленій, физически существующихъ, должно или можетъ существовать и нравственно? Явно, что на каждое изъ сихъ явленій можетъ быть наложена печать всеобщности; ни которое изъ нихъ, если взять его во всеобщности, не уничтожитъ само себя. И такъ причина, почему въ систему законовъ ума принято одно правило, а не другое, должна заключаться гдѣ нибудь нидѣ, а не въ томъ, что то или другое правило можетъ или не можетъ быть всеобщимъ, не уничтожая само себя, и законодатель съ формальнымъ началомъ, если не прибѣгаетъ къ какой нибудь другой точкѣ опоры, долженъ, не начавъ, кончить свою работу.

Но зло отъ употребленія формальнаго начала дѣятельности не ограничивается одною потерей труда, предпринятаго въ семь отношеній. Причина, почему такое, а не другое содержаніе удостоивается чести быть помѣщеннымъ въ системѣ законодательства разума, какъ мы сказали, должна заключаться въ обстоятельствахъ чуждыхъ для формальнаго начала дѣятельности. Но какъ нѣтъ ничего столь худаго,

чтобы не имѣло какой нибудь хорошей стороны, и какъ всему можетъ быть дана форма всеобщности; то, рѣшившись одинъ разъ употребить формальное начало, находятся уже не въ силахъ исключить изъ своего законодательства самыя безправственные законы. Формальное начало нравственности обращается по тому непосредственно въ начало безправственности.

Что касается въ особенности понятія самого права, въ различіи, какое дѣлаетъ Кантъ между симъ послѣднимъ и моралью, съ перваго взгляда уже представляется противорѣчіе. Право отъ морали онъ отдѣляетъ именно тѣмъ, что въ первомъ допускаются и внѣшнія побужденія для воли, во второмъ только внутреннія. Какъ должности морали, такъ и должности права осуществляетъ одна и таже воля свободная. Но съ ея характеромъ совершенно несовмѣстно опредѣляться къ дѣятельности чѣмъ нибудь другимъ, кромѣ представленія самого практическаго закона, и слѣдовательно побужденіями внѣшними. Противъ сего замѣчанія безъ сомнѣнія можно сказать: «ничто не препятствуетъ человѣку исполнять и должности права по одному чувству долга; еще болѣе, онъ даже обязанъ къ тому, потому что должности права суть вмѣстѣ и должности морали; только то лице, въ пользу коего предписывается должность права, не имѣетъ ни права требовать, чтобы она была исполняема по чувству долга, ни обязанности—убѣждать только лице, обязанное къ исполненію должности, указаніемъ на законъ нравственный, а непосредственно можетъ обязаннаго принудить силою къ исполненію должности. И такъ, когда въ правѣ допускаются побужденія, то разумѣются не побужденія, коими лице обязанное можетъ, не переставая быть нравственнымъ, водиться въ исполненіи своихъ юридическихъ должностей, но побужденія частію въ самомъ лицѣ обязанномъ, какими уже и можетъ удовлетвориться лице, имѣющее право, если только должность, установленная въ его пользу, соблюдается другимъ, хотя бы то

единственно на основаніи сихъ, вѣншихъ, побужденій, частию побужденія, какими лице, имѣющее право, можетъ пользоваться, чтобы заставить другаго исполнять свою юридическую обязанность противъ него». Подобный отвѣтъ въ сущности своей можетъ быть совершенно справедливъ; но онъ не можетъ быть сдѣланъ со стороны Канта, по ученію котораго законодательство чистаго разума предписываетъ человѣку всѣ свои обязанности исполнять для долга, а тѣмъ самымъ запрещаетъ ему руководствоваться въ какихъ нибудь дѣйствіяхъ посторонними, вѣншими побужденіями.

Существенною чертою права Кантъ поставляетъ вѣнность дѣланія, и происходящую отсюда возможность принужденія: въ области права законъ поставлетъ двѣ воли въ такое между собою отношеніе, что одна изъ нихъ обязана дѣлать или не дѣлать что либо въ пользу другой, при опасеніи въ противномъ случаѣ быть принужденной къ тому силою, а другая уполномочена закономъ требовать совершенія или оставленія сего дѣланія и въ противномъ случаѣ принуждать къ тому силой. Итакъ лице, имѣющее право, не можетъ требовать отъ воли обязаннаго, чтобы соответствующая праву обязанность была исполняема изъ уваженія къ долгу, но долженъ удовольствоваться при этомъ и всякими другими побужденіями. Но такимъ образомъ его право явно уничтожается. Оно уже перестаетъ тогда быть предметомъ, который долженъ быть уважаемъ людьми самъ по себѣ; оно дѣйствительно не существуетъ, какъ непризнаваемое, отвергаемое. Итакъ лице, имѣющее право, можетъ требовать, чтобы его право было уважаемо само въ себѣ и чтобы обязанный исполнялъ свою обязанность по отношенію къ нему изъ уваженія долга. Какъ о внутренности человѣка мы можемъ судить только по ея обнаруженіямъ, то конечно на первый разъ это требованіе будетъ имѣть тотъ смыслъ, чтобы *не было обнаруживаемо* намѣреніе, несогласное съ такимъ требованіемъ. Но послѣ сего и самая нравственная возможность принужденія пред-

ставляется для права обстоятельствомъ несущественнымъ: какъ физическое принужденіе не всегда возможно, не смотря на существованіе права; то законъ, который бы и въ семъ случаѣ уполномочивалъ человѣка употреблять принужденіе, былъ бы насмѣшкою надъ человѣческимъ безсиліемъ. Важнѣйшія права, именно права членовъ семейства противъ его главы, права подданныхъ противъ общественной власти, вообще всѣ права, коихъ предметомъ есть цѣлая личность, не могутъ быть приводимы въ дѣйствіе посредствомъ принужденія. Тѣмъ не менѣе какъ нравственно они существуютъ, такъ ихъ возвышенность, подобно какъ и возвышенность права вообще, именно и открывается въ томъ, что они для своего бытія не имѣютъ нужды въ помощи силъ физическихъ, дѣйствуя внутреннимъ образомъ съ неодолимою силою. Такой силы никогда не можетъ имѣть принужденіе, такъ какъ воля можетъ возвыситься надъ всякимъ принужденіемъ. По чему, основывая бытіе права на возможности принужденія, Кантъ тѣмъ самымъ отнимаетъ у людей надежду видѣть когда нибудь совершенное въ своемъ обществѣ осуществленіе идеи права и заставляетъ ихъ идею совершеннаго государственнаго устройства и вѣчнаго мира признать идеєю неисполнимою.

§ 480.

Ученіе Канта о правѣ естественномъ пріобрѣло себя множество приверженцевъ. Уже прежде, чѣмъ онъ самъ издалъ главное, сюда относящееся, свое сочиненіе, его ученики и послѣдователи излагали науку права естественнаго по его началамъ. Тѣмъ болѣе послѣ того явилось въ его духъ сочиненій объ этой наукѣ. Нѣкоторые изъ писавшихъ подъ влияніемъ мыслей его покушались дать его понятіямъ улучшенный видъ, но—безъ большаго успѣха ⁽¹⁾.

(1) Сочиненія о Наукѣ права естественнаго, писанныя болѣе или менѣе въ духъ Канта, помечены у *Полла* въ его *Compend-*

Между тѣмъ критическое направленіе, сообщенное философіи Кантомъ, было обращено и на философское ученіе о правѣ. Разсматривая господствовавшіе дотошъ различные способы обработыванія этой наука, одни ⁽¹⁾ требовали совершеннаго отдѣленія этой науки отъ морали, которое не было сдѣлано и Кантомъ; другіе ⁽²⁾ напротивъ хотѣли сблизить ее, какъ можно болѣе съ моралію; нѣкоторые ⁽³⁾ наконецъ дѣлали изъ ней всеобщую критику установленій положительныхъ законодательства и тѣмъ уничтожали ее въ самомъ ея существѣ. Совершенно отдѣливъ естественное право отъ правоученія Фихте.

II. Ф и х т е .

§ 481.

Между тѣмъ, какъ Кантъ, признавая свойства вещей одними явленіями, основывающимися на особенномъ устройствѣ нашей познавательной способности, принимаетъ еще бытіе внутренней основныя явленій, хотя недостижимой для познанія, Фихте ⁽⁴⁾ отвергаетъ самое существованіе такой основы, независимой отъ человѣческаго духа, и все бытіе вещей почитаетъ произведеніемъ нашего разума, нашего я.

tatio literaria de mutationibus, quas systema juris naturae ac gentium a Grotii temporibus hucusque expertum fuerit § 7, и у Теиссманна въ его Grundriss der Geschichte der Philosophie, 4te Aufl. Leipzig. 1825. § 388. подъ лит. x.

⁽¹⁾ Feuerbach Kritik des natürlichen Rechts. Altona. 1796. — Hoffbauer das allgemeine oder Naturrecht und die Moral in ihrer gegenseitigen Abhängigkeit und Unabhängigkeit von einander. Halle. 1816. — ⁽²⁾ Hegel über die wissenschaftlichen Behandlungsarten des Naturrechts (zuerst erschienen im kritischen Journal der Philosophie: B. II. St. 2. und 3. 1802—1803, послѣ того въ I. мѣ томъ полнаго изданія Герелевыхъ сочиненій). — Schleiermacher Grundlinien einer Kritik der bisherigen Sittenlehre. Berlin. 1803. S. 470 folg. — ⁽³⁾ Hugo Lehrbuch des Naturrechts als einer Philosophie des positiven Rechts, 1te Ausg. Berlin. 1798; 2te 1799; 3te 1809; 4te 1819. — ⁽⁴⁾ Подъ въ 1762 г., умъ въ 1814.

§ 482.

Выведеніе правственной области, вмѣстѣ съ другими сторонами жизни человѣка, изъ общаго ихъ источника Фихте дѣлаетъ въ своихъ Основаніяхъ наукоученія ⁽¹⁾. Послѣ сего въ Основаніяхъ права естественнаго ⁽²⁾ онъ представляетъ намъ одну половину практической дѣятельности человѣка, другая половина которой изображается въ Системѣ правоученія ⁽³⁾.

§ 483.

Названіемъ, наиболѣе свойственнымъ философіи, Фихте признаетъ названіе: Наукоученіе (Wissenschaftslehre). Принадлежность науки, по словамъ его, есть систематическая форма; всѣ положенія въ наукѣ зависятъ отъ одного общаго начала и соединяются въ немъ въ одно цѣлое. Достоверность начала внутри самой науки не можетъ быть доказана; каждое возможное въ ней доказательство предполагаетъ уже ее. Какъ же можетъ быть доказана достоверность начала въ себѣ самомъ, какъ можетъ быть доказано право, выводитъ изъ него достоверность другихъ положеній? Разрѣшеніемъ этого вопроса, говоритъ Фихте, занимается наука о наукѣ вообще, бывшая доселѣ извѣстною подъ именемъ философіи, которая по сему можетъ быть названа наукоученіемъ; она для всѣхъ возможныхъ наукъ основываетъ систематическую форму. Начало самаго Наукоученія и посредствомъ его начало всѣхъ наукъ и всего знанія совершенно недоступно ни для какого доказательства. Но оно должно служить основаніемъ всякой достоверности; следовательно оно должно быть достоверно само въ себѣ и чрезъ себя самаго. Изъ основнаго

⁽¹⁾ Grundlage der gesammten Wissenschaftslehre. Weimar. 1794. — ⁽²⁾ Grundlage des Naturrechts. Jena. 1796. 1797. II Theile. — ⁽³⁾ System der Sittenlehre. Jena und Leipzig. 1798. 8.

начала въ наукѣ выводятся въ непрерывной послѣдовательности всѣ дальнѣйшія положенія. Наука завершена, когда въ ней не можетъ быть даѣе выведено никакое положеніе. Метода, которой слѣдуетъ наука въ выводеніи своихъ истинъ, состоитъ въ положеніи (thesis), противоположеніи (antithesis) и соединеніи противоположностей (synthesis). Прежде всего полагается нѣчто безусловно, безъ всякаго отношенія къ другому; потомъ оно противопоставляется другому; наконецъ противоположныя стороны соединяются между собою. Во всякомъ положеніи мы должны начинать указаніемъ противоположностей, которыя должны быть соединены. Въ соединенныхъ противоположностяхъ мы должны искать новыхъ противоположностей и стараться опять соединить ихъ, доколѣ мы не достигнемъ до совершеннаго единства.

Слѣдуя симъ понятіямъ о существѣ науки и ея методы, Фихте признаетъ безусловно достовернымъ слѣдующее положеніе: я есмь я, или: я есмь; то есть, я безусловно полагаетъ само себя: я *безусловное*. Но я не иначе можетъ полагать себя, какъ противопоставляя себя нѣчто другое: *не я*, міръ внѣшній. Итакъ въ безусловномъ я соединяются и полагаются равными противоположныя одно другому *я* и *не я*, однакоже не уничтожая другъ друга; это возможно только подъ тѣмъ условіемъ, что они взаимно себя ограничиваютъ: *я* и *не я*, *ограничивая одно другимъ*. — Изъ этого уже выводенія области существующаго видно, что все, по видимому, существующее внѣ я, весь кажущійся внѣшній міръ, по ученію Фихте, есть только произведеніе нашей умственной дѣятельности и назависимо отъ нашего сознанія не существуетъ.

Такимъ образомъ Фихте, почитая все бытіе вещей произведеніемъ нашего разума, нашего я (какъ субъекта), противопоставляющаго себя *не я* (какъ объекту), и частію определяемаго имъ, частію его определяющаго, задачею философіи теоретической дѣлаетъ:

показать, какъ наше я определяется отъ *не я*, какъ дѣйствуютъ на насъ внѣ насъ по видимому существующіе предметы и служатъ источникомъ различныхъ въ насъ представленій; въ противоположность сему задача практической философіи есть — показать, какимъ образомъ наше я определяетъ *не я*, дѣйствуя на предметы, измѣняя, образуя ихъ по своимъ видамъ.

Дѣйствуя на предметы, я раскрываетъ, по ученію Фихте, въ семъ случаѣ свою дѣятельность двоякимъ образомъ. Во первыхъ, оно дѣйствуетъ единственно на основаніи понятія о своей самостоятельности, нѣмъ не определяясь извнѣ, но само все определяя изъ себя, и предпринимаетъ всѣ тѣ дѣянія, которыя непрерывно приближаютъ его къ полной самостоятельности, и притомъ именно для достиженія самостоятельности; сей образъ дѣятельности составляетъ предметъ этики (правоученія). Во вторыхъ, оно, какъ разумное конечное существо, необходимо приписывать себѣ свободную дѣятельность въ чувственномъ мірѣ. Оно не можетъ приписать себѣ такой дѣятельности, не приписавши ее другимъ существамъ, слѣдовательно не предположивши бытія другихъ конечныхъ разумныхъ существъ внѣ себя: человекъ, чтобъ сознать свою силу для свободной дѣятельности, долженъ быть вызванъ къ такой дѣятельности другими; только между людьми человекъ дѣлается человекомъ. Но разумное существо не можетъ предположить другихъ конечныхъ разумныхъ существъ внѣ себя, не предположивши, что оно стоитъ съ ними въ определенномъ отношеніи, въ отношеніи права (!). Сіе отношеніе составляетъ предметъ науки права естественнаго.

§ 484.

Изъ отношеній между конечными свободными существами, совокупно дѣйствующими въ чувствен-

(!) Grundlage des Naturrechts. Th. I. Jena und Leipzig. 1796. S. 1—54.

номъ міръ, понятіе права возникаетъ, по мнѣнію Фихте, слѣдующимъ образомъ: еслибъ каждое изъ конечныхъ свободныхъ существъ захотѣло поступать совершенно самовластно, то имъ не возможно было бы жить вмѣстѣ. Итакъ если они должны жить вмѣстѣ, то каждое изъ нихъ должно ограничить свою безконечную дѣятельность въ пользу другихъ. Но какъ всѣ они предполагаются свободными, то сіе ограниченіе можетъ быть только дѣломъ ихъ свободной воли; иначе свобода была бы не ограничена только, какъ свобода, а совсѣмъ уничтожена. Посему разумныя существа сами должны свободно положить сію границу, т. е. каждое изъ нихъ должно ограничить свою свободу понятіемъ возможности свободы другаго подъ тѣмъ условіемъ, что сіе послѣднее дѣлаетъ съ своей стороны то же самое. Отношеніе между ними, отсюда образующееся, составляетъ существо права (1).

§ 485,

Послѣ сего Фихте показываетъ, что данное имъ понятіе права можетъ имѣть дѣйствительное приложеніе.

Для сего представляется намъ вѣрный признакъ, по коему можно судить, какимъ чувственнымъ существамъ должно приписывать права, и какимъ не должно. Это есть человѣческій видъ. Каждый, кто имѣетъ человѣческій видъ, говоритъ Фихте, однимъ своимъ видомъ, однимъ своимъ присутствіемъ въ чувственномъ міръ, принуждаетъ всякое другое разумное существо признавать себя лицомъ, и слѣд. существомъ способнымъ обладать правами; это есть необходимое дѣйствіе разумныхъ существъ другъ на друга, предшествующее всякому свободному ихъ дѣйствию другъ на друга. Фихте доказываетъ далѣе

(1) Тамъ же S. 34—54.

возможность того, что должно быть опредѣлено понятіемъ о правѣ и обсуживаемо на основаніи этого понятія, — возможность дѣйствія разумныхъ свободныхъ существъ другъ на друга. Такія существа, безъ нарушенія ихъ характера свободы, могутъ подлежать взаимно дѣйствию другъ друга; потому что отъ свободы ихъ самихъ зависитъ принимать на себя это постороннее дѣйствіе, или не принимать.

Съ тѣмъ вмѣстѣ Фихте находитъ опредѣленными и границы приложенія закона права. Законъ права, по словамъ его, не есть механическій законъ природы, но законъ для свободы, потому что физически столько же возможно, чтобы разумныя существа обращались другъ съ другомъ по закону силы физической, не уважая взаимной свободы другъ друга, сколько и то, чтобы каждое изъ нихъ ограничивало свою силу закономъ права. Если этотъ законъ во взаимномъ отношеніи разумныхъ существъ другъ къ другу дѣйствительно имѣетъ силу и исполняется; то это возможно только потому, что каждое изъ нихъ постоянно дѣлаетъ его само для себя закономъ. Почему онъ вообще имѣетъ мѣсто только подъ тѣмъ условіемъ и на тотъ случай, что должно существовать общеніе или взаимное дѣйствіе другъ на друга между свободными существами, какъ свободными, безъ нарушенія ихъ свободы. Но какъ существованіе этого общенія опять зависитъ отъ поведенія того, съ которымъ кто нибудь хочетъ вступить въ общеніе; то дѣйствіе закона права по отношенію къ отдельному лицу зависитъ опять отъ того, хочетъ ли другой покориться сему закону, или нѣтъ. Законъ права только дотола имѣетъ силу для меня, докода другой обращается со мною по этому закону; въ противномъ случаѣ самый законъ освобождаетъ меня отъ закона и позволяетъ мнѣ обращаться по моему произволу съ тѣмъ, кто обращается со мною не по закону (1).

(1) Тамъ же S. 55—103.

§ 486.

Показавши приложимость своего понятія о правѣ, Фихте представляетъ въ системѣ самое ученіе о правѣ. Здѣсь понятіе права разсматривается въ различныхъ видахъ его приложенія и определяется: 1) всеобщее право, заключающееся въ самомъ понятіи лица, что Фихте называетъ основнымъ правомъ (Urrecht); 2) право лица употреблять принужденіе противъ того, кто не сталъ бы уважать его основного права; 3) право лица, котораго основное право одинъ разъ было уже нарушено, искать для себя обезпеченія въ гражданскомъ обществѣ (1).

§ 487.

Основное право, по ученію Фихте, есть безусловное право лица быть въ чувственномъ мірѣ только причиною, а никогда дѣйствіемъ. Въ области чувственного міра свободное существо, какъ явленіе, тождественно съ своимъ тѣломъ. Почему во 1-хъ тѣло, разсматриваемое какъ лице, должно быть безусловною и послѣднею причиною своего опредѣленія къ дѣятельности: оно не должно быть ни приводимо въ движеніе, ни останавливаемо въ его движеніи вѣншною причиною; вообще на него со всѣмъ не должно быть дѣйствуемо непосредственно. Во 2-хъ изъ его движенія должно непремѣнно послѣдовать могущее произойти отсюда дѣйствіе въ чувственномъ мірѣ. Въ 3-хъ, движеніе тѣла, какое нужно для того, чтобъ дѣйствовать на вещь, слѣдуетъ только за познаніемъ и изъ познанія вещи, на которую должно дѣйствовать. Свободное существо въ кругу данныхъ предметовъ и подъ тѣмъ условіемъ, что ничто дано, вольно оставить это, какъ оно есть, или измѣнить и сдѣлать такъ, какъ это должно

(1) Тамъ же S. 104—128.

быть сообразно его цѣли; оно вольно сочетавать данные ему разнообразныя предметы одинъ съ другимъ, опредѣлять ихъ одинъ посредствомъ другаго, принаровлять ихъ другъ къ другу и соединять ихъ въ одно цѣлое, какое для него нужно: въ противномъ случаѣ оно не было бы свободно и не зависѣло бы единственно отъ своей воли. Но чтобъ разумное существо могло свободно дѣйствовать на предметы, нужно, чтобъ все оставалось въ такомъ положеніи, какъ это уже познано имъ. Итакъ лице имѣетъ право требовать, чтобъ въ объемѣ всего извѣстнаго ему міра все оставалось такъ, какъ это познано имъ, потому что оно сообразуется въ своей дѣятельности съ своимъ познаніемъ, и тотчасъ лишается твердой точки опоры, задерживается въ своихъ дѣйствіяхъ, или видитъ совершенно другіе результаты, чѣмъ какіе оно предполагало, какъ скоро послѣдуетъ въ предметахъ перемѣна безъ его вѣдома. Въ 4-хъ лице хочетъ быть постоянно причиною дѣйствія въ чувственномъ мірѣ, слѣд. оно хочетъ непрерывнаго существованія, хочетъ сохраненія себя. Такимъ образомъ лице въ слѣдствіе своего основного права требуетъ вообще, чтобъ между его тѣломъ и чувственнымъ міромъ существовало непрерывное взаимодѣйствіе, которое бы опредѣлялось и могло быть опредѣлено единственно понятіемъ лица, свободно имъ составленнымъ, о чувственномъ мірѣ (1).

Теперь означено, что вообще заключается въ понятіи свободы. Послѣ сего Фихте опредѣляетъ количество свободы, какаѣ можетъ принадлежать каждому лицу въ его отношеніи къ другимъ лицамъ. По закону права каждый долженъ ограничивать себя возможностью свободы другаго. Почему всякое юридическое отношеніе между опредѣленными лицами зависитъ отъ того, что они взаимно признаютъ другъ друга; но этимъ оно и опредѣляется совершенно. Во 1-хъ какъ скоро я вижу человѣческое тѣло, я

(1) Тамъ же S. 128—140.

долженъ тотчасъ признать его неприкосновеннымъ и слѣдовательно ограничить свою дѣятельность пространствомъ внѣ его; но при этомъ предполагается, что и другой признаетъ меня за человека и ограничиваетъ себя для меня. Во 2-хъ я не долженъ касаться предметовъ, которые другое разумное существо уже подчинило своимъ дѣламъ. Но эти предметы мнѣ на первый разъ неизвѣстны. Неизвѣстно также, хочетъ ли другой съ своей стороны оставлять мои вещи неприкосновенными. Эта неизвѣстность должна уничтожиться, если мы должны жить вмѣстѣ по закону права. А мы должны жить, если живемъ вмѣстѣ, по закону права. Слѣдовательно каждый имѣетъ право требовать уничтоженія неизвѣстности права. Кто не хочетъ ее уничтожить, тотъ уже этимъ однимъ показываетъ, что онъ не хочетъ подчиниться закону права; и слѣдовательно онъ не имѣетъ права требовать, чтобъ его воля была уважаема. Какъ же можетъ быть уничтожена неизвѣстность права? Каждое лицо должно, какъ скоро ему сдѣлается извѣстнымъ существованіе другого лица, ограничить свое владѣніе только извѣстною частию чувственного міра, и такимъ образомъ оставить что нибудь для другого лица. Оба лица должны объявить другъ другу, чѣмъ каждый изъ нихъ хочетъ владѣть исключительно. Объявленіе, сдѣланное однимъ, или не противорѣчитъ объявленію другого, или находится въ противорѣчій съ нимъ, именно когда оба лица присвоиваютъ себѣ одну и ту же вещь. Въ первомъ случаѣ они уже согласны между собою. Въ последнемъ случаѣ споръ ихъ не можетъ быть рѣшенъ юридически. И такъ или они оба должны сдѣлать соглашеніе между собою, отказавшись взаимно отъ части своихъ требованій; или, когда они не могутъ сдѣлать между собою соглашенія, такъ какъ спорное право на обѣихъ сторонахъ равно, произошелъ бы между ними неразрѣшимый споръ о правѣ, а отсюда возникла бы война, которая можетъ кончиться только гибелью одного изъ нихъ. Какъ война совершенно несогласна съ правомъ; то они должны, чтобъ ея не

произошло, поручить рѣшеніе своего спора третьему, предоставить ему свое право сужденія въ настоящемъ случаѣ, и вмѣстѣ средства для сохраненія его рѣшенія въ силѣ на будущее время, слѣдовательно подчинить ему свое право сужденія и свою физическую силу; т. е. они должны вмѣстѣ присоединиться къ какому нибудь гражданскому обществу. Если оба лица или съ самаго начала согласны между собою, или стали между собою согласны въ слѣдствіе сдѣланнаго ими соглашенія; то собственность каждаго изъ нихъ основывается на томъ, что они взаимно по доброй своей волѣ исключаютъ себя отъ употребленія извѣстныхъ вещей, на общей ихъ волѣ. Я исключаясь отъ владѣнія опредѣленнымъ предметомъ не волею другого, а единственно своего собственною волею. Еслибы я самъ себя не исключилъ отъ владѣнія вещію, то я вообще не былъ бы исключенъ. Но я долженъ исключить себя отъ чего нибудь въ слѣдствіе закона права. Какъ люди, дѣлающіе первоначальное объявленіе о предметахъ своего права, не могутъ обнять своимъ объявленіемъ весь чувственный міръ и раздѣлить его между собою; то для предупрежденія спора между ними на будущее время, они должны тотчасъ при первомъ своемъ соглашеніи постановить правило, по которому бы каждый изъ нихъ могъ дѣлать новыя пріобрѣтенія. Такимъ правиломъ можетъ быть только слѣдующее: каждый изъ нихъ долженъ признавать собственностью другого всякой предметъ, невошедшій въ первоначальное объявленіе, который этотъ послѣдній объявитъ своимъ. Но что, если тотчасъ послѣ того, какъ я овладѣлъ предметомъ, приходитъ другой, котораго я ищу, чтобъ объявить ему о своемъ овладѣніи предмета, овладѣваетъ тѣмъ же предметомъ и теперь идетъ, чтобъ объявить мнѣ о своемъ дѣйствіи? Кому принадлежить тогда вещь въ собственности? И такъ овладѣніе и объявленіе должны быть соединены въ одномъ дѣйствіи, т. е. предметъ овладѣваемый долженъ при самомъ его занятіи получить такой видъ, чтобы другой не могъ узнать объ немъ, не узнавши вмѣстѣ, что онъ занятъ. Предметъ дол-

женъ самъ о себѣ дѣлать объявленіе. Следовательно оба лица должны условиться между собою въ извѣстныхъ знакахъ овладѣнія. Лица, вступившія между собою въ соглашеніе относительно собственности, тѣмъ самымъ показываютъ другъ другу, что они покоряются закону права. Почему вмѣстѣ съ симъ обязанность ихъ, признавать взаимно неприкосновенность своихъ тѣлъ, бывшая доселѣ нерышленною, получаетъ теперь для каждого изъ нихъ полную силу. Такимъ образомъ оба лица теперь совершенно опредѣлены въ отношеніи ихъ къ праву. Каждое изъ нихъ имѣетъ свой опредѣленный кругъ дѣйствія въ чувственномъ мірѣ, и они совершенно не могутъ быть въ спорѣ между собою, если будутъ оставаться на своихъ мѣстахъ. Право ихъ уравновѣшено (').

§ 488.

Право двухъ лицъ теперь опредѣлено взаимнымъ ихъ согласіемъ. Но ихъ взаимная безопасность, говорить Фихте, основывается не на этомъ, а на томъ, что они во всѣхъ будущихъ свободныхъ дѣйствіяхъ своихъ сообразуются съ сдѣланнымъ соглашеніемъ. Следовательно при этомъ соглашеніи предполагается довѣріе каждаго изъ нихъ къ другому, что онъ не только будетъ соблюдать свое слово здѣсь и гдѣ онъ почтетъ нужнымъ, но что онъ соблюденіе данного слова сдѣлалъ своимъ ненарушимымъ закономъ. Итакъ возможность юридическаго отношенія между лицами въ области естественнаго права основывается на взаимномъ ихъ довѣріи другъ къ другу; какъ скоро это довѣріе однажды потеряно, то оно не можетъ быть уже возстановлено. Послѣ сего нужно особое учрежденіе, которое бы побудило волю свободно опредѣлять себя къ тому, чтобъ ничего не хотѣть, кромѣ того, что можетъ быть совместно съ закон-

(') Тамъ же S. 140—163.

ною свободою. Какъ можно произвести въ волю такое хотѣніе? Еслибъ можно было такъ устроить вещи, чтобъ изъ хотѣнія незаконной цѣли необходимо и по непреложному закону всегда следовало противное намѣренію; то каждая законопротивная воля стала бы уничтожать сама себя. Положимъ, что лице предвидитъ, что изъ дѣятельности его, направленной къ извѣстной цѣли, необходимо послѣдуетъ противное его намѣренію; въ такомъ случаѣ оно не можетъ уже хотѣть перваго, именно потому, что оно хотѣть этого и отвращается тому противнаго. Сильнѣйшее, теперь именно дѣйствующее, пожеланіе, производитъ равновѣсіе и воля уничтожается сама себя. Требуемое учрежденіе есть, по словамъ Фихте, принудительный законъ (*Zwangsgesetz*). Въ силу такого учрежденія, послѣ того, какъ людьми потеряно взаимное довѣріе, безопасность была бы опять возстановлена, и добрая воля сдѣлалась бы ненужною для вышняго осуществленія закона права, потому что злая и жадная къ чужому воля самымъ своимъ незаконнымъ желаніемъ была бы приведена къ той же цѣли. Право людей сдѣлать такое учрежденіе несомнительно, потому что иначе, по уничтоженіи взаимнаго довѣрія между ними, не могъ бы господствовать въ отношеніяхъ ихъ законъ права. Но, по замѣчанію Фихте, вредъ можетъ быть сдѣланъ, и безъ намѣренія вредить, по одной невнимательности и неосторожности. Между тѣмъ человекъ долженъ, чтобъ можно было безопасно жить подлѣ него, обнаруживать свою физическую силу обдуманнѣйшимъ образомъ. Онъ долженъ столько же заботиться о томъ, чтобъ не нарушать правъ другаго, сколько онъ заботится о томъ, чтобъ его права не были нарушаемы. Чѣмъ можно побудить меня имѣть такое пощеніе? Тѣмъ, когда вещи такъ устроены, что, по непреложному закону каждая потеря, которая причиняется другому моею неосторожностью, причиняется мнѣ самому. Итакъ законъ принудительный направленъ какъ противъ злоумышленнаго, такъ и противъ ненамѣреннаго нарушенія правъ одного другимъ лицомъ.

По смыслу закона принудительнаго требуется могущество, которое бы пресѣкало всякое нарушеніе правъ и съ неодолимою силою наказывало ихъ нарушителя; такое могущество должно быть учреждено тѣми, которые, по уничтоженіи между ними взаимнаго довѣрія, хотѣть и должны хотѣть взаимной безопасности. Для сего они должны дать другъ другу обѣщаніе—всегда обращать свои соединенныя силы противъ того изъ нихъ, кто бы захотѣлъ обидѣть другихъ, чтобъ принудить его отстать отъ обиды и наказъ его за нарушеніе чужихъ правъ. Но такое взаимное обязательство можетъ быть, по ученію Фихте, приведено въ дѣйствіе только въ гражданскомъ обществѣ. Итакъ, заключаетъ Фихте, естественное право въ томъ смыслѣ, въ какомъ нерѣдко принимали это слово, т. е. какъ право внѣ государства, совсѣмъ не существуетъ. Но что мы теряемъ на одной сторонѣ, говоритъ Фихте, то приобретаемъ на другой: государство само дѣлается естественнымъ состояніемъ чело-вѣка, и законы государства должны быть не другимъ чѣмъ, какъ осуществленнымъ естественнымъ правомъ⁽¹⁾.

§ 489.

Въ ученіи о государствѣ Фихте, сдѣлавши общій выводъ понятія этого общества⁽²⁾, подробно разсматриваетъ и опредѣляетъ: 1) образъ происхожденія государства, 2) существо гражданскихъ законовъ о собственности и преступленіяхъ, 3) учрежденіе власти общественной.

§ 490.

Государство, по мнѣнію Фихте, возникаетъ въ слѣдствіе соглашенія между людьми. Никакое юридическое отношеніе между людьми невозможно, если

(1) Тамъ же S. 163—178. — (2) Тамъ же S. 179—229.

не опредѣлена съ точностію граница, до какой можетъ простирается свободное дѣйствіе каждаго лица, или, что тоже, если не опредѣлены права собственности каждаго. Почему прежде всего люди должны согласиться между собою въ тѣхъ правахъ, которыми каждый изъ нихъ долженъ имѣть. Но собственность каждаго признается каждымъ другимъ только тогда, доколь первый самъ признаетъ собственность этого послѣдняго: такимъ образомъ каждый представляетъ всю свою собственность въ залогъ того, что онъ не будетъ нарушать собственности другихъ. Каждый, далѣе, обязуется помогать всѣмъ другимъ защищать признанную имъ собственность, подлѣ условіемъ, что и они съ своей стороны будутъ помогать ему защищать его собственность противъ насилія. Чтобъ исполненіе обязательства взаимной защиты не оставалось сомнительнымъ, въ тоже время образуется сила, потребная для защиты; для составленія этой силы каждый даетъ отъ себя свой участокъ. Понятіе того, что должно быть защищаемо, говоритъ Фихте, до времени остается еще неопредѣленнымъ, и въ слѣдствіе этого изъ отдѣльныхъ лицъ, какія досель существовали, образуется вещественное, дѣйствительное цѣлое, т. е. цѣлое, въ которомъ соединеніе частей между собою основывается на чемъ нибудь дѣйствительномъ, а не на понятіи, произвольно составленномъ. Никто не знаетъ, кому первому будетъ сдѣлана обида; она можетъ постигнуть каждаго; слѣдовательно каждый можетъ думать, что весь этотъ общественный порядокъ учреждается только для его пользы и потому охотно даетъ отъ себя небольшой участокъ силы для составленія общей силы. Обида можетъ постигнуть и другаго. Но теперь граждане соединили уже свой участокъ съ цѣлымъ и не можетъ потребовать его обратно. Эта неопредѣленность, эта неизвѣстность, кто будетъ обиженъ, есть связь соединяющая. Въ слѣдствіе обязательства, взаимно принятаго лицами, защищать того изъ среды своей, на кого сдѣлано будетъ нападеніе, образуется изъ нихъ дѣйствительно одно цѣлое, въ которомъ все они сливаются. Наконецъ

по словам Фихте, все обязываются быть покорными воле составленного таким образом цѣлаго, еслибъ они сдѣлались преступниками противъ него.

Опредѣливши порядокъ образованія государства, Фихте вообще замѣчаетъ, что до него понятіе государства, какъ цѣлаго, составляли только посредствомъ соединенія отдѣльных лицъ въ одномъ, произвольно сдѣланномъ, понятіи, и тѣмъ сами для себя заграждали познаніе истиннаго свойства этого отношенія. Такимъ образомъ, говоритъ Фихте, можно соединить все, что угодно, въ одно цѣлое. Соединяющая связь въ этомъ случаѣ есть только наше мышленіе. Все соединенное тотчасъ снова раздѣляется, какъ скоро мы дѣлаемъ другое соединеніе, что совершенно зависитъ отъ нашего произвола. Дѣйствительное соединеніе можетъ произойти не прежде, какъ тогда, когда соединяющая связь будетъ учреждена независимо отъ понятія. Самый приличнѣйшій образъ для объясненія понятія о государствѣ, какъ цѣломъ, есть органическое естественное произведеніе, понятіе, которое въ новѣйшія времена часто употребляли для того, чтобы изобразить единство различныхъ вѣтвей государственной власти, но, сколько мнѣ извѣстно, говоритъ Фихте, не для того, чтобы изобразить этимъ все гражданское отношеніе. Какъ въ органическомъ произведеніи каждая часть можетъ быть тѣмъ, чѣмъ она есть, только въ томъ соединеніи, въ какомъ она находится, а въ его совсѣмъ не была бы тѣмъ, чѣмъ она есть, и даже въ всякаго органическаго союза была бы совершенно ничто, такъ какъ безъ взаимнаго дѣйствія органическихъ силъ одной на другую, сохраняющихъ себя взаимно въ равновѣсіи, не могло бы существовать никакого твердаго вида, а была бы вѣчная борьба бытія и небытія, которой мы себя не можемъ и представить: такимъ же образомъ человѣкъ только въ государственномъ союзѣ получаетъ для себя опредѣленное мѣсто въ ряду вещей, точку покоя въ природѣ, и каждый получаетъ это опредѣленное мѣсто противъ другихъ и противъ природы только тѣмъ,

что онъ находится въ этомъ опредѣленномъ соединеніи. Въ такого соединенія существовало бы только преходящее наслажденіе, между тѣмъ какъ и въ малѣйшей степени никогда нельзя было бы положиться на что нибудь будущее; даже это преходящее наслажденіе извѣстною вещію не было бы добросовѣстнымъ при той мысли, что, можетъ быть, есть еще другіе, намъ равные, люди, которые имѣютъ на нее такое же право, какъ и мы. Посредствомъ соединенія всѣхъ органическихъ силъ между собою учреждается природа; посредствомъ соединенія воле всѣхъ людей учреждается человечество. Человѣкъ, дѣйствующій отдѣльно отъ другихъ, дѣйствуетъ единственно для того, чтобы удовлетворить своимъ потребностямъ, и ни одна изъ нихъ не удовлетворяется, развѣ посредствомъ его собственнаго дѣйствованія; чѣмъ онъ есть во вѣщности, онъ есть самъ собою. Напротивъ гражданинъ долженъ многое дѣлать и многого не предпринимать не для себя самого, а для другихъ; въ замѣнъ того удовлетворяются самыя высочайшія его потребности, безъ его содѣйствія, посредствомъ дѣйствія другихъ. Въ органическомъ тѣмъ каждая часть непрерывно сохраняетъ цѣлое, и, сохраняя его, тѣмъ сохраняется сама; въ такомъ же отношеніи находится гражданинъ къ государству. Въ одномъ случаѣ, равно какъ и въ другомъ, ненужно еще особенное какое нибудь устройство для сохраненія цѣлаго: пусть только каждая часть или каждый гражданинъ сохраняетъ себя самого на томъ мѣстѣ, которое опредѣлено ему въ цѣломъ,—онъ будетъ тѣмъ самымъ сохранять въ своей части и цѣлое; цѣлое именно тѣмъ, что оно каждую часть сохраняетъ въ этомъ своемъ мѣстѣ, возвращаясь само въ себя и сохраняя самого себя ⁽¹⁾.

§ 491.

При установленіи государства, по ученію Фихте, каждому назначается опредѣленная часть чувствен-

(1) Grundlage des Naturrechts. II Theil. Jena und Leipzig. 1797. S. 1—26.

наго міра, какъ сфера его свободной дѣятельности. Ближайшее опредѣленіе предоставленнаго каждому исключительнаго права, говорить Фихте, есть возможность существованія. И такъ возможность жить есть безусловная, неотчуждаемая собственность каждаго человѣка въ государствѣ. Почему, говорить Фихте, коренное начало разумаго учрежденія государства есть слѣдующее: должно, чтобы каждый могъ жить въ немъ своею работою. Съ самымъ учрежденіемъ государства всѣ общаются всѣмъ, что работа каждаго изъ нихъ дѣйствительно будетъ достаточна для достиженія этой цѣли. Почему бѣдный имѣть неотъемлемое право на вспоможеніе со стороны государства, но подъ тѣмъ условіемъ, что, не смотря на всѣ свои усилія, онъ не можетъ заработать столько, сколько ему нужно для того, чтобы онъ могъ жить. Отсюда Фихте выводитъ право государства имѣть надзоръ, работаетъ ли каждый въ своей сферѣ столько, сколько нужно для его существованія. Какъ въ государствѣ не должно быть безусловно бѣдныхъ, такъ въ немъ не должно быть и людей праздношатающихся. Послѣ сего Фихте переходитъ къ разсмотрѣнію разныхъ видовъ промышленности, коими человѣкъ можетъ доставать себѣ пропитаніе и производство коней для того или другаго изъ гражданъ можетъ составить его право собственности. Сначала онъ говоритъ о земледѣліи, скотоводствѣ, горныхъ промыслахъ, лѣсоводствѣ, рыбной и звѣриной ловлѣ. Въ этихъ вѣтвяхъ промышленности человѣкъ имѣетъ въ виду только овладѣть естественными произведеніями, или такъ, что при томъ частію помогаетъ природѣ въ образованіи ихъ, куда относятся земледѣліе и скотоводство, или такъ, что безъ всякаго пособія со стороны искусства предметы, произведенные природою, только ищутся и собираются, куда принадлежатъ горные промыслы, грубое лѣсоводство, грубая рыбная и звѣриная ловля. Гражданъ, занимающихся означенными видами промышленности, Фихте называетъ общимъ именемъ производителей. Но грубыя произведенія природы, чтобы соответствовать цѣлямъ человѣка, могутъ потребовать еще осо-

беннаго искусственнаго приготовленія. Надобно ожидать, говорить Фихте, что тогда, какъ одни получаютъ себѣ пропитаніе промыслами перваго рода, другіе будутъ доставать его себѣ, перерабатывая грубыя произведенія. Гражданъ этого рода Фихте называетъ вообще художниками. Производство мѣны однихъ произведеній на другія дѣлаетъ своимъ особеннымъ занятіемъ купеческое сословіе. По отношенію ко всѣмъ означеннымъ видамъ промышленности Фихте принимаетъ разныя стѣпени мѣры, приписывая государству безусловное право наблюдать за работами промышленниковъ и управлять вообще ходомъ промышленности. Всѣ подробности, сюда относящіяся, онъ хочетъ вывести путемъ философическимъ. Такимъ образомъ онъ выводитъ необходимость существованія цеховъ, денегъ, договоровъ и такъ далѣе до самыхъ мелочныхъ вещей ⁽¹⁾.

Что касается законодательства уголовнаго, по ученію Фихте, каждое преступленіе, собственно говоря, должно имѣть своимъ послѣдствіемъ изверженіе гражданина, его сдѣлавшаго, изъ гражданскаго союза; однако же, если общественная безопасность можетъ быть сохранена безъ этого, то преступнику можетъ быть позволено подвергнуться другому наказанію. Наказаніе есть только средство для достиженія послѣдней цѣли государства, т. е. общей безопасности; единственное намѣреніе при наказаніи состоитъ въ томъ, чтобы, угрожая имъ, предупредить преступленія. На основаніи этихъ общихъ началъ Фихте рѣшаетъ всѣ вопросы о наказаніи преступленій, и особенно о заточеніи, изгнаніи изъ государства и смертной казни ⁽²⁾.

§ 492.

Учрежденіе власти общественной у Фихте представляется весьма сложнымъ. Основывая государство на

(1) См. тамъ же S. 27—95. — (2) Тамъ же S. 95—132.

недовѣрїи, онъ поставляетъ въ этомъ случаѣ главною задачею, чтобы люди, имѣющіе въ своихъ рукахъ власть общественную, не могли употребить ее во зло. Для предупрежденія этого онъ находитъ нужнымъ учредить, подъ названіемъ эфоровъ, особыхъ чиновниковъ, которые бы, избраны будучи народомъ, какъ повѣренные его, наблюдали за всѣми дѣйствіями власти общественной, а въ случаѣ замѣченныхъ злоупотребленій съ ея стороны могли приостановить даже всю ея дѣятельность, и созвавши народъ, предложить все дѣло на его разсмотрѣніе. При такомъ учрежденіи правительство, по мнѣнію Фихте, можетъ состоять изъ одного лица или нѣсколькихъ, и притомъ быть избирательнымъ или наследственнымъ ⁽¹⁾.

Высшей власти общественной Фихте даетъ право для отправленія суда назначать подчиненныхъ ей судей, на которыхъ жалоба приносится ей самой и которые отвѣтствуютъ только передъ нею. Относительно порядка судопроизводства Фихте замѣчаетъ, что судебныя доказательства ведутся такъ же, какъ и въ другія, и следовательно судопроизводство имѣетъ главнымъ своимъ источникомъ Логикѣ и здравый человеческій смыслъ ⁽²⁾.

Наконецъ Фихте разсуждаетъ объ устройствѣ полиціи. Государство находится въ непрерывномъ отношеніи къ гражданамъ. На тѣ случаи, когда гражданинъ можетъ приносить жалобу, и дѣйствительно приносить ее, связь между обѣими сторонами найдена; но есть множество предметовъ, по отношенію къ которымъ не приносятся жалобы, такъ какъ правительство по своей обязанности уже должно имѣть здѣсь наблюденіе. Для такихъ случаевъ должно существовать особенное средство соединенія между исполнительною властію и подданными, и это средство соединенія, говоритъ Фихте, есть полиція.

⁽¹⁾ Тамъ же S. 133—137. (Ср. Grundlage des Naturrechts I Th. S. 179—229). — ⁽²⁾ Тамъ же S. 137—140.

Посредствомъ полиціи только дѣлается возможнымъ непрерывное взаимодѣйствіе между обѣими сторонами. Полиція съ одной стороны имѣетъ обязанность обезопасить гражданъ противъ нападеній отъ другихъ людей и противъ различныхъ несчастныхъ случаевъ. Для сего она предписываетъ гражданамъ для исполненія известные законы, которыхъ цѣлію есть обезпеченіе согражданъ ихъ отъ обидъ, облегченіе надзора, открытіе виновныхъ. Главнымъ правиломъ благоустроенной полиціи есть слѣдующее: должно, чтобы каждый гражданинъ вездѣ, гдѣ только это нужно, могъ быть тотчасъ узнавъ. Для сего Фихте постановляетъ, чтобы каждый всегда носилъ съ собою паспортъ, въ которомъ бы лице его было съ точностію описано. У важныхъ особъ вмѣсто описанія, которое всегда остается не точно, можетъ быть нарисованъ на паспортѣ вѣрный портретъ особы. Что происходитъ въ домѣ, о томъ полиція не знаетъ; но что происходитъ на улицѣ, черезъ которую надобно идти и въ самый домъ, то необходимо подѣлится ея надзору. Кроме обязанности защищать гражданъ, полиція, по ученію Фихте, имѣетъ съ другой стороны право требовать отъ нихъ исполненія законовъ какъ гражданскихъ, такъ и полицейскихъ. Она должна отвѣчать за каждое преступленіе, которое совершается въ предѣлахъ государства, и непременно поймать преступника. Каждый, кто имѣетъ искушеніе нарушить законъ, долженъ вѣрно знать напередъ, что онъ будетъ открытъ и наказанъ совершенно известнымъ ему образомъ. Если преступникъ съ большою вѣроятностію можетъ надѣяться, что онъ останется не узнавъ и не наказанъ, что тогда удержитъ его отъ преступленія? Въ такомъ случаѣ, не смотря на самыя мудрыя законы, какіе мы имѣемъ; не живемъ ли мы въ состояніи природы, гдѣ каждый дѣлаетъ, что можетъ, и гдѣ мы всегда зависимъ отъ доброй-воли другихъ? Тогда будетъ явная несправедливость наказывать по всей строгости закона тѣхъ немногихъ, которые могутъ быть пойманы. Это требованіе, чтобы въ государствѣ каждый преступ-

никъ могъ быть пойманъ и наказанъ, Фихте почитаетъ до такой степени неустранимымъ, что если оно не можетъ быть выполнено, то и государство и всякое право между людьми должны быть признаны невозможными. Въ своемъ государствѣ Фихте находитъ это требованіе исполнимымъ. Въ государствѣ, говоритъ онъ, какое нами описано, все происходитъ въ своемъ порядкѣ: каждый имѣетъ свое определенное состояніе; полиція почти всегда знаетъ, гдѣ кто находится въ каждый часъ дня, и чѣмъ онъ занимается. Каждый здѣсь долженъ работать. Каждый можетъ съ помощью своего паспорта тотчасъ быть узнанъ на мѣстѣ. Преступленіе въ такомъ государствѣ есть нечто крайне необыкновенное; ему предшествуетъ какое то необыкновенное движеніе; полиція, замѣтивши это движеніе, тотчасъ обращаетъ на него вниманіе (').

§ 493.

Къ своему естественному праву Фихте дѣлаетъ два прибавленія. Въ первомъ онъ излагаетъ *семейственное право*, разсматривая здѣсь *союзъ супружескій и союзъ родителей и дѣтей*, во второмъ — *право народное и всемірногражданское*.

§ 494.

Бракъ въ глазахъ Фихте не есть только юридическое общество, подобно государствѣ; это есть также естественное и нравственное общество.

Природа, по словамъ Фихте, основала непрерывность сохраненія человѣческаго рода на естественномъ побужденіи, раздѣленномъ по двумъ особеннымъ поламъ, которое, по видимому, существуетъ только само для себя, и ничего не имѣетъ въ виду,

(') Тамъ же S. 140—157.

кромя собственнаго своего удовлетворенія. По особенному устройству природы при удовлетвореніи этого побужденія одинъ полъ является только дѣйствующимъ, другой только страждущимъ. Но характеръ ума есть самодѣятельность; страданіе для одного страданія противорѣчитъ уму и совершенно его уничтожаетъ. По сей причинѣ Фихте находитъ необходимымъ, чтобы естественное побужденіе въ женскомъ полѣ явилось также подъ видомъ стремленія къ дѣятельности, и притомъ къ дѣятельности, свойственной только этому полу. Такой видъ дѣятельности есть любовь. Женщина предаетъ себя мужчине изъ любви къ нему, какъ единственному для ней словѣчку, и тѣмъ сохраняетъ свое нравственное достоинство. Но если бы любовь къ избранному мужчине когда нибудь могла прекратиться въ женщинѣ и она когда нибудь должна была перестать видѣть въ своемъ мужѣ человека, болѣе всѣхъ другихъ изъ его пола достойнаго любви; если бы даже она могла вообразить себѣ только возможность этого: то она сдѣлалась бы презрительною въ собственныхъ своихъ глазахъ. Итакъ, предаваясь мужчине изъ любви, она, по словамъ Фихте, необходимо предполагаетъ, что настоящее расположеніе ея духа никогда не кончится, что оно вѣчно. Та, которая однажды отдаетъ себя, отдаетъ себя навсегда. Та, которая отдаетъ свою личность съ сохраненіемъ своего человѣческаго достоинства, необходимо отдаетъ возлюбленному все, что она имѣетъ: если бы преданность ея не была неограниченною, и она удержала при томъ что нибудь, даже малѣйшее, для себя; то она тѣмъ показала бы, что удержанное ею для себя имѣетъ большую цѣну для ней, чѣмъ собственное ея лице. Слѣдствіемъ этого, говоритъ Фихте, есть то, что она уступаетъ своему мужу все свое имущество, съ свои права; и идетъ туда, куда онъ идетъ. Только въ соединеніи съ нимъ, только подъ его глазами и въ его дѣлахъ она имѣетъ еще жизнь и дѣятельность. Она перестала вести жизнь отдѣльную; жизнь ея сдѣлалась частію жизни ея мужа. — Положеніе мужа въ такомъ случаѣ представляется для

Фихте въ слѣдующемъ видѣ: мужъ обозрѣваетъ все отношеніе, какъ сама жена никогда не можетъ обозрѣть; онъ видитъ, что существо, первоначально свободное, свободно и съ неограниченнымъ довѣріемъ покорилось ему безусловно; онъ видитъ, что эта женщина поставила въ совершенную отъ него зависимость не только свою внѣшнюю судьбу, но и свое внутреннее душевное спокойствіе, свой нравственный характеръ. Какъ нравственность въ женѣ обнаруживается любовью, такъ въ мужчинѣ нравственный характеръ обнаруживается великодушіемъ. Мужчина хочетъ быть сначала властелиномъ, но кто предается ему съ довѣріемъ, противъ того онъ отлагаетъ свою власть. Въ слѣдствіе этого естественнаго великодушія мужчина самымъ отношеніемъ къ своей супругѣ принуждается быть достойнымъ уваженія, такъ какъ все ея спокойствіе зависитъ отъ того, что она можетъ уважать его выше всего. Ея спокойствіе, да и сама она, зависитъ отъ того, что она можетъ отдать себя еще другому; женщина совершенно покорена своему супругу, и не имѣетъ другой воли, кромѣ его воли; отсюда слѣдуетъ, что онъ, такъ какъ онъ знаетъ объ этомъ, не отрѣкшись отъ своей собственной природы и достоинства, отъ своей великодушія, ему свойственнаго, ничего не упуститъ, чтобы облегчить, сколько возможно, ея положеніе. Онъ будетъ узнавать ея желанія, чтобы заставить ея дѣлать, какъ его собственную волю, то, что она бывъ предоставлена себѣ самой, сдѣлала бы съ большою охотою. Послѣ сего супруга любящая, которой сердце не удовлетворяется повиновеніемъ, чего ей не стоящимъ, необходимо будетъ опять съ своей стороны стараться узнать сокровенныя, высшія желанія своего мужа и исполнять ихъ съ жертвованіями. Чѣмъ больше жертва, тѣмъ совершеннѣе удовлетворено ея сердце. Отсюда образуется взаимная супружеская нѣжность, нѣжность чувствованій и отношеній. Каждая сторона хочетъ отделиться отъ своей личности, чтобы господствовать только личностъ другой стороны; каждая сторона находитъ свое удовольствіе только въ удовольствіи другой стороны; мѣня сердецъ и воля дѣлается совер-

шенною. Только въ соединеніи съ любящею женщиною сердце мужчины открывается для любви, которая предастъ себя другому и теряется въ своемъ предметѣ. Только въ супружескомъ союзѣ женщина узнаетъ великодушіе и пожертвованіе съ собою и по понятіямъ. Такимъ образомъ соединеніе двухъ лицъ съ каждымъ днемъ ихъ общей жизни все дѣлается тѣснѣе и тѣснѣе. Такой союзъ, каковъ описанный, говоритъ Фихте, называется бракомъ; это есть основанное на естественномъ побужденіи половъ совершенное соединеніе двухъ лицъ разнаго пола, имѣющее само себя своею цѣлію, такъ какъ, по замѣчанію Фихте, брачная жизнь есть истиннѣйшій, требуемый самою природою, образъ бытія возрастнаго человѣка того и другаго пола. Истиннымъ видомъ брака Фихте признаетъ соединеніе одного мужчины и одной женщины: женщина, которая вся предалась одному, не можетъ отдать себя еще другому; мужчина, который долженъ сформироваться съ волею и съ самыми тихими желаніями одной, чтобы ее охладить, не можетъ сформироваться съ желаніями многихъ, которыя сами соединены между собою. Равнымъ образомъ Фихте признаетъ брачный союзъ по существу его такимъ союзомъ, который долженъ быть заключаемъ навсегда: женщина, не отказавшись отъ своего женскаго достоинства, не можетъ предположить, чтобы она когда нибудь перестала любить своего мужа болѣе всѣхъ изъ его пола; равно мужчина, не отказавшись отъ своего мужскаго великодушія, не можетъ предположить, чтобы онъ пересталъ любить свою жену болѣе всѣхъ изъ ея пола (*).

Выведши философически существо брака, Фихте разсматриваетъ послѣ сего разные, чисто юридическіе, вопросы, сюда относящіеся. На обязанности государства защищать личность своихъ гражданъ онъ основываетъ обязанность власти общественной защищать гражданокъ противъ насилія и противъ при-

(*) Тамъ же S. 158—178.

нужденія вступать въ бракъ. Для сего, по учению Фихте, государство должно подтверждать всѣ браки, заключаемые его подданными. Мужъ заступаетъ предъ государствомъ свою жену; почему дѣятельность ея, по словамъ Фихте, ограничивается домашнею жизнью. Мужъ располагаетъ ея имуществомъ; они живутъ въ одномъ домѣ. Наконецъ Фихте говоритъ о расторженіи брака въ слѣдствіе нарушенія обязанностей его тою или другою стороною ⁽¹⁾.

§ 495.

Такимъ же образомъ первоначальное отношеніе между родителями и дѣтьми, по мнѣнію Фихте, определяется не однимъ понятіемъ права, но природою и нравственностію. Плодъ образуется въ чревѣ матери, какъ часть, къ ней принадлежащая. Здоровье и сохраненіе ея въ состояніи беременности связано съ сохраненіемъ плода. Она сознаетъ это и съ сознаниемъ заботится о сохраненіи своего плода. Далѣе, дитя рождается не безъ болѣзни для матери. Почему мигута, когда оно является на свѣтъ, есть мигута, въ которую мать освобождается отъ боли, и потому необходимо радостное для ней мгновеніе. Она привязывается радостію къ бытію своего дитяти. И послѣ того, какъ дитя рождается, органическая связь между нимъ и матерію не разрушается. Въ матери все еще готовится пища, которую давать она чувствуетъ въ себѣ такую же потребность, какую дитя—принимать. Этотъ законъ природы необходимо побуждаетъ животныхъ, продолжать въ извѣстномъ отношеніи образованіе тѣла вѣкъ лѣтъ. Въ матери изъ рода человѣческаго она обнаруживается тѣмъ, что она чувствуетъ, потребность другого какъ свою собственную потребность, т. е. состраданіемъ. И такъ подъ видомъ состраданія является между людьми натуральныя инстинкты матери, влекущій ее къ своему дитяти. Это состра-

(1) Тамъ же S. 178—212.

даніе имѣетъ въ виду физическое сохраненіе дитяти. Такъ объясняетъ себѣ Фихте происхожденіе чувства материнскаго! Для объясненія чувствъ отцовскихъ онъ замѣчаетъ, что въ людяхъ вообще, а слѣдовательно и въ мужчинахъ есть стремленіе принимать участіе, даже страстное, въ существѣ слабомъ и безпомощномъ. Это общее стремленіе, безъ сомнѣнія, будетъ говорить къ отцу и за его дитя; но въ такомъ случаѣ для отца не было бы никакого основанія любить преимущественно свое дитя. Особенная любовь отца къ своему дитяти, по словамъ Фихте, первоначально происходитъ изъ его нѣжнаго расположенія къ матери: эта нѣжность дѣлаетъ всѣ желанія и всѣ дѣла матери собственными его цѣлями, почему и забота матери о сохраненіи дитяти дѣлается его собственною. Родители, — говоритъ Фихте, объясняя дальнѣйшія отношенія между родителями и дѣтьми, — живутъ вмѣстѣ и дитя, какъ существо, самою природою порученное ихъ заботливости, должно жить вмѣстѣ съ ними. Въ человѣкѣ есть естественное стремленіе повсюду видѣть себя, гдѣ только есть вѣроятность, предполагать разумъ, и обращаться съ предметами такъ, какъ будтобы они имѣли его. Почему родители будутъ обращаться съ своимъ дитятію такимъ же образомъ и вызывать его къ свободной дѣятельности; такимъ образомъ мало по малу обнаружатся въ немъ разумъ и свобода. Любя свое дитя, родители воспитаютъ его такъ, чтобы оно въ послѣдствіи времени могло жить само собою. Каждый нравственно добрый человѣкъ долженъ распространять вѣкъ себя нравственность и повсюду способствовать ей; почему родители, если они нравственно добрые люди, употребятъ всѣ средства, чтобы воспитать свое дитя для нравственности. Только родители обозрѣваютъ цѣль воспитанія; дѣти не видятъ ея, именно потому, что они должны быть только еще воспитаны. Какія по сему средства необходимы для достиженія этой цѣли, могутъ судить только родители, а не дѣти; почему дѣти относительно своего воспитанія безусловно подчинены своимъ родителямъ ⁽¹⁾.

(1) Тамъ же S. 227—236.

Выведши философски отношеніе между родителями и дѣтьми, Фихте опредѣляетъ послѣ сего юридическую сторону этого отношенія. Онъ говоритъ о правѣ государства имѣть наблюденіе, чтобъ дитя было воспитываемо, хотя и не вмѣшиваться въ самый образъ воспитанія; онъ разсматриваетъ способъ и послѣдствія прекращенія власти родительской; разсуждая объ имуществѣ дѣтей, рѣшаетъ вопросъ, могутъ ли они имѣть его; наконецъ опредѣляетъ, кому должны принадлежать дѣти въ случаѣ развода между родителями (1).

§ 496.

Излагая народное право, Фихте прежде всего изъ общихъ началъ своего ученія о правѣ выводитъ то положеніе, что человекъ, который не находится въ союзѣ государственнымъ, можетъ первымъ государствомъ, съ какимъ встрѣтится, законно быть принужденъ или покориться ему, или удалиться изъ близости его. Въ слѣдствіе этого, говоритъ Фихте, всѣ люди, живущіе на земной поверхности, мало по малу соединились бы въ одно государство. Но столько же возможно и то, чтобы толпы людей, живущія въ совершенномъ отдѣленіи другъ отъ друга и ничего незнающія одна о другой, въ различныхъ мѣстахъ образовали различныя государства. Люди, живущіе въ этихъ государствахъ, ничего не знаютъ другъ о другѣ, почему и не находятся ни въ какомъ юридическомъ отношеніи другъ къ другу. Но положимъ, что два гражданина изъ разныхъ государствъ какимъ нибудь случаемъ встрѣчаются другъ съ другомъ. Каждый изъ нихъ требуетъ отъ другаго ручательства своей безопасности. Чтобъ удовлетворить этому взаимному требованію, они должны были бы покориться общему суду; но каждый изъ нихъ имѣетъ уже своего судію. И такъ, по словамъ Фихте, самые ихъ судіи должны соединиться между собою и въ дѣлахъ, которыя касаются

(1) Тамъ же S. 236—247.

ихъ обоихъ, сдѣлаться общимъ ихъ судьей, т. е. ихъ государства должны взаимно дать другъ другу обѣщаніе наказывать и вознаграждать несправедливость, какая будетъ причинена однимъ изъ его гражданъ гражданину другаго, такъ какъ бы она была сдѣлана противъ его собственнаго гражданина, и слѣдовательно они должны заключить между собою договоръ. Въ этомъ договорѣ государствъ между собою, какъ думаетъ Фихте, необходимо содержится и то условіе, что они взаимно признаютъ другъ друга и что каждый поручительство другаго относительно законности поведенія его гражданъ находить достаточнымъ. Каждый народъ, имѣющій правительство, можетъ по праву требовать, чтобъ соседственныя государства признали его. Что касается народа, который не имѣетъ никакого правительства, Фихте даетъ соседственному государству право или покорить его себѣ, или принудить его учредить у себя правительство, или наконецъ заставить его удалиться изъ своего сосѣдства. Сосѣдственныя государства тѣмъ, что они взаимно признаютъ другъ друга, по ученію Фихте, обезпечиваютъ взаимно другъ другу и всѣ права собственности, принадлежащія ихъ гражданамъ. Въ слѣдствіе договора, заключеннаго между собою государствами, они имѣютъ право взаимно наблюдать, исполняются ли каждымъ изъ нихъ условія договора. Это наблюденіе совершается посредствомъ посланниковъ, право которыхъ Фихте и опредѣляетъ согласно съ цѣлію ихъ установленія. Нарушеніе договора, такъ же какъ и отказъ въ признаніи государства, даетъ обиженному государству право начать войну; цѣлію войны Фихте почитаетъ уничтоженіе самостоятельности государства, противъ котораго она поднята. Но въ войнѣ можетъ одержать верхъ столько же правая сторона, сколько и неправая. Какъ устроить, чтобъ верхъ одерживало въ ней всегда правое дѣло? Учрежденіе, нужное для этого, Фихте видитъ въ союзѣ государствъ между собою. Но Фихте почитаетъ невозможнымъ доказать, чтобы союзъ народовъ не могъ сдѣлать несправедливаго приговора, такъ же,

какъ нельзя доказать, чтобъ судья въ государствѣ не могъ сдѣлать такого приговора; доколѣ чистый умъ не явился въ собственномъ своемъ лицѣ на землѣ, дотоле всегда нуженъ будетъ какой нибудь высшій судья, который, такъ какъ онъ всегда будетъ конеченъ, можетъ или ошибиться или умышленно сдѣлать неправый приговоръ. Во всякомъ случаѣ, по мѣрѣ того, какъ союзъ народовъ будетъ расширяться и мало по малу обнимать всю землю, будетъ, говорить Фихте, наступать вѣчный миръ—единственное, согласное съ правомъ, отношеніе государствъ другъ къ другу (1).

§ 497.

Права гражданъ одного государства по отношенію къ другому государству определяются взаимными договорами этихъ государствъ. Но если иностранецъ вступаетъ въ предѣлы государства, не состоя съ нимъ посредственно или непосредственно въ договоръ, то спрашивается: надобно ли смотреть на этого пришельца, какъ на человека, неимѣющаго никакихъ правъ, или онъ имѣетъ какія нибудь и какія именно? Онъ, по ученію Фихте, имѣетъ право на то, чтобъ всѣ другіе люди по отношенію къ нему предполагали, что они посредствомъ договора могутъ вступить въ юридическое съ нимъ отношеніе. Изъ этого права Фихте выводитъ для него право вступать въ предѣлы чужаго государства, потому что онъ не иначе можетъ сдѣлать попытку, поставить себя въ законное отношеніе къ тому или другому государству, какъ вступивши въ его область и предложивши ему свой союзъ. Въ этомъ правѣ свободно ходить по всему замкнутому шару и предлагать другимъ вступить съ нимъ въ законный союзъ, причемъ однакоже государство, которому онъ можетъ сдѣлать свои предложенія, властно принять его, или отвергнуть, только не вредя его сохраненію, или поставивъ право простаго гражданина мира (1).

(1) Тамъ же S. 248—265. — (2) Тамъ же S. 265—269.

§ 498.

Законъ права, по ученію Фихте, имѣетъ въ виду собственное свое уничтоженіе. Для существъ вполнѣ нравственныхъ нѣтъ никакого закона права: то, что бы должно было дѣлать по этому закону, дѣлается и безъ него, а того, что онъ запрещаетъ, никто никогда не хочетъ. Но люди не принадлежатъ къ ряду такихъ существъ. Человѣкъ долженъ быть только еще воспитанъ и самъ воспитать себя для нравственности (1). Для этого, чтобъ возвыситься въ область чистой нравственности, онъ долженъ пройти чрезъ государство (2).

Хотя, по предположенію Фихте, естественное право должно было уничтожить раздѣленіе человеческого рода на множество отдельныхъ лицъ; но этого не происходитъ, потому что всегда существуетъ множество государствъ. Съ большимъ успѣхомъ предпринимаетъ правоученіе возстановить я, которое въ правѣ распадается на множество отдельныхъ лицъ, въ его первоначальномъ единствѣ. Последняя цѣль моего дѣйствованія, говоритъ Фихте, есть освобожденіе моего я отъ поставленной ему вѣншимъ міромъ, природою, границы. Но эта цѣль для всѣхъ свободныхъ существъ одна, и слѣдовательно освобожденіе одного изъ нихъ есть вмѣстѣ освобожденіе всѣхъ. Почему стремленіе къ самостоятельности имѣетъ въ виду не какое нибудь опредѣленное лице, но самостоятельность разума вообще; нравственный законъ во мнѣ, какъ отдельномъ лицѣ, имѣетъ въ виду не меня одного, но весь разумъ (3). Такимъ образомъ только въ области нравственной можетъ возстановиться для Фихте единство рода человеческого. Но и здѣсь оно не возстанавливается; потому что, по ученію Фихте, человѣкъ никогда не можетъ

(1) Grundlage des Naturrechts. I Th. S. 178. — (2) Grundlage des Naturrechts. Th. II. S. 21. — (3) Das System der Sittenlehre, von Fichte. 1798. S. 293—310.

достигнуть до полной нравственности, такъ какъ въ противномъ случаѣ уничтожилось бы самое условіе его жизни, — уничтожилась бы противоположность между *я* и *не я*.

§ 499.

Въ предложенномъ нами ученіи Фихте о правѣ соединяется самое субъективное направленіе съ самымъ объективнымъ. Понятіе о человѣкѣ, какъ существѣ свободнодѣйствующемъ, есть высшее для него понятіе; онъ развиваетъ это понятіе въ самомъ обширнѣйшемъ смыслѣ, такъ что послѣ того казалось бы невозможнымъ образовать изъ людей какое нибудь общество. Между тѣмъ въ противоположность этому является у Фихте законъ права съ своею принудительною силою, чтобъ положить предѣлы свободной воли, и заставляетъ ее ограничить самую себя до такой степени, что послѣ того можно опасаться совершеннаго ея уничтоженія. Но это опасеніе напрасно: воля можетъ возвыситься надъ всякимъ принужденіемъ. Выдумывая сложный государственный механизмъ, въ которомъ одна часть нудитъ другую, эту третью и такъ далѣе, Фихте долженъ наконецъ дойти до такой части, которая сама не подлежитъ никакому вѣншнему принужденію и стоитъ выше всякаго закона принудительнаго. При всемъ томъ Фихте принадлежитъ та важная заслуга, что онъ первый развилъ понятіе о государствѣ, какъ органическомъ цѣломъ. Его заслуга не отъемлема также въ томъ отношеніи, что онъ для союзовъ семейственныхъ, каковы бракъ и отношеніе между родителями и дѣтьми, искалъ основаній въ природѣ и нравственномъ существѣ человѣка, и тѣмъ возвысилъ оба отношенія надъ человѣческимъ произволомъ.

§ 500.

Фихте не остался на всю жизнь свою вполнѣ вѣренъ своему идеализму. Предметный міръ, права

котораго противъ Канта и самого Фихте съ твердостью были защищаемы нѣкоторыми современными имъ мыслителями, показалъ свое могущество и надъ Фихте. Слѣдствіемъ этого былъ образъ мыслей, проникнутый глубокимъ религіознымъ чувствомъ.

Такая перемѣна въ мысляхъ Фихте вообще не имѣла значительнаго вліянія на его понятія о правѣ и разныхъ предметахъ, сюда относящихся, преимущественно потому, что практическое его ученіе и прежде отличалось объективностію своего направленія. Но совершенно безъ вліянія на практическое ученіе перемѣна теоретическаго взгляда не осталась. Напротивъ объективный теоретическій взглядъ сдѣлалъ понятія Фихте въ практическомъ отношеніи еще болѣе объективными, чѣмъ были они прежде.

Въ сочиненіи: *Торговое, заключенное въ себя само, государство* ⁽¹⁾, — Фихте раскрываетъ во всей силѣ право государства управлять производительными силами народа. Правительство, учить онъ здѣсь, опредѣляетъ въ государствѣ, сколько людей должно заниматься тѣмъ или другимъ промысломъ; излишнее количество оно отсылаетъ къ другимъ занятіямъ, недостающее число привлекаетъ наградами, испытываетъ способности каждаго къ тому промыслу, который ему дозволенъ. Оно со всею строгостію разграничиваетъ занятія между собою. Оно смотритъ, чтобъ каждый, назначенный для произведенія извѣстныхъ предметовъ, фабрикантъ продавалъ ихъ всякому требующему и чтобъ каждый купецъ, назначенный для ихъ сбыта, какъ бралъ ихъ отъ каждаго, предлагающаго ихъ, фабриканта, такъ и продавалъ ихъ всѣмъ, кто ихъ требуетъ. Для подданныхъ запрещены всѣ виды вѣншной торговли; одно только правительство можетъ вести заграничную мѣновую торговлю, такъ какъ оно только ведетъ и войну.

(1) Der geschlossene Handelsstaat. Ein philosophischer Entwurf, als Auhang der Rechtslehre. Tübing. 1800. 8.

На мѣсто металлической всемірной монеты должна быть въ каждой землѣ введена монета, которая бы только въ этой землѣ имѣла достоинство. Каждое государство такимъ же образомъ смыкается въ себѣ самомъ по отношенію къ торговлѣ, какъ оно есть самодовольное цѣлое по отношенію къ своему законодательству и числу гражданъ.

Послѣ сего слѣдуетъ рядъ сочиненій, имѣющихъ своимъ предметомъ философію исторіи человѣчества. Въ нихъ понятіе государства въ объективномъ смыслѣ развивается съ различныхъ сторонъ. — Первое мѣсто между сочиненіями Фихте, сюда относящимися, занимаетъ сочиненіе: *Главные черты настоящаго періода времени* (1). Чтобы понять одинъ періодъ времени, надобно, по мнѣнію Фихте, понять всю совокупность времени, потому что каждый періодъ времени есть необходимая составная часть великаго всемірнаго плана, существующаго по отношенію къ земной жизни человѣческаго рода. Извѣстный періодъ времени понять, когда явленія этого періода объяснены изъ самаго понятія его, выведены, какъ необходимыя послѣдствія, изъ прошедшаго, и определены по отношенію къ ихъ собственнымъ ближайшимъ послѣдствіямъ въ будущемъ. Посему для объясненія характера настоящаго времени Фихте обозрѣваетъ предварительно главныя эпохи развитія рода человѣческаго, какъ рода, въ земной его жизни. Поставляя цѣль земной жизни человѣчества въ томъ, чтобы оно учредило въ этой жизни всѣ свои отношенія по разуму и образовало изъ себя чистый отпечатокъ разума, Фихте раздѣляетъ всю жизнь рода человѣческаго на пять главныхъ эпохъ. Разумное никогда не можетъ сдѣлаться разумнымъ само собою; отсюда Фихте выводитъ, что по крайней мѣрѣ въ одной точкѣ своего бытія родъ человѣческій, въ самомъ древнѣйшемъ его видѣ, долженъ быть чисто разумнымъ, безъ всякаго напряженія или свободы. Эта мысль заставляетъ Фихте

принять первоначальный нормальный народъ, который однимъ своимъ бытіемъ, независимо отъ какой нибудь науки и искусства, находился въ состояніи совершенной умственной образованности. Но собственная цѣль бытія состоитъ не въ томъ, чтобы быть разумнымъ, а въ томъ, чтобы свободно сдѣлаться разумнымъ. Итакъ, заключаетъ Фихте, самообразование человѣческаго рода для разумной жизни должно было совершиться на грубыхъ земнородныхъ дикаряхъ, разстѣянныхъ по всей землѣ, исходя отъ нормальнаго народа; только тогда, когда этотъ народъ какимъ нибудь случаемъ былъ принужденъ оставить первоначальное мѣсто своего жительства, могъ начаться процессъ свободнаго развитія рода человѣческаго. Въ первой эпохѣ развитія человѣческаго рода, по словамъ Фихте, разумъ, основной законъ жизни человѣчества, какъ и всякой духовной жизни, учреждаетъ всѣ отношенія между людьми безъ принужденія и труда, и еще не посредствомъ свободы. Разумъ дѣйствуетъ здѣсь, какъ законъ и сила природы, т. е. какъ темный инстинктъ: безусловное владычество разума инстинкта. Съ наступленіемъ второй эпохи этотъ инстинктъ дѣлается слабѣе и только выражается еще въ немногихъ избранныхъ; освобожденіе изъ подъ владычества его начинается тѣмъ, что онъ дѣятельностію этихъ немногихъ людей, героевъ, которые первые постигаютъ его, превращается для всѣхъ въ авторитетъ съ внѣшней принудительною силою, который теперь другіе люди хотятъ сокрушить: вѣкъ положительныхъ системъ вѣрованія и жизни, которыя нигдѣ не восходятъ до послѣднихъ основаній, а напротивъ требуютъ безусловнаго послушанія. Третья эпоха есть эпоха освобожденія — непосредственно отъ господства авторитета, посредственно же отъ владычества разума инстинкта и разума во всякомъ видѣ: вѣкъ совершеннаго равнодушія ко всякой истинѣ и совершенной необузданности, когда отвергается всякое постороннее руководство. Четвертая эпоха есть эпоха умственнаго вѣдѣнія, распространеннаго по всему вообще роду: вѣкъ, когда истину признаютъ

(1) Die Grundzüge des gegenwärtigen Zeitalters. Berlin. 1806. 8.

самымъ величайшимъ благомъ и любить ее выше всего. Питая эпоха есть эпоха разумнаго искусства: въѣкъ, когда къ истинному знанію присоединяется еще искусство, посредствомъ котораго человечество вѣрно и твердою рукою образуетъ само себя, чтобъ сдѣлать изъ себя точный отпечатокъ разума. Путь, который такимъ образомъ проходитъ человечество здѣсь на землѣ, есть не что другое, какъ возвращеніе къ первому началу; оно должно само себя сдѣлать тѣмъ, чѣмъ оно было безъ всякаго съ его стороны содѣйствія. Какъ каждая эпоха должна исходить отъ лицъ недѣлимыхъ, но чтобъ быть эпохою въ жизни рода, она должна мало по малу обнять и проникнуть всѣхъ; то каждая эпоха, говоритъ Фихте, продолжается довольно долгое время, и такимъ образомъ цѣлая жизнь рода человеческого расширяется въ вѣка, которые, по видимому, перекрещиваютъ другъ друга и частію текутъ одинъ подлѣ другаго. Настоящее время, т. е. то время, когда было писано разсматриваемое нами сочиненіе (1806 г.), Фихте относитъ къ третьей эпохѣ, сообразно съ чѣмъ и описываетъ его характеръ; или, говоритъ Фихте, если мы обѣ первыя эпохи соединимъ въ одну и также обѣ послѣднія въ одну, то настоящее время соединяетъ въ себя концы двухъ, совершенно различныхъ по своимъ началамъ, міровъ,—міра темноты и міра ясности, міра принужденія и міра разумной свободы. Чтобъ показать въ особенности, на какой ступени находится государство въ настоящее время, Фихте опредѣляетъ между прочимъ существо истиннаго государства и въ семъ отношеніи говоритъ: «истинное и безусловно совершенное государство по своей формѣ есть искусственное учрежденіе, которымъ силы всѣхъ отдѣльныхъ лицъ направляются къ жизни и цѣли рода и въ этой жизни и цѣли совершенно сливаются. Совокупность своихъ гражданъ оно разсматриваетъ какъ человеческій родъ. Цѣль рода есть образованность. Достиженію этой цѣли въ государствѣ каждый посвящаетъ всѣ свои силы; въ замѣнъ того онъ получаетъ всю образованность рода, какова она есть въ данное время.

Возвыситься мало по малу до такого безусловно совершеннаго государства, есть назначеніе человеческаго рода». — Въ небольшомъ сочиненіи, подъ названіемъ: *Разговоры о патриотизмѣ* ⁽¹⁾, Фихте утверждаетъ, что настоящее время (1807 г.) есть время перехода изъ третьей эпохи въ четвертую. Надежду въ этомъ случаѣ для спасенія человечества онъ возлагаетъ на Германскій народъ. Если, говоритъ онъ, Германцы не спасутъ образованности рода человеческого, то едва ли спасетъ ее другой какой нибудь Европейскій народъ. — *Речи* Фихте къ *Германскому народу* ⁽²⁾, направленные преимущественно противъ Наполеонова владычества надъ Германіею (1808 г.), изображаютъ наступленіе четвертой эпохи. Представляя особеннымъ призваніемъ Германцевъ начать новую эпоху и образовать новое поколѣніе людей, Фихте находитъ единственное средство къ оживленію самого Германскаго народа и къ выполненію имъ своего предназначенія въ новомъ способѣ воспитанія, которое должно обнять весь народъ. Новое воспитаніе должно, по словамъ Фихте, произвести въ воспитанникъ твердую, непоколебимую волю, возбуждая духовную дѣятельность его къ тому, чтобы онъ могъ созерцать своимъ умомъ образъ общественнаго порядка, какой по закону разума долженъ существовать между людьми. Когда воспитанника обниметъ пламенная любовь къ такому порядку вещей; то, по освобожденіи отъ руководства воспитанія, ему совершенно невозможно будетъ не хотѣть этого порядка. — Въ урокахъ: *О предназначеніи ученаго* ⁽³⁾, Фихте описываетъ людей, которые должны управлять вѣкомъ умственнаго вѣдѣнія. Ученый, говоритъ онъ здѣсь, который посвящаетъ всю свою жизнь знанію, долженъ не повторять только въ себѣ данное чувственное бытіе, но созерцать видѣнія изъ міра сверхъ-чувственнаго. Знаніе его есть отраженіе внутренняго бытія и существа Божія. Единственно самобытная и самостоятель-

⁽¹⁾ Gespräche über Patriotismus und sein Gegentheil. Сочинены въ 1807 г. — ⁽²⁾ Reden an die deutsche Nation. Berlin. 1808. 8. —

⁽³⁾ Fünf Vorlesungen über die Bestimmung des Gelehrten. 1811.

ная жизнь есть жизнь Божества. Изображеніе Божественной жизни есть міръ. Человѣческая жизнь, какъ она должна быть, составляетъ идею и основную мысль Божию при произведеніи міра, намѣреніе и планъ, которые Богъ предполагалъ исполнить, создалъ міръ. Явленіе каждаго будущаго, возможнаго во времени, выраженія сверхъ-чувственной идеи имѣть необходимымъ своимъ условіемъ то, что предшествовавшее видѣніе изображено уже въ чувственномъ мірѣ; настоящее явленіе побуждаетъ къ слѣдующему. Въ каждомъ вѣкъ идея является въ новомъ видѣ и стремится образовать по себѣ окружающій міръ; посему являются все новыя и новыя отношенія міра къ идеѣ, и новыя виды противоборства перваго съ послѣднеею. Почему жизнь въ изображеніи въ каждое мгновеніе своего бытія, въ противоположность съ Божественною внутреннею жизнью, ограничена, т. е. частію не жива и еще не проникла въ жизнь, а въ извѣстной степени мертва. Эти границы она должна все болѣе и болѣе сокращать, удалять и обращать въ жизнь посредствомъ возвышенія своей жизни: однакоже она никогда не можетъ совершенно отрѣшиться отъ нихъ, не представши быть изображеніемъ, и не сдѣлавшись самымъ Божественнымъ существомъ. Тѣ, которые въ Божественной, создающей міръ, мысли имѣютъ своимъ назначеніемъ постигать ее отчасти, обнимаются ею какъ ученые. Ученый есть орудіе, посредствомъ котораго міръ все далѣе и далѣе создается по Божественному образцу; жизнь ученаго есть жизнь самой Божественной идеи внутри міра, непрерывно продолжающей творить и образовывать міръ. То мгновеніе, когда ученый переходитъ въ свободнаго художника, есть мгновеніе, когда онъ вполне достигаетъ своего назначенія. Обозрѣвая свой міръ изъ идеи, которую онъ созерцаетъ во всей ясности, онъ можетъ посредствомъ этой идеи свободно дѣйствовать на каждую точку своего міра и пріобрѣсть здѣсь вліяніе. Дѣятельность для просвѣщенія другихъ принадлежитъ между учеными учителямъ; дѣятельность для непосредственнаго образованія отношеній дѣйствитель-

наго міра принимаютъ на себя члены государственнаго управленія, государственные чиновники. Ученые перваго разряда живутъ въ однихъ понятіяхъ и образуютъ другихъ людей, частію какъ наставники, частію какъ писатели. Они суть посредники между чисто духовнымъ образомъ существованія мысли въ Божествѣ и вещественною силою и дѣятельностію, которую она получаетъ посредствомъ втораго разряда ученыхъ. Сии послѣдніе дѣйствуютъ прямо на міръ и суть непосредственная точка соприкосновенія Божественной идеи съ дѣйствительностію. Но оба класса могутъ быть безъ труда соединены и въ одномъ лицѣ.

Наконецъ въ урокахъ *О правѣ* ⁽¹⁾ и *государствѣ* ⁽²⁾ объективный образъ воззрѣнія Фихте на эти предметы выражается во всей своей полнотѣ, и всѣ изслѣдованія его о правѣ и государствѣ окончательно получаютъ здѣсь для себя средоточіе. — Существа свободныя, говоритъ Фихте въ своихъ урокахъ *О правѣ*, должно представлять себѣ дѣйствующими въ общей сферѣ. Законъ нравственный предписываетъ имъ осуществлять образъ Божій. Но предметъ, который каждое изъ нихъ должно осуществлять, есть только часть того единаго образа, который всѣ они должны производить общими силами. Одинъ образъ созерцается во всѣхъ ихъ и только частію долженъ быть производимъ каждымъ. Почему всѣ они необходимо имѣютъ одинъ общій предметъ и одинъ кругъ дѣятельности. Въ этомъ общемъ кругѣ дѣятельности свобода одного можетъ возмутить свободу другаго. Если бы все общество разумныхъ существъ находилось подъ владычествомъ нравственнаго закона; то возмущеніе свободы было бы совершенно невозможно, потому что въ такомъ случаѣ всѣ имѣли бы одну волю. Законъ права тогда былъ бы пену-

(1) *Das System der Rechtslehre (рядъ уроковъ, преподаваемыхъ въ 1812 г.). Находится во 2-й части *Fichte's nachgelassene Werke*, изд. въ 1834—1835 г. — (2) Die Staatslehre, oder über das Verhältniss des Urstaats zum Vernunftreich (рядъ уроковъ; преподаваемыхъ въ 1813 г.). Изд. только въ 1820 г. 8.

жень. Следовательно онъ можетъ имѣть силу только подъ тѣмъ условіемъ, что законъ нравственный еще не сдѣланъ всеобще господствующимъ, и только какъ учрежденіе, котораго цѣлю есть приготовить всеобщее владычество нравственнаго закона. Каждый долженъ имѣть исключительно свои предѣлы, внутри которыхъ другіе должны оставлять его неприкосновеннымъ, — имѣть известную сферу дѣйствія, которая вообще называется собственностью. Собственность тѣла должна быть только обезпечена закономъ права, потому что границы тѣла определены уже самою природою; напротивъ собственность по отношенію къ другимъ предметамъ должна быть еще определена, прежде чѣмъ можетъ быть рѣчь объ ея обезпеченіи. Говоря объ учрежденіи власти общественной, Фихте отмѣняетъ эфоровъ и признаетъ изъ политики Платона и Аристотеля то начало, что лучший долженъ господствовать въ государствѣ. Но какъ человѣческій разумъ не можетъ рѣшить задачи, какимъ бы образомъ лучший, т. е. праведнѣйшій въ своемъ вѣкѣ и въ своемъ народѣ могъ быть сдѣланъ его властителемъ; то рѣшеніе сей задачи Фихте предоставляетъ, согласно съ своимъ религіознымъ образомъ воззрѣнія, Божественному провидѣнію, которое, призвавши одинъ разъ челоѵка праведнѣйшаго быть властителемъ, указываетъ ему также, какимъ образомъ достигнуть того, чтобъ лучшіе непрерывно наслѣдовали ему во власти. — Въ урокахъ *О государствѣ* представляется намъ, вмѣсто государства, основаннаго на законѣ права, царство ума, основанное на чистой нравственности. Въ этомъ царствѣ нравственности, по ученію Фихте, существуетъ какъ народная жизнь. Необходимою принадлежностію и условіемъ такого порядка Фихте, по примѣру Платона, признаетъ общее воспитаніе дѣтей: всѣ дѣти должны воспитываться вмѣстѣ въ общественныхъ заведеніяхъ; домашнее воспитаніе совсѣмъ не должно имѣть мѣста. При этомъ общемъ воспитаніи, говоритъ Фихте, тотчасъ открываются способности дѣтей; дѣти съ высшими дарованіями причисляются къ высшему, дѣти съ низши-

ми способностями — къ нижшему сословію. Природныя дарованія ума, обнаруженныя при ученіи, определяютъ каждому мѣсто его въ обществѣ.

§ 501.

Немногіе послѣдовали Фихте въ его первоначальномъ образѣ воззрѣнія на право. Тѣмъ болѣе за то имѣли вліянія на установленіе понятій о государствѣ между Германскими философами мысли его объ этомъ предметѣ, развитыя имъ въ послѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ. Это вліяніе тѣмъ было сильнѣе, что подобный образъ воззрѣнія имѣлъ также Шеллингъ, преемникъ Канта и Фихте въ дальнѣйшемъ развитіи Философіи.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Объективный идеализмъ Шеллинга.

§ 502.

У Фихте, въ первоначальномъ видѣ его философіи, является существующимъ одно недѣлимое *я*, разумъ одного отдѣльнаго существа; предъ этимъ недѣлимымъ *я*, предъ этимъ отдѣльнымъ разумомъ и его образомъ воззрѣнія все другое обращается въ одинъ призракъ. Шеллингъ (*) расширяетъ недѣлимое *я*, недѣлимый разумъ въ безконечное *я*, въ безусловный разумъ, вноситъ мысль въ предметный міръ и все существующее признаетъ явленіемъ одного разумнаго начала, которое въ одно и тоже время служить основаніемъ дѣятельности и сознательной и безсознательной: такимъ образомъ весь міръ сталъ одухотворенъ. Но какъ здѣсь духовное начало, подлѣ свѣтлой, ясной для него самой стороны въ немъ,

(*) Фридрихъ Вильгельмъ Іосифъ Шеллингъ род. въ 1775 г. и живъ еще понынѣ.

постоянно имѣть въ себѣ темную сторону, недоступную для собственнаго его сознанія; какъ безсознательная дѣятельность здѣсь поставляется на равной степени съ сознательною: то идеализмъ Шеллинга есть идеализмъ объективный.

§ 503.

Начало, изъ котораго возникаетъ все существующее, Шеллингъ называетъ безусловнымъ (*das Absolute*). Сущность безусловнаго онъ поставляетъ въ безусловномъ тождествѣ объективнаго и субъективнаго. Бытіе особенныхъ вещей основывается, по ученію Шеллинга, на томъ, что въ нихъ преобладаетъ та или другая изъ этихъ сторонъ бытія существа безусловнаго. Безусловное тождество объективнаго и субъективнаго при особенномъ преобладаніи объективнаго есть природа; безусловное тождество объективнаго и субъективнаго при особенномъ преобладаніи объективнаго есть духъ. Степени развитія природы, принимаемыя Шеллингомъ, суть: тяжесть, свѣтъ, организмъ. Степени развитія духа суть: познаніе, нравственное дѣйствіе и религія, искусство и умственное созерцаніе.

§ 504.

Вниманіе Шеллинга было обращено преимущественно на природу. Немногія мысли о предметахъ, касающихся законодательства, предложены имъ ⁽¹⁾ почти отрывками въ сочиненіяхъ, не относящихся непосредственно къ этой области. Какъ вообще всю свою философію Шеллингъ непрерывно развивалъ и усовершенствовалъ; то подобное усовершенствованіе въ его понятіяхъ можно замѣтить и по отноше-

⁽¹⁾ Мы не упоминаемъ о разсужденіи Шеллинга, писанномъ имъ прежде, чѣмъ онъ представилъ свою систему философіи, и помѣщенномъ въ *Pichte's und Niethammer's philos. Journ.* 1796. B. 4. mit Fortsetz. im J. 1797. B. 4. подъ заглавіемъ: *Neue Deduction des Naturrechts*.

нію къ предметамъ законодательства. Впрочемъ вообще образъ его воззрѣнія на сіи предметы былъ объективный.

§ 505.

Въ Системѣ трансцендентальнаго идеализма ⁽¹⁾, имѣющей своею задачею объяснить, какимъ образомъ къ субъективному приходитъ объективное, которое согласуется съ нимъ, или, другими словами, какимъ образомъ происходитъ то, что представленіямъ нашимъ соответствуютъ предметы, Шеллингъ выводитъ между прочимъ и основныя понятія практической философіи ⁽²⁾.

Изъ теоретической области въ практическую приводитъ здѣсь Шеллинга самое стремленіе объяснить возможность познанія, остающееся неудовлетвореннымъ вполне теоретическою философіею. Именно, изъ ней не можетъ быть объяснено самосознаніе. Начало самосознанія, говоритъ Шеллингъ, когда т. е. разумъ совершенно возвышается надъ міромъ предметнымъ, можетъ быть объяснено только изъ самоопредѣленія, или изъ дѣйствованія разума на самого себя, что называется хотѣніемъ и составляетъ предметъ практической философіи. Какъ условіе, при которомъ только разумное существо можетъ сознать свою силу самоопредѣленія и свободнаго дѣйствованія, у Шеллинга выводится почти такъ же, какъ у Фихте, множество недѣлимыхъ свободныхъ существъ, а отсюда вся область права.

Природа, по словамъ Шеллинга, не можетъ дѣйствовать въ собственномъ смыслѣ этого слова; но разумныя существа могутъ дѣйствовать, и взаимное дѣйствіе ихъ другъ на друга посредствомъ объективнаго міра есть даже необходимое условіе ихъ само-

⁽¹⁾ *System des transcendentalen Idealismus*. Tübingen. 1800. 8. — ⁽²⁾ *System des trans. Idealismus* S. 322—444.

сознанія и свободы. Но всѣ ли разумныя существа ограничиваютъ свое дѣйствованіе возможностью свободнаго дѣйствованія всѣхъ прочихъ, или не всѣ, это зависитъ отъ совершеннаго случая, произвола. Такъ не должно быть. Самое святое не должно быть предоставлено случаю. И такъ принужденіе, происходящее отъ ненарушимаго закона, должно сдѣлать невозможнымъ уничтоженіе свободы лица недѣлимаго при взаимномъ дѣйствіи всѣхъ лицъ другъ на друга. Это принужденіе, конечно, не можетъ быть обращено непосредственно противъ свободы, потому что разумное существо не можетъ быть къ чему нибудь принуждено, но только можетъ быть побуждено принудить къ чему нибудь само себя; принужденіе не можетъ быть также обращено и противъ чистой воли, которая не имѣетъ никакого другаго предмета, кромѣ того, что обще всѣмъ разумнымъ существамъ, кромѣ самоопредѣленія. И такъ принужденіе можетъ быть обращено только противъ своекорыстнаго стремленія, свойственнаго недѣлимому лицу. Но противъ этого стремленія ничто не можетъ быть употреблено средствомъ принужденія, или оружія, кромѣ его самого. Внѣшній міръ долженъ быть такъ какъ бы организованъ, чтобы онъ принуждалъ это стремленіе, какъ скоро оно переступаетъ свою границу, дѣйствовать противъ себя самого, и противопологалъ ему нѣчто, чего свободное существо можетъ хотѣть только какъ разумное существо, но не какъ существо физическое, чѣмъ бы дѣйствующій былъ поставленъ въ противорѣчіи съ самимъ собою, и по крайней мѣрѣ принужденъ былъ обратить свое вниманіе на то, что онъ раздвоенъ въ себя самомъ. Объективный міръ самъ по себѣ не можетъ содержать въ себѣ основанія такого противорѣчія, потому что онъ къ дѣйствованію свободныхъ существъ, какъ свободныхъ, относится совершенно безразлично. И такъ основаніе противорѣчія противъ своекорыстнаго стремленія можетъ быть положено въ него только разумными существами. Надъ первою природою должна быть создана какъ бы вторая и выс-

шая природа, въ которой бы владычествовалъ законъ природы, но совершенно отличный отъ того, который господствуетъ въ видимой природѣ, т. е. законъ природы ко благу свободной дѣятельности. Неумолимо и съ жельзною необходимостію, съ какою въ чувственной природѣ за причинною слѣдуетъ ея дѣйствіе, должно въ этой второй природѣ за вторженіемъ существа въ чужую свободу слѣдовать въ тоже мгновеніе противорѣчіе противъ своекорыстнаго стремленія. Такой законъ природы есть законъ права, и вторая природа, въ которой владычествуеъ этотъ законъ, есть порядокъ права.—Отсюда, говоритъ Шеллингъ, слѣдуетъ, что порядокъ права не есть порядокъ нравственный, но порядокъ природы, и свобода столько же мало имѣетъ власти надъ нимъ, какъ и надъ чувственною природою; онъ долженъ быть разсматриваемъ какъ машина, которая учреждена предварительно на извѣстные случаи, и, какъ скоро эти случаи даны, дѣйствуетъ сама собою (!).

Какъ, послѣ сего предлагаетъ Шеллингъ себѣ вопросъ, можно представить себѣ происхожденіе такого порядка, когда воля недѣлимаго лица совершенно ничего не можетъ сдѣлать въ этомъ отношеніи, и, какъ необходимое дополненіе, предполагаетъ нѣчто отъ ней независимое, т. е. волю всѣхъ другихъ? Надобно ожидать, говоритъ Шеллингъ для разрѣшенія предложеннаго вопроса, что уже первое происхожденіе законнаго порядка не было предоставлено случаю, а принужденію природы, которое, по поводу всеобщаго господствовавшаго насилія, неволью побудило людей прибѣгнуть къ такому порядку. Но легко можно усмотрѣть, что порядокъ, учрежденный нуждою, не можетъ имѣть никакой въ себѣ твердости, частію потому, что учреждаемое по нуждѣ и учреждается только для удовлетворенія ближайшей потребности, частію потому, что механизмъ учрежденнаго порядка обращаетъ свое принужденіе противъ свободныхъ существъ, которыхъ

только до той степени позволять себя принуждать, до какой находятъ въ этомъ свою выгоду. Соединить свободныя существа въ общемъ механизмѣ—это, такъ какъ въ дѣлахъ свободы нѣтъ ничего даннаго умомъ, независимо отъ опыта, принадлежитъ къ такимъ проблемамъ, которыя могутъ быть рѣшены только посредствомъ безчисленныхъ опытовъ, тѣмъ болѣе, что механизмъ, которымъ самое учрежденіе права приводится въ движеніе,—посредствующій членъ между идеєю учрежденія и дѣйствительнымъ исполненіемъ,—совершенно отличенъ отъ самаго учрежденія, и по различію степени образованія, характера народа и т. д. долженъ подвергаться также различнымъ измѣненіямъ. Итакъ надобно ожидать, что съ самаго начала будутъ возникать только временныя учрежденія, которыя сами въ себѣ носятъ сѣмя своего разрушенія, и, такъ какъ они первоначально учреждены не разумомъ, а сплюю обстоятельствъ, дѣйствительно, ранѣе или позже, разрушаются. Но если даже, какимъ бы то образомъ ни было, возникаетъ наконецъ порядокъ, основанный дѣйствительно на правѣ, а не на угнетеніи, какъ необходимо должно быть съ самаго начала; то и тогда, какъ удостоверяетъ насъ не только опытъ, но и разумъ, существованіе учрежденія, которое для извѣстнаго государства есть самое наилучшее, зависитъ отъ явнаго случая (1).

Указывая на образъ, представляемый природою, въ которой будто бы всякая самостоятельная система основывается на трехъ, одна отъ другой не зависящихъ, силахъ, Шеллингъ почитаетъ существенно необходимымъ для законнаго порядка независимое бытіе трехъ коренныхъ властей государства. Но какъ безопасность государства по отношенію къ другимъ государствамъ дѣлаетъ неизбежнымъ перевѣсъ исполнительной власти надъ прочими; то существованіе цѣлаго, говоритъ Шеллингъ, окончательно основывается на доброй волѣ тѣхъ, въ рукахъ которыхъ находится

(1) Тамъ же S. 408—410.

власть исполненія. Но ничто, относящееся къ огражденію права, не должно зависеть отъ случая. Итакъ, по словамъ Шеллинга, нельзя думать о твердомъ существованіи и одного, по крайней мѣрѣ, по идеѣ совершеннаго государства безъ организаций, выходящей за предѣлы одного государства, т. е. безъ соединенія въ одинъ союзъ всѣхъ государствъ, такъ, чтобы всѣ они взаимно обезпечили другъ друга свои государственныя установленія. Какъ можетъ быть учрежденъ такой порядокъ посредствомъ свободы, которая именно во взаимномъ отношеніи государствъ другъ къ другу играетъ самымъ дерзкимъ и неограниченнымъ образомъ, этого, по мнѣнію Шеллинга, совершенно нельзя понять, если мы не предположимъ, что въ самой игрѣ свободы опять господствуетъ необходимость, которая объективно присовокупляетъ къ свободѣ то, что посредствомъ ея одной никогда бы не могло быть достигнуто (1). Такое соединеніе свободного и необходимаго Шеллингъ видитъ въ исторіи, которой понятіе онъ по-секу и развиваетъ въ подробности.

Предметомъ исторіи, по ученію Шеллинга, не можетъ быть ни то, что происходитъ совершенно по закону, однажды навсегда определенному, ни то, что не имѣетъ совершенно никакого закона, происходитъ безъ всякой цѣли и намѣренія; исторія существуетъ только тамъ, гдѣ одинъ идеалъ такъ осуществляется среди безчисленнаго множества уклоненій отъ него, что если не единичное существо, то по крайней мѣрѣ цѣлое соответствуетъ ему. Но такое послѣдовательное осуществленіе идеала, гдѣ только прогрессъ, какъ цѣлое, удовлетворяетъ идеалу, возможно только для существъ, которымъ приличествуетъ характеръ рода; такъ какъ недѣлимое лице, именно потому, что оно есть недѣлимое, не въ состояніи достигнуть идеала, а между тѣмъ идеалъ, который необходимо есть нѣчто определенное, долженъ быть осуществленъ. Итакъ, говоритъ Шеллингъ, исторія

(1) Тамъ же S. 410—412.

можетъ быть только у такихъ существъ, которыя имѣютъ передъ собою извѣстный идеалъ. Для осуществленія идеала нужно, чтобы каждое слѣдующее недѣлимое лице начинало именно тамъ дѣйствовать, гдѣ перестаетъ предшествующее ему, чтобы слѣдовательно между недѣлимыми лицами, слѣдующими другъ за другомъ, была непрерывная связь, чтобы по этому существовало преданіе. Исторія для практической философіи есть то же самое, что природа для теоретической. — Необходимость исторіи съ такимъ характеромъ, какой теперь былъ описанъ, Шеллингъ выводитъ изъ того, что для разумныхъ существъ всеобщее законное учрежденіе составляетъ задачу, которая можетъ быть осуществлена только цѣлымъ родомъ, т. е. посредствомъ исторіи. Почему единственнымъ, истиннымъ предметомъ исторіи онъ почитаетъ только постепенное происхожденіе всемірнаго законнаго порядка, и на постепенное приближеніе къ этой цѣли онъ смотритъ какъ на историческую мѣру успѣховъ человѣческаго рода, хотя, какъ онъ думаетъ, нельзя ни заключить изъ опыта протекшаго времени, ни доказать теоретически изъ ума, что цѣль сія будетъ окончательно достигнута, но человекъ дѣйствующій будетъ только вѣчно этому вѣрить. Свобода и необходимость должны быть соединены въ исторіи, — это, по словамъ Шеллинга, значить, что сознательной свободной дѣятельности должна противостоять бессознательная, посредствомъ которой, не смотря на самое неограниченное обнаруженіе свободы, происходитъ нечто совершенно произвольно, и можетъ быть, даже противъ воли дѣйствующаго, чего онъ самъ никогда бы не могъ осуществить однимъ своимъ хотѣніемъ. Но нельзя понять, какимъ образомъ изъ неограниченной игры свободы происходитъ наконецъ нечто правильное и разумное, если мы не предположимъ, что объективное во всякомъ дѣйствованіи есть нечто общее для всѣхъ разумныхъ существъ, чѣмъ всѣ дѣйствія человѣческія, какъ бы люди ни дѣйствовали, неизбежно направляются къ одной гармонической цѣли. Это, по мнѣнію Шеллинга, возмо-

жно только посредствомъ безусловнаго единства всѣхъ дѣяній, изъ котораго развивается все, что ни происходитъ, а слѣдовательно и вся исторія, и въ которомъ, такъ какъ оно безусловно, все уже напередъ такъ взвѣшено и рассчитано, что все, что бы ни случилось, какъ бы это ни казалось противорѣчащимъ и дисгармоническимъ, имѣетъ и находитъ въ немъ основаніе для своего соединенія. Безусловное, говоритъ Шеллингъ, — это вѣчно недостижимое для сознанія, что, какъ будто вѣчное солнце въ царствѣ духовъ, скрывается въ своемъ собственномъ, невозмутимомъ свѣтѣ, и хотя никогда не дѣлается объектомъ, однакоже напечатлѣваетъ свое тождество на всѣхъ свободныхъ дѣйствіяхъ, есть одно и то же для всѣхъ разумныхъ существъ, невидимый корень, по отношенію къ которому всѣ разумныя существа суть только его степени, вѣчная середина, соединяющая субъективное или свободное въ насъ и объективное или необходимое, основаніе законосообразности въ свободѣ и свободы въ законосообразности объективнаго. — Такимъ образомъ исторія для Шеллинга есть постепенное откровеніе безусловнаго и въ этомъ отношеніи онъ принимаетъ для ней три періода. Первый періодъ есть тотъ, когда властвуетъ только еще судьба, какъ совершенно слѣпое могущество, и хладнокровно и бессознательно разрушаетъ самое великое и славное; къ этому періоду относится низпроверженіе чудесъ древняго міра, паденіе тѣхъ великихъ царствъ, отъ которыхъ едва осталось намъ воспоминаніе, и о величинъ которыхъ мы можемъ судить только по ихъ развалинамъ, погибель благороднѣйшаго человечества, какое когда нибудь процвѣтало, и возвращеніе котораго на землю есть только вѣчное желаніе. Второй періодъ исторіи есть тотъ, когда эта судьба открывается подъ видомъ природы и темный законъ, который господствовалъ въ первомъ періодѣ, превращается по крайней мѣрѣ въ открытый для всѣхъ законъ природы, который принуждаетъ свободу и самый необузданный произволъ служить плану природы и такимъ образомъ мало по малу произ-

водитъ по крайней мѣрѣ механическую законосообразность въ исторіи: періодъ, начавшійся, по видимому, съ распространеніемъ Рима, когда самый необузданный произволъ, обнаружившійся во всеобщемъ страшеніи къ завоеванію и пораженію, соединяя народы между собою, и поставяя во взаимное соприкосновеніе правы, законы, искусства и науки, которыя доселѣ сохранялись у каждаго народа порознь, безсознательно и даже противъ собственной воли принужденъ былъ служить плану природы, который въ полномъ его развитіи долженъ имѣть своимъ послѣдствіемъ всеобщій союзъ народовъ и всемірное государство. Третій періодъ исторіи будетъ тотъ, когда то, что въ предшествующихъ періодахъ представлялось подъ видомъ судьбы или природы, явится какъ Провидѣніе. Когда начнется этотъ періодъ, говоритъ Шеллингъ, мы не можемъ сказать ⁽¹⁾.

§ 506.

Дальнѣйшее развитіе мыслей Шеллинга о предметахъ законодательства, и притомъ съ нѣкоторыми частію измѣненіями, представляютъ намъ Уроки его о методѣ университетскаго ученія ⁽²⁾.

Человѣкъ, или вообще разумное существо, говоритъ здѣсь Шеллингъ, имѣетъ своимъ назначеніемъ, восполнить откровеніе Божества въ природѣ: изъ человѣка, изъ его дѣятельности, должно развиться то, чего недостаетъ природѣ къ совершенному откровенію Божества; природа хотя представляетъ намъ цѣлое Божественное существо, но только въ реальномъ; человѣкъ долженъ выразить образъ того же Божественнаго существа, какъ оно существуетъ въ себѣ самомъ, следовательно въ идеальномъ. Въ области реального

⁽¹⁾ Тамъ же S. 413—441. — ⁽²⁾ Vorlesungen über die Methode des academischen Studium. Stuttg. und Tübing. 1803. 8.—2te Aufl. 1813.—3te Aufl. 1830.

господствуетъ конечность, въ области идеальнаго — безконечность; первое бываетъ по необходимости тѣмъ, чѣмъ оно есть, второе должно быть тѣмъ, чѣмъ оно есть, посредствомъ свободы ⁽¹⁾.

При исполненіи сего назначенія для Шеллинга равное имѣютъ достоинство какъ познаніе, такъ и нравственное дѣйствованіе ⁽²⁾. Нравственность есть богоподобное чувствованіе, въ коемъ человѣкъ, не опредѣляясь ничѣмъ ограниченнымъ, возносится въ область всеобщаго, Божественнаго. Философія — истиннѣйшее познаніе есть такое же возношеніе мысли, и потому одно и то же съ нравственностію. Одинъ и тотъ же міръ во всей его полнотѣ стремится изобразить и познаніе и дѣйствованіе — каждое въ своемъ родѣ. Посему міръ дѣйствованія такъ же самъ въ себѣ совершенъ (абсолютенъ), какъ и міръ познанія. Каждая особенная должность соотвѣтствуетъ особенной идее и есть міръ сама по себѣ, подобно какъ въ природѣ каждый родъ имѣетъ свой первообразъ, которому онъ по возможности стремится уподобиться ⁽³⁾.

Развитіе нравственности совершается, по мнѣнію Шеллинга, въ исторіи, и притомъ въ необходимомъ порядкѣ. Исторія представляетъ развитіе нравственности въ трехъ періодахъ: періодъ 1-й — безразличіе добра и зла; періодъ 2-й — сознаніе различія между добромъ и зломъ; періодъ 3-й — примиреніе. Къ первому періоду относится языческій древній міръ; второй періодъ составляютъ конецъ древняго и начало новаго Христіанскаго міра; третій періодъ образуетъ Христіанство ⁽⁴⁾. Состояніе образованности Шеллингъ признаетъ первоначальнымъ состояніемъ людей, и первое основаніе государствъ, наукъ, религій и ис-

⁽¹⁾ Vorlesungen über die Methode des acad. Studium 3te Ausg. S. 17—18. — ⁽²⁾ Тамъ же S. 18—26. — ⁽³⁾ Тамъ же S. 145—146.

— ⁽⁴⁾ Тамъ же S. 175—179. (Ср. Schelling's philosophische Untersuchungen über das Wesen der menschlichen Freyheit u. s. w. въ 1-мъ и единственномъ томѣ собранія его философскихъ сочиненій. Landshut, 1809, 8. S. 455—461.).

куствъ, по его мнѣнію, происходило современно, или лучше, основаніе одного было вмѣстѣ и основаніе другого, такъ что все это не было существенно раздѣлено, а совершенно проникалось одно другимъ, какъ это опять будетъ нѣкогда, когда все достигнетъ своего окончательнаго совершенства. Началомъ первобытной образованности рода человеческого Шеллингъ выводитъ изъ наставленія высшихъ существъ, которымъ, по его предположенію, пользовались первые люди ⁽¹⁾.

Предметомъ исторіи въ собственномъ смыслѣ Шеллингъ дѣлаетъ происхожденіе и образованіе государства, какъ организма, въ коемъ нравственность дѣлается объективною ⁽²⁾. Государство, по мнѣнію Шеллинга, есть внѣшній организмъ гармоніи необходимости и свободы,—гармоніи, достигнутой въ самой свободѣ и выраженной въ реальномъ. Въ идеальномъ гармонію необходимости и свободы, достигнутой въ самой свободѣ, выражаетъ церковь. Идея совершеннѣйшаго государства достигнута, какъ скоро особенное и всеобщее сдѣлалось безусловно единымъ, и все необходимое совершается вмѣстѣ свободно, и все, свободно совершаемое, совершается вмѣстѣ необходимо ⁽³⁾. Такое государство существовало у Грековъ и было построено Платономъ въ его республикѣ ⁽⁴⁾.

§ 507.

Съ большою подробностію раскрываются мысли Шеллинга о первомъ началѣ исторіи въ его сочиненіи: *Философія и религія* ⁽⁵⁾.

Исторія въ цѣломъ, учитъ здѣсь Шеллингъ, есть послѣдовательно развивающееся откровеніе Божества. Она имѣетъ двѣ главныя части: одна часть изобра-

⁽¹⁾ Тамъ же S. 167—169. — ⁽²⁾ Тамъ же S. 146—147; 214; 226. — ⁽³⁾ Тамъ же S. 214; 229. — ⁽⁴⁾ Тамъ же S. 229—231. — ⁽⁵⁾ Philosophie und Religion. Tübingen, 1804.

жаетъ выходъ человечества изъ своего средоточія до самаго крайняго удаленія отъ него, другая—возвращеніе къ средоточію. Души должны были отпасть отъ своего средоточія и сдѣлаться особенными въ природѣ, чтобъ потомъ, какъ особенныя, онѣ могли возвратиться въ безразличіе и, примирившись съ нимъ, быть въ немъ, не возмущая его. Вся исторія указываетъ намъ на общее начало всѣхъ искусствъ, наукъ, вѣрованій и законовъ; и однакоже самая крайняя, мерцающая для насъ, граница извѣстной исторіи представляетъ намъ образованность, уже низпадшую съ прежней высоты, искаженные уже слѣды прежней науки, символы, значенія которыхъ, кажется, уже давно потеряно. Послѣ сего не остается ничего другаго, какъ принять, что настоящій родъ людей былъ воспитываемъ высшими существами, такъ что нынѣшнее поколѣніе людей, которые имѣютъ только возможность разума, а не имѣютъ его въ дѣйствительности, если они не образуются для этого, представляетъ намъ только нижнюю ступень или остатокъ того перваго племени, которое непосредственно обладало разумомъ, и разсѣявши по землѣ Божественное сімя идей, наукъ и искусствъ, потомъ исчезло съ нея. Это высшее племя, какъ тождество, изъ котораго произошелъ человѣчскій родъ, отъ самой природы и въ безсознательномъ величій соединило то, что второе поколѣніе сочетаваетъ не иначе, какъ съ сознаниемъ и по частямъ. Прежняя природа земли допускала болѣе благородныя и выше образованныя формы, чѣмъ каковы настоящія: остатки звѣрей, подобныхъ которымъ мы напрасно ищемъ въ нынѣшней природѣ, и которые по своей величинѣ и строенію далеко превосходятъ нынѣ существующихъ, доказываютъ, что земля и въ другихъ родахъ живыхъ существъ въ юношескомъ возрастѣ своихъ силъ производила высшіе экземпляры и совершеннѣе образованныя племена, которыя должны были уступить измѣнившимся ея отношеніямъ и погибнуть ⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Philosophie und Religion. S. 61—67.

§ 508.

Шеллингъ образовалъ многочисленную школу. Но какъ самъ онъ преимущественно занимался разсматриваніемъ жизни безусловнаго въ природѣ; такъ и въ школѣ его главнѣйшій предметъ изслѣдованій составляла эта же сторона существа безусловнаго. Впрочемъ разными писателями, болѣе или менѣе принадлежащими къ его школѣ, были дѣланы покушенія, хотя по большей части безъ особеннаго успѣха, построить на основаніи мыслей его о существѣ нравственности, исторіи и государствѣ, особенно предложенныхъ имъ въ его *Урокахъ о методѣ университетскаго ученія* ⁽¹⁾, цѣлое зданіе философскаго ученія о правѣ и государствѣ ⁽²⁾. Какъ въ позднѣйшемъ своемъ видѣ философія Шеллинга очень сблизилась съ Христіанствомъ; то въ школѣ его были сдѣланы даже опыты начертанія философіи права въ духѣ совершенно Христіанскомъ, впрочемъ на первый разъ только въ духѣ Немецкаго Католицизма ⁽³⁾. Нѣкоторые, какъ напр. Штеффенсъ ⁽⁴⁾, хотѣли даже совершенно слить между собою церковь и государство. Изъ всѣхъ частей философіи нравственной съ особенною любовью была обрабатываема въ школѣ Шеллинговой философія исторіи, и притомъ преимущественно по началамъ Христіанской религіи ⁽⁵⁾.

(1) См. выше § 506. — (2) Кто изъ послѣдователей Шеллинга занимался изысканіями о правѣ и государствѣ, можно видѣть у Теннеманна въ его *Grundriss der Geschichte der Philosophie*. 4te Aufl. Leipzig, 1825. § 403. Ср. также § 407. — (3) Сюда относится: *Die Philosophie des Rechts nach geschichtlicher Ansicht*, von Friedrich Julius Stahl. I. B. Heidelberg. 1830; II^{ter} B. 1te Abth. Heidelb. 1833; 2te Abth. — (4) См. *Steffens Caricaturen des Heiligsten*. Leipzig. 1819—1821. 2 Bände. — (5) Въ этомъ отношеніи можно указать на *Philosophie der Geschichte*, von Carl Wilhelm Friedrich Schlegel, 2 Bände, 1829.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Абсолютный идеализмъ Гегеля.

§ 509.

Глубочайшее соединеніе идеализма Канта и Фихте съ реализмомъ Шеллинга представляетъ Гегель ⁽¹⁾. Мысль, по его ученію, есть самая жизнь безусловная. Но эта мысль не есть ни мысль, не сознающая сама себя, каковою преимущественно она является у Шеллинга, ни мысль чисто субъективная, какою мы видимъ ее у Канта и особенно у Фихте. Это есть мысль субъекта, но мысль совершенно объективная, такъ какъ мышленіе его тождественно съ безусловною дѣятельностію. Мыслящее существо, мысля, сознаетъ себя мыслящимъ, и мысли его имѣютъ полную дѣйствительность. Философія есть разсматриваніе безусловнаго саморазвитія мысли. Въ философіи мы отказываемся отъ всякаго другаго вѣдѣнія, отъ всякихъ предположеній, и, предавшись чистому мышленію, приводимся имъ послѣдовательно отъ одного предмета къ другому, доколе начало не сойдется съ своимъ концемъ. Необходимая метода, по которой мысль развивается сама изъ себя, есть слѣдующая: мышленіе полагаетъ во первыхъ какое нибудь одностороннее свойство, отдѣляетъ его отъ противоположнаго ему; но свойства противоположныя необходимо относятся одно къ другому и не могутъ быть совершенно отдѣлены одно отъ другаго, почему, во вторыхъ, мышленіе въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи само выставляетъ нѣчто противоположное первому; такимъ образомъ одна сторона переходитъ въ другую, и мышленіе, въ третьихъ, соединяетъ обе противоположныя стороны въ одно цѣлое. Цѣлое, теперь произшедшее, можетъ быть само односто-

(1) Georg Friedrich Wilhelm Hegel род. въ 1770 г., ум. въ 1831.

ронимъ цѣлымъ, что и побуждаетъ мысль по той же методъ развиваться далѣе и далѣе, доколѣ не явится наконецъ цѣлое, соединяющее въ себѣ всѣ противоположности. Это чистое мышление, въ которомъ возникаютъ для насъ одинъ за другимъ всѣ предметы, все существующее, и есть, по Гегелю, дѣятельность самого безусловнаго.

§ 510.

Первый зародышъ ученія Гегеля о предметахъ законодательства содержится въ его *Разсужденіи о разныхъ способахъ обработыванія естественнаго права, какъ науки* ⁽¹⁾, и въ его *Феноменологіи духа* ⁽²⁾, гдѣ въ послѣдовательномъ порядкѣ развиваются всѣ явленія человеческого сознанія. *Энциклопедія наукъ философскихъ* ⁽³⁾ между другими философскими науками представляетъ намъ и главныя черты философіи права, на основаніи которыхъ въ особенномъ сочиненіи подъ названіемъ *Философіи права* ⁽⁴⁾ начертано полное изображеніе этой науки. Къ послѣднему отдѣлу сѣ имѣющему своимъ предметомъ развитіе идеи права во всемірной исторіи, присоединяются *Уроки Гегеля*, изданные послѣ его смерти, о *философіи исторіи* ⁽⁵⁾.

(1) Ueber die wissenschaftlichen Behandlungsarten des Naturrechts, seine Stelle in der praktischen Philosophie, und sein Verhältniss zu den positiven Rechtswissenschaften. (Zuerst erschienen im kritischen Journal der Philosophie B. II. St. 2. und 3. 1802—1803). — (2) Phänomenologie des Geistes, Bamberg und Würzburg. 1807. 8. — (3) Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse. Heidelberg. 1817. 8. — 2te stark vermehrte Aufl. 1827; 3te Aufl. 1830. — (4) Grundlinien der Philosophie des Rechts, oder Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse. Berlin. 1821. 8. (2-е изд. съ прибавленіями, сдѣланными на основаніи изустныхъ объясненій Гегеля на лекціяхъ, какъ 8-й томъ полнаго собранія его сочиненій, Berlin, 1833.). — (5) Hegel's Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte, herausg. von Gans. Berlin. 1837. 8. (какъ 9-й томъ полнаго собранія сочиненій Гегеля).

§ 511.

Раздѣляя всю философію на три части: логику, философію природы и философію духа, Гегель относитъ философію права къ послѣдней, которая состоитъ у него изъ трехъ отдѣловъ: философіи духа субъективнаго, философіи духа объективнаго или права, и философіи духа абсолютнаго. Мысль, развивающаяся во всей своей чистотѣ, есть, во первыхъ, мысль, существующая сама въ себѣ: это есть предметъ логики. Чистая мысль, во вторыхъ, выступаетъ изъ своей чистой области и является внѣ себя, во вѣщности, раздробленною по различнымъ существамъ природы, по пространству и времени; въ такомъ видѣ разсматриваетъ ее философія природы. Изъ этого отчужденія мысль, въ третьихъ, возвращается въ самую себя и дѣлается мыслію, сознающею себя въ себѣ самой, духомъ; въ такомъ видѣ она разсматривается въ философіи духа. Духъ существуетъ сначала какъ духъ единичный, сознающій себя въ противоположности съ природою, какъ съ даннымъ ему извнѣ, не зависящимъ отъ него бытіемъ; сознавая, далѣе, свое внутреннее существо, духъ, какъ воля, образуетъ данное бытіе въ свой собственный міръ, въ которомъ субъективное дѣлается объективнымъ, не переставая быть въ то же время субъективнымъ; наконецъ духъ сознаетъ свое глубочайшее основаніе, на которомъ утверждено все его бытіе, свою безусловную субстанцію, которая дѣйствуетъ въ немъ и сознаетъ самую себя, такъ что конечное самосознаніе соединяется самымъ глубочайшимъ образомъ съ безконечнымъ. Отсюда три части философіи духа: философія духа субъективнаго, философія духа объективнаго, философія духа абсолютнаго.

§ 512.

Съ какой точки зрѣнія Гегель обработывалъ философію права, можно видѣть изъ его сужденія, которое

онъ въ предисловіи къ своему главному объ ней сочиненію произносить о разныхъ покушеніяхъ, дѣланныхъ въ новѣйшія времена въ теоріи и практикѣ, чтобъ построить государство. «Взирая на сии покушенія», говорить онъ «надлежало бы подумать, будто досель еще не было и нѣтъ государства въ мірѣ, будто теперь-лишь только надобно все начинать въ первый разъ, и будто нравственный міръ только и ждалъ такихъ изслѣдованій и построеній. Относительно природы все соглашается, что дѣло философіи есть только познать ее такъ, какъ она существуетъ, и что въ ней все устроено разумнымъ образомъ. Совершенно напротивъ думаютъ относительно государства. Но философія уверена, что разумное и существуетъ дѣйствительно, и дѣйствительное—разумно. Съ сей точки зрѣнія она рассматриваетъ какъ міръ физическій, такъ и міръ нравственный, и посреди временнаго и преходящаго стремится постигнуть вѣчное и непреходящее. Ея задачею есть понять существующее; ибо это существующее есть разумъ. Впрочемъ и безъ того каждый человѣкъ есть сынъ своего времени; почему философія извѣстнаго времени есть самое это время, обнятое мыслию. Думать, будто какая нибудь философія можетъ возвыситься надъ своимъ настоящимъ міромъ, было бы такъ же нелѣпо, какъ и думать, будто кто нибудь можетъ опередить свое время. Что же касается намѣренія научить людей, каковъ долженъ быть міръ, философія для этой цѣли всегда является слишкомъ поздно. Какъ мысль міра, она появляется только тогда уже во времени, когда дѣйствительность кончила свой образовательный процессъ.

§ 513.

Философія духа объективнаго, или философія права имѣетъ своимъ предметомъ, по ученію Гегеля, идею права, т. е. понятіе права и осуществленіе сего по-

нятія⁽¹⁾. Право основаніемъ своимъ имѣетъ духовную сторону человека, и притомъ именно волю свободную; система права есть царство осуществившейся воли свободной, міръ духа, развитый имъ изъ себя самого, какъ вторая природа⁽²⁾. Свободная воля осуществляется постепенно въ трехъ слѣдующихъ видахъ: 1) прежде всего она существуетъ непосредственно во внѣшности, въ видѣ воли единичной—лица;—право абстрактное. 2) Она возвращается въ себя самую и существуетъ вся внутри себя самой, въ видѣ частной воли;—право субъективной воли въ противоположность внѣшнему міру и закону,—область морали. 3) Она представляетъ въ себѣ соединеніе той и другой стороны какъ воля всеобщая (субстанціальная), которая столько же существуетъ твердымъ образомъ во внѣшности, сколько и въ волѣ субъективной;—область нравственности⁽³⁾.

1. Право абстрактное.

§ 514.

Свободная воля въ абстрактномъ ея понятіи (прежде нежели исполнѣ будетъ развито все содержаніе, заключающееся въ простомъ понятіи воли свободной) есть воля непосредственная. Она относится только къ себѣ одной, определяетъ себя только изъ себя одной, и есть потому воля единичная. Какъ единичность, заключающаяся въ себѣ одной, она имѣетъ предъ собою внѣшній, непосредственно существующій міръ. Она сознаетъ себя въ этой своей чистой единичности и есть такимъ образомъ лице. Но лице, созная свое единичное, надъ всѣмъ возвышающееся, чистое я, не можетъ оставаться пустымъ, ничѣмъ ненаполненнымъ, неопредѣленнымъ. Оно опредѣляетъ себя и, будучи само абстрактнымъ, даетъ себѣ бытіе во внѣшнемъ, непосредственно существую-

⁽¹⁾ Grundlinien der Philosophie des Rechts. § 1. — ⁽²⁾ Тамъ же § 4. — ⁽³⁾ Тамъ же § 33.

щемъ міръ. 1) Лице налагаетъ свою волю на вѣшнія вещи и чрезъ то дѣлаетъ ихъ своею *собственностію*, получая само вмѣстѣ съ симъ вѣшнее бытіе. 2) Посредствомъ вещи оно вступаетъ въ отношеніе къ другимъ лицамъ. Свободно сдѣлавши вещь своею собственностію, оно само освобождаетъ ее изъ-подъ своей власти, дабы въ то же время другое лице могло сдѣлать ее своею собственностію, такъ что вещь становится собственностію посредствомъ совокупной воли двухъ лицъ, согласующихся между собою въ *договоръ*. 3) Но согласіе двухъ лицъ какъ между собою, такъ и съ правомъ въ договоръ совершенно случайно. Эта случайность обнаруживается въ *несправедливости*: а) въ *гражданской несправедливости*, когда въ случаѣ возникающаго спора каждая изъ двухъ сторонъ признаетъ всеобщія начала справедливости и только самовольно подводитъ подъ нихъ предметъ спора; б) въ *обманѣ*, когда нарушаютъ права, не признавая всеобщихъ началъ справедливости, сохраняя впрочемъ при томъ по крайней мѣрѣ видъ справедливости; в) въ *насиліи*, когда нарушая право не только не признаютъ всеобщихъ началъ справедливости, но и не сохраняютъ самаго вида справедливости. Какъ обнаруженіе воли, которое уничтожаетъ обнаруженіе воли, дѣяніе насильственное противорѣчитъ само себѣ и само въ себѣ ничтожно. Это его противорѣчіе, по коему оно разрушаетъ само себя въ своемъ понятіи, открывается дѣйствительнымъ образомъ въ уничтоженіи насилія посредствомъ насилія или принужденія. Право абстрактное есть право, соединенное съ властію принужденія: нарушение его есть насиліе, оказываемое волею свободной въ томъ ея видѣ, какъ она существуетъ во вѣшности; сохраненіе этого образа существованія воли свободной противъ насилія есть по тому также вѣшное дѣяніе и насиліе, уничтожающее первое насиліе. Нарушеніе права такимъ образомъ уничтожается и право восстанавливается въ прежней его силѣ. Но здѣсь въ сферѣ абстрактнаго права сіе уничтоженіе несправедливости и восстановленіе права совершается посредствомъ

частнаго мщенія. По формѣ своей мщеніе есть дѣйствіе частной воли, справедливость которой вообще случайна и которая для другаго лица имѣетъ значеніе только воли особенной. Мщеніе дѣлается по этому само обидою, которая опять воззываетъ мщеніе съ другой стороны и такъ въ безконечность. Право перестаетъ теперь существовать во вѣшности; оно существуетъ только внутреннимъ образомъ,—единственно какъ предметъ хотѣнія воли. Воля хочетъ и знаетъ только себя самую, только свою силу—опредѣлять себя изъ себя самой⁽¹⁾.

2. Мораль.

§ 515.

Такая воля, которая достигла до сознанія своей силы—опредѣлять себя чисто изъ себя самой, которая хочетъ и знаетъ только себя самую, есть субъектъ и,—такъ какъ она ничего не хочетъ знать кромѣ себя,—воля особенная. Здѣсь необходимо представляются слѣдующія ступени: 1) *обдуманность*. Вѣшніе предметы существуютъ независимо отъ субъекта. Эта вѣшность можетъ извратить его дѣяніе и представить на видъ нѣчто совершенно противное тому, что непосредственно заключалось въ дѣяніи. Хотя всякая перемена, произшедшая отъ дѣйствія субъекта, есть его дѣло; однако онъ не признаетъ еще по тому всего этого дѣла своимъ дѣяніемъ, но единственно тѣ обстоятельства изъ цѣлаго дѣла признаетъ своими и вмѣняетъ себя, о которыхъ онъ зналъ и которыхъ хотѣлъ,—о которыхъ онъ думалъ. 2) *Наимъреніе и благо*. а) *Наимъреніе*. Дѣяніе въ своемъ эмпирическомъ содержаніи представляетъ различныя, особенныя стороны и отношенія; но сіи единичныя, вѣ-

(1) Тамъ же § 34—104.

шнія обстоятельства образуютъ одно цѣлое, и для разумнаго существа дѣйствительно тотчасъ раскрывается изъ нихъ всеобщее качество, значеніе дѣянія (какъ напр. убійства, зажигательства). Субъекту, какъ разумному существу, принадлежитъ право—совершая дѣяніе, знать объ этомъ всеобщемъ его качествѣ и хотѣть именно этого всеобщаго качества,—дѣйствовать съ намѣреніемъ. б) *Благо*. Равнымъ образомъ субъектъ имѣетъ право на то, чтобы особенное содержаніе дѣянія не было для него чуждымъ, постороннимъ, а имѣло отношеніе къ собственнымъ, особеннымъ его потребностямъ, интересамъ, цѣлямъ, доставляло ему удовлетвореніе и споспѣшествовало его благу. 5) *Добро и совесть*. Истина особеннаго блага есть добро всеобщее, безусловное. Особенная воля хотѣть добра всеобщаго, безусловнаго. Для субъективной воли добро есть нѣчто безусловно существенное, и она имѣетъ цѣну и достоинство только по мѣрѣ того, какъ она соотнобразуется съ идеею добра. Но субъективная воля еще не сдѣлалась сообразною съ сею идеею. Добро на первый разъ имѣетъ для воли значеніе только всеобщей абстрактной существенности, абстрактноположительнаго, —должности. Въ противоположность абстрактному добру субъективная воля знаетъ только сама себя, сама изъ себя опредѣляетъ, что надобно почитать добромъ, и для ней всеобщая воля—добро столько же существуетъ, сколько и не существуетъ: совесть. Это есть воля, хотящая творить добро. Но въ сей чистой субъективности добро не есть добро объективное, всеобщее, а нѣчто невыразимое въ словахъ, такое, о чемъ знаетъ только сей, взятый въ своей единичности, субъектъ. Между тѣмъ въ существѣ вещи это чистое сознание себя одного, это чистое самоопредѣленіе есть то же самое, что и всеобщность воли, составляющая добро. Субъективность въ такомъ ея тождествѣ съ добромъ есть только его безконечная форма, форма, въ которой оно осуществляется и развивается: нравственность⁽¹⁾.

(1) Тамъ же § 105—141.

3. Нравственность.

§ 516.

Въ нравственности представляется самое твердое соединеніе субъективнаго съ объективнымъ, внутреннего съ вѣнннимъ, особеннаго со всеобщимъ. Здѣсь содержаніе идеи добра вполне развито, и твердымъ и точнымъ, для всякаго очевиднымъ образомъ опредѣлено, что долженъ человекъ дѣлать или не дѣлать; но сіи нравственные законы не остаются одними только требованіями, которые только еще должны быть приведены въ исполненіе, но они представляются въ то же время осуществленными на самомъ дѣлѣ, во вѣнности, и существуютъ здѣсь твердымъ образомъ; наконецъ они осуществляются посредствомъ воли субъективной и въ волю субъективной, которая находитъ въ нихъ свое собственное существо и свободно исполняетъ ихъ, какъ свои собственные законы. Полное, всецѣлое осуществленіе идеи добра получаетъ въ качествѣ духа народнаго, являясь подъ видомъ общихъ нравовъ, и раскрываясь: 1) въ семействѣ, 2) въ гражданскомъ обществѣ, 3) въ государствѣ⁽¹⁾.

§ 517.

Идея добра прежде всего осуществляется непосредственнымъ, естественнымъ образомъ, и существуетъ какъ чувство любви,—въ семействѣ. Отдѣльное лице здѣсь забываетъ свою личность, и чувствуетъ свое бытіе только въ единствѣ съ другимъ лицомъ, которое такимъ же образомъ перестаетъ быть для него лицомъ самостоятельнымъ. 1) Основаніе семейства есть союзъ супружескій. Два лица, разные по своимъ умственнымъ и нравствен-

(1) Тамъ же § 142—157.

нымъ качествамъ пола, существующіе отъ самой природы, образуютъ въ чувствъ сердечной любви одно нравственное цѣлое, отказываясь отъ своей физической единичности. 2) Для своего существованія сіе нравственное цѣлое имѣетъ нужду въ имуществѣ, которое чрезъ то самое получаетъ нравственное значеніе. 3) Сердечное единство супруговъ получаетъ внѣшнее, видимое бытіе въ дѣтяхъ. Родители любятъ ихъ, какъ любятъ самихъ себя, и давши имъ физическое бытіе посредствомъ физическаго рожденія, даютъ въ слѣдъ за тѣмъ и бытіе нравственное посредствомъ воспитанія. Но вмѣстѣ съ симъ союзъ семейственный приходитъ къ своему концу: дѣти, получивъ воспитаніе, дѣлаются лицами самостоятельными и способными основать новыя, собственные семейства; родители, ранѣе или позже, умираютъ. На основаніи разрушившагося семейства образуется гражданское общество (1).

§ 518.

Члены разрушившагося семейства получаютъ самостоятельность и существуютъ какъ лица особенныя. Каждый изъ нихъ имѣетъ у себя въ виду свою собственную особенность и самостоятельность. Нравственное единство, безусловное добро потеряно изъ вида. Но въ то же время каждый необходимо находится въ отношеніи ко всемъ другимъ. Каждый не иначе можетъ достигнуть своихъ особенныхъ цѣлей, какъ при посредствѣ другихъ, и дѣйствуя для собственныхъ цѣлей, онъ необходимо дѣйствуетъ для цѣлей всѣхъ другихъ. Отсюда сама собою образуется между ними система взаимной зависимости, связей общественныхъ. Идея добра, будучи непосредственно потеряна изъ вида и изъ сознанія, существуетъ теперь подъ видомъ внѣшнихъ связей общественныхъ, соединяющихъ самостоятельныя лица внѣшнимъ и необходимымъ образомъ въ одно цѣлое.

(1) Тамъ же § 158—181.

Это есть гражданское общество. Здѣсь образуется 1) *система удовлетворенія потребностей*. Каждое лицо, будучи лицомъ особеннымъ, имѣетъ различныя потребности; у людей, живущихъ въ обществѣ, потребности разнообразятся до безконечности. а) Человѣкъ удовлетворяетъ свои потребности посредствомъ труда и мѣны своихъ произведеній на чужія. б) Съ умноженіемъ потребностей рождается раздѣленіе трудовъ и получаютъ обширѣйшее употребленіе машины. в) Сообразно съ различными родами потребностей и трудовъ возникаютъ различныя сословія лицъ, именно: сословіе земледѣльческое, сословіе промышленное, сословіе всеобщее, иныя сословія предметомъ своимъ удовлетвореніе всеобщимъ потребностямъ общества. 2) *Судъ*. Особенность, раскрывшаяся въ системѣ потребностей, превращается сама собою во всеобщность. Каждый изъ членовъ сей системы (каждый человѣкъ) есть то же, что и другой, — въ своей личности всѣ они тождественны. По сему ихъ отношенія другъ къ другу при взаимномъ удовлетвореніи своихъ потребностей опредѣляются всеобщимъ, для всѣхъ одинаковымъ образомъ, на основаніи понятія о личности. а) Поставляются законы, опредѣляющіе яснымъ и точнымъ образомъ, что всѣ должны признавать правомъ. б) Сіи законы обнародуются во всеобщую извѣстность. в) Въ случаѣ ихъ нарушенія они восстанавливаются въ прежнюю силу посредствомъ суда. 3) *Полиція и общества сословій*. Судъ не заботится объ особенномъ благѣ людей, предоставляя его на произволъ случая. Эту случайность уничтожаютъ: а) полиція, частію — предупреждая и прѣсѣкая преступленія, частію — устанавливая твердый порядокъ, въ какомъ могутъ и должны быть каждымъ человѣкомъ удовлетворены свои потребности, и принимая общія, нужныя для того мѣры; б) общества, какія образуютъ члены гражданскихъ сословій между собою. Въ своемъ сословіи, какъ общемъ средоточіи особенныхъ цѣлей и потребностей, каждый гражданинъ, какъ частный человѣкъ, находитъ обезпеченіе своего счастья, и оставляя свои особенные интересы, съ сознаніемъ

дѣйствуетъ для цѣли сравнительно-всеобщей. Истина сихъ сравнительно-всеобщихъ цѣлей есть цѣль безусловно-всеобщая—государство. Гражданское общество переходитъ такимъ образомъ въ государство (1).

§ 519.

Государство есть идея добра, достигнувшая до познанія себя самой. Оно соединяетъ въ себя какъ начало семейства, такъ и начало гражданского общества. Тоже нравственное единство, которое въ семействахъ является подъ видомъ чувства любви; составляетъ сущность и государства; но въ государствахъ это единство сознаетъ отдѣльныхъ лицъ. Государство 1) развивается внутри себя самого и есть организмъ правительства; 2) будучи особеннымъ индивидуальнымъ цѣлымъ, оно находится въ отношеніи къ другимъ государствамъ, откуда происходитъ право народное; 3) каждое особенное государство осуществляетъ въ себя только одну какую нибудь часть всеобщей идеи, сообразно особеннымъ временнымъ и мѣстнымъ обстоятельствамъ, и такимъ образомъ является во всемирной исторіи. Цѣль всемирной исторіи есть раскрыть нравственную идею во всей ея полнотѣ и чистотѣ (2).

§ 520.

Главные мысли Гегеля относительно развитія всемирной исторіи суть слѣдующія:

Духъ народный носитъ на себѣ печать определенного климата и географическаго мѣстоположенія; равнымъ образомъ онъ находится во времени;

(1) Тамъ же § 182—256. — (2) Тамъ же §. 257—360.

почему, подъ руководствомъ своего особеннаго, физически опредѣленнаго, начала, онъ постепенно развивается свое сознаніе и осуществлять себя: словомъ, онъ имѣетъ свою исторію. Но, какъ духъ ограниченный, духъ извѣстнаго какого либо народа не пользуется совершенною самостоятельностью, а вступаетъ на попріицѣ всемирной исторіи, какъ на всемирномъ судѣ, въ борьбу съ другими духами.

Посредствомъ этого боренія и среди его мало по малу безусловная, высочайшая цѣль міра получаетъ свое исполненіе и нравственная субстанція освобождается отъ тѣхъ ограниченныхъ образовъ бытія, какіе она имѣетъ у разныхъ народовъ.

Эту верховную цѣль міра и нравственную субстанцію составляетъ истинная свобода духа—живое сознаніе человека о томъ, что природа не должна имѣть никакой надъ нимъ власти, что онъ долженъ дѣйствовать не по влеченію своихъ природныхъ страстей и наклонностей, по своимъ частнымъ самолюбивымъ видамъ, но принадлежать высшему цѣлому, гдѣ все вещественное, физическое преобразено, возсоздано по идее разума, т. е. государству.

Цѣль свою—внутреннее существо свое духъ осуществляетъ самъ во всемирной исторіи, потому что онъ и есть только то, что онъ самъ производитъ; онъ самъ дѣлаетъ себя, и притомъ какъ духа, предметомъ сознанія, самъ разлагаетъ себя предъ собою и такимъ образомъ постигаетъ себя. Въ этой дѣятельности самопознанія состоитъ его бытіе и жизнь. Воплотившись на сей конецъ самъ для себя вышнимъ, онъ въ то же время переступаетъ на высшую ступень; когда онъ постигаетъ себя въ новомъ видѣ своего бытія, или, что все равно, когда онъ изъ своего отчужденія возвращается въ себя самого, онъ стоитъ уже на высшей въ сравненіи съ прежнею ступеню. Такимъ образомъ духъ достигаетъ до полнаго самосознанія; вмѣстѣ съ нимъ онъ открываетъ свое истинное суще-

ство, даетъ ему дѣйствительное бытіе, и даже по вѣщности, на самомъ дѣлѣ, становится всеобщимъ, всемірнымъ духомъ.

Въ этой работѣ всемірнаго духа народы, государства и недѣлимые лица являются каждое съ своимъ особеннымъ, определеннымъ началомъ, которое раскрывается и осуществляется во всемъ устройствѣ ихъ быта, во всей ихъ жизни; дѣйствуя для своихъ особенныхъ цѣлей, они въ то же время служатъ безсознательными орудіями въ этой внутренней работѣ, гдѣ сменяются одинъ другимъ сіи образы, между тѣмъ какъ духъ самосущій приготавливаетъ и вырабатываетъ для себя переходъ на высшую ступень.

Какъ въ исторіи духъ является происходящимъ во времени, непосредственно и физически существующимъ, то ступени его развитія представляются въ видѣ непосредственныхъ физическихъ началъ; существуя во множествѣ, по тому самому сіи начала находятся одно въ другомъ и слѣдовательно такъ, что одному какому либо народу принадлежитъ только одно изъ нихъ. Для своей эпохи этотъ народъ есть господствующій во всемірной исторіи. Въ сравненіи съ симъ безусловнымъ его правомъ, быть представителемъ настоящей ступени развитія всемірнаго духа, — духи другихъ народовъ не имѣютъ никакихъ правъ, и какъ духи, которыхъ эпохи минули, они уже ничего не значатъ во всемірной исторіи.

Въ началѣ своего бытія народъ не есть еще государство; съ переходомъ въ состояніе государственное онъ осуществляетъ идею по крайней мѣрѣ по формѣ. Безъ сей формы, и слѣдовательно безъ законовъ, онъ, какъ нравственная субстанція, дѣйствительно еще не существуетъ, и потому не признается другими народами, живущими въ союзѣ государствственнымъ.

Идея имѣетъ безусловное право раскрывать себя въ законахъ, учрежденіяхъ, начиная бракомъ, земледѣліемъ въ какомъ бы видѣ на первый разъ ни представилось это ея осуществленіе, въ видѣ ли высшаго законодательства и благодѣянія, или въ видѣ насилія и несправедливости; это право есть право героя основывать государства.

Сообразно числу ступеней, которыя проходитъ духъ всемірный, чтобы познать себя въ истинномъ своемъ существѣ, и освободивши свое сознаніе отъ формы натуральной непосредственности, достигнуть до себя самого, существуетъ четыре всемірно-историческія державы.

1-е. Въ самомъ первомъ своемъ раскрытіи, какъ раскрытіи непосредственномъ, духъ всемірный представляется въ видѣ субстанціи, въ которую совершенно погружены особенныя существа, не имѣя предъ нею никакого права, будучи съ нею тождественны.

2-е. Обѣ стороны, всеобщее и особенное, различаются между собою, но пребывая въ единствѣ, гармоніи другъ съ другомъ: субстанціальный духъ служить положительнымъ содержаніемъ для недѣлимаго лица, которое въ первый разъ является здѣсь, съ своими правами, наполняетъ его; съ своей стороны недѣлимое лице представляетъ въ себѣ живую форму для этого содержанія.

3-е. Особенное отдѣляется отъ всеобщаго, выступаетъ противъ него, вызываетъ его на брань съ собою: индивидуальность углубляется въ себя самую, дѣлается абстрактною всеобщностью, и въ слѣдствіе того безконечною противоположностью міру, оставленному духомъ.

Но, 4-е, съ симъ самымъ для духа тотчасъ происходитъ поворотъ: духъ пораждастъ самъ внутри себя свою истину, даетъ ей вѣщное бытіе, устро-

леть такимъ образомъ міръ дѣйствительный по своей идее, и находясь теперь здѣсь какъ бы на родной землѣ, примиряется съ нимъ.

Первому изъ сихъ началъ соответствуетъ Восточный міръ, второму—Греческій, третьему—Римскій, четвертому—Германскій.

Восточный міръ, какъ первый міръ, есть одно нераздѣльное, совершенно погруженное въ свой предметъ, созерцаніе вселенной, созерцаніе, для котораго государственныя учрежденія и законодательство составляютъ вмѣстѣ религію, равно какъ религіозныя и нравственныя заповѣди суть вмѣстѣ законы государственныхъ или законы права. Предъ великолѣпіемъ этого цѣлаго индивидуальная личность исчезаетъ со всеми своими правами; внѣшняя природа разсматривается или какъ самое Божество или какъ его украшеніе; исторія дѣйствительности есть поэзія. Разныя установленія, относящіяся къ правамъ, управленію и устройству государственному, замѣняютъ законы, дѣлаются, при простыхъ правахъ, тяжелыми, утомительными, суевѣрными обрядами, выраженіемъ личной силы и самопроизвольнаго владычества, и вмѣсто органическаго раздѣленія людей, живущихъ въ государствѣ, на состоянія, здѣсь существуетъ только отвердѣлость кастъ. Посему восточный міръ живъ только въ своемъ движеніи, которое, такъ какъ здѣсь нѣтъ ничего постояннаго, и что твердо, то окаменѣло, обращается на внѣшность, свирѣпствуя и все опустошая подобно необузданнымъ элементамъ; внутреннее спокойствіе есть совершенная слабость и безсиліе.

Греческій міръ имѣетъ своимъ основаніемъ субстанціальное единство конечнаго и безконечнаго, но только основаніемъ таинственнымъ, которое уединенно существуетъ въ темныхъ воспоминаніяхъ, въ пещерахъ и образахъ преданія и наконецъ, произшедши на свѣтъ, является въ кроткомъ и свѣтломъ видѣ красоты и свободной и ясной нравственности.

Посему здѣсь восходитъ начало личной индивидуальности, которая однако еще не обратилась исключительно на себя самую, но удерживается въ своемъ идеальномъ единствѣ: отъ того съ одной стороны цѣлое распадается на множество особенныхъ духовъ народныхъ, съ другой—частію право рѣшать дѣла окончательно не принадлежитъ еще субъекту, а предоставлено высшему, внѣшнему могуществу (оракуламъ), частію дѣятельность для особенныхъ, частныхъ цѣлей, для удовлетворенія потребностей, еще не воспринята въ свободу, а будучи исключена изъ ней, предоставлена сословію рабовъ.

Въ *Римскомъ мірѣ* нравственная жизнь окончательно расторгается на свои крайности: личное самознаніе и абстрактную всеобщность. Изъ противоположности между субстанціальнымъ созерцаніемъ аристократіи и свободною личностью демократіи развивается съ одной стороны суевѣріе и притязаніе холодной, любостыжательной власти, съ другой испорченность черни, такъ что разрушеніе цѣлаго оканчивается всеобщимъ несчастіемъ и смертію нравственной жизни, гдѣ индивидуальности народовъ измираютъ въ единствѣ Пандеона, все люди признаютъ на степень частныхъ и равныхъ лицъ съ формальнымъ правомъ, которыхъ посему содержитъ въ связи только абстрактный, не знающій никакой для себя мѣры, произволъ.

Посреди этой потери себя самого и своего міра, посреди безконечной о томъ скорби, духъ, уединившись въ себя, обрѣтаетъ въ себя начало примиренія объективной истины съ самосознаніемъ и субъективностью, — примиреніе, которое предоставлено совершить *Германскимъ народамъ*.

§ 521.

Какъ философія Гегелева хотѣла соединить между собою все противоположности, то и въ философіи

права у Гегеля мы находимъ неразрывное соединеніе субъективнаго направленія съ объективнымъ. Нельзя сказать опредѣлительно, какое преобладаетъ въ ней изъ сихъ направленій. Въ этомъ заключается одно важное ея достоинство. Она уничтожаетъ также раздѣленіе, досель господствовавшее, между правомъ и нравственностію, и оба эти вида дѣятельности соединяетъ въ одно цѣлое. Она уничтожаетъ наконецъ раздѣленіе между правомъ и политикою и въ организмъ права представляетъ намъ разрѣшеніе всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ политики. Всѣ части великаго зданія права у Гегеля расположены съ удивительною стройностію, отдѣланы съ величайшимъ искусствомъ и даже изяществомъ; цѣлое отличается внутреннею твердostí. Но эта философія права находится слишкомъ много подъ вліяніемъ духа своего времени. Она слишкомъ мало приписываетъ важности духу другихъ временъ и вѣковъ. Въ этомъ заключается ея несовершенство.

Немногіе обрабатывали въ своихъ сочиненіяхъ философію права и различныя части ея по началамъ Гегеля⁽¹⁾, хотя школа его довольно обширна. Причиною тому было преимущественно высокое мнѣніе учениковъ его о совершенствѣ философіи своего учителя. Теперь это мнѣніе мало по малу слабѣетъ и философія готовится къ новому, дальнѣйшему развитію.

§ 522.

Подъ вліяніемъ той или другой изъ предложенныхъ нами философскихъ системъ права, образовавшихся въ новѣйшія времена, были обрабатываемы въ Германіи различныя отдѣльные предметы и части права. Сюда относятся особенно изслѣдованія:

(1) Писатели, излагавшіе различныя предметы философіи права по началамъ Гегеля, означены въ *Michelet's Geschichte der letzten Systeme der Philosophie in Deutschland*, 2.er Th. Berlin. 1838. S. 665 — 671.

о происхожденіи законовъ, объ устройствѣ и порядкѣ государственнаго управленія, о воспитаніи дѣтей, о преступленіяхъ и наказаніяхъ.

§ 523.

Новѣйшая философія права, основанная Кантомъ, представляется намъ въ послѣднихъ явленіяхъ ея съ направленіемъ объективнымъ. Установленія права она возвышаетъ надъ произволомъ человѣческимъ и видитъ въ нихъ самихъ основаніе для ихъ твердаго существованія; государство получаетъ для ней то самостоятельное достоинство и значеніе, какое оно имѣло у древнихъ. Но сначала выказывалось въ ней съ большою силою и направленіе субъективное—у Канта и также Фихте въ первыхъ его сочиненіяхъ. Потомъ она принимаетъ направленіе чисто объективное—у Фихте въ послѣдующихъ его сочиненіяхъ и особенно у Шеллинга, который въ своихъ понятіяхъ о государствѣ совершенно возвращается къ образу воззрѣнія древнихъ. Гегель покушается наконецъ примирить древній—объективный и новый—субъективный образъ воззрѣнія на предметы законодательства другъ съ другомъ.

Такой порядокъ развитія новѣйшей философіи права находится въ связи и соответствіи съ развитіемъ дѣйствительнаго міра въ новѣйшія времена. Первое появленіе ея относится къ временамъ Французской революціи. Но происшествія, сопровождавшія Французскую революцію, вскорѣ показали весь вредъ, какой происходитъ для частныхъ лицъ и государствъ, когда частное лице отдѣляетъ себя отъ государства и даже возвышается надъ нимъ, когда связь поколѣній разсторгается и настоящее мгновеніе, независимо отъ развитія прошедшаго времени, хочетъ господствовать единственно и исключительно. Въ слѣдствіе этого у новѣйшихъ народовъ развилось стремленіе, обратное революціи, стремленіе утвердить свое бытіе, физическое и нравственное, на чемъ

нибудь неподвижномъ, независящемъ отъ частнаго произвола, отъ дуновенія времени. Отсюда—объективное направленіе и новѣйшей философіи. Многіе даже противъ разрушительнаго демона революціи искали для себя спасенія, отвергая уроки философіи, въ одномъ прошедшемъ и отказываясь отъ всеобщаго права человечества усовершенять себя, смотрѣли на все, что образовалось путемъ исторіи, какъ на святое и неприкосновенное, такъ что не имѣть никакой философіи права почитали даже особенною своею философіею. Во всякомъ случаѣ такимъ образомъ мало по малу начало возстановляться уваженіе къ дѣйствительному міру, къ міру, какъ онъ образовался подъ вліяніемъ Христіанства.

§ 524.

Мѣстомъ развитія новѣйшей философіи была исключительно Германія. Отсюда она распространилась, болѣе или менѣе, въ томъ или другомъ видѣ, и въ прочія страны Европы.

Исслѣдованія о разныхъ предметахъ права, и преимущественно политики, въ Германіи мы находимъ въ большомъ количествѣ особенно у Французовъ. Писатели Французскіе представляютъ по своимъ мнѣніямъ самую пеструю картину. Одна часть ихъ остается съ своими понятіями еще совершенно въ періодъ революціи; другая хочеть твердыхъ общественныхъ установленій, владычества свободы законной; третья въ духъ католицизма стремится подчинить государство власти церковной. Странную смѣсь всехъ понятій мы видимъ въ Сен-симонизмъ. Хотя во всѣхъ этихъ исслѣдованіяхъ выражается стремленіе обнять мыслию міръ права; однако же мы не можемъ дать имъ мѣста въ нашей исторіи философіи законодательства, частию потому, что они рѣдко восходятъ до высшихъ и послѣднихъ началъ права, частию потому, что они представляютъ намъ только новую игру тѣхъ самыхъ понятій, которыя уже прежде нашли

приличное для себя мѣсто въ нашей исторіи, сообразно самому времени ихъ первоначальнаго появленія (1).

Общій взглядъ на исторію философіи законодательства.

§ 525.

Обозрѣвши исторію философіи законодательства у древнихъ и новыхъ народовъ, мы почитаемъ своимъ долгомъ указать на ту степень, на которой, по нашему мнѣнію, философія законодательства находится въ настоящее время и которой она должна еще достигнуть.

Чѣмъ должна быть философія законодательства? Какую задачу она должна выполнить? Обыкновенно, она занималась изложеніемъ правъ и обязанностей человѣка, вытекающихъ изъ его чисто человѣческой природы, и посему старалась изобразить только совершеннѣйшій, какой возможенъ, для людей порядокъ жизни общественной, совсѣмъ не обращая, или обращая очень мало вниманія, на несовершенные виды жизни общественной. Но такимъ образомъ явленія сего послѣдняго рода оставались непонятными, необъясненными для разума, а съ тѣмъ вмѣстѣ не могло быть понято и существо совершеннаго устройства порядка общественнаго. Если философія законодательства должна со всею справедливостію носить свое имя, то мы имѣемъ полное право отъ ней требовать, чтобъ она дала намъ правила, изъ которыхъ бы можно было объяснить каждое явленіе въ обла-

(1) О состояніи философіи права во Франціи см. въ Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes von Mittermaier und Zachariae статьи Баркена подъ заглавіемъ: Rechtsphilosophie in Frankreich, B. I. (1829). S. 271—296; 434—456. B. II. (1830). S. 143—165. B. IV. (1831). S. 78—102. B. V. (1833). S. 4—28. B. VI. (1834). S. 60—79; 339—352; 492—504. B. VII. (1835). S. 198—228. Ср. также соч. Раумера, упомянуванное нами выше въ § 182.

сти законодательства и по которымъ бы мы могли даже предначертить всѣ возможные виды законодательства. Для сего философія законодательства должна, по нашему мнѣнію, заняться слѣдующими предметами: 1) опредѣлить составныя начала, изъ которыхъ слагается всякое законодательство; 2) означить различные возможные способы, какими могутъ быть сложены между собою сіи составныя начала для образованія изъ нихъ одного цѣлаго, законодательства, болѣе или менѣе полнаго и совершеннаго; 3) изложить совершеннѣйшій способъ соединенія между собою разныхъ началъ, изобразивши совершеннѣйшее цѣлое, какое можетъ быть изъ нихъ составлено; наконецъ 4) описать порядокъ постепеннаго образованія законодательства и измѣненія ихъ какъ съ худшаго на лучшее, такъ и съ лучшаго на худшее. Такъ философія животнаго организма не представляетъ намъ только совершеннѣйшій животный организмъ—человѣка; она опредѣляетъ также составныя части, изъ коихъ слагается весь вообще организмъ животнаго, она показываетъ, какія возможны сочетанія этихъ частей, чтобы отсюда опредѣлить различные роды и виды животныхъ, и даже самыя уродливости, возможные въ этомъ царствѣ,—она слѣдитъ за теченіемъ жизни каждаго организма, начиная съ самаго перваго его зародыша, до его совершеннаго разрушенія, за переходеніемъ одной формы органической въ другую. То же въ своемъ кругѣ дѣлаетъ философія жизни растительной. То же должна сдѣлать философія законодательства для законодательства.

Что же сдѣлано доселѣ философіею законодательства? Изъ двухъ вообще началъ слагается законодательство: начала необходимаго и начала свободнаго, или, другими словами, начала объективнаго и начала субъективнаго. Начало необходимое или объективное было преимущественно развиваемо древнею философіею, сколько оно могло быть развито въ отдаленности отъ начала свободнаго или субъективнаго. Такъ въ знаменитѣйшихъ древнихъ философскихъ

системахъ Платона и Аристотеля за основаніе всѣхъ нравственныхъ изслѣдованій принимается значеніе человѣка въ ряду существъ физическихъ, неизмѣнно опредѣляемое его особенною природою,—дѣло, особенно ему предназначенное; онъ является подъ закономъ многообразной необходимости. Напротивъ начало свободное или субъективное во всей его глубинѣ, во всѣхъ его направленіяхъ, въ самыхъ разнообразныхъ видахъ раскрыто новою философіею. Въ новѣйшія времена сдѣланы были покушенія опредѣлить отношеніе обоихъ началъ между собою. Но оно еще не опредѣлено съ надлежащею правильностію и точностію. Равнымъ образомъ не изслѣдованы возможные способы соединенія другъ съ другомъ обоихъ началъ. Законы образованія и измѣненія обществъ были излагаемы въ сочиненіяхъ, относящихся къ философіи исторіи; но изслѣдованія, сюда относящіяся, не доведены еще до той полноты и достовѣрности, какой они способны достигнуть.

Чтобы пополнить недостающее и достигнуть возможной степени совершенства, философія должна вступить въ тѣсный союзъ съ исторіею. Исторія представляетъ намъ такое множество законодательствъ, въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, такое множество формъ жизни общественной, такое множество нравственныхъ явленій, что философіи остается только этотъ грубой матеріалъ очищать отъ разнородной примѣси, и отдѣляя необходимое отъ случайнаго, общее отъ частнаго, принимать всеобщее и необходимое въ свою систему.

Конецъ перваго тома.